

№ 2 (173) 2014
Выпуск 27

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:
НИУ «БелГУ».

Издательский дом «Белгород».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

О.Н. Полухин,
ректор НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И.С. Константинов,
проректор по научной
и инновационной работе НИУ «БелГУ»,
доктор технических наук, профессор

Ответственные секретари:

В.М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических
наук

О.В. Шевченко

зам. начальника УНИД НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

В.П. Римский
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Заместители главного редактора

В.П. Бабинцев
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Е.Е. Тонков

доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Ответственный секретарь

С.Н. Борисов
доктор философских наук
(НИУ «БелГУ»)

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета**

Философия Социология Право

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philosophy Sociology Law

СОДЕРЖАНИЕ

**ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК**

Мистагогия Г. Сузо **М.Ю. Реутин 5**

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Проектные стратегии политического мышления (метанаучные доминанты). **О.Н. Полухин 20**

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

О культурных трансформациях философской терминологии, связанной с идеологией космополитизма. **Л. Г. Александров 26**

Интеллектуальный труд и духовное производство: философско-методологическая экспликация понятий. **Е.А. Бондаренко, В.П. Римский 33**

Теология морали в системе современного богословского знания. **В.Н. Назаров 43**

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Формирование этнического состава населения Белгородской области (часть вторая: XIX век – середина XX столетия). **В.В. Бубликов, В.В. Маркова 49**

Барьеры формирования социального капитала сетей общения в региональном сообществе (по материалам фокус-групп). **Л.В. Колтина, С.А. Вангородская 60**

Производство и воспроизводство креативного человека как главной социальной ценности и гарантии возвышения общественного состояния. **Э.М. Сороко 71**

Социальное партнерство в сфере реализации государственной молодежной политики в субъекте РФ. **А.А. Харченко, О.В. Заслонкина, О.Н. Дровникова 79**

Воспроизводство интеллектуального капитала в системе высшего образования в условиях изменяющейся социальной реальности. **В.И. Чупров, Ю.А. Зубок 87**

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Свобода и равенство как ценностные основания либертарно-правовой теории. **Е.Д. Мелишко 93**

Толерантность как духовно-нравственное основание реализации принципа свободы совести в современном обществе. **А.А. Радугин 98**

Соотношение идеи государства и религии в представлениях М.А. Бакунина. **В.В. Черепанова 104**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Вопросы взаимодействия государственных институтов власти в субъектах российской федерации. **Л.А. Загурская 111**

Обеспечение права на достоинство личности в процессе реализации социальной политики государства. **Л.А. Пожарова 116**

П.Е. Казанский о роли главы государства в осуществлении судебной власти. **Е.В. Сафронова, А.Н. Шипилов 124**

Члены редколлегии

- Г.А. Борисов**, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
О.А. Волкова, доктор социологических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
С.А. Никольский, доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)
Ю.А. Зубок, доктор социологических наук, профессор (ИСПИ РАН)
С.М. Климова, доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
Е.А. Кожемякин, доктор философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)
Л.Г. Королева, доктор философских наук, профессор (Курский государственный университет)
Г.В. Мальцев, доктор юридических наук, профессор (РАНХ иГС при Президенте РФ)
А.Д. Майданский, доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
М. Моравчикова, доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета (Словакия)
М.В. Мархгейм, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
П.И. Орлов, кандидат юридических наук, профессор (Харьковский экономико-правовой университет)
М.Д. Розин, доктор философских наук, профессор (СКНЦ ВШ при ЮФУ)
В.Б. Тарабаева, доктор социологических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)
С.В. Тычинин, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)
С.Ф. Шумилин, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Статьи представлены в авторской редакции.

Оригинал-макет *Н.А. Гапоненко, С.Н. Борисов*

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 28.03.2014.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 32,78
Тираж 1000 экз.
Заказ 91

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 81462

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован
в издательском доме «Белгород»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Россия на пути к правовому государству: болезни роста или атаквизмы империи? **Е.Е. Тонков 128**

Правовая природа пробела в гражданском праве. **С.В. Тычинин, Д.И. Романенко 136**

Судебно-фармацевтическое изучение уровня борьбы с современной наркотической угрозой для России и Украины. **В.В. Шаповалов 141**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Предпосылки введения принципа коррумпированной виновности в Российской Федерации. **О.С. Демко, Л.А. Малимон 157**

Понятие и содержание специальных знаний, используемых при расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами. **Е.В. Иванова 164**

Консультационное участие специалиста-криминалиста в судебном производстве по уголовному делу. **И.Н. Кислицина 177**

Проблемы правоприменительной практики в сфере уголовно-правовой охраны профессиональной деятельности журналистов. **В.И. Павликовский 184**

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Открытость как существенная характеристика человека.

А.К. Абдина 191

Социальная визуальность и медиа-визуальность. **Е.В. Батаева 196**

Действия и поступки современного человека (аксиологический аспект рассмотрения). **С.В. Димитрова 205**

Дифференциация: человек виртуальный и актуальный. **Р.А. Дунаев, А.Н. Черняков 216**

Философско-антропологический анализ доктрины о молитве древних православных египетских монахов. «μελέτη των υραφων» как прототип иисусовой молитвы. **С.С. Еськов 219**

Советские культурно-образовательные механизмы «психологической войны» с Западом: философское измерение. **И. Г. Мухина 228**

Этическая культура современного парламентаризма.

Ю.В. Назарова 238

Онтологический статус кредитной кооперации как социально-правового института гражданского общества. **В.В. Невлев 245**

Религиозная философия И.А. Ильина: основные идеи и концепты. **И.М. Невлева 252**

Экспертная оценка инвестиционных проектов в здравоохранении с использованием интернет-технологий. **Е.В. Нестерова, В.Г. Нестеров, С.В. Игрунова, В.И. Ломазова 258**

Концепт динамической междисциплинарности как результат осмысления феномена неэффективности экологических студий.

Д.И. Черноморденко 265

Экономические аспекты нововведений. **Л.В. Соловьева 271**

РЕЦЕНЗИИ

По ту сторону приказа. Рецензия на книгу Дж. Агамбена Что такое повелевать? М., 2013. – 72 с. **А.М. Дмитраков 278**

Сведения об авторах 281

Информация для авторов 285

№ 2 (173) 2014
Issue 26

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University, Belgorod National Research University Press
The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,
Rector of Belgorod National Research University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,
Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Assistant Editors

V.M. Moskovkin,
Professor of World Economy Department of Belgorod National Research University, Doctor of Geographical Sciences

O.V. Shevchenko,
Deputy Head of Department of Scientific and Innovative Activity of Belgorod National Research University, Candidate of Historical Sciences

Chief editor

V.P. Rimskiy
Doctor of philosophy, professor (Belgorod National Research University)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev
Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

E.E. Tonkov
Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Responsible secretary

S.N. Borisov
Doctor of philosophy (Belgorod National Research University)

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Philosophy Sociology Law

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета
Философия Социология Право**

CONTENTS

**HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES**

Mystagogia H. Seuse *M.Y. Reutin* 5

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Project strategies of political thinking (metascience dominants).
O.N. Polukhin 20

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

The cultural changes a philosophical terminology in accordance idea of the cosmopolitanism. *L. G. Alexanderov* 26

Intellectual labor and mental production: philosophical and methodological explication of notions. *E.A. Bondarenko, V.P. Rimskiy* 34

Moral theology in the modern system of theological knowledge.
V.N. Nazarov 43

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Formation of the ethnic composition of Belgorod region (part one: six century – mid xx century). *V.V. Bublikov, V.V. Markova* 49

Barriers of formation of the social capital of networks of communication in regional community (on materials fokus-grupp). *L.V. Kolpina, S.A. Vangorodskaya* 60

Production and reproduction of a creative man as the main social values and the rise of social guarantees of the state. *E.M. Soroko* 71

Social partnership in the sphere of state youth policy in the subject of the Russian federation. *A.A. Kharchenko, O.V. Zasloukina, O.N. Drovnikova* 79

The reproduction of the intellectual capital in higher education in a changing social reality. *V.I. Chuprov, Yu.A. Zubok* 87

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

Freedom and equality as a value grounds libertarian legal theory.
E.D. Meleshko 93

Tolerance as a spiritual and moral basis of the principle of freedom of conscience implementation in modern society. *A. A. Radugin* 98

Correlation of the idea of the state and religion in representation of M.A. Bakunin. *V.V. Cherepanova* 104

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Questions of interaction of the state institutes of the power in subjects of the Russian federation. *L.A. Zagurskaya* 111

Ensuring the right to the dignity of the individual in the process of implementation of social policy. *L.A. Pozharova* 116

P.E. Kazanskiy: role of the head of state in execution of judiciary.
E.V. Safronova, A.N. Shipilov 124

Russia on the way to the rule of law : growing pains or atavism empire?
Y.Y. Tonkov 128

Legal nature of deficiency in civil law. *S.V. Tychinin, D.I. Romanenko* 136

Members of editorial board

G.A. Borisov, Doctor of law,
Professor (Belgorod
National Research University)

O.A. Volkova, Doctor of sociology,
Professor (Belgorod
National Research University)

S.A. Nikolskiy, Doctor of philosophy,
Professor (Institute of Philosophy,
Russian Academy of Science)

Y.A. Zubok, Doctor of sociology,
Professor (Institute of Social and
Political Research, Russian Academy
of Science)

S.M. Klimova, Doctor of philosophy,
Professor (Belgorod
National Research University)

E.A. Kozhemyakin, Doctor
of philosophy, associate Professor
(Belgorod National Research University)

L.G. Korolyova, Doctor of philosophy,
Professor (Kursk State University)

G.V. Maltsev, Doctor of law, Professor
(Russian Academy of National Economy)

A.D. Maydanskiy, Doctor
of philosophy, Professor (Belgorod
National Research University)

M.V. Marhgeim, Doctor of law,
Professor (Belgorod
National Research University)

P.I. Orlov, Candidate of Law, professor
(Kharkiv University of Economics and Law)

M.D. Rozin, Doctor of philosophy,
Professor (North-Caucasian Science
Centre of High School, South Federal
University)

V.B. Tarabaeva, Doctor of sociology,
Associate professor, Dean of the
faculty of management and entrepreneur-
ship (Belgorod National Research
University)

S.V. Tychinin, Doctor of law, Professor
(Belgorod National Research University)

S.F. Shumilin, Doctor of law, Professor
(Belgorod National Research University)

The articles are given in authors' editing.

Dummy layout by *N.A. Gaponenko*,
S.N. Borisov
e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Passed for printing 28.03.2014
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 32,78
Circulation 1000 copies
Order 91

Subscription reference
in Rospechat' agency catalogue – 18078

Dummy layout is replicated at Belgorod
National Research University Publishing
house "Belgorod"
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia,
308015

Forensic pharmaceutical study level modern combat drug threat to Russia and Ukraine. **V.V. Shapovalov** 144

ACTUAL PROBLEMS OF CRIMINAL LAW

Background introducing the principle of guilt corrupt in the Russian federation. **O.S. Demko, L.A. Malimon** 157

The structure and functions of particular criminalistic acts' theory during prejudicial inquiry. **E.V. Ivanova** 164

Consultancy expertise of criminalists in legal process on criminal cases. **I.N. Kislitsina** 177

Problems of enforcement practices for criminal legal protection professional activities of journalists. **V. Pavlikovskiy** 184

THESIS

Openness as essential characteristic of an individual. **A.K. Abdina** 191

Social visualistics and media-visibility. **E.V. Bataeva** 196

Actions and behavior of modern person (axiological aspect of consideration). **S.V. Dimitrova** 205

Differentiation: virtual man and actual man. **R.A. Dunaev, A.N. Chernyakov** 216

Philosophical-anthropological analysis of doctrine about prayer of ancient egyptian orthodox monks. «μελέτη των γραφών» as a prototype of the jesus prayer. **S.S. Eskov** 219

Soviet cultural and educational mechanisms of psychological war with the west: philosophical aspect. **I. G. Mukhina** 228

Ethical culture of modern parliamentarianism. **Y.V. Nazarova** 238

Ontological status of credit cooperatives regarded as social and legal institutions of civil society. **V.V. Nevlev** 245

Religious philosophy of I.A. Ilyin: ideas and concepts. **I.M. Nevleva** 252

Expert evaluation of investment projects in health with internet technologies. **E. V. Nesterova, V. G. Nesterov, S. V. Igrunova, V.I. Lomazova** 258

The concept of dynamic interdisciplinary us a result of comprehension of ineffective environmental studios. **D.I. Chornomordenko** 265

Economic aspects of innovation. **L.V. Solovyeva** 271

REVIEWS

On that party of the order. Review of the book G. Agamben What is to rule? M., 2013. – 72 p. **A.M. Dmitrakov** 278

About authors 281

Information for authors 285

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

От редакции

Дорогие читатели! Мы продолжаем публиковать отдельные главы из сочинения «Vita» Г. Сузо, в которых подробно описываются его созерцания, аскетическая практика, странствия и излагается его мистагогическое учение, представляющее собой новый этап в развитии доктрины Иоанна Экхарта. – Перевод осуществлен по изданию: *Seuse H. Deutsche Schriften / Hrsg. von K. Bihlmeyer. Stuttgart, 1907.* Перевод и вступление выполнены постоянным автором нашего журнала доктором философских наук М.Ю. Реутиным.

МИСТАГОГИЯ Г. СУЗО

М.Ю. РЕУТИН

*Институт высших
гуманитарных исследований
при Российском
государственном
гуманитарном
университете*

e-mail: mreutin@mail.ru

Глава XLVI. Доброе различие между истинным и ложным разумением в некоторых людях

«Sicut aquila provocans ad volandum pullos suos etc.»¹

После того, как сия святая дочь воспитывалась добрыми наставлениями своего духовного отца во всяком благочестии с помощью зримых картинок, сообразно внешнему человеку (тем самым уподобляясь размягченному воску подле огня, ставшему восприимчивым к форме печати), и долгое время тщательно взращивалась посредством образцовой жизни Христа, Он же есть надежнейший путь, после этого написал ей духовный отец:

«Государыня дочь, вот и настало, кажется, время, чтобы впредь тебе шествовать высшим [путем], выпорхнув из гнезда зримых радостей. Исполни сие, как молодой, окрепший орел, прости подросшие крылья – я имею в виду высшие силы души – в высь созерцательного благородства блаженного и совершенного жития. Ты разве не знаешь, что сказал Христос Своим ученикам, которые чрезмерно дорожили Его зримым

---

¹ Ср.: Втор. 32, 11. Г. Сузо приводит стих в звучании: «Подобно орлу, который призывает птенцов своих, чтобы летать, и т.д.».

присутствием в мире: “Лучше для вас и полезней, чтобы Я ушел от вас, если вы хотите воспринять Духа”². Твои предыдущие упражнения стали для тебя изрядной подготовкой, чтобы пройти сквозь пустыню звероподобной и неразумной жизни в обетованную страну чистого и спокойного сердца, в котором блаженство здесь начинается, а в том мире продолжается вечно. И дабы этот разумный и возвышенный путь стал тебе лучше известен, мне хочется тебе посветить огнем доброго различения, чтобы, вполне усвоив сие различие, ты ни в чем не преткнулась, как бы высоко ни воспарила в своих помышлениях. Итак, заметь себе:

Существует два рода благообразных людей. Иные из них ведут разумную, а иные – неразумную жизнь. Первые суть люди, направляющие свои мысли на то, чтобы все их разумение, действие, праздность были обустроены с подлинной рассудительностью, в соответствии с мнением святого Христианства, Богу во славу и ради спокойствия всех прочих людей, с заботой и попечением о словах и делах – да не случится ни у кого по их вине преткновения, если только, конечно, оно не возникнет из своего собственного греховного основания, как это не редко случается. Иметь столь осторожное поведение и придерживаться блаженного образа жизни – не в этом ли состоят естество и имя разумности? Сей разум богоподобен и достохвален, ибо в сокровенной истине он сияет в себе самое, подобно тому, как светится небо своими яркими звездами. Что касается благообразных людей, ведущих неразумную жизнь, то они устремлены к образу себя же самих, наделенных несокрушенным естеством. Пристально взирая на вещи, изучая их лишь своим разумом, сии умеют высокомерно рассуждать пред людьми, не искушенными в этих вещах, в совершенном пренебрежении тем, что в их слово и дело может закрасться нечто превратное. Свет разумения этих людей не простирается внутрь, но скользит поверху, как то случается с гнилой древесиной, слегка светящейся по ночам, самой же по себе сущей ничто. Вот так внутренний свет и внешнее поведение этих людей оказываются сплошь несходными с тем, на что они должны походить.

Подобных людей легко распознать по свободным и безрассудным словам, которые они изрекают. Из них мы выберем только одно изречение, по нему можно судить обо всех остальных. Ведь это кем-то из таких людей сказано в одной верше: “Праведнику не следует опасаться препятствий”³. Это изречение и прочие вроде него кажутся чем-то изрядным в глазах подслеповатых людей, однако со стороны людей зрячих они не находят поддержки, ведь эти-то разумеют, что они означают. И сие отчетливо видно на примере приведенного выше речения, в котором говорится, что праведнику не надо-де избегать никаких препятствий. Но что такое есть праведник и что такое препятствие? Праведник, согласно общему значению слова, есть праведный человек, взятый в смысле его окачествованности. Ведь праведное не существует само по себе, оно должно иметь какой-то субъект, и здесь им является праведный человек. Ну, а что есть препятствие? Это – грех, отделяющий человека от Бога. Как же праведному человеку не опасаться препятствий, иными словами не избегать и не бояться грехов? Это совершенно ошибочно и противно всякому верному разумению. Но правильно вот что: поскольку праведный человек и все вещи, в соответствии с их вечной несотворенной неставшестью, суть одно и то же и не обладают формальным различием в сверхсущем разуме Бога, постольку приведенное изречение можно оставить в силе. Но в препростом сверхсущем основании праведный человек – это вовсе не плотский человек, ибо в Божестве нет телесности. Там же нет и препятствий. Однако всякому человеку понятно, что он – *сеи* человек, или человек вне этого самого основания. Тут он смертен, там нет! И здесь, в своей тленной тварности, он, несомненно, нуждается в том, чтобы сторониться пагубных препятствий. Ну, а если бы я теперь в моем представлении пожелал стать ничем и не захотел осознать сам себя в образе тела, но захотел бы, презрев всякое различие между мною и Богом, следовать всем похотям плоти, словно им послушен [не я, но] несотворенная сущность, то это было бы преступлением, худшим всех других преступлений.

² Ср.: Ин. 16, 7.

³ Одно из типичных высказываний приверженцев пантеистической секты «Братьев свободного духа», документированных инквизиционной комиссией в швабском селении Риз в 1270-1273 гг.

Итак, можно увидеть, что на самом деле изречения подобного рода не содержат в себе верного разумения. Впрочем, да не вздумает кто-нибудь отрицать благоразумные наставления либо осмотрительные высказывания и рассудительные сочинения, которые, отымая у человека его грубость, размеренно и постепенно подводят его к умопостигаемой истине, пусть даже не каждый тотчас их понимает. Ибо достоверно известно, что грубой слепоте и безрассудному скотству ничего не понятно, чтобы им ни сказали».

Дочь отвечала: «Будь благословен Бог ради сего доброго различения! А сейчас мне бы хотелось послушать о различии между подлинным разумом и высокомерным рассудком, а также между ложным и истинным бесстрашием».

Служитель сказал:

Глава XLVII. Различение между правильным и высокомерным разумением

«После первых схваток, которые происходят при подавлении крови и плоти⁴, приблизишься к глубокой пучине, и иной человек в ней утопает. Это-то и есть высокомерное разумение. Что означает сие слово? Высокомерным разумением я называю вот что: когда человек изнутри бывает очищен от грубости прегрешений, освобожден от навязчивых образов и радостно воспаряет над временем и пространством, к которым был прежде привязан, так что не мог проявить своего естественного благородства. Но вот, разумное око устремляется вверх, человек познает другую, лучшую радость (она же таится в познании истины, наслаждении божественным блаженством, проникновении взором во всегда современное сейчас вечности и подобном), и тварный разум начинает различать в себе самом и во всем некую толику разума вечного и неставшего – и тогда в человеке просыпается некое удивление, ибо он впервые взирает на себя самого: чем был прежде и чем стал сейчас, и он понимает, что был некогда нищим, пороженным от Бога и жаждущим, в полной мере слепым, и Бог был далеко от него. Теперь же мнится ему, что он Богом исполнен, что нет ничего, что не является Богом, что, далее, Бог и все вещи суть одно едино-единое... И вот, такой человек объясняет все вещи слишком поспешно, незрело, кипит от гордости внутри себя самого, подобно бурлящему, еще не перебродившему сидру, слишком доверяя тому, что выдумал сам или чему его без всякого различения кто-нибудь научил, кто похож на него и кого он только и слушает, как никого больше. Так он намерен и впредь толковать все вещи, как ему заблагорассудится, хотя они, взятые таковыми, каковы по природе, от него ускользают: будь то ад или Царство Небесное, диавол или ангел. Пренебрегает он и подверженным страданиям человечеством Христа, поскольку в Спасителе видит лишь Бога. Вещи ему не открылись вплоть до своего основания, в соответствии с их различимостью – как они пребывают и как обращаются в тлен. С такими людьми бывает как с пчелами, когда те делают мед. Едва они просыпаются и вылетают из улья, то начинают бестолково носиться туда и сюда, сами не зная куда; одни из них заблудятся и пропадут, другие в порядке возвратятся домой. Так же происходит и с этими людьми: созерцая Бога беспокойным умом как все во всем, им приходится, по причине несовершенного знания, отсекают то либо это, толком не ведая, как это делать. Оно, конечно, и верно: должно все отделиться, если хочешь достичь вечной цели, но как такому отделению [от земного] надлежит совершиться, того подобные люди пока что не знают. В своей дерзости желают они отбросить это и то, понимая себя и все вещи как Бога, и отсюда действовать без различения. Такая ошибка проистекает либо от неученой простоты, либо из неизжитого лукавства. И иному человеку начинает сдаваться, что, сумев выйти из себя самого и покинув себя, он достиг всего. А это не так, ибо он лишь прокрался чрез ров еще не захваченной крепости, укрывшись защитным навесом, опасно и проворно прячась под ним, и не умеет пока низойти в подлинном отречении от своей духовно богатой сущности в истинную нищету, которой некоторым образом сторонится все чуждое ей и которой, не препятствуя свободе человека, отвечает простое вечно сущее Божество, о чем с добрым различением будет сказано ниже.

⁴ Ср.: Ин. 1, 13.

Смотри, вот точка, в которой некоторые люди неявно прозябают многие годы, не умея ни выйти из нее, ни войти. Но тебе от меня будет подана помощь, приправленная рассуждением, так что ты не заблудишься.

Глава XLVIII. Доброе различие между истинным и ложным бесстрашием

Следует знать, что существует три вида прекращения. Первое – это полное прекращение, когда что-то так само в себе прекращается, что его более нет. Так исчезает и тень, обращаясь в ничто. Но дух человека так не исчезает при его смерти, каковой дух мы именуем разумной душой. Сия пребывает вовеки благодаря свойственному ей разумному благородству своих богообразных сил, ибо Бог есть сверхсущий разум, и душа соделана разумной подобно Ему. А потому невозможно, чтобы она стала ничем, наряду со смертным телом, которое обращается в ничто.

Другое прекращение называется прекращением наполовину, у него имеется свое время и час, и оно происходит с людьми, восхищенными созерцательным образом в обнаженное Божество, как то было с Павлом. Бывает оно и без восхищения, когда человек путем отказа от всяческих образов освобождается от всего и исчезает для себя самого. Но такое не продолжается долго. Вот Павел, едва пришел он в себя, то обнаружил себя прежним Павлом, таким же человеком, каким был и прежде⁵.

Третье прекращение называется заимствованным. Это когда человек, в отказе от своей свободной воли, предает себя Богу в каждый отдельный момент, в который себя обретает, – причем так, что словно ничего не ведает о себе самом, и лишь Бог является его Господином. Но и сие прекращение не может длиться всегда, покуда тело и душа остаются вместе друг с другом. Ибо, стоит человеку только покинуть себя самого и подумать, что, перейдя в Бога, он прекратил существовать, поскольку утратил всю свою самость, так что больше не воспринимает себя, то в тот же самый момент он и его плут возвратится к себе самому, и он окажется тем же самым, каким был и прежде, и ему останется покидать себя снова и снова. Если же кто-нибудь вздумает действовать из сего большого бесстрашия, то это будет совершенно неправильно. Впрочем, верно вот что: насколько ты отдалиться от себя самого и будешь поят в оное прекращение, настолько продвинешься на пути к подлинной истине.

Нужно, далее, знать, что бесстрашие бывает двоякого рода, и одно именуется предшествующим бесстрашием, а другое – бесстрашием последующим. Различие между обоими поймешь на примере. По причине злобности своего естества, вор имеет [неизменное] рвение и тяготение к тому, чтоб воровать. Сему прекословит его рассудительность: тебе этого лучше не делать, это грешно. Если бы он вышел из себя самого, вручив себя рассудительности, то это было бы предшествующим, а вместе с тем и наиболее благородным бесстрашием, ибо тогда он остался бы в своей невиновности. Ну, а если вор не пожелает вручить себя ей, но захочет следовать собственной злобности, то позже, когда он, будучи пойман, увидит, что вот-вот будет повешен, наступит последующее бесстрашие, так что он смиренно обречет себя на смерть, поскольку иначе не может и быть. Сие бесстрашие тоже не худо, и оно сделает вора блаженным, но первое несравненно благородней и лучше.

Потому не следует давать себе волю и впадать в прегрешения, вопреки тому, что говорят иные неразумные люди: что человеку-де надлежит испытать всякий грех, если он желает достичь совершенного бесстрашия, – это неправильно. Ибо дураком будет тот, кто добровольно бросится в грязную лужу, чтобы быть после этого краше. И потому же самые благочестивые из Божьих друзей твердо стоят на том, чтобы покидать себя до основания и постоянно оставаться в предшествующем бесстрашии без всякого возвращения [к своему волю], насколько то допускает человеческая слабость. А если сие не получится, то они испытывают скорбь. Конечно, пред другими людьми они имеют то преимущество, что могут проворней преодолеть это препятствие, ибо из самой этой скорби тотчас рождается последующее бесстрашие, которое скоро их возвращает на истинный путь, то есть чело-

⁵ См.: 2 Кор. 12, 2.

век, обретя себя все еще человеком, станет терпеть себя Богу во славу. Так что сие последующее бесстрашие бывает полезно для познания себя самого: скорбь в качестве скорби здесь прекращается, и человек в простоте снова порождает себя в то же самое и становится тем же, чем был изначально.

Ну, а случись так, что какой-нибудь несовершенный человек, решив и тут помочь себе воровским образом, скажет: «Если вернешься к прежнему, греховному, состоянию по случайности, приложенным образом, и вонне станешь творить некие прегрешения, то как это может тебе повредить, ибо сущность твоя при всяком возврате к исполнению собственной воли останется без изменения», то я отвечу ему, что он не понимает сам себя и не знает, что говорит. Да и всем ученым мастерам это известно, если они понимают, что означает название «случайное». Случайным называется то, что прилагается к подлежащей сущности и отлагается от нее без разрушения самого под-лежащего, как цвет к доске или от доски. Но в настоящем случае это не так, ибо душа и тело, которые сии люди в своем неразумии называют «случайным», суть две существенные части, составляющие сущность человека и присутствующие в нем не случайным образом. Посему всякий человек, как бы ни он ни разумел, что значит покинуть себя или возвратиться к себе, обладает этой способностью, творя добро или грех. Ибо уничтожение духа, его исчезновение в препростом Божестве, всякое благородство и совершенство нельзя понимать в смысле такого преобразования его сотворенной природы, что то, чем является он, является Богом, и что человек этого не сознает только вследствие присущей ему грубости, что дух становится Богом, а собственная его сущность обращается в ничто. Нет, преобразование случается в исхождении из себя самого и в забвении себя самого в созерцании – и лишь так, в исторжении, дух истощается правильным образом, и ему это во благо. Ибо для него Бог стал всеми вещами, и все вещи стали для него как бы Богом, представ пред ним в том самом виде, в каком они обретаются в Боге. И все-таки всякая вещь остается тем, чем является в соответствии со своей естественной сущностью. А неразумная слепота и невоспитанное разумение не может либо не желает взять этого в толк, руководствуясь оным правильным различием.

Исходя из этого доброго различения, ты сумеешь правильно уразуметь следующие далее благоразумные суждения и наставления, которые увлекают человека от присущей ему грубости и направляют его к высшему блаженству.

Глава L. О возвышенных вопросах, которые преуспевшая в учении дочь задавала своему духовному отцу

После того, как внешний ее человек был разумно введен в сокровенного, у дочери возникли в духе возвышенные вопрошания, и она подумала о том, не отважиться ли ей обратиться с ними к Служителю. Он ответил: «Хорошо, поскольку ты правильно возведена по промежуточным ступеням, твоему духоносному разуму вполне позволительно вопрошать о возвышенном. Спрашивай, о чем пожелаешь». Дочь спросила: «Откройте мне, что такое Бог или где Бог, или каков Бог? Меня удивляет, как это Он прост и все же троичен?»

Он ей отвечал: «Бог свидетель, твои вопросы очень возвышенны. Что касается первого, что такое Бог, то знай: ни один учитель, сколько бы ни было их, так и не смог этого выяснить, ибо Бог выше не только чувств, но и разума. И все-таки усердный человек обретет в результате старательных поисков некоторое знание о Боге, но это знание будет весьма отдаленным – и в нем обретается высшее блаженство людей. Таким путем Бога когда-то искали добродетельные языческие мастера, и особенно самый разумный из них, Аристотель. Наблюдая за движением природы, сей размышлял, каким мог бы быть тот, кто является ее Властелином. Он искал Его усердно и нашел Его, доказав, исходя из благоупорядоченного движения естества, что по необходимости должен быть один единственный Князь и Хозяин всех тварей, и Его-то мы называем Богом.

Об этом Боге и Господине с определенностью ясно лишь то, что Он является самостоятельной сущностью, что Он вечен, без до и потом, прост, неизменен и представляет Собой бестелесный, сущностный Дух, чья сущность есть Его жизнь и Его действие, чей сущий разум знает все вещи в Себе Самом и Собою Самим и чья сущность сама по себе есть веселье и бесконечная радость. Он – сверхъестественное, неизъяснимое, чреватое

наслаждением блаженство для Себя Самого, а также для тех, кто желает Ему приобщиться созерцательным образом».

Дочь возвела очи горе и сказала: «О, об этом радостно слышать, ибо сие трогает сердце и возводит дух *sursum*, высоко над собою самим. Посему, любезный отче, расскажите мне об этом побольше».

Он сказал: «Послушай, божественная сущность, о которой следует речь, – это такая разумная субстанция, которую саму по себе смертное око увидеть не может. Но Бога можно хорошо разглядеть по Его действиям, подобно тому, как доброго мастера можно узнать по делам, ибо, как изрек Павел, “Творения суть как бы некое зеркало, спекулум, в коем отражается Бог”⁶, и потому такое познание называется спекуляцией.

Давай же ненадолго остановимся здесь, давай, спекулируя, рассмотрим возвышенного и достойного Мастера по тому, что Он сделал! Посмотри над собой и окрест себя в четыре конца этого мира: как широко, как высоко прекрасное небо в его быстром беге, сколь благородно Мастер украсил его семью планетами, и каждая из них, за исключением разве что только Луны, гораздо больше всего царства земного, как оно убрано бесконечным числом ясных звезд. Ах, вот прекрасное солнце, не закрытое облаками, весело воссияло в летнюю пору: оно равномерно раздаст по земле плоды и всякие блага! Прорастут листья и травы и радостно засмеются цветы! Лес, пустошь, долина огласятся сладостным пением соловья и других малых птиц! Все звери, заключенные суровой зимой, выйдут наружу и начнут, радуясь, спариваться! В блаженной радости возвеселится стар и млад среди людей! Ах, Боже милостивый, коль скоро Ты так чуден в сотворенном Тобой, то как же Ты прекрасен и дивен Сам по Себе!

Гляди дальше, прошу я тебя, и посмотри на четыре стихии: землю, воду, воздух, огонь и на всякие чудеса, которые в них обретаются во всем их несходстве: среди людей, зверей, птиц, рыб и дивных обитателей моря, – все вместе они восклицают и вопиют: хвала и слава безграничной и чудесной непомерности, сущей в Тебе! Господи, кто все это содержит и кто все это питает? Ты печешься обо всем и о каждом, как кому подобает, о великом и малом, о богатом и бедном! Ты, Боже, Ты делаешь это! Ты, Боже, – воистину Бог!

Ну, так вот, государыня дочь, ты обрела своего Бога, Которого твое сердце долго искало. Посмотри теперь ввысь: играющими очами, смеющимся ликом и резвящемся сердцем. Воззри на Него и обними бесконечно распростертыми дланями твоей души и твоего разума, воздай Ему благодарность и честь, высокородному Князю всей твари... Погляди-ка, из такого созерцания в восприимчивом человеке вскоре возникнет сердечное ликование. Ликование – это радость, которую нельзя выразить никаким языком, но которая изливается в сердце и в душу и мощно пронизывает их.

Ах, посмотри, нынче я в себе самом примечаю, хочется мне того или нет, что уста души моей отверзлись к тебе, и, вот, я должен опять, Богу во славу, открывать нечто из того потаенного, что скрыто во мне, о чем я никогда не рассказывал ни единому человеку. Послушай, знал я одного проповедника – в самом начале его пути и потом не меньше десяти лет по два раза на дню, утром и вечером, в него вливалась обильная благодать, и она длилась столько, сколько продолжается пара вигилий. В течение этого времени он так глубоко погружался в Бога, вечную Премудрость, что не умел о том и поведать, а меж тем, он любовно беседовал с Богом, затем горестно вздыхал, потом бурно рыдал, иногда же беззвучно смеялся. С ним зачастую случалось, что он как бы парил в воздушных, плавающая между временем и вечностью, в глубокой пучине бездонных тайн Божьих. Из-за этого его сердце было так переполнено, что порою, когда оно бушевало, проповедник возлагал на него руку и говорил: “Увы, сердце мое, что же будет ныне с тобою!”

Один раз ему было явлено, что сердце Отцово – как бы духовным образом, несказанно – нежно склонилось к его сердцу (при этом между ними ничего не осталось), его же сердце жадно потянулось вверх, к сердцу Отца, и ему показалось, что сердце Отцово любовно и безобразно изрекло в его сердце вечную Мудрость. В духовном ликовании он начал радостно говорить: “Вот, мой любезный Возлюбленный, я обнажаю сердце мое и, в простой обнаженности от всяческой твари, обнимаю Твое безобразное Божество. Ты, Лю-

⁶ Ср.: Рим. 1, 20.

бовь превыше всякой любви! Даже величайшей любви того, кто в этом времени любит, приходится мириться, когда она любит, с различием и разделением на любящего и любимого; а Ты, бездонная полнота всякой любви, изолишься в сердце любимого и вольешься в сущность души, обнаженное Все во всем, так что у любимого не останется неза тронутой ни одна его часть, но любовно объединится с Тем, Кто его любит».

Дочь сказала: «Ах, Боже, сколь велика сия благодать, когда человек в ликовании столь глубоко погружается в Бога! Мне хотелось бы узнать, это ль высшее или нет?» Служитель ответил: «Нет, это всего только маянщее предварение к тому, чтобы войти в существенное поглощение». Она спросила: «Что Вы зовете существенным, а что не существенным?» Он отвечал: «Существенным я именую того человека, кто благим, постоянным делом стяжал добродетели, так что в состоянии высшего благородства они стали ему вожделенны и в нем постоянны, подобно тому, как в Солнце неизменно пребывает сияние. А несущественным я именую того, кому свет добродетели светит непостоянно и несовершенно, будучи как бы одолженным, наподобие света Луны. Однажды испытанная благодатная радость манит дух несущественного человека, и он ею хотел бы обладать постоянно. Как дарование благодати в нем рождает веселие, так ее отъятие порождает в нем печаль и смятение. Такому человеку претит посвящать себя прочим делам, и сие я хочу тебе показать».

Как-то случилось, что Служитель направлялся в дом капитула, и его сердце было полно ликующей божественной радостью. Но явился привратник и вызвал его к воротам, к некой пожелавшей исповедаться жене. Он с досадой отвлекся от внутренней радости, сурово обратился к привратнику и велел ему отослать ее к кому-то другому, он-де не желает сейчас принимать у нее исповеди. Сердце той жены было обременено неким грехом, она сказала, что доверяет только ему, что он один ее сможет утешить, и не хотела исповедоваться никому, кроме него. Поскольку Служитель не пожелал приходить, она разрыдалась от охватившей ее сердечной печали, побрела горестно прочь и, пристроившись где-то в укромном углу, еще долго плакала... Меж тем Бог немедленно отнял у Служителя исполненную радости благодать, и его сердце стало твердым, подобно кремню. А так как ему захотелось узнать, что сие означает, Бог ответил ему: «Посмотри, раз ты прогнал от себя бедную жену с опечаленным сердцем, не утешив его, то и Я отнял у тебя Мою божественную благодать». Служитель глубоко вздохнул, хлопнул себя по груди, бросился ко воротам и, не найдя там жены, принялся горевать. Забегал в поисках и привратник. Когда он ее отыскал сидящей и плачущей, и она вернулась к воротам, Служитель с любовью принял ее, милостиво утешил ее печальное сердце, а затем, оставив ее, пошел в дом капитула. В тот же миг ему явился милостивый Господь со Своей божественной радостью, как все было и раньше».

Тогда дочь сказала: «Кому Бог даровал сию исполненную ликования радость, тот смог бы вынести любые страдания». Служитель ответил: «Увы, впоследствии это пришлось зарабатывать великим страданием. Наконец, когда все было уже позади, и Бог посчитал, что время настало, сия ликующая благодать к нему вернулась опять и оставалась с ним постоянно. И был ли он дома или в отъезде, среди людей или без них, в бане либо за трапезой – благодать оставалась неизменной, но она в нем была внутренним образом, а не внешним».

Глава LI. Разъяснение, где есть Бог и как есть Бог

Добрая дочь сказала: «Государь, теперь мне стало понятно, чем является Бог. Но мне хотелось бы разузнать, где Бог обретается». Служитель ответил: «Тогда послушай вот что».

Учителя говорят, что у Бога нет *где*, Он – все во всем⁷. Отверзи внутренние уши души и слушай внимательно. Те же учителя, уча науке логики, утверждают, что, исходя из имени, можно в известной мере приблизиться к познанию вещи. Так вот, один из них сказал, что первым именем Бога является «бытие»⁸. Направь свой взор к бытию в его обнаженной простоте, отбросив это и то участвующее в нем бытие. Возьми только бытие само по себе, несмешанное с небытием. Всякое небытие отрицает всякое бытие. Но так же

⁷ 1 Кор. 15, 28.

⁸ Damascenus. De fide orthodoxa. – I, 9.

действует и бытие само по себе, отрицая всякое небытие. Вещи, которой надлежит появиться или которая когда-то была, нет в существующем настоящем. Смешанное бытие и небытие можно опознать не иначе, как приняв во внимание всяческое бытие. А это – не раздельное бытие того или иного творения, ибо раздельное бытие насквозь смешано с чем-то иным, с возможностью что-то принять. Стало быть, само по себе безымянное божественное бытие должно быть всяческим бытием, содержащим любое отдельное бытие в своем настоящем. Достойна удивления слепота нашего разума, ибо он не может распознать того, без чего не способен ни постичь, ни узреть чего-либо. С ним случается, как с оком: когда тому удастся увидеть многообразие цветов, оно не взирает на свет, при посредстве которого созерцает все постороннее. А если око заметит и свет, то все же не возьмет его в толк. Именно так обстоит дело и с оком нашего разума. Созерцая это или то бытие, оно пренебрегает самим бытием – сплошным и простым бытием, сущим повсюду, силой которого воспринимает все остальное. На него оно не обращает никакого внимания. Потому-то один мудрый учитель сказал: по причине своей немощи око нашего разума относится к очевиднейшему самому по себе бытию не иначе, как око летучей мыши относится к ясному сиянию солнца⁹, ибо разделенные сущие рассеивают и ослепляют разум, так что тот не может узреть божественный мрак, являющийся сам по себе ярчайшим сиянием.

Итак, отвори свои сокровенные очи, посмотри, как умеешь, на бытие, взятое в его простой чистоте, и ты сразу увидишь, что оно ни от кого [не имеет начала], не имеет ни до, ни потом, что оно неизменно внутри и снаружи, ибо является простым бытием. Ты также заметишь, что оно в наибольшей мере действительно, все проникая, всегда всему сопутствует, что оно самое совершенное из всего, что в нем нет недостатков и перемен, ибо оно едино-единое в препростой нагоде. Сия истина столь очевидна для просвещенных умов, что они ничего иного даже не могут помыслить, ибо одно доказует и предлагает другое: поскольку сие бытие просто, ему необходимо пристало быть первым, вечным и не быть от кого-то, а так как оно первое, вечное и простое, ему надлежит всегда всему сопутствовать. Оно обретается в наивысшем совершенстве и наивысшей же простоте, к нему ничего не может прибавиться, и от него ничего не может отняться.

Если только сумеешь понять, что я поведал тебе о нагом Божестве, то будешь в надлежащей мере наставлена в непостижимом свете тайной божественной Истины. Оно чистое простое бытие есть высшая Первопричина всякого предметного бытия; всему сопутствуя (притом особенным образом), оно обнимает собой всякое временное становление, как начало, так и конец всякой вещи. Потому-то один учитель и говорит: «Бог есть замкнутый круг, центр этого круга повсюду, а его окружность нигде»¹⁰.

Дочь сказала: «Хвала Богу! Насколько возможно, я наставлена в том, что такое есть Бог и где Бог обретается, а теперь мне хотелось бы знать, как Он может быть совершенно простым и при этом троичным».

Он начал [говорить] и сказал: «Всякое бытие – чем оно проще само по себе, тем разнообразнее в своей могучей способности. Что ничего не имеет, ничего и не даст, а что много имеет, то и дать может многое. Раньше уже говорилось о втекающем и через край перетекающем Благе, каковым Бог является Сам по Себе. Его бесконечная и сверхъестественная благодетельность понуждает Его, чтобы Он восхотел свободно разделить из Себя и в Себе, не желая быть одному. Ну, и поневоле понадобилось, чтобы у высшего Блага было высшее и предельное истечение Себя Самого. Но оно не будет таким, если только не происходит во всякий момент, не является внутренним и субстанциальным, личностным и естественным, не случается необходимым образом без принуждения, если оно не бесконечно и не совершенно. Все же прочие истечения – во времени, в области тварного – суть отблеск вечного истечения бесконечной божественной благодетельности. Учителя говорят, что в истечении твари из Первопричины есть круговое замыкание конца на начало, ибо, как истечение Лиц из Бога является прообразом происхождения творения, так оно является и прологом возвращения творения в Бога.

⁹ Aristoteles. *Metaphysica*. – A 993 b 9.

¹⁰ *Liber viginti quattuor philosophorum*. – § 2.

Но примет и различие между истечением творений и истечением Бога. Ибо, поскольку творения имеют раздельное бытие, постольку то, что ими дается и что изливается ими, тоже умеренно и частично. В качестве отца человек дает своему сыну, когда тот рождается, частицу своего бытия, но целиком и без остатка он ему того не дает, чем является сам, ибо и сам он есть частичное благо. Что же касается божественного истечения, то известно, что оно гораздо внутренней и благородней, соответствуя величине того блага, коим является Бог, бесконечно превышающий всякое прочее благо. Из этого по необходимости следует, что Его истечение соразмерно Его бытию, а это невозможно, если истечение Его бытия происходит не личностным образом.

Если сумеешь посмотреть просветленным оком и узреть чистейшую благостыню высшего Блага, она же по сути своей есть постоянное и деятельное начало того, чтобы возлюбить себя самого естественно и добровольно, то увидишь изобильное, сверхъестественное изливание Слова из Отца, Коего порождением и говорением произнесена и дана всякая вещь. Ты также увидишь, как в верховном Благе и в высшем истечении необходимым образом возникает пресвятая Троица: Отец, Сын, Святой Дух. Поскольку высшее истечение происходит из верховной сущностной благостыни, то в истекающей Троице должны быть вышняя, предельно общая сущность, высшее подобие и самостоятельность бытия; их Лица имеют во внутри остающемся истечении вовне, в соответствии с не членимой субстанцией и неделимым всемогуществом трех Лиц в Божестве».

Дочь сказала: «Воистину, я плаваю в Божестве, подобно орлу в воздухе!»

Служитель ответил: «Того, как Троица божественных Лиц может пребывать в единстве единого бытия, никто не способен выразить словом. Святой Августин говорит (насколько об этом, вообще, можно судить), что Отец есть начало всякой божественности Сына и Духа, в Их Лицах и Их бытии¹¹. И Дионисий глаголет, что в Отце – истечение Божества, или источник, и этот источник естественно изливается в прозябающем Слове, Оно же является Сыном [Отца] по природе; источник изливается также в любвеобильной щедрости воли¹², и это есть Святой Дух.

Сей скрытый смысл нам раскрывает и выявляет для нас ясный свет, святой Фома, возлюбленный учитель, он говорит: «При изливании Слова из Отцова сердца и разума должно случиться вот что: обращаясь в Своем светоносном познании к Своему же божественному бытию, Бог взирает на Себя Самого. Если бы в разуме Отчем предметом познания было не божественное бытие, тогда зачатое Слово не могло бы быть Богом, но было бы тварью»¹³. И это было бы неверно. А так, будучи из божественного бытия, Оно – божественного бытия. Взор, брошенный на себя божественным бытием в разуме Отчем, заключается в образовании природного подобья себе, иначе бы Слово не было Сыном. Здесь мы имеем единство бытия и нетождество Лиц. И дабы надежно засвидетельствовать такое различие, пророк высоко парящий орел, святой Иоанн: «Слово было в начале у Бога»¹⁴.

Изливание же Духа надлежит разуметь так, что субстанция божественного разума представляет собою познание, а оно по своей форме, содержащейся в разуме, должно обладать тою склонностью, чтобы устремляться к предмету познания. Сия склонность есть воля, чье влечение заключается в том, чтобы искать удовольствия в лучшем. При этом также заметь, что предмет, коим является Возлюбленный в Любящем, состоит не в подобии форме [того или иного] естества, в отличие от предмета разума в свете познания. Поскольку Слово истекает из взора Отца в смысле естественной формы, в личном различии, то сие истечение из Отца именуется рождением; поскольку же способ истечения воли и любви не таков – когда в ходе любовного изливания истекает третье Лицо от обоих: Отца и Его образа, [Сына], оттиснутого изнутри сокровенной бездны Отца, – постольку третье Лицо не может называться ни «рожденным», ни «Сыном». А так как любовь разумно и духовно обретается в воле в качестве склонности, или любовной связи между любящим и тем, что любящий любит, то третье Лицо несет в себе то начало, которое напоминает собой любовное движение воли, почему это Лицо и именуется «Духом». Здесь чело-

¹¹ Augustinus. De trinitate. – IV, 20, p. 29.

¹² Dionysius. De divinis nominibus. – II, 5, p. 7.

¹³ Thomas Aquinas. Summa contra Gentiles. – IV, cap. 11.

¹⁴ Ин. 1, 1.

век преображается божественным светом, причем столь таинственным образом, что сего никто заметить не может, разве что тот, кто сие пережил».

Дочь сказала: «Ах, государь, сколь возвышенно учение Христово! Между тем, встречаются некоторые наделенные разумом люди, которые отрицают все то, что здесь говорилось о Боге. Они считают, что если кто-то хочет взойти к наивысшему, то для того досадной помехой становится Бог. Такому человеку нужно отречься от Бога и отказаться от Духа, также ему подобает обернуться спиной ко всем созерцаниям, обратившись к той только сияющей истине, каковой он является сам для себя».

Служитель ответил: «Учение сие, по общему мнению, ложно. Потому оставайся к нему непричастной и выслушай, чего держится в этой связи христианская вера. Вообще говоря, под Богом разумеют, Господа целого мира, Который не оставляет без наказания ни одного злого и без награды ни одного доброго дела. Кто совершает грехи, для того Бог – Бог беспощадный, как говорит добрый Иов: “Я всегда боялся Бога, как мореходы боятся высоких волн”¹⁵; кто служит Богу, помышляя о великой награде, тот имеет великого Бога, способного велико его наградить. Но кто преуспел в делании и познании, исторг из себя, посредством многократного умирания, всякое ненавидимое Богом несовершенство и всегда служит Богу с любовью, тот не принимает в своем сердце Бога как Бога в означенном смысле. Он, воистину, обезбожен, свободен от Бога, возлюбив Его как любезного сердцу Возлюбленного, ибо у него отпал рабский страх, как сказано Павлом¹⁶... Вот так у божественного человека Бог остается, подлинно, Богом и Господом, хотя человек и пребывает свободным от Бога в том, грубом смысле, ибо он постиг наивысшее.

А вот как человеку надобно быть обездушенным, стать свободным от духа, послушай о различии. Уже с самого начала уяснив себе, что он – тварь, составленная из тела и души, и что тело смертно, а душа – вечный дух, человек прощается с телом, со всем его скотством, и, обратившись к духу, подчиняет ему [свое] тело. Все его действие направленно внутренним рассуждением на сверхсущественный Дух: как бы Его обнаружить, как Его обрести и свой дух объединить с этим Духом. Таких людей называют духовными, святыми людьми. И вот, когда человек начинает подвизаться в делании и затем длительное время в нем упражняется, а сверхъестественный Дух постоянно играет пред ним, но его никак не удастся стяжать, тогда, сознавая свое бессилие, сотворенный дух начинает отдавать себя до конца, в отказе от собственной самости, вечной божественной силе и, презирая свое, устремляться от себя самого в непомерность вышнего Бытия. В такой-то охваченности дух приходит как бы в забвение и к утрате себя самого, как сказал Павел: “Уже не я живу”¹⁷, и как Христос говорил: “Блаженны нищие духом”¹⁸. Таким образом, дух оставляется в своем существе, хотя и становится обездушенным, в смысле утраты свойств, которыми некогда обладал.

Еще мне хотелось бы тебе рассказать о различии между чистой истинной и сомнительными видениями предметов, подлежащих познанию. Не опосредованное ничем созерцание обнаженного Божества несет в себе, без всякого сомнения, подлинную и чистую истину. В какой мере видение разумно, безобразно, чем больше похоже на такое, не опосредованное созерцание, настолько оно благородней. Иные из пророков имели весьма красочные и образные видения, как, например, Иеремия и прочие. Подобные видения еще часто бывают у тайных Божьих друзей – в бодрствовании ли, или во сне, в тихом покое и отрешенности от внешних чувств. Один учитель сказал, что некоторым людям явление ангелов чаще бывает во сне, нежели наяву, ибо во сне человек в большей мере спокоен и избавлен от воздействий разнообразной внешней действительности, чем это бывает при бодрствовании.

Но когда видение, бывшее у кого-то во сне, может и должно называться истинным видением (так в Ветхом Завете королю Фараону снилось о семи тучных и семи тощих коровах¹⁹, и Священное Писание рассказывает о многих подобных же снах), и как здесь отличить правду [от вымысла] (ведь сны в большинстве случаев лгут, хотя, несомненно,

¹⁵ Ср. Иов 31, 23.

¹⁶ Рим. 8, 15.

¹⁷ Гал. 2, 20.

¹⁸ Мф. 5, 3.

¹⁹ Быт. 41, 1-4.

время от времени открывают и истину), – об этом тебе нужно узнать, прочитав, что пишет святой Августин о своей святой матери. Она ему говорила, что у нее от Бога есть такой дар: когда ей что-либо сообщается Богом в глубоком сне или же полусне, то ей вместе с тем изнутри дается и различение, дабы правильно распознать, был ли то обыкновенный сон, которому вовсе не следует верить, или то было видение в образах, и ему надлежит доверять²⁰. Кому Бог дарует такую благодать [различения], тот легко с этим может справиться. Но никто не сумеет поведать об этом кому-либо другому в словах; уразумеет лишь тот, кто оно испытал.

Глава ЛII. О высшем парении наделенного опытом разумного духа

Мудрая дочь говорила: «Я ничего не хотела бы выяснить с той же охотой из сочинений [отцов], как возвышенное истолкование того, где и каким образом, в глубочайшей бездонности [Божьей], познанию испытанного в духовном делании человека надлежит прийти к своей высшей цели, но выяснить так, чтобы добиться согласия между жизненным опытом и изложенными в сих сочинениях мнениями». Тогда Служитель извлек из писаний разумный ответ, и в нем, в соответствии с его скрытым смыслом, говорилось вот что:

«Всякий человек высокого рода примеряет к себе в совершенной невозмутимости духа слово, которое исполнено глубокого смысла и изречено вечным Сыном в Евангелии: “Где Я, там должен быть и служащий Мне”²¹. Кто не убоился этого самого *где*, воспринятого в человеческом естестве на кресте умирающим Сыном, сего тяжкого *где* следования за Христом, тот, согласно Его обетованию, сможет усладиться радостным *где* Его сыновнего обнаженного Божества разумным, ликующим образом во времени и во веки веков, насколько это возможно, меньше иль больше.

Ну, а где обретается оное *где* обнаженного божественного сыновства? В избылиующем образами свете божественного единства – в качестве “ничто”, по свидетельству его безымянного имени; сущностной тишины, в смысле сворачивания [Божества]; природы Троицы, в смысле [Его] не исходящего изнутри разворачивания; светом самобытности, с точки зрения свойств; бытия, дарующего всему бытие, с точки зрения нетварной причинности. В этой темной нерасчлененности исчезает всякая множественность. Дух же утрачивает свое своеволие, прекращается как самостоятельный деятель. Вот – высшая цель и бесконечное *где*, в котором обретает свое завершение духовное устремление всяческих духов. Навсегда в нем себя потерять – вечное блаженство.

Чтобы сие уразуметь еще лучше, тебе надобно знать, что в исполненном образами свете божественного единства обретается неизбывное начало истечения Лиц из всемогущего вечного Божества, ведь троица Лиц – в единстве природы, и единство природы – в троице Лиц. Единица имеет Свое осуществление в Троице, а Троица имеет Свою возможность в Единице, как глаголет святой Августин в книге “О Троице”²². Троица Лиц заключает в себе Единицу как свою природную сущность. Посему каждое из Лиц – это Бог, а в смысле простоты [Своего] естества – Божество. Единица сияет по-разному в Троице, но Троица, непрестанно сворачиваясь, просто сияет в Единице, ибо Сия Троицу просто в себе заключает. Отец есть начало для Сына, Сын же есть истечение, вечно истекающее в качестве Лица из Отца, и в Нем остающееся, имея с Ним единую сущность. Отец и Сын изливают Свой Дух. Единица, будучи сущностью, в которой случилось первое истечение, является тою же сущностью для всей троицы Лиц. Но как Троица может быть Единицей – Троица Единицей в единстве природы и, тем не менее, Троицей помимо Единицы – сего невозможно изречь по причине простоты глубокого [божественного] основания.

Сюда, в сверхразумное *где* возносится дышащий дух – и порой он летит в бесконечной выси, а порой плывет в бездонных глубинах, благодаря возвышенным чудесам Божества... И все-таки дух духовным же образом пребывает в наслаждении одинаково вечными, равно могущественными Лицами, которые, оставаясь в себе, однако же, истекают, – [дух наслаждается Ими], будучи отрешен от мглы, суеты низших вещей и вглядываясь в божественные чудеса. Ибо, какое чудо может быть больше обнаженной Едини-

²⁰ Augustinus. Confessiones. VI, cap. 13.

²¹ Ин. 12, 26.

²² Augustinus. De trinitate. – I, VII.

цы, куда погружается Троица Лиц, стремясь к простоте, где всякая множественность утрачивает свое раздельное бытие? Сие надобно разумать так, что истечение излившихся Лиц во всякое время возвращается вспять в единство той же самой [божественной] сущности. И все творения, изливаясь вспять возвращающимся образом, вечно пребывают в Единице, живут, познают и бытийствуют в божественном бытии, согласно тому, как Евангелие говорит *In principio*: “Что начало быть, было в Нем вечной жизнью”²³.

Сия обнаженная Единица есть темная тишина и спокойный покой. Его никто не может уразуметь, разве что тот, в ком Единица воссияла Своей самобытностью. Из тихого покоя сияет подлинная свобода, лишённая всякого зла, ибо она рождает себя в самоотверженном возрождении. Здесь же сияет и сокровенная истина без всякой неправды, она рождает себя в разоблачении облаченной наготы и чистоты. Ибо здесь дух очищается от темного света, сопутствующего ему в человеке, дабы ему открылись [все] вещи. Он очищается от темного света, поскольку вновь обретает себя – и при этом в более подлинном виде, в сравнении с тем, в каком обретался доселе в смешении с тем самым светом, как сказал Павел: “Живу я, но уже не я”²⁴. Вот как разоблачается он, становясь безвидным в безвидности простой божественной сущности, излучающейся во всякую вещь в простой тишине. Там, в простом безвидном виде [сей сущности] ускользает от взора различие Лиц, остающееся, если Лица брать по отдельности. Как говорится в писаниях, ни Лицо Отца, взятое отдельно, ни Лицо Сына, ни Духа Святого, взятые по отдельности, не сообщают блаженства. Три Лица, пребывающие в единстве сущности, – вот это блаженство! Такова сущность трех Лиц в Их естестве, дающая по благодати бытие всем творениям. Она заключает в себе образ всякой вещи просто и сущностным способом. Поскольку исполненный образ свет бережет свое естество, то вещи обретаются в нем в соответствии с его существом, а не в случайном разнообразии образов. Так как он просвещает собою все вещи, то обладает свойствами света. И так-то в сущности, в сущей [в ней] тишине сияют все вещи, в соответствии с простотой оной сущности.

Это самое, умоозримое *где*, о котором шла речь и в котором верный служитель должен пребывать вместе с Сыном, можно уразуметь и назвать сущим, безымянным “Ничто”. Тут [человеческий] дух достигает Ничто единения. Сие единение оттого зовется “Ничто”, что дух не может подобрать [для него] образа, чем бы оно могло быть. Но дух вполне сознает, что он охвачен чем-то другим, чем не является сам. Потому то, что охватило его, есть скорее Нечто, нежели Ничто. Но для духа оно и в самом деле будет Ничто, ибо ему не удастся найти образа для того, что оно есть.

И вот, когда дух в забвении себя самого до конца вселяется в сию ясную светоную тьму, то, как говорит святой Бернард, он утрачивает любое препятствие и всякое свойство²⁵. Это случается в меньшей или большей мере, в соответствии с тем, обретается ли дух в теле, или удалился из тела и от себя самого в [Бога]. Такая утрата собственной самости – Божия рода, ведь Бог для духа, по слову Писания, становится всем²⁶. Но в этом погружении дух исчезает не полностью. Он обретает некие свойства Божества, хотя не становится Богом по естеству. То, что с ним происходит, случается по благодати, ибо он – нечто, сотворенное из ничего, и таковым пребудет во веки. Насколько можно судить, в утрате себя самого, охваченности [Богом] от него отступает досаждающее сомнениями удивление перед этой утратой. В бытии [Божием] он лишается своей самости в забвении себя самого, ибо, если судить в согласии с общим мнением, дух, сверх своих природных возможностей, возводится, посредством силы лучающейся светом божественной сущности, в наготу оного Ничто. Такая нагота совершенно свободна от твари, в себе же самой она обладает особым способом [бытия] в соответствии с собственной сущностью. Этот способ без способа есть сущность [божественных] Лиц. Согласно основательному разумению, Они ее заключают в Себе простым способом как Свое естество. Итак, познание, как сказано, лишает дух себя самого. Это случается в Ничто единения, в соответствии с непостижимым познанию сего Ничто, лишённого представления о себе. Дух лишается себя в утрате себя самого и в забвении всего. Такое с ним приключилось, едва он сам по себе от-

²³ Ин. 1, 3-4.

²⁴ См. прим. 17.

²⁵ Bernardus. *De diligendo Deo*. – 10, p. 27-28.

²⁶ Ср.: 1 Кор. 15, 28.

вернулся от того, что возник сам, и возникли все вещи, к тому, когда в чистом ничто еще ничего не возникло.

В этих-то диких горах сверхбожественного *где* обретается бездонная пропасть, зримая чистым духам и игриво манящая их. В ней они попадают в сокровенную безымянность и в полное отчуждение от себя. Она лишена дна глубокая бездна является дном, основанием для всех тварей и для себя самое, хотя и скрыта от всего, что есть кроме нее и тех, кому она пожелает себя сообщить. Сии должны ее бесстрастно искать и некоторым образом познавать посредством нее же самой, как Писание гласит: «Тогда познаю, подобно, как я познан»²⁷. Такое познание дух имеет не от себя самого – Единица влечет его в Троицу Саму по Себе, то есть в его подлинную сверхъестественную обитель, где, возвысившись над собою, он обитает в том, что тянуло его. Здесь, полный жизни, дух умирает в чудесах Божества. Его смерть заключается в том, что в своем погружении [в Бога] он не различает собственной сущности. Но по возвращении из созерцания он различает себя с троицей Лиц, и каждой вещи различающим образом предоставляет быть тем, что она есть. Служитель это подробно изложил в «Книжице Истины»²⁸. Заметь себе еще один пункт. В описанном ранее погружении [в Бога] из Единицы струится простой свет. Сей безобразный свет излучается от троицы Лиц в чистоту духа. По причине этого направленного в него излучения дух отступает от себя самого и всей своей самости. Отступает он и от деятельности всех своих сил, разоблачается от себя самого и лишается себя самого. Такое случается в восхищении, ибо он изошел из своей самости и потерялся в ином бытии, в тиши светлой сияющей темноты и обнаженного простого единства. В этом лишенном образе *где* обретается высшее блаженство».

Дочь сказала: «О, чудо! Как этого можно достичь?» Служитель ответил: «Предоставлю ответить на этот вопрос просветленному Дионисию, он говорит своему ученику так: «Хочешь ли подняться в сокровенную тайну, тогда смелей восходи ввысь в простое единство, отбросив внешние, внутренние чувства и действие, присущее разуму, все видимое и невидимое, бытие и небытие; в него ты должен прорваться, отказавшись от знания, в молчание, высшее всякого бытия и науки всех мастеров, в нагом восхищении бездонного, простого и чистого разума в отсвет божественной темноты. Здесь должны быть все окопы раскованы и все вещи должны быть покинуты, ибо в сверхсущественной Троице сверхбожественного Божества, на сокровенной, сверхнепознаваемой, сверхсияющей, наивысочайшей вершине, в немом молчании слышны чудеса, слышатся новые, отрешенные от земного, неизменные чудеса – в сверхсветлой сумрачной тьме, каковая является сверхъясным светлым сиянием, в котором просветляется все и который переполняет невидимый разум непознанными, незримыми и сверхъяркими светами»²⁹».

Глава III. Завершение повествования сей книги краткими и простыми словами

Дочь сказала: «Ах, государь, исходя из того и другого: своего собственного основания и Священного Писания, Вы ведете речь – причем с таким знанием дела и столь строго сообразуясь с христианским учением – о таинственности обнаженного Божества, истечения и обратном течении духа. Не могли бы Вы набросать свои сокровенные мысли, снабдив их наглядными сравнениями, как разумеете сами, дабы мне их лучше понять? Я также хотела бы, чтобы Вы представили мне кратко и образно те возвышенные мысли, которые раньше изъясняли подробно и тщательно, да закрепятся они крепче в моем слабом уме».

Служитель ответил: «Как в образах представить безобразное и как зримо явить лишенное зримого вида, то, что выше всякого помысла и всякого человеческого разумения? Ибо в тысячу раз неподобней, чем подобней, выдаваемое за подобие. Но, дабы изгнать образы образами, я красочно и уснащенной сравнениями речью раскрою тебе, насколько возможно, те же самые лишенные образов мысли, как их надлежит правильно понимать, и завершу краткими словами долгую речь.

²⁷ 1 Кор. 13, 12. См. также: 1 Ин. 3, 2.

²⁸ Г. Сузо имеет в виду гл. 4 своей «Книжицы Истины».

²⁹ Dionysius. De mystica theologia. – 1, p.1.

Итак, слушай же. Один мудрый учитель сказал, что Бог, если Его взять в Его Божестве, есть как бы обширнейший круг, коего центр находится всюду, а окружность нигде³⁰. Теперь представь себе такой образ: если бросить с размаху камень в покойно стоящую воду, то на воде появится круг. Своей силой он породит другой, а тот, в свою очередь, следующий. Как далеко распространятся круги, зависит от силы первого броска. Она может быть столь велика, что круги пройдут по всей водной глади. Пусть первый круг для тебя станет образом. Это могущая сила божественного естества во Отце, каковая не имеет границ. По подобию себе она родит еще один круг как Лицо, это Сын. Два круга породят третий круг, Дух Того и Другого, равно вечный, равно всесильный. Так три круга означают Отца, Сына и Духа Святого. В сей глубокой бездонности божественное естество во Отце произносит и рождает Слово как Личность, воспринявшее на себя природу человечества. Своей сущностью, впрочем, Оно остается в Отце.

Кто захочет представить сие в виде картинки, тот да возьмет форму какого-нибудь человека, из глубочайшего основания сердца которого возникает подобный же образ, да еще так, что он непрестанно взирает на свое откровение и устремлен к нему в попятном движении. Это духовное сверхсущественное порождение является совершенной причиной, из которой производятся все вещи и духи к своему естественному бытию. Высший сверхсущественный Дух облагородил человека тем, что сияет ему из вечного Своего Божества. И это есть образ Божий в разумной душе, каковой тоже вечен. Вот почему из большего круга, означающего вечное Божество, истекают, если обратиться к приведенному сравнению, малые круги. Они могут означать возвышенное благородство разума подобных существ.

Но попадают некоторые люди, которые пагубно отвращаются от сего разумного благородства. Они прикрывают [в себе] оный сияющий образ и обращаются к телесным радостям дольного мира и, когда полагают, что счастье в руках, приходит лютая смерть и всему полагает конец. Разумный же человек, благодаря светозарной искре в душе, обращается к тому, чтоечно и из чего он истек. Распроцавшись со всяким творением, он начинает держаться лишь вечной Истины.

А теперь с помощью отдельных картин рассмотри, как в правильном порядке происходит попятное течение духа. Первая картина представляет свободный уход от радостей мира и греховных изъянов ради того, чтобы обратиться мощным движением к Богу: в усердной молитве, отрешенности от земного и в благочестивых, осмотрительных упражнениях, направленных на подчинение тела духу. Другая картина являет, как добровольно и терпеливо предлагать себя в полной готовности к претерпеванию всяческих бесконечно многих невзгод, уготованных Богом либо виной которым стало творение. Третья картина показывает, как надлежит запечатлеть в себе страдания Христовы, Его сладостное наставление, приветливый нрав и чистую жизнь, которые Он нам предъявил, дабы в том Ему следовать и с Его помощью немало преуспевать. После этого, отложив внешнее попечение, надобно себя утвердить могучим и властным бесстрашием в спокойствии духа, как будто ты помер сам для себя. Не надо к чему-либо стремиться и ни о чем помышлять, разве только о чести и славе Христовой и Его Отца в небесах, а также о том, чтобы смиренно держаться со всеми людьми, как с друзьями, так и с врагами.

После сего обученный человек достигает освобождения от внешних чувств, чрезмерно деятельных в своем проявлении. Дух же приходит в отказе от присущих ему высших сил – высокомерных в своем естестве – к сверхъестественной восприимчивости. Тогда, утратив назойливое естество, дух прорывается дальше внутрь круга, обозначающего вечное Божество, и обретает изобилующее духовное совершенство. Высшее богатство духа, в его собственной форме, заключается в том, что он, несмотря на свою дряхлую тяжесть, воспаряет с помощью божественной силы к просветленному знанию, ощущает неудержимый прилив небесной отрады. Он способен созерцать вещи в их сокровенном и разумно их объяснять, руководствуясь правильным различием. Он находится в Сыне как надлежащим образом освобожденный чрез Сына, впрочем, пока еще обретаясь как бы в исходе из пристального созерцания вещей в соответствии с их собственным естеством. Это уместно назвать переходом, свершаемым духом. Он – над временем и пространством, иссякнув в любвеобильном созерцании в Боге.

³⁰ См. прим. 10.

Кто же ныне сумеет продвинуться дальше и кому Бог захочет оказать особую помощь, даровав мощное восхищение (какое даровал святому Павлу, что, по слову святого Бернарда, еще и теперь может случиться³¹), того тварный дух будет охвачен сверхъестественным Духом и возведен туда, куда своей собственной силой он не смог бы добраться. Восхищение отымет у него образы, формы, всякую множественность. Он позабудет о себе самом и о всем, будучи возведен вкупе с троицей Лиц в бездну обретающейся в ней простоты, где, в соответствии с высшей истиной, насладится блаженством. Тут больше не будет ни борьбы, ни стремлений, ибо, как дальше изложено посредством картин, начало и конец стали Единым, и дух, лишившись себя, стал одним с этим Единым. А каким бывает оное восхищение, случающееся в сем времени с тем или иным человеком, длится ли оно долго или не долго, слабо или сильно человек в этом времени бывает восхищен выше всякого времени, лишен себя самого и перенесен в безобразную Единицу – о том с добрым различием написано выше.

Государыня дочь, заметь себе только, что все эти нарисованные [мною] картинки и истолкованные образные выражения столь же далеки от безобразной Истины и так на нее не похожи, как черный арап не похож на прекрасное солнце. И это – из-за безобразной, непостижимой простоты указанной Истины».

Благоговейно возведя очи горе, дочь сказала: «Хвала вечной Истине за то, что Вашими мудрыми и добрыми словесами я так превосходно наставлена в том, что представляют собой первые шаги начинающего человека, надлежащие средства воздержания, перенесения страданий и упражнения у совершенствующегося человека, а также и в том, каковы несомненные отличительные признаки тайного явления наивысшей обнаженной Истины. Вечная хвала Богу за это!»

*****

После того, как сия святая дочь была благородно, в соответствии с полнотой христианской истины и с добрым различием наставлена своим духовным отцом на все те пути, что завершаются высшим блаженством, и осознала преподанное ей в той мере, насколько это возможно в сем времени, он ей написал в своем последнем послании помимо прочего так: «Ну вот, дочь, распрощайся с творением и, отложив дальнейшие вопрошания, прислушайся и услышишь сама, что Бог вещает в тебе! Ты можешь возрадоваться: тебе стало известно, что удержано от прочих людей. Как бы тебе ни было туго, все это минует со временем. Тебе же нет нужды делать что-либо, кроме как соблюдать Божий мир в тихом покое и радостно дожидаться своего исхода из времени в совершенное и вечное блаженство».

А вскоре случилось, что она святая дочь умерла, удостоившись столь блаженной кончины, сколь блаженным было и все ее житие. После смерти явилась она в отрешенном [от всего земного] видении духовному отцу своему. Исполненная небесной отрады, она лучилась и ярко сияла в белоснежных одеждах. Дочь подступила к Служителю и показала ему, сколь благородным образом она погрузилась в обнаженное Божество. Служитель увидел и услышал сие с весельем и ликованием, его же душа из-за этого видения была переполнена божественной радостью. Возвратившись в себя, он глубоко вздохнул и подумал: «Ах, Боже, сколь блажен человек, взыскующий Тебя одного! Для него и страдания желанно, ибо в страдании Ты ниспосылаешь ему великое утешение! Да поможет нам Бог присоединиться к сей святой дочери и ко всем Его любезным друзьям, дабы и нам вечно наслаждаться Его божественным ликом. Аминь!»

MYSTAGOGIA OF H. SEUSE

M.Y. REUTIN

*Institute for Higher Humanities,
Russian University
for Humanities*

e-mail: mreutin@mail.ru

---

³¹ 2 Кор. 12, 2-5.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 167.7

ПРОЕКТНЫЕ СТРАТЕГИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ (МЕТАНАУЧНЫЕ ДОМИНАНТЫ)

О.Н. ПОЛУХИН

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: rector@bsu.edu.ru

В статье исследуется проблема философско-научной (эпистемологической) рефлексии ценностных предпосылок политического мышления. На примере понятия гражданственности показана связь историчных ценностных смыслов политического мышления в контексте целостного понимания государственной жизни народа.

Ключевые слова: политическая эпистемология, метанаучные доминанты, язык политического мышления, гражданственность, телеология политического мышления.

Следует стартовать от понятий,
растворенных в человеческих поступках
Фр. фон Хайек¹

Вне политического мышления никакой
политики на самом деле не существует
А.М. Пятигорский²

К перспективам современной политической эпистемологии

В современном политологическом исследовании проявляются две основных методологических традиции. Первая из них связана с выявлением политических интересов, рационально мотивирующих политическую деятельность. Эта традиция *qui prodest* существенно уточняется иной традицией, связанной с выявлением инорациональных, глубинных ценностных мотиваций, обеспечивающих политическую деятельность в ее полноте и незавершенности. Согласование этих традиций происходит в исследовательском поле политической эпистемологии и является одним из наименее разработанных направлений развития политической науки³.

¹ Хайек Ф. фон. Познание, конкуренция, свобода. СПб., 1999. – С. 38–39.

² Пятигорский А. Что такое политическая философия: размышления и соображения. М., 2007. – С. 54.

³ См. Панарин А.С. Философия политики. М., 1996. Пятигорский А.М. Что такое политическая философия: размышления и соображения. М., 2007. – С. 54–71. Пятигорский А.М., Алексеев О.Б. Размышляя о политике. М., 2008. – С. 11–42. Ремизов М. Политическая теология как политическая

Одно из препятствий, которые требуется преодолеть в развитии современной политической эпистемологии, связано с ценностной ангажированностью самих участников эпистемологических исследований, необходимостью принять во внимание экзистенциальное «кружение мер», которое происходит в самой политической эпистемологии. Упрекая интеллектуалов прошлого столетия в своего рода предательстве – отказе соблюдать свое призвание, верность учительному началу политического познания, Ж. Бенда напоминал о гуманистическом строе политического знания⁴; подобным образом А.М. Пятигорский прокламировал «антигуманизм» – стремление избежать безотчетной веры в возможности политического мышления как такового, взятого в меру его познавательной автономии, – призывая, вместе с тем, доверять самому мышлению как познавательной подлинности политической рефлексии⁵. Следуя Фр. фон Хайеку⁶, политическое исследование, устремленное к некой конструктивной цели, можно опознать в меру его ценностно-идеологической заданности и представить как своего рода теоретическое недоразумение; сам язык политического исследования и связанный с ним язык той или иной политической эпистемологии можно представить как ценностно нагруженную жанровую форму или «жаргон подлинности»⁷ и т.д. Повсюду ценностные начала политико-эпистемологического исследования обнаруживаются как некие неподрачетные интеллектуальные страсти, к которым относятся как желание чистого политического знания, так и желание ограничить всю полноту политического рамками политического мышления, детерминировать его практиками политической или, шире, культурно-исторической рефлексии. *Соответственно, нуждаются в последовательном прояснении как само ценностное разнообразие в области политического знания, так и условия преодоления ценностного релятивизма – метанаучные доминанты проектно ориентированного политического мышления.*

Незамещаемые понятия

Под метанаучными доминантами политического мышления следует понимать его культурно-исторические установки, которые предполагают доверие к общим основаниям или базовым процедурам научных исследований и в самом политическом мышлении принимают вид незамещаемых понятий. Политическое мышление не может состояться без стремления к достоверности, точности и полноте политического знания и обеспечивающих его познавательных процедур репрезентации, интерпретации, конвенции и т.п. Однако это стремление неполно без фазиса категоризации, состояния ценностно-понятийной констелляции тех смыслов, которые связаны с самой природой политического. Политическое мышление оказывается состоятельным, когда его структурируют понятия, фиксирующие его устремленность, – неопределяемые в силу их метанаучной подлинности. Сама эта подлинность не может быть предметом эпистемологического анализа и относится к области политической теологии. Но познавательная реальность этих понятий вполне представима и выразима, в том числе на уже существующих языках политической философии⁸. Проблема возвратного осмысления этих историчных языков, их взаимности, переводимости и взаимной незаменимости их ценностно-понятийных

эпистемология // Русский журнал [электронный ресурс]. URL: http://old.russ.ru/politics/grammar/20000817_gemizov.html и др.

⁴ Бенда Ж. Предательство интеллектуалов. М., 2009. Ср.: Бенда Ж. Конец вечности. СПб., 2012.

⁵ Пятигорский А.М. Что такое политическая философия: размышления и соображения. – С. 54 и др.

⁶ Хайек Ф. фон. Познание, конкуренция, свобода. – С. 38–39 и др.

⁷ Адорно Т.В. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. М., 2011.

⁸ Исследуя политическое мышление как речевое, непредусмотрительным будет разбранить его исторические формы, в т.ч. и идеологические; эти формы нуждаются не во внешней оценке, а «как ответ на необходимость понять этот мир». – Алтунян А.Г. Анализ политических текстов. М., 2012. – С. 67. К. Гирц, иронизируя насчет презрительного отношение к идеологии, которое сложилось в 1930-1950-х гг., отмечал в свою очередь, что «конца идеологии мы можем ждать столь же долго, сколько позитивисты ждали конца религии. Как воинствующий атеизм был ответом на воинствующий религиозный пыл нетерпимости (и на расширение знаний о природе), так и вражда к идеологии – ответ на политические гекатомбы последнего полувека (и на расширение знаний об обществе)». – Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004. – С. 192.

начал должна быть осознана как ключевая проблема политической эпистемологии. Принципиальная незавершенность политического мышления никогда не исключает «лазеечного наадресата» (М.М. Бахтин), авторитетного начала во встречающихся таким образом практиках политического мышления. Напротив, мышление, в котором замечается и признается его метанаучный горизонт, оказывается в эпистемологическом отношении к этому авторитетному началу, которое уже не может быть представлено как безличное абсолютное. Обнаруживая незамечаемые понятия политического мышления в их конкретной историчности, политическая эпистемология не исключает политическое абсолютное из зоны ответственности политического мышления, но уточняет его диалогический горизонт. Конкретно-историческое абсолютное присутствует в политическом мышлении как некий горизонт его метанаучных рисков, не размывает, а, напротив, сосредоточивает политическое мышление, которое принимает ответственность в отношении неустрашимого абсолютного на себя, становится диалогически ответственным. Реальность политического мышления, «растворенного в человеческом поступке», – это реальность проектно-познавательного действия, подлинность которого обеспечивается в меру его личностного статуса.

К телеологии политического проекта

Одним из незамечаемых понятий политического мышления, в котором сказываются его метанаучные доминанты, его исторический и ценностно-проективный настрой, можно считать понятие гражданственности. Это понятие очевидно искусственно; в него нельзя поверить как в некую беспредпосылочную данность политического мышления; без него и трудно обойтись, даже сомневаясь в его культурно-исторической достоверности. Гражданственность означает следование некоему идеалу участия в политическом действии – идеалу, который осмысливается на культурно-исторических границах политического знания, в некоем ценностном интервале между знанием этическим и политическим. Романтически-индивидуальный пафос этого понятия восходит к Просвещению; однако ценностное начало это идеала приняло свой метанаучный понятийный вид тогда, когда стало возможным мыслить его вне конкретно-революционных практик гражданства конца XVIII в., уже после Просвещения, в скептическом, культивирующем научность и историзм XIX столетия. Это понятие явилось как артефакт секулярного теоретико-политического мышления, готового к идеологическому творчеству, – осознающего свою автономию и готового предписывать условия политического действия в императивно-познавательном порядке. Осмысление гражданского статуса участников политического процесса, их особого социально-политического достоинства произошло, разумеется, много раньше; римская согопа *civica*, составленная из дубовых листьев, украшала тех, кто, рискуя собою в военных переделках, спасал жизни сограждан; яркие реплики насчет гражданственности как нравственной задачи встречаются в «Духе законов» Ш. Монтескье и оформляются, по требованию революционной Франции конца XVIII в., в закон гражданственности, *civisme* – преданности революционному правительству. Однако понятие гражданственности указывало уже на особую осмысленность гражданских поступков, их прояснение в политической науке XIX века – науке о духе, различающей как значимое познавательно-волевое начало гражданственности, *civic consciousness* или *public spirit*, как особый научно-стилевой момент политической мысли⁹. В истории русской мысли особое понимание гражданственности как целостного, целеустремленного состояния политического мышления образованного человека связывается с именем А.Н. Радищева, политически ангажированной плеяды интеллектуалов-декабристов, «Отечества достойных сынов» Н.А. Некрасова и Н.Г. Чернышевского и т.д. Энциклопедист В.И. Даль указывает на гражданственность как на «состояние гражданской общины; понятия и степень образования, необходимые для составления гражданского обще-

⁹ Civic // Online Etymology Dictionary [электронный ресурс]. URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=civic+consciousness&searchmode=none. *Civisme* // Dictionnaire de français "Littre": definitions, citations, synonymes... d'après l'ouvrage d'Emile Littré [электронный ресурс]. URL: <http://litre.reverso.net/dictionnaire-francais/definition/civisme/13506?highlight=civisme>.

ства»¹⁰, отмечая тем самым не только осмысленный традиционный, но и актуальный к середине XIX столетия проектно-телеологический статус гражданственности, его ценностно-нормативный момент¹¹.

Метанаучная, ценностно-нормативная напряженность понятия гражданственности дает себя знать на протяжении всего XX века. П.А. Столыпин в самом начале прошлого столетия записывает наблюдение, в котором фиксирует эпистемологически вольный характер этого понятия, его секулярную и проективную дидактичность: «Прежде всего, надлежит создать гражданина... и, когда задача эта будет осуществлена, гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность. А у нас обыкновенно проповедают наоборот»¹². У И.А. Ильина подобная мысль сама предельно наполнена антидидактическим пафосом: «И в науке, и в жизни все еще господствует формальное понимание государства, извращающее его природу и разлагающее в душах все основные начала гражданственности. Следуя этому пониманию, люди строят государственную жизнь так, как если бы она сводилась к известным, механически осуществляемым, внешним поступкам, оторванным от внутреннего мира и от духовных корней человека...»¹³. Миновало столетие; изменения в российской политической жизни опережают развитие политической рефлексии; актуальное политическое мышление использует понятие гражданственности как незамещаемое, неопределимое или определяемое слабо, через другое неопределяемое понятие множества, как, например, «совокупность взглядов и убеждений, которая с одной стороны, предполагает высокую степень независимости индивидуальных суждений в обществе, с другой стороны – сильную социальную солидарность, которая выражается в участии человека в жизни общества»¹⁴; здесь же – сожаление о том, что «точного научного обоснования «гражданственности» так и не было дано»¹⁵.

Гражданственность является базовой проектной ценностью современного российского политического мышления; она именно присуща ему как его метанаучная доминанта, его сокровенный познавательный смысл. Стоит поразмыслить об этом именно эпистемологически, не объективируя гражданственность как некую давнюю интеллектуальную страсть, внешнее историческое нравственное требование, но соблюдая ее в некотором историчном единстве политического мышления, не имеющего никаких внешних гарантий своей автономии и понимающего гражданственность как *sine qua non* своей научно-познавательной эффективности.

Мыслить исторично

Немногим более двух столетий назад, в марте 1811 года, Н.М. Карамзин представил императору Александру I секретный доклад – «Записку о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». В этом докладе Карамзин трактует ценности начала русского политического мышления, возражая практике политических реформ М.М. Сперанского и формулируя свой протестный афоризм: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России»¹⁶. Этот афоризм жарко обсуждался в течение многих десятилетий, часто упрощался и идеологизировался как некий практический совет по манипуляции общественным сознанием, поданный властителем умов царствующей особе. Но Карамзин, будучи современником европейских идеологов-теоретиков, сам идеологом никогда не был. Его протест – это про-

¹⁰ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. СПб., 2002. – С. 390.

¹¹ См. подробнее: Князев А.Н. Гражданственность личности [электронный ресурс]. URL: <http://prochtu.ru/text.php?avtor=354&kniga=4&f=html&p=view>. Никифоров Ю.Н., Скалина А.Н. О понятии «гражданственность» // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2007. № 2 (Ч. 2). – С. 155-159 и др.

¹² Столыпин П.А. Мысли о России. М., 2006. – С. 69.

¹³ Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 4. М., 1994. – С. 259.

¹⁴ Кротенко А. Понятие гражданственности и ее развитие через волонтерство [электронный ресурс]. URL: <http://www.cloudwatcher.ru/analytics/6/view/53/>.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. – С. 35.

тест опытного историка, который заметил в истории России не только действие политических интересов, но и то, что к этим интересам несводимо, – спланированные ценностные начала политической действительности, укорененные в опыте политического самопереживания. В русском политическом мышлении всегда оставалось место для трезво-исторического осознания органичности политических поступков, совершаемых людьми в тесной связи со всем их жизненным строем. Мыслить политически в России всегда означало мыслить с некоторой телеологической точностью, понимая автономию политического мышления не только по его абстрактной истине, но и по его правде – думать ценностно основательно и поступать, полагая самое мышление, его индивидуальность и неповторимость координатно, как мышление в виду своего более чем политического, жизненного другого. «Блажен, кто положит душу за други своя» (Ин. 15, 13). Эта установка политического мышления, евангельская и предельно эпистемологическая, порой ограничивалась энтузиазмом нерассуждающего научно-политического действия и тогда вела к чудовищным аберрациям политического мышления. Однако понимаемая с жизненной осмотрительностью именно «гражданами России», чужавшимися мыслить абстрактно-безлично, как «граждане мира», она была вполне победительной в политической заботе и защите всего жизненно близкого, ценностно непреложного. Успехи российской политики всегда были тем прочнее, чем более они связывались с консервативной недоверчивостью политического мышления к самому себе, с доверием к тому непреложному ценностному началу, по отношению к которому сказывалась открытая полнота русской политической мысли. Опыт такого доверия полузабыт; спустя столетие русское политическое мышление открывает себя заново. Досадно будет, если это переоткрытие будет повторением интеллектуально-идеологических пристрастий; радостно, если пройдет оно в горизонте новых проблем политической эпистемологии – в перспективе проектных стратегий политического мышления, верифицируемых в меру их ценностной достоверности, заметной уже и в аналитической традиции западного политического мышления¹⁷.

Список литературы

1. Хайек Ф. фон. Познание, конкуренция, свобода. СПб.: Пневма, 1999. – 288 с.
2. Пятигорский А. Что такое политическая философия: размышления и соображения. М.: Изд-во «Европа», 2007. – 152 с.
3. Панарин А.С. Философия политики. М.: Новая школа, 1996. – 424 с.
4. Пятигорский А.М., Алексеев О.Б. Размышляя о политике. М.: Новое издательство, 2008. – 190 с.
5. Ремизов М. Политическая теология как политическая эпистемология // Русский журнал [электронный ресурс]. URL: http://old.russ.ru/politics/grammar/20000817_reميزov.html
6. Бенда Ж. Предательство интеллектуалов / Жюльен Бенда; пер. с франц. В.П. Гайдамака и А.В. Матешук. М.: ИРИСЭН, Социум, 2009. – 310 с.
7. Бенда Ж. Конец вечности / пер. с франц. В.Ю. Быстрова. СПб.: Изд-во «Русский Мирь», 2012. – 239 с.
8. Адорно Т.В. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии / пер. Е.В. Борисов. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. – 191 с.
9. Алтунян А.Г. Анализ политических текстов. М.: Логос, 2012. – 384 с.
10. Гирц К. Интерпретация культур / Пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. – 560 с.
11. Online Etymology Dictionary [электронный ресурс]. URL: http://www.etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=civic+consciousness&searchmode=none.
12. Dictionnaire de français “Littre”: définitions, citations, synonymes... d’après l’ouvrage d’Emile Littré [электронный ресурс]. URL: <http://littre.reverso.net/dictionnaire-francais/definition/civisme/13506?highlight=civisme>.
13. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. СПб.: Диамант, 2002. – 704 с.
14. Князев А.Н. Гражданственность личности [электронный ресурс]. URL: <http://prochtu.ru/text.php?avtor=354&kniga=4&f=html&p=view>.

¹⁷ Ср., напр.: Оукшот М. Консерватизм в политике / Пер. И. Мюрберг // Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи. М., 2002. – С. 65–90.

15. Никифоров Ю.Н., Скалина А.Н. О понятии «гражданственность» // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2007. № 2 (Ч. 2). С. 155-159.
16. Столыпин П.А. Мысли о России. М.: РОССПЭН, 2006. – 127 с.
17. Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 4 / Сост. и коммент. Ю.Т.Лисицы. М.: Русская Книга, 1994. – 620 с.
18. Кротенко А. Понятие гражданственности и ее развитие через волонтерство [электронный ресурс]. URL: <http://www.cloudwatcher.ru/analytics/6/view/53/>.
19. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991.
20. Оукшот М. Рационализм в политике и другие статьи / Пер. с англ. М.: Идея-Пресс, 2002. – 288 с.

PROJECT STRATEGIES OF POLITICAL THINKING (METASCIENCE DOMINANTS)

O.N. POLUKHIN

Belgorod National Research University

e-mail: rector@bsu.edu.ru

The paper is devoted to the problem of philosophical and scientific (epistemological) reflection on the values or background presuppositions in political thinking. The author of the paper demonstrates the metascientific dominants in political thinking, categorizing from a holistic understanding of the public life as its historic relationship. The value nature of political thinking is epistemologically commented by the notion of civic consciousness.

Keywords: political epistemology, metascientific dominants, dialogue, language of political thought, civic consciousness, teleology of political thought.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 130.2

О КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ ФИЛОСОФСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ, СВЯЗАННОЙ С ИДЕОЛОГЕМОЙ КОСМОПОЛИТИЗМА

Л. Г. АЛЕКСАНДРОВ*Челябинский
государственный
университет**e-mail: leonalex42@mail.ru*

Статья посвящена культурной реабилитации философской концепции космополитизма, восходящей к идеям античной демократии и составляющей важную часть современных либеральных доктрин. Автор касается политического и экономического контекста позиции «мирового гражданства», а также ее этической и эстетической компонент, актуальных для гуманистического «прочтения» мировой культуры и цивилизации.

Ключевые слова: терминология, космополитизм, патриотизм, гуманизм, универсальность, толерантность, культура, цивилизация, общечеловеческие ценности, геополитика, мондиализм, экуменизм, глобализация.

Переоценка культурных ценностей заставляет сегодня по-новому взглянуть на идеологему космополитизма, переосмыслить ее как принцип мировоззрения и жизненную позицию. Само понятие о мировом гражданстве сегодня порой используется в качестве «общего места», «пустого означающего», способного быть символически привязанным к любой идее или концепции. Но у этой идеологемы огромный опыт «преодоления» культурной идентичности и, заметим, значительно больший потенциал философских абстракций и обобщений, чем у любого рода патриотизма, который, напротив, более наивен, конкретен, прост и удобен как первая стадия культурной идентификации человека.

Уже в Древней Греции обозначились две разных мотивации в космополитизме. Если для киников он был протестной акцией в народных «низах», лишенных гражданских прав, софистическим парадоксом, формой социального нигилизма и анархизма, – то у стоиков космополитизм вписывался в широкий спектр энциклопедической натурфилософии и сопрягался с проповедью воздержанности и терпимости. Кроме того, в Древнем Риме он способствовал развитию системы формального права и морально поддерживал идею могущественной империи, покровительствующей разным народам.

Образ мудреца, родиной которого является весь мир, можно обнаружить и на Востоке, в частности, в космологии даосизма или конфуцианской этике, но все же базисом развития восточной философии была традиционность и самобытность, в то время как культурные трансформации космополитизма в Европе происходили более динамично и широко.

Большинство соотнесенных с «космополитизмом» терминов имеют греческое и латинское происхождение, в связи с тем мощным влиянием, какое эти культуры оказали на европейские языки. При этом декларация космополитизма могла выходить за пределы классического аристотелевского понимания политики как «множественности интересов» и политики как «золотой середины» в государственном устройстве, вписываясь в широкий этико-эстетический контекст и представляя собой норму всеобъемлющего политемса. Характерные примеры терминологической трансформации идеи «мироприемлемости» – разноплановость однокоренных греческих терминов «космонавтика» и «косметика» или, например, русскоязычное представление о мире как пространстве (космосе) или согласии (гармонии).

Греческая терминология, родственная идеологии «мирового гражданства», периодически актуализировалась в XIX веке, в течениях космизма, органицизма и холизма, заявивших о себе на фоне общего подъема естественнонаучного знания и становления теории эволюции. Космофилская онтология органической связи природы и культуры вылилась в т. н. антропный принцип космологии и учение о человечестве как эволюционной силе. В работах Я. Смэтса или Дж. С. Холдейна философия физической, биологической и психической целостности выразилась в концепции холизма (от греч. *holon* – целый), где человек амбивалентен по отношению к окружающему миру и стремится к полноте бытия (в латинской терминологии ей соответствует т. н. интегральная философия). Подспудно понятие «космополит» осталось в биологической терминологии, обозначая специфику растений и животных, родовидовые особенности которых – хорошая адаптация к среде и широкий ареал распространения.

Духовной основой подобного мирозерцания еще у Б. Спинозы, А. Шефтсбери, Г. Лейбница, В. Одоевского и других мыслителей выступала доктрина космократии (космодицеи) о сверх-личном Абсолюте, установившем тотальную связь между уровнями организации материи. С научной мыслью этот ряд концепций соприкоснулся в теории ноосферы В. Вернадского, а с религиозным менталитетом – в учении П. Тейяра де Шардена о «духовной оболочке» мира (пневмосфере). Коэволюционная стратегия развития человечества в концепциях экуменизма (от греч. *oikos* – обиталище, общее жилище) способствует формированию современной экологической культуры, основанной на нравственной ответственности за природу и позитивном сотрудничестве всех людей в этом направлении.

Этим концепциям сопутствуют социально-психологические исследования ксенофобии и ксенофилии (греч. *xenos* – чужой), по сути являющихся крайними проявлениями патриотизма и космополитизма, охватывающих всю область перехода от познания самости к пониманию инаковости (греч. *heterotes*, лат. *alteritas*). Терминологическое творчество в исследуемой предметной области осуществлялось и сегодня часто осуществляется с помощью греческих приставок «пан-» и «син-» («сим-»), выражающих, соответственно, значения «всеобщности» и «сопричастности».

Можно вспомнить, что для средневековой культуры были значимы взаимодополняющие категории панэстетизма и синэстетизма, благодаря которым, как замечает Й. Хейзинга, человек довольно быстро превращал чувство прекрасного в ощущение причастности божеству или в обыкновенную радость жизни: полифония мысли была такова, что «в любом размышлении, словно в калейдоскопе, из беспорядочной массы частиц складывалась прекрасная и симметричная фигура».¹ Эта эстетика сохранена и в современном искусстве, в частности, в жанре панорамы, предполагающем принцип всеобщего обозрения.

Современная философская мысль квалифицирует некоторые абсолютизированные (по разным основаниям) течения как панвиталистические, панлогические или панпсихические. Пантеистические тенденции разных видов и форм, знакомые культуре с античных времен, сопровождают развитие религиозного мирозерцания. В зависимости от этической оценки, мы и в обыденном мышлении можем аллегорически определить космополитизм как «культурную панацею» или же «культурную пандемию» – особенно

¹ Хейзинга Й. Осень Средневековья / пер. с нидерландского Д. Сильвестрова. – 4-е изд. – М.: Айрис-Пресс, 2004. – С. 226.

если иметь в виду периодически обнаруживающуюся в массе населения повальную моду на «иностранное».

Космополитическое мышление обусловлено нечувствительностью к некоторым глубоко индивидуальным культурным формам и склонностью к подражанию, имитации — это его основная проблемная точка. Следует также заметить, что термин «мировая культура», используемый космополитами, часто есть абстракция, поскольку в реальности существуют лишь национальные культуры, укорененные в традиции. Представление о том, что существует некая «вытяжка» под названием «мировая культура» есть что-то вроде нонсенса или каламбура. В этом контексте, «космополитизм есть отношение к самому разнообразию, к сосуществованию многообразных национальных культур в индивидуальном опыте».² Отчасти это касается и культурологического определения «мировая религия» (по отношению к буддизму, христианству и исламу), которое вступает в противоречие с формулой «много религий — одна вера».

Космополитизм часто процветает на стыке традиций, способствуя культурному синкретизму или эклектизму (смешению). В случае успешной реализации этих функций мы можем говорить о культурном симбиозе (совместном проживании), идейном синтезе (соединении) или смысловом синтаксисе (построении), которые, по нашему мнению, относятся к терминам одного порядка. Когда субъекты культурного взаимодействия находят основу для диалога (или полилога), мы вправе определять такой тип отношения как «симпатию», «симфонию», «синхронию» и т. п.

В свое время с подачи П. Ж. Прудона возымела популярность теория анархосиндикализма (от греч. *syndikos* — «действующий сообща»), поддерживающая, кроме прочего, создание рабочих ассоциаций и товариществ. Ее истоками была идеология английских левеллеров и французских эгалитаристов («уравнителей»). Из наименований собраний разного типа можно вспомнить, например, симпозиум или синклит, а совместной деятельностью организаций любого профиля сегодня занимается синергетика (от греч. *synergeia* — сотрудничество, содружество).

В латыни сходную функцию выполняли приставки «кон-» («ком-») и «интер-», выражающие значения «совместности» или «промежуточности». Так, например, мы сегодня говорим о конвергенции, сближении тенденций, приближении к общему результату; в политологии используется понятие «конфедерация» (объединение, союз), и этого же порядка юридические понятия «конвенция» или «конституция».

В социальной психологии бытует термин «конформизм» (от лат. *conformis* — «сходный»), характеризующий некритическое присоединение человека к мнениям и позициям окружающих людей, его бесконфликтность. В моральном контексте понятие часто употребляется в осуждающем смысле. Космополитизм может быть также «обыгран» и квалифицирован как компаративная (сравнительная), коммуникативная (сообщающаяся), комплементарная (дополнительная), коррелятивная (соотнесенная) или координирующая (упорядочивающая) интенция культуры.

Можно определить космополитизм и как интер-культурную (или мультикультурную) тенденцию, несмотря на то, что в советское время он противопоставлялся, например, интернационализму по идеологическим основаниям, поскольку первый относился к буржуазным, а второй — к пролетарским категориям.³ В обиходе мы встречаемся с такими организационными формами, как интернат, который (как и пансион), предполагает общежитие, совместное проживание, а в глобальных масштабах имеем дело с Интернетом, ресурсом всеобщей коммуникации, — и оба понятия сходны по смыслу с такими техническими терминами, как «интервал», «интерполяция», «интерференция» и т. п.

Космополитической идеологеме почти всегда сопутствуют мотивы изгнанничества и странничества, поэтому правомерно, на наш взгляд, придать ей экстра-культурный и транс-культурный статус. Это философия маргинальная, экстраординарная и выходящая далеко за пределы культурной идентичности. Она напоминает культурный экспери-

² См.: Миненков Г. Космополитизм и космополитическая идентичность: практики интерпретации / Г. Миненков. — URL: <http://n-europe.eu/content/p/1439>

³ См.: Модржинская Е. Д. Космополитизм — империалистическая идеология порабощения наций / Е. Д. Модржинская. — М.: ИФ АН СССР, 1958. — 78 с.

мент по пересадке на чужую «почву», а ее характер можно определить как экстенсивный или даже экспансивный (лат. *expansio* – расширение, распространение). Психология космополита, как правило, носит ярко выраженный экстравертивный характер, и лишь философский склад ума несколько успокаивает чересчур авантюрные натуры современных «экстремистов» и «экстремалов», порой готовых на многое ради своей идеи.

Нельзя не упомянуть и о переходности, транс-субъективности, даже трансцендентности космополитической позиции (от лат. *transcendere* – переступить). Ж. Деррида замечал, что космополитическая идеология вполне совмещается в обыденном мышлении с проявлениями мистицизма и анархизма.⁴ Как бы то ни было, космополит, по нашему мнению, — это универсальный трансплантатор народов, транспортер традиций, транслятор идей и вообще сам является своеобразным культурным трансформатором. Его позиция может быть обозначена и как медиатор (или даже медиум) мира, то есть он выполняет посредническую функцию (миссию).

Стремление к культурному универсализму с эпохи латинского средневековья проявлялось в поиске универсалий мира, в утверждении единства многообразия, в преобразовании уникального во всеобъемлющее — универсум. В результате мы имеем сегодня систему образовательных учреждений (университетов), а, начиная с унии, принятой на Флорентийском соборе, — еще и целый ряд юридических документов, направленных на унификацию социума или унификацию культуры.

Уже античная ученая латынь ввела в обиход такие важные понятия, как культура, цивилизация, гуманизм. Категория толерантности, используемая вначале для обозначения физических свойств человека (выносливость, выдержанность), впоследствии стала пониматься как терпимое, снисходительное отношение к людям, а сегодня, после катаклизмов XX века, все чаще требует осмысления в общечеловеческих масштабах.

В историко-философском контексте порой встречается понятие сервизма (от лат. *servilis* – «рабский»), означающего «угодливость», «услужливость», «низкопоклонство». Применительно к учениям М. Пселла, Б. Паскаля и ряда других мыслителей понятие было связано с нравственной позицией, элементами которой были сострадание, душевная мягкость, прощение слабостей, гибкость и терпимость, готовность к компромиссам и маневрированию. Применительно к либеральному мышлению XVIII века, для которого ритуал и этикет были чрезвычайно важны, иногда упоминается также течение пьетизма (лат. *pietas* – благочестие), проповедующее уважительное, почтительное отношение к убеждениям человека.⁵

Восприняв кальку греческого понятия *cosmos* во всех значениях, латынь умножила понятие о мире и за счет своих вариантов: *universum* (вселенная), *globus terrae* (земной шар), *mundus* (гармония и красота), *orbis* (окружающая среда), *racis* (обитаемое пространство). В эпоху Ренессанса Г. Плифон и Г. Постель представляли мир экстерриториальным и наднациональным духовным братством всех людей. Европейские мыслители предчувствовали, что гражданское общество вскоре станет пестрым и смешанным. Так, Н. Макиавелли, рассуждая об императорской власти, не сомневался в осуществлении *humana civilitas*, мечтая о возрождении римского космополитизма в единой итальянской нации.⁶ Постепенно мировая цивилизация постепенно отождествляется с исходной идеей Космополиса.

Непременным следствием космополитизма предстает урбанистическая культура, ибо именно в крупных городах он, как правило, и «приживался». Если еще Эразм Роттердамский понятие *civis mundi* связывал с понятием *christianitas* («христианский мир»), то уже «физиократы» Просвещения акцентировали внимание на свободном культурном обмене между городами и странами, а идеологи новейшего времени видели признаки

⁴ Цит. по: Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук / пер. с франц. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. – СПб.: А-сад, 1994. – С. 194.

⁵ См., напр.: Биллингтон Дж. Х. Икона и топор: опыт истолкования истории русской культуры / Дж. Х. Биллингтон. – М.: Рудомино, 2001. – 880 с.

⁶ См.: Ткаченко-Гильдебрандт В. Жизнь и учение одного из архитекторов современного мира: предисловие к первому русскому изданию Г. Постеля. – URL: <http://www.proza.ru/2009/02/28/814>; Максима Макиавелли: уроки для России XXI века. Статьи. Суждения. Библиография / под общ. ред. П. Баренбойма. – М.: Рудомино, 2001. – 361 с.

цивилизации в первых европейских компаниях, имеющих всемирные торговые и политические интересы. Это была эпоха становления геополитических доктрин и надгосударственного империализма, для которого региональное имперское мышление уже не отвечало запросам старого миропорядка. Как отмечают И. Валлерстайн и Ф. Бродель, происходит закономерное расслоение мира, в ходе которого «внешние» и «промежуточные» зоны предназначаются для «подпитки» центральной структуры конструкции.⁷

Космополитическая толерантность морально поддерживалась уцелевшими в ходе Реформации принципами гуманности, в частности философией пацифизма – неприятия насилия. Динамика жизни современного человека делает неизбежной встречу на жизненном пути с разнообразными формами идентичности, в том числе и «гибридными», и все чаще нормой становится «полигамное» отношение к жизненному пространству. Модель такого вариативного существования и практики соответствующей культурной идентификации У. Бек называет контекстуальным универсализмом, а С. Гарпушкин видит в этих особенностях общества залог дальнейшего развития гуманизма.⁸ Как бы то ни было, вследствие массивированного воздействия информации отход личности от своей «референтной группы» и утрата культурной принадлежности неизбежны. Толерантный космополит проходит эту «процедуру» менее болезненно.

Космополитическая терминология вызвала к жизни целый ряд понятий в европейских языках. Мировое гражданство определялось по-французски как *citoyen du Monde*, по-немецки – как *Weltburger*, по-английски – как *commoner of the world*, также в ходу были понятия «вагабунд» (от нем. «человек без определенного места жительства и рода деятельности»), «сеттлер» (от англ. «поселенец, переселенец»), «диссидент» (от лат. «инакомыслящий, несогласный»). Все эти культурные статусы тесно увязаны с колониальной и миграционной политикой своего времени, и такой тип людей вряд ли исчерпает себя – они и в далеком будущем будут путешествовать по Вселенной, как Лилу Даллас, с «мультипаспортом».

Либеральной идеологии свободного культурного перемещения сопутствует гуманистический идеал преодоления разобщенности, раздробленности человечества. Расширение идеи отечества на весь мир обусловлено представлениями о солидарности человеческого рода, о возможности общих интересов. Культурная реабилитация «оголтелого безродного космополитизма» (как он интерпретировался в сталинской идеологии) требует отделения от понятия штампов-синонимов, таких, как «анти-патриот», «враг народа», «шпион», «человек без национальных корней» и пр.⁹ Но не менее опасны и штампы современных теоретиков, воспринимающих космополитизм в гипертрофированной форме, почти отождествляющие понятие «гражданин мира» с понятием «господин мира», а в естественно протекающих культурных процессах усматривающие лишь насильственный глобализм, сравнимый с военной интервенцией.

Глобализации должно сопутствовать утверждение «планетарной» этики всемирного гражданства и приоритетов международного права в отношении к законам государства, но до реализации этих принципов на практике еще далеко. Либеральный космополитизм настаивает на преимуществе и транснациональных социальных институтов и общечеловеческих ценностей перед любыми частными культурными проявлениями – национальными, конфессиональными, политическими, экономическими и т. д.

⁷ См.: Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина; под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 416 с.; Бродель Ф. Динамика капитализма: переосмысливая материальную и экономическую жизнь / Ф. Бродель. – М.: Прогресс, 1985. – 58 с.; и др.

⁸ См.: Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма: новая всемирно-политическая экономия / пер. с нем. А. Григорьева и В. Седелника. – М.: Прогресс-традиция, 2007. – 460 с.; Гарпушкин В. Е. Гуманистический универсализм как парадигма мировоззрения: автореф. докт. дисс. / В. Гарпушкин. – Иваново, 2009. – 34 с.

⁹ Рапопорт Я. Л. На рубеже двух эпох: дело врачей 1953 года / Я. Л. Рапопорт. – М.: Книга, 1988. – С. 63.

Мы соглашаемся с позицией Дж. Хелда¹⁰ о том, что космополитизм подспудно включает обязательство работать над установлением норм публичного права в государствах, признающих путь демократического развития как внутри своих границ, так и на международном уровне. При этом современный космополитизм акцентирует нравственное измерение культурных отношений, обращая особое внимание на право выбора личности. Ведь толерантное сознание всегда рефлексивно и компаративно, оно обращает внимание на «иное» и ведет к разумным решениям по изменению «своего», а не стремится навязать другому человеку свое понимание «истины» или «блага», рассматривая его как подчиненную величину. Космополитизм оправдывается необходимостью проверки своих идеалов на «конвертируемость» с общечеловеческими ценностями.

Космополитизм — это один из способов регуляции внутреннего конфликта личности в плане реализации ее многофункциональной природы, способ переосмысления человеком «размытой» или «ложной» культурной идентичности, преодоления партикуляризма в поиске целостного смысла жизни. Мы полагаем, что именно он в современном фрагментированном мире может стать основой согласования многообразных идентичностей, поскольку в него заложен гуманистический принцип изначального равенства всех людей. Толерантная личность открыта для любого интеллектуального и эстетического опыта, она улавливает культурные сходства и различия, но заинтересована, скорее в многообразии, чем в единообразии мира.

Патриотическое чувство и национальное достоинство, часто являющиеся сегодня элементами государственной стратегии, имеют свою культурную перспективу. Но в зависимости от дополнительных установок, в русле этих стратегий может развиваться шовинизм и экстремизм в межнациональных и межконфессиональных отношениях. Культурная же исключительность фактически является «тупиковым путем», чреватым изоляционизмом, сепаратизмом, фанатизмом и другими отклонениями. Существует прямая связь между завышенной оценкой человеком своих национальных и заниженной оценкой инациональных ценностей.¹¹ Космополитическая толерантность предлагает рецепт от этой «болезни» в виде демографической информации о том, что примерно каждый третий человек — представитель переходной и смешанной этнической группы.

Для нравственной личности способность уважать другие нации требует определенной саморефлексии, иронического дистанцирования от собственной культурной традиции и определенного релятивизма, в частности, признания случайным самого факта своего рождения в определенной стране. Космополитизм свободен от «коллективного эгоизма», он не склонен к унижению инокультурной идентичности, и представляет собой своеобразный «всепланетный патриотизм».

Культурный индифферентизм и нигилизм, симптомы которых иногда усматривают в космополитизме, свидетельствуют о неизбежных изменениях в «эмоциональной конституции» толерантной личности в современном мире, о значительной аберрации в ее образе жизни. Космополитизм более вариативен и фаталистичен, но если эта позиция не становится «маргинальной» психологией, если космополитическая экзистенциальная «смутность» не фальсифицирует действительность, — то на ее гетерогенной ценностной основе вполне может быть сформирована достойная и позитивная картина мира.¹²

Понятия, родственные космополитизму, и сегодня составляют неотъемлемую часть философского лексикона, научной терминологии и обыденного мышления. Основные культурологические теории современности уже обременены космополитической метафизикой, и как только эти теории найдут практическое приложение, человечество существенно продвинется в построении координат, параметров, свойств и универсалий альтернативных культурных пространств. Разумеется, будущее предложит и новые спо-

¹⁰ Хелд Д. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / пер. с англ. В. В. Сапова и др. — М.: Праксис, 2004. — 576 с.

¹¹ См.: Джунусов М. С. Национализм: словарь-справочник / под ред. О. В. Мельниченко. — М.: Славянский диалог, 1997. — 286 с.

¹² См.: Малинкин А. Н. Понятие патриотизма: эссе по социологии знания / А. Н. Малинкин // Социологический журнал. — 1999. — № 3/4.

события коммуникации, и мыслить в общечеловеческих категориях нужно учиться уже сейчас, чтобы на генетическом уровне ретранслировать эту способность будущим поколениям «граждан мира» — так мы и к инновациям приспособимся, и самобытности не утратим.

Список литературы

1. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма: новая всемирно-политическая экономия / пер. с нем. А. Григорьева и В. Седелника. – М.: Прогресс-традиция, 2007. – 460 с.
2. Биллингтон Дж. Х. Икона и топор: опыт истолкования истории русской культуры / Дж. Х. Биллингтон. – М.: Рудомино, 2001.
3. Бродель Ф. Динамика капитализма: переосмысливая материальную и экономическую жизнь / Ф. Бродель. – М.: Прогресс, 1985.
4. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П. М. Кудюкина; под общ. ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Университетская книга, 2001.
5. Гарпушкин В. Е. Гуманистический универсализм как парадигма мировоззрения: автореф. докт. дисс. / В. Гарпушкин. – Иваново, 2009.
6. Джунусов М. С. Национализм: словарь-справочник / под ред. О. В. Мельниченко. – М.: Славянский диалог, 1997.
7. Максима Макиавелли: уроки для России XXI века. Статьи. Суждения. Библиография / под общ. ред. П. Баренбойма. – М.: Рудомино, 2001.
8. Малинкин А. Н. Понятие патриотизма: эссе по социологии знания / А. Н. Малинкин // Социологический журнал. – 1999. – № 3/4.
9. Миненков Г. Космополитизм и космополитическая идентичность: практики интерпретации / Г. Миненков. – URL: <http://n-europe.eu/content/p/1439>
10. Модржинская Е. Д. Космополитизм — империалистическая идеология порабощения наций / Е. Д. Модржинская. – М.: ИФ АН СССР, 1958.
11. Рапопорт Я. Л. На рубеже двух эпох: дело врачей 1953 года / Я. Л. Рапопорт. – М.: Книга, 1988.
12. Ткаченко-Гильдебрандт В. Жизнь и учение одного из архитекторов современного мира: предисловие к первому русскому изданию Г. Постеля. – URL: <http://www.proza.ru/2009/02/28/814>.
13. Фуко М. Слова и вещи: археология гуманитарных наук / пер. с франц. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. – СПб.: А-сад, 1994.
14. Хейзинга Й. Осень Средневековья / пер. с нидерландского Д. Сильвестрова. – 4-е изд. – М.: Айрис-Пресс, 2004.
15. Хелд Д. Глобальные трансформации: политика, экономика, культура / пер. с англ. В. В. Сапова и др. – М.: Праксис, 2004.

THE CULTURAL CHANGES A PHILOSOPHICAL TERMINOLOGY IN ACCORDANCE IDEA OF THE COSMOPOLITANISM

L. G. ALEXANDEROV

Chelyabinsk State University

e-mail: leonalex42@mail.ru

The article focuses on cultural rehabilitation a philosophical concept to ancient democracy as cosmopolitanism. There are some political, economic, ethical and aesthetic components of the modern liberal doctrines on context of the position the "world citizenship". It's relevant to humanistic "reading" of the world culture and civilization.

Key words: terminology, cosmopolitanism, patriotism, humanism, universality, tolerance, culture, civilization, human values, geopolitics, mondialism, ecumenism, globalization.

УДК 130.2

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТРУД И ДУХОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ПОНЯТИЙ

Е.А. БОНДАРЕНКО**В.П. РИМСКИЙ***Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет**e-mail:
rimskiy@bsu.edu.ru*

Основные исследовательские задачи, которые ставятся и решаются в данной статье, связаны с интерпретацией и пониманием специфики интеллектуального труда и духовного производства в философско-методологических аспектах. Раскрывается потенциал концепта «габитус», введенного П. Бурдьё, применительно к конкретизации специфики труда интеллектуалов, обладающих персонифицированной культурной телесностью (габитусами) и создающими в системе духовного производства идеальные продукты, которые получают не только универсальную значимость в культуре, но и выступают носителями культурного и человеческого капитала, который в исторически ограниченных отношениях собственности приобретает стоимостные измерения.

Ключевые слова: интеллектуальный труд, духовное производство, габитус, интеллектуалы, идеальное.

Первое, с чем мы очевидным образом сталкиваемся, решая сложную проблему философско-методологического определения таких базовых для нашей работы понятий, как «интеллектуальная деятельность», «интеллектуальный труд», «духовная деятельность», «духовный труд», «духовное производство», так это с тем, что в современной – и не только в отечественной – социально-гуманитарной научной литературе и философии эти понятия фактически не разведены, что и свидетельствует об их нерелевантном использовании в качестве операционального инструментария. Более того, в западной литературе концепт «духовное производство» вообще не встречается, в том числе и в современных версиях «социологии знания», «социальной эпистемологии» или теории «общества знаний» (хотя некоторые авторы на Маркса ссылаются, в том числе и положительно¹), а в отечественной науке и философии данное понятие понемногу «забывается» из-за «марксистского статуса».

Следует зафиксировать, что понятий «интеллектуальная деятельность» и «интеллектуальный труд» в философских энциклопедиях и словарях мы не найдем, но ими очень охотно пользуются, например, экономисты и социологи. Хотя и в соответствующих словарях по данным наукам мы их также не находим – они встречаются без должной рефлексии прежде всего в учебной литературе². Однако, мы думаем, что для экономиста было бы целесообразнее использовать понятие «интеллектуальный труд», что более соответствует не только контексту экономической науки, но и реалиям самой экономики, где мы имеем дело не с неким «интеллектуальным активизмом», что и подразумевает термин «деятельность», а с *институализованными формами активности* «гомо экономикус», включенными в конкретно-исторические типы общественного производства. А таковой институализованной формой и является труд, в том числе интеллектуальный.

Итак, порой непонятно, как различаются сами понятия «деятельность» и «труд». В «Новой философской энциклопедии» мы читаем, что деятельность есть «специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его *целесообразное изменение* и преобразование... Всякая деятельность включает в себя цель, средства, результат и сам процесс деятельности; неотъемлемой характе-

¹ См.: Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010; Руллани Э. Когнитивный капитализм: déjà vu // Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010. – С. 153-161 и др.

² См.: Мухин В.И. Управление интеллектуальной собственностью: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Менеджмент». М., 2006. – С. 11.

ристической деятельности является ее *осознанность*. Деятельность – реальная движущая сила как индивидуальной, так и общественной жизни и условие существования человека и общества (везде курсив наш – авт.)³. А труд определяется как «целесообразная деятельность человека, рассмотренная 1) под углом зрения обмена человека с природой – в таком случае в труде человек при помощи орудий труда воздействует на природу и использует ее в целях создания предметов, необходимых для удовлетворения своих потребностей (курсив наш – авт.)»⁴. Мы специально выделили курсивом соответствующие места, которые говорят нам о том, что здесь наблюдается если не тавтология, то уж точно определение по принципу «логического круга», когда «деятельность» предполагает «средства» и «результаты» целесообразного преобразования «окружающего мира», а «труд» определяется как «целесообразная деятельность» опять же по орудийному преобразованию «природы», т.е. «окружающего мира», и соответствующим «результатам».

В такой логической невнятице, мы думаем, нет вины тех или иных авторов. Ситуация, наверное, напоминает попытки определить *культуру* через многочисленные феноменологические *рубрикации*, также связанные с пониманием последней как различных «форм деятельности» и продуктов этой специфически человеческой активности. Как культура оказывается «вездесущей», точно так же и «деятельность», и «труд» всегда являются таковыми.

Дело в том, что деятельность, как форма сугубо человеческой активности, может носить как универсальный, всеобщий, так и случайный, ситуативный характер. Человек в отношении к миру в своём повседневном существовании проявляет различные формы активизма, которые часто носят совершенно ограниченный, необязательный характер, имитируют «преобразование мира в целесообразной деятельности». Более того, часто такого рода активизм носит или несоциальный характер (например, можно предаваться различного рода химерам, ограниченным твоей собственной головой, что не будет никакой «интеллектуальной деятельностью» или «трудом»), или даже антисоциальный и деструктивный, что также далеко от всеобщности и общезначимости. Лишь та деятельность, которая общезначима, носит социальный и социализирующий смысл, направленный на самого субъекта деятельности (агента-деятеля, в терминологии Бурдьё) и других людей, может быть в полном смысле целесообразной человеческой деятельностью. При этом социально-значимые формы активности должны носить институализированный характер, т.е. быть включенными в конкретно-исторические способы организации бытия человека. Именно в таком *универсализирующем измерении* человеческая деятельность и становится *трудом*.

Чтобы не запутаться, мы попробуем обратиться и к классическому марксистскому определению труда, так как авторы цитируемых статей, так или иначе, ориентируются на Маркса. Маркс вообще оказывается тем «бессознательным», которое вольно или (чаще) невольно, отрицательно или положительно рационализируется в западных и отечественных научных и философских дискурсах. Маркс пишет в «Капитале»: «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти... Кроме напряжения тех органов, которыми выполняется труд, в течение всего времени труда необходима целесообразная воля, выражающаяся во внимании, и притом необходима тем более, чем меньше труд увлекает рабочего своим содержанием и способом исполнения, следовательно чем меньше рабочий наслаждается трудом как игрой физических и интеллектуальных сил. Простые моменты процесса труда следующие: *целесообразная дея-*

³ Огурцов А.П., Юдин Э.Г. Деятельность // Новая философская энциклопедия: В 4 томах. М., 2010. Т. 1. – С. 633.

⁴ Труд // Новая философская энциклопедия: В 4 томах. М., 2010. Т. 4. – С. 117.

тельность, или самый труд, предмет труда и средства труда (курсив наш – авт.)»⁵. И так, целесообразная деятельность, по Марксу, и есть сам труд. Казалось бы, можно сразу оговорить, что мы будем часто использовать понятия «интеллектуальная деятельность» и «интеллектуальный труд» как синонимические. Но это было бы слишком просто.

Здесь уместно сделать ещё одно терминологическое уточнение, связанное с номинарованием труда или деятельности в качестве «интеллектуальных» или «духовных» (мы пока не касаемся их содержательных отличий «интеллектуального» и «духовного» от «материального»). Можно опять же употреблять эти термины синонимически, но делаем уточнения.

В философской, как и социально-гуманитарной традиции под интеллектом (лат. *intellectus* – ум, рассудок, разум, разумение, познание) чаще всего понимается «в общем смысле способность мыслить; в гносеологии – способность к опосредованному, абстрактному познанию, включающая в себя такие функции, как сравнение, абстрагирование, образование понятий, суждение, умозаключение; противостоит непосредственным видам познания – чувственному и интуитивному; в психологии – рациональное, подчиненное законам логики мышление; противостоит нерациональным сферам психики – эмоциям, воображению, воле и т.д.»⁶. Очень близко интеллект определялся и в советской литературе⁷. Таким образом, под интеллектом понимается чаще всего нечто сугубо рациональное и сознательное, отличное от чувственного, эмоционального, волевого, бессознательного и т.д.

Что же тогда вкладывают в понятие «духовное», «дух» и т.п. в отличие от «интеллекта» и «интеллектуального»? «ДУХ, – писал корифей отечественной филологии и философии А.Ф. Лосев, – совокупность и средоточие всех функций сознания (выделено нами – авт.), возникающих как отражение действительности, но сконцентрированных в единой индивидуальности, как орудие сознательной ориентации в действительности для воздействия на нее и в конце концов для ее переделывания. Таким образом, дух не есть только простая совокупность функций сознания, что делало бы его пассивным орудием, но он – активно действующая сила человека. Дух возникает только как явление вторичное в сравнении с действительностью, воздействуя, однако, на нее и через общественную практику, переделывая ее, без чего невозможна и сама история»⁸. Как видим, А.Ф. Лосев сводит дух и духовное исключительно к сознательной и самосознательной (индивидуальной или общественной) деятельности человека, т.е. отождествляет фактически с интеллектом и интеллектуальной активностью человека.

Несколько отлично постсоветское понимание «духа»: «Понятие «дух» в отличие от «разума» (и тем более «рассудка») не столь жестко связано с рационально-познавательными способностями; в отличие от «интеллекта» соотносится, как правило, со своим персонифицированным носителем, с «лицом»; в отличие от «души» акцентирует объективную значимость своего содержания и его относительную независимость от стихии эмоциональных переживаний, в отличие от «воли» на первый план выдвигает созерцания и смыслы, которые могут определять действия, а не акт свободного выбора, в отличие от «сознания» фиксирует не столько дистанцию между Я и его эмпирическим наполнением, сколько их живую связь; в отличие от «ментальности» не включает в себя несознаваемые механизмы традиционных и повседневных реакций и установок. В зависимости от идейного контекста дух может противопоставляться (как оппозиция или как альтернатива) природе, жизни, материи, утилитарной необходимости, практической активности и т.д.»⁹. Таким образом, в данной трактовке дух обнимает более широкую феноменологию идеальной активности человека, которые более сложно связаны, – но всё же связаны! – с познавательными (когнитивными) способностями и сознанием чело-

⁵ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. т. 23. М., 1960. – С. 188-189,

⁶ Суворов О.В. Интеллект // Новая философская энциклопедия. В четырех томах. Т. 2. М., 2010. – С.127.

⁷ См.: Туровский М.Б. Интеллект // Философская энциклопедия в 5 томах. Т. 2. М., 1962. – С. 283.

⁸ Лосев А.Ф. Дух // Философская энциклопедия в 5 томах. Т.2 М., 1962. – С. 82.

⁹ Доброхотов А.Л. Дух // Новая философская энциклопедия. В 4 томах. Т. 1. М., 2010. – С. 706.

века, от чувственного восприятия и созерцания до понятийно-теоретических форм, предполагающих опять же, как и в интеллектуальной активности, «сознание», «целесолагание», отличие и независимость от чувственного, эмоционального, волевого, бессознательного и т.д. При таких трактовках понятия «интеллект» и «дух», как и понятия «интеллектуальный труд» и «духовный труд» оказываются фактически тождественными, а сами термины синонимичными. Но и этот момент, как в отождествлении «деятельности» и «труда» нас не может устроить из-за своей видимой простоты.

Во-первых, во всех приведенных определениях интеллекта и духа авторы мыслят абсолютно в классических оппозициях противопоставления субъекта и объекта, а также в русле модификаций этой дихотомии: интеллект – воля; рациональное – чувственное; сознание – бессознательное; идеальная активность – практика; и т.п. Понятно, что в «новой философии» понятие «дух» непопулярно¹⁰, как отмечает А.Л. Доброхотов, так как уже неклассическая, а тем более «постнеклассическая» философия и наука стремились и стремятся снять эти просвещенческие и «модернистские» оппозиции. Ведь в реальной жизнедеятельности человека, будь он трижды интеллектуал и субъект интеллектуального труда и духовного производства, эти оппозиции реально не действуют, а тем более не осознаются самими агентами интеллектуальной/духовной деятельности.

Снятием этих оппозиций в последнее столетие была озабочена вся неклассическая философия (и социально-гуманитарные науки) от Гуссерля и Хайдеггера до постструктуралистов. Об этом в своё время очень точно писал П. Бурдьё: «Из всех оппозиций, искусственно делящих социальные науки, самой фундаментальной и самой губительной является та, что противопоставляет субъективизм объективизму. Одного факта ее беспрестанного возрождения в едва обновляющемся виде достаточно, чтобы увидеть, что различаемые ею способы познания одинаково необходимы для науки о социальном мире, которую нельзя свести ни к социальной феноменологии, ни к социальной физике. Для преодоления антагонизма, противопоставляющего эти два способа познания, и сохранения достижений каждого из них (не упуская того, что производит заинтересованное здравомыслие по поводу противоположной позиции) нужно показать предпосылки, свойственные им обоим как способам научного познания, зная, что последние сами противостоят способу практического познания, положенного в основу обыденного опыта социального мира»¹¹. Здесь очень важно, что Бурдьё, вводя концепты «социальный опыт», «практический опыт», «габитус», «практики», «агент», пытается преодолеть субъект-объектную оппозицию и все другие, вытекающие из неё, в реальном, деятельном бытии человека.

Во-вторых, с этим связан и такой момент, как абсолютизация в труде, материальном и интеллектуальном/духовном, моментов рефлексии, рациональности, сознательности и целесообразности. «На практике для рационального расчета, – отмечает Бурдьё, – почти никогда не бывает условий: время ограничено, информация неполная и т.д. И, тем не менее, агенты значительно чаще, чем по случайности, делают то «единственное, что можно сделать». Это потому, что, поддаваясь интуиции «практического чувства», являющегося продуктом длительного предъявления условий, сходных с теми, в которых находятся агенты, они предвосхищают имманентную необходимость, существующую в данный момент в мире»¹². При этом целесообразность и практическая рациональность человеческого труда фактически очень часто и сводятся к наукообразной рациональности, рефлексии и сознательности, рации и целесообразности деятельного человека моделируются по схемам научно-логической рациональности, т.е. способа деятельности самого агента интеллектуальной/духовной деятельности.

В определённой мере эти моменты в трактовке труда как «сознательной» и «рациональной» целесообразности пытался преодолеть ещё Маркс. «Именно Маркс ввел в научный оборот ряд своеобразных предметов и эвристических схем мышления о сознании, впервые прорвавших рамки традиционной классической философии. При этом выявились такие стороны сознания, что стало уже невозможным говорить о философской инстанции «чистого сознания», самодеятельным, творческим агентом и центром которо-

¹⁰ Там же. С. 708.

¹¹ Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001. – С. 50-51.

¹² Бурдьё П. Начала. Choses dites. М., 1994. – С. 24.

го является мыслящая, размышляющая, прозрачная для самой себя единица – индивидуальный человек, – писал М.К. Мамардашвили. – Сознание – это лишь одна из метаморфоз процессов объемного, многомерного целого, лишь надводная часть айсберга. И рассматриваться оно должно лишь вместе со своими скрытыми частями, в зависимости от них»¹³. Исходя из данных уточнений, мы можем заявить, что понятие «интеллектуальный труд» нами используется в том методологическом ключе, когда рассматриваются по преимуществу *персонифицированные, но не обязательно сознательные и не вполне рациональные** способы интеллектуальной деятельности конкретно-исторического, эмпирического индивида, хотя они могут быть

Именно в этом плане интеллектуальный труд как «простой труд» фактически ничем не отличается от материального труда и не является «непроизводительным». Они – разновидности *производительного труда*, так как «производительным трудом с точки зрения простого труда выступает труд, создающий полезный продукт, потребительную стоимость», поэтому и интеллектуальный (духовный) труд «с точки зрения простого труда... производителен в той же мере, как и любой другой труд»¹⁴. Здесь зафиксирован тот факт, что любой труд, как реальное производство материальных и идеальных продуктов, включен в конкретно-исторические социальные системы и укоренен в онтологических, базисных основаниях жизнедеятельности человека.

Первое основание онтологии человека коренится в его «телесном» и культурном *производстве в семье*: от рождения человека до его вступления в самостоятельную жизнь путем воспитания и самовоспитания, что также является специфическим трудом, в котором «люди, ежедневно заново производящие свою собственную жизнь, начинают производить других людей, размножаться: это – отношение между мужем и женой, родителями и детьми, *семья*»¹⁵. В результате этого *специфического труда по производству и воспроизведению личности* мы и получаем не марионеточного актора, производного от социальных структур, а живого, конкретно-исторического человека как субъекта деятельности, агента-деятеля* и автора, укоренённого во многообразии культурных практик (нет абстрактной практики «вообще») ¹⁶, который в его *неповторимой индивидуальности*, связанной с нераздельностью «игры физических и интеллектуальных сил», вступает в мир и общество, в общественное производство, занимаясь тем или иным видом труда, материального или интеллектуального.

Здесь и формируется то неповторимое *культурное тело человека* – «габитус», по терминологии Бурдьё. Габитус, если отталкиваться от его понимания в контексте работ Бурдьё, это не просто «внешность», «наружность» человека, а система диспозиций (диспозиция – расположение, установка, предрасположенность личности), «приобретенных в результате опыта, следовательно, изменяющихся в зависимости от места и

¹³ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990. – С. 296, 299.

* Иллюзорные, иррациональные формы мышления и действия агента интеллектуального труда часто таковыми выглядят с внешней точки зрения «наблюдателя-учёного», а в реальности являются вполне рациональными в плане практической логики интеллектуала.

¹⁴ Духовное производство: Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. М., 1981. – С. 160.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице её представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. Т. 3. М., 1962. – С. 27.

* Кстати, П. Бурдьё именно в этом смысле вводит понятие «агента», как социально деятельного человека (с французского «agent» и переводится как «действующий»). Но данное понятие постоянно встречается в работах К. Маркса, как ранних, так и зрелых.

¹⁶ С.Н. Борисов пишет: «Под «культурной практикой» или «культурно-историческими практиками» мы будем понимать целесообразную, повторяющуюся и устойчивую деятельность людей в обществе, которая и выступает тем основанием, которое позволяет нам говорить о «культуре», о «выделенности» человека из природы или устоявшихся социальных условий, получивших статус «природных» как необходимых. Поскольку эти деятельностные практики изменчивы, историчны и разнообразны, они и фиксируются в «текстах культуры» и изменяются под влиянием событий, самой жизни, которая прерывает и видоизменяет сложившиеся практики и сопутствующие им смыслы». См.: Борисов С.Н. Практики насилия в культуре: философско-антропологическая рефлексия. Диссертация... д. филос. н. / 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры. Белгород: НИУ «БелГУ», 2013. – С. 24.

времени»¹⁷, система «приобретенных схем, функционирующих на практике как категории восприятия и оценивания или как принципы классификации и, одновременно, как организующие принципы действия»¹⁸, «принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые могут быть объективно адаптированными к их цели, однако не предполагают осознанную направленность на нее и непереносимое овладение необходимыми операциями по ее достижению»¹⁹. Это *социально конституированная природа конкретного человека*, в которой очень трудно разорвать биологическое и социальное, телесное и ментальное, почти невозможно различить сознательное и бессознательное, рациональное и иррациональное, логическое и волевое, субъективное и объективное.

Габитус, как культурная телесность человека, не сводимая ни к «социальному», ни к «биологическому», но и не отрицающая их, формируется в процессе воспитания и самовоспитания в семье, составляет ту первичную предпосылку, онтологический и исторический базис, опираясь на который человек действует в истории и своей индивидуальной жизни, проектируя самостные стратегии и проект судьбы. При этом труд, который осуществляет конкретный индивид и социальные организмы, наделенные «культурной телесностью», может носить и носит и «целесообразный», и «сознательный» характер, хотя при этом *агентом труда*, деятельным индивидом, не ставятся «осознанные цели». Даже занимаясь интеллектуальным трудом, человек необязательно должен осознавать и рационально рефлексировать цели собственной деятельности или ставить перед собой совершенно иллюзорные задачи, действуя при этом вполне в русле *практической рациональности*, научной, эстетической, нравственной, религиозной или идеологической.

Таким образом, интеллектуальный труд мы рассматриваем не просто как персонализированный, но и как социализированный, имеющий своей задачей создание «полезных», практически ценных продуктов – идеальных продуктов как потребительных стоимостей, включенных в систему общественного производства. Эти идеальные продукты интеллектуального труда носят в своём социальном качестве всеобщий характер, а *производство идеального* непосредственно или опосредованно становится *всеобщим трудом*.

Как же происходит универсализация человека и человеческого труда? И происходит ли? Что делает труд всеобщим, продуктом которого и становится вся человеческая культура во многообразии её исторических форм? Почему именно интеллектуальный труд по своей природе является всеобщим трудом? Обратимся к классикам.

Маркс на примере интеллектуального труда в науке и изобретательской деятельности различал «всеобщий труд» и «совместный труд», когда писал: «Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов»²⁰. Это различие, как и понимание специфики интеллектуального труда как всеобщего, имеет отношение не только к науке или изобретательству в его индустриально-технической форме, каковую Маркс имел в виду в приведённой цитате, но и ко всем другим видам интеллектуального труда: всеобщим также является производство сакрального в труде жрецов или священников, труд художников в искусстве, писателей в литературе, и т.д. Всеобщим при этом становится не только интеллектуальный труд, который носит *инновационный* и *творческий* характер, т.е. труд по производству новых идеальных продуктов, но и труд *репродуктивный* (например, труд писцов в Египте или переписчиков книг в средние века), так как и репродуктивные виды интеллектуального труда ориентированы и на труд предшественников,

¹⁷ Бурдьё П. Начала. Choses dites. М., 1994. – С. 21-22.

¹⁸ Там же. С. 28.

¹⁹ Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001. – С. 103.

²⁰ Маркс К. Критика политической экономии. Том третий. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. 1 (главы I-XXVIII) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. Т. 25. Ч. I. М., 1961. – С. 11.

связь поколений, и на современников, хотя часто доходят к нам в качестве анонимных и деперсонализированных.

Индивиды и включаются во всеобщий труд в качестве «габитусов», сформированных всеобщим трудом предыдущих поколений, творцов истории, как специфические культурные тела и организмы по производству всеобщих связей в идеальной форме. Габитус и можно рассматривать не только как продукт всеобщего интеллектуального труда, но и как его предпосылку и условие, созданные трудом предшествующих поколений. Здесь и происходит формирование индивидуальных связей людей во всеобщей идеальной форме. Именно в таком своём качестве интеллектуальный труд как всеобщий и производит идеальные продукты, идеальное, а также самого человека в его неповторимых культурно-идеальных телах, габитусах.

Основным при этом является не просто труд по производству сознания, на что делают упор авторы, интерпретирующие Маркса²¹, а по производству идеальных продуктов, идеального. «Идеальное» характеризуется не только «пересадкой» в человеческую голову «материального», а более сложными способами социального бытия. «Чистые формы идеального существуют как формы человеческой универсальной деятельности: материально-предметной, коммуникативной, знаково-символической, дискурсно-концептной, эмоциональной, игровой, мыслительно-волевой, эстетической, религиозной, нравственной, которые и проявляются как *ипостаси идеального*, – пишут белгородские авторы. – Здесь мы и должны, исследуя «живого человека» и «реальную культуру», высветить ту сложную гамму структурно-функциональных и процессуальных определений духовной жизни общества, которая ее характеризует как конкретно-историческую целостность, заданную стихией индивидуального сознания, погруженного как в культурно-историческую субстанцию человеческого бытия, так и в утонченный «эфир» духовного творчества и идеологической рефлексии. Следует остановиться на очерчивании категориального ряда, связанного понятием «культура», охватывающего такие сложные формобразования, как «идеальное», «сознание», «интерсубъективность», «коммуникативность», «знаково-символические системы», «ментальность», «общественное сознание», «духовная культура», «духовное производство» и т.д.»²². При таком понимании производства идеального мы уходим от сведения интеллектуального труда лишь к «сознательной», «целесообразной» и «рациональной» деятельности.

В интеллектуальном труде участвуют конкретные агенты-авторы, обладающие специфическими и конкретно-историческими габитусами, которые воплощают в себе и тот *первичный культурный и человеческий капитал*, с которым интеллектуалы вступают в систему интеллектуальной трудовой деятельности. Понимая габитус как *культурное, идеальное тело человека*, включенного в системы совместного и всеобщего труда, надо отметить, развивая данный концепт Бурдьё, что именно во всеобщем труде снимаются все основные классические оппозиции. При этом деятельный индивид, обладающий неповторимой *культурно-идеальной органичностью*, выступает как отдельный, персонализированный габитус, так и коллективный, включенный в коллективные организмы и практики по производству различных форм капитала: экономического, культурного, человеческого, интеллектуального. П. Бурдьё отмечал, что «габитус производит практики как индивидуальные, так и коллективные», «квазинатуры»²³, т.е. он рассматривал как индивидуальные, так и коллективные габитусы, специфические индивидуальные и коллективные организмы. В диалектике индивидуальных и коллективных габитусов, включенных в социально структурированные системы интеллектуального труда как всеобщего, снимается противоположность всего веера субъект-объектных оппозиций.

²¹ См.: Духовное производство: Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. М., 1981.

²² Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры). Статья 1. Культура и субкультура // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №8 (63). Вып. 8. Белгород, 2009. – С. 35.

²³ Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001. – С. 106, 110.

Здесь и реализуется второе основание онтологии человека, связь индивидуального и социального, персонального и коллективного, сингулярного и всеобщего.

Второе основание жизнедеятельности человека, вошедшего в его неповторимой индивидуальности в большой мир, полагается явным образом в формах социально-значимого разделения труда, в котором эта персонифицированная «игра физических и интеллектуальных сил» субъекта культурного и человеческого капитала получает общественное и коллективное признание, приобретает характер специализации, закрепляется в разделении труда на труд «материальный» и «интеллектуальный» (духовный и т.п.), структурируется в этих видах труда также в качестве специфических форм материального и интеллектуального труда, закрепленных за отдельными индивидами и социальными группами часто в отчужденных и превращенных формах, и включается в конкретно-исторические способы *общественного производства*.

Труд, включенный в конкретно-историческое общественное производство, и есть в конечном счёте общественно-значимая и универсальная, всеобщая деятельность человека. В.И. Толстых при этом так определяет, что такое общественное производство: «Понятие «общественное производство» вбирает в себя обозначение не только какой-то особой отрасли или совокупности различных отраслей производства, но и общественного жизненного процесса как такового, или, иначе, производство людьми своей общественной жизни. Поэтому в философской и экономической литературе принято говорить о производстве «материальном», «духовном», «научном», «художественном», о производстве «сознания», «общественных отношений» и т.д.»²⁴. И *общественное производство* надо понимать не только как способы преобразования (материально или интеллектуально) природы и создания соответствующих продуктов, но и как производство самих людей – телесно, духовно и социально, в многообразии их индивидуально-личностных персонификаций и социальных связей, оформленных в сложные конфигурации общественных отношений, стратификаций и коммуникаций.

Общественное производство и выступает основной формой культурных практик, той основной «практикой», о которой говорил Маркс, неомарксисты и постмарксисты, да и многие другие современные интеллектуалы, стыдливо прячущие под терминологической игрой генетическое первородство марксизма в понятийном осмыслении социального мира человека.

От специфики культурно-цивилизационных систем и способов производства зависит, какой характер будет иметь этот социально-значимый труд человека. Труд в одних условиях становится *особенным*, закреплённым в конкретно-исторических формах собственности, стратификации общества и включения человека в социальные группы – они превращают человека в одностороннего, частичного индивида, а само его бытие и труд выступают ущербными, абстрактными и отчуждёнными (целостный человек всегда был философской абстракцией). При этом таковыми являются как «материальный», так и «интеллектуальный» труд человека. И не только в мире «капитализма», как мы привыкли говорить, критикуя современный мир, но и во всех исторически существовавших социокультурных системах.

С такими оговорками и можно принять то определение духовного производства, которое даёт В.М. Межуев: «Общественный характер духовного труда, производящего идеальную форму общественного отношения (или, что то же самое, общественную форму сознания), и является главным, определяющим признаком духовного производства... Фиксируя особую роль духовного производства в целостной системе общественного производства, необходимо вместе с тем обратить внимание и на то, что эту роль оно получает лишь в результате своего отделения от материального производства, т.е. в результате общественного разделения труда»²⁵. Об этом же Э.В. Ильенков на примере научного труда в своё время писал, что мышление «тоже становится особой профессией, пожизненным делом профессионалов ученых, профессионалов духовно-теоретического труда. Наука и

²⁴ Толстых В.И. Производство // Новая философская энциклопедия: В 4 томах. М., 2010. Т. 3. – С.362.

²⁵ Духовное производство: Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. М., 1981. – С. 151.

есть мышление, превращенное в известных условиях в особую профессию. При наличии всеобщего отчуждения мышление только в сфере науки (т.е. внутри касты ученых) и достигает высоты и уровня развития, необходимых для общества в целом, и в таком виде действительно противостоит большинству человеческих индивидов. И не только противостоит, но и диктует им, что и как они должны с точки зрения науки делать, что и как им надлежит думать и т.д. и т.п.»²⁶. Однако, здесь он имел в виду лишь исторически ограниченную форму научного труда как интеллектуального, когда он, будучи по своей природе всеобщим, выступает в ограниченной, особенной, превращенной форме капитализированного интеллектуального труда (о чем конкретнее речь пойдет также в следующей главе).

Здесь очень важно избежать социологизаторской, а фактически объективистской вульгаризации. Очень важный методологический посыл в своё время сделали авторы знаковой и прорывной статьи в советском философском дискурсе. Они писали о проблеме взаимоотношения духовных форм и материальных форм жизнедеятельности человека: «Чтобы избежать вульгарно-социологического сведения первого ко второму, нужно найти какое-то опосредствующее звено между процессом социально-экономических изменений, фиксируемых как *изменения общественного бытия* и философским развитием, закономерно анализируемым в терминах *изменения знания и сознания*... Речь идет о *социальной структуре духовного производства* (здесь выделено нами – авт.), а в более широком смысле – о роли знания и индивидуальной сознательности вообще в объективных общественных отношениях известной исторической эпохи»²⁷. Но это выводит нас на диалектику единичного, особенного и всеобщего, когда всеобщее сводится к некоторому набору «общих признаков», выделяемых по формально-логическим канонам, которые нас не выводят на уровень «разума», как отмечал еще И. Кант, оставляя на уровне рассудочном, т.е. обыденном. Действительно всеобщее, как исторически развивающаяся органическая целостность, предполагает анализ всего многообразия единичного в конкретной различности особенного.

Это и предполагает исследование «экономических» или «духовных» формаций, ориентированных на соответствующие способы производства – материального или духовного, в которых только и действуют интеллектуалы, как живые, конкретно-исторические индивиды, обладающие персонифицированной культурной телесностью (габитусами) и создающие в системе духовного производства идеальные продукты, обладающие не только универсальной значимостью в культуре, но и сами выступающие в качестве носителей культурного и человеческого капитала, который в исторически ограниченных отношениях собственности приобретает стоимостные измерения.

Список литературы

1. Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры). Статья 1. Культура и субкультура // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». №8 (63). Вып. 8. Белгород, 2009. С. 30-41.
2. Борисов С.Н. Практики насилия в культуре: философско-антропологическая рефлексия. Диссертация... д. филос. н. / 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры. Белгород: НИУ «БелГУ», 2013.
3. Бурдьё П. Практический смысл. СПб., 2001.
4. Бурдьё П. Начала. Choses dites. М., 1994.
5. Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010.
6. Доброхотов А.Л. Дух // Новая философская энциклопедия. В 4 томах. Т. 1. М., 2010. С. 706-708.
7. Духовное производство: Социально-философский аспект проблемы духовной деятельности. М., 1981.
8. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1974.
9. Лосев А.Ф. Дух // Философская энциклопедия в 5 томах. Т.2 М., 1962. С. 82-85.

²⁶ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1974. – С. 167-168.

²⁷ Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. Философия и наука. М., 1972. – С. 32, 33.

10. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990.
11. Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. Философия и наука. М., 1972. С. 28-95.
12. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. т. 23. М., 1960.
13. Маркс К. Критика политической экономии. Том третий. Книга III: Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Ч. 1 (главы I-XXVIII) // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. Т. 25. Ч. I. М., 1961.
14. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице её представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. второе. Т. 3. М., 1962.
15. Мухин В.И. Управление интеллектуальной собственностью: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Менеджмент». М., 2006.
16. Огурцов А.П., Юдин Э.Г. Деятельность // Новая философская энциклопедия: В 4 томах. М., 2010. Т. 1. С. 633-634.
17. Руллани Э. Когнитивный капитализм: déjà vu // Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М., 2010. С. 153-161.
18. Суворов О.В. Интеллект // Новая философская энциклопедия. В четырех томах. Т. 2. М., 2010. С.127-128.
19. Труд // Новая философская энциклопедия: В 4 томах. М., 2010. Т. 4. С. 117.
20. Туровский М.Б. Интеллект // Философская энциклопедия в 5 томах. Т. 2. М., 1962. С. 283-285.

INTELLECTUAL LABOR AND MENTAL PRODUCTION: PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL EXPLICATION OF NOTIONS

**E.A. BONDARENKO
V.P. RIMSKIY**

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
rimskiy@bsu.edu.ru*

The paper discusses the issues of interpretation and comprehension of the nature of the intellectual labor and mental production in philosophical and methodological dimensions. The authors implement the Bourdieu's notion of "habitus" to concretize the specific features of the labor of intellectuals who obtain the personified cultural "bodiness" (habitus) and who produce ideal mental products. The latter gain the universal value in culture and carry out the cultural and human capital which historically gains the appraisal dimensions.

Key words: intellectual labor, mental production, habitus, intellectuals, ideal.

УДК 130.2

ТЕОЛОГИЯ МОРАЛИ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО БОГОСЛОВСКОГО ЗНАНИЯ**В.Н. НАЗАРОВ***Тульский государственный
педагогический
университет
им. Л.Н. Толстого**e-mail: nazarov_vn@mail.ru*

В статье речь идет о таком разделе богословской науки, как теология морали, являющейся объединяющим звеном двух направлений богословия в современной России: академического и университетского. Рассматриваются предмет и основные понятия теологии морали, анализируются дилеммы свободной воли и благодати, моральной вины и греха.

Ключевые слова: моральная теология, богословский морализм, прикладная концепция греха, свобода и рабство воли, воля к вине, морально-теологическая казуистика.

Богословская наука переживает в современной России: кризис идентичности, под которым мы понимаем ситуацию существования двух направлений богословского знания, сложившихся в России после введения теологии в систему государственного образования: духовно-академического и университетского. Впервые возникло реальное раздвоение богословской науки, что нашло свое отражение в различии стандартов богословских дисциплин и даже в различии названий самих предметов богословского знания (например, «нравственное богословие» в духовном образовании и «этика и аксиология в религии» в университетском).

Первый серьезный вызов идентичности русской богословской науки был сделан в начале XX века в ходе Религиозно-философских собраний. Речь шла о возможности модернизации догматических основ православного богословия. Как известно, русские религиозные философы (прежде всего в лице В.А. Тернавцева, Д.С. Мережковского и В.В. Розанова) выдвинули идею а-догматического, творческого богословия, что вело к синтезу религиозно-философской и богословской отечественной мысли. Не смотря на намечавшуюся в данный период либерализацию в сфере духовного образования (см., например, подготовленную Н.Н. Глубоковским «Записку о необходимости учреждения при университетах богословских факультетов для свободного развития богословской науки»), эта идея была отвергнута представителями академического богословия.

Современная ситуация выглядит гораздо серьезнее. Она чревата двумя вариантами развития: 1) закреплением духовной модели богословия в государственном образовании и сопряженной с этим государственной аккредитацией духовных учебных заведений и 2) становлением парадигмы университетской богословской науки (теологии), что в свою очередь чревато рационализацией и морализацией богословского дискурса и формированием традиции отечественной «философской теологии».

Особую значимость в ситуации кризиса приобретает традиция «богословского морализма», способствующая гармоничному сочетанию «духовного» и «светского» богословия. «Богословский морализм» имеет глубокие корни на почве русского богословия. Он связан с именами светских и духовных богословов: А.С. Хомякова (развивавшего концепцию «морального рационализма веры»), прот. И.Л. Янышева, митр. Антония (Храповицкого), митр. Сергия (Страгородского), М.М. Тареева и др. Суть богословского морализма – в возведении догматов к нравственному опыту, в нравственном раскрытии догматов, в их оправдании нравственным сознанием. В современной ситуации богословский морализм может стать своеобразной гранью преломления духовного богословия в светское, академическое в университетское. Необходимой предпосылкой для этого является, на наш взгляд, преобразование богословского морализма в теологию морали как одну из дисциплин университетской теологии. В данной статье мы попытаемся определить предмет и основные понятия теологии морали, а также проанализировать ее главные дилеммы.

Теология морали является необходимым звеном в цепи общенормативной и профессионально-нормативной конкретизации этики. Она способствует более точному по-

ниманию механизма и границ функционирования и реализации моральных предписаний в тех или иных областях профессиональной деятельности. Теология морали конкретизирует понятие греха применительно к современным ситуациям и дилеммам (особенно в сфере биоэтики, экономической этики, экологической этики и др.). Концепция греха имеет не только и даже не столько фундаментальный, сколько прикладной смысл и получает свое преломление во многих разделах прикладной этики. Так, в рамках этики бизнеса рассматривается проблема «нравственных слабостей человека», связанных с недостатком воли к совершению решительных действий, что может оказывать заметное влияние на принятие деловых решений. «Влияние религиозного сознания на экономическое поведение нельзя преуменьшать. Религиозные основания поведения человека, в том числе и в бизнесе, превратившись в культурную традицию, проявляются даже тогда, когда человек не задумывается о корнях своих предпочтений и пристрастий»¹.

Теология морали является той необходимой ступенью конкретизации этики, которая устанавливает причины немотивированного отклонения человеческой воли от морально ценного и благого к порочному и злему, и дает вполне убедительное объяснение характеру нарушения человеком моральных заповедей. Ни одна другая концепция этики не располагает на сегодняшний день столь внушительным морально-психологическим опытом, который бы позволял объяснить, почему человек хвалит благое, но влечется к дурному, хочет доброго, но не делает его и, наоборот, не хочет злого, но побуждается к его совершению. Причина этого – в слабости или «рабстве» (Мартин Лютер) человеческой воли. Речь идет о той самой «трансцендентальной прагматике» поведения, имеющей принципиально важный смысл для прикладных областей этики, которая способствует пониманию парадоксов реализации моральных требований.

Особенность моральной ситуации такова, что хотя человек наделен сознанием различения добра и зла, то есть знает суть предъявляемых ему моральных заповедей, он, тем не менее, либо не исполняет, либо нарушает их. Объяснить это можно только слабостью человеческой воли, что является следствием греховности человеческой природы: «потому что уже не я делаю, но живущий во мне грех» (Рим. 7:17). «Понятие греха, – пишет Н. Гартман, – можно охарактеризовать как по-настоящему революционное в христианской этике. Грех – это не только промах, даже не просто вина. Он есть определяющая, сбалансированная сила в жизни. Правда, на долю человека выпадают следствия – расплата за грехи, но он над ними не хозяин. Он вынужден уступать. Античный человек, хотя и знает о некоей уступке, но он уступает аффекту, а аффект – это его собственное незнание. Христианин же с самого начала убежден, что дело не в нем. Ибо речь идет не о знании. Речь идет о способности или неспособности следовать лучшему знанию. Ибо человек не следует ему с необходимостью. Скорее, там, где он знает заповедь, он лишь встает перед выбором за или против этой заповеди. И есть некая иррациональная сила, которая участвует в этом выборе. Она сильнее. Человек немогнет высвободиться из-под ее влияния. Плоть слаба. Один только Бог может помочь и избавить от этой силы»².

Таким образом, теология морали углубляет идею волевого выбора морального акта. В связи с этим предельно расширяется сфера возможных отклонений человеческой воли от воли Божественной и от установленного высшей волей закона. Это приводит к тому, что основной акцент в теологии морали делается не столько на добродетелях, сколько на пороках – специфическим выражением которых здесь является понятие греха. Именно поэтому в рамках теологии морали мы сталкиваемся с тщательно и скрупулезно разработанной схематикой грехов, основанной на глубоком нравственно-психологическом опыте, тогда как перечень добродетелей носит здесь общенормативный характер. «Христианству нужна концепция не просто дефектов характера или пороков, но концепция нарушения божественного закона, концепция греха. Индивидуальный характер может в любое время состоять из добродетелей и пороков, и эти предрасположения будут управлять волей в том или ином направлении. Но для воли всегда открыта возможность согласия или несогласия с этими предрасположениями. Даже обладание пороками не обязательно ведет к какому-либо конкретному неправильному дей-

¹ Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса. М., 2000. – С. 70.

² Гартман Н. Этика. СПб., 2002. – С. 105.

ствию. Все зависит от характера внутреннего акта воли. Следовательно, характер, арена добродетелей и пороков, становится просто еще одним обстоятельством, внешним по отношению к воле. Истиной ареной морали является воля и одна лишь воля»³.

Прикладная концепция греха основывается на понимании греха, прежде всего, как нравственной слабости человека, то есть слабости человеческой воли и природы человека в целом. Такого рода понимание во многом является компромиссной точкой зрения между радикальной идеей врожденности зла и коренной поврежденности человеческой природы и просветительской идеей зла как заблуждения человеческого разума и незнания им природы добра. Типичным выразителем данной точки зрения явился И. Кант. С одной стороны он отрицал первородный общечеловеческий грех, повреждающий саму природу человека, но с другой – все-таки полагал, что склонность ко злу «не может быть уничтожена человеческими силами», хотя ее и возможно превозмочь, так как она появляется в человеке как свободно действующем существе. Однако сам момент «превозможения» приобретает у Канта сверхъестественный характер, что позволяет предположить о скрытом присутствии в его учении идеи божественной благодати, направляющей человеческую волю к добру: «Каким же образом может злой по природе человек сам себя сделать добрым, – это выше нашего понимания; в самом деле, каким образом злое дерево может приносить добрые плоды?»⁴. В этой связи Кант предпочитает говорить не столько о «злостности» человеческой природы, способной принимать в качестве мотива «зло как злое» (ибо, по Канту, это есть «дьявольское», а не человеческое намерение), сколько о «злонравии» и «извращенности сердца». Это злонравие вполне совместимо с доброй волей «и возникает из слабости человеческой природы, недостаточно сильной для следования принятым принципам»⁵.

Дальнейшая конкретизация воли получает свое преломление в антиномиях: а) свободы воли и благодати и б) моральной вины и греха. В них выражается, с одной стороны, метафизическая противоречивость философской и религиозной этики, философии морали и теологии морали, а с другой – ценностно-прагматическое различие подходов к решению профессиональных и жизненных задач. В центре этих антиномий стоит вопрос о том, упраздняет ли целевой детерминизм божественного провидения, проявляющегося в даре благодати, искушении, спасении и т.п., свободу воли человека, свободу выбора между добром и злом. При всей метафизической глубине этого вопроса он имеет и непосредственно практический смысл. Известно, что на основе доктрины предопределения сформировалась хозяйственная этика протестантизма. Ценностно-прагматическая позиция в данном вопросе способна определять не только тип хозяйствования, но и характер отношения к природе, искусству, образованию, средствам массовой информации и т.д. Рассмотрим основные проблемы, вырастающие на почве данных антиномий.

а) Свобода воли и благодать

Вопрос о соотношении свободы воли и благодати в рамках христианской культуры выступает в качестве краеугольного камня, на котором строится понимание природы человека, его назначения и судьбы. Что такое свобода с религиозно-этической точки зрения, каковы ее границы и в чем ее смысл? Предварительно можно констатировать, что религиозная свобода характеризуется высшей степенью антиномичности: это не просто свобода в отношении природного закона (каузальная антиномия) или свобода в отношении закона ценностей (антиномия долженствования), но свобода в отношении воли Бога и воли человека (антиномия спасения). Теология морали исходит из той принципиальной установки, что нравственная ценность свободы в падшем человеке может быть реализована только посредством Божественной благодати и Божественного спасения. В христианской теологии Благодать означает незаслуженный дар Божий, включающий в себя все остальные дары, и определяющий способность человеческой воли к воздержанию от зла и ее стремление к достижению блага и спасения в условиях грехопадения. В Священном Писании Благодать рассматривается как свойство и сила Божия, нисходящая к падшему человеку и выражающаяся в даровании ему спасения. В Новом Завете Благодать

³ Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М.- Екатеринбург, 2000.

⁴ Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980. – С. 116.

⁵ Там же. С. 108.

передается словом, означающим эстетическое и нравственное благолепие и многообразие его проявления в дарах Благодати. В схоластическом богословии Благодать переводится словом *gratia*, что означает источник дара у дающего и ответное действие, рождаемое даром у получающего. Существенным признаком Благодати является то, что она изливается на человека как дар Божий независимо от каких-либо заслуг со стороны самого человека в его вере в Иисуса Христа. Однако непременным условием спасения являются покаяние и вера, предполагающие свободную волю человека. Спасение понимается в целом как синергия: взаимодействие Благодати как божественной энергии с энергией человеческой воли.

При этом открытым остается вопрос о границах и степени свободы воли в ее непосредственном соотношении с Благодатью. Само решение этой проблемы во многом определяется представлением о «глубине» грехопадения, о мере испорченности человеческой природы, оказывающих прямое влияние на способность человека собственными силами осуществлять благо. Так, согласно Августину, человек оказался столь подвержен греху, что без помощи божественной Благодати его волеизъявление склоняется ко злу; без Благодати человек не может пожелать блага. Согласно Августину, «воля в нас всегда свободная, да не всегда добрая» (О благодати и свободном произволении, 12). Отсюда, свобода воли выступает как призвание воли к благу, как желание Благодати. В позднее средневековье учение Августина о Благодати развивали представители номиналистической школы *Schola Augustiniana Moderna* (напр., Григорий Риминийский и Уголино Орвиетский). Еще более радикальную позицию в этом вопросе занимал исторически связанный с *Schola Augustiniana Moderna* Мартин Лютер, исходивший из предпосылки крайней испорченности, слепоты и слабости человеческой природы и делавший вывод, что свободная воля без Божественной ничуть не свободна, поскольку сама по себе она неспособна обратиться к добру.

Иной взгляд на соотношение Благодати и свободной воли возникает, если признать относительную роль грехопадения в плане свободного выбора человеком добра и зла. Это представление в целом связано с сотериологической концепцией Пелагия. Позднее пелагианский взгляд на роль Благодати в спасении был развит представителями номиналистической школы *Via moderna* (в лице таких ее представителей, как У. Оккам и Г. Биль). В классическом виде данная позиция представлена в нравственной философии Эразма Роттердамского, утверждавшего, что «значение первородного греха чрезвычайно преувеличено». Пытаясь обосновать возможность свободы воли в ее непосредственной связи с Божественной Благодатью, Эразм, вынужден был расширить и границы самой Благодати. Он различал три ее вида: а) естественная Благодать, присущая всем созданиям Божиим по природе (*influxus naturalis*), понимаемая как «закон природы», т.е. некая естественная склонность к добру, не способная, однако, привести к спасению, если к ней по вере не присоединится сама Благодать; б) особая, или «творящая» Благодать (*gratia peculiaris*), при помощи которой Бог по милосердию своему побуждает грешника к раскаянию, однако так, что не наполняет его при этом высшей Благодатью, уничтожающей грех и делающей человека богоугодным; в) «со-творящая» Благодать (*gratia cooperans*), возвращающая воле ее благодатную действенность и устремленность, восстанавливающая первоначальное непосредственное стремление человеческой воли к благу, ведущее к спасению. Данная точка зрения оставляет возможность свободы воли в плане ее взаимодействия с Божественной Благодатью.

В православном учении это соответствует двум видам Благодати: 1) предваряющая Благодать, даруемая независимо от достоинств и заслуг человека и доставляющая ему через Слово Божие знание об истине спасения; и 2) оправдывающая Благодать, заключающаяся во внутреннем очищении человека от грехов и в освящении его воли посредством таинств.

б) прощение грехов или воля к вине?

Суть данной антиномии – в понимании моральной вины (греха) в ее отношении к свободе. Прологом к ней могут послужить известные взаимоотрицающие максимы Августина: *posse peccare et non peccare* (иметь возможность грешить и не грешить) и *non posse peccare* (не иметь возможности грешить). Первая предполагает нравственную свободу личности, даже в отношении заповедей Бога. Вторая же, которая согласно Августину, выражает более высокое состояние, до которого человек только должен возвыситься, уже не

имеет отношения к нравственности, ибо в ней подчеркивается момент утраты свободы выбора между добром и злом.

В чем же принципиальное расхождение данных позиций? В природе моральной вины заложено, что она есть бремя, и что человек вынужден брать это бремя на себя и нести его, или же морально пасть под его тяжестью. В религиозное же понятие греха привносится весьма характерный момент: это бремя делает человека неспособным к добру, закрывает ему дорогу к нравственному возвышению и преобразению, в силу чего оно становится для человека проклятием, роком. Именно этим и определяется необходимость спасения.

Спасение есть снятие греха, снятие с человека его бремени, освобождение, очищение, восстановление человека. При этом зло выступает не как собственно злое дело или злая воля, ибо последние не могут быть отменены или упразднены через спасение; они, скорее, только «прощаются», не вменяются. С этической же точки зрения виновность в злом действии ни с кого не может быть снята, так как она неотделима от виновного; в противном случае пришлось бы отказать ему в виновности, подвергнув тем самым сомнению его нравственную вменяемость. Грех же, поскольку он в противоположность нравственному смыслу вины, понимается как нечто отделимое, может быть снят. В этом состоит принципиальное отличие теологии морали от философии морали.

В нравственной вине нет ничего, что можно было бы отделить от личности виновного. Хотя существует некое бремя вины, как и стремление виновного сбросить его, а также граница выносливости и моральное разрушение под бременем, но принципиальной неспособности человека к преодолению зла по этой причине не существует.

С нравственной свободой необходимо связаны вечность и неустранимость вины. Никто не может отказать от своей вины, если он вообще имеет «нравственный орган», ощущающий ее. Зло, в чем бы оно конкретно ни выразалось, есть ценностное качество самого поведения, которое не может быть упразднено ни «улучшением» виновного, ни подлинным прощением другого. Прощение другого, в свою очередь, есть исключительно нравственный акт, и касается, прежде всего, поведения по отношению к виновному, например, нравственное возвышение над ситуацией или смиренное знание о своей собственной виновности. Прощение, быть может, смягчает виновному ту особую остроту вины, которая заключается в заслуженном презрении или враждебности со стороны того, кто пострадал, и возвращает ему то моральное равновесие, которое он утратил, но оно никогда не сможет снять с него саму нравственную вину.

Это означает, что в нравственном отношении не существует снятия вины. Но даже если бы это было возможно — пусть даже через божественную милость — это стало бы злом, причем большим злом в сравнении с несением вины; ибо оно лишило бы человека мужества и достоинства, и подчеркивало бы его несвободу. В этом смысле нравственно свободный человек должен предпочесть возможность снятия вины волю к принятию вины.

Антиномию спасения можно выразить в виде двух моральных императивов. Один гласит: пусть будет то, что будет, если ты только не несешь за это вины, ибо вина есть грех перед Богом. Другой — будь виновен, насколько ты этого хочешь, и носи вину с честью, только заботься, чтобы свершалось добро. Это противоречие можно охарактеризовать как противоречие вины и греха, или сохранения свободы и отказа от нее, воли к спасению и сопротивление спасению, воли к ответственности и воли к избеганию ответственности.

Если философия морали принципиально чужда нормативной казуистике, то теология морали, напротив, склонна к казуистическим предписаниям. Морально-теологическую казуистику можно рассматривать как оригинальный вариант ситуативной и в известной мере «прикладной» этики, если не принимать во внимание, что природа этих конкретных предписаний или казусов (случаев) носит абсолютно регламентированный характер. Это отнюдь не профессиональный кодекс религиозной морали, не правила религиозного этикета и даже не инструкции для проведения таинства исповедания, но предельная дифференциация общего принципа, превращающая норму поведения в формальное указание на соответствующую поведенческую реакцию. Точнее всего это можно было бы назвать морально-религиозным уставом.

Как богословская дисциплина казуистика процветала в средние века. Она ставила своей целью применение общих нравственно-богословских принципов к конкретным случаям и ситуациям жизни, пытаясь разрешить возникающие в таких случаях вопросы

совести (*casus conscientiae*). Например, спекулятивная теология устанавливала, что в религиозный праздник следует воздерживаться от обычных работ; казуистика же указывала, при каких обстоятельствах эти работы могли считаться все-таки дозволенными, а равно и то, составляет ли то или другое нарушение правила о воскресном отдыхе смертный или простительный грех. До XVI ст. казуистика излагалась в форме практических указаний для духовников. Одним из обширнейших и наиболее распространенных казуистических руководств была *Summa* испанского доминиканца Раймунда де Пеннафорте. С XVI ст. в большей части казуистических сочинений обнаруживается стремление поставить казуистику в более тесную связь с теоретической теологией; решению отдельных казусов казуисты предпосылают краткое изложение общих принципов, причем, однако, казуистический элемент остается главным. Казуистику разрабатывали те монашеские ордена, которые имели исповедальную практику; до XVI ст. – главным образом доминиканцы и францисканцы, а с XVI в. – иезуиты⁶. При многовековой казуистической обработке этики обнаружилось крайнее разнообразие морально-практических мнений по различным вопросам, вследствие чего большое значение получила классификация этих мнений. Различались мнения: а) несомненные; б) правдоподобные; в) более правдоподобные и г) менее правдоподобные; е) более безопасные и ж) менее безопасные. В связи с этими различиями в казуистике сформировались следующие точки зрения. 1) Туциоризм: должно следовать более безопасному мнению (*opinio tutior*), даже и тогда, когда менее безопасное мнение (*opinio minus tuta*) есть правдоподобнейшее (*probabilior*). Другими словами, в случае сомнения относительно нравственной дозволенности действия, должно воздержаться от него. 2) Пробабилиоризм: более безопасному мнению можно следовать и тогда, когда оно менее вероятно; менее безопасному мнению можно следовать только тогда, когда оно более вероятно, чем противоположное. 3) Эквипробабиллизм: менее безопасному мнению можно следовать не только тогда, когда оно более вероятно, но и тогда, когда оно одинаково вероятно с мнением более безопасным. 4) Пробабиллизм: менее безопасному мнению можно следовать даже и тогда, когда оно менее вероятно⁷.

Значительную роль в казуистической обработке морали играет различение трудных и легких для исполнения законов, трудных и легких обязанностей, больших и малых преступлений, смертных и простительных грехов.

Элементы казуистической нормативности в определенной мере просматриваются и в отдельных разделах современной прикладной этики. Например, в биоэтике – это попытки согласования конкретных случаев эвтаназии или искусственного прерывания беременности с общими принципами этики (запрет на убийство, право на жизнь и т.п.).

Список литературы

1. Гартман Н. Этика. СПб., 2002.
2. Казуистика // Христианство: Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993. – С. 661.
3. Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Трактаты и письма. М., 1980.
4. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали. М.; Екатеринбург, 2000.
5. Петрунин Ю.Ю., Борисов В.К. Этика бизнеса. М., 2000.
6. Суворов Н. Казуистика и пробабиллизм // Юридический вестник, 1889. № 11.

MORAL THEOLOGY IN THE MODERN SYSTEM OF THEOLOGICAL KNOWLEDGE

V.N.NAZAROV

*Tula State
Pedagogical University*

e-mail: nazarov_vn@mail.ru

In this article we are discussing a topic of theology, moral theology as being the unifying element of the two directions of theology in modern Russia: the academic and university. Discusses the basic concepts of the subject and moral theology, examines the dilemma of free will and grace, the moral guilt and sin.

Keywords: moral theology, theological moralism, applied the concept of sin, freedom and bondage of the will, the will to guilt, moral and theological casuistry.

⁶ Казуистика // Христианство: Энциклопедический словарь. Т. 1. М., 1993. – С. 661.

⁷ См.: Суворов Н. Казуистика и пробабиллизм // Юридический вестник, 1889. № 11.

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 314:908

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ (ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: XIX ВЕК – СЕРЕДИНА XX СТОЛЕТИЯ)¹

В.В. БУБЛИКОВ¹
В.В. МАРКОВА²

*Белгородский
государственный
национальный исследова-
тельский университет*

¹*e-mail: bublikov@bsu.edu.ru*

²*e-mail: veronika-
markova@mail.ru*

В статье рассматриваются основные этапы развития этнического состава населения Белгородской области. Авторами показано, что длительный период территория Белгородчины, с начала её заселения в XVI-XVII вв. и до 1930-х гг., была населена практически исключительно, и примерно в равной пропорции, русскими и украинцами. Остальные этнические группы на рубеже XIX-XX вв. в совокупности составляли менее 0,5%. Однако, в раннесоветский период 1920-30-х белгородский регион пережил настоящую этно-демографическую революцию, когда под воздействием целого ряда факторов, доля украинцев многократно сократилась и регион, по сути, стал моноэтническим.

Ключевые слова: этнический состав, русские, украинцы, Белгородская область, Центральное Черноземье.

История формирования этнического состава населения территории современной Белгородской области уходит своими корнями ещё в XVI-XVII вв., когда регион стал осваиваться и заселяться переселенцами из Центральной России и правобережной Украины. Однако, многовековой период развития региона, как практически исключительно биэтнической (русские и украинцы) территории, был завершён в первой половине XX столетия, с «обвальным» сокращением украинского этнического компонента.

На изменение этнического состава населения белгородского региона в прошлом, влияние оказал целый комплекс причин и факторов. Особенно значительные изменения в этом смысле произошли в XX столетии. Причём в первой половине XX века доминирующими были отнюдь не «естественные» факторы, постепенно трансформирующие образ жизни этнических групп и, следовательно, приводящие к изменению этнического самосознания (например, миграция из села в город и связанное с этим изменение жизненного уклада) и даже не внешние миграционные процессы, а фактор идеологический, военно-политический, и, кроме того, последствия массового государственного террора, в том числе голодом.

Наиболее выразительно суть произошедших за последнее столетие на территории Белгородской области этно-национальных трансформаций демонстрирует таблица 1. Войдя в XX век территорией, где 56% населения являлись русскими, а 44% – украинцами, уже к 1940-м годам на Белгородчине доля русских возрастает до, примерно, 91%, а укра-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №13-33-01204.

инцев – падает до 8%. Причины столь бурного перераспределения этнической структуры населения, за небольшой по историческим меркам период времени, лежат в тех событиях, которые происходили в это время в отечественной истории.

До революционных событий 1917 г. власти Российской Империи хотя и проводили этно-национальную политику, направленную на ограничение развития некоторых этнических сообществ (в том числе и украинцев), однако она была направлена практически исключительно на недопущение развития *национального* (а не *этнического*) самосознания. Ограничительные действия российского государства по отношению к украинской культуре были направлены главным образом на небольшую по численности, но политически активную прослойку украинской интеллигенции (например, т.н. «Валуевский циркуль» 1863 г., запрещающий издание и ввоз в Россию литературы на украинском языке).

Таблица 1

Доля этнических групп в населении территории Белгородской области²

Этническая группа	Перепись 1897 г. ³	Перепись 1926 г. ⁴	Перепись 1939 г.
Русские	55,94	73,19	91,09
Украинцы	43,69	26,28	8,08
Другие	0,37	0,53	0,83

Однако, вместе с этим, «антиукраинская» политика властей практически не была направлена на выражение и поддержание этнической идентичности самого большого слоя украинского этноса – крестьянства. Власти империи выступали не столько против самой украинской (малороссийской) идентичности (её языка, культуры, обрядов и обычаев), сколько против политизации этнического самосознания украинцев и, как следствие, развития сепаратистских настроений, чем собственно и не преминули воспользовались противники России по Первой Мировой войне.

Данное пояснение особенностей этно-национальной политики властей Российской Империи в отношении украинцев, необходимо для понимания того, что, несмотря на внешнюю «антиукраинскость», эта политика не имела никакого практического дискриминационного характера, в том числе в Воронежской и Курской губерниях (в состав которых в тот период входила территория современной Белгородской области).

Более того, фактически в некоторых хозяйственных аспектах, украинское население белгородского региона имело некоторые преимущества. Так, например жители слободских поселений, основанных ещё в XVII-XVIII вв. украинцами, бежавшими от гнёта Польши в пределы Московского государства, были освобождены от большинства государственных повинностей (уплаты налогов и т.д.)⁵. Однако, разумеется, эти преференции носили не этнический, а сословный характер.

² Рассчитано авторами по данным Демоскоп Weekly: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>.

³ Данные переписи населения 1897 г. приведены по семи уездам Воронежской (Бирючинский и Валуйский) и Курской губерний (Белгородский, Грайворонский, Корочанский, Новооскольский и Старооскольский), территории которых в настоящее время полностью или большей частью входят в состав Белгородской области. Частично на территории современной Белгородской области также располагались и некоторые другие уезды Воронежской и Курской губерний. В частности, примерно 1/3 территории Обоянского (Курская губерния) и Коротоякского (Воронежская губерния) уездов, входят теперь в состав Белгородской области. На территории Обоянского уезда в настоящее время располагаются Ивнянский (полностью), Прохоровский, Ракитянский, Яковлевский (частично) районы. На территории Коротоякского уезда – Красненский (полностью) и Новооскольский (частично) районы. Кроме того, нынешний Ровенский район Белгородской области входил в состав Острогожского уезда Воронежской области. Однако данные по уездам, большая часть территории которых теперь относится к другим регионам России, здесь не учитывались.

⁴ Данные по переписям 1926 и 1939 гг. приблизительны (поскольку информация по этническому составу отдельных уездов/районов в настоящее время авторам недоступна). Здесь приведены расчёты по Воронежской и Курской губерниям/областям в целом, т.е. для территории Белгородской области доля украинцев на 1926 и 1939 гг. наверняка на несколько процентных пунктов выше, а доля русских и других этнических групп – напротив ниже, нежели это показано в таблице.

⁵ Украинцы. Отв. ред. Н.С. Полищук, А.П. Понамарев. М., 2000. С. 163.

Таким образом, с XVII столетия и до 1930-х гг. территория Белгородской области была почти в равной мере населена русским и украинским народами. Как отмечает В.М. Кабузан, ещё «в 1719 г. в границах будущей Курской (вместе с Белгородской) и Воронежской (с Липецкой) областях украинцы достигали почти трети всего населения»⁶. То есть, «южные окраины этих губерний [прежде всего современная Белгородская область – авт.] являлись частью сплошного украинского этнического массива»⁷.

Причем несмотря на культурную близость и единую конфессиональную принадлежность, русские и украинцы в основном проживали на территории нынешней Белгородской области дисперсно: русские преобладали в северной и центральной частях, украинцы – в западной, восточной и южной.

По данным первой Всероссийской переписи населения 1897 г. доля русских⁸ была максимальной в Старооскольском (91,4%), Белгородском (78,0%) и Корочанском (65,3%) уездах (рис. 1). Украинцы составляли большинство в четырех из семи уездов Курской и Воронежской губерний (территории которых теперь входят в состав Белгородской области) – Бирючинском (70,2%), Грайворонском (58,9%), Валуйском (51,1%) и Новооскольском (51,0%) уездах.

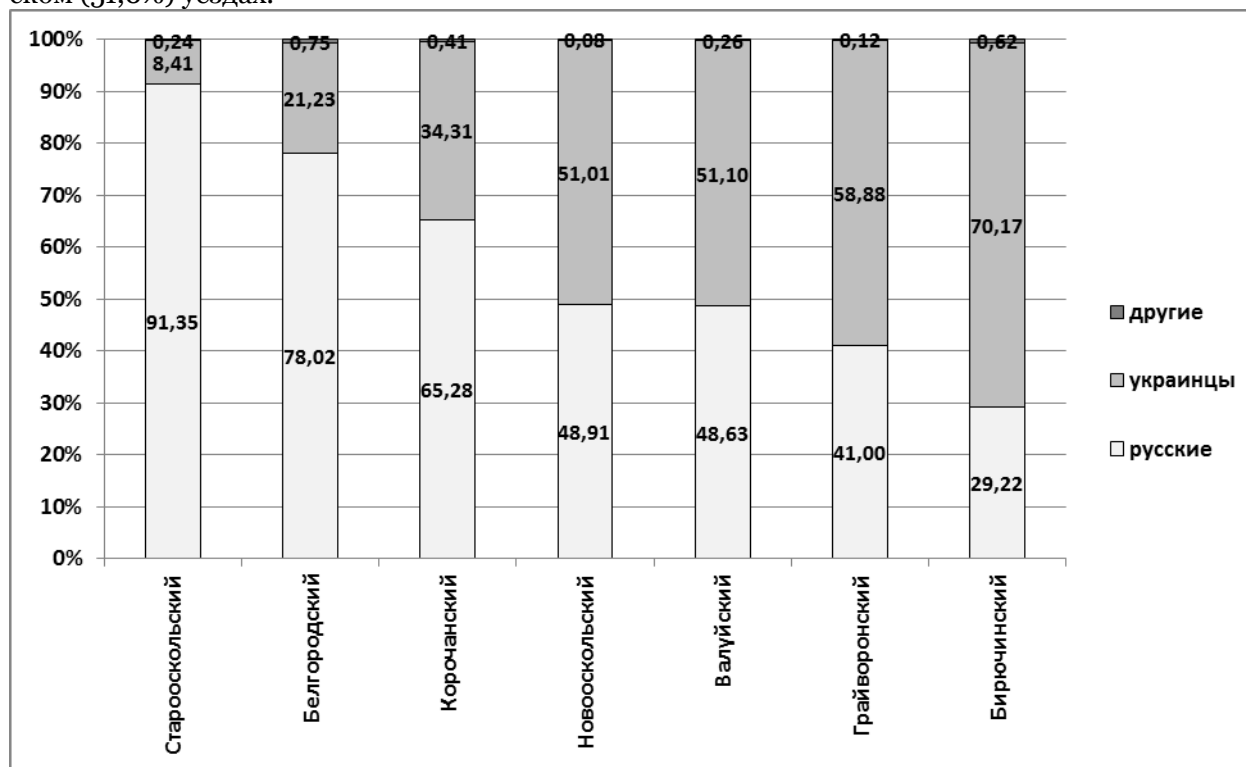

Рис. 1. Доля этнических групп в населении уездов Воронежской и Курской губерний, территории которых в настоящее время полностью или большей частью входят в состав Белгородской области, перепись 1897 г.⁹

Кроме того, две крупнейшие этнические группы дифференцировались ещё и по типу поселений, в которых они преимущественно проживали. Так, в 1897 г. среди городского населения территории современной Белгородской области русские составляли

⁶ Кабузан В.М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год. М., 2006. С. 333.

⁷ Кабузан В.М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год. М., 2006. С. 332-333.

⁸ Здесь и далее при описании этнического состава населения используются современные названия народов – русские и украинцы, а не те, которые официально использовали в Российской Империи (великороссы и малороссы).

⁹ Рассчитано авторами по данным Демоскоп Weekly: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php.

75,7%, а украинцы только 22,2%¹⁰. При этом, соотношение этих этносов в сельском населении было совершенно иным: 54,5% и 45,3%, соответственно¹¹.

Наиболее выразительно этническое распределение населения региона на городское и сельское, демонстрирует пример города Валуйки, в котором в конце XIX века доля русских составляла 95,1%, а в окружающих его сельских поселениях Валуйского уезда, наоборот, доминировали украинцы – 52,9%¹². Такая же ситуация наблюдалась и в других городах белгородского края – Грайвороне, Новом Осколе, Хотмыжске.

В остальных городских поселениях региона – Белгороде, Короче, Старом Осколе – русские составляли большинство, как в городском населении, так и в населении сёл их окружавших. Однако в любом случае доля русских в городской среде практически везде была значительно выше, нежели в сельской. Единственным исключением в этом ряду был третий по величине город на территории Белгородской области – Бирюч, где украинцы доминировали как в городском населении – 82,3%, так и в сельской местности Бирючинского уезда – 69,3%¹³.

Особенности такого расселения русского и украинского этносов были обусловлены историей заселения белгородского края, когда территория бывшего Дикого поля еще в XVII-XVIII веках осваивалась двумя примерно равновеликими потоками переселенцев: русскими из губерний центральной России и украинцами (черкасами, малороссами), с территории преимущественно правобережной Украины¹⁴. Причём, эти два потока, прибывая на территорию белгородской земли с разных сторон, русские – с севера, украинцы – с запада, практически не «смешивались» между собой, предпочитая селиться в «своих» сёлах, хуторах, слободах и даже городах.

Разумеется в таком типе дисперсного расселения русских и украинцев на территории белгородского региона (впрочем такие же тенденции прослеживались и в иных территориях совместного заселения русскими и украинцами новых земель российского государства, например на Кубани¹⁵) не стоит искать какую-либо политическую подоплёку, поскольку сельская община (равно украинская или русская) того периода была весьма консервативна в своих социальных связях, предпочитая воспроизводиться в рамках родственно-клановых групп.

Как указывает А.П. Пономарев, это обуславливалось «приоритетом хозяйственно-экономических соображений при заключении брака» и вело «к ограничению выбора брачного партнёра и социальной замкнутости»¹⁶. Поэтому невест и женихов предпочитали выбирать в пределах своего села. «Но в том случае, если не могли подыскать невесту в своём селе, украинцы ездили сватать в украинские сёла, как бы далеко они не были расположены, а русские – в сёла, населённые русскими», пишет Л.Н. Чижикова¹⁷.

Характеризуя интенсивность межнациональных браков в Воронежской губернии в период с 1861 по 1925 гг. В.В. Высоцкий указывает, что «смешанных браков, как и в первой половине XIX в., между русскими и украинцами практически не было»¹⁸.

Ряд исследователей видит в таком характере расселения и взаимодействия русского и украинского народов на территории Слобожанщины и политический аспект. Так, например И.Г. Пархоменко пишет, что в Белгородской губернии (XVIII в.) «отношение к

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Рассчитано авторами по данным Демоскоп Weekly: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php.

¹³ Парадоксально, но в настоящее время территория Бирючинского уезда (теперь Алексеевский, Волоконовский и Красногвардейский районы) – районы с самой низкой в Белгородской области долей украинцев.

¹⁴ Кабузан В.М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год. М., 2006. С. 332.

¹⁵ См.: Ракачев В.Н. Национальный состав населения Кубани в XX веке: Историко-демографический аспект: автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Краснодар, 2003. 23 с.

¹⁶ Украинцы. Отв. Ред. Н.С. Полищук, А.П. Пономарев. М., 2000. С. 271.

¹⁷ Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье. М., 1988. С. 46-47.

¹⁸ Высоцкий В.В. Историческое и этнографическое развитие украинского населения Воронежской губернии и его влияние на процессы ассимиляции в данной этнической среде в период с 1861 по 1925 гг. // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. История и политология. 2010. Вып. 10 (90). С. 225.

ним [украинцам – авт.] было неоднозначным, так как нередко были случаи измен, когда украинцы переходили на службу неприятелю»¹⁹. Однако он же далее отмечает, что «заинтересованность России в быстрейшем освоении «дикого поля», «украины» влияла на политику в отношении колонистов из Малороссии (освобождение от податей, вольная заимка земель и т.д.)»²⁰.

Вместе с этим, несмотря на «закрытость» сельской общины, и низкую интенсивность браков между представителями русских и украинских сельских поселений, всё же такие межнациональные браки были рядовым социальным явлением (в связи с отсутствием религиозных различий). Однако новый член сельской общины (практически всегда это была девушка, вышедшая замуж в соседнее село), ассимилировался той культурной средой, в которую он/она попадали.

Иначе говоря, приходя в новую семью и, соответственно, сельскую общину, женщина принимала новые для себя культурные особенности (язык, национальные традиции и т.п.). Причём данное правило работало в обоих направлениях: как украинка, выходя замуж в русское село, переходила на русский язык общения, так и русская женщина, выходя замуж в украинское село, должна была приспособливаться к языку новой семьи и её традициям. То есть, ассимиляция русскими украинцев на уровне сельских общин была практически невозможна. Исключение составляли лишь городские поселения, да и то не все, а только наиболее крупные²¹. Однако учитывая, что доля городского населения на территории, относящейся сейчас к Белгородской области, в 1897 г. составляла всего 7,0%²², можно констатировать, что в масштабах всего региона ассимиляции как массового социального явления практически не было, вплоть до 1930-х годов.

Таким образом, несмотря на некоторые попытки ограничения этнокультурного развития украинцев в Российской Империи, сложившийся в обществе уклад социальных связей, а также традиционный, патриархальный образ жизни населения, позволял этническим меньшинствам (в том числе и украинцам Белгородчины) сохранять и воспроизводить свою этическую идентичность.

При абсолютном доминировании русского и украинского этносов (более 99,6%) в населении белгородского края на рубеже XIX и XX веков, в отдельных его уездах присутствовали и иные этнические группы. Так, наиболее значимые меньшинства в целом по региону составляли белорусы (1,6 тыс. человек или 0,13%), евреи (0,9 тыс. человек, 0,08%), поляки (0,9 тыс. человек, 0,07%), цыгане (0,5 тыс. человек, 0,04%) и немцы (0,3 тыс. человек, 0,03%)²³. Вместе с этим, данные этнические меньшинства были представлены в регионе неравномерно, а в отдельных его уездах и городах. Белорусы составляли наибольшую долю в населении Бирючинского (0,50%) и Корочанского (0,28%) уездов; цыгане – Валуйского уезда (0,13%)²⁴.

Наиболее урбанизированными этническими группами на Белгородчине того времени были немцы (доля горожан – 49,2%), поляки (57,5%), и евреи (86,9%). Для сравнения среди русских горожанами были только 8,9%, а среди украинцев – 4,2%²⁵.

Самыми полиэтничными территориями Белгородчины в 1897 г. были города²⁶ и, прежде всего, бывшая губернская столица – Белгород. Здесь помимо русских (90,91%) и

¹⁹ Пархоменко И.Г. Белгородская губерния (Социально-экономический и историко-культурологический очерк). Белгород, 2001. С. 46.

²⁰ Пархоменко И.Г. Белгородская губерния (Социально-экономический и историко-культурологический очерк). Белгород, 2001. С. 46.

²¹ Украинцы. Отв. Ред. Н.С. Полищук, А.П. Понамарев. М., 2000. С. 78.

²² Рассчитано авторами по данным Демоскоп Weekly: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php.

²³ Там же.

²⁴ Интересно отметить, что цыгане Валуйского уезда (а позднее района), пожалуй единственная этническая группа региона, которая в бурном XX веке не только смогла сохраниться, но и остаться на «своём месте», ведь и теперь Валуйский район – лидер в Белгородской области по количеству цыган.

²⁵ Рассчитано авторами по данным Демоскоп Weekly: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php.

²⁶ В отличие от современных реалий, когда наибольшая доля этнических меньшинств фиксируется в сельских муниципальных образованиях.

украинцев (5,24%), проживали также евреи (1,58%), поляки (1,50%), немцы (0,39%)²⁷. А в Старом Осколе количество евреев хотя и было невелико – 0,69%, но всё же превышало количество украинцев (что ещё раз свидетельствует о «мозаичном» характере расселения этнических групп, а также о значении села и его традиций для украинцев).

Наиболее существенные трансформации в этническом составе населения белгородского региона (да и всей страны) стали происходить после 1917 г. В противоположность имперскому периоду и несмотря на декларируемое равенство всех народов советского государства, слом социальной структуры, борьба с традиционными ценностями, разрушение сельских общин, в совокупности с физическим уничтожением целых слоёв общества (среди которых некоторые социальные «ниши» занимали представители определённых этнических групп), всё это привело к утрате национально-культурных признаков и быстрой ассимиляции многих этнических групп.

Особенно трагичная роль в этом процессе была отведена украинскому меньшинству (а во многих уездах белгородского региона – большинству), сыгравшему огромную роль в освоении и заселении белгородского края, когда за короткий период 1920-30-х годов доля украинцев сократилась с почти половины всего населения до, примерно, 1/10. Как отмечает В.И. Наулко «Известную роль в этом сыграло проведённое в СССР в связи с образованием союзных республик национально-территориальное размежевание, в результате которого миллионы компактно расселённых украинцев оказались за пределами Украины – в смежных районах Кубани, северного Кавказа, Приазовья, Центрально-Чернозёмного района РСФСР и др., что, естественно, активизировало среди них ассимиляционные процессы»²⁸.

Однако, по нашему мнению, основной причиной быстрого сокращения украинского этнического компонента в населении Центрального Черноземья было отнюдь не проведение границ между республиками СССР, в ходе которого за пределами УССР оказалось сразу 8 млн. этнических украинцев²⁹ и не их последующая «естественная» ассимиляция. В царской России украинцы (равно как и другие народы) вообще не имели своих этно-национальных образований, более того, даже не признавались отдельным народом, тем не менее, это не приводило к их ассимиляции.

Основной причиной «деукраинизации» белгородского края в раннесоветский период стала не «политическая» ассимиляция, побуждавшая украинцев «записываться» русскими «на всякий случай», а тяжелейший удар, нанесённый советской властью по крестьянству, выразившийся сначала в продразверстках, а позже в раскулачивании, создании колхозов и, наконец, страшном голоде 1932-33 гг., получившем в украинской историографии название Голодомор.

Однако прежде чем анализировать причины, приведшие к «катастрофическому снижению абсолютной и относительной численности украинцев в 1930-е годы»³⁰, необходимо рассмотреть непродолжительный (1923-1932 гг.), но очень важный и малоисследованный этап истории Белгородчины, оказавший большое влияние на этнический состав населения региона. Речь идёт о политике советского руководства по «коренизации» (или в реалиях Центрального Черноземья – «украинизации») государственной и общественной жизни³¹.

Суть украинизации в Воронежской и Курской губерниях (а, с 1928 по 1934 гг., в Центрально-Чернозёмной области) заключалась в широком комплексе действий по внедрению украинского языка, в районах с преобладающим украинским населением, в официальном делопроизводстве, созданию украиноязычных учебных заведений (причём

²⁷ Рассчитано авторами по данным Демоскоп Weekly: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97_uezd.php.

²⁸ Украинцы. Отв. Ред. Н.С. Полищук, А.П. Понамарев. М., 2000. С. 71.

²⁹ Рассчитано авторами по данным Демоскоп Weekly: http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php.

³⁰ Кабузан В.М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год. М., 2006. С. 333.

³¹ См.: Борисёнок Е. Феномен советской украинизации. 1920 – 1930-е годы. / Институт славяноведения РАН. М., 2006. 256 с.

не только средних и средне-специальных, но и высших), прессы, формированию украинской «советской» интеллигенции.

Украинизация в белгородском регионе (и шире в Центральном Черноземье) развивалась очень интенсивно и «к декабрю 1932 г. в Центрально-Чернозёмной области уже насчитывалось 52 района полной или частичной украинизации»³². Однако советская власть осуществляла украинизацию под жёстким идеологическим контролем и, во многом, чтобы перехватить инициативу у беспартийного учительства и украинской интеллигенции, пытавшихся вести стихийную культурно-просветительскую работу по развитию национального самосознания украинцев³³.

Политика украинизации на Белгородчине находила много противников среди русскоязычного населения, особенно в среде «старой», ещё дореволюционной интеллигенции, сопротивляющейся переводу школ, делопроизводства и СМИ на украинский язык. Позиция самих украинцев также была неоднозначной, поскольку у них возникал логичный вопрос: почему просто не передать районы, прилегающие к УССР и населённые преимущественно украинцами в её состав? Как отмечает К.С. Дроздов, большинство крестьян-украинцев считали, «что если их уезды будут присоединены к Украине, то украинская школа им необходима, если же они останутся в составе России, то и школа пусть будет на русском языке»³⁴.

Причём попытки поставить перед общесоюзными властями вопрос о передаче украинских районов РСФСР в состав УССР, предпринимались в середине 1920-х годов достаточно активно, и речь в них шла о большей части территории современной Белгородской области, включая и г. Белгород³⁵.

Однако укрепление личной власти И.В. Сталина, трансформировавшего модель советского государства с федералистской на, по сути, унитарную, входит в диссонанс с практикой «коренизации» и опоры на «национальные кадры». К тому же в 1933 г. появляется «хороший» повод свернуть украинизаторскую политику, поскольку «украинизаторы были названы высшим партийным-советским руководством страны одними из главных виновников провала хлебозаготовок, наряду с кулаками, бывшими офицерами, петлюровцами»³⁶. И это при том, что настоящими виновниками голода 1932-33 гг. были сами власти, которые, снизив план по Центрально-Чернозёмной области в целом, для половины южных украинских районов (т.е. территорий нынешних Белгородской и Воронежской областей) его увеличили³⁷.

Уже с начала 1933 г. всё делопроизводство во всех украинизованных районах и сельсоветах было вновь переведено на русский язык. В Борисовке и Волоконовке ликвидированы украинские педтехникумы, а в Белгороде – украинский пединститут. Быстрота и жёсткость деукраинизации в Центральном Черноземье, в совокупности с последствиями голода 1932-33 гг., нанесли непоправимый урон украинскому населению региона.

Более подробно следует осветить и вопрос влияния голода начала 1930-х годов на демографическую ситуацию и этнический состав населения будущей Белгородчины. Как справедливо отмечает большинство отечественных историков, голод 1932-33 гг. «прошёл» не только по Украине, но и по многим регионам РСФСР (Кубань, Центральное Черноземье, Казахстан). К сожалению, излишняя политизация Голодомора, вывод этой исторической трагедии в разряд вопросов современных внешнеполитических отношений России и Украины, осложняет процесс объективного исследования причин и последствий

³² Дроздов К.С. Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923-1933 гг.): автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 2010. С. 23.

³³ Там же. С. 18-19.

³⁴ Там же. С. 24.

³⁵ Дроздов К.С. «...Признать вполне целесообразным присоединение Белгородского уезда к УССР...» (К вопросу изменения административно-территориальных границ между РСФСР и Советской Украиной в 1924 году) // Межнациональные отношения в южнорусском порубежье: материалы областной науч.-практ. конф. / Под ред. А.И. Дудка. Белгород, 2006. С. 13-21.

³⁶ Дроздов К.С. Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923-1933 гг.): автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 2010. С. 25.

³⁷ Там же. С. 26.

этой страшной трагедии, коснувшейся самым непосредственным образом и белгородской земли.

Демографические потери белгородского региона от голода 1932-33 гг. практически совершенно не исследованы. Однако сопоставляя некоторые цифры, приводимые историками по ряду отдельных поселений, можно прийти к выводу, что счёт жертв той трагедии только на территории нынешней Белгородской области шёл на десятки тысяч человек. Так, например, в среднем по величине селе Яропольцы Вейделевского района весной 1933 г. ежедневно от голода умирали 7-9 человек, а всего за 18 дней апреля того же года в Великомихайловском районе от голода умерло 170 человек³⁸.

Оценивая такие цифры можно с высокой степенью уверенности предполагать, что счёт прямым и косвенным (с учётом не родившихся детей и их потомков) демографическим потерям Белгородчины от голода 1932-33 гг. идёт на сотни тысяч человек. Впрочем, для многих демографов такие оценки не являются неожиданными, поскольку даже сейчас в Белгородской области проживает меньше жителей, чем на рубеже 1920-30-х годов. Так, по оценке Н.В. Чугуновой за 1930-1939 гг. численность жителей Белгородской области в её современных границах сократилась с 1,8 до 1,4 млн. человек, или почти на 25%³⁹. По всей видимости, демографические потери Белгородчины от голода 1932-33 гг. сопоставимы с потерями мирного населения региона от оккупации войсками Германии и её союзников в 1941-43 гг.

Однако в настоящем исследовании интерес представляют не столько демографические последствия политики советского государства по созданию условий для физического уничтожения неугодных классов, а влияние этих событий на этническую структуру населения. Поскольку особенно сильным голод был в восточных районах белгородского края⁴⁰, там, где украинцы составляли наибольшую долю населения, то неудивительно, что их численные потери были самыми значительными. Как отмечает К.С. Дроздов от голода 1933 г. «наиболее сильно в Центрально-Чернозёмной области пострадали именно бывшие районы полной и частичной украинизации, где преобладало украинское население»⁴¹.

В данном вопросе недостаток статистических данных в разрезе районной структуры Курской и Воронежской губерний/областей вынуждает использовать совокупные цифры по этим двум регионам. Приведём основные из них. По данным переписи 1926 г. всё население Воронежской и Курской губерний составляло 6,2 млн. человек, из которых 4,5 млн. – были русскими, 1,6 млн. – украинцами⁴². Всего через 13 лет, в 1939 г. (уже после голода 1932-33 гг.), совокупное население двух регионов немного возросло – 6,7 млн. человек, из которых уже 6,1 – русские, 0,5 млн. – украинцы⁴³. Таким образом, в абсолютных значениях число украинцев за 1926-1939 гг. сократилось в три раза! Схожая ситуация наблюдалась и в иных регионах РСФСР, со значительной долей украинцев, охваченных голодом 1932-33 гг. (Кубань, север Казахстана и т.д.).

Безусловно, считать такое сокращение только последствиями голода 1932-33 гг. нельзя, основную роль здесь сыграл всё же ассимиляционный фактор и последствия деукраинизации 1933 г. Однако и объяснить «исчезновение» 2/3 украинцев Центрального Черноземья одной только ассимиляцией, также достаточно сложно. Тем более, что во многих других частях РСФСР, незатронутых голодом, количество украинцев часто даже росло. Так, например, в Рязанской губернии/области за исследуемый период 1926-1939

³⁸ Белгородоведение / Под ред. В.А. Шаповалова. Белгород, 2002. С. 147.

³⁹ Чугунова Н.В. Социально-демографическое развитие Белгородской области изменяющейся России. М., 2011. С. 33.

⁴⁰ Белгородоведение / Под ред. В.А. Шаповалова. Белгород, 2002. С. 147.

⁴¹ Дроздов К.С. Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923-1933 гг.): автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2010. С. 26.

⁴² Рассчитано авторами по данным Демоскоп Weekly: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php.

⁴³ Рассчитано авторами по данным Демоскоп Weekly: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_gs.php.

гг. число украинцев выросло в 12 раз⁴⁴ (наверное, не в последнюю очередь за счёт их миграции из регионов Черноземья). То есть там ассимиляция почему-то не «работала».

Политическая, а затем и культурная ассимиляция украинского населения, особенно после свёртывания украинизаторской политики 1920-х гг., безусловно, сыграла решающее значение в многократном сокращении доли украинцев в населении белгородского региона. Однако здесь возникает практически не объяснимое, на первый взгляд, противоречие. Почему многовековая политика дискриминации украинского языка и культуры в Российской Империи, не дала тех результатов, которые получила советская власть всего за несколько лет в начале 1930-х годов, да ещё и после попытки украинизации государственно-общественной жизни почти всего региона в 1920-е годы?

Ответ на этот сложнейший вопрос, прежде всего, следует искать в основаниях народной культуры и классовой структуре украинского и русского этносов. Украинская культура и идентичность самым неразрывным образом связаны с крестьянским бытом, сельскими традициями и обычаями этого народа.

Украинцы в Российской Империи были не просто народом с превалирующим крестьянским населением, но и, самое главное, этносом без сколь-нибудь значимой прослойки городской интеллигенции, культурной элиты, наконец, аристократии (особенно в регионе Слобожанщины). Достаточно вспомнить биографию двух величайших писателей Украины Т.Г. Шевченко и Н.В. Гоголя, первый из которых был крепостным крестьянином (что практически невозможно представить для значимого русского литератора XIX столетия), второй – хотя и был этническим украинцем, но относясь к дворянскому сословию, полностью перешёл на русский язык. Таким образом, украинская культура и идентичность украинцев практически синонимичны крестьянской культуре и идентичности.

Политика царского правительства по выхолащиванию украинской культуры и недопущению развития существенной прослойки городской, украиноязычной интеллигенции, не только на территории Слобожанщины, но и на территории собственно Украины, привела к тому, что к началу советской власти национальная идентичность украинцев воспроизводилась практически исключительно в крестьянской среде.

Данный тезис подтверждается и сравнением с положением украинской интеллигенции в Австро-Венгерской империи, в состав которой входили населённые преимущественно украинцами земли Галиции и Закарпатья. Австро-Венгерское правительство не только допускало, но и способствовало развитию украинской культуры и идентичности, с целью создания противовеса доморощенным польским националистам в Галиции, а также для развития сепаратистских устремлений украинцев в Российской Империи и, соответственно, её ослабления.

Именно наличие значимой украиноязычной прослойки городского, культурного класса в Галиции, позволило западным украинцам в большей мере сохранить национальный язык и культуру в бурном XX веке. Эту позицию разделяет и В.В. Высоцкий указывая, что во второй половине XIX столетия «практически вся деятельность, направленная на формирование украинской нации, переместилась за пределы России, на территорию Австро-Венгерской империи»⁴⁵. Более того, он приходит к выводу, что «если бы этого не произошло, то, вероятнее всего, территория Воронежской губернии, где преобладали потомки украинских переселенцев, стали бы сферой влияния творцов украинской национальной идеи»⁴⁶.

В противоположность украинскому, русский народ ещё с петровских времён развивался как этнос, культурным «двигателем» которого являлся относительно широкий слой городской, ориентированной на Европу интеллигенции (до революции преимущественно аристократической, дворянской, а после 1917 г. – научно-технической, инженерной). Безусловно, русский культурный слой общества также опирался на массив народ-

⁴⁴ Рассчитано авторами по данным Демоскоп Weekly: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php и http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_gs.php.

⁴⁵ Высоцкий В.В. Историческое и этнографическое развитие украинского населения Воронежской губернии и его влияние на процессы ассимиляции в данной этнической среде в период с 1861 по 1925 гг. // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. История и политология. 2010. Вып. 10 (90). С. 226.

⁴⁶ Там же.

ной, крестьянской культуры. Однако, продолжая начатую ранее аналогию с великими писателями «Золотого века», почти все они от А.С. Пушкина до Л.Н. Толстого, черпали своё вдохновение в крестьянской культуре и быте, не имея при этом практически ничего общего с повседневной жизнью русского крестьянина.

Таким образом, русский этнос к началу советской власти имел два основания: народную, крестьянскую культуру и существенный слой городской интеллигенции, буржуазии (пусть даже и поредевшей в результате гражданской войны). Напротив, украинская этническая идентичность поддерживалась и воспроизводилась практически исключительно в сельской, крестьянской среде. Соответственно, нанеся удар по среднему и зажиточному крестьянству («кулакам») советское правительство, возможно даже не осознавая этого, нанесло непоправимый ущерб именно украинскому национальному самосознанию. Русский же народ, понеся не меньшие количественные потери от репрессий, всё же не получил таких непоправимых потерь для национальной культуры и этнической идентичности.

Уничтожив физически зажиточное украинское крестьянство (как класс) советская власть создала предпосылки для быстрой ассимиляции украинского меньшинства, чему способствовали и другие социальные процессы, происходившие в советском обществе того периода – ускоренная урбанизация и индустриализация, попытка создать универсальную общность «советский народ», с русским языком в качестве языка «межнационального общения».

Таким образом, к началу Великой Отечественной войны на территории будущей Белгородской области уже произошли наиболее значимые в XX веке этнические трансформации и соотношение двух основных этнических групп региона в последующие годы серьёзным образом не менялось. Сама Великая Отечественная война, несмотря на нанесённый ею огромный хозяйственный и экономический ущерб, а также большие людские потери, значимого влияния на этнический состав Белгородчины не оказала.

Сыграло свою роль и существенное отставание Белгородчины в социально-экономическом развитии от других регионов страны большую часть периода советской власти (вплоть до 1970-х годов), что влекло за собой значительный отток местного населения и очень слабую миграционную привлекательность региона. Это в свою очередь делало этническую палитру белгородского края в 1930-50-е гг. крайне однородной.

В заключение анализа основных этапов формирования этнического состава населения белгородского региона в XIX – первой половине XX вв., необходимо отметить, что основное внимание в нём было уделено соотношению двух крупнейших этнических групп региона – русским и украинцам. Это внимание обусловлено, во-первых, подавляющим (более 99%) преобладанием русских и украинцев в населении Белгородчины на протяжении всего рассматриваемого периода и отсутствием сколь-нибудь значимого представительства иных этнических сообществ. Во-вторых, огромной исторической ролью, которую сыграли русские и украинцы в заселении и освоении края ещё в XVI-XVII столетиях. И наконец, в-третьих, той феноменальной быстротой, с которой почти полностью «исчез» украинский этнический компонент населения Белгородчины в первой половине XX века.

Однако уже во второй половине XX века, в связи с ростом миграционной привлекательности Белгородской области (прежде всего благодаря началу промышленной разработки ресурсов Курской магнитной аномалии), этнический состав региона становится значительно более разнообразным и при абсолютном доминировании русских всё большую часть населения составляют «новые» этнические диаспоры мигрантов.

Список литературы

1. Демоскоп Weekly: <http://demoscope.ru/weekly/pril.php>.
2. Украинцы. Отв. ред. Н.С. Полищук, А.П. Понамарев. М.: Наука, 2000. 535 с.
3. Кабузан В.М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год. М.: Наука, 2006. 658 с.
4. Ракачев В.Н. Национальный состав населения Кубани в XX веке: Историко-демографический аспект: автореф. дисс. ... канд. истор. наук. Краснодар, 2003. 23 с.
5. Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье. М.: Наука, 1988. 256 с.

6. Высоцкий В.В. Историческое и этнографическое развитие украинского населения Воронежской губернии и его влияние на процессы ассимиляции в данной этнической среде в период с 1861 по 1925 гг. // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. История и политология. 2010. Вып. 10 (90). С. 224-228.

7. Пархоменко И.Г. Белгородская губерния (Социально-экономический и историко-культурологический очерк). Белгород: Издательство Белгородской ГСХА, 2001. 288 с.

8. Борисёнок Е. Феномен советской украинизации. 1920 – 1930-е годы. / Институт славяноведения РАН. М.: Европа, 2006. 256 с.

9. Дроздов К.С. Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923-1933 гг.): автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 2010. 30 с.

10. Дроздов К.С. «...Признать вполне целесообразным присоединение Белгородского уезда к СССР...» (К вопросу изменения административно-территориальных границ между РСФСР и Советской Украиной в 1924 году) // Межнациональные отношения в южнорусском порубежье: материалы областной науч.-практ. конф. / Под ред. А.И. Дудка. Белгород, 2006. С. 13-21.

11. Белгородоведение / Под ред. В.А. Шаповалова. Белгород: Издательство БелГУ, 2002. 410 с.

12. Чугунова Н.В. Социально-демографическое развитие Белгородской области изменяющейся России. М.: ГЕОС, 2011. 140 с.

FORMATION OF THE ETHNIC COMPOSITION OF BELGOROD REGION (PART ONE: XIX CENTURY – MID XX CENTURY)

V.V. BUBLIKOV¹⁾

V.V. MARKOVA²⁾

*Belgorod National
Research University*

¹⁾*e-mail: bublikov@bsu.edu.ru*

²⁾*e-mail: veronika-
markova@mail.ru*

The paper examines the main stages in the development of the ethnic composition of the population of the Belgorod region. The author shows that the long period of the Belgorod area, since the beginning of its settlement in the XVI-XVII centuries and up to 1930, has been inhabited almost exclusively and in roughly equal proportions Russians and Ukrainians. The other ethnic groups in the XIX-XX centuries together is less than 0.5%. However, in 1920s-30s Belgorod region has experienced a real ethno-demographic revolution, when under the influence of a number of factors, the percentage of Ukrainians repeatedly declined and the region in fact became a mono-ethnic.

Keywords: ethnicity, Russian, Ukrainian, Belgorod region, Central Black Earth region.

УДК 316.4.06

БАРЬЕРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА СЕТЕЙ ОБЩЕНИЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ СООБЩЕСТВЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ФОКУС-ГРУПП)¹

Л.В. КОЛПИНА¹
С.А. ВАНГОРОДСКАЯ²

*Белгородский
государственный
национальный исследова-
тельский университет*

¹*e-mail: Kolpina@bsu.edu.ru*

²*e-mail:
Vangorodskaya@bsu.edu.ru*

В статье на основе анализа результатов фокус-групп рассматриваются барьеры формирования социального капитала населением Белгородской области. Выделяются мотивационный, информационный, установочный; статусный, социоструктурный, социально-компетентностный, физический барьеры. Обосновывается наличие общих и специфических барьеров формирования социального капитала, определяемых типом социальных сетей, в рамках которых он образуется.

Ключевые слова: социальный капитал, социальные сети, ресурсы, фокус-группа, барьеры формирования социального капитала.

Феномен социального капитала с каждым годом привлекает к себе все более пристальное внимание социологов, экономистов, политологов и представителей иных общественных наук, изучающих механизмы развития современного общества посредством использования категорий «социальное партнерство», «власть», «влияние», «доверие», «социальные сети». По мнению Г.В. Градосельской, «методологически потенциал понятия социального капитала, позволяющий использовать его в сетевом анализе, проистекает из двух источников. Во-первых, это позитивные следствия «общительности» индивида. ...Во-вторых, особое значение приобретают источники не материального ... влияния и власти»².

В определении понятия «социальный капитал» мы опираемся на работы П. Бурдьё, трактующего его как «ресурсы, основанные на родственных отношениях и отношениях в группе членства»³, и Р. Патнэма, рассматривающего его как «связи между индивидами – социальные сети и нормы взаимности, которые из этих сетей проистекают»⁴.

Таким образом, материальным субстратом социального капитала выступают социальные сети. Речь идет, прежде всего, о комплексе долговременных и стабильных взаимодействий, не имеющих выраженной организационной структуры и выполняющих по отношению к индивиду функцию наращивания личного и социального капитала⁵; позволяющих оптимизировать процессы жизнедеятельности, например, существенно ускорять, облегчать и «удешевлять» бизнес-процессы, содействовать «упрощенному» доступу к общественно значимым благам (использование знакомств, блата); обеспечивать способность населения к консолидированным действиям, посредством практик взаимопомощи содействовать его адаптации к динамично изменяющейся ситуации, и многое другое⁶. Таким образом, социальный капитал сетей общения, конвертируясь в другие типы

¹ Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ №14-13-31012 на 2013-2014 гг. на тему: «Специфика социального капитала работников вуза и его роль в развитии высшего профессионального образования в регионе». Рук. Н.Н. Реутов.

² Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии / Под ред. Г.С. Батыгина. – М. : Изд. дом «Новый учебник», 2004. С. 24.

³ Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of theory and research for sociology of Education. Ed. by J. Richardson. – New York : Greenwood Press, 1986. – 21 p.

⁴ См.: Сидорина Т. Ю. Социальный капитал организации и социальная политика российского предприятия // Журнал исследований социальной политики. – 2007. – №3. – С. 319-334.

⁵ Реутов Е.В., Колпина Л.В., Реутова М.Н., Бояринова И.В. Эффективность социальных сетей в региональном сообществе // Социологические исследования. – 2011 – №1. – С. 80.

⁶ См.: Реутов Е. В., Колпина Л. В., Реутова М. Н., Бояринова И. В. Социальные сети в региональном сообществе : Монография. – Белгород: Изд-во КОНСТАНТА, 2011.

капиталов и ресурсов, обеспечивает их участникам возможность социальной адаптации и самореализации.

Анализ барьеров формирования социального капитала сетей общения в региональном социуме осуществлен на основе данных трех фокус-групп, проведенных нами в марте–апреле 2013 (по 9-14 человек), в состав которых вошли мужчины и женщины различных возрастных категорий (18-29, 30-39, 40-59 и 60 лет и старше), проживающие на территории сел, поселков городского типа, а также малых и средних городов Белгородской области. В качестве основных единиц анализа были взяты кровнородственные, дружеские, соседские, общественно-досуговые, профессиональные и бизнес-сети. Однако, в процессе обсуждения пришлось выйти за рамки выделенных типов социальных сетей, дополнив их «вертикальными» сетями – неформальными отношениями с представителями статусной иерархии или членами формальных организаций, имеющими доступ к тем или иным общественно значимым благам.

Исследование показало, что для большинства участников факт влияния сетей общения на собственные возможности является очевидным и не подлежащим сомнению. При этом, речь идет, в первую очередь, об информационном, социализационном, мотивационно-целевом, ресурсном и коммуникационном потенциалах социальных сетей.

По мнению большинства участников фокус-групп, одной из наиболее значимых является информационная составляющая социального капитала сетевых отношений. Это особенно ярко проявилось при ответах на вопрос: «Как вы считаете, как влияет круг общения человека на его возможности? Почему, каким образом?» В результате были получены следующие ответы: «...расширение кругозора, познание новых областей, в которых ты не был сведущ до этого. Ты подружился с айтишником, он рассказал новые вещи, у тебя появились новые интересы, соответственно, еще больше круг общения, и далее еще больше интересов»; «...один круг общения надоел, надо познавать новое от кого-то. Другой человек не скажет, что в этом круге было. Другой человек скажет другое свое мнение, а, соответственно, другое общение, другое понимание... Больше ради познавательных моментов»; «...познавательный процесс...»; «расширить свое мировоззрение, узнать о многообразии мира» и т.д.

Такой акцент на информационной составляющей социальных сетей не случаен. На ее первостепенную роль в качестве ресурса, активизируемого посредством социальных отношений, указывали в своих исследованиях Дж. Коулман⁷, С. Бюссе⁸, П. Бурдые⁹ и др. Например, по мнению П. Бурдые, формируя социальные сети, социальный капитал позволяет обмениваться информацией гораздо быстрее и эффективнее, нежели это происходило бы при помощи рынка¹⁰.

Информационная составляющая социально-сетевых взаимодействий в рассуждениях участников фокус-группы тесно переплетается с мотивационным и социализационным аспектами: «Иногда бывает, встречаешь человека и понимаешь, что он тебя чему-то в жизни научил»; «...а если люди не те, то мы можем получить опыт. Пусть он даже будет неприятный, но, тем не менее...»; «Человек должен служить примером, чтобы чего-то добиваться. Не вниз идти. – Кто бы это мог быть? – Человек, который богат какими-то знаниями, опытом. Просто с широким мировоззрением, чтобы можно было у него чему-то научиться конкретному. Если он информационно развит, то соответственно сам получишь что-то новое, новую информацию. – Для чего это надо? – Как для чего? Для общей осведомленности, просто получить дополнительные знания».

«Я бы расширила [свой круг] разными людьми из разных категорий... из разных профессий, разных возрастов. И это не просто разнообразие, а чтобы от этих людей почерпнуть что-нибудь полезное...для себя, если есть возможность извлечь что-то для себя.

⁷ См. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121-139.

⁸ Бюссе С. Социальный капитал и неформальная экономика в России // Мир России. – 2002. – № 2. – С. 93-104.

⁹ Бурдые П. Социолог под вопросом. URL: [http://sociologi.narod.ru/lib/PBq.htm_\(дата_обращения:12.08.2013\)](http://sociologi.narod.ru/lib/PBq.htm_(дата_обращения:12.08.2013)).

¹⁰ Там же.

– А кто бы это мог быть? – Сверстники, школьники, студенты, люди, состоявшиеся в профессиональном плане...возможно, и люди пожилые, потому что это носители мудрости и пообщаться с ними приятно. Неважно, главное чтобы было интересно».

Социализационный аспект влияния круга общения на собственные возможности нашел отражение в следующих ответах участников фокус-групп: «...окружающая среда формирует характер человека, а его характер формирует его возможности, его цели...»; «Человек – существо социальное, все наши личностные характеристики формируются за счет нашего окружения. Мы вырастаем такими, в зависимости от того, где и с кем мы росли», «...а еще есть русская поговорка: с кем поведешься...» и т.д.

В высказываниях данного типа заметен акцент на функциях мотивации и целеполагания, реализуемых сетями общения в отношении их участников: «Есть выражение: бытие определяет сознание. ...То, что нас окружает, то и будет побуждать нас действовать тем или иным образом»; «В зависимости от круга общения мы выбираем способы времяпрепровождения. Одни могут пиво пить, а с другими можно отдохнуть с палатками в туристическом походе. Когда в компании все говорят о том, что это интересно и хорошо, мне тоже становится интересно попробовать...»; «...если человек образован и духовно развит, то есть стимулы у личности расти до этого круга»; «Они подталкивают к каким-то определенным действиям»; «Круг общения формируется по интересам. Так, например, если я люблю читать, я не буду общаться с теми людьми, которые не любят читать. А в том кругу, где я буду общаться, я буду ставить новые цели. Я буду видеть, к чему нужно стремиться».

При объяснении ресурсной составляющей влияния сетей общения, участниками чаще всего делается акцент на потенциальных возможностях профессионального и карьерного роста. Так, один из участников группы, поясняя свое высказывание: «У друзей Путина больше возможностей», уточняет: «...если какие-то люди влияют на круги общения, то они его могут за собой потянуть. – *Например?* – Ну, например, на свою работу. Есть у них какая-нибудь фирма или организация, они за собой и потянут».

Как указывалось выше, материальной основой социального капитала выступают социальные сети. И качество социального капитала зависит от степени разветвленности социальных сетей и объема ресурсов их участников. В рамках исследования нами было выдвинуто предположение, что различные типы социальных сетей могут характеризоваться и разными барьерами, лежащими на пути их формирования и расширения.

Исследование причин, препятствующих функционированию и развитию кровнородственных сетей отношений, началось с вопроса: «*Если говорить о Вашей семье как обо всей совокупности близких и дальних родственников, то есть, как о «большой семье», что мешает поддержанию и развитию ваших отношений?»*».

Обсуждение этого вопроса породило ощущение, что затронута большая, и, одновременно, табуированная тема: обсуждать внутрисемейные проблемы – значит «выносить сор из семьи». В начале обсуждения назывались, в основном, внешние причины – отсутствие времени для общения, большие расстояния, отсутствие средств: «Нет желания, расстояния...»; «Редко видимся, и расстояния, и времени нет, ... и средств нет. Человек живет далеко. Может в Америке. Разные интересы»; «Расстояние физическое – 1200 км, время»; «...ограничения во времени».

И лишь спустя некоторое время, участники фокус-групп начали озвучивать сложные межличностные проблемы: «Существуют ключевые фигуры, которые настраивают всех против всех»; «Кроме того, бывает, что связи нет, физически не знаем, где находится человек»; «Старшее поколение не поддерживало отношения между собой»; «Не о чем говорить с родственниками, мы разные. Мы – родственники только по крови, кроме семейных мероприятий – свадьбы, похороны – мы не общаемся. Мы разрозненны, не единое целое»; «Конфликты в семье. Один из членов не очень хорошо поступил»; «Пока родственники с меня только тащат. А если будет все на равных, то почему бы и нет?»; «У нас все поддерживают отношения. На праздники собираются. Но это все для «галочки». То есть, просто есть традиция. Есть кто-то, кто это все организует, а если этого человека не будет, скорее всего, все развалится»; «Все привыкли, все так делают. Совместные мероприятия приносят удовольствие, но вне этого все идет своим чередом, все живут друг без друга. Все живем так, что не надо нам никаких тетя – дядя. На праздники – пожалуй-

ста, а так...»; «Разное отношение родственников. Я люблю свою бабушку, а она любит сильнее другого внука»; «Еще детские обиды, они сейчас выливаются...»; «Эгоизм родственников. Есть люди, которые считают, что ты обязан, к примеру, звонить каждый день, и никого не волнует, что ты пришел в 10 вечера домой. Тебе нужно приготовить, помыть посуду и так далее. А у человека потребительское отношение к родственникам, потому что это твое и вроде как «ты меня совсем забыл, вот так всегда...». Вот эти моменты. А еще есть свои дела, ты не можешь уделить внимание, просто потому, что у тебя свои дела...».

Таким образом, кровнородственные отношения представлены богатым комплексом барьеров личностного, межпоколенческого, мотивационного, ролевого, физического, ценностного, культурного, ресурсного характера. Обращает на себя внимание тот факт, что при описании барьеров функционирования кровнородственных сетей превалирует внешний локус контроля, проявляющийся в приписывании проблемных характеристик контр-агентам.

Несколько иначе выглядит ситуация в отношении друзей. Здесь также существуют подводные камни: «Существующие друзья мешают: к этому не подходи...»; «...или хочешь подойти к другому человеку, а он ведет себя так, что все обрывает».

Судя по ответам на вопрос: «*Что мешает расширить свой круг друзей, поддерживать отношения с ними?*», к барьерам отношений этого типа следует отнести прямо или подспудно звучащие установки: «друзей не может быть много», «...время найдешь всегда, если человек интересен, но нет желания пускать много людей в свой круг общения. Главное не количество, а качество...», «...крайне сложно в этом возрасте расширить круг друзей. *Друзья формируются с детства*». – *А что мешает в этом возрасте?* – Достаточно сложно, уже устойчивые группы».

В дружеских социальных сетях, как и в кровнородственных, сильна проблема нехватки времени: «У каждого человека своя семья, занятость, много бытовых моментов – работаешь, учишься, едешь, ...все люди находятся в движении, и успеваешь пообщаться урывками»; «...хотелось бы больше, но реально не хватает возможностей, нет сил»; «...именно поэтому. А так все люди прекрасно понимают занятость друг друга».

С нехваткой времени связана и превалирующая ориентация на поддержание отношений в ущерб их развитию: «Я бы уже не хотела, уже бы сохранить то, что есть и в том виде. Как бы достаточно уже. На большее расплыться трудно, все равно отношения настраивать надо...».

Другая участница группы приводит пример длительной дружбы, также акцентируя внимание на недостатке свободного времени и сил для таких отношений: «Одна из моих лучших подруг уже 12 лет живет в Лондоне, это не мешает нам встречаться каждые 4 месяца. Причем ощущение, что мы только вчера расстались. Над такими отношениями работать надо, чтобы они получились такими, а для этого уже и особо сил нет и времени, поэтому сохранить то, что ты уже имеешь – гораздо важнее, чем расширить».

В отличие от описания кровнородственных сетей, в этих высказываниях значительно сильнее выражена интернальная установка на формирование дружеских отношений, отражающая принятие ответственности за развитие ситуации. Однако и здесь встречается внешний или отчасти внешний локус контроля: «*Что мешает формированию и развитию дружеских отношений?* – Ничего не мешает, такие люди либо появляются, либо не появляются. Мешает только случай»; «...лень своя собственная и лень других людей. Можно покататься на санках, на лыжах, пообщаться, а ты прирос к дивану и думаешь – как от него оторваться...».

Среди проблем, препятствующих поддержанию и развитию дружеских отношений, периодически (хотя и нечасто) звучит отсутствие объединяющих факторов – общего дела, интересов, территориальной общности: «В детстве друзья – это те, кто живет по соседству ...мы не дружили с теми, кто жил в другом городе. Даже если знакомились, эти связи быстро прерывались. Звоним редко, еще что-то...»; «Если это одноклассники, то потом, когда пропадает общность, трудно сохранить отношения»; «Я не расширяю круг друзей, не вижу людей, с которыми мне интересно...».

Таким образом, проблемы формирования и развития дружеских отношений более всего связаны с недостатком времени, а также с ограничительными установками отно-

сительно формирования дружеских отношений, в редких случаях – с отсутствием аттракции и интересующих людей.

Возможность расширения сети отношений за счет соседей в большинстве случаев имеет в глазах членов фокус-групп негативную или индифферентную окраску. Если же звучит позитив, то, в основном, не в отношении «обобщенного» образа соседей, а применительно к конкретным людям.

«Хотели бы вы расширить свой круг общения за счет соседей?... Почему?... Что этому препятствует?» – Соседи – есть соседи... Нет причины общаться, нет потребности»; «...Рядом бабушка и дедушка – божьи одуванчики – слушать про подагру тоже не интересно. Так, на уровне – здравствуйте, здравствуйте, как дела?... и можно разойтись, потому что как таковых интересов нет...»; «Принципиально нет причин общаться с соседями»; «Соседи мешают, соседи раздражают...»; «Разные мы люди...»; «А я бы хотела. Но когда мой сосед каждый день бьет свою жену, ребенок орет – я не хочу с ним вообще общаться; мне он абсолютно не интересен, ни как человек, ни как личность».

Безусловно, к соседским сетям общения нельзя примерять те же мерки, по которым строятся отношения с друзьями и близкими людьми. Тем не менее, в высказываниях часто звучит упоминание о дружбе как неперемennom условии развития отношений добрососедства: «А мне кажется, что если человек интересен, с ним можно подружиться и с соседом. Моя соседка с верхнего этажа залила меня, прибежала, извиняется, и с тех пор мы хорошие подруги на протяжении многих лет».

Напротив, невозможность включения в соседские сети обосновывается объективными различиями, препятствующими дружбе: «Мне кажется, что одинаковых бы возрастов – плюс, минут пять лет, – тогда бы складывалось все по другому... а так получаются разные сословия людей»; «Нет, не хотел бы. С теми, с кем я общаюсь, я уже общаюсь, с остальными общаться не хочется. – *Почему?* – Определенный менталитет, определенные возрастные рамки есть. Есть несколько семей, с которыми мы хорошо общаемся, мы сошлись по принципу примерно одного возраста, все остальные – бабушки-пенсии, с которыми нет общих интересов и нет смысла расширять за счет них круг общения».

Такие высказывания показывают, что респонденты предъявляют к соседским отношениям такие же требования, как к дружеским, пытаясь их строить на аналогичных принципах, что во многих случаях не оправдано.

Так, в одном из высказываний подчеркивается возможность решения возникающих проблем с соседями только при условии дружбы с ними, которая, в свою очередь, зависит от общности интересов: «...Если друг – он поймет, что тебя залил и деньги тебе отдаст. Но все зависит от интересов. Разные интересы. У меня соседей живет – целая общага моего возраста. У меня сосед по комнате ... пьяный постоянно. Я не могу с ним общаться, мне неинтересно. Я не собираюсь так время проводить. Есть сосед через 4 комнаты – мы с ним дружим, мы собрались, куда-то пошли, поехали. Но с этим-то я не буду дружить, с алкашом. Все зависит от интересов, полная общага людей, все знакомые, а друзей нет».

На наш взгляд, специфика отношений добрососедства заключается, в первую очередь, в осознании общности территории проживания, необходимости совместного решения проблем и формирования, поддержания отношений, обеспечивающих комфортное самочувствие.

Но локализация на одной территории, в представлениях участников групп, является, скорее, разъединяющим фактором, препятствующим взаимодействию: «*Каковы причины Вашего нежелания расширять свой круг общения за счет соседей?* – Неприятные моменты, связанные с соседями: затопили, хулиганят, шумят, кричат»; «Соседство накладывает специфические обязательства, например, если мы дружим с нашими соседями, если вдруг они нас зальют, мы уже не пойдём с разборкой, как то уже неудобно...».

Таким образом, в качестве наиболее значимого барьера развития отношений с соседями следует обозначить отсутствие соответствующей культуры добрососедства, основанной на осознании необходимости формирования, поддержания отношений не столько для самосовершенствования или удовлетворения потребности в искренних, дружеских отношениях, а для совместного решения общих проблем, вызванных проживанием в

рамках общей территории, обеспечения эффективной и комфортной жизнедеятельности в ее рамках.

Что касается общественно-досуговых социальных сетей, то, можно предположить, что в числе ключевых проблемных моментов здесь выступает отсутствие мотивации. Это следует из ответов на вопрос о барьерах развития отношений досугового типа – в общестах, кружках, группах по интересам, совместному отдыху: «Лень... Желание есть, а перестроить что-либо – лень. Времени не хватает... А так, с кругом общения нет проблем, все, кто нужен – под боком»; «У подружки семья, ребенок, она не может гулять со мной...»; «Мы семьей зимой на 2 часа выходили на лыжах. Приходили, кислородом дышали – всё! Это же можно каждый вечер делать. Можно, но никто этого не делает».

В этом типе отношений, как и в других, присутствует временной барьер: «Хотел бы, но препятствует отсутствие времени»; «...Мы больше внимания уделяем работе. Когда приходим с работы, уделяем время семье, потом поужинать приготовить. А там 8-9 вечера. У меня один выходной, я отдаю его полностью семье. Меня зовут мои знакомые из разных районов области. Я отвечаю – не могу, не хватает времени. Мы отдаем себя работе»; «А еще – отсутствие желания. Куда-то записываться бывает лень»; «Добавляется еще усталость. Устаю, потом уже ничего не хочу. – *Получается что досуговый круг – наиболее вытесняемый из жизни?* – Да, просто на досуг не остается времени».

Упоминание в одном ряду таких причин, как недостаток времени, усталость, лень имеет в качестве своего знаменателя недостаток мотивации для формирования и поддержания таких отношений. В то же время в высказываниях по этой теме озвучиваются и более веские причины: отсутствие соответствующей инфраструктуры (интересующих кругов общения, в том числе, объединений, кружков, секций), низкая доступность таких кругов общения в силу территориальных и финансовых причин, а также отсутствие практики формирования таких отношений: «Или времени не хватает, или неудобное расположение какой-то секции...либо нет той группы, с которой бы ты сразу пошел, а одному пойти записаться, чтобы в дальнейшем с кем-то познакомиться – сложно. На какую-то секцию я могу сходить. Но там в месяц надо платить 3 тысячи, а другой человек не может. В то же время, я живу в одной точке города, человек – в противоположной – и ходить на фитнес куда-нибудь в центр, куда было бы компромиссно обоим – не вариант». «...Стеснение, я одна не хочу идти, хочу вдвоем, втроем»; «Хотела бы общаться с людьми, у которых такие же интересы как у меня, могу это реализовать только через общение в Интернете, у нас в городе некуда пойти».

Таким образом, в качестве барьеров вхождения в социальные сети общественно-досугового типа и их поддержания, выступает ряд объективных и субъективных факторов, к числу которых относятся: недостаток мотивации и времени, низкая степень сформированности культуры общественно-досуговых отношений, а также низкая структурированность социума – социоструктурный барьер, обуславливающий дефицит кругов общения по интересам и целям.

На пути формирования и развития профессиональных и бизнес-сетей в качестве одного из основных барьеров участники групп называют недоверие: «Отношения настроенные, берегут свою информацию...»; «Я работала в организации, где выкладывалась не на 100, а на 150%, и видела перед собой только закрытые двери. ...Хотя и сейчас встречаются люди, которые не желают делиться своими профессиональными наработками...»; «К каждому человеку можно найти свой подход. Но некоторые рассматривают сближение как угрозу. В основном, многие боятся за свое место».

Кроме того, по мнению участников фокус-групп, в профессиональной сфере очень сильны статусные барьеры: «У нас коллектив делится на людей, сидящих наверху, на втором этаже и на «обычных» людей. Там, где я могу неформально пообщаться – на корпоративах – у нас получается разделение, то есть отсутствие общего пространства»; «Еще нежелание «тех» людей идти на контакт. У них есть определенный круг общения... Если они и хотят с кем-то общаться, так это с теми, кто находится выше. «Они» – это люди с более высоким статусом, зарплатой. Ключевое здесь – должность»; «Был начальник отдела, и он нас поздравлял, и мы его поздравляли. Стал заместителем начальника департамента, нас сразу предупредил, чтобы мы его не поздравляли. И что он нас поздравлять не будет... Вопрос, а нужен ли он вообще в кругу общения?».

Данные высказывания иллюстрируют проблему стратификации населения по социально-экономическому признаку, при которой межстратовые перегородки имеют труднопреодолимый характер: «С кем из тех, за счет кого Вы хотели бы расширить свой круг общения, это Вам кажется наиболее маловероятным? Почему? – С высокомерными людьми, с богатыми, у которых миллионы»; «...Просто надо поддерживать марку, тратить по 100 тысяч... – То есть, Вы с ними не сможете на одном уровне разговаривать, поддерживать тот образ жизни, который ведут они? – Да»; «Есть небожители, занимающиеся фундаментальными вещами... – Почему Вы не сможете с ними пообщаться? – Они не заинтересованы в общении со мной. У нас разный статус. Я бы хотела пообщаться и политическими деятелями, но к ним совершенно невозможно подобраться... барьеры просто огромные...»; «Еще высшие эшелоны власти. Не всем дано... Мы не можем достучаться до властей, например, наше письмо проходит ряд инстанций, и не факт, что тебе ответили от имени президента, что он лично сам читал его».

В единичных случаях участники фокус-групп указывали на барьеры, обусловленные отсутствием аттракции: «Еще и я могу не понравиться человеку...[В таком случае] я и не прилагаю усилий, чтобы познакомиться».

В качестве причин, затрудняющих развитие профессиональных и бизнес-отношений указываются: недостаток времени, активных действий, бедность профессиональных отношений: «Мешает нехватка времени, чтобы куда-то поехать, узнать новое, пообщаться...»; «Ничего не препятствует, просто не было стремления. Я не против, но и не было активных действий. – С чьей стороны? – И с моей, и с их»; «Самое плохое в отношениях – кроме работы никаких общих интересов не появляется. Разговора другого нет, кроме работы». В последнем высказывании звучит проблема, озвученная в рамках развития сетей добрососедства: перенос на профессиональные отношения механизмов формирования дружеских отношений. Но в целом, это не типичная ситуация. В качестве же ключевых проблем развития сетей отношений в профессиональной сфере следует обозначить недоверие, статусные барьеры, связанные с занимаемой должностью и уровнем материального благосостояния, а также недостаток собственной активности.

Приведенный анализ позволяет говорить о наличии общих и специфических для конкретных типов социальных сетей барьеров в их формировании и поддержании. К числу общих барьеров, помимо нехватки времени и недостаточной мотивации следует отнести низкую степень осознанного структурирования своего круга общения, и, как следствие, спонтанный характер сетевых практик. Под осознанным структурированием мы понимаем целенаправленную деятельность по формированию «ресурсных» отношений, поиску выходов на людей, круги общения, наиболее когерентные потребностям конкретного человека.

О низкой степени осознанного структурирования большей частью населения кругов общения свидетельствует, во-первых то, что, несмотря на латентно формулируемый участниками групп запрос на их расширение за счет ресурсных людей, тем не менее, ответ на вопрос о том, за счет каких конкретно людей и для чего именно они хотели бы расширить свои круги общения, оказался проблематичным. Наиболее легко формулировались ответы на часть вопроса о причинах расширения кругов общения. Причем, если вначале это выглядело достаточно обтекаемо («...чтобы круг общения, его представители показывали цели, тянули за собой»), то после конкретизации вопроса очень четко зазвучала потребность в протезировании, обеспечивающем необходимый профессиональный статус и карьерный рост: «За счет каких людей Вы хотели бы расширить свой круг общения? Почему вы выбираете именно этих людей? – [За счет] более статусных, выше меня... То есть, это люди, которые чего-то достигли».

После неоднократного акцентирования внимания группы на первой части вопроса, появились и конкретные ответы, но скудные и с трудом формулируемые. «Если бы Вы могли построить отношения с кем угодно, кто бы это был? – Статусные [люди], наверное. И за счет людей, которые могут поделиться своим опытом»; «...статусные. В первую очередь, которые могут протезировать. Кроме того, [могут помочь] научиться, помочь профессиональному и карьерному росту»; «За счет кого Вы хотели бы расширить свой круг общения? – В.В. Путин, Губернатор области и так далее. – А что бы дало расширение круга общения за счет этих людей? – Ясное дело, не для того, чтобы он был

мне верным и преданным другом. Профессиональное продвижение. – *Вы имеете в виду знания, опыт или статусный рост? Ведь президент мог бы не помочь Вам в вашем профессиональном продвижении, а в статусном – мог бы помочь.* – И то, и то было бы важно, но конечно, я бы стала министром образования»; «...работу хорошую». «В конечном итоге – хорошая работа»; «... статус и деньги». Таким образом, когда речь идет о возможности расширения своих кругов общения за счет высокостатусных представителей управленческой иерархии.

Возвращаясь к ресурсной составляющей отношений, отметим, что если в начале проведения фокус-групп обсуждение роли кругов общения для их участников сводилось, в основном, к мотивационной, социализационной и информационной функциям социальных сетей, то по мере «разогрева», роста доверия участников друг к другу, отчетливо зазвучал запрос на социальный капитал, конвертируемый в статусный, профессиональный. В конечном итоге, на первый план в ответах участников вышел запрос на материальный ресурс, особенно, на «вертикальный» социальный капитал – отношения, связанные с доступом к ресурсам, обусловленным принадлежностью к статусной иерархии (например, в виде возможности протектирования). Такая тенденция в ответах позволяет судить о нормативной, социокультурной неприемлемости сознательного построения отношений людьми «не по дружбе», а «корысти», для получения выгод, или же, как минимум, о декларировании недопустимости такого поведения. Это служит еще одним свидетельством в пользу тезиса о низкой степени рефлексии вопросов сознательного конструирования своих социальных сетей.

Иллюстрируют это также ответы на следующий вопрос: «*Как Вы относитесь к людям, которые целенаправленно формируют свои круги общения, знакомства? Почему?*». В основном высказывания участников имеют отрицательную оценку: «Настороженно. Это корыстные цели»; «Мне кажется, что они это делают с какой-то определенной выгодой. Чтобы вокруг него было какое-то окружение»; «Мне кажется, не совсем это хорошо. Дружба возникает спонтанно. Либо это дружба, либо это круг связей с какой-то целью, по работе, по интересам»; «...от дружбы не надо ждать каких-то выгод для себя. В плане личном, в плане профессиональном. Дружба – это расслабление, отдых, именно душевное равновесие». «Человек, который целенаправленно ищет общения, ограничивает себя тем, что не изо всех выбирает для себя знакомых, а из ограниченного круга. И у него количество связей будет меньше, чем у того, кто будет выбирать из большинства»; «Кроме того, он навязывает себя, получается...»; «Такой человек точно знает, чего он хочет. Но еще не факт, что те, кого он выбирает, выберут его. – *Ну а как вы относитесь к такому человеку?* – С жалостью»; «...отрицательно, потому что такие как мы – не пробьемся». (В последнем высказывании звучит некоторая амбивалентность: вроде бы и отрицательное отношение к таким практикам, а с другой стороны, зависть к тем, у кого это получается).

Даже в высказываниях диалектического характера чувствуется перевес в сторону негативного отношения: «...они не размениваются на товарищей, которые хотят выпить. Возможно, они находят людей, которые стремятся к большему. Мы не стремимся, а они обходят барьеры, потому что они хотят. Они с одной стороны являются эгоистами, они делают что-то для себя, в первую очередь». Амбивалентность чувствуется и в следующем суждении: «Нейтрально, никак... Молодец, человек знает, чего он хочет...».

В целом, положительный ответ относительно осознанного построения отношений также имеет свою «каплю дегтя» в виде подчеркивания негативных аспектов такой практики, а также некоторого сомнения в правильности такой своей установки: «Может это честные люди, которые отказывают человеку в общении, который им неинтересен. А себе ищут человека, с которым им более комфортно. Люди, которые формируют свой круг общения – это люди, которые много думают. Они что-то теряют, удовольствие, например. Но я, наверное, хорошо отношусь к таким людям».

Однозначно положительная оценка таких практик – редкость: «Нормально – положительно»; «Я положительно отношусь. Человек знает, чего он хочет»; «Положительно. Человек не просто сидит в замкнутом мирке, а пытается выйти на другие уровни общения ...»

Примечательно, что несколько иначе сформулированный вопрос о самоорганизованных социальных практиках с точки зрения готовности выступить в них инициатором, показал достаточно настороженное отношение к этому участников обсуждения: *«Как вы относитесь к тому, чтобы стать инициатором каких-либо совместных дел, действий, организовать людей на какое либо дело, решение общих проблем?»* – Положительно, главное, потом не остаться виноватым»; «Практика показывает – отрицательно, потому что инициатива наказуема. Я брал на себя на работе несколько инициатив и люди еще и обвиняли»; «Выступить инициатором – это нормально, но зачастую это неблагоприятно из-за пассивности людей»; «Мне хватает того, что вешают извне. Когда я три или четыре раза показала, что умею это делать, больше я не хочу, а меня продолжают заставлять...». Редкие высказывания относительно проявления собственной инициативы в отношениях имеют однозначно положительный характер.

В качестве объяснения причин, препятствующих проявлению инициативы в развитии сетей отношений, нередки и ссылки на недостаток возможностей, личностных и социальных компетенций: *«Что мешает людям выступать инициаторами объединения людей для решения каких-то общих проблем, достижения общих целей (решение проблем по месту жительства, в трудовом коллективе, в городе, или объединение усилий для организации каких-то мероприятий, досуга и пр.)?»* – Не оказаться виноватым, время, желание...»; «У одного человека есть лидерские качества, у другого нет»; «Отсутствие организаторских способностей. Чувствую, что не справлюсь, не мог; просто неохота брать ответственность за группу людей на себя».

При анализе данных фокус групп, наше внимание обратила на себя еще одна деталь. Во всех вопросах, включая причины, по которым участники групп хотели бы расширить свои круги общения, зачастую присутствует только потребительский фактор (для того, чтобы получить что-либо), при полном отсутствии каких-либо упоминаний о собственном вкладе в построение и развитие этих отношений. Отчасти это можно объяснить и логикой вопросов, задаваемых в ходе фокус-групп. Тем не менее, именно практики взаимности, реципрокности выступают основой формирования социального капитала¹¹. Такая безынициативность в построении кругов общения, негатив к целенаправленному формированию отношений на основе взаимовыгодного сотрудничества, когда активно и открыто используется социальный капитал сетей общения в обмен на собственные услуги и возможности, на наш взгляд, уходит корнями в социалистическое, а до этого – в монархическое прошлое России, характеризующееся государственным патернализмом и практиками уравнилельной экономики. Минимизация возможности влияния на ситуацию породила синдром «выученной беспомощности»¹², когда человек отстраняется от активного вмешательства в собственные жизненные ситуации, предпочитая оставаться сторонним наблюдателем, что нашло подтверждение в ряде исследований последних лет¹³.

В заключение анализа данных фокус-групп подведем основные итоги. Капиталы социальных сетей (информационный, социализационный, мотивационно-целевой, ресурсный и коммуникационный) имеют высокую значимость для населения как на нормативном, так и дескриптивном уровне: в представлениях населения региона существует прямая связь между возможностями человека и его кругами общения, а также ориентация на потенциал кругов общения, обеспечивающих их участникам социальную адаптацию, личностный и статусный рост.

В то же время, установка на активное сознательное формирование сетей отношений выглядит амбивалентной: с одной стороны декларируется недопустимость отношений, основанных «на корысти», с целью решения собственных проблем; с другой, существует выраженная потребность в социальном капитале высокоресурсных сетей, особенно – «вертикальных» сетей отношений. Такая амбивалентность, наряду с установкой на не-

¹¹ Реутов Е. В., Колпина Л. В., Реутова М. Н., Бояринова И. В. Социальные сети в региональном сообществе : Монография. – Белгород: Изд-во КОНСТАНТА, 2011. – С. 32.

¹² Seligman, Martin E. P. Helplessness : on depression, development, and death. – New York : W. H. Freeman, 1992.

¹³ Достижительские установки россиян // Левада-Центр: офиц. сайт, 2003-2013. URL: <http://www.levada.ru/17-05-2010/dostizhitelskie-ustanovki-rossiyan> (дата обращения: 12.08.2013).

возможность преодоления барьеров, формируемых высокоресурсными кругами, выступает в качестве барьера развития социального капитала сетей общения.

С этим связан и другой барьер развития социального капитала, обусловленный переносом правил формирования дружеских сетей на другие типы социальных сетей. Между тем, различные социальные сети имеют неодинаковое предназначение, что диктует и использование различных принципов их построения. Данный барьер обуславливает вынужденность установки на амбивалентность в отношении формирования сетей, не основанных на эмпатии, общих ценностях, мировоззрении, поскольку потребность в социальных связях и отношениях, имеющих ресурсную направленность, достаточно высока.

Указанное в большей мере относится к барьерам отношений «среднего» социального радиуса – с соседями, коллегами, партнерами, членами досугового круга или тех или иных негосударственных объединений.

Необходимо отметить, что существует ряд барьеров, в разной мере свойственных всем типам социальных сетей. Это мотивационный, связанный с отсутствием потребности в расширении социально-сетевых контактов, временной (недостаток времени), социально-компетентностный (отсутствие знаний и навыков по решению ситуаций, препятствующих формированию социальных сетей, и о том, каким образом, собственно можно расширять круги общения).

В то же время, нужно отметить наличие и специфических для различных типов социальных сетей барьеров. Так, например, кровнородственные отношения представлены богатым комплексом барьеров личностного, межпоколенческого, мотивационного, ролевого, физического (территориальная разобщенность), ценностного, ресурсного характера. Следует говорить и об установочном барьере, выражаемом, в преобладающем в этих отношениях экстернальном локусе контроля. Это объясняется, с одной стороны, традиционным (и, потому, «вынужденным») характером таких отношений, предписывающих их обязательность как социокультурную норму вне зависимости от наличия в них аттракции. Традиционным характером отношений в большой мере обуславливается табуированность открытого обсуждения проблем взаимодействия в рамках «большой семьи» и, как следствие, низкая возможность их конструктивного преодоления.

Проблемы формирования и развития дружеских отношений более всего связаны с недостатком времени, а также с большим числом ограничительных установок относительно того, каким образом могут формироваться дружеские отношения, в редких случаях – с отсутствием аттракции и интересующих людей.

В качестве общего знаменателя проблем развития соседских сетей общения следует обозначить отсутствие культуры добрососедства, основанной на осознании необходимости этих отношений не столько с целью удовлетворения аффилиативных потребностей, сколько для совместного решения общих задач, вызванных единством пространственной локализации; обеспечения в ее рамках эффективной и комфортной жизнедеятельности.

Профессиональные сети, помимо указанного, характеризуются социальным недоверием и выраженными статусными барьерами, связанными с малопроницаемостью межстатусных перегородок.

В рамках общественно-досуговых социальных сетей, как и в случае с сетями добрососедства, сильны проблемы отсутствия культуры таких отношений. Кроме того, существуют барьеры социоструктурного и информационного характера, связанные с недостатком формальных и неформальных объединений на территории проживания или информации о них, а также малым социальным кругозором населения.

В целом же, эмпирический анализ проблем функционирования сетей отношений в Белгородской области позволяет типологизировать барьеры формирования социального капитала по следующим основаниям: мотивационный, информационный, установочный; статусный, социоструктурный, социально-компетентностный, физический.

Список литературы

- Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии / Под ред. Г.С. Батыгина. – М. : Изд. дом «Новый учебник», 2004. – 248 с.

- Bourdieu P. *The forms of capital // Handbook of theory and research for sociology of Education. Ed. by J. Richardson. – New York : Greenwood Press, 1986. – 21 p.*
- Реутов Е.В., Колпина Л.В., Реутова М.Н., Бояринова И.В. *Эффективность социальных сетей в региональном сообществе // Социологические исследования. – 2011 – №1. – С. 79- 89.*
- Сидорина Т. Ю. Социальный капитал организации и социальная политика российского предприятия // *Журнал исследований социальной политики. – 2007. – №3. – С. 319-334.*
- Реутов Е. В., Колпина Л. В., Реутова М. Н., Бояринова И. В. *Социальные сети в региональном сообществе : Монография. – Белгород: Изд-во КОНСТАНТА, 2011. – 240 с.*
- Коулман Дж. *Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 121-139.*
- Бюссе С. *Социальный капитал и неформальная экономика в России // Мир России. – 2002. – № 2. – С. 93–104.*
- Бурдые П. *Социолог под вопросом. URL: <http://sociologi.narod.ru/lib/PBq.htm> (дата обращения: 12.08.2013).*
- Seligman, Martin E. P. *Helplessness : on depression, development, and death. – New York : W. H. Freeman, 1992. – 250 p.*
- *Достижительские установки россиян // Левада-Центр: офиц. сайт, 2003-2013. URL: <http://www.levada.ru/17-05-2010/dostizhitelskie-ustanovki-rossiyan> (дата обращения: 12.08.2013).*

BARRIERS OF FORMATION OF THE SOCIAL CAPITAL OF NETWORKS OF COMMUNICATION IN REGIONAL COMMUNITY (ON MATERIALS FOKUS-GROUP)

L.V.KOLPINA¹⁾

S.A.VANGORODSKAYA²⁾

*Belgorod National
Research University*

¹⁾*e-mail: Kolpina@bsu.edu.ru*

²⁾*e-mail:*

Vangorodskaya@bsu.edu.ru

In article on the basis of the analysis of results of focus groups barriers of formation of the social capital are considered by the population of the Belgorod region. Are allocated motivational, information, adjusting; stratification, structural, social and competence-based, physical barriers. Existence of the general and specific barriers of formation of the social capital, social networks defined by type within which it is formed locates.

Keywords: social capital, social networks, resources, focus group, barriers of formation of the social capital.

УДК 316.752:37.026.9

ПРОИЗВОДСТВО И ВОСПРОИЗВОДСТВО КРЕАТИВНОГО ЧЕЛОВЕКА КАК ГЛАВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ И ГАРАНТИИ ВОЗВЫШЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОСТОЯНИЯ

Э.М. СОРОКО*Институт философии
национальной академии наук
Беларуси**e-mail: soroko-e@mail.ru*

В статье с различных точек зрения раскрываются понятия духовности, становления человека, общественного разума. Рассматриваются проблемы профессиональной подготовки поколения, воспитания нового типа поведения с точки зрения нравственности, морали, чем затрагивается идея «проектировки личности», «конструирования человека».

Ключевые слова: креативный человек, духовность, общественный разум, общественное состояние.

Духовность – феномен личностный¹. Она формируется на определенном историческом этапе становления человека как полноценного, гармонично развитого, «симфонического» (Н.О. Лосский) субъекта.

Духовность трактуют по-разному, в зависимости от того с каких позиций развивается взгляд на нее – со стороны светской культуры либо со стороны теологической. В любом случае признается мощный внешний фактор, благодаря которому в человека проецируются внешние, предзаданные общественные отношения и нормы, преобразуя соответствующим образом его внутренний мир. Это и нематериальность, бесплотность; и одухотворенность, наполненность духом творчества, или творящим духом; и сам процесс гармоничного развития духовных способностей человека, раскрытия изначально заложенного в нем и стимулируемого общественными отношениями к освобождению его индивидуального креативного потенциала, что проявляется реально и сопровождается осознанным либо неосознанным стремлением людей к вершинам культуры и неуклонному совершенствованию их творческих способностей. О духовности нередко говорят (или подразумевают это) как о добровольном выборе индивидом важнейших общественных ценностей и идеалов и подчинении своей жизни их установкам и требованиям. В процессах одухотворения индивидов существенную роль играет его функциональная динамика, если таковая вообще состоятельна, т.е. если складываются условия для надлежащего воспитания, образования и формирования их как личностей, для преосуществления этого процесса в том или ином конкретном человеке.

Развитие, вообще – становление человека, или, в терминах П.Флоренского, восхождение человека как личности, носит фазовый характер. Здесь выделяют три фазы личностного бытия человека – эмпирическая, рефлексивная и духовная. В первой фазе формируется эмпирическое сознание человека и он еще далек от того, чтобы являть собою субъекта своих собственных мыслей и действий. «Социализм есть... позитивное самосознание человека» – утверждал К.Маркс. И именно вторая, рефлексивная фаза связана с формированием самосознания. Существенно, что сознание человека получает здесь возможность сосредоточиться на самом себе, овладевая собою как побочным, дистанционно отстоящим от него предметом, формируя субъектность и субъективность: человек обретает способность оценивать и судить самого себя по собственным критериям. И лишь начав осознавать себя как существо конечное в пространственно-временном смысле он направляет свои усилия и ориентирует свое поведение на достижение определенных целей по своему совершенствованию, и тем начинает созидать свое собственное духовное бытие. Если в рефлексивной фазе осуществляется процесс становления личности, то в следующей, третьей фазе в индивиде вызревает концентрат духовных качеств и личность являет собой духовную субстанцию. Таково особое качество личности, выражающееся в ее способности создавать свой внутренний ценностный мир.

¹ Некрасова, Н.А. Феномен духовности: бытие и ценность / Н.А.Некрасова. Белгород, 2003.

Осмысливая на основе общезначимых и преобразованных в ней норм нравственности, бескорыстно оценивая и чувственно переживая получаемую информацию, она готова направлять свою деятельность на достижение истины, добра, красоты и любви, сделав это ядром процесса самосовершенствования².

Общественный разум, самовозводящийся в совокупности всех общественных отношений, проецируясь на индивидуальное сознание человека, наполняет его социальными нормами, которые, будучи оплодотворенными внутренними качествами и атрибутами личностного «Я», заполняют уже индивидуализированные конкретные лакуны и матрицы преобразованного таким образом общественного сознания. Влекомые идеей поэтапного свертывания базовых схем действия в процессах оперирования вещами, они, эти преобразуемые и трансформируемые внешние общественные нормы, возводят и устремляют к состоянию акме внутренний мир человека уже в форме индивидуализированных преобразованных и интериоризованных социальных норм.

Но при всем этом чрезвычайно важно, чтобы в обществе была единая для всех людей устойчиво утвердившаяся на сколь угодно глубокую перспективу суперцель, или суперустановка, которая направляет всю социальную эволюцию. Эволюция же сложноструктурированной системы, когда она осуществляется самоорганизационно, а значит по объективному закону, безотносительно к тому известны ли человеку или нет, всегда имеет своей целью установление структурной и функциональной гармонии, а следовательно и высшего возможного качества, автоматически соответствующего минимуму всевозможных многомерно определяющихся непродуктивных, непроизводительных издержек. Ведь даже Библия говорит о том, что в бытии наличествует предзаданное совершенство, управляющее процессом становления духовности человека. Соответствующие ее места гласят, что и человек сотворен по образу и подобию Бога (Быт, 1:27), и Дух Божий может жить в нас, как в храме (I Кор., 3:16), одухотворяя нашу душу. Но, как говорил Гераклит, скрытая гармония сильнее явной. Точно так же Апостол Павел определяет истинную душу человека, т.е. душу «человека внутреннего», у которого богато его духовное личностное «Я», его индивидуальный внутренний мир. Эта истинная духовность обретается во пространство внутреннего «Я», погружается в познание тех сторон бытия, тех его миров и горизонтов, что недоступны обычным, внешним органам чувств. Отсюда происходит и в разной мере наличествующая у людей, предопределяемая интенсивностью их внутренней работы над собой, мистическая способность интуитивно усматривать внутренним духовным взором и прозрением суть вещей, схватывая их целостным образом и беспристрастно держа на контроле совестью все собственные намерения, устремления и поступки. Понятно, что бездуховность в телеологическом смысле понимают как покинутость человека Богом, утрата непосредственной связи души с духом, вырождение деятельности души в «одноканальность» – в заикливание ее на «обслуживании» телесности человека, умножении плотских удовольствий, порождаемых всеми внешними органами чувств, сохранении достигнутой жизненной формы и жизненного состояния.

Духовность в светском, нетелеологическом смысле подразумевает неразвитость всего, что предопределяет процессы устремления души к духовному бытию, либо неспособность преодолевать инерцию экзистенции, эгоизма, самозамкнутости, отрешенности, заикленности на *idée fixe*. Вполне постичь, превратив в жизненное кредо то, что сострадание, сочувствие, милосердие превыше справедливости, и означает, в сущности, одно: духовность в этом человеке достигла определенных высот и формирует его внутренний мир, ища позитивные образцы в многомерном и разнообразном мире культуры и человеческого общения, в способности и потребности, улаживая его творящий дух, мыслить самостоятельно, а тем самым, будучи в тождестве с метасознанием, находить опору в высших критериях духовной этики. И тем самым самую эту способность человека понимать других людей и, входя в их внутренний мир, проникаться к ним сочувствием, нередко отождествляя с духовностью в ее собственном смысле, и потому в духовности нередко видят основу и предпосылку нравственного возрождения людей.

² Некрасова, Н.А. Тематический философский словарь: Учебное пособие / Н.А. Некрасова, С.И. Некрасов, О.Г. Садикова. М.: МГУ ПС (МИИТ), 2008.

Духовность – это твердость нравственных принципов, приверженность истине, активная гражданская позиция, смыслопорождающая деятельность. Духовность в онтологическом смысле – это сопричастность человеческой души к духу, преодолевающая абсолютность самодостаточности индивидуальной души, ее самоуспокоенность и самозавершенность как фиктивные, ложные ценности, не достойный человека самообман.

Впервые в истории культуры *истину* и *субъективное мнение* развел в стороны Парменид. Поиск истины же он связал с поиском инвариантов, на которых зиждется знание как таковое. До него культурные ценности определяло мифологическое сознание. Аристотель закрепил этот поиск кодексом установлений, правил и норм мышления, изложив их в «Органоне». Тем самым в познании и социальной практике был конституирован императив формально-логической верификации истины – «Разделяй и властвуй». Он господствовал вплоть до выхода в свет «Нового Органона» Ф.Бэкона, закрепившего начало новой эры в культуре, производственной деятельности. Ее статус выражен лапидарным тезисом: «Практика – критерий истины». Начало нового времени в познавательной и практической деятельности человечества обозначил П.Д.Успенский, издавший в 1913 году «Третий Органон», где границы между субъектом и объектом сняты. Впоследствии континуальность пространства субъект-объектной бинарной оппозиции в деталях обрисовал Мераб Мамардашвили. Новым критерием истины Поппер назвал *принцип фальсификации*, а Фейерабенд в работе «Против метода» (1975) дополнил его *принципом пролиферации*, утверждавшим законность неограниченного размножения произвольных умозрительных конструкций. Суть же нового времени, как она стала самоутверждаться со времен П.Д.Успенского, – в тождестве субъекта и объекта, в принятии первым внутреннего пространства и времени последнего как «своего». Одной из первых проявила такое тождество квантовая теория, связав проблему поиска истины с проблемой единства прибора и человека. Бурный взлет психологии в XX веке обусловлен отчасти, а может быть и главным образом, тем, что здесь субъект сам для себя становится объектом. И отнюдь не странно, как может показаться на первый взгляд, что представители литературы и искусства первыми освоили принципиальную суть этого нового видения реальности. «Видишь пень, войди в него и стать им!» – это, можно сказать, кредо человека искусства нового времени. На этих позициях им была создана «Каштанка», а Львом Толстым – «Холстомер», «Смерть Ивана Ильича» и др. Самосознание, самоорганизация, самоуправление, саморазвитие, самоидентификация, рефлексия, аутопоетические процессы отныне становятся важнейшими атрибутами нового времени, а массовая генерация информации вызывает к жизни символ как способ ее сжатия, упаковки многих смыслов на малых площадях. Материальный процесс – появление множества самодвижущихся на земле, в воздухе и под водой устройств, реализующих тождество субъекта и объекта – иллюстрирует начало этой новой эры во всех областях субъектно преобразуемой реальности. Реклама, в форме символа выражающая сущность актора-производителя, наиболее явно демонстрирует этот принцип.

Итак, три Органона – Аристотеля, Ф.Бэкона и П.Д.Успенского – разделили всю двухтысячелетнюю культуру человечества на четыре фазы, служа водоразделами эпох и времен. То состояние культуры в которое ныне вошло современное общество и уже столетие пребывает в нем, есть состояние синтеза, или как говорил Екклесиаст, повторяя мудрость Соломона, это «время собирать камни», время разработки интегративных стратегий развития. Это время преобразования систем образования, образовательного пространства и образовательного процесса с учетом происходящих в обществе перемен.

Вводя критерии и делая оценки состояния высшего образования в стране естественно обратиться к тем уже известным образцам образовательного процесса и образовательного пространства, которые зарекомендовали себя в истории с наилучшей стороны. Из всех возможных обозримых вариантов наиболее адекватным в данном смысле представляется феномен Древней Греции. К.Маркс в свое время отметил, что греки навсегда останутся нашими учителями. Здесь ключевое слово – «навсегда». И хотя сегодня обращение к Марксу не относится к ряду популярных инициатив, надо сказать, что здесь он глубоко прав. И вообще, по замечанию Ленина, 99% наших коммунистов не поняли Маркса, что еще более усугубилось выхолащиванием и даже извращенной подачей трудов Маркса и Энгельса, весьма далекой от их действительного содержания. Имеется в

виду второе издание собрания сочинений классиков выполненное под редакцией Марка Борисовича Митина.

Многие исследователи, даже весьма далекие от марксизма, отмечают, как непреложный факт, что взлет античной культуры произошел главным образом потому, что вся она насквозь пронизана императивом гармонии и меры³. Вся культура, эстетика, производственная база, драматические и философские произведения, поэзия и архитектура, мораль и право, все, что создавалось в те времена подчинено было требованиям этого императива. «Ничего сверх меры», «человек есть мера всех вещей», «прекраснейшая гармония» (Гераклит) стали ориентиром и целью всего совершаемого в этом обществе. И хотя у Гераклита «война всеобща», все же «враждующее соединяется, из расходящегося – прекраснейшая гармония»⁴. И такого рода ключевые фундаментальные конструкты стали опорой всех идей древних греков, их широкой созидательной практики, ремесел, торговли, искусства, военного дела. Будь то храмы, стадионы, прекрасные чернолаковые вазы, колесницы, творения искусства, произведения ваяния и зодчества – везде канон меры есть первое чему подчинено все создаваемое, доводимое на этом основании до совершенства. Прикосновение к скульптурам Фидия и Праксителя дает ощущение не камня, а мягкой шелковистой женской кожи. Драмы Еврипида, Софокла, Аристофана, других драматургов античности и доныне идут, уже более 2 тыс. лет, на сценах современных театров. Сочинения Платона и Аристотеля составляют концептуальный каркас учений многих философов на всем промежутке времени от Средневековья до современности.

Высочайший уровень морали, нравственности, целенаправленно и последовательно создаваемых во всех отношениях, начиная с системы образования и воспитания в школах, где молодое поколение проходило соответствующую подготовку, был у древних греков залогом культурного расцвета, возвышения человеческого достоинства, самосознания, укрепления патриотизма и демократии. А главное, общество во всех отношениях ориентировалось на гармонию и меру. Солон, будучи высшим представителем власти в государства-полисе, раздавал людям деньги не «просто так», а исключительно для того, чтобы народ посещал театр. Это однозначно показывает, что власть имущие хорошо понимали то, что в наше время лапидарно выразил режиссер Таиров: «В театр идет толпа, а выходит народ». Воспитание в человеке самосознания – величайшая сверхзадача, необходимая для укрепления устоев полиса и общества, которую Сократ завещал потомкам («Человек, познай самого себя!»). Она решалась через активизацию властных полномочий – последовательно, сосредоточенно и системно.

Впоследствии христианская доктрина этот тезис сделала одним из главных в своем моральном кодексе. Августин Блаженный призывал «к пробуждению человека в себя», к совершенствованию его внутреннего мира, ибо, говоря словами Апостола Павла «если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется» (2 Кор 4:16). Впоследствии И.Г.Фихте, развезжая по стране с лекциями о возвышении самосознания человека, фактически сплотил немцев, превратив их в единый народ, что позволило им выдержать нашествие Наполеоновских войск, выстоять, сохраниться как нации. Маркс извлек истину из этих данных историей уроков и определил, что **«социализм есть... позитивное самосознание человека»**⁵. Эта позиция была поддержана и развернута Ф.Энгельсом: самосознание – «вот источник всякого спасения и искупления, вот царство, в котором каждый из нас должен бороться и действовать на своем посту. Идея, самосознание человечества и есть тот чудесный Феникс, который устраивает себе костер из драгоценнейшего, что есть в мире, и, вновь помолодевший, опять восстает из пламени, уничтожившего старину»⁶. Таким образом дело же заключается в том, чтобы запустить **внутренние**, имманентные каждому человеку механизмы его социального, духовного становления, освободить человека от налипшей в веках «социальной коро-

³ Laue H. Maß und Mitte. Münster, 1960.

⁴ Материалисты Древней Греции: Собр. Текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М., 1955. – С. 42.

⁵ Маркс, К. Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. М., 1956. – С. 528.

⁶ Энгельс, Ф. Шеллинг и откровение / К. Маркс, Ф. Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 41. – С. 226.

сты», того груза грязи и деформации его сознания, что исторически, не без влияния религии, а затем и извращенных идей марксистско-ленинского учения, наслаивалось и вбивалось в души и головы людей как способ и путь обеспечения власти правящих эксплуататорских классов в форме присвоения ими результатов подневольного живого труда. Именно эту освободительную миссию должна была взять на себя осуществляемая идея коммунизма, ибо «коммунизм... является *действительным*, для ближайшего этапа исторического развития, необходимым моментом человеческой эмансипации и обратного отвоевания человека... Коммунизм есть **необходимая форма и энергетический принцип ближайшего будущего. Но коммунизм как таковой не есть цель человеческого развития (!!), не есть форма человеческого общества**»⁷.

На основе развитого самосознания каждого и всех станет возможным подлинное осуществление главной и вековой социальной идеи (**экологический социализм**) и переход к коммунистической фазе общественного развития на основе гармоничного социоприродного взаимодействия, а это задача на все оставшиеся времена жизни человечества на Земле.

Человек, его самосознание, а отнюдь не экономика, которая без человека есть бесчеловечная экономика. Когда есть в человеке развитое самосознание экономика на достаточно высоком уровне возникает как следствие этого. Государственные институты в этом случае отходят на второй план и высокий удельный вес приобретает самоуправление, самоорганизация, саморегулирование, самоконтроль, самосозидание общества, а управление превращается в «искусство мягкого дирижирования» (Маркс). Именно наличие самосознания человека дает основание говорить о постепенном отмирании государства. Это и происходит ныне в ряде западных стран, позаимствовавших и вжививших в себя многие достоинства социализма, которые были продемонстрированы всему миру в XX веке страной под названием СССР. Во Франции, к примеру, в министерстве экономики всего 15 человек и этого достаточно для обеспечения прочных производственных устоев. На постсоветском же пространстве экономика почти военизированная организация и держится на законах, указах, циркулярах, декретах, нормативах, без наличия которых она бездейственна, замирает. Так, по крайней мере, обстоит в Беларуси. В Австрии нет Министерства социального обеспечения, начисляющего и выдающего пенсии народу. Пенсионер в свой срок приходит на почту и получает положенную ему сумму. В Сингапуре, Китае на ТВ почти нет программ, заполненных антисоциальными вещами, убийствами, сексом, другой низкопробной пошлятиной. Там все держится на уважении к исконно человеческим качествам, ориентировано на рост духовности, на насущные нужды обычных граждан страны, на проекты возвышения человека. В Сингапуре нет людей нуждающихся в жилье, каждый им обеспечен и имеет достаточное жизненное пространство для устройства своей личной жизни. В Финляндии отношение к подрастающему поколению находится на достойной человека высоте, и к процессу обучения и воспитания детей в школах, который там вполне самодостаточен, ныне трудно предъявить какие-либо требования для его улучшения. Эти позиции отмечал еще писатель Куприн, посетив страну в начале прошлого века, а ныне там взяты новые высоты качества.

В свое время академик Виктор Михайлович Глушков, подчеркивал: в социальной политике и стратегии развития общества на перспективу важно не благосостояние, а состояние человека, которое и предопределяет все остальное. По свидетельству его близких, возвращаясь из Москвы, он говорил: его «ужасно угнетает мысль, что там, наверху, никому ничего не нужно». Таковой данная ситуация остается и поныне: стратегема образования не разработана, зовущей вперед идеи нет и народ постепенно вырождается.

Состояние человека зиждется на самосознании, которое определяет рефлексию, патриотизм, мораль, целевые и ценностные ориентации, а главное – **волю**, без которой человек в социуме немощен и податлив, уязвим и подвержен различным антисоциальным влияниям, не будучи способным противостоять им, не имея на то духовных, моральных, психологических, физических сил. К сожалению, в стране донныне не создано институтов формирования и закалки воли, охватывающих молодежь всех возрастов, что, помимо сугубо личностных навыков и умений сурового повседневного упорного самотре-

⁷ Моисеев Н. Экологический социализм / Н. Моисеев. М., 1998. – С. 598.

нажа, требует профессионального руководства со стороны государства. Образцом для подражания могли бы послужить практики Шаолинского монастыря, где не учат физическим методам владения собой и самозащиты, пока человек не обретет определенный уровень нравственного ценза, психосоматического мастерства самообладания, культуры самотворчества.

На сей счет, на дифференциацию людей по уровню их внутренней ответственности, весьма недвусмысленно высказывался еще Гегель. «... Индивиды... значительны и выделяются, если они своей индивидуальностью выявляют всеобщие цели...; они незначительны, если не доросли до осуществления этих целей; они дурны, если вместо того, чтобы служить делу эпохи, они отдаются власти своей индивидуальности, оторванной от этого дела и благодаря этому случайной»⁸. Сказанное почти два столетия назад и сегодня остается актуальным, если вести речь о выработке базовых ориентиров социального развития человека. А ориентиры эти обогащены практикой социального строительства прошлого века, практикой конкретного приложения идеи гармонии и гармонизации человека на том материале, который был доставлен для этого Ее Величеством Историей. Здесь очень много чего пока еще остается втуне, хотя яркие образцы того, как воспитывать человека дал А.С.Макаренко – поистине глыба на ниве созидания нового человека и несомненно, он подлежит изучению по-новой, ибо его труды – сокровищница драгоценного опыта, который дал основание тому, чтобы сформулировать мысль: Великую Отечественную войну выиграл школьный учитель, создавший новое племя сынов Отечества. Но вначале цитата из А. Луначарского:

«...Гармонический человек не может идти на борьбу, на войну. Можем ли мы в настоящее время готовить человека, чтобы он питал ненависть к войне вообще, человека с толстовским миролюбием?... Если мы, позабывши все сроки, не будем выработать из ребенка борца, личность, то это нам помешает создать очень многое, помешает создать и гармоническое общество... Мы хотим воспитать человека, который был бы коллективистом нашего времени, который жил бы общественной жизнью гораздо больше, чем личными интересами. Новый гражданин должен быть преисполнен пафосом политически-экономических отношений социалистического строительства, ими жить, их любить, в них видеть и содержание своей жизни»⁹.

«Мы уже должны говорить не только о профессиональной подготовке нового поколения, а о воспитании такого типа поведения, таких характеров, таких личных комплексов, которые нужны именно в советском государстве в эпоху диктатуры пролетариата... Проектировка личности как продукта воспитания должна производиться на основании заказа общества. Это положение сразу снимает с нашего продукта идеальные хитоны»¹⁰.

«Проектировка личности», «конструирование человека» – это и должно стать ядром новой идеи, закладываемой в процесс реорганизации эдукологического процесса на новом тетрабазисе, который сопровождает современную цивилизацию и ее культуру с самых исторически ранних истоков.

Человек имеет четыре языка для вхождения в мир и общения с ним. Таковы языки науки (здесь главное – разум) как средство для постижения человеком Природы; языки искусства (здесь главное – чувства), которое, по словам Мусоргского, «есть средство для беседы с людьми, а не цель»; язык религии (здесь главное – вера) как средство для беседы человека с Богом; наконец, медитация, которая неотделима от внутренней речи человека в его общении с самим собой (здесь главное – воля, ее возвышение и закалка для укрепления самодостаточности, самообладания, на основе развития самосознания). Этим языками покрывается всё, что делает человека человеком. Уже сам выбор четырех основных сфер социального и индивидуального бытия, в качестве базиса, даже при всей спорности их конкретных определений, весьма перспективен для построения теории и развития идеологии гармонии.

⁸ Гегель. Соч. Т. XIV, кн. III. М., 1958. – С. 182.

⁹ А.В. Луначарский о народном образовании. М., 1958. – С. 443-446.

¹⁰ Макаренко А.С. Опыт методики работы детской трудовой колонии // Хрестоматия по педагогике / А.С.Макаренко / Под ред. З.И.Рывкина. М., 1976. – С. 114-115.

Почему здесь не названы этика, нравственность, мораль? Потому что все это включено в четыре названных языка своего рода инвариантом: аморальный разум – не разум, безнравственные чувства – не чувства и т.д. Развитие человека в тетраде «разум—чувства—вера—воля» есть главная предпосылка становления гармоничного человека, возвышения его состояния как актора, человека-креатора, творца. А именно человек-креатор – что является характерной особенностью XXI столетия, -- становится представителем **нового быстро набирающего силы социального класса, соответствующего и новому облику современного общества – общества креативной индустрии**¹⁴. Не просто носитель знаний как представитель информационного общества, а деятель-творец, вооруженный методами создающий новую объективную реальность и преобразующий мир на основе новых принципов взаимодействия с ним. Без должного развития чувств, без опоры на веру и волю, одним лишь разумом не взять этих новых приступов, которые включают такие проблемы настоящего грядущего общества как сложность, качество, гармония, мера, синергия. Мы были свидетелями того, как один из последних съездов КПСС был объявлен съездом качества, но при неразвитости соответствующих новых научных методов эти цели, поставленные съездом задачи овладения проблемой качества во всем разнообразии ее модификаций и предметных аспектов, не были достигнуты. Ведь, как сказал поэт Генрих Гейне, «каждый век, приобретая новые идеи, приобретает и новые глаза».

Современное образование, даваемое молодым людям в вузе, свелось, в сущности, к обучению, к накачке их знаниями, т.е. к превращению их в ходячие энциклопедические ящики, к зомбированию фактами. Любые факты сегодня можно извлечь из сети Интернет, из Википедии, а вот обучению методам Интернет не научит. Тем более, что важны, прежде всего, методы, умения овладевать сложными ситуациями, методы как инструмент преобразования мира и создания новых проектов. А здесь нужна новая система организации образования, новая его стратегема и новая концепция образовательного процесса и образовательного пространства. Прежде всего во главу угла должна быть положена «иерархия Аристотеля-Вигнера», которую составляет триада «явления—законы—принципы». Законы управляют миром явлений, а общие и всеобщие принципы управляют законами, которые являются для них «сырьем» (термин Нобелевского лауреата Е.Вигнера). Наиболее общее в этой иерархии – принципы – определяют вектор познания, придают ему должную ориентацию. Еще Аристотель говорил, «кто знает общее, тот знает всё». На это же делал упор и Ленин, призывая, по возможности, овладевать общим в познании и практике, чтобы всякий раз многократно, снова и снова, не наткнуться на одни и те же частности.

Воспитание чувств – абсолютно необходимо для гармоничного развития человека, чтобы он в конце концов не превратился в бездушный автомат. На Западе еще 30–40 лет назад около 40% аудиторных часов во всех вузах, в первую очередь технических, отводилось наукам гуманитарного цикла (вспомним мудрое решение античных правителей раздавать людям деньги, чтобы те посещали театры). Если посмотреть на США с этих позиций, то гражданское общество этой страны по существу сделал Голливуд. Именно высокохудожественные технологически многообразно оснащенные фильмы этой студии оказали и оказывают беспримерное воздействие на массы, совершают перманентную (длящуюся во времени) культурную революцию. Чтобы повторить такой успех, необходимо придать высокий ценз тем средствам, которые в культурологическом отношении формируют человека, возводя на должную высоту его чувства. Важно не искусство приближать к народу, к устоявшимся его привычкам и стереотипам поведения, а народ приближать к новым образцам искусства, подтягивая его к новым рубежам культуры, Для этого объявить войну сексу, пошлости, развращающим программам на ТВ, установить некий «барьер проходимости», своего рода цензуру для всего того, что предназначено воздействовать на умы и чувства людей, прежде всего молодежи. На том стоял Ян Амос Коменский, выделив три опоры в формировании и гармонизации человека, духовного обогащения его личности. Это – разум, чувства, вера. Это же проводил в жизнь ректор Казанского университета Н.И. Лобачевский, в чем легко убедиться, ознакомившись с его напутствен-

¹⁴ Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2005.

ной речью перед выпускниками университета (см. БСЭ). Сегодня, когда в мире неимоверно возросло множество всяких телесно-ублажающих соблазнов, в первую очередь антисоциальных, выпускника вуза надо подготавливать ко вступлению в жизнь, предварительно позаботившись о системном становлении его **воли**, чтобы в тех или иных критических ситуациях он быстро находил верные решения, стойко и умело противостоял всяческому злу, коего в мире ныне предостаточно.

В том, что названные четыре атрибута человека, для возвышения каждого из которых нужны свои особые методы, фундаментальны, говорит, к примеру тот факт, что в мире выделились четыре основные религии, делающие ставку именно на один из них. Католицизм – на рациональное начало (в том убеждает внутреннее обустройство католических храмов): православие – на чувственную составляющую человека, которая больше развита у женщин (не случайно, все главные православные храмы посвящены Богородице); ислам – на фанатизм веры, можно сказать на веру в квадрате; буддизм – на самосознание и самосозерцание, в силу чего Будду всегда изображают опустившим очи долу, как бы замкнутым на самого себя, что символизирует рефлексивность, самоорганизацию, самодостаточность. Четыре атрибута символизирует квадрига лошадей Бога Аполлона как абсолютно гармоничного существа в образе человека – на фронтоне Большого театра в Москве. Поэтому, как созревшая в веках, база гармонизации человека, тетрада «разум—чувства—вера—воля», или как ее иногда символически выражают, «рацио—эмоцио—интуицио—медитацио», должна стать основой выработки стратегией развития человека, превращения его, полиориентированного субъекта в субъекта креативного, множественное производство и самовоспроизводство которого составит новый класс, гарантирующий прорыв к самодостаточному и самообеспеченному состоянию нашего общества, которое будет зиждиться на прерогативе духовности в общении людей и в культуре.

Список литературы

1. Некрасова, Н.А. Феномен духовности: бытие и ценность / Н.А.Некрасова. Белгород, 2003.
2. Некрасова, Н.А. Тематический философский словарь: Учебное пособие / Н.А. Некрасова, С.И. Некрасов, О.Г. Садикова. М.: МГУ ПС (МИИТ), 2008.
3. Laue H. Maß und Mitte. Münster, 1960.
4. Материалисты Древней Греции: Собр. Текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура. М., 1955.
5. Маркс, К. Из ранних произведений / К. Маркс, Ф. Энгельс. М., 1956.
6. Энгельс, Ф. Шеллинг и откровение / К.Маркс, Ф.Энгельс // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 41.
7. Моисеев? Н. Экологический социализм / Н. Моисеев. М., 1998.
8. Гегель. Соч. Т. XIV, кн. III. М., 1958.
9. А.В.Луначарский о народном образовании. М., 1958.
10. Макаренко, А.С. Опыт методики работы детской трудовой колонии // Хрестоматия по педагогике / А.С.Макаренко / Под ред. З.И.Рывкина. М., 1976.
11. Флорида, Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее / Р.Флорида. М.: Классика-XXI, 2005.

PRODUCTION AND REPRODUCTION OF A CREATIVE MAN AS THE MAIN SOCIAL VALUES AND THE RISE OF SOCIAL GUARANTEES OF THE STATE

E.M. SOROKO

*Institute of philosophy
of national academy
of Sciences
Belarus*

e-mail: soroko-e@mail.ru

Article from different points of view drop-vayutsya notion of spirituality, formation of human social intelligence. The problems of training generations of educating a new type of behavior from the point of view of morals, ethics, affected than the idea of "designing person", "design rights".

Key words: creative person, spirits alia, social intelligence, social condition.

УДК 35.088.8:323-053.6

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В СУБЪЕКТЕ РФ

А.А. ХАРЧЕНКО¹
О.В. ЗАСЛОНКИНА²
О.Н. ДРОВНИКОВА³

*Российская академия
народного хозяйства и
государственной службы*

¹*e-mail: ax-45@mail.ru*

²*e-mail: zaslonkina11@mail.ru*

³*polina97@yandex.ru*

В статье идет речь о необходимости использования модели социального партнерства в процессе реализации государственной молодежной политики. Описываются условия, принципы, механизмы социального партнерства в сфере реализации государственной молодежной политики в субъекте РФ. Отражено видение социального партнерства, его значения, условий и перспектив успешного социального партнерства в регионе.

Ключевые слова: молодежь, государственная молодежная политика, социальное партнерство, партнерский подход, субъекты партнерских отношений, модель социального партнерства в субъекте РФ.

Термин «социальное партнерство» – относительно новый для современной России. Как правило, его смысл раскрывается через идею налаживания конструктивного взаимодействия между тремя силами, действующими на общественной арене страны: государственными структурами, коммерческими предприятиями и некоммерческими организациями.

Детерминантами социального партнерства следует считать комплекс средовых и субъективных факторов (рисунок)¹.

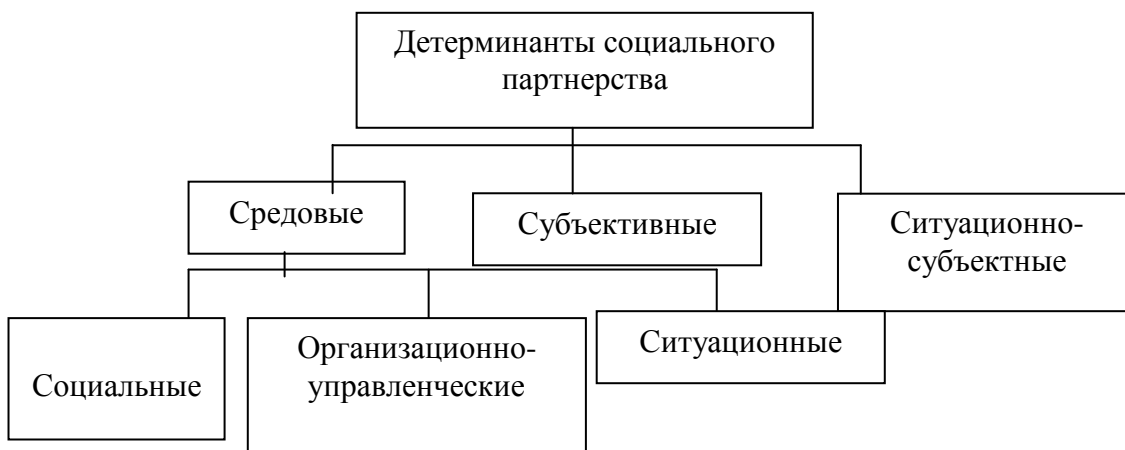

Рис. Детерминанты социального партнерства

К социальному классу детерминант относятся: общее состояние и уровень развития социума, тип общественного (государственного) устройства, уровень развития гражданского общества, экономическую и социально-политическую структуру общества, сложившаяся социальная стратификация, специфика ценностно-нормативной системы, су-

¹ Ховрин А. Ю. «Социальное партнерство в сфере реализации молодежной политики» // автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук по специальности 22.00.08 – социология управления, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2010г.

ществующие традиции и национальные особенности, степень приемлемости и фактической распространенности партнерских взаимодействий.

Наиболее значимым организационно-управленческими детерминантами являются:

- позиция государства как ведущего социального института, связанная с наличием или отсутствием ориентации на использование в социальном управлении органами власти субъект-субъектного (партнерского) подхода в их взаимодействии с гражданами, социальными группами, деловыми организациями;

- осуществление властью целенаправленной диффузии партнерских методов и инструментов управления в различные сферы, направления и на различные уровни общественной жизнедеятельности;

- наличие правовых регуляторов партнерской деятельности;

- степень разработанности теоретического и технологического обеспечения, создания и управления социальными партнерствами.

К разряду ситуационных факторов относятся вид предметной области, тип и масштаб задач, решаемых с помощью применения потенциала партнерства. В этом качестве также могут рассматриваться наличие необходимых ресурсов информационного обеспечения, степень актуальности поставленных задач и др. Особое влияние на партнерские взаимодействия оказывают субъектные факторы, прежде всего тип и статус партнеров. Также одним из значимых факторов, обуславливающих возможность и успех взаимодействия, является признание субъектами друг друга в качестве равноправных участников интеракций (проблема идентификации, признание «другого как равного»).

Успеху партнерства способствует и степень общности, взаимодополняемости интересов (особенно в случае их «разновекторности») и готовности к их реализации у партнеров. Последние два фактора могут быть одновременно интерпретированы и как субъектные, и как ситуационные.

Партнерский подход достаточно активно развивается в сфере реализации государственной молодежной политики. На его основе осуществляется развитие молодежного самоуправления, молодежного парламентаризма.

Партнерский подход эффективен при привлечении молодых людей и молодежных организаций для выполнения задач, связанных с проведением акций, мероприятий, программ, адресованных подрастающему поколению². Использование социального партнерства целесообразно и при решении проблемы кадрового обеспечения государственной молодежной политики. При этом речь должна идти о создании партнерства между профильными органами власти, их учреждениями, высшими учебными заведениями и молодежными общественными объединениями.

Социальное партнерство в сфере реализации государственной молодежной политики в субъекте РФ можно определить как особый тип созидательных и неконфронтационных общественных взаимодействий между ее субъектами. Их предметом является решение актуальных проблем молодого поколения через его вовлечение в процессы реализации государственной молодежной политики, использование потенциала молодежи для осуществления задач, имеющих важное общественное значение.

Основными принципами социального партнерства в сфере государственной молодежной политики являются³:

- уважение и учет интересов участников соглашения;

- заинтересованность договаривающихся сторон в участии в договорных отношениях;

- соблюдение социальными партнерами норм законодательства Российской Федерации, других нормативных актов, которыми руководствуются партнеры;

- наличие соответствующих полномочий социальных партнеров и их представителей при ведении переговоров и во время подписания соглашения о партнерстве;

² Петров А. В., Сунарчина М. М. Региональные проблемы социального партнерства в условиях современных глобальных трансформаций // Общество. Среда. Развитие. 2011. № 2. С. 89–93.

³ http://cafedra-orm.ru/files/lekcija_efimova.ppt#267 (дата обращения 14.03.2014)

- равноправие и доверие сторон, вступающих в отношения социального партнерства;
- невмешательство в дела друг друга, что означает, что ни детская общественная организация, ни органы студенческого самоуправления не вправе вмешиваться во внутренние дела друг друга;
- свобода выбора и обсуждения вопросов, входящих в сферу социального партнерства;
- добровольность принятия обязательств социальными партнерами на основе взаимного согласования;
- регулярность проведения консультаций и переговоров по вопросам, входящим в сферу социального партнерства;
- реальность обеспечения принятых партнерами обязательств, то есть объектом соглашения о партнерстве должны стать только обеспеченные своими средствами и ресурсами мероприятия и др.

Изучение основных документов, регулирующих государственную молодежную политику, и социальная практика в Орловской области показывают, что в ее реализации постепенно включается все большее число социальных субъектов, а это создает возможности для установления партнерских отношений между ними.

Субъекты социального партнерства в молодежной сфере и формы их взаимодействия могут быть представлены на схеме 1.

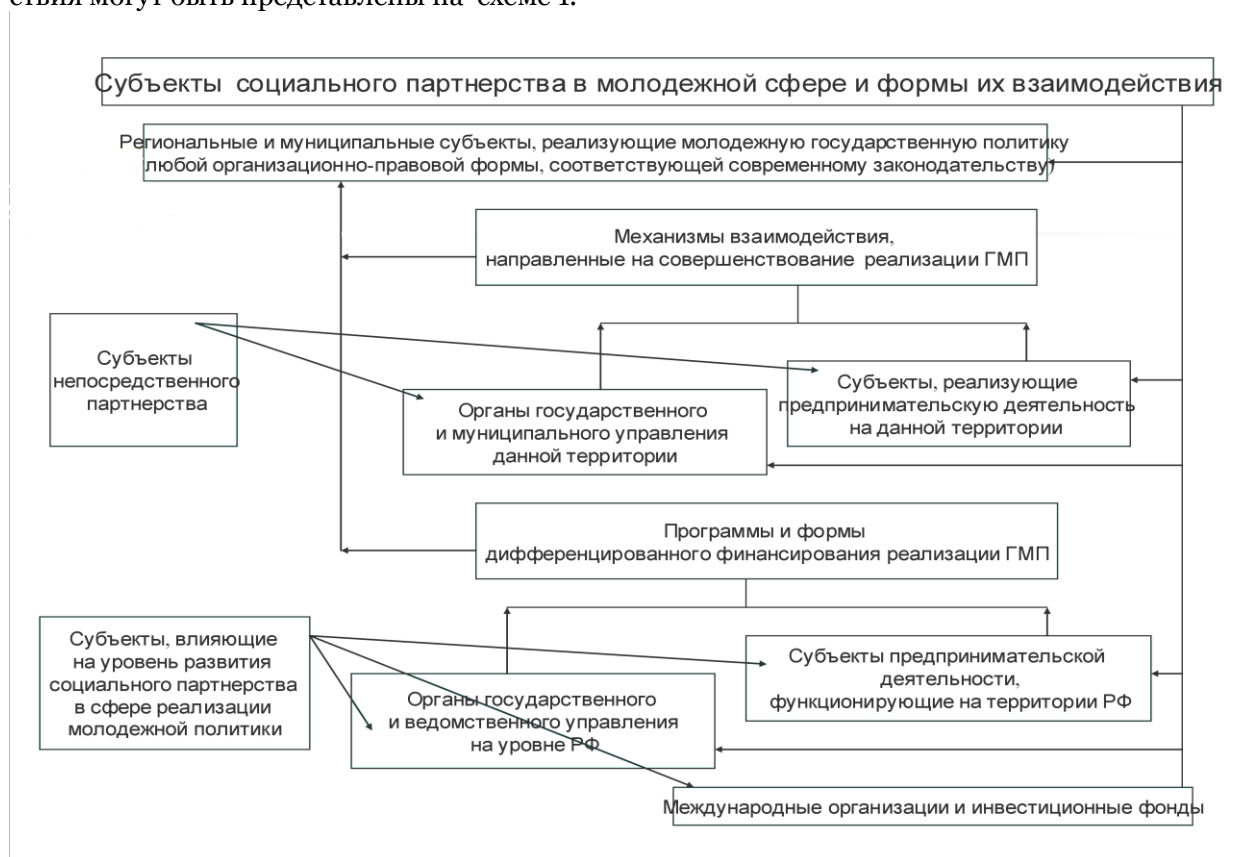

Схема 1. Субъекты социального партнерства в молодежной сфере

Со стороны властных структур субъектами партнерских взаимодействий в реализации государственной молодежной политики являются органы государственного и муниципального управления, непосредственно осуществляющие молодежную политику в регионе, другие органы власти любых уровней, должностные лица, государственные и муниципальные организации и учреждения (схема 2).

Схема 2. Субъекты партнерских отношений в регионе

Со стороны молодежи и общества в роли социальных партнеров в сфере реализации государственной молодежной политики в Орловской области выступают:

- молодежные и другие общественные объединения, как обладающие, так и не обладающие статусом юридических лиц;
- органы ученического, студенческого и общественного самоуправления;
- коммерческие и некоммерческие организации, созданные молодежью и взрослыми гражданами и оказывающие социальные и другие услуги молодежи.

Сегодня наиболее социально значимыми и распространенными формами партнерства в сфере реализации государственной молодежной политики являются:

- реализация государственных и муниципальных заказов на выполнение молодежными общественными объединениями работ, оказание услуг по осуществлению программ и проектов для детей и молодежи;
- поддержка и развитие деятельности студенческих педагогических отрядов и других молодежных организаций воспитательной направленности;
- содействие деятельности молодежных жилищных комплексов;
- участие молодежи в волонтерских движениях;
- деятельность структур молодежного, студенческого и ученического общественного самоуправления, в том числе развитие молодежного парламентаризма.

Основные программы социального партнерства в Орловской области решают достаточно широкий спектр задач (таблица).

Таблица

Программы социального партнерства в Орловской области

Сфера деятельности	Формы партнерства
Образование	Грантовые конкурсы для студентов и преподавателей. Стипендиальные программы. Программы профессиональной ориентации. Программы развития специальных навыков, адресованные отдельным категориям жителей (инвалидам, детям-сиротам и т.д.)
Здоровый образ жизни	Корпоративные спортивные программы (для сотрудников и членов семей). Городские спортивные мероприятия.

	Поддержка детского и юношеского любительского спорта. Развитие новых видов спорта, востребованных среди молодежи.
Социальная среда	Грантовые конкурсы для общественных и муниципальных организаций, оказывающих социальные услуги жителям. Акции с участием жителей, муниципальных работников и т.д. Программы развития добровольчества. Целевые программы, направленные на повышение социальной адаптации детей-сирот, пожилых, инвалидов и т.д.
Культура	Целевые программы, направленные на повышение знания жителями города своей культуры и истории. Поддержка объектов культуры (включая акции и специальные мероприятия).

Представители молодого поколения при финансовой, организационной, методической поддержке органов государственной власти и местного самоуправления области ведут самую разноплановую деятельность в интересах молодежи.

Наиболее полной и интересной с точки зрения получения целого ряда позитивных социальных эффектов является партнерская (государственно-общественная) модель реализации государственной молодежной политики, созданная в г. Орел. Она включает следующие компоненты стратегии социального партнерства:

- партнерское мышление;
- взаимное дополнение;
- доленое участие;
- разнообразие форм объединения субъектов партнерства;
- поэтапное использование технологий партнерства.

Партнерское мышление представляет собой привычку видеть лучшее в человеке, уважительно относиться к чужому мнению, стремиться понять другого, желание и умение выстраивать социальные отношения. Главное в партнерстве не получать, а планировать то, что ты способен отдать тем, кто нуждается в твоей помощи и поддержке. Быть партнером означает: разделять идеи тех, с кем вы договариваетесь о совместной деятельности, принимать самое активное участие в запланированной и оформленной соответствующим соглашением совместной деятельности, самостоятельно выбирая тип этой деятельности, выполняя принятые на себя обязательства.

Взаимное дополнение, или «принцип взаимной дополнителности» в партнерских отношениях означает, что в рамках совместной деятельности для достижения наилучшего результата каждый должен делать то, что он делает лучше других. Если у молодежной общественной организации отработаны связи с общественностью, если есть возможность непосредственно контактировать со средствами массовой информации, то она может предложить осуществлять именно это направление в рамках предполагаемого соглашения о социальном партнерстве. В этом случае органы самоуправления, как партнеры, подписывающие договор о партнерстве, должны предложить со своей стороны какой-либо вид деятельности, в котором они уже «преуспели», например, свой Интернет-сайт для размещения необходимой информации. Такое объединение по принципу «взаимной дополнителности» существенно повышает результативность социального партнерства.

Несмотря на кажущуюся очевидность, внедрение такого подхода на практике требует значительных усилий. И, как правило, связано с необходимостью отказа от привычных схем работы, сложившихся стереотипов, сопряжено с преодолением, а точнее «согласованием» личных амбиций лидеров молодежных общественных организаций и активистов студенческого самоуправления.

Доленое участие в обеспечении совместной партнерской деятельности предполагает объединение ресурсов с целью получения синергетического эффекта результата, который невозможно получить вне партнерства. Каждый вносит то, что у него есть. И, прежде всего, это человеческие ресурсы, финансы, материальные средства, информация и т.д. Если, например, детская (молодежная) общественная организация располагает эф-

фективными программами социально-психологического тренинга по подготовке лидеров и в ее рядах есть компетентные тренеры, то она может предложить именно этот ресурс.

Долевое участие принципиально важно для реализации технологии социального партнерства, так как партнерство предполагает, прежде всего, равенство сторон, при этом каждая обязуется внести в рамках подписанного соглашения свой имеющийся ресурс или несколько ресурсов.

Разнообразие форм объединения субъектов партнерства. В социальном партнерстве участвуют или могут участвовать несколько типов субъектов: органы государственного и муниципального управления, негосударственные некоммерческие организации, коммерческие предприятия, бюджетные организации, наконец, просто граждане, молодежные общественные организации и органы студенческого самоуправления. Степень их взаимодействия может быть различна, начиная от обмена информацией и заканчивая формированием совместных партнерств – физических и юридических лиц, чья специально организованная деятельность имеет своей целью социально-экономическое развитие города, школы и т.п.

Формы объединения усилий субъектов партнерства могут быть самыми разнообразными и существенно зависят от конкретных условий и местных инициатив. Стратегически важно понимать и главное – принимать это разнообразие и изначально отказаться от попыток использования единых схем и «проверенных» решений. При этом важно понимать, что основа партнерства – люди, их участие в решении социальных проблем, а цель – повышение качества их жизни.

Целью реализации партнерских принципов в этой модели является обеспечение максимально полного вовлечения молодых граждан не только в процессы осуществления государственной молодежной политики, но и в другие направления жизнедеятельности городского и местных сообществ. Это достигается за счет сбалансированного, оптимального сопряжения систем государственного и муниципального управления с упорядоченной совокупностью разноуровневых (городских и районных) органов молодежного общественного самоуправления⁴.

Примером партнерских отношений может служить взаимодействие государственных органов власти, органов местного самоуправления и молодежного правительства.

Рассмотрим данный вопрос на примере взаимодействия Департамента образования и молодежной политики Орловской области, Управления по делам молодежи, молодежного правительства, отдела по организации работы межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, отдела молодежных программ, отдела патриотического воспитания и молодежной политики, молодежных общественных организаций и др.

Целью формирования и развития партнерских отношений между указанными субъектами является максимальное использование возможностей сторон для повышения эффективности реализации государственной молодежной политики за счет улучшения качественных и количественных характеристик ее кадрового потенциала, создание актуального научно-методического обеспечения данной сферы на областном и районном уровнях. В этом контексте сотрудничество сторон полностью соответствует их собственным и общественным интересам. В соответствии с Законом Орловской области от 3 декабря 2010г. № 1154-ОЗ «О государственной молодежной политике в Орловской области», в целях вовлечения молодежи в решение социально-экономических проблем региона Правительство Орловской области утвердило положение о молодежном правительстве Орловской области.

В числе основных целей молодежного правительства является участие молодежи в формировании концепции социально-экономического развития Орловской области, содействие в привлечении молодых граждан к непосредственному участию в формировании и осуществлении молодежной политики области, а также формирование правовой и политической культуры, поддержка созидательной гражданской активности.

⁴ Харченко А.А., Судоргин О.А., Логвинов Л.С. Государственная молодежная политика в Российской Федерации. Учебно-методическое пособие. Орел, 2012. С. 10-15.

Молодежное правительство в регионе решает ряд задач. В частности, обеспечивает участие представителей молодежи региона в деятельности Правительства Орловской области и иных исполнительных органах государственной власти области; вносит предложения по реализации планов социально-экономического развития региона и совершенствованию системы государственного управления в Орловской области. Кроме того, молодежное правительство оказывает содействие в реализации основных направлений государственной молодежной политики в Орловской области, пропаганде среди молодежи ее целей и задач. Молодежное правительство Орловской области имеет право участвовать в разработке и предварительном обсуждении проектов нормативных правовых актов исполнительных органов государственной власти региона; организовывать совещания, круглые столы, консультации; вносить предложения в повестку дня заседаний Правительства Орловской области, готовить к заседаниям необходимые материалы, а также ряд других прав.

Молодежное правительство Орловской области активно участвует в подготовке и проведении массовых мероприятий с молодежью.

Важнейшим направлением применения молодежных партнерских практик является деятельность структур молодежного общественного самоуправления, функционирующих при органах государственного и муниципального управления различного уровня (молодежные общественные советы и палаты, студенческие правительства дублеров и т.д.), на предприятиях (советы молодых специалистов, молодых ученых и др.), в учебных заведениях общего и профессионального образования.

Таким примером может служить взаимодействие Орловского филиала РАНХиГС с молодежными общественными объединениями и организациями военно-патриотической направленности.

Следует выделить еще один аспект партнерских отношений в сфере реализации государственной молодежной политики – это научно-методическое партнерство. Оно предполагает совместное проведение органами власти и научным сообществом вуза комплексных научных исследований, нацеленных на изучение состояния молодежи, осуществление мониторинга протекающих в молодежной среде процессов, выявление тенденций и проблем развития молодого поколения всей сферы государственной молодежной политики.

Таким образом, социальное партнерство, осуществляемое в сфере реализации государственной молодежной политики, позволяет не только решать проблемы молодежи, но и способствует внедрению в молодежную среду идей, принципов, социальных практик партнерства, общественного диалога, поиска консенсуса. Это обеспечит стабильное развитие отечественного социума, придаст ему большую степень устойчивости к кризисным ситуациями, сформирует умения антикризисного управления.

В результате молодые граждане, освоившие партнерские методы и технологии, смогут предотвращать, разрешать различные конфликтные ситуации, добиваться достижения актуальных личных и общественных целей исключительно мирными, социально-приемлемыми способами.

Список литературы

1. Ховрин А. Ю. Социальное партнерство в сфере реализации молодежной политики. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. 22.00.08 – социология управления. – Нижний Новгород, 2010.
2. Петров А. В., Сунарчина М. М. Региональные проблемы социального партнерства в условиях современных глобальных трансформаций // Общество. Среда. Развитие. – 2011. № 2. – С. 89–93.
3. Ховрин А.Ю. Социальное партнерство в государственной молодежной политике: реализация потенциала студенчества // Интеграция образования №1-2, 2005. С 7 -12 Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-partnerstvo-v-gosudarstvennoy-molodezhnoy-politike-realizatsiya-potentsiala-studenchestva>
4. Харченко А.А., Судоргин О.А., Логвинов Л.С. Государственная молодежная политика в Российской Федерации.- Учебно-методическое пособие. – Орел: Издательство Орловского филиала РАНХиГС, 2012. – 490 с.

5. Заслонкина О.В. К вопросу о студенческом самоуправлении в образовательном учреждении // Экономические и гуманитарные науки: Орел: Орел ГТУ, 2010. Стр. 3-6.

SOCIAL PARTNERSHIP IN THE SPHERE OF STATE YOUTH POLICY IN THE SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION

A.A. KHARCHENKO¹⁾
O.V. ZASLONKINA²⁾
O.N. DROVNIKOVA³⁾

*Russian Academy of
National Economy and
Public Administration
under the President
of the Russian Federation*

¹⁾*e-mail: ax-45@mail.ru*

²⁾*e-mail: zaslonkina11@mail.ru*

The article deals with the need to use the model of social partnership in the implementation of state youth policy. Describes the conditions, principles, mechanisms of social partnership in the implementation of state youth policy in the subject of the Russian Federation. Reflected a vision of social partnership, its values, conditions and prospects for successful social partnership in the region.

Keywords: youth, state youth policy, social partnership, a partnership approach, subjects partnership model of social partnership in the subject of the Russian Federation.

УДК 005.336.4:378

ВОСПРОИЗВОДСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

В.И. ЧУПРОВ¹⁾
Ю.А. ЗУБОК²⁾

¹⁾ *Институт социологии
РАН*

e-mail:
chuprov443@yandex.ru

²⁾ *Институт социологии
РАН*

e-mail: uzubok@mail.ru

В статье рассматривается процесс воспроизводства знаний в условиях перехода к новой социальной реальности. Интеллектуальный капитал, его изменение и перспективы развития раскрывается с точки зрения различных подходов и направлений, оценивается влияние на воспроизводство знаний в образовании различных факторов и тенденций современности.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, воспроизводство знаний, социальная реальность, жизненная позиция молодежи.

Современное общество находится в процессе перехода к новой социальной реальности. Она характеризуется высоким динамизмом изменений во всех сферах жизнедеятельности, возрастающей потребностью в инновациях, ростом наукоемкости технологий, повышением роли знаний, усилением информатизации и интеллектуализации¹. Основным признаком формирующегося информационного общества является снижение значимости материальных факторов производства и утверждение определяющей роли информации и знаний как основных производственных ресурсов. Знания становятся и основным источником производства, и его наиболее ценным продуктом, и устойчивым конкурентным преимуществом не только отдельных экономических структур, но и общества в целом.

Роль образования, особенно высшего, в этом процессе оказывается решающей. Оно обеспечивает процесс воспроизводства и трансляции знаний, информации, опыта и соответствующих установок на их использование.

В процессе производства и воспроизводства знаний происходит сложный процесс их капитализации. Знания конвертируются в различные эквиваленты – квалификацию, опыт, производительность, инновации, экспертизу и т.д., становящиеся ведущим фактором экономического и социального развития. Сами знания тем самым превращаются в ценный актив, составляя основу интеллектуального капитала².

Между тем, не только знания являются основой формирования интеллектуального капитала, но и отношение к ним. В широком плане под отношением понимается характер восприятия знаний и образования как способа их приобретения, понимание их смысла и значения в условиях изменяющейся социальной реальности, установка на приобретение и использование в своей повседневной жизни.

С позиций феноменологического подхода отношение формируется в процессе постижения индивидами значений, которыми наделены объекты социальной реальности и отражает понимание их субъективного смысла. Смыслы и значения складываются и существуют как часть интересубъективной реальности, это означает, что они разделяются не одним индивидом, а целым рядом взаимодействующих индивидов. Оценка значимости отдельных сторон объекта социальной реальности активизирует потребность в действии. Осмысливая социальную реальность, события или явления, придавая им ту, или иную значимость, индивиды учитывают ее в собственных жизненных стратегиях – интенциональных стремлениях, целях и средствах их достижения. Осознание индивидом социаль-

¹ Эдвинсон Л., Мэлоун М. Интеллектуальный капитал // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология, под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. – С. 435-436.

² Klein, D.A and Prusak, L. Characterising Intellectual capital, Cambridge, MA, Centre for Business Innovation, Ernst and Young, 1994.

ных реалий с точки зрения их значимости происходит на основе рефлексии исторического или личного жизненного опыта. Так, рефлексия по поводу новой социальной реальности, связанная с пониманием смысла и роли образования и получаемых знаний заставляет индивидов придавать им более существенное значение, воспринимать их ценность, перспективы применения и необходимость приобретения. В результате сложившееся в индивидуальном сознании субъективное отношение к знаниям и образованию объективируется, становясь реальностью. Но в силу дифференциации в опыте познания реальности отношение к ее объектам далеко не одинаково в разных социальных группах, ибо человек непосредственно воспринимает лишь ту часть объективной реальности, о которой располагает собственными знаниями. А объективные условия социальной реальности преломляются через образ жизни различных социальных групп и только так отражаются в индивидуальном и групповом сознании. Поэтому отношение к объектам реальности различается. Это проявляется и в отношении к знаниям. Его дифференциации способствует, прежде всего, социальное расслоение и как следствие различный социальный и культурный опыт, изменяющий границы социальной реальности. В силу большего пиетета по отношению к знаниям в высокостатусных группах формируется устойчивая установка на получение качественного образования, на непрерывное образование и понимание возможностей его успешной капитализации. А наличие доступа к образованию является ее важным условием. Представители низкостатусных групп, напротив, чаще лишены доступа к качественным знаниям как ресурсу интеллектуального капитала, не включают их в повседневную жизнь и реже демонстрируют соответствующую потребность. В их среде складывается иная реальность, где знания если и имеют какое-то значение, то далеко не решающее. Распространение подобного субъективного понимания ценности знаний в корне отличает их социальную реальность. Рассмотрим подробнее изменение социальной реальности в сфере образования и отношения современной молодежи к образованию и знаниям.

Отмечаемые изменения непосредственно связаны с его реформированием в целях модернизации. Как отмечено в проекте «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.», стратегической целью государственной политики в области образования является повышение доступности качественного образования в соответствии с требованиями инновационного развития экономики и современными потребностями общества, задачами геополитической конкурентоспособности России в глобальном мире. Однако, осуществляемая с этой целью реформа, вызвала не однозначные последствия и такую же противоречивую реакцию в обществе. Новые стандарты общего образования, предполагающие выбор учащимися изучаемых предметов, подмена образовательного процесса как единства обучения и воспитания оказанием образовательных услуг, внедрение единого государственного экзамена как единственной формы оценивания знаний, превратившее конкурс способностей и знаний при поступлении в вузы в лотерею, вытеснение качественных показателей эффективности учебного процесса количественными, формализующими его организацию, переход от живого общения преподавателя со студентами к виртуальному – все это не могло не отразиться в сознании молодежи, как новая социальная реальность.

Обыденные знания об этих процессах, приобретаемые молодыми людьми во взаимодействиях друг с другом, наполняют изменяющуюся реальность новыми смыслами. На основе тех смыслов (значений), которые они придают реальным, а не провозглашаемым целям, конструируются модели отношения к образованию.

Прежде всего, это отражается на ценностном отношении к образованию и знаниям. Анализ результатов исследований³ выявил нарастающую тенденцию девальвации

---

³ Анализ базировался на результатах исследования, проведенного отделом социологии молодежи ИСПИ РАН в 2011 г. на основе половозрастных квот, репрезентирующих российское население с учетом региональных особенностей в 66 населенных пунктах в 13 субъектах Российской Федерации. N=1301 человек. Исследование проводилось методом личного интервью. Для сравнительного анализа использовались данные исследования, проведенного по репрезентативной для молодежи, в возрасте 15-29 лет, выборке в 12 регионах РФ. N в 2002 г. = 2012 чел. Руководители исследований проф. В.И. Чупров и проф. Ю.А. Зубок.

ценности образования среди молодежи. По сравнению с 2002 г. доля терминальных ценностей, характеризующих самоценное отношение к образованию, сократилась в 1,6 раза. Процесс инструментализации распространился и на ценность знания в молодежной среде. Каждый второй считает, что знания – лишь средство решения поставленных задач, а 48,6% молодых людей убеждены, что деньги могут заменить знания. Примечательно, что снижение доли терминальной ценности знания и рост ее инструментального значения больше проявляется в старшей возрастной группе молодежи, в которой значительный удельный вес составляют студенты и молодые специалисты. Это свидетельствует о негативной тенденции в воспроизводстве в стране современных знаний, необходимых для реализации провозглашенных инновационных программ и накопления интеллектуального капитала.

Изменение социальной реальности в сфере образования усиливается влиянием многих факторов – материального положения молодых людей, региональных условий их жизни, статусных и ролевых характеристик в различных социальных группах, а также отношением к модернизации. Иначе говоря, социальная реальность различна у богатых и бедных, проживающих в крупных городах и в небольших населенных пунктах, занимающих разный социальный статус в обществе, удовлетворенных и неудовлетворенных модернизацией образования. Соответственно различается и отношение к образованию.

Влияние материального положения проявилось в более высоком уровне образования среди высоко обеспеченных респондентов. Высшее и незаконченное высшее образование в этой группе имеют 67,4%, а среди малообеспеченных респондентов таких оказалось 13,6%. Это наглядно свидетельствует о неравенстве возможностей в приобретении высшего образования в стране. Но, как следует из анализа, материальное положение влияет и на мотивацию его приобретения. Наименьшее значение терминальной ценности образования (43,4%) отмечается в группе высоко обеспеченных респондентов. Большинство из них рассматривают образование как капитал, но относятся к нему инструментально, как к способу повышения своего статуса в обществе. В малообеспеченной группе, наоборот, отношение к образованию связывается в большей мере с возможностью самореализации. В обоих случаях наращивание интеллектуального капитала возможно, но в силу различий в мотивации приобретения образования требует различных регуляционных усилий со стороны общества.

Обратная тенденция отмечается в отношении к знаниям. В условиях, когда качественное образование стало оплачиваемой услугой, молодые люди из малообеспеченных семей (каждый второй) вынуждены пересматривать свое отношение к знаниям, признавая, что деньги важнее знаний. Однако по мере роста уровня жизни, значения терминальной ценности знаний повышаются, достигая максимума (67,4%) в высокообеспеченной группе. Это отражает понимание того, что в новой реальности конвертация капитала в интеллектуальный является ключом к успеху.

Но доступность платного образования существенно дифференцируется в зависимости от материального положения семьи. Даже в группе материально обеспеченной молодежи оно не доступно каждому десятому. Среди средне обеспеченных по российским меркам молодых людей, представляющих большинство молодежи, приобретение платного образования либо вовсе не доступно (38,3%), либо связано с существенными материальными лишениями (53,7%). Для подавляющего большинства низкообеспеченных слоев молодежи (72,2%) платное образование практически не доступно. Это в полной мере распространяется и на элитарное образование, которое по определению предназначено для формирования профессиональной элиты. Тем самым большинство молодых людей по существу исключаются из резерва подготовки высококвалифицированных кадров и воспроизводства интеллектуального капитала.

Вместе с тем исследование выявило весьма противоречивую тенденцию влияния образовательного статуса родителей на отношение к образованию молодежи. С одной стороны, в семьях, где мать или отец имеют высшее образование, доля молодежи с аналогичным уровнем образования возрастает, т.е. отмечается тенденция воспроизводства молодыми людьми высшего образования. С другой стороны, сравнительный анализ показал, что если в 2002 г. влияние уровня образования родителей на изменение ценности образования и ценности знаний у молодых людей было заметным, то в 2011 г. влияние

этого фактора не прослеживается. Вероятной причиной нарушения этой зависимости стали новые повседневные реалии, связанные с введением ЕГЭ, принципиально изменившие отношение к образованию и знаниям не только среди молодых людей, но и со стороны их родителей. В этой ситуации и молодые люди, и их родители вынуждены приспособиваться к новым правилам, в которых основной упор делается не на всестороннее овладение знаниями как условие формирования интеллектуального капитала, а на узкую предметную специализацию, направленную преимущественно на поступление в вуз. Данные исследования показывают, что половина молодых людей и их родители негативно относятся к единому государственному экзамену. Поэтому выявленный характер воспроизводства молодежи интеллектуального капитала в системе высшего образования отражает влияние не столько интеллектуальной среды семьи высокообразованных родителей, сколько более широкие возможности адаптироваться к новым правилам.

Прагматизация жизни и связанный с ней процесс рационализации отношения к образованию распространился повсеместно, независимо от городской или сельской специфики. Во всех типах поселения сложилось равное соотношение между разделяющими терминальные и инструментальные ценности образования. Однако различия становятся более заметными в ценностном отношении к знаниям. Значения терминальной ценности знания различаются в областном центре (65,1%), в районном городе (60,6%) и в селе (59,5%). Так, урбанизация способствует формированию типа социальной реальности с более высокой ценностью знания.

Значимым показателем отношения молодежи к образованию как условия воспроизводства интеллектуального капитала является удовлетворенность модернизацией, происходящей в образовательной системе. Оценивая ее состояние, молодые люди конструируют собственное представление о социальной реальности в данной сфере. В анализе результатов исследования прослеживается крайне низкая степень удовлетворенности молодежи результатами модернизации образования в стране (13,7%). Еще ниже оценки модернизации среди родителей (6,4%). Причины столь низких оценок раскрываются в результате анализа существующих среди молодежи представлений о целях образования, отношении к платному образованию и единому государственному экзамену, воплотивших основные принципы модернизации. Больше половины молодых людей и их родителей наделяют образование существенным значением, относятся к образованию как к интеллектуальному капиталу, необходимому для успешной интеграции в современное общество, а целью образования считают подготовку молодого человека к жизни, для чего необходимо овладение им широким набором знаний и общей культуры. Данное понимание расходится с концепцией, содержащейся в недавно принятом «Законе об образовании в Российской Федерации», где основной упор делается на профильном образовании по выбору учащихся. Данное противоречие вносит неопределенность в процесс воспроизводства интеллектуального капитала, как отдельных социальных групп, так и общества в целом.

Не получает поддержки со стороны молодежи и превращение функции обучения и воспитания в образовании молодежи в образовательные (преимущественно платные) услуги. Считают допустимым платное образование, как в высшей, так и в средней школе 4,3% молодежи. Допускают возможность платного образования только для высшей, но не для средней школы 32,5% молодых людей. И 63,2% являются сторонниками бесплатного образования, как в средней, так и в высшей школе.

Став частью социальной реальности, обесценивание образования и инструментальное отношение к знаниям приобретает устойчивую форму, определяя мотивацию поведения молодого человека в процессе воспроизводства интеллектуального капитала. Это проявляется и во время учебы и сразу после получения диплома в ходе поиска работы. Как показали результаты исследований, за последнее десятилетие доля выпускников вузов, работающих по специальности, уменьшилась. Каждый третий работает по совершенно другой специальности. Данная тенденция входит в явное противоречие с задачей укрепления интеллектуального потенциала и капитализации знаний в современных условиях.

Вместе с тем в результате анализа было выявлено, что стремление молодого специалиста найти работу по приобретенной специальности зависит не только от конъюнк-

туры рынка труда, но и от профессиональной подготовки, полученной в процессе учебы. Прослеживается прямая зависимость работы по специальности и оценки возможностей поиска новой работы, повышения квалификации и заработной платы, а также продвижения по службе, защиты своих прав. В данном случае работа по специальности, полученной в учебном заведении, становится средством конвертации полученных знаний в интеллектуальный капитал.

Степень активности жизненной позиции молодых специалистов, работающих в полном соответствии с полученной специальностью (средневзвешенный коэффициент = 5,95), значительно выше, по сравнению с работающими по совершенно другой специальности ($K=5,49$). Это означает, что работа по специальности не гарантируется выпускнику вуза, как это было в советское время. В условиях рынка ее поиск требует от соискателя соответствующей мотивации и проявления активности. То есть, работающие по приобретенной в вузе специальности более мотивированы, чем те, кто выбрал по разным причинам другую специальность. Поэтому формирование профессиональной мотивации является важнейшей задачей вузов как части процесса производства интеллектуального капитала.

Насколько отвечает этой задаче проводимая в стране реформа образования, можно судить по отношению к ней молодых специалистов. Среди работающих по полученной специальности удовлетворены в разной степени модернизацией образования 33,3% и не удовлетворены 66,7%, ощутили на себе результаты приоритетного национального проекта «Образование» – 17,5% и не ощутили 63,5%, положительно оценивают внедрение единого государственного экзамена (ЕГЭ) 25,4%, отрицательно – 52,4%. Эти данные свидетельствуют о низкой эффективности реформирования образования в стране. Таким образом, в новой социальной реальности отразилось противоречие между целями модернизации образования и способами его реформирования, которые одновременно конфликтуют с российской традицией и не отвечают современным вызовам.

Какой же должна быть модернизационная стратегия, чтобы преодолеть ставшую реальностью угрозу воспроизводству интеллектуального капитала? Существует распроданное мнение, что инструментальная мотивация способствует быстрому развитию рыночных отношений, которыеотрегулируют процесс подготовки специалистов путем конкурентного отбора. Подобная ориентация прослеживается и в проводимой реформе образования. Однако результаты исследования показали уязвимость такого подхода. Становится все более очевидным, что следуя осуществляемой в настоящее время стратегии модернизации образования, российское общество не сможет избежать ее негативных последствий, игнорируя традиционно сложившееся отношение к образованию как части российской духовности. Знания в России традиционно являлись терминальной ценностью, что отличало особенности русского просвещения от западноевропейского. Исходя из результатов анализа, представляется важным по существу переориентировать реформируемую систему на достижение качественных характеристик образования, что непосредственно связано с целенаправленным формированием отношения к ним в общеобразовательной и высшей школе. Этой цели могла бы способствовать ориентация на систематическое обучение и воспитание, а не только на оказание образовательных услуг. Целью воспитательного процесса в этом случае должно стать формирование профессиональных и нравственных качеств личности будущего специалиста. В сочетании с расширением современных знаний они могут служить более эффективному воспроизводству интеллектуального капитала в системе высшего образования.

Список литературы

1. Эдвинссон Л., Мэлоун М. Интеллектуальный капитал // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология, под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 435-436.
2. Klein, D.A and Prusak, L. Characterising Intellectual capital, Cambridge, MA, Centre for Business Innovation, Ernst and Young, 1994.
3. Анализ базировался на результатах исследования, проведенного отделом социологии молодежи ИСПИ РАН в 2011 г. на основе половозрастных квот, репрезентирующих российское население с учетом региональных особенностей в 66 населенных пунктах в 13 субъектах Российской Федерации. N=1301 человек. Исследование проводилось методом личного интервью. Для

сравнительного анализа использовались данные исследования, проведенного по репрезентативной для молодежи, в возрасте 15-29 лет, выборке в 12 регионах РФ. N в 2002 г. = 2012 чел. Руководители исследований проф. В.И. Чупров и проф. Ю.А. Зубок

THE REPRODUCTION OF THE INTELLECTUAL CAPITAL IN HIGHER EDUCATION IN A CHANGING SOCIAL REALITY

V.I. CHUPROV¹⁾
YU.A. ZUBOK²⁾

*¹⁾ Institute of sociology
of the Russian Academy
of Sciences*

*e-mail:
chuprov443@yandex.ru*

*²⁾ Institute of sociology of the
Russian Academy of Sciences*

e-mail: uzubok@mail.ru

The article deals with the process of reproduction of knowledge in the transition to the new social reality. Intelligent Capital, its change and development prospects is revealed in terms of the different approaches and trends, assessing the impact on the reproduction of knowledge in the formation of a variety of factors and trends of today.

Key words: intellectual capital, the reproduction of knowledge, social reality, life position of youth.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 130.2

СВОБОДА И РАВЕНСТВО КАК ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ЛИБЕРТАРНО-ПРАВОВОЙ ТЕОРИИ

Е.Д. МЕЛЕШКО*Тульский государственный
педагогический
университет
им. Л.Н. Толстого*

В данной статье рассматриваются этико-аксиологические особенности либертарно-правовой теории – оригинальную концепцию права, в основе которой ценности свободы и равенства. Подчеркивается, что либертарно-правовая теория, возникшая как самостоятельное направление в российской теории права в 70-х-90-х гг. прошлого столетия, отличается от других типов права, прежде всего, ценностными характеристиками и является наиболее востребованной в современной культурной ситуации.

Ключевые слова: либертарно-правовая теория, ценность, нормы регуляции, правовые отношения, правоустановление, правосознание, свобода, равенство, справедливость.

Либертарно-правовая теория – система права, разработанная академиком РАН В. С. Нерсесянцем в 70-90-е гг. XX века, как самостоятельное направление в российской философии права,¹ в отличие от сложившихся типов понимания права в России (позитивистской теорией права, естественно-правовым направлением). Она представляла собой новый подход к пониманию права, основанный на концепции (метатеории) различения права и закона. Данная теория, имея аксиологическое сходство с либертарианством XX века,² являлась своеобразным «революционным прорывом» в теории права советский период развития российской государственности в силу, прежде всего, того, что различалась с легистским подходом³, характерным для правовой модели советского государ-

¹ См: «Круглый стол журнала «Советское государство и право» 1979 – «Круглый стол» журнала «Советское государство и право» по теме «О понимании советского права» // Советское государство и право. 1979, №7.

² «Эта концепция названа "либертарной" (от лат. *libertas* – свобода). Право, согласно данной трактовке, включает в себя (онтологически, гносеологически и аксиологически) свободу (свободу индивидов); слово же "юридический" (от лат. *ius* – право) в названии концепции означает "правовой" (а не "юриспруденческий"), т.е. не относящийся лишь к специальной сфере юридической науки) и использовано для обозначения отличия данного типа правопонимания, с одной стороны, от юснатурализма (от лат. *ius naturale* – естественное право), с другой – от легизма (от лат. *lex* – закон) как обобщенного наименования всех позитивистских учений о праве». См. Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция Вопросы философии, 2002, №3. – С.3-15.

³ В истории и теории права существуют два подхода в понимании природы и сущности права – юридический (лат. *ius* – право) и легистский (лат. *lex* – закон). Легистский подход рассматривает право как продукт государства, власти, государственной воли. Право, таким образом, есть принудительное властное установление, норма, акт официальной государственной власти и сводится к позитивному, или к конкретно действующему в данное историческое время, праву (законам, указам, постановлениям,

ства, так как отрицала приоритет закона, а, следовательно, и государства. Либертарно-правовая теория в 90-е г. прошлого столетия превращается в «логически завершенную концепцию, представляющую собой оригинальную авторскую теорию, которая, хотя и опирается на давнюю философско-правовую традицию рационалистической версии юс-натурализма, тем не менее, принципиально отличается от естественно-правового подхода». В этом оригинальность и особенность этой теории, ее историческое отличие от различных типов теории права, которые представляют собой «те или иные варианты и версии естественно-правовой философии права». ⁴

Актуальность либертарно-правовой теории подтверждается ее востребованностью в современной культуре, она наиболее адекватна к современным ее вызовам, «оказалась наиболее эффективной и сегодня она проникает во все культуры, укрепляется и постепенно вытесняет (по крайней мере, из сферы хозяйствования) иные социальные нормы». Это происходит потому, что тенденции современного развития общества определяются как «прогрессирующий процесс освобождения людей от различных форм личной зависимости, угнетения и подавления», что с правовой точки зрения означает, что «все большее число людей (представители все новых слоев и классов общества) признаются формально равными субъектами права». ⁵

Особенности естественно-правовой теории заключались в том, что она, ориентировалась, прежде всего, на человека, как цели, что в контексте западной культуры понималось как *общее благо*, «на основе естественно-правового (и, следовательно, общесправедливого) признания блага каждого». В России в понимании общего блага доминировал «соборно-коллективистский (византийский) подход, согласно которому общее благо рассматривалось как некое высшее, господствующее над индивидом начало. В отсутствии свободных индивидов, общего правопорядка и государственной организации публичной власти понятие «благо» в России относилось «к трансцендентальной божественной сфере, а не к делам мира сего, не к светской области, не к организации социальной и политической жизни людей, не к их правам, свободам, интересам». Содержание общего блага представлялось как совокупность «нравственно- религиозных ценностей милосердия, правды, социальной справедливости и т.д. Все это трансформировалось в понимание

судебному прецеденту). Легистское понимание права наделено следующими чертами: а) право не имеет собственной объективной природы и принципов, т. е. целиком и полностью зависит от государственной власти; б) оно производно от государства, сущностным признаком которого является власть и принуждение. То есть право, по сути дела, отождествлено с законом (позитивным правом). Легистский подход характерен для всех учений и направлений юридического позитивизма. Представителями легистского правовопонимания являются Т. Гоббс, И. Бентам, Д. Остин, Р. Иеринг, Кабангу, Е. В. Васильковский, Р. Гримм. В России наиболее последовательными сторонниками юридического позитивизма являлись Г. Ф. Шершеневич, Н. М. Коркунов, Л. И. Петражицкий. Особенность легистского подхода к праву заключалась в том, что отождествление закона с правом отсекает правовое явление от его сущностной природы. Право толкуется только с формальной стороны – как правообразующий фактор. Принудительность – черта, характеризующая право с точки зрения его качественного отличия, как формальный признак, – представлена не как следствие объективного права, а как центральное правообразующее понятие. Содержание права понимается как комментирование, толкование, классифицирование норм права, разграничение юридической техники, принципов и методов юридического анализа. Лингвистический и текстологический анализ, различная трактовка законов при отсутствии внимания к их правовому содержанию – вот что составляет содержание права как науки. Юридическое направление характеризуется стремлением разграничить право и закон. Право, по мнению сторонников этого направления, имеет объективный, независимый от государственной воли, власти характер; это явление, имеющее свой специфический принцип. В этом направлении, кардинально отличающемся от легистского, выделяют два подхода в понимании природы права: а) естественно-правовой подход, признающий естественное право как противостоящее позитивному; б) либертарно (либерально)-юридическое направление. Этот подход различает право и закон, причем право представлено не как естественное право, а только в его соотношении с законом как сущностью, имеющей конкретное, нормативное выражение в принципе формального равенства.

⁴ Лапаева В.В. Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции». Вопросы философии №5 2010 г. – С.14.

⁵ Н.В. Варламова Правотворчество как процесс позитивации права: содержание, формы, процедуры. Монография. Центр правовых исследований и развития законодательства: [HTTP://WWW.CENTRLAW.RU/](http://www.centrallaw.ru/)

«человеческой солидарности, достижение которой требует от каждого индивида ограничения его индивидуальной свободы».⁶

В отличие от естественно-правовой теории принцип правового регулирования, по мнению сторонников либертарной теории права, есть «абстракция реальных социальных порядков, где личная свобода признается основной ценностью»⁷. Понятие свободы, таким образом, является основной ценностью и мерой права. Соответствие закона, права и свободы выражается в норме как *мера* свободы. Ценность права в том, что «что право обозначает сферу, границы и структуру свободы, выступает как форма, норма и мера свободы, получившая благодаря законодательному признанию официальную государственную защиту».⁸ Ценность свободы – в ее соотносительности с законом, поэтому свобода «диаметрально противоположно понятиям «произвол», «своеволие», «насилие» ... В условиях государственно-организованного общества свобода возможна и действительна лишь как право, имеющее законную силу».⁹

Свобода соотносится с понятием равенства: «Право как форма (и мера) свободы и равенства, объективно обусловленная данным способом производства и соответствующим ему уровнем социального, политического, духовного и культурного развития в его соотношении с законом (т. е. официальной формой общеобязательно-нормативного признания или непризнания объективно сложившихся мер этой свободы и равенства) выступает как источник, олицетворение и критерий справедливости, которая, по словам Энгельса, есть «абстрактнейшее выражение самого права...».

Справедливость носит *формальный* характер, поскольку «всякое право» по своему содержанию есть «право неравенства», «неравное право для неравного труда», «применение одинакового масштаба к различным людям...»¹⁰

Свобода, равенство и справедливость как нравственно-правовые ценности коррелируют *правовые отношения*, которые в либертарно-правовой теории выражают отношения между *государством и индивидом*, транслируясь через социальные отношения.

Являясь элементом социальных отношений, правовые отношения определяются принципами, выявляющих содержание *правовой регуляции*. Формальное равенство, выступая *основным принципом* правового регулирования «сочетает в себе содержательность, всеобщность и операциональность»,...что позволяет «выявить специфику права как социального регулятора, его принципиальное своеобразие».

Таким образом, сущность и содержание права – правовые отношения, *принцип* правовой регуляции основывается на свободе, *правило* правовой регуляции сводится к пониманию меры свободы и уважение притязаний других на свободу. «Право как мера свободы и есть единство притязания (на свободу) и обязанности (не выходить за ее пределы), т.е. уважать свободу других лиц. Мера свободы (а значит и свобода вообще) может быть реализована именно и только как императивно-атрибутивное взаимодействие субъектов, единство притязания и долженствования».¹¹ Таким образом, правовые отношения диктуют правовую регламентацию, конституируя принцип свободы и равного к ней отношения. По сути дела, правовые отношения выражают *равновесие отношений* субъектов к свободе, которое получает, как правовая норма, «их централизованное (государственное) установление и поддержку, в том числе в случае необходимости посредством прямого насилия» *и представляют собой «синтез личного и общественного начал ... в границах правового подхода»*.¹²

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Нерсесянц В. С. Выступление на Круглом столе «О понимании советского права», организованным журналом «Советское государство и право» // Советское государство и право. 1979 № 7. – С. 70-72.

⁹ Нерсесянц В.С. Различение и соотношение права и закона как междисциплинарная проблема // Вопросы философии права. М., 1973. – С.42.

¹⁰ Нерсесянц В.С. Право: многообразие определений и единство понятия // Советское государство и право. 1983. № 10. – С. 26-35.

¹¹ Там же.

¹² Лапаева В.В. Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции». Вопросы философии №5 2010. – С.6.

Правовые отношения являются *общеобязательными* (свобода и формальное равенство), поэтому «должны обеспечиваться государством, которое и учреждается для защиты свободы членов политического сообщества», что отрицает точку зрения юридического позитивизма о том, что государство санкционирует превращение «любой социальной нормы в общеобязательную (правовую)».

Таким образом, в либертарно-правовой теории выделяются следующие основополагающие категории: *правоотношение, правосознание, правоустановление*. В этих категориях *объективируется* правовая норма. *Норма* – выступает как императив – требование, в котором концентрируются ценностные поведенческие образцы: «правоотношение и правосознание являются исторически первичными формами бытия правовой нормы, ибо норма не устанавливается произвольно, а представляет собой модель, эталон, образец поведения, которому следуют участники правоотношения». Следовательно, право, объединяя правовые нормы, «фиксирует реально сложившиеся нормы, формулирует правило, основанное на правоотношении. *Правоустановление* через субъект права *объективирует* в юридических текстах данные правоотношения. Особенность права, с точки зрения либертарно-правовой теории, реализация принципа *свободы*, выражает *формальное равенство, институционально закрепленное в государстве* «как институциональной формы защиты свободы и принципом его деятельности по установлению и обр-азом, применению права (принципом правотворчества и правоприменения)».¹³

Закон представляет собой особый *нормативный акт*, «созданный особым органом посредством особых процедур». Мораль связана с правом, но не может его определять, так как «право по своей природе должно быть моральным, а неморальный социальный порядок не есть право, предполагает существование абсолютной, т.е. всегда и повсюду действительной морали».¹⁴ Мораль основывается в данной теории на принципах теории солидаризма.¹⁵

Таким образом, ценностная парадигма либертарно-правовой модели определяется категориями свободы, равенства, справедливости, обеспечивающими равные права, гарантирующие социальный порядок и свободу, в то же самое время ограничивающие произвол.

Для либертарно – правового направления особо важно выделение *правовой особенности* таких категорий, как категория свободы и справедливости, равенства.

Принцип формального равенства, определяемый с точки зрения права означает, что «право человека может быть ограничено законом только с целью защиты других прав человека и только в той мере, в какой это не нарушает принцип формального равенства при осуществлении данного права». Как подчеркивает В.В. Лапаева в своей статье «Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции» формальное равенство выражает «интересы общего блага, связанные с безопасностью государства, обеспечением обороны страны, защитой основ конституционного строя и т.п., могут быть основанием для ограничения прав и свобод человека только в той мере, в какой за ними стоят соответствующие права человека. В своей трактовке положений ч.3

¹³ Н.В. Варламова правотворчество как процесс позитивации права: содержание, формы, процедуры. Монография. Центр правовых исследований и развития законодательства: <http://www.centrlaw.ru/>

¹⁴ Там же.

¹⁵ первой половине XX века широкое распространение получило политико-правовое учение солидаризма, главным представителем которого был Леон Дюги (1859 -1928) Общество делится на классы, каждый класс выполняет свою миссию, свой долг, свою социальную функцию по обеспечению солидарности и гармонии общества. Эти социальные связи основаны на разделении труда. Сотрудничество классов в процессе разделения труда приведет к преодолению теневых сторон капитализма мирным путем, без революций. Факт общественной солидарности, говорил Л. Дюги, осознается индивидами и порождает норму социальной справедливости: "не делать ничего, что нарушает социальную справедливость, и делать все возможное для ее реализации и увеличения". Социальная норма солидарности составляет основу всего объективного права. Общества складывается из связей, объединяющих людей на основе солидарности; 2. Сотрудничество классов, социальных групп регулируется социальной нормой солидарности.

ст.55 Конституции РФ, п.2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, а также ряда иных международно-правовых актов».¹⁶

Принцип справедливости понимается как «всеобщее формально-правовое начало, которое возвышается над «партикуляризмом фактического, «взвешивает» (на единых весах правовой регуляции правосудия, посредством общего масштаба права) и оценивает это фактическое формально-равным, а потому и одинаково справедливым для всех меритом». Социальная справедливость при этом может отрицать или соответствовать праву.¹⁷

Список литературы

1. Варламова Н.В. Правотворчество как процесс позитивации права: содержание, формы, процедуры. Монография. Центр правовых исследований и развития законодательства: <http://www.centrlaw.ru/>
2. Круглый стол журнала «Советское государство и право» 1979 – «Круглый стол» журнала «Советское государство и право» по теме «О понимании советского права» // Советское государство и право. 1979, №7.
3. Лапаева В.В. Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции». Вопросы философии №5 2010 г. – С.14.
4. Нерсесянц В.С. Право: многообразие определений и единство понятия // Советское государство и право. 1983. № 10. – С. 26-35.
5. Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция Вопросы философии, 2002, №3. – С.3-15.

FREEDOM AND EQUALITY AS A VALUE GROUNDS LIBERTARIAN LEGAL THEORY

E.D. MELESHKO

Tula State Pedagogical University

This article discusses the ethical and axiological features libertarian legal theory – the original concept of rights , based on the values of freedom and equality. Emphasizes that libertarian legal theory, which arose as an independent branch of the Russian legal theory in the 70s – 90s . the last century , is distinguished from other types of law, especially , value and performance is the most popular in the contemporary cultural situation.

Keywords: libertarian legal theory , values, norms, regulation , legal relations , guarantee human rights of justice , freedom, equality and justice.

¹⁶ Лапаева В.В. Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции». Вопросы философии №5 2010. – С.14.

¹⁷ «Перераспределительная функция социальной справедливости носит правовой характер, если она не выходит за рамки правовой компенсаторности (в противном случае перераспределение в пользу слабых нарушает правовое равенство и приобретает характер привилегии) [Нерсесянц 2006^а, 31-32, 509]. Правовая суть этой компенсации состоит в обеспечении возможного на данный исторический момент времени соответствия между личными волевыми усилиями людей (как носителей свободной воли) и реально доступным для них набором прав на получение материальных и духовных благ. В контексте такого подхода свобода воли человека предстает как его возможность воспользоваться своими правами в меру личных волевых усилий, т.е. в меру реализации человеком его сущности как разумного существа, обладающего свободной волей, когда эта воля не деформирована привнесенными обстоятельствами, связанными с давлением чужого произвола или с социобиологической слабостью самого индивида. Это вовсе не означает, что правовая норма утрачивает всеобщий характер. Просто в результате все большей дифференциации правового регулирования в зависимости от степени социальной незащищенности тех или иных слоев общества (что является следствием демократизации политической жизни), сужаются границы, в которых норма имеет всеобщий характер, но суть права как всеобщей меры свободы при этом не меняется. См: Лапаева В.В. Российская философия права в контексте западной философско-правовой традиции». Вопросы философии №5 2010. – С.15.

УДК 241.2

ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ ОСНОВАНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ СОВЕСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А.А. РАДУГИН*Воронежский
государственный
архитектурно-
строительный
университет**e-mail: aradugin@yandex.ru*

Цель данной статьи раскрыть содержание и механизм действия принципа толерантности как духовно-нравственного основания свободы совести. Автор анализирует различные аспекты принципа толерантности и показывает, что толерантность как духовно-нравственное основание свободы совести исторически и логически формируется на основе принципа религиозной терпимости. В статье дается оригинальная трактовка принципа религиозной терпимости, рассматривается история его становления и обосновывается мысль, что решающую роль для обеспечения в обществе толерантности играет построение толерантной среды.

Ключевые слова: терпимость, толерантность, свобода совести, толерантная среда.

В настоящее время в России происходит формирование гражданского общества, неизбежным следствием которого является плюрализм идеологий, ориентаций, мнений. Плюрализм в различных сферах общественной жизни ведет не только к культурному, религиозному и этническому разнообразию, но также и к противостоянию и конфронтации различных стандартов и ценностей. Для преодоления угрозы противостояния и конфликтов на мировоззренческой основе большое значение имеет характер складывающихся взаимоотношений между людьми, придерживающимися различных мировоззренческих ориентаций, в том числе, между верующими и неверующими, между различными религиозными вероисповеданиями друг с другом и в их отношении с государством в лице законодательной и исполнительной власти, между государством и неверующими. Правовой основой регулирования этих взаимоотношений является закон Российской Федерации от 26.09.1997 г. «О свободе совести и свободе религиозных объединений», базирующийся на принципе свободы совести.

С позиций этики, совесть – это духовно-нравственное качество личности, выражающее ее способность осуществлять нравственный самоконтроль, в соответствие со сформулированными для себя нравственными обязанностями, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков. При такой трактовке позиций принцип свободы совести можно понимать как признание права личности на самостоятельный выбор своих мировоззренческих убеждений и возможность их проявления в действиях и поступках, не в ущерб другим людям и обществу в целом.

Реализация принципа свободы совести в социальном и межличностном взаимодействии возможно только на основе признания духовной свободы личности, возможности существования для нее такой области духовной жизни, куда не вправе вторгаться никакая власть. По нашему мнению, эффективная реализация принципа свободы совести в общественной жизни и межличностном взаимодействии возможна только при условии, что это взаимодействие будет базироваться на духовно-нравственном принципе толерантности.

Цель данной статьи раскрыть содержание и механизм действия принципа толерантности как духовно-нравственного основания свободы совести.

Разберемся, что же означает принцип толерантности, и каковы истоки его формирования в сфере регулирования мировоззренческих отношений.

Толерантность – это сложный, многоаспектный феномен, который имеет гносеологические, онтологические и социальные корни. Гносеологические корни толерантности состоят в осознании личностью факта существования многомерной картины мира и вариативности ее восприятия, понимания и оценивания разными людьми, а также осознание относительности, неполноты и субъективности собственной картины мира. Главное в этой гносеологической позиции является признание сложности и нередуцируемого многообразия мира и интерпретативной природы индивидуальных суждений о нем, а

потому невозможности сведения всего многообразия точек зрения к «общей истине». Именно эти аспекты подчеркиваются в «Декларации принципов толерантности» ЮНЕСКО, когда утверждается, что толерантность – это, прежде всего, «...правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности»¹.

С этой точки зрения, принцип толерантности подразумевает уважение вопреки различиям. По мнению И. Йовеля, она представляет «способность признать человеческое в других как отзвук и отклик человеческой сущности в нас самих. Это не должно истолковываться ни как сочувствие, ни как близкие личные отношения... наоборот, толерантность присутствует, когда обе стороны чужды друг другу во всех личных и эмоциональных отношениях, и, однако, я способен признать в других что-то основное... что не относится к моим особым качествам или свойствам, а к моему существованию»².

Онтологический аспект исследования толерантности проистекает из того обстоятельства, что толерантность как механизм регуляции совместного существования людей имеет своим основанием определенные фундаментальные структуры бытия. Эта укорененность феномена толерантности в основах человеческого существования позволяет прояснить бытийные истоки совместной жизни людей. Онтологическое измерение толерантности, прежде всего, предполагает признание принадлежности толерантности к сущности человеческого бытия в той мере, в какой эта сущность принадлежит к бытию-вместе. С этих позиций толерантность может быть понята не просто как условие совместного бытия с другими, но и как укорененность в со-бытии, готовность к со-бытию.

Социальные аспекты проявления толерантности многообразны. В таких сферах общественных отношений, как политика, экономика, быт, где общественные отношения связаны с ценностями пользы, выгоды, обладания, толерантность выступает как готовность идти на компромисс из прагматических, утилитарных соображений, обусловленных интересами индивидов, имеющих определенный социальный статус. Например, следует толерантно относиться ко вчерашним врагам, оппонентам, если это мне самому принесет пользу. Максима такого отношения: сам живи и дай жить другим.

Для реализации принципа свободы совести особо важное значение имеет духовно-нравственное измерение толерантности. При этом следует иметь в виду, что душа и дух являются различными составляющими внутреннего мира, поэтому толерантность следует рассматривать как и как душевное, и как духовное качество личности. Как душевное качество толерантность предполагает богатство сторон душевной жизни личности: эмпатию, разделенность чувств и эмоций с другим, великодушие, сочувствие, терпеливость, жалость, признательность, симпатию, сострадание и т.д. Вместе с тем, толерантность является важнейшим духовным качеством личности. Ненависть и нетерпимость, как известно, разрушают духовный мир индивида, мотивируют безнравственные поступки, разобщают индивидов, превращают их во врагов, а их жизнь – в вечную борьбу и даже войну, касается ли это родовых, семейных отношений или отношений между классами или конфессиями. В отличие от них, толерантность, выражающая природу духовных потребностей, направлена на самореализацию высших ценностей и смыслов в жизни личности, признает эти потребности и ценности в других личностях, что ведет к установлению субъект-субъектных отношений. Толерантность позволяет увидеть значимость другой личности, ценность внутреннего содержания другого и накладывает определенную ответственность на индивида понимать и принимать ценности других индивидов. Признание самоценности личности и высшей ценности жизни человека является основой толерантности.

Толерантность как духовно-нравственное основание свободы совести исторически и логически формируется на основе принципа религиозной терпимости. В Священных текстах всех мировых религий: христианской Библии, мусульманском Коране и буддийской Трипитаке, толерантность характеризуется как сущностное качество верующего человека, формирующееся в нем через общение с Богом и необходимое для

¹ Декларация принципов толерантности // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. – М.: МГУ, 2001. – Вып.1. – С. 62-68.

² Yovel Y. Tolerance As Groce And as Right // La tolerance aujourd'hui (Analyses philosophiques). Dokument de travail pour le XIXe Congres mondial de philosophie (Moscow, 22-28 aout 1993) Division de philosophie et d'Ethique UNESCO, Paris, 1993. – P.115-116.

него в отношениях с другими людьми. Это качество трактуется в священных текстах сквозь призму понятий любви к ближнему, милосердия, сострадания, великодушия, долготерпения. В Священных писаниях терпимость сакрализуется: в Библии она рассматривается как дар, полученный от Бога, в Коране как результат осознания верующими присутствия Аллаха в их жизни и только в Трипитаке как результат собственных духовных усилий человека.

Сам принцип религиозной толерантности обрел признание в обществе в результате продолжительного духовного и общественно-политического процесса. В европейской культуре формирование предпосылок религиозной толерантности как исторического феномена происходит в новозаветное время. Христос в качестве заповеди Бога к человеку объявляет принцип любви к ближнему. Позже апостол Павел, распространяя христианское учение, говорит о терпении, имел в виду мягкосердечное отношение к ошибкам других в духе терпимости и любви. В эпоху средневековья вопросы толерантности рассматриваются сутобо в рамках проблемы межрелигиозных отношений верующих. В этот период христианство ведет борьбу с неверными и еретиками, и толерантность оказывается необходимой в качестве своего рода инструмента для сохранения мира и согласия в обществе. Терпимость здесь выступает как вынужденное под давлением внешних обстоятельств отношение к другим.

В эпоху Реформации в связи с значительными изменениями в экономической, социально-политических и духовных сферах жизни понимание религиозной толерантности существенно меняется. Среди возможных причин распространения новых идей толерантности в Европе и Северной Америке некоторые исследователи называют такие экономические причины: нетерпимость в отношении между людьми могла послужить значительным тормозом в расширении границ свободного предпринимательства и торговли. Наиболее значительной причиной, побудившей к дальнейшему утверждению принципа религиозной толерантности, является возникновение нового направления христианства — протестантизма, которое повлияло не только на межконфессиональные отношения верующих, но также наложило свой отпечаток на отношения церкви и государства. Средневековая борьба с еретиками перерастает в кровавые и жестокие религиозные войны. И если до сих пор, в Средние века, проблема религиозной толерантности не выходила за рамки ведения церкви, то теперь потребовалось государственное вмешательство в дела веротерпимости. В этот период большую актуальность приобретает идея необходимости поддержания всеобщего мира, включая и мирные отношения между конфессиями. Возникший протестантизм предложил свое решение назревшей проблемы через секуляризацию общества, в результате чего протестантское государство должно было занимать в своей конфессиональной политике толерантную позицию.

Так, например, в работах немецкого философа XVI века Себастьяна Франка содержится всесторонняя аргументация в пользу всеобщего мира между религиями. Утверждается, во-первых, что, поскольку вера является глубоко личным переживанием каждого отдельного человека, насильственно склонять человека к принятию того или иного вероисповедания является делом не только бесплодным, но более того — грехом. Внешнее принуждение вызывает проявления плотского в человеке — злобу и агрессивность по отношению к тем, кто не хочет склоняться к принятию общей точки зрения. Во-вторых, из равенства всех людей перед Богом Себастьяном Франком выводится и равенство всех людей друг перед другом: «Каждый должен претерпевать от другого столько, сколько другой претерпевает от него»³.

В-третьих, он полагает, что каждая нация несет в себе что-то доброе, сердечное, чем нельзя пренебрегать, но, наоборот, надо всячески поддерживать и способствовать раскрытию ее духовного потенциала.

Идеи всеобщего мира не только между религиями, но и между государствами придерживался и философ-гуманист эпохи Возрождения Э. Роттердамский. По его мнению, объективные условия, в которые помещен человек, сами подталкивают людей ко взаимному согласию и примирению. Среди факторов, способствующих возникновению религиозной толерантности, он называет три: разум, которым наделен всякий человек; окружающая природа с ее естественными законами, и система воспитания подрастающего поколения, основанная на осознании взаимной пользы всех людей. Все мыслители, высказывающиеся в пользу религиоз-

³ Цит по: Журавский А. О некоторых богословских темах в современном исламо-христианском диалоге // Философские науки. — 2002. — № 3. — С. 103-109.

ной толерантности, так или иначе, утверждали и ее границы, поскольку подразумевали, как правило, объединение конкретных вероучений, а не всего разнообразия религиозных доктрин.

В развернувшейся вслед за Реформацией борьбе за веротерпимость принцип толерантности сыграл роль необходимой новой универсалии для преодоления конфликтности и остановки кровопролития. Такое стало возможным благодаря применению к сложившимся условиям нескончаемых войн «золотого правила нравственности». В этих условиях толерантность начали понимать как высокий моральный принцип, выступающий в качестве категорического императива, обязательного для любого типа личности и для любого типа общества. Кант обосновал идею относительности всех вероисповеданий и отрицал наличие абсолютной формы религиозного поклонения. По его мнению, во главе рассуждений о приоритете той или иной религии или равенстве религий должен стоять вопрос о ценности личности, о ценности человеческого бытия как такового.⁴ Комментируя идеи Канта об утверждении принципа «постепенного перехода церковной веры ко всеобщей религии разума и, таким образом, к (божественному) этическому государству на земле». В. Д. Жукоцкий формулирует основной вывод Канта следующим образом: «Подлинная религиозная солидарность людей возможна не на принципах *правильного* поклонения Божеству и поиска *уникальной церкви для всех религий*, а на пути нравственного служения человеку, понимания относительности любых догматических религиозных форм»⁵.

Идеи И. Канта о ценности личности как глубинном основании религиозной толерантности были развиты русской религиозной философией XIX–XX веков. По мнению В. С. Соловьева, внешнее объединение различных религиозных групп, основанное на вынужденном соглашении, не имеет прочного фундамента и поэтому длительное время сохраниться не может. Религия – это дело свободного, нравственного выбора каждого отдельного индивида, следовательно, и объединение верующих должно происходить из религиозно-нравственных побуждений. Его понимание религиозной толерантности обнаруживается в следующих идеях: «Настоящая задача не в том, чтобы перенять, а в том, чтобы *понять* чужие формы, осознать и усвоить положительную сущность чужого духа и нравственно соединиться с ним во имя высшей всемирной истины. Необходимо примирение *по существу*; существо же примирения есть Бог, и истинное примирение в том, чтобы не по-человечески, а «по-Божьи» отнестись к противнику»⁶.

В современной философии также сохраняется мысль о том, что приоритетным и действенным основанием религиозной толерантности может быть только признание ценности самобытия личности и, следовательно, признание свободы выбора личности принимать или отвергать ту или иную ценность или догмат вероучения. Поскольку насильственно навязать веру невозможно, как и невозможно силою склонить к принятию хотя бы одного положения вероучения, то и различия в вероучениях неизбежны. Отсюда вытекает следствие о том, что догматически-теоретической веротерпимости быть в принципе не может, но существует нравственно-практическая терпимость к неверующим или инаковерующим. Таким образом, одним из возможных способов решения противоречивой сущности религиозной толерантности является нравственное служение человеку и обществу.

Развитие этой идеи приводит к двум основным выводам. Первый из них – признание плюрализма, равноценности различных религиозных вероучений и мировоззренческих позиций при условии признания их носителями ценности личности. Второй – в отношениях между верующими различных конфессий между собой и неверующими не должна преобладать установка на инаковость, концентрирующая внимание на различиях, поскольку она сама уже содержит момент отторжения всего чужеродного, а, значит, способствует нетерпимости по отношению к другому. Наоборот, отношения между верующими различных конфессий между собой и неверующими должны иметь форму отношений «Я–Ты», что предполагает позицию открытости себя для другого и другого для себя, и в то же время, содержит в своей основе признание возможности для себя быть другим, включив другого, его ценности в свой духовный мир.

⁴ Кант И. Религия в пределах только разума / И. Кант. Трактаты и письма. – М., 1989. – С. 144.

⁵ Жукоцкий В. Д. Человек и религия. Философско-антропологическое введение / В. Д. Жукоцкий – Нижневартовск, 1999. – С. 32.

⁶ Соловьев В. О христианском единстве. – М., 1994. – С. 240.

Постановка вопроса таким образом влечет за собой переход проблемы толерантности из религиозной сферы в этико-антропологическую сферу, в сферу мирского, регулируемого правовыми законами и нормами морали. Еще Дж. Локк указывал на то, что, поскольку религии и церкви воюют друг с другом, то именно государство должно взять на себя роль примирителя либо даже принудить церкви соблюдать конфессиональный мир. Вл. Соловьев, отвергавший эффективность внешнего принуждения в деле объединения церквей, тем не менее, считал его задачей христианской политики. «И раз это единство веры, – замечал он, – не дано действительно и непосредственно в совокупности верующих (ибо нет единодушия всех в делах веры), то оно должно пребывать в законной власти единого главы, порукой которой служит божественная помощь и которая приемлется любовью и доверием всех верующих»⁷.

В современной философии, хотя и утверждается тезис о секуляризации общества и невмешательстве государства в дела религиозных конфессий, тем не менее, также признается необходимость рассмотрения проблемы религиозной толерантности на уровне правовых законов и норм.

Проблема религиозной толерантности включает и вопрос о механизмах преодоления нетерпимости между конфессиями или верующими. В этой связи представляют интерес ряд «экуменизмов», выделенных профессором Московской духовной академии А. Кураевым, которые могут быть вполне приняты как основание совместной деятельности верующих. К ним относятся, например, знакомство друг с другом и преодоление стереотипных представлений, подчас являющихся одной из причин разжигания религиозной нетерпимости; диалог для ассимиляции накопленного научного, богословского и социального опыта; сотрудничество верующих и конфессий в области решения социальных проблем, таких как бедность, болезни, неграмотность и т.д.; отсутствие неприязни к личности инаковерующих⁸.

Таким образом, религиозная толерантность подразумевает не объединение всех религий и вероучений в единую церковь, идея которой нам представляется утопической, а провозглашение ценности личности любых религиозных убеждений, кроме человеконенавистнических, в качестве высшей ценности для всего человеческого сообщества а также сотрудничество верующих неверующих для решения задач всеобщего мира.

По нашему мнению, решающую роль для обеспечения в обществе толерантности играет построение толерантной среды. Толерантная среда, является необходимым условием, способствующем обеспечению формирования основного мировоззренческого и социально-нравственного мышления. Толерантная среда должна базироваться на гуманистических, нравственных ценностях и создавать условия для интересубъектного процесса образования и воспитания, развивающего и воспитывающего толерантную личность с адекватной самооценкой, активно осваивающую и преобразующую окружающий мир, открытую и свободную, с высоко развитыми механизмами самоидентификации, выражающую определенные духовные и культурно-исторические ценности. И здесь следует иметь в виду два главных свойства толерантной среды: первое – толерантная среда должна иметь открытый характер: она открыта для различных убеждений, конфессий и национальностей; она открыта для критического диалога, межличностного и группового общения; в ней преобладают тенденции к расширению и укреплению ее взаимодействия с жизнью, всеми социальными и образовательными институтами жизненного пространства. Второе – толерантная среда устойчива к влияниям и изменениям как изнутри, так и извне. Речь идет не о преодолении и там более не о ликвидации того или иного противоречия (объективные факторы находятся за пределами нашего влияния), но о его смягчении или снижении отрицательных и повышении положительных потенциалов среды средствами, доступными институтам образования и воспитания.

Список литературы

1. Декларация принципов толерантности // Век толерантности: Научно-публицистический вестник. – М.: МГУ, 2001. – Вып.1. – С. 62-68.

⁷ Соловьев В. О христианском единстве. – М., 1994. – С.240.

⁸ Кураев А. Вызов экуменизма. libok.net>...kniga...kuraev_andrey...ekumenizma/read

2. Yovel Y. Tolerance As Groce And as Right // La tolerance aujourd'hui (Analyses philosophiques). Dokument de travail pour le XIXe Congres mondial de philosophie (Moscow, 22-28 aout 1993) Division de philosophie et d'Ethique UNESCO, Paris, 1993. – P.115-116.

3. Журавский А. О некоторых богословских темах в современном исламо-христианском диалоге // Философские науки. – 2002. – № 3. – С. 103-109.

4. Кант И. Религия в пределах только разума / И.Кант. Трактаты и письма. – М.: 1989. – 304 с.

5. Жукоцкий В. Д. Человек и религия. Философско-антропологическое введение / В. Д. Жукоцкий – Нижневартовск, 1999. – 63 с.

6. Соловьев В. О христианском единстве. – М., 1994. – 336 с.

8. Кураев А. Вызов экуменизма. – libok.net/...kniga...kuraev_andrey...ekumenizma/read

TOLERANCE AS A SPIRITUAL AND MORAL BASIS OF THE PRINCIPLE OF FREEDOM OF CONSCIENCE IMPLEMENTATION IN MODERN SOCIETY

A. A. RADUGIN

*Voronezh State University of
Architecture and Civil Engi-
neering*

e-mail: aradugin@yandex.ru

The aim of the article is to reveal the content and mechanism of the tolerance principle as a spiritual and moral foundation of freedom of conscience. The author analyzes various aspects of the principle of tolerance and shows that historically and logically tolerance is based on the principle of religious tolerance as a spiritual and moral foundation of freedom of conscience. The article presents an unusual interpretation of the religious tolerance principle, examines its formation history and substantiates the idea that it is crucial to the society of tolerance is to build tolerant environment.

Key words: toleration, tolerance, freedom of conscience, tolerant environment.

УДК 340.1

СООТНОШЕНИЕ ИДЕИ ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ М.А. БАКУНИНА

В.В. ЧЕРЕПАНОВА

Белгородский государственный университет национальной исследовательский университет

e-mail:
v.cherepanova@belgorod.gazpromlpg.ru

Статья посвящена анализу взглядов философа, анархиста, революционера М.А. Бакунина на проблему взаимоотношения государства и религии. Для М.А. Бакунина, нет и не может быть государства без религии. Религия, религиозные влияния развращают и деморализуют, убивают в людях разум, производительную силу, справедливость и человечность. Сущность любой религиозной системы, по М.А. Бакунину, состоит в полном отрицании человеческого достоинства, а самым большим препятствием на пути освобождения общества является христианство. Свою главную цель М.А. Бакунин видел в избавлении народных масс от власти религиозных суеверий, а достижение ее возможно лишь двумя средствами: рациональной наукой и пропагандой социализма.

Ключевые слова: М.А. Бакунин, проблема, государство, церковь, религия, взаимоотношение.

В 2014 году исполняется 200 лет со дня рождения философа, анархиста, революционера Михаила Александровича Бакунина (1814-1876). Современные исследователи не оставляют без внимания личность и творчество М.А. Бакунина. В последнее время появился ряд работ, в которых подвергаются анализу его взгляды на устройство и функционирование человеческого общества¹. Предпринимаются попытки обосновать связь учения М.А. Бакунина с проблемами общественного развития, возникшими в конце XX – начале XXI вв.². Тем не менее, отдельные аспекты до настоящего времени остаются вне исследовательского поля. В частности, практически не получила освещения в научной литературе эволюция взглядов М.А. Бакунина на государство и религию³.

Проблема взаимосвязи государства и церкви, государства и религии не сразу заняла ключевое место в творчестве мыслителя. Для молодого Бакунина, счастье заключалось в том, чтобы «жить в боге, понимать и любить бога, выражать его во всех своих поступках, поднимать внешний мир до этого божественного идеала, коренящегося в человеческой душе»⁴. В его письмах звучала идея бога как абсолютной истины, человека как существа духовного, религии как конечного результата человеческого развития.

По мнению М.А. Бакунина, «Бог, отобразив себя в природе, создал затем животное и вдохнул в него божественную искру, частицу этой возвышенной идеи, так хорошо отразившейся в гармонии вселенной. И это животное превратилось в человека, для которого бог стал целью, а природа – средством»⁵. С появлением в человеке религии, внутренней жизни, он становится сильным, поскольку чувствует в себе бога, «бога, творящего новый мир, мир абсолютной свободы и абсолютной любви». Только так, приобщившись этой божественной любви, – писал М.А. Бакунин, – мы чувствуем себя существами божественными и свободными, предназначенными для освобождения еще порабощенного

¹ См., напр.: Пономарев Е.Г., Басов В.О. Учение о государстве и праве в трудах теоретиков классического анархизма. – Ставрополь, 2012. – 150 с.

² См.: Кислицына И.Л. Современное исследование анархизма М. А. Бакунина: монография. Санкт-Петербург : НГУ им. П. Ф. Лесгафта, 2013.

³ См., напр.: Никандрова М.М. Антиатеологизм М.А.Бакунина // Философские и социологические исследования: Ученые записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда. Философия. – Вып. 13. – Л., 1972. – С. 227 – 236; Сафронова Л.Е. М.А. Бакунин о религиозной морали / Социально-философские аспекты критики религии. Л., 1983. – С. 141-151.

⁴ Письмо В.А. Бакуниной от 15 декабря 1836 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. – С. 76.

⁵ Письмо А.А. и Н.А. Беер от 7 мая 1835 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. – С. 59.

человечества и вселенной, остающейся еще жертвою инстинктивных законов бессознательного существования»⁶.

Человек, – утверждал М.А. Бакунин, – является человеком лишь постольку, поскольку он связан с богом: чем больше он растворяется в нем, тем больше он становится человеком, чем больше он отождествляет свою волю с волею бога, тем более он становится свободным. Таким образом, заключал мыслитель, человек свободен лишь в боге – «вне бога он есть животное, а животное не свободно, так как подчинено деспотическим законам природы»⁷. Инстинктивные законы природы – это зло для человека, в то время как законы высшего и божественного разума – это добро, счастье, они делают человека свободным⁸.

В первобытном состоянии человек, по определению М.А. Бакунина «был менее чем раб, он не был для себя, а, следовательно, был ничто». Его свобода была негативная, пустая – простая форма, ничем не пополненная. Ее истинным содержанием стал бог – чем более человек сознавал бога, тем полнее, тем положительнее была его свобода⁹.

Сравнивая философию и религию, М.А. Бакунин приходил к выводу, что содержание их одно и то же, только формы различны: «органом одной является мысль, а органом другой – чувство». При этом проявление бога посредством мысли придает философии завершенный характер¹⁰. В религии и философии, по мнению М.А. Бакунина, совершается великий акт примирения человека с богом: «Религиозный человек чувствует, верит, что воля божия есть абсолютное, единственное благо, он говорит: «Да будет воля твоя», он говорит это, хотя и не понимает разумом, что воля божия есть в самом деле действительное блаженство и что только в нем – конечное удовлетворение¹¹. Для религиозного человека нет зла: он видит в нем призрак, смерть, ограниченность, побежденную откровением Христа. Зная, что все могущество – от бога, религиозный человек ждет от него просветления, благодати, чувствуя свое индивидуальное бессилие.

Иисус Христос, для М.А. Бакунина, богочеловек, спаситель человеческого рода, «всемирный гений, так как его религия принадлежит всему человечеству»¹². Важно отметить, что философ разграничивал истинную религию, «еще чистую от оскверняющего прикосновения тех, кто, чтобы понять ее, неизбежно должен был принизить ее до себя»¹³ и «религию отцов», которая представлялась ему набором предрассудков, «уташающих последние остатки любви»¹⁴. Он призывал проникнуться высокими религиозными истинами, освободиться от всех старых предрассудков детства и полностью раствориться в божественных словах, «в той истинной и абсолютной религии, которая должна основать среди нас истинное царство божие»¹⁵.

«Поверьте мне, друзья мои, – признавался в письме родным М.А. Бакунин, я – не скептик, вера моя не слабее вашей, но мой бог выше вашего, и он-то составляет теперь единственную цель мою»¹⁶. Мыслитель уточнял, это «не тот бог, которому молятся в церквах; не тот, которому думают нравиться унижением перед ним; не тот, который от-

⁶ Письмо Т.А. и В.А. Бакуниным от 10 августа 1836 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. – С. 73.

⁷ Письмо сестрам от 11 февраля 1837 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. – С. 80.

⁸ Там же. С. 81.

⁹ Письмо К.А. Беер от 19 июля 1837 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. – С. 88.

¹⁰ Письмо А.А. Беер, первые числа апреля 1836 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. – С. 69.

¹¹ Бакунин М.А. Мои записки. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. – С. 97.

¹² Письмо А.А. Беер от 6 апреля 1836 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. – С. 67.

¹³ Письмо Т.А. и В.А. Бакуниным от 10 августа 1836 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. – С. 73.

¹⁴ Письмо сестрам, середина января 1837 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. – С. 78.

¹⁵ Письмо А.А. и Н.А. Беер от 27 июля 1837 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. – С. 90.

¹⁶ Письмо Т.А. и В.А. Бакуниным от 28-29 февраля 1836 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. – С. 63.

дельно от мира судит живых и мертвых, нет, но тот, который живет в человечестве; тот, который возвышается с возвышением человека»¹⁷.

В представлении М.А. Бакунина христианство выступало как «откровение божественной и вечной истины, переданное нам Иисусом Христом, единородным сыном бога живого, ... решительное торжество духовного элемента над естественным началом»¹⁸. Содержание христианства есть любовь, «святая благодать всеблагого бога, спешая к нам для того, чтобы просветить нас, для того, чтобы нас совершенно проникнуть своим божественным светом, и для того, чтобы возвысить нас до высокого звания сынов божиих»¹⁹. Человек сам по себе – ничто, всякое действие его и все побуждения его ничтожны, если они находятся вне присутствия божества, если в нем нет этой любви, заповеданной Христом.

По мнению М.А. Бакунина, Спаситель пришел в мир и страдал не для того, чтобы наложить на людей тяжкое, невыносимое бремя, не для того, чтобы попортить человеческое достоинство, а для того, чтобы «вырвать души наши из развращения и гибели, для того, чтобы облить их любовью, для того, чтобы воскресить их силою любви, силою благодатной любви святого духа, для того, чтобы просветлять сердца наши, зачерствленные и покрытые корою бесчувственности и равнодушия ко всему святому, высокому, благородному и прекрасному, для того, чтобы возвратить нам вечное блаженство, блаженство любви, неразрывно связывающей нас с богом»²⁰.

Итоги ранних философских размышлений М.А. Бакунина нашли выражение в первой опубликованной в 1838 г. оригинальной работе «Гимназические речи Гегеля. Предисловие переводчика». В выстроенной им системе отношений «человек – религия» появился третий элемент – «государство», что привело к переосмыслению прежних подходов. Впервые у М.А. Бакунина звучит идея о том, что государство немислимо без религии, религия становится его системообразующим фактором: там, где нет религии, там не может быть государства. «Религия есть субстанция, сущность жизни всякого государства» – заключает мыслитель²¹.

Свои рассуждения М.А. Бакунин основывает на примере Французской революции, ставшей, по его мнению, необходимым следствием духовного развращения. Причина кризиса государства в том, что во французском народе исчезла последняя искра откровения: «Христианство, это вечное и непроходящее доказательство любви Творца к творению, сделалось предметом общих насмешек, общего презрения, и бедный рассудок человека, неспособный проникнуть в глубокое и святое таинство жизни, отвергнул все, что только было ему недоступно; а ему недоступно все истинное и все действительное»²². Человек вздумал объяснить религию – и религия, недоступная для конечных усилий его, исчезла и унесла с собою и счастье и спокойствие Франции; он вздумал превратить святилище науки в общенародное знание – и таинственный смысл истинного знания скрылся, и остались только одни пошлые, бесплодные, призрачные рассуждения²³.

Наполеон, по мнению М.А. Бакунина, остановил революцию, восстановил общественный порядок, но не мог излечить главной болезни Франции – он не возвратил ей религиозного чувства. Именно отсутствием религиозного чувства М.А. Бакунин объяснял болезненное, мучительное состояние Франции: «находясь вне христианства, они чувствуют потребность религии и стараются выдумать свою религию, не зная, что религия – не от рук человеческих, а есть откровение божие и что вне христианства нет и не может быть истинной религии»²⁴.

Пройдет несколько лет и представления М.А. Бакунина кардинально изменятся. Исходный пункт рассуждений – «государство немислимо без религии» – останется

¹⁷ Письмо А.А. Беер от 6 апреля 1836 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. – С. 67.

¹⁸ Письмо отцу от 15 ноября 1837 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. – С. 101.

¹⁹ Там же. С. 101.

²⁰ Там же. С. 105.

²¹ Гимназические речи Гегеля. Предисловие переводчика / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. – С. 122.

²² Гимназические речи Гегеля. Предисловие переводчика / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. – С. 122.

²³ Там же. С. 122.

²⁴ Там же. С. 123.

незыблемым. Однако теперь на первый план выйдет идея освобождения народа от духовного рабства и уничтожения государства.

В своей работе 1843 г. «Коммунизм» философ вновь обратится к Французской революции. Он напишет о притесняемом и угнетаемом знатью французском народе и, стремясь объяснить такое печальное положение, найдет ответ отнюдь не в слабости народа. Народ, по мнению М.А. Бакунина, никогда не бывает слаб, в нем скрыто много веры и много здравого смысла. Причина в том, что народ был «невежествен и давал себя обманывать католическим попам, которые толковали ему, что король, дворянство и духовенство даны ему божьей милостью и что народ должен служить им, склоняться перед ними и терпеть от них унижения, дабы получить за это царствие небесное»²⁵. Народ поверил, что он глуп, что нужно положиться на священников, подчиниться их руководству, подавил в себе всякие освободительные мысли.

М.А. Бакунина отмечал, что пропасть между малым числом привилегированных и огромным количеством обездоленных существовала всегда. Заслуга Великой Французской революции, по его мнению, в том, что она начала рассеивать религиозный туман, которым была заполнена эта пропасть. И если прежде народные массы не видели этой пропасти, то теперь начали спрашивать о ее причине.

Декларация прав человека и гражданина 1789 г., в представлении М.А. Бакунина, – это Евангелие, «не мистическое, а рациональное, не небесное, а земное, не божественное, а человеческое»²⁶. Революция провозгласила, что все люди равны, одинаково призваны к свободе и человечности. Благодаря этому европейские народы стали пробуждаться ото сна, «который их сковывал с тех пор, как христианство усыпило их своими маковыми цветами»²⁷, задаваться вопросом, не имеют ли они тоже права на равенство, свободу и человечность.

По мнению М.А. Бакунина, все религии со своими богами всегда были только «созданием верующей и легковерной фантазии человека, еще не достигшего уровня чистой рефлексии и свободной, основанной на науке мысли; религиозное небо было лишь миражом, в котором воспламененный верой человек находил свой собственный образ, но увеличенный и перевернутый, то есть обожествленный»²⁸. Существование Бога обязательно предполагает отречение от человеческого разума и человеческой справедливости; оно является отрицанием человеческой свободы. Если Бог – все, то реальный мир и человек – ничто. Если Бог – истина, справедливость и бесконечная жизнь, то человек – ложь, несправедливость и смерть. Если Бог – господин, то человек – раб. Если человек, – продолжал свою мысль М.А. Бакунин, – неспособен сам отыскать путь справедливости и истины, он должен получить их, как откровение свыше, через посланников и избранников божьей милости.

Представители божества на земле – пророки, священники – получают право руководить, повелевать и управлять человечеством. Все люди обязаны абсолютно верить и беспрекословно им повиноваться. Таким образом, рабы Божьи становятся рабами Церкви, а, с ее благословения, рабами Государства. Христианство – это религия *par excellence* – оно показывает и выражает саму природу и сущность всякой религии, а именно: «систематическое и абсолютное обнищание, уничтожение и порабощение человечества в пользу божества»²⁹.

Римская церковь, по мнению М.А. Бакунина, «первая открыла в новейшей истории ту неоспоримую, но едва ли христианскую истину, что богатство и власть немногих, с одной стороны, и экономическая эксплуатация и политическое угнетение масс, с другой, – два неразделимые условия господства божественного идеала на земле: богатство укрепляет и увеличивает власть, а власть постоянно открывает и изобретает новые ис-

²⁵ Бакунин М.А. Коммунизм / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. – С. 236.

²⁶ Бакунин М.А. Федерализм, социализм и антитеологизм / М.А. Бакунин. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. – С. 28.

²⁷ Там же. С. 28-29.

²⁸ Там же. С. 43.

²⁹ Бакунин М.А. Федерализм, социализм и антитеологизм / М.А. Бакунин. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. – С. 43.

точники богатства, и эти два фактора лучше, чем мученичество и вера апостолов, лучше, чем божественная благодать, обеспечивают успех христианской пропаганды»³⁰.

Проанализировав исторические примеры, М.А. Бакунин приходил к выводу, что политическое и социальное рабство – есть естественные последствия рабства духовного. Именно поэтому «все правительства, все государственные люди Европы, которые сами не являются ни метафизиками, ни теологами, ни деистами, которые в глубине души не верят ни в бога, ни в дьявола, так страстно, так неистово защищают и метафизику, и религию, какую бы то ни было религию, лишь бы она проповедовала смирение, подчинение и терпение, – что, впрочем, все религии и делают»³¹.

Для М.А. Бакунина армия Бога – это «все императоры, все короли, весь официальный, официозный и дворянский мир и все привилегированные Европы..., все пиявки промышленного, торгового и банковского мира, патентованные профессора и все государственные чиновники: высшая и низшая полиция, жандармы, тюремщики, палачи и вместе с ними попы, составляющие ныне черную полицию душ, работающую в пользу государства; все генералы, эти гуманные защитники общественного порядка, и редакторы продажной прессы, такие чистые представители всех официальных добродетелей». В противоположном лагере – «революция, смелые отрицатели Бога, божественного порядка и принципов власти, наоборот, по этому именно верующие в человечество, в человеческий порядок и человеческую свободу»³².

Мыслитель не находил ничего удивительного в том, что вера в Бога, творца, распорядителя, судью и хозяина, то проклинающего мир, то изливающего на него свои благодеяния, господствует среди народа, особенно в глухой провинции. М.А. Бакунин отмечал необразованность народа и видел ее причины в систематических усилиях правительств, «не без основания полагающих, что невежественность масс – одно из главнейших условий их власти»³³.

В зависимости от отношения к религии все население М.А. Бакунин делил на три группы. Первая – народ. Для него, обремененного работой, не имеющего досуга, лишено каких-либо средств для развития мышления, религиозные традиции превращаются в привычку, более могущественную, чем здравый смысл. Они окружают человека с детства и искусственно поддерживаются представителями духовной и светской власти. Однако, стесненный и в интеллектуальном, и в материальном плане, человек все же чувствует желание выйти из этого замкнутого круга. М.А. Бакунину представлялись для этого три способа – два фантастических и один реальный: «первые два – кабак и церковь, разврат тела и разврат духа; третий – социальная революция»³⁴. По мнению философа, социальная революция способна разрушить религиозные верования народа, изменить существующие привычки. «Заменив призрачные и грубые наслаждения физического и духовного распутства утонченными разнообразными наслаждениями развитого человечества, социальная революция, одна, будет иметь власть одновременно запретить все кабаки и все церкви»³⁵.

Вторую группу образуют угнетатели и эксплуататоры, они, напротив, если и не верят, то должны делать вид. Речь идет о священниках, монархах, государственных людях, чиновниках всех рангов, тюремщиках, палачах, солдатах, сборщиках податей, адвокатах, политиках всех оттенков, купцах, «кончая самым мелким торговцем пряниками».

Однако, как отмечал М.А. Бакунин, существует довольно многочисленный класс честных, но робких душ, которые «слишком интеллигентны для того, чтобы серьезно принять все христианские догматы, но, отвергая их в подробностях, они не имеют достаточно мужества и решимости целиком выбросить их за борт». Эти люди, с одной стороны, позволяют критиковать вопиющие неясности религии, подтрунивают над чудесами, а

³⁰ Бакунин М.А. Бог и государство. М.: Типография Издательской комиссии Московского Совета солдатских депутатов, 1917. – С. 34.

³¹ Бакунин М.А. Федерализм, социализм и антитеологизм / М.А. Бакунин. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. – С. 45.

³² Ответ одного интернационалиста Мадзини / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. – С. 522.

³³ Бакунин М.А. Бог и государство. М.: Типография Издательской комиссии Московского Совета солдатских депутатов, 1917. – С. 12.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

с другой, – отчаянно цепляются за главный абсурд, источник всех других абсурдов, за чудо, объясняющее и оправдывающее все другие чудеса, – существование Бога. Их Бог – это туманное призрачное существо, которое исчезает и обращается в ничто при первой попытке опереться на него; это мираж, который не светит и не греет. Эта группа людей крепко держится за Бога, опасаясь, что с его исчезновением исчезнет все. По определению М.А. Бакунина, это буржуа-социалисты, конституционалисты-демократы и подобные им «колеблющиеся, анемичные души, заблудившиеся в современной цивилизации, не принадлежащие ни к настоящему, ни к будущему, бледные призраки, вечно висящие между небом и землей, между политикой буржуазии и социализмом пролетариата»³⁶.

Философ был глубоко убежден, что вопросы метафизики и теологии не могут быть отделены от проблем социализма и политики. Он проводил параллели и находил при внешних различиях сходство между теологией – наукой церкви, и политикой – теорией государства. Обе они приходят к одной и той же позиции: о необходимости пожертвовать человеческой свободой, чтобы сделать людей нравственными и превратить их согласно церкви – в святых, согласно государству – в добродетельных граждан. Для М.А. Бакунина политика и теология – «две сестры, имеющие одно происхождение и преследующие одну цель, хотя и под разными названиями»³⁷. Он стремился доказать, что «всякое государство является земной церковью, подобно тому, как всякая церковь, в свою очередь, со своими небесами – местопребыванием блаженных и бессмертных богов, является не чем иным, как небесным государством»³⁸.

Для современных государств христианство служит «лишь предлогом и фразой, или средством обманывать простаков, ибо они преследуют цели, не имеющие никакого отношения к религиозным чувствам». Для политических деятелей всех времен и народов все, что «служит к сохранению, возвеличению и укреплению Государства, каким бы святотатством это ни было с религиозной точки зрения, как бы это ни казалось возмутительно с точки зрения человеческой морали, является добром, и наоборот, все, что этому противоречит, будь то в высшей степени свято или по-человечески справедливо, является злом»³⁹. В этом заключается, по мнению М.А. Бакунина, мораль и вековая практика всех государств.

Таким образом, сформулированная М.А. Бакуниным концепция вошла в очевидное противоречие с его ранними представлениями о Боге как истинном содержании человеческой свободы, о христианстве как откровении вечной истины. Неизменным осталось одно – идея о неразрывной связи государства и религии, именно ее можно рассматривать в качестве основы мировоззрения мыслителя. Нельзя не согласиться с оценкой, данной Ю.М. Стекловым: «Если прежде религия бралась Бакуниным под свою защиту за то, что без нее немислимо существование государства, то впоследствии именно за это против нее объявляется крестовый поход, и само государство предается беспощадной анафеме... Пройдена дуга в 180 градусов, но движение мысли совершается по той же окружности»⁴⁰.

Список литературы

1. Пономарев Е.Г., Басов В.О. Учение о государстве и праве в трудах теоретиков классического анархизма. – Ставрополь, 2012. 150 с.
2. Кислицына И.Л. Современное исследование анархизма М. А. Бакунина: монография. Санкт-Петербург : НГУ им. П. Ф. Лесгафта, 2013.
3. Никандрова М.М. Антитеологизм М.А.Бакунина // Философские и социологические исследования: Ученые записки кафедр общественных наук вузов г. Ленинграда. Философия. – Вып. 13. – Л., 1972. – С. 227-236.
4. Сафронова Л.Е. М.А. Бакунин о религиозной морали / Социально-философские аспекты критики религии. Л., 1983. С. 141-151.

³⁶ Там же. С. 13.

³⁷ Бакунин М.А. Федерализм, социализм и антитеологизм / М.А. Бакунин. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. – С. 98.

³⁸ Там же. С.99.

³⁹ Там же. С. 91-92.

⁴⁰ Стеклов Ю. Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность. 1814-1876 : В 3-х т. Т. 1: 1814-1851. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во Коммунист. акад., 1926-1927. – С. 59.

5. Письмо В.А. Бакуниной от 15 декабря 1836 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. С. 76-77.
6. Письмо А.А. и Н.А. Беер от 7 мая 1835 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. С. 58-59.
7. Письмо Т.А. и В.А. Бакуниным от 10 августа 1836 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. С. 71-75.
8. Письмо сестрам от 11 февраля 1837 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. С. 79-82.
9. Письмо К.А. Беер от 19 июля 1837 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. С. 88-89.
10. Письмо А.А. Беер, первые числа апреля 1836 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. С. 68-70.
11. Бакунин М.А. Мои записки. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. С. 96-98.
12. Письмо А.А. Беер от 6 апреля 1836 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. С. 64-68.
13. Письмо Т.А. и В.А. Бакуниным от 10 августа 1836 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. С. 71-75.
14. Письмо сестрам, середина января 1837 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. С. 78.
15. Письмо А.А. и Н.А. Беер от 27 июля 1837 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. С. 89-91.
16. Письмо Т.А. и В.А. Бакуниным от 28-29 февраля 1836 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. С. 61-63.
17. Письмо отцу от 15 ноября 1837 г. / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. С. 99-111.
18. Гимназические речи Гегеля. Предисловие переводчика / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. С. 117-126.
19. Бакунин М.А. Коммунизм / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. С. 233-241.
20. Бакунин М.А. Федерализм, социализм и антитеологизм / М.А. Бакунин. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989. С. 11-124.
21. Бакунин М.А. Бог и государство. М.: Типография Издательской комиссии Московского Совета солдатских депутатов, 1917.
22. Ответ одного интернационалиста Мадзини / М.А. Бакунин. Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. С. 521-531.
23. Стеклов Ю. Михаил Александрович Бакунин, его жизнь и деятельность. 1814-1876 : В 3-х т. Т. 1: 1814-1851. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Изд-во Коммунист. акад., 1926-1927.

CORRELATION OF THE IDEA OF THE STATE AND RELIGION IN REPRESENTATION OF M.A. BAKUNIN

V.V. CHEREPANOVA

Belgorod State National Research University

*e-mail:
v.cherepanova@belgorod.gazpromlpg.ru*

The article is dedicated to the analysis of views of philosopher, anarchist and revolutionary, M.A. Bakunin at the problem of relations between the state and religion. According to the views of M.A. Bakunin, there can be no state without religion. Religion and religious impacts are corrupting, demoralizing and killing human minds, productive force, justice and humanity. The essence of any religious system according to M.A. Bakunin consists of denial of human dignity, and the biggest obstacle to liberation of society is Christianity. The main goal for M.A. Bakunin was deliverance of the masses from the power of religious superstitions, and to achieve it is only possible by two ways: rational science and propaganda of socialism.

Key words: M.A. Bakunin, problem, state, church, religion, relationships.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК 342.5

ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Л.А. ЗАГУРСКАЯ

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: Zagurskaya@bsu.edu.ru

В статье предлагаются общетеоретические основы формирования и взаимодействия институтов государственной власти в Российской Федерации. Формулируются и комментируются актуальные проблемы взаимодействия законодательных и исполнительных органов власти в субъектах Российской Федерации. Рассматривается положительный опыт эффективного взаимодействия ветвей власти на примере Белгородской области.

Ключевые слова: государственная власть, государственные институты власти, государственный орган, государство, государственная власть, субъекты Российской Федерации, законодательные и исполнительные органы власти.

Государственные институты власти, действующие в субъектах Российской Федерации, впервые были сформированы на основе Конституции Российской Федерации¹. В основу их формирования и функционирования заложен принцип разделения властей, который был выработан мировым опытом в ходе развития демократических государств.

Впервые этот принцип был сформирован английским философом и политическим мыслителем Джоном Локком (1632-1704 г.г) в его работе «Два трактата о правлении»². Суть его теории в том, что демократический и политический режим может быть установлен в государстве при условии разделения форм организации государственной власти между самостоятельными государственными органами. Локк различал три ветви власти – законодательную, исполнительную и федеральную (внешняя политика). Судебную власть он относил к исполнительной, а законодательную – считал верховной.

Законченный вид теория разделения властей получила в учении Монтескье: законодательная власть создает законы, исполнительная их реализует, а судебная карает преступления и разрешает противоречия частных лиц. Законодательная власть играет доминирующую роль, так как деятельность двух других имеет подзаконный характер. Разделение и взаимное сдерживание властей служит главным условием политической свободы в обществе.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. //Российская газета.-1993, 25 декабря; 2009, 21 января.

² Новая философская энциклопедия. – 2001.–URL: <http://iph.ras.ru/elib/1710> (дата обращения: 04.02.2013).

В настоящей работе ставится вопрос о развитии и взаимодействии государственных институтов власти в субъектах Российской Федерации. В частности исполнительный государственный орган, осуществляющий соответствующую функцию государственной власти, взаимодействует с законодательным органом власти, и при этом они ограничивают друг друга. Такая схема отношений часто называется «системой сдержек и противовесов».

На уровне организации и функционирования государственной власти «система сдержек и противовесов» выглядит следующим образом.

Так, применительно к законодательной власти используются довольно жесткая процедура законодательного процесса, которая регламентирует основные его стали, порядок осуществления: законодательную инициативу, обсуждение законопроекта, принятие закона, его опубликование. В системе противовесов важную роль призван играть Президент, который имеет право применять отлагательное вето при поспешных решениях законодателя, назначить при необходимости досрочные выборы. Деятельность Конституционного Суда также можно рассматривать в качестве правосдерживающей ибо он имеет право блокировать, все антиконституционные акты. Законодатель в своих действиях ограничивается рамками, самими принципами права. Конституцией другими юридическими и демократическими нормами и институтами.

В отношении исполнительной власти используются ограничения ведомственного нормотворчества и делегированного законодательства. Сюда же можно отнести установленные в законе сроки президентской власти, вотум недоверия правительству, импичмент, запрет ответственным работникам исполнительных органов избираться в состав законодательных структур, заниматься коммерческой деятельностью.

Для судебной власти тоже есть свои ограничивающие средства, выражающие в Конституции, процессуальном законодательстве, в его гарантиях, принципах: презумпции невиновности, праве на защиту, равенства граждан перед законом и судом, гласности и состязательности процесса, отводе судьи и т.д.

В настоящее время она представляется единственно возможной в системе организации государственной власти в демократическом государстве.

Существует мнение, что реализация принципа разделения властей ведет к многовластию. Более того, некоторые ученые – конституционалисты приходят к выводу, что в реальной жизни теория разделения властей нередко является лишь формальным конструктором, а что касается практики ее применения, то она зачастую отличается противоречивостью³. На наш взгляд это суждение ошибочно. Власть в Российской Федерации едина, так как ее единственным источником согласно Конституции Российской Федерации является многонациональный народ России⁴.

Никакой государственный орган в отдельности не может претендовать на единоличное осуществление государственной власти. Сама по себе государственная власть не делится между государственными органами. Осуществление государственной власти связано с разделением определенных функций между органами законодательной и исполнительной власти, и они самостоятельны лишь в осуществлении этих функций, закрепленных за ними законами Российской Федерации, Конституциями (Уставами) и законами субъектов Российской Федерации⁵.

Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, на единстве системы государственной власти, разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов⁶. В силу этого, например, субъектам Федерации принадлежит право самостоятельно устанавливать систему органов государственной власти. Эти органы должны лишь соответствовать основам конституционного строя Российской Федерации и общим принципам организации представительных и исполнительных

³ Марченко М. Н. Современные интерпретации теории разделения властей на Западе. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. «Право». – 1994. № 4. – С. 16.

⁴ См.: Ст.3 Конституции Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета.-1993, 25 декабря; 2009, 21 января.

⁵ Комментарий к Конституции Российской Федерации. М.: Изд.БЕК, 1994. – С.35

⁶ См.: Ст.5 Конституции Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Российская газета.-1993, 25 декабря; 2009, 21 января.

ных органов государственной власти, устанавливаемым Федеральным законом в интересах всего многонационального российского народа.

Это значит, что каждый субъект Федерации вправе решать вопросы своей внутренней организации и с этой целью принимать нормативные акты, которые должны соответствовать Конституции Российской Федерации⁷.

В советской России в конце первой половины XX века классификация форм государственной деятельности была предметом оживленных дискуссий.

С момента формирования в постсоветской России законодательных органов власти субъектов Федерации и вплоть до конца 90-х годов прошлого века существенные отличия в структуре и в полномочиях законодательных органов были закреплены в Конституциях (уставах) субъектов Федерации. Так, например двухпалатные законодательные органы (парламенты) существовали в более половине субъектов Федерации. При этом верхняя палата именовалась, как правило, Палатой представителей, а нижняя – Палатой Республики или законодательной Палатой. В настоящее время в большинстве субъектов Федерации сформированы однопалатные законодательные органы с примерно одинаковым объемом полномочий. В своем современном виде органы исполнительной власти в субъектах Федерации сформировались после 1999 года в связи с принятием Федерального закона.

По мере развития в субъектах Федерации принятие и обнародование основного законодательства их Конституций и Уставов предусматривали различные связи с исполнительной и законодательной властью. Например в Курской области подготовку Устава фактически контролировала администрация в псковском и карельском случаях – представители региональных парламентов, в Астрахани – обе ветви власти на равных основаниях⁸.

К первой половине 2001 года право подписания и обнародования законов прочно перешло к главам субъектов Федерации, которые сегодня одновременно является высшими должностными лицами и в большинстве субъектов возглавляет исполнительную власть.

Какие же основные проблемы мешают сегодня органам государственной власти максимально эффективно, для жителей своих регионов, реализовать свои полномочия в процессе взаимодействия?

Первая проблема имеет общий теоретический характер и связана с дихотомией законодательной и исполнительной власти. По этому поводу идет длительное время дискуссия между теоретиками и практиками как у нас в стране, так и за рубежом.

Автор предполагает, что суть этой дискуссии заключается в том, как совместить на практике идеал постоянной профессиональной службы государственного служащего исполнительных органов власти с идеалом и институтами демократии политика-законодателя, не подрывая того и другого как фундамента государственной власти в целом. С учетом этих дискуссий формируются положительные практики решения проблемы соотношения политического и административного в государственном управлении.

Как показывает опыт, наиболее устойчиво и стабильно функционирует государственная власть в таких субъектах Федерации, где не пытаются четко разделить политические функции законодательного органа от административных функций исполнительного органа. Нам представляется, что это единственно правильный подход, устраняющий причины конфронтации ветвей власти в регионах. Ибо действительно, политика это не только формирование политического курса путем принятия законов, но и его реализация.

Другая серьезная проблема, которая по-разному, но проявляется в большинстве субъектов Российской Федерации – дальнейшее перераспределение реальной политической власти в пользу исполнительных органов. Пока еще, правда, наши представительные учреждения выигрывают по сравнению с доперестроечными Советами, не имевшими, но сути дела, не каких властных полномочий. Но они явно проигрывают при сравнении их с парламентами и легистратурами развитых демократий. Ситуация усугубляется тем, что параллельно росту всевластия исполнительной «вертикали» усиливается роль ее аппаратного ядра.

И последнее, о чем следует сказать. Не смотря на некоторые положительные результаты в решении ряда болезненных проблем за последние десять лет в стране, по

⁷ См.: Там же, Ст.76.

⁸ Нечаев В. Региональные политические системы в постсоветской России.-2000 .– URL://<http://socio-astu.ucoz.ru> (дата обращения: 20.02.2013).

прежнему то в одном, то в другом субъекте Федерации вновь обнаруживаются бессилие органов власти и неэффективность ее функционирования в целом. Особенно явно это проявляется в социальном обустройстве территорий, решении проблем ЖКХ, борьбе с коррупцией. Да и в экономической отрасли многие субъекты никак не могут преодолеть отсталость. Все в стране хотят, чтобы власть была более сильной и эффективной, а главное честной. В связи с этим создается благоприятная почва для того, чтобы вновь вернуть к жизни, казалось бы, уже забытую идею установления власти «твердой рукой». Эти настроения пытаются использовать те, кто хотел бы перечеркнуть результаты внедрения в российскую государственность принципа разделения властей. Одни, пытаются подвергнуть сомнению легитимность выборов представителей ветвей власти на всех уровнях, другие - уповают на дальнейшее усилие президентской власти и исполнительной власти в регионах или даже на установление чисто авторитарного режима, в котором, по крайней мере фактически, не оставалось бы места законодательной власти, как в центре, так и в регионах России.

Проблемы, стоящие перед страной в условиях глобального мирового кризиса, не таковы, чтобы их можно было решить простым установлением диктаторской власти. Наоборот, они настолько сложны, что требуют вовлечения в их решение всех институтов государства и общества, всех интеллектуальных сил. К тому же в условиях, когда произошло резкое имущественное расслоение в обществе и обострились социальные конфликты, необходим совместный поиск механизмов их преодоления, согласование различных интересов. А это возможно лишь в рамках достаточно демократической системы, в основе которой лежит принцип разделения и равноправия властей, а также наличие рабочих институтов гражданского общества. А установление диктатуры - это прямой откат назад, в направлении противоположном демократии.

Все ли действительно так плохо? И имеется ли в регионах России положительный опыт эффективного взаимодействия ветвей власти друг с другом и с институтами гражданского общества и населением в целом? Безусловно, да.

Примером такого региона, является Белгородская область, где с одной стороны, выстраиваются цивилизованные отношения между ветвями власти, а с другой, - налаживаются нормальные взаимоотношения власти и общества в целом. Здесь, опираясь на растущую активность институтов гражданского общества, совершается сознательный поворот экономики к социальным целям и потребностям граждан.

Успех Белгородчины во многом объясняется внедрением в деятельность органов государственной власти принципиально новой управленческой модели. Основанной на максимальном вовлечении жителей области во все стадии принятия решений как на региональном, так и на местном уровнях. Эта модель управления известная в мире под названием «краудсорсинг» стала возможной благодаря политической воле органов власти и их руководителей, а также использованию в управлении всеми процессами современных высокотехнологических систем на основе Интернета.

Система краудсорсинга, внедряемая в области, включает в себя применение новой модели управления, которая позволит не только свести на нет проблемы во взаимодействии институтов государственной власти, о которых шла речь выше, но уже сегодня приводит к серьезным положительным социальным сдвигам

Система краудсорсинга внедряемая в Белгородской области, включает в себя основные этапы:

1. Вовлечение не равнодушных граждан в процесс решения задачи.
2. Организацию и стимулирование генерирования предложений.
3. Отбор лучших предложений силами самих участников.
4. Селекцию лучших участников на основе их вклада в решение задачи⁹.

Эти четыре условия краудсорсинга различным способом реализуется в виде специальных сетевых программных платформ для разных типов задач.

Широкое применение новой модели управления позволяет не только свести на нет проблемы во взаимодействии органов государственной власти, о которых шла речь выше, но уже сегодня приводит к серьезным положительным социальным сдвигам, со-

⁹Сайт: народная экспертиза ОАУ «Институт региональной кадровой политики». 2012. URL://http://narod-expert.ru (дата обращения 22.02.2013 г.)

кращает дистанцию и снижает отчуждение между властью и обществом, создает условия для карьерного роста талантливых управленцев, усиливает ответственность органов государственного управления за достигнутые результаты, изменяет к лучшему моральный климат внутри самих институтов власти.

Наблюдая за процессом народной жизни, кажется, что в нем отсутствуют изначальные цели, а есть только непрерывное развитие, однако и в этом движении возможны различные направления, вектор которых зависит от власти. Опыт развития институтов государственной власти Белгородчины позволяет сделать вывод, что власть только и только тогда будет иметь оправдание, когда она будет наиболее полно выражать подлинные потребности и интересы человека: «не человека вообще», не интересы партии или класса, или «большинства народа», а именно конкретного человека. Ибо власть-это тот социальный феномен, в котором должны проявляться осознанные потребности и интересы социального субъекта, побуждающие власть принимать решения, проявлять, регулировать и активизировать свои действия в направлении достижения поставленных целей.

Список литературы

1. Смоленский М.Б. Теория государства и права. Учебник.- Ростов – на- Дону, 2012.-С.140, 143,144;
2. Федеральный закон РФ от 06.10.1999 N 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» //Российская газета.- 1999, 19 октября;
3. Тонков Е.Е., Масальтина С.В. Юридические формы государственной деятельности: развитие в условиях политико-правовой модернизации.- М., 2010. – С.26;
4. Калантаев П.А Сибирский федеральный округ[Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: <http://loi.sccc.ru/bdm/nso/attr/sfo/tyva.htm>
5. Государственная служба. Общие проблемы. Зарубежный опыт. – ВЖП.1.- М.: РАГС.- 1994. – С. 36;
6. Разграничение полномочий между уровнями власти. Парламентские слушания в Государственной Думе РФ. Муниципальная власть, №3, 2012. С. 7-9;
7. Греф Г. Государственное управление: Эффективность российской власти и модернизация. //Ведомости.- 2012, 12 апреля;
8. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. //Российская газета.-1993, 25 декабря; 2009, 21 января;
9. Комментарий к Конституции Российской Федерации. М.: Изд.БЕК, 1994;
10. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: <http://iph.gas.ru>;
11. Марченко М. Н. Современные интерпретации теории разделения властей на Западе. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. «Право». – 1994. -№ 4;
12. Нечаев В.Региональные политические системы в постсоветской России [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: [http://socio-astu.ucoz.ru.](http://socio-astu.ucoz.ru;);
13. Сайт: народная экспертиза – ОАУ «Институт региональной кадровой политики.» [Электронный ресурс].-2012. . – Режим доступа: <http://narod-expert.ru>

QUESTIONS OF INTERACTION OF THE STATE INSTITUTES OF THE POWER IN SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

L.A.ZAGURSKAYA

Belgorod State National Research University

e-mail: Zagurskaya@bsu.edu.ru

In article it is offered general-theoretical bases of formation and interaction of institutes of the government in the Russian Federation. In article it is offered general-theoretical bases of formation and interaction of institutes of the government in the Russian Federation. Actual problems of interaction of legislative and executive bodies of the power in subjects of the Russian Federation are formulated and made comments. Positive experience of effective interaction of branches of the power on the example of the Belgorod region is considered.

Keywords: government, state institutes of the power, government body, state, government, subjects of the Russian Federation, legislative and executive bodies of the power.

УДК 340:001.4(470)

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Л.А. ПОЖАРОВА*Белгородский государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail: pozharova@bsu.edu.ru*

Автор статьи показывает, что в период интенсивного развития науки и техники, трансформации системы духовных ценностей и нравственных идеалов, законодатель не должен девальвировать конституционные гарантии обеспечения права на достоинство личности, так как социально-правовая политика государства является одним из критериев качества власти.

Ключевые слова: государство, право, достоинство личности, социальные права, конституционные гарантии.

Обеспечение прав и свобод человека и гражданина является одной из основных конституционных гарантий российского государства (ст. 2, 17 Конституции РФ)¹. Реализация закрепленных в Основном законе гарантий предусмотрена в содержательной стороне компетенции государственных органов и должностных лиц (ст. 33, 45, 46, 57, 60 и др. Конституции РФ). Гарантированные права и свободы должны определять направленность деятельности органов власти, служить камертоном их повседневной работы, однако «законы сами по себе ничего не решают ... если обеспечение прав и свобод гражданина РФ не будут считать для себя приоритетным делом все государственные органы и общественные организации, представляющие политику, экономику, право, религию, науку, образование и культуру»².

Нельзя забывать, что в классическом варианте государство выполняет обслуживающую роль по отношению к обществу. При этом государственная защита прав и свобод является главным критерием эффективности и надежности правозащитного механизма государства. Только согласованное взаимодействие всех властных структур российского общества способно повлиять на стабилизацию ситуации в правовой среде. Если в государстве начинается девальвация закрепленных законодательно прав и свобод человека и гражданина, формируется пренебрежительное отношение к ним со стороны государственных органов, то результатом может стать ситуация, которую мы наблюдаем на Украине. Ее катализатором стал откровенный правовой нигилизм, распространившийся в начале во властных структурах, а затем и во всем обществе, подобно опасной для жизни вирусной инфекции, угрожающей в настоящее время безопасности дружественной страны.

К сожалению, не является социально-правовым эталоном и наша страна. Как отметил Президент России В.В. Путин в своем Послании Федеральному Собранию, «сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп: милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи — дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились»³.

Вопрос о достоинстве личности — это в первую очередь вопрос о реальном обеспечении прав человека и гражданина. Конституция и законодательство России дают основания для утверждения о неотъемлемости достоинства от сущности человека, правовой природе категории «достоинство человека», ее универсальном значении, о первостепенном правовом принципе, который не формируется извне, а является результатом совокупности ряда неразрывных факторов.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ) // Российская газета. N 7. 2009. 21 января.

² Ведяхин В.М., Шубина Т.Б. Защита права как правовая категория // Правоведение. 1998. № 1. С. 39.

³ Послание Президента Российской Федерации Владимира Путина Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 года // Российская газета. № 6258. 2013. 13 декабря.

Еще в XVIII веке немецкий философ И. Кант утверждал, что право на достоинство обладает абсолютным характером, так как индивид «правомерен притязать на уважение своих близких, и со своей стороны он также обязан уважать других»⁴. Изначально принадлежность к человеческому роду есть достоинство. Согласно его выводам человек никогда не должен являться средством достижения цели, а всегда должен быть целью.

В жизненных ситуациях поступки многих людей нередко не заслуживают морального одобрения. Однако в своей концепции абсолютного достоинства И. Кант по этому поводу говорил о том, что «презирать других, т.е. отказывать им в уважении, с которым надлежит относиться к человеку вообще, во всех случаях противно долгу, ибо они люди. Внутреннее пренебрежение к ним в результате сравнения с другими подчас, правда неизбежно, но внешнее выражение его все же есть оскорбление»⁵.

Позитивное право безразлично относится к оценке действий лиц, ведущих асоциальный образ жизни, позволяющих себе непристойное поведение и т.п., оставляя эти негативные проявления без внимания, если они не противоречат законодательству.

Посвяительство на достоинство личности может существовать в различных формах. Все они имеют общий знаменатель, выраженный в стремлении индивидов самоутвердиться за счет унижения других⁶.

Отметим, что в дефиниции «достоинство личности», рассматриваемой в качестве субъективного права человека, присутствуют как минимум две стороны.

В первую очередь, речь идет о концептуальной составляющей, которая содержит базисные, теоретические представления о деятельности государства по гарантированию охраны достоинства личности (цель, назначение, содержание, средства и т.д.). Кроме того, нельзя обойтись без внутренней мотивации поведения человека на основе субъективного усвоения определенных ценностей.

По справедливому замечанию В.Я. Марченко, «субъектом конституционного права на достоинство личности является любой человек, обладающий не только негативным статусом, то есть сферой автономного существования и возможностью обратиться за защитой нарушенных прав, но и положительным статусом, вытекающим из условий наличного правового порядка»⁷.

Охрана достоинства личности впервые в российской истории провозглашена обязанностью государства в Конституции РФ 1993 г., что связано с формированием принципиально новой концепции взаимоотношений личности и государства, одним из правовых критериев которых является достоинство личности. Часть 1 ст. 21 Конституции РФ гласит: «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления».

Современные авторы выделяют среди личных неимущественных прав, так называемые, права «высшего порядка»⁸, которые обеспечивают как физическое, так и психическое благосостояние индивида. К данной категории прав относят право на жизнь, право на здоровье, право на личную неприкосновенность, в том числе, право на индивидуальность, и, по нашему мнению, следует добавить к данной когорте право на защиту чести и достоинства.

Следует обратить внимание, что понимание содержательной стороны права на достоинство личности не охватывается действием части 3 статьи 55 Конституции РФ, в которой говорится о возможности ограничения прав и свобод человека и гражданина в «необходимой мере» федеральным законом. В обратном случае это противоречило бы положению о том, что права и свободы человека являются высшей ценностью, то есть непременно влекло бы за собой возникновение приоритета государственной воли. В такой ситуации государство могло бы самостоятельно, по собственному усмотрению,

⁴ См.: Кант И. Метафизика нравов // Немецкая классическая философия. Т. 1. М., 2000. – С. 370.

⁵ См.: Там же.

⁶ См.: Астафичев П.А. Право человека на личное достоинство: конституционно-правовые основы и проблемы реализации // Социальное и пенсионное право. 2006. № 3.

⁷ Марченко В.Я. Достоинство личности в конституционно-правовом измерении: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. – С.3.

⁸ См.: Андрианова В.В. Правовой режим индивидуальности // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 5. – С. 44.

распоряжаться своей обязанностью по соблюдению и защите прав и свобод гражданина, что невозможно, исходя из духа и буквы закона.

О.В. Власова подчеркивает, что категория «достоинство» при использовании в международных актах и в российском законодательстве имеет под собой различные исходные понятия⁹.

В первом случае синонимом данного понятия является ценность человеческой личности, во втором – ее внутренняя самооценка.

Отправным документом в сфере защиты достоинства принято считать Всеобщую декларацию прав человека, в которой прямо указывается, что «каждый человек, как член общества, имеет право на социальное обеспечение и на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социальной и культурной областях через посредство национальных усилий и международного сотрудничества и в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства»¹⁰.

Достоинство личности в международно-правовом понимании непосредственно зависит от качественного уровня жизни, что подразумевает такие факторы, как материальная обеспеченность на уровне стандартов современного развитого общества, доступ к ценностям культуры, гарантированность прав личной безопасности, надлежащие жилищные условия и медицинское обслуживание и др.

В части 1 ст. 21 Конституции РФ право на достоинство личности предполагает защиту от пыток, насилия и другого жестокого обращения. Исходя из этого, диапазон содержательной части исследуемого понятия значительно сужается и оно рассматривается преимущественно в плане субъективного права, связанного с охраной индивида от унижающих и оскорбляющих его действий. Однако, по нашему мнению, качество жизни активно влияет на формирование у граждан чувства собственного достоинства и эти понятия затруднительно представить изолированно одно от другого.

Конституционный суд Российской Федерации определяет право на достоинство личности как взаимоотношение между личностью и государством, при котором личность выступает «не как объект государственной деятельности, а как полноправный субъект»¹¹. При этом во многих судебных решениях зафиксированы выводы о том, что при нарушении прав и свобод человека одновременно затрагивается и достоинство личности¹².

В «Основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» достоинство личности рассматривается не только как религиозно-нравственная категория, но и как «базовое понятие, на которое опирается теория прав человека»¹³.

⁹ Власова О.В. Достоинство человека как нравственно-правовая ценность: Автореф. дисс. ... д-ра. юрид. наук. Саратов, 2011. – С. 12 – 13.

¹⁰ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. № 67. 1995. 5 апреля.

¹¹ См.: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03.05.1995 г. № 4-П по делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 19. Ст. 1764.

¹² См., например: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.06.2010 г. № 14-П по делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 1 и подпункта «а» пункта 8 ст. 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Малицкого // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 27. Ст. 3552; постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.06.2009 г. № 9-П по делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 27. Ст. 3382.

¹³ Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека // <https://mospat.ru/ru/documents/dignity-freedom-rights/i/>

Судебной практике известен случай, когда граждане усмотрели посягательство на свободу совести, равноправия и достоинства личности вследствие присвоения им индивидуального лицевого счета при пенсионном страховании¹⁴.

Как известно, в результате данной регистрационной процедуры человеку пожизненно присваивается номер, то есть «цифровое имя». По мнению многих верующих, с точки зрения христианства это является «деянием греховным», так как добровольное принятие «цифрового имени» влечет за собой замену либо отказ от «имени христианского».

На Архиерейском Соборе, состоявшемся 4 февраля 2013 года, церковь усмотрела недопустимость использования электронных идентификаторов и призвала обеспечить допуск к социальным благам альтернативными способами (организационными, материальными, техническими и др.), хотя ранее, в 2000 году, Священный Синод Русской Православной Церкви заявлял, что «не следует бояться внешних символов и знаков», ибо «никакой внешний знак не нарушает духовного здоровья человека, если не становится следствием сознательной измены Христу и поругания веры»¹⁵.

На сайте Министерства здравоохранения Российской Федерации размещено пояснение по рассматриваемому вопросу. Согласно опубликованной информации, страховой медицинский полис является учетным документом, каждый бланк полиса имеет соответствующий номер, идентифицирующий не человека, а сам бланк полиса. Уточнено, что страховой номер присваивается не человеку, а индивидуальному личному счету и используется в целях учета его пенсионных прав, не заменяя собой его имени. Отмечается, что данная процедура носит сугубо технологический характер и не посягает на законные права и свободы верующих граждан¹⁶.

Проанализированная нами судебная практика показывает, что нормы части 1 ст. 21 Конституции РФ определяют юридическую меру притязаний индивидов на гарантии определенного уровня материального обеспечения. В Определении Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2005 года № 17-О дается разъяснение, что если лицо не имеет возможности в силу объективных обстоятельств самостоятельно достичь материального благополучия, на гарантирование материальной обеспеченности на уровне, необходимом для удовлетворения основных жизненных потребностей, то предполагается установление надлежащего нормативного механизма их удовлетворения, то есть субъективное конституционное правомочие личности в социальной сфере, в частности, пенсионное обеспечение¹⁷.

Новеллой в социальной сфере стало принятие иного, чем прежде, порядка формирования пенсионных прав граждан, вступающих в силу с 1 января 2015 года¹⁸. Предполагаемый порядок предусматривает постепенное повышение минимально требуемого стажа с 6 лет в 2015 году до 15 лет к 2025 году. Это изменение касается страховой пенсии по старости. Законодатель вводит такое понятие как «индивидуальный пенсионный коэффициент». Теперь на размер пенсии будут влиять набранные баллы. Расчет одного балла довольно прост. Он составляет две минимальные оплаты труда, таким образом, примерно 12 тысяч рублей. При этом предусмотрено, что за год максимально можно набрать 10 баллов, общий же максимум составит 300 баллов. Некоторые категории граж-

¹⁴ См.: Определение Московского областного суда от 02.12.2010 по делу N 33-21410 (в иске о защите нарушенных пенсионных прав, признании права быть зарегистрированной в органах Пенсионного фонда без присвоения страхового номера, обязанности ответчиков удалить страховой номер и персональные данные из применяемых автоматизированных информационных систем отказано правомерно, так как истицей не представлено доказательств, подтверждающих нарушение ее прав и свобод) // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=MARB;n=206944;dst=0>

¹⁵ См.: Позиция Церкви в связи с развитием технологий учета и обработки персональных данных // <http://www.patriarchia.ru/db/text/2775107.html>

¹⁶ См.: О соблюдении прав граждан, отказавшихся по религиозным убеждениям от использования документов с использованием новых информационных технологий // <http://www.rosmintrud.ru/reception/help/it/o>

¹⁷ Определение Конституционного суда Российской Федерации по жалобе гражданки Енборисовой Прасковьи Федоровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 8 статьи 14 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» от 15 февраля 2005 г. № 17-О // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 16. Ст. 1479.

¹⁸ Федеральный закон от 28.12.2013 N 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // Российская газета. N 296. 2013. 31 декабря.

дан могут просто не подпадать под «мерки» новой пенсионной реформы, например, лица, работающие в сельской местности, в глубинках, где уровень заработной платы может не достигать установленного размера.

Граждане, чей стаж работы составит менее 15 лет или не будет ни одного набранного балла, получают возможность обратиться в Пенсионный фонд РФ за социальной пенсией. Существует лишь одно условие, что мужчинам такая пенсия положена в 65 лет, а женщинам – в 60 лет, при том, что право на страховую пенсию по старости у мужчин возникает с достижением возраста 60 лет, а у женщин – 55 лет.

По нашему мнению, создание данного «трамплина» фактически означает искусственное завышение пенсионного возраста, несмотря на то, что Конституция РФ закрепляет основной целью социальной политики российского государства создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие граждан, а среди средств достижения этих условий Основной закон называет обеспечение государственной поддержки инвалидов и пожилых людей.

Декларация ООН 1948 года статьей 25 закрепляет, что «каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам...»¹⁹.

Не вызывает сомнений, что забота государства должна быть обращена к тем, кто нуждается в ней больше других, и к этой категории, на наш взгляд, можно отнести людей пенсионного возраста. Обратим внимание, что согласно статистике ООН, по средней продолжительности жизни в 2013 году Россия занимает 129 место. Средний возраст, до которого доживают россияне, составляет 66 лет. Поэтому мы считаем, что новеллы пенсионного законодательства, которые якобы должны стимулировать «молодых пенсионеров» активно продолжать свою трудовую деятельность, являются неловко завуалированным посягательством на гарантированную Конституцией норму о достойном уровне жизни населения.

Заслуживает внимания отсутствие в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» нормативного закрепления принципа на охрану и защиту достоинства личности. В законе ни разу не упоминаются такие термины как «достоинство личности» или «человеческое достоинство». Это настолько же удивительно, насколько и прискорбно, учитывая, что пациент фактически «вверяет» свою жизнь и здоровье врачу, предоставляет ему конфиденциальную информацию о себе. Человек, находящийся в болезненном состоянии, наиболее уязвим и, по нашему мнению, особое значение при этом приобретает ощущение уверенности, что ему окажут квалифицированную помощь, не умалив его человеческое достоинство ни действиями, ни словами.

Одновременно в средствах массовой информации нередко появляются публикации о нарушении прав и достоинства граждан, обратившихся за медицинской помощью. В здравоохранении нашей страны пренебрежение правами пациента, нарушения медицинской этики – главные проблемы на сегодняшний день. Поэтому игнорирование принципа защиты достоинства личности пациента в упомянутом нормативно-правовом акте представляется недопустимым, так как определенной характеристикой уровня развития демократичности государства служит именно показатель объема закрепления в законодательных актах норм о защите и гарантировании соблюдения естественных прав и свобод.

В проекте федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» содержалась ст. 5 «Соблюдение прав человека и гражданина в сфере охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий»,

¹⁹ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. № 67. 1995. 5 апреля.

в которой указывалось, что «проведение мероприятий по охране здоровья не должно носить бесчеловечный характер или унижать честь и достоинство граждан»²⁰.

Однако данный законопроект принят не был, а существующий закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ фактически игнорирует права пациента на охрану и защиту достоинства личности, к тому же предусматривает явно недостаточные гарантии конституционного права на бесплатную медицинскую помощь, хотя и подчеркивает, что «мероприятия по охране здоровья должны проводиться на основе признания, соблюдения и защиты прав граждан и в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права»²¹.

В отличие от России развитые демократические страны в законодательстве о здравоохранении детально регламентируют гарантии признания, охраны и защиты достоинства личности пациента²².

В данном контексте хотелось бы акцентировать внимание на том обстоятельстве, что закрепление в юрисдикционных актах гарантий признания и защиты основных прав позволяет, в том числе, повысить уровень правовой культуры общества, так как «основные права полезны лишь тогда, когда граждане знают об их существовании и о возможности их использования. Следовательно, решающее значение имеет провозглашение и представление данных прав, что позволит каждому их узнать и воспользоваться ими; другими словами, основные права должны быть видимы»²³.

Мы полагаем, что в настоящее время население нашей страны переживает определенный кризис доверия по отношению к государству. Оно разочаровано низкой эффективностью реализации решений, принимаемых органами власти. Воспитанные в патерналистских традициях социализма наши сограждане, тем не менее, продолжают надеяться, что государственные структуры вскоре непременно начнут решать их проблемы, не проявляя собственной социальной активности по улучшению своего положения. Одновременно мы разделяем точку зрения Э.Ю. Соловьева, который называет право принципиальной антитезой патернализма²⁴.

В основе права находится природа интересов как личности, так и общества в целом, поэтому именно при помощи правовых средств обеспечивается удовлетворение претензий на те или иные блага, составляющие в совокупности содержательную сторону достоинства личности.

Как отмечает Т.Я. Хабриева, «социальное государство не ставит перед собой задачу достижения абсолютной социальной справедливости, оно призвано лишь обеспечить такую социальную компенсацию, которая позволила бы исключить возникновение социальных конфликтов вследствие неравномерного распределения ресурсов, не допуская правовой, социальной, культурной изоляции определенных социальных групп»²⁵.

При этом нельзя забывать, что на протяжении всего исторического развития государственности в постсоветской России социальная сфера претерпевала существенные изменения. Появилось большое количество законодательных новелл. Еще неизвестные несколько лет назад материнский капитал, социальный контракт и другие формы гуманитарной поддержки населения прошли правовую апробацию и стали частью повседневной жизни общества. Предпринятые меры, несомненно, должны послужить эффективным инструментом для благоприятного воздействия на общественные отношения по форми-

²⁰ Проект Федерального закона N 534829-5 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред., подготовленная ГД ФС РФ ко II чтению 01.11.2011) // Интернет-портал «Российской Газеты»: <http://www.rg.ru/2011/04/25/proekt-site-dok.html>

²¹ Федеральный закон от 23.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 23 ноября. № 5639.

²² См.: Силуянова И.В. Сравнительный анализ федеральных законов о здравоохранении в Российской Федерации с этической точки зрения // Медицинское право. 2012. № 3.

²³ Affirmation des droits fondamentaux dans l'Union europeenne: il est temps d'agir. Rapport du groupe d'experts en matiere de droits fondamentaux. Bruxelles: Commission europeenne, 1999. P. 11.

²⁴ См.: Соловьев Э.Ю. Личность и право // Вопросы философии. 1989. № 8. – С. 68.

²⁵ См.: Хабриева Т.Я. Российская конституционная модель социального государства // Конституция, закон и социальная сфера общества: Материалы научно-практической конференции. Москва, 1 декабря 2008 г. М.: Юриспруденция, 2009. – С. 3 – 11.

рованию государственных установок на труд и созидание, сформировать у граждан чувство уверенности и защищенности.

Законодатель может не ориентироваться на создание определенного морального фона для гармоничного развития государства. Отсутствие ориентации государства на создание благоприятных условий жизнедеятельности населения фактически означает посягательство на достоинство личности. Хотя оно не представлено в активной форме и оттого не так ярко выражено как, например, пытки или насилие, однако его природа имеет те же истоки – пренебрежение правами человека.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ) // Российская газета. N 7. 2009. 21 января.
2. Ведяхин В.М., Шубина Т.Б. Защита права как правовая категория // Правоведение. 1998. № 1. С. 39.
3. Послание Президента Российской Федерации Владимира Путина Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 года // Российская газета. № 6258. 2013. 13 декабря.
4. Кант И. Метафизика нравов // Немецкая классическая философия. Т. 1. М., 2000. С. 370.
5. Астафичев П.А. Право человека на личное достоинство: конституционно-правовые основы и проблемы реализации // Социальное и пенсионное право. 2006. № 3.
6. Марченко В.Я. Достоинство личности в конституционно-правовом измерении: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С.3.
7. Андрианова В.В. Правовой режим индивидуальности // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 5. С. 44.
8. Власова О.В. Достоинство человека как нравственно-правовая ценность: Автореф. дисс. ... д-ра. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 12 – 13.
9. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. № 67. 1995. 5 апреля.
10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03.05.1995 г. № 4-П по делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 19. Ст. 1764.
11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22.06.2010 г. № 14-П по делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 1 и подпункта «а» пункта 8 ст. 29 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А.М. Малицкого // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 27. Ст. 3552.
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.06.2009 г. № 9-П по делу о проверке конституционности ряда положений статей 24.5, 27.1, 27.3, 27.5 и 30.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 1 статьи 1070 и абзаца третьего статьи 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан М.Ю. Карелина, В.К. Рогожкина и М.В. Филандрова // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 27. Ст. 3382.
13. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека // <https://mospat.ru/ru/documents/dignity-freedom-rights/i/>
14. Определение Московского областного суда от 02.12.2010 по делу N 33-21410 (в иске о защите нарушенных пенсионных прав, признании права быть зарегистрированной в органах Пенсионного фонда без присвоения страхового номера, обязанности ответчиков удалить страховой номер и персональные данные из применяемых автоматизированных информационных систем отказано правомерно, так как истицей не представлено доказательств, подтверждающих нарушение ее прав и свобод) // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=MARB;n=206944;dst=0>
15. Позиция Церкви в связи с развитием технологий учета и обработки персональных данных // <http://www.patriarchia.ru/db/text/2775107.html>
16. О соблюдении прав граждан, отказавшихся по религиозным убеждениям от использования документов с использованием новых информационных технологий // <http://www.rosmintrud.ru/reception/help/it/o>

17. Определение Конституционного суда Российской Федерации по жалобе гражданки Енборисовой Прасковьи Федоровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 8 статьи 14 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» от 15 февраля 2005 г. № 17-О // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 16. Ст. 1479.

18. Федеральный закон от 28.12.2013 N 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // Российская газета. N 296. 2013. 31 декабря.

19. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. № 67. 1995. 5 апреля.

20. Проект Федерального закона N 534829-5 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред., подготовленная ГД ФС РФ ко II чтению 01.11.2011) // Интернет-портал «Российской Газеты»: <http://www.rg.ru/2011/04/25/proekt-site-dok.html>

21. Федеральный закон от 23.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 23 ноября. № 5639.

22. Силуянова И.В. Сравнительный анализ федеральных законов о здравоохранении в Российской Федерации с этической точки зрения // Медицинское право. 2012. № 3.

23. Affirmation des droits fondamentaux dans l'Union europeenne: il est temps d'agir. Rapport du groupe d'experts en matiere de droits fondamentaux. Bruxelles: Commission europeenne, 1999. P. 11.

24. Соловьев Э.Ю. Личность и право // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 68.

25. Хабриева Т.Я. Российская конституционная модель социального государства // Конституция, закон и социальная сфера общества: Материалы научно-практической конференции. Москва, 1 декабря 2008 г. М.: Юриспруденция, 2009. С. 3 – 11.

ENSURING THE RIGHT TO THE DIGNITY OF THE INDIVIDUAL IN THE PROCESS OF IMPLEMENTATION OF SOCIAL POLICY

L.A. POZHAROVA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: pozharova@bsu.edu.ru

The author of the article shows that in the period of intensive development of science and technology, transformation of the system of spiritual values and moral ideals, the legislator should not devalue the constitutional guarantees for the right to personal dignity, as socio-legal policy of the state is one of the criteria of the quality of power.

Key words: state, law, human dignity, social rights, constitutional guarantees.

УДК 34.01

П.Е. КАЗАНСКИЙ О РОЛИ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Е.В. САФРОНОВА
А.Н. ШИПИЛОВ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет»*

e-mail: safronova_e@bsu.edu.ru

Статья посвящена взглядам крупнейшего российского правоведа с мировым именем, профессора и декана юридического факультета Императорского Новороссийского университета Петра Евгеньевича Казанского (1866 – 1947 гг.) о роли верховной власти в осуществлении правосудия.

Ключевые слова: П.Е. Казанский; государственная власть; самодержавие; принцип царского самодержавия; судебная власть.

Казанский Петр Евгеньевич (1866 – 1947 гг.) – крупный российский правовед, специалист по международному праву с мировым именем, профессор и декан юридического факультета Императорского Новороссийского университета. Его с полным правом можно назвать ученым, разработавшим философию права российского самодержавия. Он первым и единственным в отечественной правовой науке предпринял комплексный анализ юридического аспекта самодержавной власти в России. Казанский был одним из первых, кто не рассматривал самодержавие как специфическую (абсолютную) форму российской монархии. Он определял самодержавие, как основу русского государственного строя¹. Сегодня идеи П.Е. Казанского звучат как никогда актуально. Развивая его идеи, современная консервативная политическая доктрина², понимает самодержавие как исторический способ существования русского государства – «державы», основополагающим принципом которого выступает суверенность национальной власти, самостоятельность государства, его независимость от внешнего мира. В данной статье мы остановимся на одном из аспектов, который поднимался П.Е. Казанским – роли главы государства в отправлении правосудия, что особенно актуально в свете инициативы Президента РФ по объединению судов.

В работе «Власть Всероссийского Императора»³ П.Е. Казанский поставил задачу – «представить догматическое изучение русской Императорской Власти», базируясь не только на письменном публичном праве, но и правосознании русского народа. Статья 10 основных законов Российской Империи определяла власть императора как «власть управления в полном объеме» и в «пределах всего Государства Российского». Комментируя это положение, известный российский государствовед А.Д. Градовский писал: «Права государственной власти, во всем объеме, принадлежит Государю Императору. Нет той сферы управления, которая бы не была подчинена его самодержавию»⁴. Слово «управление», отмечал П.Е. Казанский, «обнимало все проявления государственной власти»: 1) верховное управление, 2) подчиненное управление и 3) законодательство. Верховное управление осуществляется Императором непосредственно (лично), подчиненное вверяется подлежащим местам и лицам, которые «действуют именем Государя Императора и по его повелениям и располагают определенной степенью власти»⁵. Казанский отмечал, что проявления (стихии) государственной власти не совпадают с тремя функциями, на которые традиционно делится государственное управление: законодательную, исполнительную и судебную. «В действительности, – писал он, – три известные нашему праву

¹ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора.- М., 2007. –С. 534.

² См. например: Величко А.В. Философия русской государственности. – СПб, 2001.

³ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора.- М., 2007. – 600 с.

⁴ Градовский А.Д. Начала русского государственного права.- СПб, 1875. Т.1.- С. 143.

⁵ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора.- М., 2007. –С. 54.

стихии государственной власти включают в себя, ..., каждая в особой комбинации, и правообразование, и исполнительную власть, и судебную»⁶.

Проблема соотношения власти императора и суда в отечественной дореволюционной науке особенно активно стала обсуждаться после реформ 1905-1906 гг. Учеными высказывались различные точки зрения о роли императора в осуществлении правосудия. С.А. Алексеев, В.М. Грибовский, Н.А. Захаров, А.В. Романович-Славатинский отмечали, что императору принадлежит судебное верховенство; А.Д. Градовский, В.В. Ивановский, Н.А. Захаров писали, что суд вершится от его имени; право надзора видели у императора С.А. Алексеев, А.Д. Градовский, Н.А. Захаров; право назначения судей – С.А. Алексеев, А.Д. Градовский, В.М. Грибовский, Н.А. Захаров и пр. Наиболее полное учение о судебной власти дано в работах П.Е. Казанского.

Большинство ученых сходились во мнении, что до XVIII в. князья и цари непосредственно участвовали в отправлении правосудия. В царский период ситуация несколько изменилась. «Хотя уже цари, – писал Романович-Славатинский А.В., – не могли принимать так часто непосредственного участия в отправлении суда, как князья, для которых это была обычная функция»⁷, но значимая роль в этой сфере за ними сохранялась. Начало существенных изменений было связано со временем правления Петра I, когда «самодержавная власть устраняет себя от отправления правосудия»⁸. Указ 1781 г. запрещал подавать просьбы вместо судов императору. В учреждении министерств 1811 г. и в Своде законов говорилось: «Власть судебная, во всем ее пространстве, принадлежит сенату и местам судебным» (ст. 178). «Окончательно освободили русского монарха от исполнения судебных обязанностей и признали понятие судебной власти разделенным между различными судебными установлениями»⁹, – отмечал Н.А. Захаров, – судебные уставы 1864 г. В Учреждении судебных установлений была закреплена норма: «Власть судебная принадлежит: мировым судьям, съездам мировых судей, окружным судам, судебным палатам и Правительствующему Сенату в качестве верховного кассационного суда» (введение, ст. 1).

П.Е. Казанский был одним из немногих, пришедших к выводу, что из приведенных статей нельзя сделать вывод о том, «что судебные места представляют собой самостоятельную или даже державную судебную организацию»¹⁰. Он полагал, что судебное верховенство принадлежит только императору.

Более того, «ему принадлежит, – писал он, – и судебная власть, если взять ее в широком понимании. По его мнению, судебное верховенство (или верховенство, что касается судебной деятельности) распадается на верховенство, которое касается судебного правообразования и верховенство, которое касается исполнительной деятельности: административной и судебной, то есть отправления правосудия. «В отношении последнего Государю Императору принадлежит не только одно верховенство, но, и в известной мере, и прямое участие в отправлении правосудия»¹¹.

Казанский считал, «право, которое организует судебные места и регламентирует их деятельность, а равно как и право, которое они применяют, вытекает из того же верховного источника, как и все русское право, то есть вытекает из императорской власти»¹². Он не разделял и мнение А.С. Алексеева, полагавшего, что «право издания и применения как норм, определяющих судебную организацию, так и законов, применяемых судом при отправлении судом уголовной и гражданской юрисдикции, вытекает из права Монарха как верховного законодателя и поэтому под понятие судебного верховенства не подходит»¹³. Казанский полагал, что принадлежащие монарху правомочия можно классифицировать «по роду власти: на законодательные, административные и судебные, но их можно классифицировать на и по предметам власти и говорить в таком случае о верхо-

⁶ Там же. С.59.

⁷ Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права. Ч I. – Киев, 1886. – С. 250.

⁸ Градовский А.Д. Начала русского государственного права. СПб, 1875. Т.1. – С. 148.

⁹ Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912. – С. 145.

¹⁰ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора.- М., 2007. – С. 79.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 80.

¹³ Алексеев А.С. Русское государственное право. – М., 1892. – С. 185.

венстве Государя Императора: военном, церковном, судебном и т.д. В таком случае к судебному верховенству должно быть отнесено и судебное правообразование»¹⁴.

По отношению к прокурорам, судьям и всем служащим судебных мест императору принадлежит тоже самое право служебного верховенства, как и по отношению ко всем лицам, состоящим на государственной службе. Кроме того, – отмечал ученый, – императору принадлежит и верховный надзор за деятельностью всего ведомства правосудия. Например, министр юстиции был обязан подавать ежегодные отчеты о деятельности всего министерства. На основе этого надзора возможна не только оценка деятельности судов, но и прямые повеления государя, обращенные к ним.

Казанский, ссылаясь на Основные Законы, отмечал, что «Судебная власть осуществляется от имени Государя Императора установленными законом судами, решения коих приводятся в исполнение именем Императорского Величества» (ст. 22). «Приговор составляется по каждому делу особо. Он пишется по установленной форме от имени Императорского Величества» (ст. 796 Устава Уголовного судопроизводства).

Поднимал П.Е. Казанский и проблему ответственности высших судебных чиновников. Согласно ст. 1097 Устава уголовного судопроизводства «высшие чины, занимающие должности первых трех классов как по судебному, так и административному ведомству, предаются суду за преступления должности, не иначе как по Высочайше утвержденному мнению Государственного Совета, которое и служит основанием обвинительному акту». По мнению, ряда отечественных юристов принадлежащее императору право предания суду высших должностных лиц за преступления по должности «практически сводится к установлению полной безнаказанности этих должностных лиц за их служебные преступления»¹⁵. Казанский не разделял этого мнения. «Организовать судебную ответственность высших должностных чинов за нарушение служебного долга – задача весьма трудная. У нас предание их суду за служебные преступления построена на том же самом начале, на котором построена ответственность всех стоящих на государственной службе. По общему правилу, для предания должностного лица суду за преступления по должности требуется согласие на то начальства, которое определило его на службу. И действительно, вмешательство Государя Императора – единственная гарантия, что в соответствующем случае ответственность не минет и лиц, высоко стоящих. Передача окончательного решения подобных вопросов подчиненным, хотя бы и судебным, привела бы в действительности к их полной безответственности»¹⁶.

По мнению Казанского император в России участвовал и в отправлении правосудия. Статью 945 Устава уголовного судопроизводства, гласящую, что «приговоры суда, вошедшие в законную силу, прежде обращения их к исполнению представляются, через министра юстиции, на усмотрение Императорского Величества», ученый толковал, как непосредственное участие верховной власти в отправлении правосудия. «То обстоятельство, что приговор уже вступил в законную силу, не может служить препятствием к иному решению дела Высочайшим судом, то есть к превышению дела. Верховная Власть стоит выше судебных приговоров»¹⁷. Об этом свидетельствует право императора непосредственно налагать наказание на членов императорского дома, а также право помилования. Касаясь права помилования, ученый отмечал, что «сюда входит не только право отмены или смягчения наказания, но и освобождения виновного от следствия и суда и восстановления в правах лиц, понесших наказание»¹⁸.

Проанализировав функции императора в сфере правосудия, П.Е. Казанский пришел к выводу, что «Ему принадлежит вся судебная власть в государстве». «Правосудие отправляется или Им самим непосредственно или от Его имени судами. Ему же принадлежит судебное верховенство во всех его проявлениях: судебное правообразование, верховная судебная администрация и верховное правосудие»¹⁹.

¹⁴ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора.- М., 2007. – С. 80.

¹⁵ Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб, 1910.- Т. 1. – С. 156.

¹⁶ Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора.- М., 2007. – С. 81.

¹⁷ Там же. С. 83.

¹⁸ Там же. С. 84.

¹⁹ Там же.

Сегодня значение главы государства в России по-прежнему чрезвычайно велико и в определенном смысле уникально. Характерной чертой РФ выступает централизация посредством сильного и автономного института государственной власти – власти главы государства. В современном мире нет прямых конституционных аналогов статуса Президента РФ. В этом смысле изучение специфики организации верховной власти в России в различные периоды не теряет своей актуальности

Список литературы

1. Алексеев А.С. Русское государственное право. – М., 1892.
2. Величко А.В. Философия русской государственности. – СПб, 2001.
3. Градовский А.Д. Начала русского государственного права.- СПб, 1875.
4. Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Новочеркасск, 1912.
5. Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора.- М., 2007.
6. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государственному праву. СПб, 1910.
7. Романович-Славатинский А.В. Система русского государственного права. Ч I. – Киев, 1886.

P.E.KAZANSKIY: ROLE OF THE HEAD OF STATE IN EXECUTION OF JUDICIARY

E.V. SAFRONOVA
A.N. SHIPILOV

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
safronova_e@bsu.edu.ru*

The article is dedicated to analysis of views of Peter Evgenievich Kazanskiy to the role of the supreme authority in execution of judiciary. P.E. Kazanskiy (1866 – 1947) was world famous lawyer, professor and Dean of Law faculty of Novorossiysk Imperial University.

Keywords: P.E. Kazanskiy, state authority, autocracy, the principle of the tsarist autocracy, the judiciary.

УДК 343.359.2

РОССИЯ НА ПУТИ К ПРАВОВОМУ ГОСУДАРСТВУ: БОЛЕЗНИ РОСТА ИЛИ АТАВИЗМЫ ИМПЕРИИ?¹

Е.Е. ТОНКОВ*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
etonkov@bsu.edu.ru*

В статье автор размышляет о причинах затруднений, которые испытывает Россия на пути продвижения к правовому государству. В значительной степени, по его мнению, они связаны с тем, что решения и меры, принимаемые органами государственной власти, не всегда основываются на принципах законности, соблюдения конституционных прав и свобод граждан, открытости, обеспечения равенства всех перед законом и неотвратимости ответственности, опоры на поддержку общества. Поэтому решающее значение для преодоления «болезней роста», как автор образно называет возникающие трудности, имеет переосмысление фундаментальных правовых подходов к взаимоотношениям государства и личности, гражданина и права.

Ключевые слова: государство, право, личность, общество, политика, законность, цивилизация, функция.

«Наука ещё не знает способов обращать зверей в людей. Вот я по-пробовал, да только неудачно, как видите. Поговорил и начал обращаться в первобытное состояние. Атавизм».

М. Булгаков. Собачье сердце.

В связи с известными событиями, происходящими сегодня в Европе вокруг Украины, в памяти возникает затерявшаяся на исторических просторах политическая теория из XVI века «Москва – Третий Рим», которая обосновывала всемирное значение столицы Русского государства как преемницы Римской и Византийской империй. Теория, получившая оформление в письмах псковского монаха Филофея к Василию III, сыграла огромную роль в формировании славянского единства и пресечении попыток Ватикана распространить свое влияние на русские земли. Трудно не согласиться, что современная ситуация во многом возвращает из небытия «дела давно минувших дней», вернувшиеся к нам по диалектической спирали.

Чтобы в какой-то мере предупредить возможные вопросы, сразу постараемся расставить некоторые акценты. Мы должны признать, что в России существует традиция сплочения людей (между собой или вокруг государя) в периоды противостояния внутренней или внешней угрозе. Именно в эти моменты наш народ особенно силен, воодушевлен и опьянен чувством единения.

Ведь не секрет, что двадцатилетний путь России к правовому государству (если считать от года принятия действующей Конституции) представляет собой не только мажоранский фон социальных достижений во благо народа, но и обременен появлением многотысячного слоя, практически – субкультуры наших сограждан, живущих по абсолютно иному, чем нормальное общество, законам: люди с асоциальным поведением, люди, не способные справляться как с правами, которые им гарантируются законом, и тем более с обязанностями, которые несут перед обществом все дееспособные граждане. Среди них – огромное количество лиц, содержащихся в местах лишения свободы (более 750 тыс. чел.), алкоголиков, наркозависимых, а также тех, кто характеризуется девиантным поведением, но не стал объектом учетно-статистического анализа. Почему же так происходит?

Политика государства, к сожалению, часто сводится к правильной постановке глобальных задач. Жаль только, что к реальной ситуации в современной России большинство вполне разумных предложений, принятых законодателем, имеют пока весьма

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта № 322, выполняемого в рамках Государственного задания Минобрнауки России подведомственным вузам на выполнение НИОКР.

отдаленное отношение. В законодательных актах, перегруженных детальным описанием ужасов наркомании или алкогольной чумы, декларативными призывами к их преодолению, нет даже призрачных намеков на фактически осуществимые технологии и ресурсы, с помощью которых Россия совершит очередной рывок в светлое будущее. Это, увы, не политика, а привычная для советского общества идеология, сопровождаемая очередной попыткой выдать желаемое за действительное и совершить полет в правовое государство на ковче-самолете.

В выступлениях руководителей государства и правительства нередко говорится о том, что решения и меры, принимаемые органами государственной власти, основываются на принципах законности, соблюдения конституционных прав и свобод граждан, открытости, обеспечения равенства всех перед законом и неотвратимости ответственности, опоры на поддержку общества. Да если бы в нашем обществе соблюдались эти принципы, мы давно победили бы и наркоманию, и алкоголизм, и коррупцию, стали бы процветающим государством!

Наше общество настолько переполнено противоречиями, вызванными полным несоответствием государственной политики реальным условиям, что механизм его самосохранения работает вычурно, с подменой понятий. Само собой приходит решение: может быть, нам вообще лучше ни за что не браться, чтобы сохранить устойчивость. Проблема, на наш взгляд, заключается в запредельном нарастании энтропии внутри самой системы.

Вся доступная нам реальность есть совокупность предметов и явлений, находящихся в самых разнообразных отношениях и связях друг с другом. Любые предметы и события – звенья одной бесконечной цепи, объёмлющей все существующее в мире в единое целое. При этом мы имеем в виду не только ориентированность на безусловное исполнение законов и совершенствование правоприменительной практики (хотя и то, и другое чрезвычайно важно), но наполнение государственной деятельности качественно иным содержанием, подразумевающим, в том числе, использование нравственного потенциала общества.

Решающее значение имеет переосмысление фундаментальных правовых подходов к взаимоотношениям государства и личности, гражданина и права. Устаревшие идеологические стереотипы до настоящего времени преобладают в общественном правосознании. Особое значение имеют новые концепции оценки и формирования государственной деятельности. В любом государстве, как и в любой науке, должна существовать генеральная, системная, стержневая идея. Не единая и обязательная для всех, как во время коммунистического тоталитаризма, а преобладающая, доминирующая, выступающий базой методологического инструментария того или иного направления политики. Как ствол у дерева, из которого растут ветки, а на них – листья. Вот такой идеи сегодня в нашем государстве нет. Попытки вылепить ее, взяв за образец физиономию лавочника, потерпели фиаско – большинство национальных богатств растащили олигархи и на всех их не хватило.

Именно поэтому криминальная деятельность становится в глазах определенной части населения социально престижным занятием. Если в цивилизованных странах лица, сознательно преступившие закон, ассоциируются в массовом сознании с маргинальными слоями общества, то у нас они стремятся к позиционированию в качестве самостоятельной социальной группы. Правовой нигилизм, участие в противоправной деятельности, принадлежность к тем или иным преступным кланам и группировкам нередко становится пределом желаний и социальных ожиданий. Часть населения, особенно молодежи, мечтает войти в состав криминальных структур.

Возрастающее распространение таких стереотипов и ориентаций позволяет предположить наличие больших перспектив у российской коррупционной среды, которая имеет значительные социальные ресурсы. В целом активизация «беловоротничковой» преступности является симптомом, предвестником нарастающих социальных катаклизмов в стране.

По словам С.С. Алексеева, в России происходит «суровое явление – это крушение права в его общецивилизационном, высоком значении. И это должно быть большой тревогой для общества. Потому что крушение права означает, что общество теряет одну из

важнейших ценностей цивилизации, которая может вывести его на новые ступени прогресса»².

На этом печальном фоне приходится с сожалением констатировать неэффективность современной государственной стратегии противодействия коррупции, так как попытки политического руководства начать борьбу с ней пока успешно блокируются бизнес-бюрократией, узурпировавшей власть во многих регионах и федеральных ведомствах.

Неблагоприятный общий прогноз криминальной ситуации может существенно усугубиться прогрессирующими негативными процессами, несмотря на оптимистические заявления приближенных к власти политологов, возглавляющих якобы независимые фонды и другие структуры, финансируемые правительством непосредственно или опосредованно. Мы могли бы назвать их фамилии, многие из них вошли в органы законодательной власти или общественных палат, но не станем заниматься навешиванием ярлыков ввиду массовости данного явления на федеральном и региональном уровнях – сегодня практически в каждом субъекте есть свои карманные политологи и историки.

Общество должно было готовиться к этому, понимая, что трансформация природы отношений собственности неизбежно влечет за собой видоизменение отношений правового регулирования. Государственная деятельность в условиях рыночной экономики не может осуществляться в тех же юридических формах и пределах, что и прежде.

При этом в социальном государстве стимулирующая роль позитивных правовых средств заключается в формировании мотивационных механизмов правомерного поведения граждан, развитии побудительных мотивов, соответствующих наиболее ценным психическим качествам личности. Правопорядок в обществе является не только показателем последовательной государственной политики и стабильности социального пространства, но и выражает уровень лояльности граждан по отношению к государству.

Граждане страны обязаны выполнять свой долг перед обществом и защищать интересы государства. Они должны знать, что им придется смириться с установленными государством правовыми ограничениями, так как закон, мораль, общечеловеческие ценности имеют приоритет и должны господствовать в демократическом обществе. Реализация права на свободу налагает особые обязанности по отношению к государству и обществу и именно поэтому может быть ограничена в тех пределах, в которых этого требуют интересы обеспечения защиты общественной нравственности, здоровья, прав других граждан.

Поэтому главной задачей ближайшего будущего является адаптация политической, социально-экономической и правовой систем к новой ситуации. Развитие институтов гражданского общества наряду с совершенствованием государственной деятельности могут придать необходимый динамизм и результативность действиям органов власти по преодолению кризиса, стать одним из определяющих факторов развития демократии и построения правового государства.

Путь к правовому государству представляет собой такую проблемную ситуацию, когда общество больше всего заинтересовано не только в объяснении причинно-следственных связей или прогнозе дальнейшего развития событий, а во внятном обосновании маршрута движения. Поэтому проблема оптимизации государственной политики является исключительно важной и актуальной, прежде всего, в силу реальной значимости для всей жизнедеятельности общества, каждого гражданина.

Научный поиск в этом направлении должен ответить на принципиальные, можно сказать, глобальные вопросы:

- Что представляет собой государственная политика как социальная реалья и правовая категория?
- Каким качественным характеристикам она должна соответствовать как базовый элемент продвижения к правовому государству?
- При каких условиях государство может обеспечить эффективность и контролировать свою деятельность?

² Алексеев С.С. Право – одно из самых высоких достижений человеческой цивилизации // Закон. – 2009. – № 7. – С. 16.

- Как определить место и роль личности, гражданского общества в государственной политике?
- Как выстроить эффективный механизм их взаимодействия и сотрудничества?

Формирование научно обоснованной теории продвижения России к правовому государству – одно из ключевых направлений развития современной политики, имеющее непосредственные выходы на практику, на выстраивание и реализацию государственной деятельности в данном направлении.

Нередко приходится слышать из уст руководителей органов власти, что объектом государственной политики является население. Именно в этом состоит самое опасное заблуждение, атавизм рухнувшей империи. Население должно стать самым активным субъектом политической жизни. Если этого не произойдет, все благие намерения, даже конституционно закрепленные, останутся пылиться на бумаге.

Как отмечает Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин, «неспособность давать оценку, исходя из верности духу права, духу цивилизации, на этом праве построенной, – породит крушение самой этой цивилизации»³.

В процессе непосредственного участия в осуществлении государственной политики общество овладевает соответствующими ценностями, то есть фактически «субъективирует» их. Уровень субъективации ценностей рассматривается как индикатор готовности общества к восприятию и участию в реализации государственной политики. Необходимым условием этого является доверие населения к органам государственной власти, без которого не представляется возможным обеспечить полноценное участие общества и его институтов в политической деятельности.

В государственной политике, рассматриваемой в качестве формы деятельности, присутствуют как минимум две стороны. В первую очередь, речь идет о концептуальной составляющей, которая содержит базисные, теоретические представления о деятельности государства в исследуемой сфере (цель, назначение, содержание, средства и т.д.). Кроме того, нельзя обойтись без практического компонента, представляющего собой совокупность конкретных действий по реализации намеченной цели.

Механизм правового регулирования предполагает во всех государственных органах определенную логическую структуру, алгоритм действий, их цикличность, функциональную взаимосвязь с иными публичными субъектами разных ветвей и уровней власти, нацеленность на эффективное выполнение поставленных задач. Достижению такого результата должны быть подчинены усилия всех составных элементов механизма правового регулирования. Таким образом, речь идет о недостаточном верном восприятии и не всегда адекватной оценке факторов, препятствующих продвижению по пути построения правового государства, а также их масштабности. В определенный момент произошла переоценка способности государства самостоятельно, без участия гражданского общества, решить все проблемы.

Государственная политика как социальная реалья есть именно **система**, а не совокупность элементов. В ней принципиально важно видеть не только составляющие, поддерживающие равновесие, сбалансированность всей системы, её сохранность, эффективность, укрепление, но и компоненты (явления), нарушающие нормальное протекание демократических процессов, «разъедающие» её изнутри. Новая правовая перспектива не может основываться на простой совокупности юридических норм и рациональности создающего их государства вне практики правовой коммуникации, обеспечиваемой с помощью государственной деятельности.

Нормы права являются формализованными волевыми положениями, отражающими идеальные модели общественной практики. Они составляют материальную основу развития и совершенствования правовых форм государственной деятельности. Право не должно и не может регулировать все общественные отношения по мере их обновления. Однако в государственно-правовой теории существует необходимость в переосмыслении теоретических конструкций и анализе возникающих

³ Зорькин В.Д. Цивилизация права. – Российская газета. – 2014. – 13 марта.

тенденций при рассмотрении государственной деятельности с учетом формирования нового нормативного содержания.

По мнению некоторых исследователей, одновременно наблюдается рост значения принципов права в качестве его источников, имеет место сближение различных систем права и правовых семей. Получила развитие тенденция фактического признания судебного прецедента в странах романо-германской правовой семьи, включая государство, где с формально-юридической позиции прецедент не признается⁴.

Сложившаяся политическая ситуация во взаимоотношениях России с ЕЭС и США, которая сопровождается усилением интереса к рассмотрению региональных и глобальных проблем в различных сферах правового регулирования, требует качественно иных видов анализа, выявления и прогнозирования тенденций развития права, по сути дела, новой методологии, способной в определенной степени упорядочить формирующиеся новые направления научного знания.

В самом общем виде развитие политики демократизации общества выступает как бинарный процесс: с одной стороны, это совершенствование, закрепление позитивных элементов, а с другой – борьба с явлениями нежелательными, опасными для системы и требующими либо минимизации, либо удаления из неё.

Без общего единства всех элементов правовой системы, интегрирующей и регулирующей роли государства невозможно целостное, логически стройное, целенаправленное конструирование и действие процесса государственной деятельности. Сочетание общего, особенного и единичного в системе является необходимой основой ее функционирования, что становится возможным в результате всеобщей связи элементов системы как объективного факта действительной правовой жизни общества.

Распыление государственных сил и средств на исполнение не свойственных государству дел – одна из так называемых болезней роста, основных причин низкой эффективности взаимодействия с обществом. Наряду с этим, государство не исполняет в полном объеме целый ряд необходимых социальных функций – уровень жизни большинства населения остается крайне низким. При этом не учитывается одно из важнейших свойств государственных функций – их объективная природа, обусловленность каждой функции объективно стоящими перед государством задачами, порождёнными необходимостью властного реагирования на факторы внутренней и внешней среды.

Любая функция государства выступает как объективная потребность, осуществление которой не зависит от желания властных структур. Современное государство должно быть максимально функциональным при строгом общественном контроле за «набором» этих функций, которые демократическое государство не может «присваивать».

С течением времени понимание функций государства не может оставаться неизменным и нуждается в определённой корректировке. Изменились наши представления о сущности государства, государственной деятельности, ее социальном назначении и служебной роли. Наконец, произошла трансформация, казалось бы, незыблемой идеологической основы, на которой базировалась теория функций государства.

Мы полагаем, что в перспективе возможно появление новых функций, поскольку сущность современного общества и государства сегодня находится в бифуркационном состоянии активного развития. Можно прогнозировать появление стратегических направлений деятельности государства, ориентированных на потребности формирующегося гражданского общества и вызовы времени, что и реально, и гипотетически обуславливает расширение направлений государственной деятельности как адекватной реакции современного государства на наиболее значимые конфликтогенные проявления (терроризм, коррупция, наркотизация общества и др.).

Новые направления формируются с содержательной стороны как функции государства, что происходит в силу следующих обстоятельств.

Во-первых, указанные направления деятельности приобретают общегосударственное значение, о чем, например, свидетельствует выработка современной государственной политики, постановка целей, задач, сосредоточение ресурсов (управленческих, административных, материальных, финансовых).

⁴ См.: Brown L., Kennedy T. The Court of Justice of the European Communities. – L., 2000.

Во-вторых, решение поставленных задач должно обеспечить получение результата, удовлетворяющего интересы и потребности всего общества.

Учитывая кардинально изменившиеся обстоятельства и их особую значимость, мы еще несколько лет назад предложили выделить ряд указанных направлений деятельности государства в качестве дискретных функций⁵.

Их дискретный характер означает, что они возникают в период проявления особых обстоятельств на уровне угрозы национальной безопасности и имеют временные рамки. Они развиваются в зависимости от успешности реализации тех или иных форм государственной деятельности власти. В случае преодоления трудностей, возникающих в связи с их проявлением, соответствующее направление государственной деятельности перестает быть необходимым.

Государство может содержать значительный внутренний ресурс, но фактически быть слабым, не способным выполнять обязательный объем функций из-за нерационального использования своих сил, их искусственного сдерживания или ошибочного перераспределения. Подобная ситуация возможна там, где имеются управленческие просчёты, так называемые «глухие» места властной вертикали, где «сила права» по терминологии В.С. Соловьева ничего не может поделать с «правом силы»⁶, с всеподавляющим господством административного ресурса.

Ведущим, стратегически важным инструментом корреляции органов власти и общества по пути к правовому государству является создание системы активного воздействия граждан на государство через институты гражданского общества.

Любое направление внутренней политики эффективно лишь тогда, когда происходит взаимовлияние публичной власти и общества друг на друга. Сильное социальное государство должно обеспечить исполнение обязанностей всеми субъектами социальных отношений. Это является необходимым условием разумной современной политики.

Проблема состоит не в наличии имеющихся правовых ограничений или дополнительном их установлении, а в отношении к ним общества. Допустимость и принципиальная необходимость правовых ограничений в той или иной области правового регулирования не противоречит принципам правового государства, но и во многом предопределяется ими.

Государственная политика как и любая другая государственная деятельность при всем ее значительном объеме, сложном и разнообразном характере, многовекторной структуре и полиэлементном составе обладает неперенным признаком – она осуществляется в установленной законом процессуальной форме.

Как отмечал П.Е. Недбайло еще в 50-е годы XX века, «процессуальная форма присуща любой деятельности по применению правовых норм»⁷.

Это основополагающее положение должно быть знаковым для формирования нового понимания природы государственной политики как совокупности однородных процедурных действий, предъявляемых к участникам процесса и направленных на достижение определенного материально-правового результата.

По мнению Н.В. Витрука, категория процессуальной формы имеет обобщающее значение для характеристики процессуальной стороны юридически значимой деятельности и «включает в себя в качестве элементов процессуальные нормы и процессуальные правоотношения, процессуальный порядок осуществления юридической деятельности, соответствующие процедуры, конкретные виды производств, процессуальные документы и т. д.»⁸.

⁵ См.: Тонков Е. Е. Государственная политика противодействия наркотизации российского общества (политико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. – Орел, 2005. – С. 64.

⁶ См.: Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Собрание сочинений: В 2 т. М., 1988. – Т. 2. – С. 24.

⁷ Недбайло П.Е. О юридических гарантиях правильного применения норм советского права // Сов. государство и право. – 1957. – № 6. – С. 22.

⁸ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – М., 2008. – С. 269.

И.А. Галаган видел назначение процессуальной формы в том, чтобы закрепить специфику правового регулирования процессуальной деятельности, основных требований, предъявляемых к порядку и процедуре ее осуществления, оформления и закрепления в процессуальных актах⁹.

Процесс реализации государственной политики характеризуется тем, что его посредством обеспечивается осуществление определенных функций государства. Каждое направление государственной деятельности отличается принципиально своим специфическим направлением воздействия на социальную жизнь, выражающим ее особую природу. Юридические формы государственной деятельности не могут существовать без форм права, содержащих общеобязательные установления (законы, иные нормативные акты, правовые обычаи и т.д.), однако они не могут сводиться или подменяться формами права.

Таким образом, в основе государственной политики всегда находится юридическая деятельность, предусматривающая правовые последствия, которая обеспечивается средствами экономического, политического, социального, идеологического, поощрительного и принудительного характера. Правовые предписания устанавливают компетенцию субъектов и юридический статус участников того или иного вида деятельности, пределы их полномочий, перечень используемых средств и приемов, пути достижения намеченных целей, способы закрепления полученных результатов.

Эффективность политики требует актуализации государственной деятельности для преодоления негативных процессов и последующего позитивного развития. Различные формы государственной деятельности, являясь внешним выражением процесса осуществления функций государства, органично связаны между собой и составляют содержание государственной деятельности. Одни и те же действия и акты государственного органа могут повлечь последствия различного характера и содержать предписания различного рода.

Как отмечает М.Н. Марченко, «под формами осуществления функций понимается их внешнее выражение, основные контуры и параметры их проявления»¹⁰.

Процесс формирования и осуществления государственной политики обеспечивается, таким образом, не только системой правовых норм, но и системой соответствующих государственных органов. Это определяет содержание государственной политики и дает основания считать ее звеном политико-правовой системы, органически входящим в социально-политический и правовой механизм общества. Ее значимость заключается в том, что она не только создает социально-правовые отношения, которые соответствуют духу закона, мысли законодателя, но и позитивно влияет на социально-правовую сферу, являясь эффективным политическим инструментом.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Право – одно из самых высоких достижений человеческой цивилизации // Закон. – 2009. – № 7.
2. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – М., 2008.
3. Галаган И.А. Сущность и общее назначение процессуальных норм и отношений в советском праве // Процессуальные нормы и отношения в советском праве. – Воронеж, 1985.
4. Зорькин В.Д. Цивилизация права. – Российская газета. – 2014. – 13 марта.
5. Марченко М.Н. Теория государства и права. – М., 2008.
6. Недбайло П.Е. О юридических гарантиях правильного применения норм советского права // Сов. государство и право. – 1957. – № 6.
7. Соловьёв В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Собрание сочинений: В 2 т. М., 1988. – Т. 2.
8. Тонков Е.Е. Государственная политика противодействия наркотизации российского общества (политико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. – Орел, 2005.
9. Brown L., Kennedy T. The Court of Justice of the European Communities. – L., 2000.

⁹ См.: Галаган И.А. Сущность и общее назначение процессуальных норм и отношений в советском праве // Процессуальные нормы и отношения в советском праве. – Воронеж, 1985. – С. 64.

¹⁰ Марченко М.Н. Теория государства и права. – М., 2008. – С. 336.

RUSSIA ON THE WAY TO THE RULE OF LAW : GROWING PAINS OR ATAVISM EMPIRE?

Y.Y. TONKOV

*Belgorod state national
research university*

e-mail: etonkov@bsu.edu.ru

In the article, the author reflects on the reasons for the difficulties experienced by Russia in promoting the rule of law. To a large extent, in his opinion, they are connected with the fact that the decisions and measures taken by public authorities, not always based on the principles of legality, constitutional rights and freedoms of citizens, openness, equality before the law and the inevitability of responsibility, reliance on public support. Therefore crucial to overcome the «growing pains» as the author vividly describes the difficulties, has fundamental rethinking of legal approaches to the relationship between the state and the individual citizen and the law.

Keywords: state, law, identity, society, politics, rule of law, civilization, function.

УДК 347.12

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРОБЕЛА В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

С.В. ТЫЧИНИН¹⁾
Д.И. РОМАНЕНКО²⁾

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

¹⁾ e-mail: Tychinin@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail:
Deromanenko@mail.ru

В статье раскрывается правовая природа пробела в гражданском праве. На примере отдельных общественных отношений, которые входят в предмет гражданского права, делается вывод о неоспоримости пробела гражданско-правового регулирования.

Ключевые слова: гражданское право, пробел в праве, имущественные отношения, личные неимущественные отношения.

В наиболее общем виде понятие «пробел» в русском языке означает недостаток, упущение¹, то есть отсутствие в объекте того, что для него характерно, ему присуще. На протяжении истории развития права учеными неоднократно обсуждались теории пробельности и беспробельности права. Более чем двухтысячелетняя история юридической науки знает множество правовых теорий, ни одна из которых до конца не раскрывает сущности права. Можно лишь констатировать, что все представления сводятся к тому, что право всегда выступает в качестве регулятора общественных отношений, гаранта порядка в обществе.

Нельзя не согласиться с тем, что правовая природа пробела в праве восходит к самому понятию права, его предмету. Сложно представить более обширную, содержательную и сложную в юридическом регулировании правовую отрасль, чем гражданское право. Не представляется возможным дать хоть сколько-нибудь полный перечень отношений, попадающих в гражданско-правовое поле. К тому же предмет гражданского права находится в постоянной динамике, зависит от правовой системы, государственного устройства, идеологии, состояния экономики и других факторов.

Современное гражданское законодательство, согласно ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) определяет правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальных прав), регулирует отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения), договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников².

В современной юридической доктрине в предмет гражданского права чаще всего включают имущественные, личные неимущественные отношения, связанные с имущественными, предпринимательскую деятельность, корпоративные отношения, отношения по поводу нематериальных благ, и другие отношения³. Дискуссионным остается вопрос о включении в предмет гражданского права организационных отношений. Все эти группы отношений объединяет то обстоятельство, что для них характерны равенство, имущественная самостоятельность участников и автономия воли⁴.

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: РАН Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 1999. – С. 604.

² Гражданский кодекс Российской Федерации, часть 1 от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 1994. № 32, ст. 3301.

³ См.: Гражданское право: В 3 т. Т. I.: учебник / Под ред. А.П. Сергеева. М.: РГ-Пресс, 2010. – С. 10-35.

⁴ Гражданское право: в 2 т. Том I Учебник / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Издательство БЕК, 1998. – С.43.

Имущественные отношения являются системообразующими в предмете гражданского права, составляют основную и преобладающую его часть. Особенность имущественных отношений состоит в том, что они складываются по поводу имущества – материальных благ. По своей правовой природе имущественные отношения являются экономическими, подвергаемые юридическому регулированию, то есть оформлению, упорядочиванию⁵.

В цивилистической науке имущественным отношениям дается следующая характеристика.

Во-первых, для них характерна имущественная обособленность, которая состоит в свободе распоряжения имуществом, в пределах установленных законом, а так же самостоятельная имущественная ответственность участников. Во-вторых, по общему правилу имущественные отношения носят возмездный характер, способствуют нормальному товарообороту и развитию рынка (безвозмездные формы отношений: дарение, беспроцентный займ и др., производны от возмездных имущественных отношений и не являются обычной формой товарооборота). В-третьих, имущественные отношения строятся на принципах равноправия сторон, недопущения какой-либо властной подчиненности.

Имущественные отношения в науке гражданского праве разделяют на отношения статики – принадлежности, обладания конкретным материальным благом (вещные правоотношения) и отношения динамики, то есть перехода материальных благ от одного лица к другому в процессе товарооборота (обязательственные правоотношения). Вещные правоотношения носят абсолютный характер, то есть праву собственности одного лица корреспондирует обязанность остальных лиц воздерживаться от нарушения права. Обязательственные правоотношения характеризуются наличием права требования и юридической обязанности индивидуально-определенных субъектов, то есть являются относительными.

Имущественные отношения настолько обширны, что не поддаются регулированию в рамках одной правовой отрасли. Гражданское право регулирует лишь определенную их часть. Но даже в этом случае законодатель в абз. 1 ст. 2 ГК РФ не ставит перед собой цель (и не в состоянии) дать исчерпывающий перечень гражданских имущественных отношений. Оставляя его открытым, он лишь указывает, что все гражданские имущественные отношения должны основываться на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников⁶. Таким образом, безграничность гражданских имущественных отношений не позволяет законодателю полностью охватить их сферой правового регулирования. В такой ситуации наличие пробела в гражданско-правовом регулировании имущественных отношений неизбежно.

Предпринимательская деятельность как самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в качестве предпринимателей в установленном законом порядке, получила закрепление в абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ, так же входит в предмет гражданского права, его специальную часть.

Одним из принципов осуществления предпринимательской деятельности является принцип свободы договора, закрепленный в ст. 421 ГК РФ, в соответствии с которым граждане и юридические лица свободны в заключение договора. При разрешении экономических споров, в отсутствие специальной правовой нормы, регуливающей договорные отношения контрагентов, применение общей посылки в форме равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности участников гражданского оборота, закрепленной в ст. 2 ГК РФ не всегда позволяет разрешить дело по существу. Следует учитывать, что закреплять принцип свободы договора, законодатель устанавливает пределы осуществления гражданских прав. Так, в соответствии с п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу. Соответственно правовое

⁵ См.: Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М, 1963. С. 9-71; Егоров Н.Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Л., 1988. – С. 3.

⁶ Гражданское право: В 3 т. Т. I.: учебник / Под ред. А.П. Сергеева. С. 12.

поле участника предпринимательской деятельности, с одной стороны, допускает свободу договорных отношений, с другой стороны, не допускает злоупотребления правом в целях ограничения конкуренции, а так же злоупотребление доминирующим положением на рынке. Предпринимательская деятельность должна предполагать определенный баланс между свободой и недопущением «злоупотребления свободой».

Существование разнообразных форм осуществления предпринимательской деятельности, заключение непоименованных национальным гражданским законодательством договоров и применение диспозитивного метода регулирования не позволяют построить законодательство о предпринимательской деятельности так, чтобы в нем отсутствовал пробел. Учитывая указанную специфику, существование пробела в правовом регулировании предпринимательской деятельности представляется неоспоримым.

В юридической доктрине до настоящего времени не сложилось единой точки зрения по поводу правовой природы организационных отношений и их места в предмете гражданско-правового регулирования.

Существует концепция, согласно которой организационные отношения являются самостоятельными отношениями и наряду с имущественными и личными неимущественными отношениями составляют предмет гражданского права⁷. Так, основоположник теории самостоятельности организационных отношений О.А. Красавчиков выделял четыре группы общественных отношений, которые должны входить в сферу гражданско-правового регулирования: 1) предпосылочные, которые служат для возникновения имущественных отношений в будущем; 2) делегирующие, наделяющие одних лиц осуществлять определенные действия от имени других; 3) контрольные, позволяющие осуществлять контроль одного субъекта над деятельностью другого; 4) информационные, связанные с обменом информацией между сторонами⁸. Объединяет организационные отношения то обстоятельство, что они не связаны с перемещением материальных благ, а направлены на организацию отношений в будущем.

С критикой теории самостоятельности организационных отношений выступали О.С. Иоффе⁹, С.С. Алексеев¹⁰, Н.Д. Егоров¹¹, Ю.К. Толстой, В.Ф. Яковлева¹², В.В. Ровный¹³ и другие ученые. Позиция сторонников данной концепции сводится к следующему. Организационные отношения не являются особыми гражданско-правовыми отношениями, а производны от имущественных отношений. Достаточно исключить организующие элемент их имущественных отношений, и они перестанут существовать. Так или иначе, организованность составляет неотъемлемое свойство имущественных отношений.

Следует согласиться с критикой теории самостоятельности организационных отношений и в предмете гражданского права рассматривать организационное начало как неотъемлемую составляющую (нередко – промежуточную) имущественных отношений, не противопоставляя указанные элементы друг другу.

Тем не менее, организационные отношения, в качестве предпосылочных имущественным отношениям находят выражение в проекте изменений ГК РФ¹⁴. Так,

⁷ См. напр. Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения // Советское государство и право. 1966. №10. – С.53-57; Советское гражданское право: Учебник / Под ред. О.А. Красавчикова. М., 1988. – С.12-14; Быков А.Г. План и хозяйственный договор. М., 1975. – С.53; Клейн Н.И. Организация договорно-хозяйственных связей. М., 1976. – С.74; Манохин В.М. Хозяйственное обслуживание организаций и граждан. М., 1975. – С.172.

⁸ Красавчиков О.А. Советское гражданское право: Учебник / Под ред. О.А. Красавчикова. – С.12-14.

⁹ Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР. Л., 1975. Ч.1. – С.95-96.

¹⁰ Алексеев С.С. Предмет советского социалистического гражданского права. Свердловск, 1959. – С.72.

¹¹ Егоров Н.Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Л., 1988. – С. 11-12.

¹² Советское гражданское право: Учебник: В 2-х ч. / Под ред. Ю.К. Толстого. Л., 1982. – С.11, 321.

¹³ Ровный В.В. Проблемы единства российского частного права. Иркутск, 1999. – С.38-39.

¹⁴ Проект Федерального закона № 47538-6/1 «О внесении изменений в главы первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а так же в отдельные

проект изменений ГК РФ предусматривает введение (ст. 429.1) категории рамочного договора (договора с открытыми условиями), определяющего общие условия обязательственных взаимоотношений сторон, которые могут быть конкретизированы и уточнены сторонами при заключении отдельных договоров на основании или во исполнение рамочного договора; вводится понятие опционного договора (ст. 429.2) по которому одна сторона посредством безотзывной оферты предоставляет другой стороне безотзывное право заключить договор, на условиях, предусмотренных опционом. В определенной степени, разработка и закрепление в проекте изменений ГК РФ отдельных видов организационных договоров свидетельствует о признании законодателем пробела в регулировании организационных отношений. Если не рассматривать гражданское право исключительно с точки зрения нормативизма, то есть как совокупность законодательных норм, признание и закрепление в законодательстве новых договорных видов не свидетельствует о том, что в практике их не существовало ранее. Подтверждением тому является, например, инвестиционный договор, получивший распространение до правового закрепления рамочного договора в ст. 429.1 проекта ГК РФ или опционный договор, применявшийся в ограниченной сфере рынка ценных бумаг, до закрепления широкой возможности применения опциона, предусмотренного ст. 429.2 проекта изменений ГК РФ. Если фактически отдельные организационные отношения существовали до момента их правового закрепления, то законодатель, выделяя их в конкретную норму, признает существование пробела, который восполняется путем применения данной нормы.

Таким образом, в условиях пробельности имущественных отношений, организационные отношения, как промежуточные и предпосылочные имущественным не могут быть урегулированы абсолютно – наличие пробела гражданско-правового регулирования неоспоримо.

Новеллой правового регулирования стало выделение законодателем в ст. 2 ГК РФ среди иных отношений регулируемых гражданским правом корпоративных отношений. Законодательная трактовка корпоративных отношений не позволяет определить их правовую природу, а лишь выделяет в качестве самостоятельной группы отношений, регулируемых гражданским законодательством.

В цивилистической науке существуют разные точки зрения относительно правовой природы корпоративных отношений и целесообразности обособления от имущественных и личных неимущественных отношений.

Корпоративные отношения возникают в рамках корпораций. В наиболее общем виде корпорация представляет собой основанную на началах членства организацию, признанную законодателем юридическим лицом, созданную в добровольном порядке ее участниками в целях реализации частных корпоративных интересов посредством участия в деятельности организации¹⁵. Следовательно, корпоративные правоотношения возникают, изменяются и прекращаются в рамках организаций, основанных на началах участия (членства), именуемых корпорациями, и опосредуют участие лиц, входящих в состав участников (членов) корпорации, в ее деятельности¹⁶.

Среди ученых существуют как сторонники отнесения корпоративных отношений к имущественным отношениям¹⁷, так и приверженцы концепции о наличии в содержании корпоративных отношений, в том числе, неимущественных прав¹⁸.

К неимущественным корпоративным правам, как правило, относят право на информацию о деятельности корпорации, право участия в общем собрании акционеров, ознакомления с документацией общества и т.д. Критики указанной концепции отмечают,

---

законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/5762296/>

¹⁵ Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. – С. 65.

¹⁶ Там же. С. 66

¹⁷ См. напр.: Степанов, П.В. Корпоративные отношения в гражданском праве // Законодательство. 2002. № 6. – С. 91.

¹⁸ См. напр.: Эрделевский А.М. О защите личных неимущественных прав акционеров // Хозяйство и право. 1997. № 6. – С. 24; Кирсанов, К. Природа корпоративных отношений // ЭЖ-Юрист. 2005. № 20. – С. 46.

что корпоративные отношения относятся к имущественным на основании того, что в основе корпоративных отношений лежат экономические отношения присвоения благ группой лиц¹⁹; осуществление корпоративных отношений прямо или косвенно направлено на удовлетворение имущественного характера²⁰. Существует концепция, согласно которой корпоративные отношения не имеют признаков, характерных для предмета и метода гражданского права, строятся преимущественно на служебных и моральных основах и потому включаются в предмет не гражданского, а предпринимательского права как комплексной отрасли²¹.

Представляется, что корпоративные отношения скорее целесообразнее отнести к имущественным отношениям, поскольку, даже осуществляя право на получение информации, право на участие в общем собрании акционеров, участник общества преследует интерес, направленный на получение имущественной выгоды.

Личные неимущественные отношения, связанные с имущественными, занимают самостоятельное место в предмете гражданского права. Это не только отношения, которые непосредственно находятся в одном комплексе и имущественными, но и такие личные отношения и отношения в области авторства, научных открытий, в других имущественных областях, которые строятся на тех же своеобразных основах, что и имущественные отношения гражданского права – на началах равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников²².

В личных неимущественных отношениях, связанных с имущественными, стоимостный компонент носит производный характер. Участие в гражданском обороте результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации обусловлено их правовой природой. С одной стороны исключительное право на результат интеллектуальной деятельности отчуждаемо и подлежит денежной оценке, но в тоже время, связанное с ним авторское право, право на неприкосновенность и защиту произведения неотчуждаемо и непередаваемо. А поскольку, как было установлено выше, пробельность в правовом регулировании гражданским правом имущественных отношений допустима, не является беспробельным юридическое регулирование личных неимущественных отношений, связанных с имущественными.

Отношения по поводу нематериальных благ (личные неимущественные отношения, не связанные с имущественными) так же входят в предмет гражданского права. Однако правовая природа нематериальных благ имеет определенную специфику, выделяющую эти общественные отношения в отдельную группу, в связи со следующим.

К основным признакам нематериальных благ относят отсутствие гражданско-правовой природы и закрепление в Конституции РФ, принадлежность человеку (жизнь, здоровье, честь, достоинство и др.), естественный характер, неразрывная связь с личностью носителя, неотчуждаемость и непередаваемость и др.

Проблема правовой природы нематериальных благ в отечественной правовой науке сводится к рассмотрению данных ценностей в рамках проблемы личных неимущественных прав и их защиты. Данный подход актуален, прежде всего, для цивилистической науки. Основная дискуссия развернулась вокруг определения содержания личных неимущественных прав. Решению данного вопроса уделяли большое внимание О.С. Иоффе, М.Н. Малеин, О.А. Красавчиков, А.М. Эрделевский, Е.А. Флейшиц, М.М. Агарков, Н.А. Придворов, К.Ф. Егоров, Л.С. Явич и многие другие правоведы.

В теоретическом аспекте нематериальные блага рассматривались как отдельный правовой институт, охраняемый законом, и как особые субъективные права. Так, М.М. Агарков считал, что объектом личных неимущественных прав являются личные блага, которые принадлежат человеку как таковому, неотделимы от него²³. Е.А. Флейшиц определяла объект личных неимущественных прав как неимущественные интересы

¹⁹Степанов, П.В. Указ.соч. – С. 23.

²⁰Гражданское право: В 4 т. Т. 1: Учебник / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2008. – С.65.

²¹Гражданское право: учеб. / Под общ.ред. С.С. Алексеева. М.: Проспект. 2010. – С. 15.

²²Там же. С. 36.

²³Агарков М.М. Предмет и система советского гражданского права // Советское государство и право 1940. №8-9. – С.69.

граждан, которые сводятся к праву на собственное поведение²⁴, то есть объектом права является поведение управомоченного лица. Таким образом, ученые относили нематериальные блага к категории субъективных гражданских прав, то есть права гражданина на неприкосновенность его чести и достоинства и возможности требовать от всех других физических и юридических лиц воздержания от нарушения этого права. Представители данной теории указывали, что личное немущественное право, не связанное с имуществом, существует независимо от того, будет ли оно нарушено. В момент нарушения возникает лишь необходимость защиты этого права, а не само право.

Некоторые правоведы при определении нематериального блага сделали вывод, что эта ценность входит в содержание гражданской правоспособности (О.С. Иоффе, К.Ф. Егоров, Л.С. Явич)²⁵ или является «элементом правоспособности» (А.В. Мицкевич)²⁶. В соответствии с данным подходом, право на защиту чести и достоинства, например, до момента его нарушения существует лишь в предполагаемом виде и становится реальным и обладает защитой лишь после его нарушения.

Представляется интересной концепция, в соответствии с которой, личные немущественные отношения, не связанные с имущественными, понимаются как социальные блага, охраняемые правом. Некоторые цивилисты вообще отрицают наличие субъективных прав на объекты, неотделимые от личности, и считают, что в данном случае речь идет не о личных правах, а о личных благах²⁷. Утверждают, что законодательство проводит различие между личностью и правами граждан; пользование благами не носит юридического характера; для охраны личных благ нет необходимости в конструкции какого-то правоотношения, так как оно было бы настолько неопределенным, что никакой полезной функции не выполнило бы²⁸. В соответствии с данным подходом, представляется невозможным правовое регулирование личных немущественных отношений, не связанных с имущественными, в силу их социальной природы и юридической неопределенности.

Отмеченные особенности нематериальных благ определяют специфику их юридического регулирования. Согласно действующему ГК РФ гражданское законодательство регулирует личные немущественные отношения, связанные с имущественными (см. абз. 1 ст. 2 ГК РФ), и защищает личные немущественные отношения, не связанные с имущественными, если иное не вытекает из существа этих благ (см. п. 2 ст. 2 ГК РФ)²⁹. Поскольку всякая защита связана с нарушением, под сферу гражданско-правового воздействия попадают только нарушенные нематериальные блага, то есть гражданское право воздействует на общественное отношение только при его нарушении.

Учитывая специфику личных немущественных прав, не связанных с имущественными, а именно невозможность регулирования правом таких категорий как жизнь, здоровье, личная неприкосновенность, честь, достоинство и многое другое, представляется неизбежным законодательный пробел и в их защите. Невозможно во всех случаях дать объективную правовую оценку нарушенным нематериальным благам. Так, например, до сих пор является дискуссионным вопрос о способах установления и определения размера компенсации морального вреда. Поскольку нематериальные блага не подлежат точной имущественной оценке, следовательно, они не могут быть восстановлены в полной мере.

Таким образом, пробельность правового регулирования защиты нематериальных благ объективна и закономерна и связана с их особенной спецификой и правовой природой.

Отношения, регулируемые гражданским правом, настолько разнообразны, что не представляется возможным дать их какой-либо исчерпывающий перечень. Но даже ха-

²⁴Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран. М.: Юрид. из-во НКЮ СССР, 1941. – С. 8-9.

²⁵ См., например: Иоффе О.С. Советское гражданское право. ЛГУ, 1958. – С. 101; Егоров К.Ф. Личные немущественные права граждан СССР // Ученые записки ЛГУ. 1953. Вып. 4. № 151. – С. 153; Явич Л.С. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М.: Госюриздат, 1961. – С. 56.

²⁶ См.: Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М.: Госюриздат, 1962. – С. 59

²⁷См.: Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1978. – С.3.

²⁸См.: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. – С. 124.

²⁹Гражданское право: В 3 т. Т. I.: учебник / Под ред. А.П. Сергеева. – С. 27.

рактеристика отдельных групп общественных отношений, признаваемых законодателем, существующих в практике и попадающих в сферу гражданско-правового регулирования позволяет сделать вывод о пробельности гражданского права – никакая сфера общественных отношений не урегулирована абсолютно.

Представляется, что под пробелом в гражданском праве следует понимать полное или частичное отсутствие в гражданско-правовых источниках норм конкретного содержания, необходимых для регулирования общественных отношений, которые входят в область гражданского права, подлежащих и нуждающихся в правовом регулировании.

Существование пробельности гражданского права неоспоримо ввиду следующего.

1. Отрицание абсолютной правовой системы. Еще в начале XX века, выступая с критикой теории беспробельности права, Г.Ф. Шершеневич утверждал, что ни одно из приведенных доказательств в пользу того, что в праве нет пробелов, не может быть принято. Совершенно неправильно смотреть на объективное право, то есть на совокупность норм, как на органическое целое. Никакое представление о русском праве, как о целом, содержащем в себе бесконечный ряд ответов, не разрешает всех вопросов и жизненных ситуаций³⁰.

2. Недопущение применения во всех случаях при разрешении дела расширительного толкования правовой нормы для преодоления пробела (концепция логической замкнутости права). Расширительное толкование нормы может противоречить законодательной воле, в таком случае правоприменитель при решении дела может выйти за пределы правового регулирования.

3. Установление пределов правового регулирования. Утверждение о том, что гражданское право беспробельно по причине того, что в случае отсутствия правовой нормы, подлежащей применению, отсутствует и пробел, несостоятельно. В данной ситуации пробел в праве будет отсутствовать только в случае, если жизненная ситуация не попадет под сферу правового воздействия. Во всех остальных случаях, отсутствие применимой нормы будет говорить о правовом пробеле, который неизбежно возникает при современной динамике социальной жизни.

4. Многообразие общественных отношений, регулируемых гражданским правом. Сложно себе представить отрасль права, с которой приходится сталкиваться в повседневной жизни более часто, чем с гражданским правом. Поэтому законодатель по вполне объективным причинам не может предусмотреть всех казусов, возможных в практике и во всех случаях закрепить норму, применимую для их разрешения.

5. Преобладание диспозитивного метода регулирования гражданско-правовых отношений. Участие в гражданском обороте основано на юридическом равенстве сторон, возможности самостоятельного распоряжения правами. Ограничение права допустимо лишь в случае злоупотребления им.

6. Принцип свободы договора и имущественной самостоятельности сторон. Приоритет в юридическом регулировании гражданско-правовых отношений принадлежит договору. Действующее гражданское законодательство в ст. 421 ГК РФ предусматривает возможность заключения сторонами, как поименованного ГК РФ, так и непоименованного договора, что порождает трудности в правовом регулировании и приводит к вынужденному и закономерному пробелу.

Таким образом, пробельность гражданского права представляется неоспоримой, что ставит перед законодателем и правоприменителем непростые задачи установления, восполнения и преодоления правового пробела, в целях недопущения нарушения субъективных гражданских прав, отказа в правосудии.

Список литературы

1. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: РАН Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 1999. С. 604.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть 1 от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 1994. № 32, ст. 3301.
3. Гражданское право: В 3 т. Т. I.: учебник / Под ред. А.П. Сергеева. М.: РГ-Пресс, 2010. С. 10-35.

³⁰Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1912. Вып. 4. – С. 534.

4. Гражданское право: в 2 т. Том I Учебник / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Издательство БЕК, 1998. С.43.
5. Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М, 1963. С. 9-71.
6. Егоров Н.Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Л., 1988. С. 3.
7. Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения // Советское государство и право. 1966. №10. С.53-57.
8. Советское гражданское право: Учебник / Под ред. О.А. Красавчикова. М., 1988. С.12-14.
9. Быков А.Г. План и хозяйственный договор. М., 1975. С.53.
10. Клейн Н.И. Организация договорно-хозяйственных связей. М., 1976. С.74.
11. Манохин В.М. Хозяйственное обслуживание организаций и граждан. М., 1975. С. 172.
12. Красавчиков О.А. Советское гражданское право: Учебник / Под ред. О.А. Красавчикова. М., 1988. С.12-14.
13. Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР. Л., 1975. Ч.1. С.95-96.
14. Алексеев С.С. Предмет советского социалистического гражданского права. Свердловск, 1959. С.72.
15. Егоров Н.Д. Гражданско-правовое регулирование общественных отношений: единство и дифференциация. Л., 1988. С. 11-12.
16. Советское гражданское право: Учебник: В 2-х ч. / Под ред. Ю.К. Толстого. Л., 1982. С.11, 321.
17. Ровный В.В. Проблемы единства российского частного права. Иркутск, 1999. С.38-39.
18. Проект Федерального закона № 47538-6/1 «О внесении изменений в главы первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а так же в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/5762296/>
19. Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. М.: Статут, 2008. С 65.
20. Степанов П.В. Корпоративные отношения в гражданском праве // Законодательство. 2002. № 6. С. 91
21. Эрделевский А.М. О защите личных неимущественных прав акционеров // Хозяйство и право. 1997. № 6. С. 24.
22. Кирсанов К. Природа корпоративных отношений // ЭЖ-Юрист. 2005. № 20. С. 46.
23. Гражданское право: В 4 т. Т. 1: Учебник / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2008. С.65.
24. Гражданское право: учеб. / Под общ.ред. С.С. Алексеева. М.: Проспект. 2010. С. 15.
25. Агарков М.М. Предмет и система советского гражданского права // Советское государство и право 1940. № 8-9. С.69.
26. Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран. М.: Юрид. из-во НКЮ СССР, 1941. С. 8-9.
27. Иоффе О.С. Советское гражданское право. ЛГУ, 1958. С. 101.
28. Егоров К.Ф. Личные неимущественные права граждан СССР // Ученые записки ЛГУ. 1953. Вып. 4. № 151. С. 153.
29. Явич Л.С. *Проблемы правового регулирования советских общественных отношений*. М.: Госюриздат, 1961. С. 56.
30. Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М.: Госюриздат, 1962. С. 59
31. Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву. Саратов, 1978. С. 3.
32. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. С. 124.
33. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1912. Вып. 4. С. 534.

LEGAL NATURE OF DEFICIENCY IN CIVIL LAW

S.V. TYCHININ¹
D.I. ROMANENKO²

*Belgorod National
Research University*

¹) e-mail: Tychinin@bsu.edu.ru

²) e-mail:
Deromanenko@mail.ru

The article explains the legal nature of the deficiency in the civil law. The example of some social relations that are the subject of civil rights, concludes indisputability of deficiency of civil regulation.

Keywords: civil law, a gap in the law, property and personal non-property relations.

УДК 615.21

СУДЕБНО-ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ УРОВНЯ БОРЬБЫ С СОВРЕМЕННОЙ НАРКОТИЧЕСКОЙ УГРОЗОЙ ДЛЯ РОССИИ И УКРАИНЫ

В.В. ШАПОВАЛОВ

*Департамент
здравоохранения
Харьковской областной
государственной
администрации
г. Харьков, Украина*

e-mail: krisa83@bk.ru

В статье показано, что развитие международного сотрудничества между Россией и Украиной в сфере борьбы с организованными формами наркобизнеса включает в себя и углубленные научные исследования в области противодействия наркотизации всех слоев населения, реабилитации пациентов, профилактике причин и условий, которые способствуют наркомании, ВИЧ/СПИД, психическим и другим сопутствующим заболеваниям, которым подвержены наиболее работоспособные группы населения. Наркобизнес несет угрозы для генофонда нации, прав и свобод, жизни и здоровья отдельного человека, гражданина и пациента. Современное судебно-фармацевтическое и криминалистическое изучение уровня борьбы с наркотической угрозой способствуют повышению качества подготовки следователей, экспертов-криминалистов, оперативных сотрудников в эффективном сборе доказательств, методах химико-фармацевтического анализа, работе со свидетелями и использовании в качестве доказательств судебно-медицинских, дактилоскопических, судебно-наркологических, судебно-психиатрических и других видов экспертиз.

Ключевые слова: судебная фармация, международное сотрудничество, борьба с наркобизнесом, коррупция, правовое регулирование, жизнь, здоровье, права, свобода, криминалистика, наркомания, ВИЧ/СПИД, реабилитация.

Современное международное сотрудничество между Россией и Украиной, в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ), несомненно затрагивает и приграничное сотрудничество между Белгородской и Харьковской областями в рамках Еврорегиона «Слобожанщина», а также взаимодействие в сфере борьбы с наркобизнесом и организованной наркопреступностью, развития здравоохранения, обеспечением прав и свобод, жизни и здоровья человека, гражданина и пациента, что основывается на Конвенциях Организации Объединенных наций^{1, 2}.

Судебно-фармацевтические исследования свидетельствуют о том, что именно наркобизнес способствует незаконному обороту (производство, приобретение, хранение, сбыт, перевозка, контрабанда, употребление и др.) психоактивных веществ (наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, далее ПАВ) в цепочке «сбыт-приобретение» между преступниками «гражданином-сбытчиком – пациентом-потребителем»^{3, 4, 5, 6}, что приводит к необратимым последствиям связанным с распро-

¹ Шаповалов В.В. Конвенція ООН (1988 р.) «Червоний список» (2006 р.) як основа подальшого розвитку судової фармації в удосконаленні контрольно-дозвільної системи обігу прекурсорів в Україні / В.В. Шаповалов / Проблеми законності: акад. зб. науч. пр. / Відп. ред. В.Я. Тацій. – Х.: Нац. юрид. акад. України, 2010. – Вип. 112. – С. 154-166.

² Шаповалов В.В. Єдина конвенція ООН про наркотичні засоби (1961 р.) «Жовтий перелік» (2010 р.) як основа подальшого розвитку судової фармації в державній концепції протидії наркозлочинності на міжнародному рівні / В.В. Шаповалов / Проблеми законності: акад. зб. науч. пр. / Відп. ред. В.Я. Тацій. – Х.: Нац. ун-т «ЮАУ» ім. Я. Мудрого, 2012. – Вип. 112. – С. 183-191.

³ Фармацевтическое право в наркологии / Под ред. В.А. Шаповаловой, И.К. Сосина, В.В. Шаповалова. – Х.: Факт, 2004. – 800 с.

⁴ Фармацевтичне законодавство: навч. посіб. з грифом МОН України (серія: Фармацевтичне право) / В.О. Шаповалова, В.В. Шаповалов, М.М. Халін, В.В. Шаповалов (мл.), В.В. Бондаренко, М.М. Ніконов, Ю.В. Васіна, В.О. Петренко. – [2-е вид.]. – Х., 2010. – 142 с.

⁵ Судово-фармацевтичне вивчення світової наркоситуації щодо вилучених із незаконного обігу психоактивних речовин на засадах криміналістики [Електронний ресурс] / Шаповалов В., Мусоєв

странением наркомании среди наиболее трудоспособной части населения (несовершеннолетние, молодежь), страдающим расстройством здоровья на ВИЧ/СПИД, токсикоманию, а также развитием одного или нескольких из сопутствующих заболеваниями (туберкулез, онкологические, психоневрологические, сердечно-сосудистые, системы кровообращения и др.) определенные в МКБ-10, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15.

Для организации эффективной борьбы с наркоугрозой, противодействия незаконному обороту ПАВ между Россией и Украиной, состоялось (г. Москве 17.12.2013 г.) шестое заседание украинско-российской межгосударственной комиссии под руководством президентов Виктора Януковича и Владимира Путина в ходе которого Стороны заключили соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотиков, между Федеральной службой РФ по контролю над оборотом наркотиков (ФСКН РФ, директор – В. Иванов) и Государственной службой Украины по контролю за наркотиками (голова – В. Тимошенко), который включает в себя¹⁶: – регулярный обмен статистическими и аналитическими данными, информационными базами данных; – взаимодействие по вопросам организации и проведения профилактики и лечения граждан незаконно употребляющих ПАВ; – обмен законодательными и другими нормативно-правовыми актами, а также материалами свидетельствующими об их практическом применении; – проведение совместных научных исследований по проблемам контроля за оборотом ПАВ; – предупреждение увеличения масштабов незаконного оборота ПАВ и злоупотребления ими; – сов-

---

С. Шаповалова В. / Юридичний Журнал. – 2012. – № 9. – Режим доступу до документу: <http://www.justinian.com.ua/article.php?id=3879>.

⁶ Шаповалов В.В. Посилення ролі судової фармації в системі державного контролю щодо протидії наркозлочинності і наркоманії в Україні / В.В. Шаповалов / Проблеми законності: акад. зб. науч. пр. / відп. ред. В.Я. Тацій. – Х.: Нац. Ун-т «ЮАУ ім. Я. Мудрого», 2011. – Вип. 117. – С.120-131.

⁷ Шаповалов В. В. Судово-фармацевтичне вивчення злочинів, пов'язаних з незаконним обігом наркотичного засобу кокаїн (криміналістичні засади) [Електронний ресурс] / Шаповалов В. В. / Теорія і практика правознавства: Електронне наукове фахове видання Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого» / відп. ред. Гетьман А.П. – 2013. – Вип. 1(3). – 14 с. – Режим доступу до документу: http://nauka.jur-academy.kharkov.ua/index.php?option=com_content&view=category&id=98&Itemid=220&lang=uk.

⁸ Фармацевтичне право та судова фармація: алгоритм для дефініції статусу каннабіноїдної наркоманії (F12) / Шаповалов В.В. (мол.), Шаповалова В.О., Шаповалов В.В. та ін.: Сб. науч. трудов SWorld. – Івано-Франківськ: ПЦ «Домино», 2013. – С. 16-19.

⁹ Тацій В.Я. Судова фармація: щодо оновлення антинаркотичної політики та її втілення людиноцентричному підході і зміни їх стратегічного курсу від репресивних заходів впливу до запобіжних / В.Я. Тацій / Укр. вісник психоневрології. – Т. 20, вип. 2 (71), додаток. – 2012. – С. 15.

¹⁰ Гетьман А.П. Взаємозв'язь екологічного права і фармацевтичного права в захисті прав человека, громадянина і пацієнта на основі конвенцій Організації Об'єднаних Націй / А.П. Гетьман / Укр. вісник психоневрології. – Т. 20, вип. 2 (71), додаток. – 2012. – С. 16.

¹¹ Шаповалов В.В. (мол.) Судово-фармацевтичне вивчення наркоманії в Україні та сучасні підходи для її фармакотерапії із використанням нанотехнологій / В.В. Шаповалов (мол.) / Укр. вісник психоневрології. – Т. 20, вип. 2 (71), додаток. – 2012. – С. 107-111.

¹² Шаповалов Валентин В. Медичне та фармацевтичне право: здоров'я Слобожанщини на засадах інновацій, якості та безпеки [Електронний ресурс] / Шаповалов Валентин В., Капельнікова Є.В. / Медиа-компания Время, прес-реліз. – 25.11.2013. – Режим доступу до документу: <http://timeua.info/pr/251113/82522.html>.

¹³ Рищенко О.О. Медичне та фармацевтичне право в загальнодержавній сфері судово-фармацевтичного обґрунтування організаційних заходів реабілітації наркозворих з залежністю від каннабіноїдів (F12) [Електронний ресурс] / Рищенко О.О., Омельченко В.О. / Медиа-компания Время, прес-реліз. – Режим доступу до документу: <http://timeua.info/pr/041213/82758.html>.

¹⁴ Шаповалов Валентин В. Про підвищення рівня застосування норм медичного та фармацевтичного права в ланцюзі «лікар-пацієнт-провізор», як елемент захисту прав та безпеки пацієнтів [Електронний ресурс] / Валентин В. Шаповалов / Медиа-компания Время, прес-реліз. – 31.07.2013. – № 103. – Режим доступу до документу: <http://timeua.info/pr/310713/78055.html>.

¹⁵ Лекарственные средства в неврологии, психиатрии и наркологии / За ред. В.А. Шаповаловой, П.В. Волошина, А.В. Стефанова, И.М. Трахтенберга, В.В. Шаповалова. – Х.: Факт, 2003. – 784 с.

¹⁶ Міжнародне співробітництво Державна служби України з контролю за наркотиками [Електронний ресурс]. – 18.12.2013. – Режим доступу до документу: <http://narko.gov.ua/index.php/diyalnist/diyalnist/520-mizhnarodne-spivrobitnistvo-dskn>.

местное проведение конгрессов, научно-практических конференций, семинаров и круглых столов.

Основные усилия территориальных подразделений управления БНОН МВД Украины, как отмечает Олег Школьный, направлены на ¹⁷: -выявление членов организованных наркопреступных групп; -пресечение каналов наркотрафика и финансовых источников; – пересечение незаконной деятельности нарколабораторий по изготовлению наркотиков; -недопущение расширения наркомании и наркопреступности; -противодействие незаконному обороту наркотиков на национальном и международном уровнях.

Это сотрудничество между Россией и Украиной является продолжением принятых государственных программ:

- «Противодействия незаконному обороту наркотиков», утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 4.03.2013 г. № 294-р. ¹⁸;

- «Стратегии государственной политики в отношении наркотиков на период до 2020 года», утвержденной Распоряжением Кабинета Министров Украины от 28.08.2013 № 735-р ¹⁹.

Для противодействия наркотизации всех слоев населения государства принимают меры, направленные на обеспечение в сфере здравоохранения эффективного, доступного и качественного лечения граждан, страдающих на наркоманию и одновременно являющихся потребителями-преступниками, противоправные действия которых образуют преступления (хранение, приобретение, сбыт, введение, пересылка и т.п.) запрещенных к обороту как в России (ст. 228-234 УК РФ)²⁰, так и в Украине (ст. 305-321 УК Украины)²¹ ПАВ (героин, опий, маковая соломка, каннабис, метамфетамин, кокаин). При этом задачей спецслужб и правоохранительных органов (прежде всего МВД) является выявление, пресечение, фиксирование, раскрытие и расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом ПАВ, коррупцией и преступлений, которые совершают «наркоманы»: мошенничества, кражи, грабежи, убийства, дорожно-транспортные происшествия, раскрытие и расследование которых могут осуществить только следователи и оперативные сотрудники при проведении криминалистических операций, соответствующего планирования, используя справочную и консультационную помощь со стороны специалиста-криминалиста и обладающих специальными знаниями, как отмечает Н.А. Звертаев ²², при обработке различных данных, обеспечивающих органы предварительного следствия и оперативно-розыскные подразделения правоохранительных органов информацией, необходимой для раскрытия и расследования преступлений.

Вопросы экспертно-криминалистического обеспечения следователей, экспертов и оперативных работников регламентированы в соответствующих приказах МВД России и МВД Украины. Экспертно-криминалистическую деятельность в России осуществляет Фе-

---

¹⁷ Прес-служба Міністерства внутрішніх справ. Найголовніші завдання підрозділів БНОН – виявлення наркозбувачів та каналів надходження наркотиків [Електронний ресурс] / Єдиний веб-портал органів виконавчої влади – Кабінету міністрів України. – 14.06.2013. – Режим доступу до документу: http://www.kmu.gov.ua/control/publish/article?art_id=246432967.

¹⁸ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 4.03.2013 г. № 294-р. "Об утверждении представленную ФСКН России государственную программу Российской Федерации «Противодействие незаконному обороту наркотиков» [Электронный ресурс]: Официальный сайт ФСКН России. – М. 4.03.2013. – Электронный ресурс – Режим доступа к документу: http://youth.fskn.gov.ru/pages/main/info/legal_foundation/4043/22928/index.shtm.

¹⁹ Розпорядження Кабінету Міністрів України від 28.08.2013 № 735-р «Про схвалення стратегії державної політики щодо наркотиків на період до 2020 року» [Електронний ресурс]. – Режим доступу до документу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/735-2013-%D1%80>.

²⁰ Уголовный кодекс Российской Федерации (ред. от 02.07.2013) //Закони. 02.07.2013 . –Режим доступа к документу: http://zakoni.ucoz.ru/news/ugolovnyj_kodeks_rossijskoj_federacii_redakcija_ot_02_07_2013/2013-07-22-169.

²¹ Кримінальний кодекс України: Науково-практ. комент. /Ю.В. Байлін, В.І. Борисов, С.Б. Гавриш та ін. За заг. ред. В.В. Сташиса, В.Я. Тація. Вид. четверте. доповн. – Х.: ТОВ «Одісей», 2008. – 1204 с.

²² Звертаев Н.А. Формы специальных знаний и основные направления их использования по уголовным делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет [Электронный ресурс] / Н.А. Звертаев / Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия, Социология, Право. – 2013. – № 16 (159). – Вып. 25. – С. 179-186.

деральное государственное казенное учреждение «Экспертно-криминалистический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации»²³, ²⁴, а в Украине – Государственный научно-исследовательский экспертно-криминалистический центр МВД Украины²⁵, ²⁶, ²⁷.

В свою очередь, ведомственное понятие экспертно-криминалистических учетов регламентируется приказом МВД РФ от 10.02.2006 N 70 (ред. от 21.05.2008) «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации»²⁸, в котором определено, что они являются системами хранения и поиска экспертно-криминалистической информации об объектах учета, используемые для решения задач оперативно-розыскной деятельности и расследования уголовных дел. Так же отмечено, что экспертно-криминалистическая информация представляет собой индивидуальную совокупность криминалистически значимых признаков объекта учета, выявляемых и фиксируемых с использованием специальных знаний, экспертно-криминалистических методов и средств.

Экспертно-криминалистической регистрации как в России, так и в Украине подлежат и многочисленные объекты из уголовных дел, о нераскрытых преступлениях прошлых лет, в т.ч. и связанные с наркобизнесом, к которым относятся: – следы пальцев рук с мест нераскрытых преступлений; – дактокарты лиц, представляющих оперативный интерес; – данные ДНК биологических объектов, изъятых с мест происшествий; – ДНК неопознанных трупов; – предметы со следами орудий взлома и их копии; – следы подошв обуви, протекторов шин автотранспортных средств; – оружие и следы его применения; – поддельные денежные знаки и ценные бумаги, поддельные документы, изготовленные полиграфическим способом, и др.²⁹, ³⁰, ³¹.

---

²³ Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29.06.2005 г. N 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Зарегистрирован в Минюсте РФ 23 августа 2005 г. р N 6931. – Режим доступа к документу: <http://www.rg.ru/2005/08/30/ekspertiza-dok.htm>.

²⁴ Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 15.10.2012 г. N 939 «О внесении изменений в приказ МВД России от 29 июня 2005 г. N 511» [Электронный ресурс]. – Режим доступа до документу: <http://www.rg.ru/2013/02/13/mvd-dok.html>.

²⁵ Наказ МВС України від 09.08.2012 № 691 «Про затвердження Положення про Експертну службу Міністерства внутрішніх справ України» [Електронний ресурс]: Зареєстрований у Міністерстві юстиції України 7.09.2012 р. за № 1541/21853. – Режим доступа до документу <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z1541-112>.

²⁶ Наказ МВС України від 16.10.2012 № 917 «Про внесення змін до деяких наказів Міністерства внутрішніх справ України, які регулюють діяльність Експертної служби МВС України» [Електронний ресурс]: Зареєстрований у Міністерстві юстиції України 06.11.2012 за № 1857/22169. – Режим доступа до документу: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/RE22169.html.

²⁷ Наказ МВС України від 26.10.2012 № 962 "Про затвердження Інструкції про участь працівників Експертної служби МВС України в кримінальному провадженні як спеціалістів" [Електронний ресурс]: Зареєстрований у Міністерстві юстиції України 21.11.2012 за № 1946/22258. – Режим доступа до документу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z1946-12>.

²⁸ Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 10.02.2006 N 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации», «Правилами ведения экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации») [Электронный ресурс]: Информационно-правовой портал Bestpravo, июль 2011 г. – Режим доступа к документу: <http://bestpravo.ru/rossijskoje/pt-normy/z7k.htm>.

²⁹ Наказ МВС України від 10.09.2009 № 390 «Про затвердження Інструкції з організації функціонування криміналістичних обліків експертної служби МВС» [Електронний ресурс]: Зареєстрований у Міністерстві юстиції України 15.10.2009 за № 963/16979. – Режим доступа до документу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z0963-09>.

³⁰ Наказ МВС України від 21.07.2011 N 454 «Про внесення змін до Інструкції про порядок функціонування дактилоскопічного обліку експертної служби МВС України» [Електронний ресурс]: Зареєстрований у Міністерстві юстиції України 9.08.2011 р. за N 962/19700. – Режим доступа до документу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z0962-11>.

Следует отметить, что экспертами проводятся следующие экспертизы исследования: – материалов, веществ и изделий (физико-химическая); – наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ, прекурсоров; – специальных маркирующих веществ; – волокон и волокнистых материалов; – лакокрасочных материалов и лакокрасочных покрытий; – маркировочных обозначений на изделиях из металлов, полимерных и иных материалов; – нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов; – стекла и керамики; – полимерных материалов и резины; – материалов письма и документов; – спиртосодержащих жидкостей и др. Уголовно-процессуальная деятельность следователя, который расследуя уголовное дела назначает экспертизы для исследования ПАВ, и как считает С.Ф.Шумилин³², то он формулирует следующие цели, которые – являются критериями для определения необходимых для их достижения средств, и прежде всего системы полномочий следователя; – представляют собой единственный критерий, на основании которого можно судить о способности закреплённых в уголовно-процессуальном законодательстве средств обеспечивать их достижение. При этом выделяются следующие цели (задачи) предварительного расследования: – быстрое и полное раскрытие преступления; – изобличение виновных и обеспечения законности; – объективное, полное и всестороннее собирание доказательств виновности (невиновности) конкретных лиц; – установление лиц, совершивших преступление, и привлечение этих лиц в качестве обвиняемых; – подготовка материалов предварительного расследования для рассмотрения в судебном разбирательстве; – обнаружение и процессуальное закрепление доказательств для последующего их использования; – установление наличия или отсутствия вреда, причиненного преступлением, определение его характера и размера, а также создание необходимых условий для его реального возмещения; подготовка материалов к судебному разбирательству; – воспитание граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции РФ и законов, уважения правил общежития; – охрана прав и свобод граждан и интересов общества; – способствование укреплению законности и правопорядка. Огромную роль в расследовании наркопреступлений отводится вопросам связанным с использованием справочной и консультационной помощи следователю со стороны специалиста-криминалиста (специалиста-провизора, имеющего криминалистическую подготовку) при производстве следственных действиях, связанных с осмотром места преступления (например, нарколаборатории, притона, аптеки, лечебного учреждения, автомобиля в котором перевозили ПАВ и др.), назначение и формулировании вопросов по судебно-фармацевтической и другим экспертизам (например, дактилоскопической), допросе участников преступления. Многообъектные экспертизы в рамках одного вида криминалистической экспертизы не редки как отмечает И.Н. Кислицина³³. Проблема их производства в экспертном учреждении обычно связана с длительными сроками исследований и получения следователем заключения эксперта. В этих обстоятельствах, при обращении следователя к специалисту криминалисту он способствует: – назначению отдельных видов экспертиз по каждому объекту и направить их в одно экспертное учреждение, где, как правило, ряд экспертно-криминалистических исследований проводятся по аналогии; – проведению судебных экспертиз сопряжено с необходимостью представления эксперту, как самого объекта экспертного исследования, так и образцов для сравнительного исследования; – нацеливанию следователя на создание определенных условий, необходимых для качественного изъятия экспериментальных образцов для экспертного исследования (обстоятельства, в которых был обнаружен и изъят объект, подлежащий экспертному ис-

³¹ Закон Украины «Про судову експертизу» [Электронный ресурс]: Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 1994. – № 28. – ст.232. – Режим доступу до документу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/4038-12>.

³² Шумилин С.Ф. Цели уголовно-процессуальной деятельности следователя: понятие и законодательное закрепление [Электронный ресурс] / С.Ф. Шумилин / Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право. – 2013. – № 9 (152). – Вып. 24. – С. 218-230.

³³ Кислицина И.Н. Справочная и консультационная деятельность специалиста-криминалиста при производстве некоторых следственных действий на стадии предварительного расследования краж [Электронный ресурс] / И.Н. Кислицина / Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право. – 2013. – № 9 (152). – Вып. 24. – С. 241-250.

следованию, при определенных обстоятельствах он может быть осмотрен специалистом-криминалистом). При этом Шепитько В.Ю. рекомендует следователям находясь на месте преступления использовать компактную, простую в использовании доступную карманную справочно-криминалистическую литературу «Справочник следователя», в котором отражен организационно-правовой порядок осмотра места происшествия, проведение допросов, алгоритм изъятий (выемок, обысков), особенности воспроизведения обстановки и обстоятельств события, процедуру опознания, участие экспертов, порядок назначения основных экспертиз (например, наркотических средств и сильнодействующих веществ), а также расположение экспертных учреждений (телефоны)³⁴.

Следует также отметить, что важную роль в ходе досудебного производства играет использование следователем функции частной теории криминалистических операций, при этом И.М. Комаров ее характеризует следующим образом, как ³⁵: – синтетическую, которая объединяет уголовно-процессуальные, криминалистические, психологические, кибернетические и другие знания (судебно-фармацевтические, судебно-медицинские, судебно-психиатрические) в целостную организационно-правовую систему, позволяющую их комплексное использование для систем целей (задач) досудебного производства; – объяснительную, в качестве функции выявляющей причинные и иные зависимости, многообразие связей криминалистических операций, их существенных характеристик, совершенствования и развития; – методологическую, в качестве функции обеспечивающей формирование на базе частной теории различных способов и приемов исследования криминалистических операций; – предсказательную, в виде функции предвидения развития и совершенствования теоретического знания о свойствах метода криминалистических операций; – практическую, как функцию применения в практической деятельности органов следствия и дознания теоретических знаний о методе криминалистических операций; – эвристическую, как функцию творческой деятельности в развитии и совершенствовании знаний о криминалистических операциях; – как субъекта доказывания в качестве условия планирования, организации и проведения метода, с учетом субъектно-объектной природы последнего; – процессуального (непроцессуального) организационно-технического действия и мероприятия, методов познания, с использованием специального криминалистического метода (техничко-криминалистические и структурно-криминалистические), криминалистических рекомендаций, технико-криминалистических и тактикокриминалистических приемов и др.; – связи между вышеприведенными компонентами (причинно-следственные; корреляционные; временные; пространственные; аналитико-статичные; индуктивные; закономерные; случайные; однозначные, многозначные; прямого и обратного направления; непосредственные; косвенные, многоступенчатые; связи условия с обусловленным; связи соответствия; функциональные связи; связи принадлежности вещей; логические и организационные связи).

Нельзя не отметить, что при расследовании уголовных дел, связанных с наркобизнесом соблюдение прав человека, гражданина, пациента, подозреваемого (обвиняемого), является краеугольным камнем государственной политики, как в Украине, так и в России. В статье Е.Е. Тонкова показано, что законодательное признание приоритета прав и свобод человека, его жизни и здоровья, а также установление государственной обязанности по их защите еще не является гарантией обеспечения реального исполнения органами государственной власти своих конституционных обязанностей, т.к. это связано с криминализацией страны, являющейся результатом действия не какой-то одной группы факторов, а их целостной системы, охватывающей практически все сферы общества³⁶. Отмечено, что государство являясь «разработчиком» экономической политики, в какой-

³⁴ Шепитько В.Ю. Довідник слідчого / В.Ю. Шепитько. – К.: Видавничий Дім «Ін Юре», 2001. – 208 с.

³⁵ Комаров И.М. Структура и функции частной теории криминалистических операций в досудебном производстве [Электронный ресурс] / И.М. Комаров / Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право. – 2013. – № 9 (152). – Вып. 24. – С. 257-262.

³⁶ Тонков Е.Е. Правозащитная функция и субъективное право: горизонты познания [Электронный ресурс] / Е.Е. Тонков / Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия, Социология, Право. – 2013. – № 16 (159). – Вып. 25. С. 201-207.

то момент утратило возможность выполнять свою основную функцию в условиях реформы – служить надежным барьером против криминализации и коррупции, оказалось слабым для того, чтобы справиться с уголовно-правовыми проблемами, которые спровоцировали рост бедности среди широких слоев населения, приведших к регрессу многих социально-гражданских ценностей, деформация социальных отношений, а как следствие – не приближение, а удаление от модели правого гражданского общества. При этом наблюдается опасность все возрастающего влияния в обществе в целом, и среди молодежи, в частности, субкультуры преступного поведения и развития «наркокультуры». Представители преступного мира навязывают государству и обществу принятию их «уголовных» норм, ценностей и правил, что соответственно ведет к девиантному поведению среди молодежи. Преодоление кризиса в российском обществе инициировало обострение в противовес намеченной президентом страны модернизации, а именно: -возрастающее в геометрической прогрессии хаотическое усложнение социального устройства, невиданный ранее рост структурной и функциональной дифференциации, институциональную неразбериху; -значительное усиление влияния коррупции в обществе привело к осложнениям в политико-правовой, социально-экономической и медико-фармацевтической сферах регулируемых государством. Преодоление негативных тенденций и выхода из полосы перманентной нестабильности в уголовно-правовой сфере требует незамедлительного ее решения и, в первую очередь, путем интеграции различных государственных и общественных структур в процессе противодействия наркопреступности, затрагивающей нормативно-правовое развитие экономики, медицины и фармации, а также обеспечения права пациента-преступника-наркомана доступа к государственным программам «защиты свидетеля» и современной медико-фармацевтической помощи (ресоциализации), гарантируемой государством. Являясь атрибутивным признаком криминализованной государственной власти, коррупция связанная с наркобизнесом развивается по спирали и связана бюрократическим произволом и многочисленными маргинальными слоями, причем ситуация усугубляется значительной территориальной неоднородностью населения. Развитие рыночных отношений, базирующихся на демократических принципах, поддерживаемых руководством государства, влияют на формирование гражданского общества, развитию реальной демократии, создание правовых институтов и правового государства, где фундаментом всех процессов является господство Конституционных норм, закона и права. Современное и сильное государство, соответствующее современному характеру и структуре общества, должно располагать не менее эффективной методологией и реальным инструментарием, позволяющими осуществлять надежное противостояние возникающим угрозам и противостоять коррупции, наркобизнесу и терроризму. Усилия государства по созданию и совершенствованию законодателем необходимых фундаментальных основ для реализации демократических правовых принципов в сфере совершенствования правозащитной функции должно найти продолжение в соответствующей соответствующая государственной политики, направленной на оптимизацию управления государственных структур в сфере противодействием наркотизации общества, повышения уровня доступности пациентов страдающих болями различного генеза (онкологические заболевания) к контролируемым государственным органам средствам и веществам. Правозащитная деятельность государства – это не строгая и жесткая регламентация, а обеспечение направленности развития общества на основе его собственной правовой активности, направленной на защиту прав пациентов на доступ к соответствующему уровню медико-фармацевтического обеспечения и социально-экономической помощи. Требования времени способствуют тому, что появляются новые стратегические направления деятельности государства, которые ориентированы на потребности формирующегося гражданского общества и вызовам в режиме реального времени, что и реально, и гипотетически обуславливает совершенствование и расширение правозащитного горизонта и участия адвокатов в области внедрения принципов медицинского и фармацевтического права, составной частью которого является судебная фармация изучающая причины и условия способствующие росту наркобизнеса в отдельных регионах России и Украины ³⁷.

³⁷ Рябчун Ю. Получили бесценный опыт. Украина и Россия подписали новые соглашения о сотрудничестве [Электронный ресурс] / Ю. Рябчун / Коммерсантъ Украина. – 18.12.2013. – №211 (1914).

При этом на наш взгляд к вызовам времени, которые стоят перед специальными службами, правоохранительными и следственными органами неразрывно связанного со стратегическим направлением деятельности любого государства, ориентированного на правовое регулирование потребностей формирующегося и развивающегося гражданского общества не только для России и Украины, а и для США, других стран СНГ и ЕС, является наркоугроза, которая исходит из Афганистана, Таджикистана, Пакистана, Ирана, Ирака, Боливии, Перу, Венесуэлы, Мексики и других стран, где активно действуют члены транснациональных организованных наркопреступных сообществ и групп, развита сеть наркобизнеса и наркотрафика, оптового и розничного сбыта ПАВ, вовлекая молодёжь в наркопотребление (наркомания, ВИЧ/СПИД), а эффективность борьбы с наркобизнесом свидетельствуют примеры из судебно-фармацевтической практики.

Пример 1. Следователем следственного комитета РФ по Ульяновской области в январе 2014 г. возбуждено уголовное дело по ст. 228 УК РФ³⁸. В ходе предварительного следствия было установлено, что в ходе проведения комплекса оперативно-розыскных мероприятий в начале января 2014 г. в г. Ульяновской области сотрудниками Федеральной службы безопасности России пресечена транснациональная преступная наркогруппа (в состав входили граждане РФ и Таджикистана), которая занималась контрабандой ПАВ, у членов которой обнаружено и изъято из незаконного оборота 10 кг. вещества, являющегося согласно судебно-фармацевтической экспертизе героином афганского производства, равной 90000 разовых доз, стоимостью 60 млн. рублей (1,8 млн. дол. США), предназначенного для сбыта (продажи) гражданам страдающим зависимостью от ПАВ.

Пример 2. Правоохранительные органы Стран Европейского Союза при координации усилий со стороны Европола 21.10.2013 г. закончили одну из крупнейших совместных оперативно-розыскных операций «Ellenika», которая осуществлялась при поддержке Европола, в ходе которой было арестовано 71 преступник, входивших в преступное сообщество в Албании, которое наладило наркотрафик героина по каналу «Албания-Италия, через Косов-Боснию и Герцеговину»³⁹. Операция началась в октябре 2009 г. в ходе которой итальянские карабинеры (ROS), под руководством районной прокуратуры в г. Аквиле и Национального управления по борьбе с наркотиками (DCSA) при поддержке и координации усилий с международными полицейскими силами, в ходе расследования и документирования преступной деятельности, провели в качестве доказательства оперативную поставку незаконного наркотрафика (хранения, перевозки с целью сбыта) 600 кг афганского героина и 500 кг марихуаны предназначенного для уличного сбыта лицам из числа страдающих зависимостью от ПАВ.

Пример 3. Следователями следственного отдела уголовного розыска графства Ховард офиса совместно с отделом уголовного розыска Полицейского Департамента полиции по борьбе с наркотиками и национальной безопасности г. Биг Спринг, графстве Ховард, штат Техас, США после 6-ти месячного расследования было арестовано 4 человека (в возрасте – 34, 34, 36 и 39 лет), при следующих обстоятельствах⁴⁰. Так, полицейскими Департамента полиции 15.01.2014 около 6.00 час, на основании ордера выданного судом на обыск дома, расположенного в г. Биг Спринг, обнаружили и изъяли более 3 унций (0,028 кг) метамфетамина, героина, марихуаны, морфина, и других лекарственных средств отпускаемых строго по рецепту врача, на общую сумму 4000 дол. США. Кроме того офицеры полиции обнаружили доказательства причастности преступников к кражам на сумму более 10000 дол. США.

Приведенные примеры из судебно-фармацевтической практики свидетельствуют о том, что в незаконно обороте большим спросом пользуется ПАВ (героин, марихуана,

– Режим доступа к документу: <http://www.kommersant.ua/doc/2371048>.

³⁸ Heroin worth \$1.8m seized from drug dealers in Russia [Electronic resource] //Journal of Turkish Weekly (JTW). – 22.01.2014. – Access to the document: <http://www.turkishweekly.net/news/161304/heroin-worth-1-8m-seized-from-drug-dealers-in-russia.html>.

³⁹ 71 arrested as police smash heroin trafficking ring in Italy [Electronic resource]: Europol. – The Hague, Netherlands. – 21.10.2013. – Access to the document: <https://www.europol.europa.eu/content/71-arrested-police-smash-heroin-trafficking-ring-italy>

⁴⁰ Four People Arrested in Big Spring Police Narcotics Investigaton [Electronic resource]: NewsWest. – №9. – 16.01.2014. – Access to the document: <http://www.newswest9.com/story/24470465/four-people-arrested-in-big-spring-narcotics-investigaton>.

метамфетамин) и лекарственные средства, отпускаемые строго по рецепту врача, что влечет за собой привлечение участников организованных наркогрупп к уголовной ответственности не зависимо от места проживания, страны, гражданства, происхождения, национальности, религиозных и политических убеждений. Эффективное противодействие организованным преступным наркогруппам может осуществляться только при четкой координации усилий между спецслужбами ЕС, СНГ, России, Украины и США, что дает возможность проведения контролируемых поставок и оперативных закупок, являющихся основным доказательством в суде при обличении членов преступных групп, совершающих особо тяжких преступлений связанным с незаконным оборотом ПАВ в особо крупных размерах и вовлекающих в наркопотребление большого количества лиц – страдающих наркоманией и другими расстройствами здоровья, которые могут выступать свидетелями, а проведение с ними судебно-медицинских, судебно-фармацевтических и судебно-наркологических экспертиз, подчеркнет правдивость их показаний и собранных доказательств, являющихся составной частью полноты, объективности и всесторонности сбора доказательств и причинно-следственных связей между сбытом и приобретением ПАВ по жизненным показаниям.

О важности для населения России, как отметил Президент РФ В.В. Путин, является проведение совместной работы с органами здравоохранения по профилактике наркомании и реабилитации пациентов этой категории, об этом он сказал в ходе рабочей встречи (г. Ново-Огарёво Московская область, 20.01.2014 г.) с В.П. Ивановым, директором ФСКН РФ⁴¹,⁴². При этом, как отмечено, ФСКН РФ в 2013 г. проведены: – межведомственные программы комплексной реабилитации (ресоциализации) наркозависимых, в ходе реализации, которой проведены совещания в 30 регионах РФ с главными специалистами здравоохранения, наркологами, юристами, психиатрами, адвокатами и общественностью, занимающимся на профессиональной основе реабилитацией наркозависимых; – мероприятия по ликвидации инфраструктуры контрабанды и сбыта наркотиков (расследовано 230 тысяч уголовных дел; к уголовной ответственности привлечено 110 тысяч преступников, которые находятся в настоящее время под следствием); – межрегиональные операции (проведено 700 крупных операций, 35 при участии спецслужб других государств, 5 из которых за пределами РФ на ранних подступах. В Афганистане проведено 3 операции, в ходе которых было ликвидировано: 15 нарколабораторий; уничтожено 18 т. в героиновом эквиваленте, готовых к отправке на российское направление. В Центральной Америке с полицией Никарагуа, Коста-Рики, Сальвадора и Панамы привлечены к уголовной ответственности два наркобарона, которые занимались наркотрафиком кокаина на американский, европейский и российский «рынок»; – международная научно-практическая конференция «Партнерство государства и общества в системе комплексной реабилитации и ресоциализации потребителей наркотиков» (г. Москва, 5.12.2013) на базе Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова в которой приняли участие ведущие ученые США, Израиль, Италия, Украина и др. государств, для интеграции опыта неправительственных организаций, в том числе Русской православной церкви⁴³.

При этом, в качестве примера расширения приграничного сотрудничества между Харьковской (Украина) и Белгородской (Россия) областями, в рамках «Еврорегиона «Слобожанщина при поддержке Харьковской областной государственной администрации, и при активном участии ученых и практических работниками здравоохранения, фармации и права, сотрудников экспертно-криминалистических и правоохранительных

⁴¹ Рабочая встреча с директором Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Виктором Ивановым [Электронный ресурс]. – 20.01.2014. –Режим доступа к документу: <http://pda.kremlin.ru/news/20083>.

⁴² ФСКН не дала отправить из Афганистана в Россию 18 тонн героина [Электронный ресурс]: РИА НОВОСТИ. – 20.01.2014. – Режим доступа к документу: <http://ria.ru/world/20140120/990153476.html>.

⁴³ 5 декабря 2013 года в Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова пройдет международная научно-практическая конференция, организованная ФСКН России «Партнерство государства и общества в системе комплексной реабилитации и ресоциализации потребителей наркотиков» [Электронный ресурс] // Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков. – 4.12.2013. –Режим доступа к документу: http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/fskn_special_anons/2013/1204/192827708/detail.shtml

органов, службы БНОН и Госнаркоконтроля, прокуратуры, досудебного и судебного следствия, фармакопейного центра и Харьковской епархии Украинской православной церкви проведена работы в рамках X научно-практической конференции с участием международных специалистов «Слобожанские чтения. Медицинское и фармацевтическое право Украины: инновации, качество, безопасность и перспективы развития» отмечилось принятием рекомендаций, предложений и последующих выводов участников конференции:

- 1) распространение аддиктивных заболеваний, возникающих вследствие злоупотребления ПАВ различных классификационно-правовых и номенклатурно-правовых групп является одним из насущных вопросов современности, что требует комплексного подхода к их решению на региональном и государственном уровнях;
- 2) направления развития нашей страны требуют имплементации международных норм и качественных изменений в сфере здравоохранения по внедрению здорового образа жизни всех слоев населения, выполнения права каждого человека, гражданина и пациента на получение качественной, безопасной, эффективной и доступной медицинской, фармацевтической и юридической помощи, что является залогом предупреждения причин и условий, способствующих совершению наркопреступлений (и связанных с ними убийствами, кражами, изнасилованиями, грабежами, хулиганскими действиями), а также распространению аддиктивных заболеваний (наркомания, токсикомания, психические, неврологические, онкологические расстройства) и их осложнений (ВИЧ/СПИД, гепатит, туберкулез) в каждом регионе Украины;
- 3) обратиться с предложением в Верховную Раду Украины с инициативой об усилении уголовной ответственности в отношении лиц за совершение преступлений, предусмотренных статьями 305 ч. 3, 307 ч. 3 Уголовного кодекса Украины, т.е. установление уголовной ответственности от пятнадцати до двадцати пяти лет или пожизненным лишением свободы, с конфискацией имущества;
- 4) инициировать перед Минздравом Украины предложение о предоставлении преференций аптечным учреждениям, работающих в сельской местности, которые обеспечивают жителей самых отдаленных сельских поселений лекарственными средствами всех классификационно-правовых и нормативно-правовых групп в т.ч. наркотиками пациентов страдающих болями различного генеза (паллиативная помощь);
- 5) инициировать обращение к Национальной академии правовых наук Украины (Президент – д.ю.н., проф., академик НАН Украины Тацій В.Я.) относительно участия в подготовке Меморандума в рамках «Еврорегиона «Слобожанщина» по повышению уровня приграничного сотрудничества, взаимодействия и научных исследований по проблеме противодействия наркопреступности и повышения уровня доступности больных наркоманией, токсикоманией и ВИЧ/СПИД к современной заместительной терапии (ресоциализации), повышения организационно-правовых мер обеспечения пациентов ХОСПИСА страдающих болями различного генеза наркотическими обезболивающим лекарственными средств, отечественного производства, на основе принципов медицинского и фармацевтического права;
- 6) поручить модератору организационного комитета д.ф.н., проф. Шаповалову В.В. организовать и скоординировать подготовку к проведению в XI научно-практической конференции с участием международных специалистов «Слобожанские чтения. Медицинское и фармацевтическое право Украины: инновации, качество, безопасность и перспективы развития».

Выводы. Таким образом, судебная фармацевтическое изучение уровня борьбы с современной наркотической угрозой для населения России и Украины свидетельствует о необходимости расширения международного и приграничного сотрудничества между Харьковской (Луганской, Полтавской и Сумской областями) и Белгородской (Воронежской, Ростовской, Брянской и Курской областями) областями, при участии Гомельской области (Беларусь), в рамках «Еврорегиона «Слобожанщина при поддержке Харьковской областной государственной администрации и Правительства Белгородской области, что повысит уровень сотрудничества в этой сфере, между специальными службами и правоохранительными органами, следственными и экспертно-криминалистическими органами, а также повысит уровень участия участия врачей лечебно-профилактических учреждений в применении современного подхода к реабилитации и лечению лиц (подозрева-

емых, обвиняемых, подсудимых), страдающих наркоманией, ВИЧ/СПИД, психическими и сопутствующими расстройствами здоровья. Кроме того, это будет способствовать созданию банка данных ПАВ по родовому объекту, примесям, их модификации и синтезу, составлению списка ЛЗ, которым злоупотребляет и использует не за назначением врача население, злоупотребления, имплементации нормативно-правовых актов по борьбе с наркоугрозой, а также стандартизации судебно-фармацевтического и криминалистического анализа ПАВ.

Список литературы

1. Шаповалов В.В. Конвенція ООН (1988 р.) «Червоний список» (2006 р.) як основа подальшого розвитку судової фармації в удосконаленні контрольно-дозвільної системи обігу прекурсорів в Україні / В.В. Шаповалов / Проблеми законності: акад. зб. науч. пр. / Відп. ред. В.Я. Тацій. – Х.: Нац. юрид. акад. України, 2010. – Вип. 112. – С. 154-166.
2. Шаповалов В.В. Єдина конвенція ООН про наркотичні засоби (1961 р.) «Жовтий перелік» (2010 р.) як основа подальшого розвитку судової фармації в державній концепції протидії наркозлочинності на міжнародному рівні / В.В. Шаповалов / Проблеми законності: акад. зб. науч. пр. / Відп. ред. В.Я. Тацій. – Х.: Нац. ун-т «ЮАУ» ім. Я. Мудрого, 2012. – Вип. 112. – С. 183-191.
3. Фармацевтическое право в наркологии / Под ред. В.А. Шаповаловой, И.К. Сосина, В.В. Шаповалова. – Х.: Факт, 2004. – 800 с.
4. Фармацевтичне законодавство: навч. посіб. з грифом МОН України (серія: Фармацевтичне право) / В.О. Шаповалова, В.В. Шаповалов, М.М. Халін, В.В. Шаповалов (мл.), В.В. Бондаренко, М.М. Ніконов, Ю.В. Васіна, В.О. Петренко. – [2-е вид.]. – Х., 2010. – 142 с.
5. Судово-фармацевтичне вивчення світової наркоситуації щодо вилучених із незаконного обігу психоактивних речовин на засадах криміналістики [Електронний ресурс] / Шаповалов В., Мусоев С. Шаповалова В. / Юридичний Журнал. – 2012. – № 9. – Режим доступу до документу: <http://www.justinian.com.ua/article.php?id=3879>.
6. Шаповалов В.В. Посилення ролі судової фармації в системі державного контролю щодо протидії наркозлочинності і наркоманії в Україні / В.В. Шаповалов / Проблеми законності: акад. зб. науч. пр. / Відп. ред. В.Я. Тацій. – Х.: Нац. Ун-т «ЮАУ ім. Я. Мудрого», 2011. – Вип. 117. – С.120-131.
7. Шаповалов В. В. Судово-фармацевтичне вивчення злочинів, пов'язаних з незаконним обігом наркотичного засобу кокаїн (криміналістичні засади) [Електронний ресурс] / Шаповалов В. В. / Теорія і практика правознавства: Електронне наукове фахове видання Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого» / Відп. ред. Гетьман А.П. – 2013. – Вип. 1(3). – 14 с. – Режим доступу до документу: http://nauka.jur-academy.kharkov.ua/index.php?option=com_content&view=category&id=98&Itemid=220&lang=uk.
8. Фармацевтичне право та судова фармація: алгоритм для дефініції статусу каннабіноїдної наркоманії (F12) / Шаповалов В.В. (мол.), Шаповалова В.О., Шаповалов В.В. та ін.: Сб. науч. трудов SWorld. – Івано-Франківськ: ПЦ «Домино», 2013. – С. 16-19.
9. Тацій В.Я. Судова фармація: щодо оновлення антинаркотичної політики та її втілення людиноцентристському підході і зміни їх стратегічного курсу від репресивних заходів впливу до запобіжних / В.Я. Тацій / Укр. вісник психоневрології. – Т. 20, вип. 2 (71), додаток. – 2012. – С. 15.
10. Гетьман А.П. Взаимосвязь экологического права и фармацевтического права в защите прав человека, гражданина и пациента на основе конвенций Организации Объединенных Наций / А.П. Гетьман / Укр. вісник психоневрології. – Т. 20, вип. 2 (71), додаток. – 2012. – С. 16.
11. Шаповалов В.В. (мол.) Судово-фармацевтичне вивчення наркоманії в Україні та сучасні підходи для її фармакотерапії із використанням нанотехнологій / В.В. Шаповалов (мол.) / Укр. вісник психоневрології. – Т. 20, вип. 2 (71), додаток. – 2012. – С. 107-111.
12. Шаповалов Валентин В. Медичне та фармацевтичне право: здоров'я Слобожанщини на засадах інновацій, якості та безпеки [Електронний ресурс] / Шаповалов Валентин В., Капельнікова Є.В. / Медиа-компания Время, прес-реліз. – 25.11.2013. – Режим доступу до документу: <http://timeua.info/pr/251113/82522.html>.
13. Рищенко О.О. Медичне та фармацевтичне право в загальнодержавній сфері судово-фармацевтичного обґрунтування організаційних заходів реабілітації наркозворих з залежністю від каннабіноїдів (F12) [Електронний ресурс] / Рищенко О.О., Омельченко В.О. / Медиа-компания Время, прес-реліз. – Режим доступу до документу: <http://timeua.info/pr/041213/82758.html>.
14. Шаповалов Валентин В. Про підвищення рівня застосування норм медичного та фармацевтичного права в ланцюзі «лікар-пацієнт-провізор», як елемент захисту прав та безпеки пацієнтів [Електронний ресурс] / Валентин В. Шаповалов / Медиа-компания Время, прес-реліз. – 31.07.2013. – № 103. – Режим доступу до документу: <http://timeua.info/pr/310713/78055.html>.
15. Лекарственные средства в неврологии, психиатрии и наркологии / За ред. В.А. Шаповаловой, П.В. Волошина, А.В. Стефанова, И.М. Трахтенберга, В.В. Шаповалова. – Х.: Факт, 2003. – 784 с.
16. Міжнародне співробітництво Державна служби України з контролю за наркотиками [Електронний ресурс]. – 18.12.2013. – Режим доступу до документу: <http://narko.gov.ua/index.php/diyalnist/diyalnist/520-mizhnarodne-spivrobitnitstvo-dskn>.

17. Прес-служба Міністерства внутрішніх справ. Найголовніші завдання підрозділів БНОН – виявлення наркозбувачів та каналів надходження наркотиків [Електронний ресурс] / Єдиний веб-портал органів виконавчої влади – Кабінету міністрів України. – 14.06.2013. – Режим доступу до документу: http://www.kmu.gov.ua/control/publish/article?art_id=246432967.

18. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 4.03.2013 г. № 294-р. "Об утверждении представленную ФСКН России государственную программу Российской Федерации «Противодействие незаконному обороту наркотиков» [Электронный ресурс]: Официальный сайт ФСКН России. – М. 4.03.2013. – Электронный ресурс – Режим доступа к документу: http://youth.fskn.gov.ru/pages/main/info/legal_foundation/4043/22928/index.shtml.

19. Розпорядження Кабінету Міністрів України від 28.08.2013 № 735-р «Про схвалення стратегії державної політики щодо наркотиків на період до 2020 року» [Електронний ресурс]. – Режим доступу до документу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/735-2013-%D1%80>.

20. Уголовный кодекс Российской Федерации (ред. от 02.07.2013) // Zakoni. 02.07.2013. – Режим доступа к документу: http://zakoni.ucoz.ru/news/ugolovnyj_kodeks_rossijskoj_federacii_redakcija_ot_02_07_2013/2013-07-22-169.

21. Кримінальний кодекс України: Науково-практ. комент. /Ю.В. Байлін, В.І. Борисов, С.Б. Гавриш та ін. За заг. ред. В.В. Сташиса, В.Я. Тація. Вид. четверте, доповн. – Х.: ТОВ «Одісей», 2008. – 1204 с.

22. Звертаев Н.А. Формы специальных знаний и основные направления их использования по уголовным делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет [Электронный ресурс] / Н.А. Звертаев / Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия, Социология, Право. – 2013. – № 16 (159). – Вып. 25. – С. 179-186.

23. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 29.06.2005 г. N 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Зарегистрирован в Минюсте РФ 23 августа 2005 г. р N 6931. – Режим доступа к документу: <http://www.rg.ru/2005/08/30/ekspertiza-dok.htm>.

24. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 15.10.2012 г. N 939 «О внесении изменений в приказ МВД России от 29 июня 2005 г. N 511» [Электронный ресурс]. – Режим доступа к документу: <http://www.rg.ru/2013/02/13/mvd-dok.html>.

25. Наказ МВС України від 09.08.2012 № 691 «Про затвердження Положення про Експертну службу Міністерства внутрішніх справ України» [Електронний ресурс]: Зареєстрований в Міністерстві юстиції України 7.09.2012 р. за № 1541/21853. – Режим доступу до документу <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z1541-112>.

26. Наказ МВС України від 16.10.2012 № 917 «Про внесення змін до деяких наказів Міністерства внутрішніх справ України, які регулюють діяльність Експертної служби МВС України» [Електронний ресурс]: Зареєстрований у Міністерстві юстиції України 06.11.2012 за № 1857/22169. – Режим доступу до документу: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/RE22169.html.

27. Наказ МВС України від 26.10.2012 № 962 "Про затвердження Інструкції про участь працівників Експертної служби МВС України в кримінальному провадженні як спеціалістів" [Електронний ресурс]: Зареєстрований у Міністерстві юстиції України 21.11.2012 за № 1946/22258. – Режим доступу до документу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z1946-12>.

28. Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 10.02.2006 N 70 «Об организации использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации формирования, ведения и использования экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел Российской Федерации», «Правилами ведения экспертно-криминалистических учетов в органах внутренних дел Российской Федерации») [Электронный ресурс]: Информационно-правовой портал Bestpravo, июль 2011 г. – Режим доступа к документу: <http://bestpravo.ru/rossijskoje/pt-normy/z7k.htm>.

29. Наказ МВС України від 10.09.2009 № 390 «Про затвердження Інструкції з організації функціонування криміналістичних обліків експертної служби МВС» [Електронний ресурс]: Зареєстрований у Міністерстві юстиції України 15.10.2009 за № 963/16979. – Режим доступу до документу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z0963-09>.

30. Наказ МВС України від 21.07.2011 N 454 «Про внесення змін до Інструкції про порядок функціонування дактилоскопічного обліку експертної служби МВС України» [Електронний ресурс]: Зареєстрований в Міністерстві юстиції України 9.08.2011 р. за N 962/19700. – Режим доступу до документу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/z0962-11>.

31. Закон України «Про судову експертизу» [Електронний ресурс]: Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 1994. – N 28. – ст.232. – Режим доступу до документу: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/4038-12>.

32. Шумилин С.Ф. Цели уголовно-процессуальной деятельности следователя: понятие и законодательное закрепление [Электронный ресурс] / С.Ф. Шумилин / Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право. – 2013. – № 9 (152). – Вып. 24. – С. 218-230.

33. Кислицина И.Н. Справочная и консультационная деятельность специалиста-криминалиста при производстве некоторых следственных действий на стадии предварительного расследования краж [Электронный ресурс] / И.Н. Кислицина / Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право. – 2013. – № 9 (152). – Вып. 24. – С. 241-250.

34. Шепитько В.Ю. Довідник слідчого / В.Ю. Шепитько. – К.: Видавничий Дім «Ін Юре», 2001. – 208 с.

35. Комаров И.М. Структура и функции частной теории криминалистических операций в досудебном производстве [Электронный ресурс] / И.М. Комаров / Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право. – 2013. – № 9 (152). – Вып. 24. – С. 257-262.

36. Тонков Е.Е. Правозащитная функция и субъективное право: горизонты познания [Электронный ресурс] / Е.Е. Тонков / Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия, Социология, Право. – 2013. – № 16 (159). – Вып. 25. С. 201-207.

37. Рябчун Ю. Получили бесценный опыт. Украина и Россия подписали новые соглашения о сотрудничестве [Электронный ресурс] / Ю. Рябчун / Коммерсантъ Украина. – 18.12.2013. – №211 (1914). – Режим доступа к документу: <http://www.kommersant.ua/doc/2371048>.

38. Heroin worth \$1.8m seized from drug dealers in Russia [Electronic resource] // Journal of Turkish Weekly (JTW). – 22.01.2014. – Access to the document: <http://www.turkishweekly.net/news/161304/heroin-worth-1-8m-seized-from-drug-dealers-in-russia.html>.

39. 71 arrested as police smash heroin trafficking ring in Italy [Electronic resource]: Europol. – The Hague, Netherlands. – 21.10.2013. – Access to the document: <https://www.europol.europa.eu/content/71-arrested-police-smash-heroin-trafficking-ring-italy>.

40. Four People Arrested in Big Spring Police Narcotics Investigaton [Electronic resource]: NewsWest. – №9. – 16.01.2014. – Access to the document: <http://www.newswest9.com/story/24470465/four-people-arrested-in-big-spring-narcotics-investigaton>.

41. Рабочая встреча с директором Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков Виктором Ивановым [Электронный ресурс]. – 20.01.2014. – Режим доступа к документу: <http://pda.kremlin.ru/news/20083>.

42. ФСКН не дала отправить из Афганистана в Россию 18 тонн героина [Электронный ресурс]: РИА НОВОСТИ. – 20.01.2014. – Режим доступа к документу: <http://ria.ru/world/20140120/990153476.html>.

43. 5 декабря 2013 года в Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова пройдет международная научно-практическая конференция, организованная ФСКН России «Партнерство государства и общества в системе комплексной реабилитации и ресоциализации потребителей наркотиков» [Электронный ресурс] // Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков. – 4.12.2013. – Режим доступа к документу: http://www.fskn.gov.ru/includes/periodics/fskn_special_anons/2013/1204/192827708/detail.shtml.

FORENSIC PHARMACEUTICAL STUDY LEVEL MODERN COMBAT DRUG THREAT TO RUSSIA AND UKRAINE

V.V. SHAPOVALOV

*Department
of Health Kharkiv
Regional State
administration
Kharkov, Ukraine*

e-mail: krisa83@bk.ru

The article shows that the development of international cooperation between Russia and Ukraine in the field of combating organized forms of drug trafficking, and includes in-depth research in the field of combating drug addiction all walks of life, rehabilitation (resocialization) patients, prevention of the causes and conditions that contribute to addiction, HIV/AIDS and other related mental illness that afflict most usable part of the population. Drug trafficking carries a threat to the health of the nation, rights and freedoms, the life and health of hotel man, citizen and patient. Modern forensic pharmaceutical and forensic study of the level of combat drug menace, raise the level of training of investigators, forensic experts, operational staff in the effective collection of evidence, methods of chemical and pharmaceutical analysis, work with witnesses and used as forensic evidence, fingerprint, forensic drug, forensic expertise other species.

Key words: forensic pharmacy, international cooperation, the fight against drug trafficking, the State, corruption, power, regulation, life, health, rights, freedom, crime, drug addiction, HIV / AIDS, rehabilitation, resocialization.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

УДК 031.343

ПРЕДПОСЫЛКИ ВВЕДЕНИЯ ПРИНЦИПА КОРРУПТИРОВАННОЙ ВИНОВНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О.С. ДЕМКО
Л.А. МАЛИМОН

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

e-mail: demko@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются основополагающие элементы структуры частной теории криминалистических операций, исследуется ее содержание, выделяются функции, дается анализ структуры метода криминалистических операций в досудебном производстве.

Ключевые слова: частная криминалистическая теория, криминалистическая операция, функции частной теории криминалистических операций, метод криминалистических операций.

Злободневной темой в нашей стране является вопрос – как победить коррупцию? Политика не только нашего государства направлена на минимизацию данного явления. В данной статье нам бы также хотелось поговорить, к сожалению, о системном явлении в нашей стране – коррупции. Данное явление в России имеет богатую историю. Уже в летописях, датированных XIV веком, упоминается о чиновниках-взяточниках: «мздоимцах» и «лихоимцах». Чиновники того времени не имели фиксированного жалования, поэтому взятки были их основным доходом. Но Указом Петра I 1715 года чиновникам начали выплачивать фиксированное жалование, а за взяточничество стали жестоко наказывать. Корруптированность государственного аппарата красной нитью прошла по всей истории нашего государства. Отличаются только лишь её масштабы, уровень латентности. Методы борьбы с данным явлением практически не изменились. С одной стороны наказание за совершение коррупционных преступлений ужесточается, с другой – оплата труда чиновников имеет тенденцию увеличения. Но данных мер недостаточно. Россия называет себя правовым государством, направленным на создание гражданского общества. Но воспитанию населения, прививая ему культуру антикоррупционных отношений, государство уделяет мало внимания.

На данный момент в Российской Федерации одним из основных законодательных антикоррупционных актов является ФЗ «О противодействии коррупции»¹. До 2011 года в РФ действовал Национальный план-стратегия противодействия коррупции. Данная программа представляла собой постоянно совершенствуемую систему мер организационного, экономического, правового, информационного и кадрового характера, учитывающая федеративное устройство Российской Федерации, охватывающей федеральный, региональный и муниципальный уровни, направленной на устранение коренных причин коррупции в обществе и последовательно реализуемой федеральными органами государственной власти, иными государственными органами, органами государственной власти

¹ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О противодействии коррупции» // Российская газета. – 2008. – 30 декабря.

субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, институтами гражданского общества, организациями и физическими лицами². Но, к сожалению, денная программа-стратегия, не предлагала конкретных мероприятий по борьбе с системным и очаговым явлением коррупции, поэтому и не дала никаких видимых результатов. Новеллой в России является создание Управления Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции. Одной из наиважнейших функций данного Управления является проверка достоверности и полноты сведений о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, представляемых лицами, замещающими должности, осуществление полномочий по которым влечет за собой обязанность представлять так³. Процедура отчетности чиновников о своих доходах была введена Указом Президента РФ от 21.09.2009⁴. Но тем не менее уровень коррупции в России остался прежним, при чем, хоть органы местного самоуправления и не входят в систему органов государственной власти, коррупция в данной системе также есть, и этому факту уделяется мало внимания.

На сегодняшний момент в Государственной Думе РФ разработан законопроект о создании в Интернете федеральной системы народного контроля: граждане смогут жаловаться на чиновников, а также на бытовые вопросы, медицину, школы, ЖКХ и другие. По этим жалобам будут оценивать и эффективность работы местных властей⁵. Возможно, что часть коррупционных преступлений таким образом будет предотвращена. Но опять же самая незащищенная категория населения, жители сельских округов, не смогут воспользоваться данной системой, ведь сетью «Интернет» глубинка не обеспечена. Правительство РФ уже давно объявило войну коррупции: с одной стороны, оно пытается организовать усилия гражданского общества, с другой стороны Правительство принимает меры, чтобы остановить коррупционную деятельность чиновников⁶. Цель нашей работы – выявить и проанализировать меру по противодействию коррупции, которая бы являлась базовой в данном направлении.

В данном исследовании нами будут использоваться как общенаучные (анализ, синтез, индукция, дедукция, логический, системный), так и частно-научные (формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой) методы.

Характер исследования обосновывает необходимость привлечения ряда социологических (моделирование, контент-анализ) и статистических (классификация, корреляция) методов познания, способствующих более четкому определению масштабов состояния коррупции на сегодняшний день и для выработки более эффективных методов для противодействия.

Все государства мира «заражены» коррупцией. Считаем, что данное явление полностью не искоренить. Но на этой почве можно выделить два уровня коррупции: приемлемый и неприемлемый. Первый можно охарактеризовать скрытым характером, но непериодичностью, очаговым характером. На данном уровне население и государство особо не ощущает злополучности коррупции. Второй уровень при больших масштабах приводит к катастрофе. Коррупция в данном случае имеет открытый характер, ей присущи большие масштабы. И здесь коррупция угрожает государству и населению, ведь изба-

² Указ Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 – 2011 годы» // Российская газета. – 2010. – 5 апреля

³ Указ Президента РФ от 03.12.2013 № 878 «Об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 09.12.2013. – № 49 (часть VII). – ст. 6399.

⁴ Указ Президента РФ от 21.09.2009 « 1065 (ред. от 03.12.2013) «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению» // Российская газета. – 2009. – 22 сентября

⁵ Нужен ли народный контроль над чиновниками? Рубрика: вопрос недели // Российская газета. – 2013. – 20 июня

⁶ TWO SIDES OF FIGHTING CORRUPTION IN RUSSIA [Электронный ресурс]: URL: http://www.transparency.org/news/feature/two_sides_of_fighting_corruption_in_russia (дата обращения 17.01.2014).

виться от неё очень тяжело. Примером второго уровня может служить Россия после распада СССР, где коррупция трансформировалась в полуоткрытый грабеж. Отсутствие четкой системы законодательства, падение моральных принципов населения, ослабление авторитета государства привели к росту коррупции в нашей стране. Восстановить законодательство в области противодействия коррупции оказалось непросто, коррумпированность прочно «засела» в сознании российского народа. Общественное мнение людей по поводу явления коррупции все же складывается в большей степени под влиянием законодательства, которое, по нашему мнению, должно быть суровым. Только под угрозой реального наказания, которое «ударит» и по кошельку и по доброму имени виновного лица, люди поймут, что совершают преступные деяния. Человек, участвовавший в коррупционной системе, подрывает авторитет государства, обрекает других людей на вовлечение в данную систему, из которой сложно выбраться.

В 2005 году наша страна приняла важный нормативно-правовой акт, который сыграл немаловажную роль в противодействии коррупции. Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» разработал систему размещения информации о госзакупках для отслеживания её населением с активной гражданской позицией⁷. С 1 января 2014 года закон утратил силу, ныне действует Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»⁸.

Позже был принят Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», который законодательно закрепил понятие «коррупция», под которым понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами. Также под это понятие подпадают вышперечисленные действия, совершаемые от имени или в интересах юридического лица⁹. Можно и дальше перечислять нормативно-правовые акты, направленные на снижение уровня коррупции. Но координальной меры, направленной на искоренение данного преступного явления, не предпринято. Во многих государствах есть «стержень» борьбы с коррупцией: в Китае, Корее – это смертная казнь за совершение преступлений подобного рода, в странах Европы – это конфискация имущества чиновника-взяточника. В своей статье мы предлагаем обратить внимание на принцип презумпции коррумпированной виновности, имеющий положительный опыт функционирования в одном из административных районов Китая – Гонконге, где коррупция в государственном секторе составляла 90%, сейчас данный уровень снизился до 3%. Противодействие коррупции в Гонконге основывалось на трех мерах:

- презумпция вины чиновников: их заставляли доказывать источник приобретенного им имущества, в противном случае их ожидало наказание в виде 15 лет лишения свободы с конфискацией имущества;
- была создана независимая комиссия по борьбе с коррупцией. Сотрудники данной комиссии проходили тщательный отбор, но оклад у работников данной структуры достаточно высок. При чем, принцип презумпции вины для них никто не отменял;
- организована структура народного контроля, а журналисты могли беспрепятственно изобличать коррупционеров в средствах массовой информации¹⁰.

⁷ Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (утратил силу с 1.01.2014) // Российская газета. – 2005. – 28 июля

⁸ Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Российская газета. – 2013. – 12 апреля

⁹ Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О противодействии коррупции» // Российская газета. – 2008. – 30 декабря

¹⁰ Фасхутдинов Р.Р. Проект «Антикоррупция»: Спб. – Изд-во «Любовит». – 2012. – С. 91.

По какому же пути идет на данный момент Россия и последует ли она положительному опыту соседних государств? Попробуем разобраться.

Политологи, эксперты России утверждают, что явление коррупции заполонило все сферы общественной жизни. Данный процесс способствует постепенному снижению численности населения. Если государство не предпримет решительных мер по данному поводу, то фактически мы сами себя уничтожим. Ведь, к примеру, сотрудники правоохранительных органов, совершая данные преступные действия, порождают новый виток не только коррупционной преступности, тем самым подвергая общество реальной опасности. На свободе остаются реальные преступники, которые продолжают совершать противоправные деяния.

По данным Следственного комитета России, ущерб от коррупции в органах власти с начала 2012 года достиг без малого 8 млрд. рублей. При этом только 1,3 млрд. рублей были возвращены в казну, наложен арест на имущество на сумму 1,2 млрд. рублей. В производстве с начала 2012 года находилось более 20 тыс. уголовных дел о коррупции — на 7 тыс. больше, чем в 2011 году¹¹. И этот показатель растет. В 2012 году в мировом Индексе восприятия коррупции, составленном неправительственной организацией Transparency International, Россия заняла 133-е место из 176¹². 3 декабря 2013 года – Международное движение Transparency International представило Индекс восприятия коррупции за 2013 год. В рейтинг вошли 177 стран, которые ранжируются по шкале от 0 до 100 баллов. Ноль обозначает самый высокий уровень восприятия коррупции, а сто – наименьший. Как и в прошлом году, Россия получила 28 баллов, что соответствует 127 месту. Столько же получили Азербайджан, Пакистан, Никарагуа, Мали, Мадагаскар, Ливан, Гамбия и Коморские острова¹³.

Также не радует картина, которая вырисовывается из оценок среднего размера взяток, которые значительно увеличились за последние пять лет. Например, по данным Департамента МВД по борьбе с экономическими преступлениями средний размер взятки в 2008 году составил 9000 рублей; 23 000 рублей в 2009 году; 61 000 рублей в 2010 году. На данный момент этот показатель имеет тенденцию в увеличению¹⁴.

Проанализировав все вышеперечисленные меры можно их классифицировать на две группы:

1. Меры по противодействию очаговых явлений коррупции;
2. Меры по борьбе с институциональными предпосылками явления коррупции.

Борьба с отдельными очагами коррупции выражается в изобличении конкретных лиц, совершивших преступные деяния в данной области. Но приоритетным должно быть второе направление, которое будет нацелено на искоренение причин и предпосылок коррупциогенного явления в Российской Федерации¹⁵.

В связи с этим государству необходимо разработать систему мер по противодействию коррупции, где центральное место будет занимать мера, существенно меняющая и сознание людей и законодательство в этой сфере. Считаем, что одной из данных мер, может быть введение принципа презумпции коррумпированной виновности. Данный принцип является антиподом принципа презумпции невиновности. А его влияние будет распространяться на сферу расследования коррупционных преступлений, либо проверку сообщений о таких деяниях. Это значит, что лицо, находящееся в статусе подозреваемого, будет самостоятельно доказывать свою невиновность в получении взятки, и будет считаться виновным до тех пор, пока не докажет обратное. В противном случае ему будет назначено наказание в соответствии с уголовным законом Российской Федерации. Дан-

¹¹ СК России подсчитал ущерб от коррупции в 2012 году // [Электронный ресурс]: URL: <http://news.rambler.ru/16719557/> (дата обращения 21.01.2014).

¹² Corruption Perceptions Index 2012 // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriatiia-korruptcii/blog> (дата обращения 22.01.2014).

¹³ Corruption Perceptions Index 2013 // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriatiia-korruptcii/zastriali> (дата обращения 22.01.2014).

¹⁴ Corruption in the world [Электронный ресурс]: URL: <http://www.corrupcia.net/aboutnews/item-148.html> (дата обращения 21.01.2014).

¹⁵ Noah Dunlap Corruption in Russian Politics [Электронный ресурс]: URL: <http://www.byupoliticalreview.com/?p=9938> (дата обращения 19.01.2014)

ный принцип должен обеспечиваться системой мер, направленных на отслеживание доходов чиновников и членов их семей. Их доход должен стать «прозрачным» для населения. При получении любого дохода лицо должно будет доказать источник его получения. Следует также создать базу данных, в которой будут отражены все доходы чиновников. Данная система поможет при проверке сообщений о коррупционных преступлениях.

Эффективность данного принципа уже продемонстрировал Гонконг. В России также стоит выстроить систему норм, которые будут обеспечивать функционирование данного принципа. При его действии чиновники несколько раз подумают о том, стоит ли брать взятки, а потом еще и доказывать, откуда получен доход. Нанимать по данному поводу адвоката – очень невыгодное дело. Поэтому уж лучше не стоит вообще совершать такого рода преступлений. Данный принцип пресекает еще и дачу и пособничество во взятке, ведь они также станут известными в результате проверки¹⁶.

По действующему законодательству РФ в случае поступления заявления граждан, организаций о факте совершения коррупционного преступления, сообщения о подобных преступлениях проводится доследственная проверка путем проведения определенных процессуальных, оперативных мероприятий, следственных действий. В процесс проверки одного такого заявления вовлечены большие материальные и людские ресурсы. При достижении цели проверки: подтверждении или опровержении данных, указанных в заявлении, сообщении, субъектом доказывания принимается процессуальное решение: об отказе в возбуждении уголовного дела или о возбуждении уголовного дела и принятии его к производству. И даже после утверждения обвинительного заключения прокурором человек считается невиновным. Вопрос его виновности решает суд. При действии принципа презумпции коррумпированной виновности субъектом доказывания становится сам подозреваемый. Именно он собирает документацию, устанавливающую его должностные обязанности, занимаемую должность. Вполне естественно, что он будет обязан предоставить все сведения о его доходах и доходах членов его семьи. За последние годы в РФ политика государства направлена на установление прозрачности доходов чиновников и членов их семей. Считаю, что это большой шаг на пути к выздоровлению от коррупционной болезни России.

Вопрос о введении принципа презумпции коррумпированной уже обсуждался в нашей стране. Впервые об этой мере заговорил лидер партии «Справедливая Россия» Сергей Миронов, но впоследствии данная идея не нашла отражения даже в статусе законодательной инициативы¹⁷.

Проанализируем законодательную базу на предмет возможности принятия изучаемого принципа в России. Принцип презумпции невиновности, также как и принцип презумпции коррумпированной виновности, носят международно-правовой и конституционный характер. Но и в международно-правовых актах, и в конституциях сформулирован только принцип презумпции невиновности.

Так, согласно Международному пакту о гражданских и политических правах «каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, пока виновность его не будет доказана согласно закону»¹⁸. В ч. 2 ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод закреплена аналогичная норма: «каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в соответствии с законом»¹⁹. Придерживаясь норм междуна-

¹⁶ Corruption in Russia as a Business [Электронный ресурс]: URL: <http://imrussia.org/en/society/376-corruption-in-russia-as-a-business> (дата обращения 21.01.2013).

¹⁷ Сергей Миронов: нужно приравнять коррупцию к измене Родине // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=441919> (дата обращения 21.01.2014).

¹⁸ Международный Пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 12. – С.199.

¹⁹ ч. 2 ст. 6 «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ. – 08.01.2001. – № 2. – ст. 163.

родного права, в ст. 49 Конституции РФ закреплён принцип презумпции невиновности²⁰. Но данный принцип не является абсолютным, а значит может подвергаться некоторым ограничениям со стороны законодателя.

Так, принцип презумпции невиновности не препятствует возложению на подозреваемого бремени доказывания его непричастности к преступлению. Данная позиция подкрепляется международно-правовыми актами в области борьбы с преступностью. В частности, согласно Конвенции ООН против коррупции 2003 года «каждое Государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем, чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, т.е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать»²¹. В 2006 году Россия ратифицировала данную Конвенцию²².

Россия потихоньку приближается к принятию комплексных мер в области противодействия коррупции. Считаем, что вершиной таких мер должен стать принцип презумпции коррумпированной виновности.

Полностью коррупционные явления не искоренить, но бороться с ним обязательно, иначе государство перестанет существовать. Введение принципа презумпции коррумпированной виновности будет являться огромным шагом государства в борьбе с коррупционными преступлениями. Опыт других стран показывает, что более гибкие меры по противодействию коррупции не дают должного результата. Данный принцип должен распространяться и на лиц, обладающих государственными привилегиями, иммунитетом.

В своей статье мы не утверждаем о том, что введение принципа презумпции коррумпированной виновности решит все проблемы, существующие в России в области противодействия коррупции. Политика государства в этой сфере должна быть всегда направлена на совершенствование законодательства в данной области. Только совокупность конкретных, четких, слаженных и в тоже время суровых мер приведет к уменьшению коррупции в общественной жизни российских граждан.

Список литературы

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О противодействии коррупции» // Российская газета. – 2008. – 30 декабря
2. Указ Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010 – 2011 годы» // Российская газета. – 2010. – 5 апреля
3. Указ Президента РФ от 03.12.2013 № 878 «Об Управлении Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции» // Собрание законодательства РФ. – 09.12.2013. – № 49 (часть VII). – ст. 6399
4. Указ Президента РФ от 21.09.2009 « 1065 (ред. от 03.12.2013) «О проверке достоверности и полноты сведений, представляемых гражданами, претендующими на замещение должностей федеральной государственной службы, и федеральными государственными служащими, и соблюдения федеральными государственными служащими требований к служебному поведению» // Российская газета. – 2009. – 22 сентября
5. Нужен ли народный контроль над чиновниками? Рубрика: вопрос недели // Российская газета. – 2013. – 20 июня
6. TWO SIDES OF FIGHTING CORRUPTION IN RUSSIA [Электронный ресурс]: URL: http://www.transparency.org/news/feature/two_sides_of_fighting_corruption_in_russia (дата обращения 17.01.2014)

²⁰ ст. 49 Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 26.01.2009. – № 4. – ст. 445.

²¹ «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства РФ. – 26.06.2006. – № 26. – ст. 2780.

²² Федеральный закон от 8.03.2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» // Российская газета. – 2006. – 21 марта.

7. Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» (утратил силу с 1.01.2014) // Российская газета. – 2005. – 28 июля
8. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Российская газета. – 2013. – 12 апреля
9. Фасхутдинов Р.П. Проект «Антикоррупция»: Спб. – Изд-во «Любовит». – 2012. – с. 163
10. СК России подсчитал ущерб от коррупции в 2012 году // [Электронный ресурс]: URL: <http://news.rambler.ru/16719557/> (дата обращения 21.01.2014)
11. Corruption Perceptions Index 2012 // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriiatia-korruptcii/blog> (дата обращения 22.01.2014)
12. Corruption Perceptions Index 2013 // [Электронный ресурс]: <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriiatia-korruptcii/zastriali> (дата обращения 22.01.2014)
13. Corruption in the world [Электронный ресурс]: URL: <http://www.corrupcia.net/aboutnews/item-148.html> (дата обращения 21.01.2014)
14. Noah Dunlap Corruption in Russian Politics [Электронный ресурс]: URL: <http://www.byupoliticalreview.com/?p=9938> (дата обращения 19.01.2014)
15. Corruption in Russia as a Business [Электронный ресурс]: URL: <http://imrussia.org/en/society/376-corruption-in-russia-as-a-business> (дата обращения 21.01.2013)
16. Сергей Миронов: нужно приравнять коррупцию к измене Родине // [Электронный ресурс]: URL: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=441919> (дата обращения 21.01.2014)
17. Международный Пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 12. – 1994
18. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ. – 08.01.2001. – № 2. – ст. 163
19. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. – 26.01.2009. – № 4. – ст. 445
20. «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции» (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства РФ. – 26.06.2006. – № 26. – ст. 2780
21. Федеральный закон от 8.03.2006 г. № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции» // Российская газета. – 2006. – 21 марта

BACKGROUND INTRODUCING THE PRINCIPLE OF GUILT CORRUPT IN THE RUSSIAN FEDERATION

**O.S. DEMKO
L.A. MALIMON**

*Belgorod National
Research University*

e-mail: demko@bsu.edu.ru

This article discusses the basic elements of the structure of the special theory of forensic operations, investigate its contents, stand function provides an analysis of the structure of the method of forensic operations in pre-trial proceedings.

Keywords: private criminological theory, forensic operation functions of the special theory of forensic operations, the method of forensic operations.

УДК 343.9.01

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОПАСНЫМИ ДЛЯ ЗДОРОВЬЯ ВЕЩЕСТВАМИ

Е.В. ИВАНОВА

*Московский государственный
юридический
университет
имени О.Е. Кутафина
(МГЮА)*

e-mail:**ivanova-elena-7@yandex.ru**

В статье рассматриваются вопросы использования специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами. Предложено в компетенции выделять материальную и функциональную составляющие. Проанализировано содержание специальных знаний, используемых при расследовании преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами. Предложено классифицировать знания, используемые при расследовании преступлений, на условно специальные и безусловно специальные.

Ключевые слова: специальные знания, компетенция, субъекты.

К теме понятия и содержания специальных знаний ученые обращаются неоднократно в течение достаточно длительного периода.

В настоящее время имеет место множественность формулировок и определений данного понятия. Так, из многочисленных определений понятия «специальные знания», как представляется, можно выделить следующие подходы к обоснованию определения:

1. Компетентностный подход связан с трактовкой понятия «специальные знания» с позиции характера их приобретения в результате профессиональной подготовки. Такой подход прослеживается в определениях З.М. Соколовского¹, А.А. Закатова и Ю.Н. Оропай², В.Н. Махова³.

2. Дифферентный подход прослеживается в определениях понятия специальных знаний с точки зрения различия, несхожести и других синонимов слова «отличие». Такая позиция наблюдается в определениях А.А. Эйсмана⁴; Ю. К. Орлова⁵; М. К. Треушников⁶.

3. Целевой подход, в соответствии с которым авторы рассматривают специальные знания, как знания, предназначенные для целей судопроизводства⁷. Даже те определения, которые не содержат критериев, относящих рассматриваемую категорию к процессу судопроизводства, «специальные знания» рассматриваются в связи именно с этим процессом или применительно к нему. Так, Ю.К. Орлов рассматривает специальные знания применительно к знаниям эксперта в уголовном процессе, Т.В. Сахнова и М.К. Треушников изучают «специальные знания» в гражданском (арбитражном) процес-

¹ Соколовский З. М. Понятие специальных знаний (к вопросу об основаниях назначения экспертизы). Криминалистическая судебная экспертиза. Вып. 6. Киев, 1969. – С. 202.

² Закатов, А. А. Использование научно-технических средств и специальных знаний в расследовании / А. А. Закатов, Ю. Н. Оропай. Киев: РИО МВД УССР, 1980. – 104 с.

³ См., например: Махов В.Н. Использование специальных знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000. С. 46. Махов В.Н. Теория и практика использования знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / НИИ проблем укрепления законности и правопорядка. – М., 1993. – С. 23.

⁴ Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научные обоснования. М: 1967. – С. 91.

⁵ Орлов Ю. К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам). М.: Юрист, 1995. – С.6-7.

⁶ См.: Треушников М. К. Судебные доказательства. М.: Городец, 1997. – С.269.

⁷ См, например, Зуев Е.И. Современное представление о специальных познаниях в судопроизводстве// Новые разработки и дискуссионные проблемы теории и практики судебной экспертизы. М., 1985. Вып.1. – С. 8; Бишманов Б.М. Использование специальных знаний в процессуальной и служебной деятельности / Черные дыры в Российском Законодательстве. – № 4, 2002; Петрухина А.Н. Специальные знания как необходимый элемент заключения эксперта в уголовном процессе / Российский судья, 2007, № 8.

сах, А.М. Зинин и Н. П. Майлис исследуют содержание специальных знаний эксперта в судопроизводстве вообще.

Комплексный подход содержит в определении понятия «специальных знаний» несколько критериев в различном сочетании. В.К. Лисиченко и В.В. Циркаль⁸ сочетают дифференциальный и компетентностный подходы. Г.И. Грамович⁹, П.П. Ищенко¹⁰, С.Ф. Бычкова¹¹, А.М. Зинин и Н.П.Майлис¹², Л.В. Лазарева¹³ в своих определениях придерживаются компетентностного и целевого подходов.

Пристальное внимание к специальным знаниям вызвано терминологией законодателя, употребляющего данное понятие в текстах законов и иных нормативно-правовых актов. В связи с востребованностью использования специальных знаний в судопроизводстве, имеются многочисленные предложения авторов установить определение понятия «специальные знания» в нормах права и в Российской Федерации, включив его в терминологическую базу УПК РФ (ст. 5 УПК РФ), как это предлагается Л.В. Лазаревой¹⁴ или ФЗ ГСЭД¹⁵.

В качестве отличительного признака «специальных знаний» авторами выделяются, как правило, два критерия: отличие от правовых знаний или от общеизвестных. В большинстве случаев «специальные знания» рассматриваются, как знания иной специальности, относительно правовых знаний вообще. Такой точки зрения придерживаются многие авторы¹⁶. Вместе с тем, следует согласиться с мнением тех авторов, которые отмечают, что отдельные отрасли правовых знаний могут рассматриваться как специальные относительно даже других отраслей правовых знаний. Как пишет А.А. Эскархопуло, что к числу стереотипов прежде всего следует отнести точку зрения о том, что специальными не являются познания в области права¹⁷. Аналогичной позиции придерживается Л.В. Лазарева, которая полагает, что нельзя изымать из совокупности специальных знаний в уголовном процессе профессиональные знания следователей и судей¹⁸.

Б.М. Бишманов попытался отграничить определенную часть юридических знаний, не относящихся к специальным, высказав тезис о том, что под юридическими зна-

⁸ Лисиченко В.К., Циркаль В.В. Использование специальных познаний в следственной и судебной практике. Киев, 1987. – С. 22.

⁹ Грамович Г.И. Тактика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений: Учебное пособие. – Мн.: МВШ МВД СССР, 1987.

¹⁰ Ищенко П.П., Специалист в следственных действиях: (Уголовно–процессуальные и криминалистические аспекты) – М.: Юрид. лит., 1990. – С.10.

¹¹ Бычкова С. Ф. Становление и тенденции развития науки о судебной экспертизе. Алматы -1994. – С. 204-207.

¹² Зинин А.М., Майлис Н.П. Научные и правовые основы судебной экспертизы. Курс лекций. М., 2001.

¹³ Лазарева Л. В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2011.

¹⁴ Лазарева Л. В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2011.

¹⁵ Предложение о внесении изменений в п. 441 ст. 5 УПК РФ и ст. 9 ФЗ ГСЭД внесено Клевцовым В.В. (Клевцов В.В. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Орел, 2010).

¹⁶ См., например, Грамович Г.И. Тактика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений: Учебное пособие. – Мн.: МВШ МВД СССР, 1987. Зуев Е.И. Современное представление о специальных познаниях в судопроизводстве // Новые разработки и дискуссионные проблемы теории и практики судебной экспертизы. М., 1985. Вып.1.– С. 8. Лисиченко В.К., Циркаль В.В. Использование специальных познаний в следственной и судебной практике. Киев, 1987. – С. 22.

¹⁷ Эскархопуло А.А. Специальные познания в уголовном процессе и их нетрадиционные формы // Вестник криминалистики. Вып. 2. М.: Спарк, 2001. – С. 26.

¹⁸ Лазарева Л.В. Специальные знания и их применение в доказывании по уголовному делу. М., 2009. – С. 21-22.

ниями следует понимать «...знания лиц, ответственных за ведение уголовного судопроизводства»¹⁹.

Оценивая позиции авторов, касающиеся соотношения специальных и юридических знаний, следует отметить, что с гносеологической точки зрения юридические знания, присущие обособленной отрасли общественной жизни, безусловно, являются специальными. Вместе с тем представляется, что вопрос о возможности и формах использования юридических знаний в судопроизводстве относится к области регулирования конкретного процессуального законодательства.

В качестве еще одного критерия дифференциации специального, авторы выделяют общеизвестность / неспециальность знания. Такой точки зрения придерживаются А.А. Эйсман, Ю.К. Орлов, М.К. Треушников и др.²⁰. В связи с этим, совершенно справедливо отмечает Е.Р. Россинская, что соотношение специальных и общеизвестных зависит от уровня развития социума и интеграции научных знаний в повседневную жизнь человека²¹. По мнению Т.В. Сахновой²², разграничения обыденного и специального знания проводится на основе определения критериев потребности в специальных знаниях²³.

В казахстанском законодательстве «специальные знания» установлены как «... не общеизвестные в уголовном процессе знания, приобретенные лицом в результате профессионального обучения либо работы по определенной специальности, используемые для решения задач уголовного судопроизводства» (п.41 ст.7 УПК РК). Таким образом, неспециальность для специальных знаний ограничена областью уголовно-процессуального законодательства, что позволяет использовать в доказывании любую информацию, полученную от сведущего лица в соответствующей процессуальной форме, за исключением установленной нормами уголовно-процессуального права.

Нам представляется целесообразным проанализировать понятие «специальные знания», во-первых, с точки зрения содержания, во-вторых, возможности (пределов) применения и, в-третьих, в связи с целью использования.

Содержание знаний, в том числе специальных²⁴, охватывается понятием компетенция. Поскольку понятие специальных знаний законодатель употребляет применительно к деятельности субъектов правоприменения, анализ содержания специальных знаний следует начать с определения компетенции правоприменителя. Под компетенцией, как правило, подразумевается совокупность знаний. Например, совокупность знаний в области теории, методики и практики экспертизы определенного рода, вида называют компетенцией эксперта²⁵. Такого взгляда на компетенцию придерживаются большинство авторов. Вместе с тем, компетенция²⁶ (латинское *competentia* – принадлежность по праву) включает несколько определений. Так, под компетенцией может подразумеваться установленный конституцией или иным законом круг полномочий конкретного органа, должностного лица, а также знания, опыт в той или иной области²⁷. Таким образом,

¹⁹ Бишманов Б.М. Эксперт и специалист в уголовном судопроизводстве. М.: Московский психолого-социальный институт, 2003. – С. 32.

²⁰ См., например, Эйсман А.А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). М., 1967, с. 91; Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам). М., 1995, с. 6-7; Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 1997, – С. 269.

²¹ См., например, Теория судебной экспертизы: учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Россинской. – М.: Норма, 2011. – С. 13.

²² Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. – М.: Городец, 1999. – С. 8.

²³ В качестве критериев отнесения знаний к специальным Т.В. Сахновой указаны: норма права (материального или процессуального), содержащая специальные элементы в определенной форме; уровень развития научных знаний, позволяющий использовать их для практических целей (профессиональной оценки специальных элементов); наличие объективной связи между способом применения определенных научных знаний и юридической целью их использования.

²⁴ Смысловое значение термина «специальный» (от лат. *specialis*) определяется как особый, особенный, исключительно для чего-либо предназначенный.

²⁵ Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. – М., 2000. – С. 20

²⁶ См., например, Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. – М., 2006; Словарь иностранных слов русского языка / http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_fwords/20447

²⁷ Теория судебной экспертизы: учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Россинской. – М.: Норма, 2011.

можно говорить о функциональной (деятельностной) и материальной (содержательной) компетенциях. Функциональная компетенция определяется нормативно установленными полномочиями лица (например, права эксперта), материальная (содержательная) – совокупностью его знаний.

Процесс приобретения знаний в философии называется познанием и подразделяется на чувственное и рациональное познание²⁸, различие в которых составляет основу дифференциации информации, воспринятой свидетелем, потерпевшим, обвиняемым, подозреваемым с помощью органов чувств и информации, получаемой в результате деятельности разума.

Теория познания в философии исходит из того, что знания приобретаются как на основе повседневной практической деятельности людей, так и в процессе теоретического осмысления действительности. Специальные знания, используемые в судопроизводстве, приобретаются, в большей степени, в результате обучения, то есть приобщения к знаниям, существующим в общественной памяти²⁹. Обучение основано на восприятии и сохранении научных знаний, сконцентрированных в тех или иных источниках. Знания, получаемые в процессе обучения, и используемые правоприменителем в деятельности по выявлению, пресечению, раскрытию, расследованию и судебному рассмотрению преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами, нормативно определены государственными стандартами по соответствующим направлениям подготовки. Нами были проанализированы особенности направлений подготовки для соответствующих должностных лиц. Данное исследование позволило выделить типичную профессиональную компетенцию правоприменителя – обязательные юридические знания, составляющие основу профессиональной деятельности должностных лиц, осуществляющих расследование преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами, и знания специальные, которые могут применяться как специальными субъектами, так и соответствующими должностными лицами.

Анкетирование следователей и дознавателей органов внутренних дел, прокуратуры, следственного комитета, суда, ФСКН, проведенное в целях исследования содержания специальных знаний, используемых при расследовании преступлений, показало, что все опрошенные лица имеют высшее образование по специальности юриспруденция. Из них 72% должностных лиц имеют специальность юрист; 28% опрошенных имеют специальность юрист и уголовно-правовую специализацию. Законом установлено, что на должности следователей могут назначаться лица, имеющие высшее образование или обучающиеся по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе высшего образования по специальности или направлению подготовки в области юриспруденции не менее половины срока³⁰. Таким образом, знания большинства должностных лиц, осуществляющих деятельность по расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел, сформированы в соответствии с государственным образовательным стандартом по специальности юриспруденция³¹.

²⁸ См, например, Философия: Учебник для вузов / Под общ. ред. В. В. Миронова. — М.: Норма, 2005. — 928 с. Крюков В.В. Философия: Учебник для студентов технических ВУЗов.- Новосибирск: Изд-во НГТУ., 2006. Философия и методология познания: Учебник для магистров и аспирантов / Под общ. и науч. ред. В.Л. Обухова, Ю.Н. Солонина, В.П. Сальникова и В.В. Васильковой СПб. : Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2003. — 560 с.

²⁹ См., например, Губенко, М.С. Механизмы общественного сознания и общественной памяти / М.С. Губенко // Вестник МГОУ. Сер. Философские науки. — М. : Изд-во МГОУ, 2008. — Вып. 4. — С. 44-49.

³⁰ См., например, Федеральный закон от 28.12.2010 N 403-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О Следственном комитете Российской Федерации» (с изм. и доп. от с 01.10.2013) / «Собрание законодательства РФ», 03.01.2011, N 1, ст. 15.

³¹ См. «Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Специальность 021100 – Юриспруденция. Квалификация – юрист. Регистрационный N 260гум/сп» (утв. Минобразованием РФ 27.03.2000) / <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=339331>. Приказ Министерства образования и науки РФ от 4 мая 2010 г. N 464 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению под-

Анализ данного стандарта, основных образовательных программ высших учебных заведений, указанных в анкетах опрошенных лиц, а также указанных в анкетах данных, показал, что в процессе обучения данными сотрудниками не изучались основы оперативно-розыскной деятельности. Кроме того, данная дисциплина не включена в базовую часть большинства основных образовательных программ с присвоением квалификации выпускника бакалавр или специалист³².

Таким образом, исследование содержания требований к компетенции большинства юридических специальностей позволяет заключить, что знания в области оперативно-розыскной деятельности (далее ОРД) можно отнести к специальным знаниям, используемым при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел. При этом оперативно-розыскные мероприятия являются одним из основных источников получения информации о преступлениях, связанных с опасными для здоровья веществами.

Исследование содержания знаний должностных лиц, осуществляющих расследование преступлений, связанных с использованием опасных для здоровья веществ, позволяет также выделить в качестве специфической область знаний об особенностях образования и обнаружения следовой информации о соответствующей преступной деятельности. Такой вывод можно сделать в первую очередь исходя из данных проведенного нами анкетирования. Так, 99% опрошенных нами следователей и дознавателей самостоятельно не осуществляют поиск следов в процессе расследования преступлений, предоставляя эту функцию специалисту. Тенденция привлечения к поиску следовой информации сведущих лиц проявляется и в нормативных документах, регламентирующих организацию предварительного расследования³³.

Исследования также показали, что опрошенные нами лица не получили знаний об особенностях слефообразования, обусловленных различными механизмами преступной деятельности, связанной с опасными для здоровья веществами. Подтверждает данные проведенного нами опроса содержание учебников по криминалистике. Так, например, в некоторых учебниках по криминалистике отсутствует в качестве темы изучения методика расследования незаконного оборота каких-либо опасных для здоровья веществ³⁴. Содержание других учебников, относящиеся к данной теме, включает освещение некоторых вопросов криминалистической характеристики преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (обстоятельства, подлежащие установлению, особенности возбуждения уголовных дел, типичные ситуации первоначального этапа расследования и особенности тактики первоначальных и последующих следственных действий)³⁵. При этом различные механизмы совершения преступлений, а также особенности образования, обнаружения, закрепления возникающих при этом следов, используемые для этих целей специальные средства и методы в большинстве учебников не освещаются. В учебниках по криминалистике нам не удалось найти никакой информации о специфике расследования преступлений, связанных с сильнодействующими, ядовитыми, радиоактив-

---

готовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»)» / Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 28 июня 2010 г. N 26.

³² См., например, ООП «Уголовно-правовая специализация» по специальности «Юриспруденция» ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» / http://msal.ru/primary-activity/education/educational_program/

³³ См., например, Приказ Следственного комитета РФ от 15.01.2011 N 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» / <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=113650>.

³⁴ См., например, Криминалистика: учебник / Под ред. Н.П. Яблокова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2012. – 400 с.; Криминалистика: учебник / А.А. Топорков. – М.: Инфра-М, РИОР, Контракт, 2013. – 464с.

³⁵ См. например, Криминалистика. Полный курс: Учебник для ВУЗов/ Под общей ред. А.Г. Филиппова. – М.: Юрайт, 2013. – 855с; Криминалистика: учебник / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. – М.: Издательство: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2012 г., 943 с.; Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н.Криминалистика: учебник. – 2-е изд., М.: Проспект, 2013. – 768 с.; Криминалистика: учебник для бакалавров / Ю.В. Францифоров, А.Б. Смушкин, А.А. Рождествина. – М.: Омега-А, 2014, 260 с.; Криминалистика для следователей и дознавателей: научно-практическое пособие / Е.П. Ищенко, Н.Н. Егоров. – М.: Инфра-М, РИОР, Контракт, 2013. – 683 с.

ными веществами, прекурсорами наркотических средств и психотропных веществ, что также позволяет отнести эти знания к специальным.

Успешная антикриминальная деятельность по выявлению, пресечению и расследованию преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами, с нашей точки зрения, невозможна без знаний о природе, свойствах, особенностях воздействия на организм этих веществ, критериях их контролируемости и особенностях установления размеров. На специфичность такой информации и необходимость привлечения к ее получению сведущих лиц говорится и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 23.12.2010) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (далее ППВС от 15.06.2006 № 14)³⁶.

В процессе профессиональной деятельности специфические знания могут быть приобретены правоприменителем. Такие знания, как правило, являются отражением личного опыта. Они могут включать приметы, назидания, рецепты и др. В антикриминальной деятельности по выявлению, пресечению и расследованию преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами, это могут быть, например, знания специфического жаргона, особенностей социального контингента данной территории, обычаев, традиций, как исторических, так и обусловленных специальной социальной средой, например, специфического образа жизни наркоманов, токсикоманов и др.

Но приобретение субъектом правоприменения тех или иных дополнительных знаний, по нашему мнению, не исключает их из категории специальных. На это указывают как подходы ученых, так и положения законодательства³⁷.

Одним из обсуждаемых вопросов является отнесение / неотнесение к специальным криминалистическим знаниям. Это в первую очередь связано с тем, что криминалистика включена в базовую часть учебного цикла по направлению подготовки «Юриспруденция», а знания в области криминалистики ученые относят к юридическим³⁸. Отмечается также отсутствие четкой границы между профессиональными знаниями следователя и криминалистическими знаниями³⁹. Несмотря на это, авторы практически единодушно признают специальными знания в области средств, приемов и методов криминалистической техники⁴⁰. Законодатель в ст. 58 УПК РФ, определяя функции специалиста, также называет специальными знания, необходимые для обнаружения, закрепления, изъятия предметов и документов, применения технических средств.

Специальными знаниями, указывают авторы, можно воспользоваться либо непосредственно, либо опосредованно. В первом случае – это делает лицо, ими обладающее. Во втором случае субъекты правоприменения используют специальные знания опосредованно, через заключение специалиста, эксперта; используют результаты деятельности специалиста⁴¹. Данный вывод сделан на основе изучения смысла слов – «применить», «использовать» в русском языке. Если «применить», означает «осуществить что-либо на

³⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 23.12.2010) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» / «Российская газета», № 137, 28.06.2006.

³⁷ См, например, Нестеров Анатолий Васильевич. Концептуальные основы использования специальных познаний в раскрытии и расследовании таможенных преступлений : Дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 : Москва, 2001, – 375 с. РГБ ОД, 71:02-12/61-5; Теория судебной экспертизы: учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Россинской. – М.: Норма, 2011; Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. Научное издание – М., 2005. – 264 с.

³⁸ См, например, Андреев, И.С., Грамович Г.И., Порубов Н.И. Криминалистика: Учебное пособие / И.С. Андреев, Г.И. Грамович, Н.И. Порубов. – Минск: Вышэйш. шк., 2000. – 335 с.; Гончаренко В.И. Использование данных естественных и технических наук в уголовном судопроизводстве (методологические вопросы) Киев, 1980.

³⁹ Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при раскрытии и расследовании преступлений. – М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2000.

⁴⁰ Соколов А.Ф., Ремизов М.В. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве: Учебное пособие; Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2010.

⁴¹ Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе / Под ред. Е.Р. Россинской. – М.: «Викор-Медиа», 2006.

деле», то «использовать» означает «воспользоваться кем (или чем)»⁴². Всегда применяют свои специальные знания специально уполномоченные субъекты судопроизводства (эксперт, специалист, переводчик, педагог и др.). Правоприменитель в этом случае использует специальные знания этих субъектов.

Требования к специальным знаниям сведущих лиц нормативно регламентированы. Так, ФЗ ГСЭД, КоАП РФ, ГПК РФ ограничивают специальные знания эксперта областью знаний в науке, технике, искусстве и ремесле (ст. 9). УПК РФ, АПК РФ не устанавливают каких-либо ограничений для знаний эксперта. Вместе с тем, существенным остается одно – специальные знания эксперта должны обеспечить объективность исследования и результаты его оценки экспертом, то есть выводное знание. Таким образом, еще один критерий, который следует выделить в анализе генезиса специальных знаний сведущих лиц – это их отличие от знаний, полученных в результате личных восприятий, т.е. от знаний, например свидетелей, потерпевших и др.

Рассмотрение компетенции сведущего лица с точки зрения материальной и функциональной позволяет исключить из содержания понятия специальных знаний такие категории как навыки и умения⁴³. Безусловно, навыки и умения являются составляющими специальной компетенции, но не материальной, а функциональной.

Если следователь, дознаватель, суд, или иной правоприменитель, сам обладает теми или иными специальными знаниями, он может применить их в своей деятельности. Вместе с тем, заслуживает внимания вопрос о пределах применения специальных знаний должностными лицами, уполномоченными выявлять, пресекать и расследовать преступления. Эти пределы определяются функциональной компетенцией должностного лица.

Производство некоторых процессуальных действий в силу прямого указания закона или приказа невозможно без привлечения специалиста. Например, п.1.3. Приказа Следственного комитета РФ от 15.01.2011 № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации»⁴⁴ обязывает следователя привлекать к осмотру места происшествия специалистов, обеспечивать своевременное назначение исследований, судебных экспертиз, применение современных технико-криминалистических и иных специальных средств, методик и научных рекомендаций для обнаружения следов преступления. В ст. 182 УПК РФ в ч. 9.1 имеется указание на обязательное участие специалиста при изъятии электронных носителей и копировании информации при производстве обыска.

В научных работах в качестве критериев использования следователем криминалистических знаний указываются, например, уверенное владение этими знаниями в сочетании с возможностью (неотвлечением следователя от выполнения своих непосредственных функций)⁴⁵. К.В. Бугаев отмечает поверхностность знаний следователя в области криминалистической техники и допускает возможность утраты вещественных доказательств, объясняя это высоким уровнем развития технико-криминалистических средств и методов⁴⁶.

Иной критерий, разграничивающий возможность применения специальных знаний следователем и специалистом, положен М.В. Савельевой и А.Б. Смушкиным, авто-

⁴² См, например, Теория судебной экспертизы: учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Россинской. – М.: Норма, 2011.

⁴³ Например, В. В. Клевцов определяет специальные знания «как знания, навыки и умения, приобретенные субъектом путем специальной подготовки и профессионального опыта». См. Клевцов В. В. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ / Автореф. дисс. к.ю.н.– Орел, 2010.

⁴⁴ Приказ Следственного комитета РФ от 15.01.2011 № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» / <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=113650>

⁴⁵ Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при раскрытии и расследовании преступлений. – М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2000, с. 54.

⁴⁶ См, например, Бугаев К.В. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств: дисс. канд. юрид. наук. Омск, 2003. – 208 с. / Научная библиотека диссертаций и авторефератов / <http://www.dissercat.com/content/kriminalisticheskoe-obespechenie-raskrytiya-i-rassledovaniya-krazh-avtotransporta#ixzz2jreYXymN>

рами учебника «Криминалистика»⁴⁷, которые считают, что следователь применяет свои специальные знания в более упрощенном виде, его выводы и действия должны быть понятны и очевидны. Как отметил Ю.К. Орлов, при производстве следственных действий, следователь может применять специальные знания, но при условии, чтобы результатом этого применения был не вывод, а понятный для всех участников наглядно воспринимаемый факт⁴⁸. На соответствующее условие: фиксацию в протоколах следственных действий только информации, полученной в результате непосредственного наблюдения явлений, материальной обстановки, следов указывают и другие авторы⁴⁹. Таким образом, можно утверждать, что один из критериев разграничения возможности применения специальных знаний субъектом правоприменения и сведущим лицом при производстве процессуального действия лежит в философском понимании чувственного и рационального познания.

В качестве еще одного критерия разграничения возможности применения специальных знаний субъектом правоприменения и сведущим лицом при производстве процессуального действия, как представляется, следует выделить однозначность воспринимаемого факта. Так, например, использование в процессе проведения следственного действия экспресс-теста, предназначенного для определения наркотического средства, несмотря на наглядность, не может быть осуществлено следователем, поскольку изменение окраски тестируемого вещества может быть вызвано не только наличием наркотических средств, но и некоторых иных лекарственных препаратов.

В соответствии с этими критериями, все специальные знания, используемые в судопроизводстве, можно классифицировать на условно специальные знания, (знания, которые при прочих равных условиях могут быть применены и специалистом, и субъектом правоприменения) и безусловно специальные знания, применение которых возможно только субъектом, специально привлекаемым в процесс (экспертом или специалистом).

К *безусловно специальным знаниям*, использование которых в судопроизводстве предполагает мыслительную деятельность специального субъекта, с нашей точки зрения, должно применяться требование научности. В этой связи следует согласиться в Т.В. Аверьяновой, которая отмечает, что специальные знания – суть научные знания, а также то, что специальные знания – это знания, приобретенные в процессе обучения и профессиональной деятельности⁵⁰. Применимо к данной категории специальных знаний определение, детально обоснованное Е.Р. Россинской⁵¹.

Таким образом, **безусловно специальными знаниями следует считать научно обоснованные знания, полученные в результате обучения и профессиональной деятельности, применение которых в процессе расследования преступлений возможно только специальными субъектами.**

Безусловный характер знаний, по нашему мнению, определяется возможностью неоднозначной интерпретации полученного результата; отсутствием наглядно воспринимаемого факта; необходимостью производства аналитических исследований, применения специальных методов в целях анализа информации и т.д.

⁴⁷ Савельева М.В., Смушкин А.Б. Криминалистика. Учебник. М.: Издательство Издательский дом «Дашков и К». – 2009 г. – 608с., – С. 20.

⁴⁸ Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. Научное издание – М., 2005. – 264с., – С.15.

⁴⁹ Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. заслуженного деятеля науки РФ, проф. Р.С. Белкина. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Издательство НОРМА, 2003. – 992 с. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / под. ред. П.А. Лупинской / 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2009. – 1072 с.

⁵⁰ Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: Курс общей теории. – М., 2006.

⁵¹ Специальные знания – это система теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства, ремесла или предпринимательства, приобретаемых путем специальной подготовки и профессионального опыта, необходимые для решения вопросов, возникающих в процессе уголовного, гражданского или административного судопроизводства, производства по делам об административных, таможенных и прочих правонарушениях. (Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». М.: Право и закон. 2002. – С. 15).

Специфической особенностью деятельности по выявлению, пресечению и расследованию преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами, является необходимость использования специальных знаний для определения их вида и названий (так, например, марихуана не может быть определена «на глаз», радиация не имеет цвета и запаха, одурманивающие свойства многих веществ проявляются лишь при определенных условиях). Безусловный характер этих знаний связан с необходимостью установления состава опасных для здоровья веществ, что требует не только высокой квалификации лица, применяющего эти знания, но и соблюдения специальных регламентов, устанавливающих требования к процессу такого определения и квалификации лица, их применяющего. Требования к условиям и порядку аналитической деятельности установлены, например, ГОСТ ИСО/МЭК 17025-2009⁵², и ГОСТ 52960 – 2008⁵³.

Использование в преступной деятельности опасных для здоровья веществ неразрывно связано и с необходимостью установления их размеров. Установление размеров опасных для здоровья веществ достаточно часто требует не только специальных технических средств, но высококвалифицированных знаний о связи количества вредоносных веществ с их свойствами. На несомненность связи количества и качества, влияющих на здоровье веществ, указывал Парацельс (1493 – 1541 гг.): «Все есть яд, и ничто не лишено ядовитости; одна лишь доза делает яд незаметным». Поскольку размеры опасных для здоровья веществ в большинстве случаев не могут быть установлены наглядными способами, знания методов, условий, порядка определения количественных характеристик опасных для здоровья веществ, имеют безусловный характер и должны устанавливаться специальными субъектами.

Фактические данные о происхождении, процессах изготовления, производства, переработки вредоносных веществ, если это требуется для расследования преступлений, должны быть установлены с использованием знаний специальных субъектов. Изготовление, производство, переработка опасных для здоровья веществ являются специфическими процессами, которые осуществляются в определенных условиях и сопровождаются образованием специфических следов, установление наличия которых является предметом специального исследования, что обуславливает безусловный характер применяемых при этом знаний.

Использование специальных средств, предназначенных для выявления опасных для здоровья веществ и их следов, является применением специальных знаний и может быть осуществлено только специальным субъектом, способным объяснить принцип их действия. Технические средства, предназначенные для выявления информации о наличии опасных для здоровья веществ или их следов, основаны на физических или химических закономерностях, измерениях, не поддающихся визуальному наблюдению характеристик и свойств веществ, опасных для здоровья.

Условно специальными, с нашей точки зрения, следует считать знания, используемые в целях получения информации о факте или событии, имеющем значение для дела, применение которых имеет результатом однозначный наглядно воспринимаемый факт. Условно специальные знания могут применяться как специальным субъектом, так и правоприменителем.

К условно специальным знаниям, применяемым в процессе выявления, пресечения и расследования преступлений, можно отнести знания механизма совершения преступления. Применение знаний об известных механизмах преступлений, связанных с опасными для здоровья веществами, позволяет следователю, дознавателю целенаправленно и эффективно осуществлять поиск следов или объемов (масс).

Вместе с тем, вещества или следы сами по себе, без установления их основных характеристик (состава, свойств, размеров) не несут какой-либо криминалистически значимой информации. Например, налет белого цвета на поверхности какой-то упаковки,

⁵² ГОСТ ИСО\МЭК 17025 «ГОСТ ИСО/МЭК 17025-2009. Межгосударственный стандарт. Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий». – М.: Стандартинформ, 2011

⁵³ ГОСТ 52960 – 2008 «Аккредитация судебно-экспертных лабораторий». – М.: Стандартинформ, 2008.

еще не свидетельствует о том, что в ней находился героин, а не мука. В связи с этим, в практической деятельности, поиск как опасных для здоровья веществ, так и их следов осуществляется специалистами.

К условно специальным, с нашей точки зрения, можно отнести также знания об опасных для здоровья веществах, закрепленные в нормативно-технической документации или научных источниках, например, правила учета и контроля ядерных материалов, утвержденные приказом Ростехнадзора⁵⁴, критерии контролируемости наркотических средств и психотропных веществ, приведенные в Международных конвенциях, данные о свойствах веществ и др. Такие знания, являясь специальными, могут быть применены как субъектом правоприменения для обоснования соответствующего решения, так и сведущим лицом, например, при производстве экспертизы.

Целью применения специальных знаний является получение информации, имеющей значение для дела, которая обусловлена:

- необходимостью выявления источников информации;
- необходимостью получения доказательственной информации (закрепление информации в соответствии с процессуальным регламентом);
- необходимостью правильной оценки информации, которая также может быть представлена в форме доказательства или иметь ориентирующий характер.

При этом, в некоторых случаях информация, которая в ориентирующих целях может быть получена и без участия сведущего лица, для целей доказывания требует процессуально определенной формы, например, заключение эксперта или специалиста. Например, в п. 2 ППВС от 15.06.2006 № 14 указано, что для определения размеров наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, суды должны располагать заключениями экспертов или специалистов. Данная фраза субъектами расследования понимается буквально. Соответственно, в большинстве изученных нами постановлений о назначении судебной экспертизы (65%), на разрешение эксперта ставился вопрос об **общем** весе всех одноименных наркотических средств, представляемых на экспертизу, несмотря на то, что сумму всех весов следователь в состоянии посчитать самостоятельно. Аналогично, использование следователем экспресс-теста на отнесение вещества к наркотическим, не имеет доказательственного значения.

Таким образом, следует отметить, что «специальные знания» являются категорией, существование которой невозможно без сопоставления материальных компетенций (совокупностей знаний). Функциональная компетенция определяет пределы применения собственных специальных знаний субъектом правоприменения. Если речь идет о судопроизводстве, то особенные (специальные) знания используются в соответствии с нормами соответствующего процессуального права с целью получения сведений, имеющих значение для расследования или разрешения дела. При этом, если соблюдается процессуальная форма, сведения имеют значение доказательств. Во всех остальных случаях специальные знания используются в судопроизводстве с целью получения ориентирующей информации. Целесообразность облачения информации в форму, придающую ей доказательственное значение, и это отмечается многими авторами (Е.Р. Россинская, А.А. Эксархопуло, Л.В. Лазарева и др.) полностью зависит от усмотрения лица, осуществляющего расследование, или суда. Формы использования специальных знаний определяют доказательственное значение полученных в результате сведений. Вопрос о формах, как правило, поднимается в контексте изучения специальных знаний. При этом, некоторыми авторами выделяются две формы использования специальных знаний: процессуальная и непроцессуальная⁵⁵, внутри которых специальные знания подразделяются на виды. Е.Р. Россинская⁵⁶, выделяет совокупность как процессуальных, так и непроцессуальных форм.

⁵⁴ Приказ Ростехнадзора от 17.04.2012 N 255 «Об утверждении федеральных норм и правил в области использования атомной энергии «Основные правила учета и контроля ядерных материалов» / «Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти», № 44, 29.10.2012.

⁵⁵ См, например, Зинин А.М. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник. – М.: Проспект, 2011. – С.12; Савельева М.В., Смушкин А.Б. Криминалистика: учебник. – М., Издательский дом «Дашков и К». – 2009 г. – 608 с.

⁵⁶ См, например, Теория судебной экспертизы: учебник / Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. – М.: Норма, 2013; Ширимов Ю. Н. К вопросу о формах использования специальных знаний специ-

Поскольку знания в узком смысле неразрывно связаны с субъектом, ими обладающим, в судопроизводстве субъект правоприменения не может быть ограничен в выборе знаний, специальных относительно его собственных знаний, для того, чтобы использовать эти знания для установления обстоятельств, имеющих значение для дела. В этой связи можно согласиться с А. А. Эксархопуло, отметившим, что реально освоить знания всех известных сегодня отраслей и подотраслей права в требуемом для принятия квалифицированных и ответственных решений объеме для следователя и судьи не всегда оказывается возможным⁵⁷.

Необходимость использования специальных знаний в процессуальных формах, по нашему мнению, зависит от усмотрения должностного лица или соответствующих нормативных требований. При этом форма (порядок) использования специальных знаний в соответствующем процессе может содержать требования и (или) ограничения к содержанию специальных знаний. Например, требование к научности знаний эксперта или запрет на использование в процессуальной форме специальных юридических знаний.

Список литературы

1. Федеральный закон от 28.12.2010 N 403-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О Следственном комитете Российской Федерации» (с изм. и доп. от с 01.10.2013) / Собрание законодательства РФ, 03.01.2011, N 1, ст. 15.
2. ГОСТ 52960 – 2008. Аккредитация судебно-экспертных лабораторий. – М.: Стандартинформ, 2008.
3. ГОСТ ИСО/МЭК 17025-2009. Межгосударственный стандарт. Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий. – М.: Стандартинформ, 2011.
4. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Специальность 021100 – Юриспруденция. Квалификация – юрист / <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=339331>.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 (ред. от 23.12.2010) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» / «Российская газета», № 137, 28.06.2006.
6. Приказ Министерства образования и науки РФ от 4 мая 2010 г. N 464 «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 030900 Юриспруденция (квалификация (степень) «бакалавр»)» / Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 28 июня 2010 г. N 26.
7. Приказ Ростехнадзора от 17.04.2012 N 255 «Об утверждении федеральных норм и правил в области использования атомной энергии «Основные правила учета и контроля ядерных материалов» / Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 44, 29.10.2012.
8. Приказ Следственного комитета РФ от 15.01.2011 № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном комитете Российской Федерации» / <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=113650>.
9. Аверьянова Т. В. Судебная экспертиза: Курс общей теории. – М., 2006.
10. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: Учебник для вузов / Под ред. заслуженного деятеля науки РФ, проф. Р.С. Белкина. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Издательство НОРМА, 2003. – 992 с.
11. Андреев, И.С., Грамович Г.И., Порубов Н.И. Криминалистика: Учебное пособие / И.С. Андреев, Г.И. Грамович, Н.И. Порубов. – Минск: Вышэйш. шк., 2000. – 335 с..
12. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия. – М., 2000. – с. 20.
13. Бишманов Б.М. Использование специальных знаний в процессуальной и служебной деятельности / Черные дыры в Российском Законодательстве. – № 4, 2002.
14. Бишманов Б.М. Эксперт и специалист в уголовном судопроизводстве. М.: Московский психолого-социальный институт, 2003.

алиста-бухгалтера при выявлении, расследовании и предупреждении преступлений в сфере экономики // Вестник ВИ МВД России. 2008. №1. – С.75-77.

⁵⁷ Эксархопуло А. А. Специальные познания в уголовном процессе и их нетрадиционные формы / Вестник криминалистики. – Вып. 2, 2001, – С. 23-28.

15. Бугаев К.В. Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств: дисс. канд. юрид. наук. Омск, 2003. – 208 с. / Научная библиотека диссертаций и авторефератов / <http://www.dissercat.com/content/kriminalisticheskoe-obespechenie-raskrytiya-i-rassledovaniya-krazh-avtotransporta#ixzz2jreYXymN>.
16. Бычкова С. Ф. Становление и тенденции развития науки о судебной экспертизе. Алматы -1994.
17. Гончаренко В.И. Использование данных естественных и технических наук в уголовном судопроизводстве (методологические вопросы) Киев, 1980.
18. Грамович Г.И. Тактика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений: Учебное пособие. – Мн.: МВШ МВД СССР, 1987.
19. Губенко, М.С. Механизмы общественного сознания и общественной памяти / М.С. Губенко // Вестник МГОУ. Сер. Философские науки. – М. : Изд-во МГОУ, 2008. – Вып. 4. – С. 44–49.
20. Драпкин Л.Я., Карагодин В.Н. Криминалистика: учебник. – 2-е изд., М.: Проспект, 2013. – 768 с..
21. Закатов, А. А. Использование научно-технических средств и специальных знаний в расследовании / А. А. Закатов, Ю. Н. Оропай. Киев: РИО МВД УССР, 1980.- 104 с.
22. Зинин А.М. Участие специалиста в процессуальных действиях: учебник. – М.: Проспект, 2011. .
23. Зинин А.М., Майлис Н.П. Научные и правовые основы судебной экспертизы. Курс лекций. М., 2001.
24. Зуев Е.И. Современное представление о специальных познаниях в судопроизводстве // Новые разработки и дискуссионные проблемы теории и практики судебной экспертизы. М., 1985. Вып.1.
25. Ищенко П.П., Специалист в следственных действиях: (Уголовно–процессуальные и криминалистические аспекты) – М.: Юрид. лит., 1990.
26. Клевцов В. В. Использование специальных знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ / Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Орел, 2010.
27. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. – М., 2006.
28. Криминалистика для следователей и дознавателей: научно-практическое пособие / Е.П. Ищенко, Н.Н. Егоров. – М.: Инфра-М, РИОР, Контракт, 2013, 683 с.
29. Криминалистика. Полный курс: Учебник для ВУЗов/ Под общей ред. А.Г. Филиппова. – М.: Юрайт, 2013. – 855с;
30. Криминалистика: учебник / А.А. Топорков. – М: Инфра-М, РИОР, Контракт, 2013. – 464с.
31. Криминалистика: учебник / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. – М.: Издательство: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2012 г., 943 с.;
32. Криминалистика: учебник / Под ред. Н.П. Яблокова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2012. – 400 с.
33. Криминалистика: учебник для бакалавров / Ю.В. Францифоров, А.Б. Смушкин, А.А. Рождествина. – М.: Омега-А, 2014, 260 с.
34. Крюков В.В. Философия: Учебник для студентов технических ВУЗов.- Новосибирск: Изд-во НГТУ., 2006.
35. Лазарева Л. В. Концептуальные основы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2011.
36. Лазарева Л.В. Специальные знания и их применение в доказывании по уголовному делу. М., 2009.
37. Лисиченко В.К., Циркаль В.В. Использование специальных познаний в следственной и судебной практике. Киев, 1987.
38. Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при раскрытии и расследовании преступлений. – М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2000.
39. Махов В.Н. Теория и практика использования знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / НИИ проблем укрепления законности и правопорядка. – М., 1993.
40. Нестеров Анатолий Васильевич. Концептуальные основы использования специальных познаний в раскрытии и расследовании таможенных преступлений : Дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 : Москва, 2001, – 375 с. РГБ ОД, 71:02-12/61-5.
41. Орлов Ю. К. Заключение эксперта и его оценка (по уголовным делам). М.: Юристь, 1995.

42. Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. Научное издание – М., 2005. – 264с.
43. Петрухина А.Н. Специальные знания как необходимый элемент заключения эксперта в уголовном процессе / Российский судья, 2007, № 8.
44. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». М.: Право и закон. 2002.
45. Савельева М.В., Смушкин А.Б. Криминалистика. Учебник. М.: Издательство Издательский дом «Дашков и К». – 2009 г. – 608 с.
46. Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. – М.: Городец, 1999.
47. Соколов А.Ф., Ремизов М.В. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве: Учебное пособие; Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2010.
48. Соколовский З. М. Понятие специальных знаний (к вопросу об основаниях назначения экспертизы). Криминалистическая судебная экспертиза. Вып. 6. Киев, 1969.
49. Теория судебной экспертизы: учебник / Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М. – М.: Норма, 2013.
50. Треушников М. К. Судебные доказательства. М.: Городец, 1997.
51. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / под. ред. П.А. Лупинской / 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2009. – 1072 с.
52. Философия и методология познания: Учебник для магистров и аспирантов / Под общ. и науч. ред. В.Л. Обухова, Ю.Н. Солонина, В.П. Сальникова и В.В. Васильковой СПб. : Фонд поддержки науки и образования в области правоохранительной деятельности «Университет», 2003. – 560 с.
53. Философия: Учебник для вузов / Под общ. ред. В. В. Миронова. – М.: Норма, 2005. – 928 с.
54. Ширимов Ю. Н. К вопросу о формах использования специальных знаний специалиста-бухгалтера при выявлении, расследовании и предупреждении преступлений в сфере экономики // Вестник ВИ МВД России. 2008. №1. С.75-77.
55. Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научные обоснования. М: 1967.
56. Эскархопуло А.А. Специальные познания в уголовном процессе и их нетрадиционные формы // Вестник криминалистики. Вып. 2. М.: Спарк, 2001.

THE STRUCTURE AND FUNCTIONS OF PARTICULAR CRIMINALISTIC ACTS' THEORY DURING PREJUDICIAL INQUIRY

E.V. IVANOVA

*Moscow State University of
Law by the name O.E. Kutafin*

*e-mail: ivanova-elena-
7@yandex.ru*

The article considers with a usage of special knowledge at investigation of the crimes connected with health dangerous substances. It is offered to allocate material and functional components in the competence. The content of the special knowledge used at investigation of crimes connected with health dangerous substances is analysed in the article. It is offered to classify the knowledge used at investigation of crimes on conditionally special and certainly special.

Key words: special knowledge, competence, subjects.

УДК 343.13

КОНСУЛЬТАЦИОННОЕ УЧАСТИЕ СПЕЦИАЛИСТА-КРИМИНАЛИСТА В СУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ*

И.Н. КИСЛИЦИНА

*Белгородский
государственный
национальный исследова-
тельский университет*

*e-mail:
kislitsina@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются вопросы консультационной деятельности специалиста-криминалиста в судебном производстве по уголовному делу.

Ключевые слова: консультационная помощь; участие специалиста-криминалиста в суде при рассмотрении уголовного дела, сторона защиты, сторона обвинения.

В условиях действия современных норм, определяющих состязательный порядок уголовного судопроизводства, помощь специалиста-криминалиста при рассмотрении уголовного дела в суде на основе дачи консультаций приобретает важное значение, способное положительно воздействовать на принятие сторонами и судом правильных решений. Данный вид деятельности может быть востребован не только судом, но и любыми другими участниками судебного разбирательства как со стороны защиты, так и обвинения.

Вместе с тем, консультационная деятельность специалиста-криминалиста в судебном разбирательстве востребована ещё не в полной мере. В значительной степени это связано с отсутствием научно обоснованных рекомендаций и процессуальных норм, обеспечивающих практическую реализацию специальных знаний данного вида в судебном производстве.

Учёными высказывается мнение, что данную форму участия специалиста-криминалиста называют «справочной, консультативной, вспомогательной, ориентирующей деятельностью сведущих лиц, консультационной, справочно-консультационной»¹.

По определению Н.В. Корепанова, консультативная форма – это привлечение специалиста в любых других случаях, не оформленных как следственное действие. По существу, эта форма представляет собой приглашение специалиста для освещения вопросов узкопрофильного характера в областях знаний, где следователь и адвокат некомпетентны².

Справочно-консультационная деятельность специалиста-криминалиста – это форма его взаимодействия со следователем с целью оказания помощи последнему с помощью своих профессиональных знаний в определении характера явлений, процессов и объектов, имеющих отношение к расследуемому преступлению³.

* В рамках выполнения проекта внутривузовского конкурса грантов «Инициатива» НИУ «БелГУ», № проекта 027-2013, внебюджетные средства.

¹ Гришина Е.П., Саушкин С.А. Консультативно-справочная деятельность специалиста как форма использования специальных знаний в производстве по уголовным делам // Российский судья. №6. 2006. – С. 38; Кислицина И.Н. Справочная и консультационная деятельность специалиста-криминалиста при производстве некоторых следственных действий на стадии предварительного расследования краж // Научные ведомости Белгородского государственного университета. № 9(152). 2013. Вып.24. – С. 241; Комаров И.М., Комарова Е.И. Справочно-консультационная деятельность специалиста-криминалиста в судебном разбирательстве // Современные тенденции развития криминалистики и судебной экспертизы в России и Украине: материалы междунар. науч.- практ. конф. в рамках проекта «Российско-украинские криминалистические чтения на Слобожанщине», 25-26 марта 2011 г.: в 2 т. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2011. – Т.1. – С. 54.

² Корепанов Н.В. Использование адвокатом специальных познаний при осуществлении защиты по экономическим преступлениям // Федеральное агентство по адвокатуре: практика применения и проблемы совершенствования: материалы Международной науч.-практич. Конференции. Екатеринбург, 13 июля 2004 г. – С. 75.

³ Кислицина И.Н., Комаров И.М. Справочная деятельность специалиста в расследовании краж. – Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing. 2012. – С. 28.

Консультационную помощь специалист-криминалист может оказывать участникам судебного разбирательства со стороны защиты. По уголовным делам в качестве защитника допускаются адвокаты (п.2 ст.49 УПК РФ).

Деятельность специалиста по поручению защитника предусмотрена ч.1 п.3 ст. 53 УПК РФ, в которой указано, что защитник вправе привлечь специалиста в соответствии со ст. 58 УПК РФ.

По мнению большинства учёных, системный анализ норм УПК РФ и Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» позволяет сделать вывод о том, что «по уголовному делу адвокат может привлечь специалиста как на договорной основе, так и с помощью властных полномочий органов, ведущих производство по уголовному делу»⁴.

Например, защитники нередко обращаются за помощью к частным экспертам, которые выступают в качестве специалистов-рецензентов заключений экспертов, официально назначенных по делу. Анализ таких рецензий, проведённый Е.А. Зайцевой, позволяет утверждать о высоком профессиональном уровне таких специалистов, об умении аргументировать свою позицию, о знании слабых мест официально установленных методик. Это позволяет специалисту-рецензенту дать всестороннюю оценку научной обоснованности заключения эксперта, его компетентности, соблюдению им методик⁵.

Кроме защитника-адвоката использовать консультации специалиста-криминалиста со стороны защиты может и сам обвиняемый. Согласно п. 5 ч.4 ст. 47 УПК РФ обвиняемый вправе заявлять ходатайства и отводы. Мы считаем, что это не препятствует обвиняемому заявлять ходатайство о привлечении специалиста-криминалиста для дачи консультации.

Однако, в данном случае возникает естественное препятствие, а именно, отсутствие у обвиняемого (так же как и у подозреваемого) и их защитников, в большинстве случаев, специальных познаний, которые необходимы для обоснованного заявления тех самых ходатайств⁶.

Ч.4 ст. 271 УПК РФ устанавливает, что «Суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон».

В основном, данная деятельность носит характер консультаций, по вопросам, требующим специальных знаний. Консультация может быть дана в устной форме и тогда она заносится в протокол судебного заседания и является очень ценной для правильного и эффективного построения защиты. Специалист-криминалист может изложить своё мнение в письменной форме, например справки, и тогда защитник-адвокат может ходатайствовать перед следователем и судом о приобщении её к делу в качестве иного документа, и использовать её при обосновании своего ходатайства о назначении экспертизы, о постановке перед экспертом дополнительных вопросов и т.д. Мнение специалиста-криминалиста может быть выражено и в форме заключения специалиста, которое является доказательством по уголовному делу. Однако, в законе не предусмотрены ни форма, ни процедура получения заключения специалиста.

На основе анализа и обобщения научных источников⁷ можно выделить следующие случаи получения консультаций адвокатом от специалиста-криминалиста:

⁴ Гуляев А.Г., Ривкин К.Е. и др. Комментарий к Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» с приложениями. М. 2010. – С.55; Жеребятёва Т.И. Адвокат-защитник и специалист: проблемы совершенствования законодательства // Федеральное агентство по адвокатуре: практика применения и проблемы совершенствования: материалы Международной науч.-практич. Конференции. Екатеринбург, 13 июля 2004 г. – С.83.

⁵ Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательности уголовного судопроизводства: монография. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. – С. 330.

⁶ Тарасов А.А. Об участии стороны защиты в использовании специальных знаний по уголовным делам // Федеральное агентство по адвокатуре: практика применения и проблемы совершенствования: материалы Международной науч.-практич. Конференции. Екатеринбург, 13 июля 2004 г. – С. 271.

⁷ Конин В.В. Использование адвокатом-защитником специальных знаний при осуществлении защиты по уголовным делам // Использование специальных знаний в судопроизводстве. Калининград, 2005. – С. 67; Степанов В.В., Шапиро Л.Г. Процессуальные и криминалистические проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Использование специальных знаний в судопроизводстве. Калининград, 2005. – С. 10; Россинская Е.Р. Использование специальных

- при необходимости оценки правильности предварительных исследований, проведённых в непроцессуальной форме, как до возбуждения уголовного дела, так и в процессе его расследования;

- для получения суммы готовых знаний с целью определения возможности и необходимости заявления ходатайств о назначении экспертизы; о привлечении конкретного лица в качестве эксперта; о постановке вопросов эксперту; о направлении на экспертизу дополнительных материалов; о признании доказательств недопустимыми или недостоверными; для оценки правильности постановления о назначении экспертизы; оценки самого заключения эксперта, для определения предмета экспертизы; пригодности объектов для экспертного исследования и др.⁸

В судебном производстве по уголовному делу помощь в форме консультации специалист-криминалист может оказывать и стороне обвинения. В ходе судебного производства по уголовному делу поддерживает государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность, прокурор (п.3 ст.37 УПК РФ).

П. 4 ст. 246 УПК РФ устанавливает, что по ходатайству прокурора суд может повторить допросы свидетелей, потерпевших, экспертов либо иные судебные действия. Мы считаем, что сюда можно включить и специалиста. Однако, у прокурора может быть достаточно специальных знаний для постановки вопросов эксперту, правильного определения предмета экспертизы, её возможности, и даже для оценки заключения эксперта. Поэтому прокурор может и не обратиться за консультацией к специалисту.

Таким образом, помощь специалиста-криминалиста в форме консультаций при рассмотрении уголовных дел в суде могут использовать и сторона защиты, и сторона обвинения.

Кроме этого, консультационное участие специалиста-криминалиста может быть эффективно использовано при рассмотрении уголовных дел в суде на этапах и стадиях, определённых уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, в частности, на стадиях предварительного слушания и судебного разбирательства.

Порядок предварительного слушания по всем категориям уголовных дел при наличии к тому законных оснований создаёт реальные условия состязательности при исследовании доказательств в ходе предварительного слушания.

Согласно ч.1 ст. 229 УПК РФ суд по ходатайству стороны или по собственной инициативе проводит предварительное слушание при наличии к тому законных оснований:

- 1) при наличии ходатайства стороны об исключении доказательства, заявленного в соответствии с частью третьей настоящей статьи;
- 2) при наличии основания для возвращения уголовного дела прокурору в случаях, предусмотренных статьей 237 настоящего Кодекса;
- 3) при наличии основания для приостановления или прекращения уголовного дела;
- 4) для решения вопроса о рассмотрении уголовного дела судом с участием присяжных заседателей.

Наибольшую эффективность консультационная деятельность специалиста-криминалиста может иметь в тех случаях, когда предварительное слушание проводится судом «при наличии ходатайства стороны об исключении доказательства, заявленного в соответствии с частью третьей настоящей статьи (п. 1 ч. 2 ст. 229 УПК РФ).

Согласно ч. 5 ст. 234 УПК РФ, если стороной заявлено ходатайство об исключении доказательств, судья выясняет у другой стороны, имеются ли у неё возражения против данного ходатайства. При отсутствии возражений судья удовлетворяет ходатайство об исключении доказательства и выносит постановление о назначении судебного заседания, если отсутствуют иные основания для проведения предварительного слушания.

При несогласии стороны с требованием об исключении какого-либо доказательства, заявленным противоположной стороной, происходит исследование доказательств,

---

знаний в адвокатской деятельности (по уголовным и гражданским делам, делам об административных правонарушениях) // Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. Екатеринбург, 2002. – С.111.

⁸ Классен Н.А., Классен А.Н., Кудрявцева А.В. Использование специальных знаний при осуществлении защиты по уголовным делам: монография. – М.: Юрлитинформ, 2011. – С. 76.

которые, как правило, предоставляет сторона, заявившая ходатайство об исключении доказательств. При рассмотрении ходатайства об исключении доказательства, заявленного стороной защиты на том основании, что доказательство было получено с нарушением требований настоящего Кодекса, бремя опровержения доводов, представленных стороной защиты, лежит на прокуроре. В остальных случаях бремя доказывания лежит на стороне, заявившей ходатайство (ч. 4 ст. 235 УПК РФ).

Таким образом, суду предоставлено право исследовать материалы дела уже на этой стадии. Так, на основании ч. 3 ст. 235 УПК РФ, в случае, если одна из сторон возражает против исключения доказательства, судья вправе огласить протоколы следственных действий и иные документы, имеющиеся в уголовном деле и (или) представленные сторонами.

Ст. 253 УПК РФ определяет, что судья вправе допросить свидетелей и приобщить к уголовному делу документ, указанный в ходатайстве. По ходатайству сторон в качестве свидетелей могут быть допрошены любые лица, которым что-либо известно об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к уголовному делу документов, за исключением лиц, обладающих свидетельским иммунитетом. В частности, судья, сторона защиты, сторона обвинения могут допросить не только свидетеля, но и обвиняемого, потерпевшего, следователя, эксперта.

На наш взгляд, данное положение не препятствует суду, или сторонам посредством ходатайства перед судом пригласить на предварительное слушание специалиста-криминалиста, заслушать его мнение по определённым вопросам, толкование которых требует специальных знаний. Данное толкование следует расценивать как получение участниками уголовного процесса от специалиста-криминалиста консультации или дачи справок по сложным вопросам:

- о назначении экспертизы;
- о постановке вопросов эксперту;
- правильно ли были изъяты и зафиксированы следы преступления, выступающие в качестве доказательств;
- иные вопросы, связанные с применением криминалистических рекомендаций при проведении следственных действий.

В случае назначения судьёй судебного заседания специалист-криминалист может участвовать в нём на основании ст. 251 УПК РФ в соответствии со ст. 58 и 270 УПК РФ.

Судебное разбирательство – это центральная стадия уголовного процесса. В ней суд первой инстанции на основании всестороннего исследования обстоятельств уголовного дела принимает решение по существу и выносит приговор. Приговор – это процессуальный акт, в котором отражается вопрос о виновности или невиновности подсудимого и о назначении ему наказания либо об освобождении от наказания.

Участники судебного разбирательства могут предоставлять дополнительные доказательства, ходатайствовать перед судом об исключении из перечня доказательств, и предъявляемых в судебном заседании, ранее собранных доказательств⁹.

Во всех случаях, когда для установления конкретных обстоятельств дела необходимы специальные познания в науке, технике, искусстве или ремесле, следует решать вопрос, требуется ли проведение экспертизы или эти обстоятельства могут быть выяснены путём привлечения к участию в судебном разбирательстве соответствующего специалиста.

Специалист-криминалист приглашается для участия в судебном разбирательстве в тех случаях, когда суду либо участникам судебного разбирательства при исследовании доказательств могут понадобиться специальные знания и навыки (например, при объяснении технологического или производственного процесса).

На наш взгляд, консультационная деятельность специалиста-криминалиста может быть востребована судом, когда:

- требуется назначить судебную экспертизу (включая определение объектов экспертизы, формулирование вопросов перед экспертом);
- требуется независимое суждение о заключении эксперта;

⁹ Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательности уголовного судопроизводства: монография. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. – С. 344.

- одна из сторон, участвующая в судебном разбирательстве, или суд не согласны с выводами эксперта;
- одна из сторон судебного разбирательства не согласна с выводами эксперта о невозможности дачи заключения по представленному объекту или поставленным вопросам;
- имеются сомнения в правильности заключения эксперта, сделанном как в ходе предварительного расследования, так и в ходе судебного разбирательства;
- заключение эксперта недостаточно ясно для сторон, участвующих в судебном разбирательстве;
- имеются разногласия между экспертами, проводившими комиссионную или комплексную экспертизу.

Получение такой консультации в свою очередь, позволит суду дать оценку собранным по делу доказательствам в совокупности с консультацией специалиста, что также будет способствовать объективному и своевременному разрешению уголовного дела.

Получение квалифицированной консультации в некоторых случаях будет достаточным для принятия хорошо мотивированного решения без назначения и проведения экспертизы, что, конечно же, сократит процесс рассмотрения дела. Консультация специалиста, данная в письменной форме, оглашается в судебном заседании и приобщается к делу. Устные консультации и пояснения специалиста отражаются в протоколе судебного заседания¹⁰.

Анализ материалов уголовных дел свидетельствует, что специалист-криминалист вызывается в судебное заседание для дачи независимой консультации по вопросам содержания заключения эксперта. Однако, достаточно часто для этого в суд вызывается эксперт, проводивший данную экспертизу.

Кроме того, специалист-криминалист приглашается в судебное заседание для объяснения обстоятельств участия специалиста-криминалиста в следственных действиях на стадии предварительного расследования преступлений, а именно:

- правильно ли специалист-криминалист описал следы, обнаруженные на месте происшествия, и соответствуют ли они представленным для ознакомления участникам судебного заседания;
- соответствует ли криминалистическим рекомендациям порядок обнаружения, изъятия, упаковки и хранения обнаруженных на месте происшествия следов;
- соответствует ли процессуальным требованиям порядок изъятия экспериментальных образцов для сравнительного исследования;
- иные вопросы, связанные с правильностью использования криминалистических рекомендаций в процессе расследования преступлений.

Проблемы участия специалиста-криминалиста в судебном разбирательстве не ограничиваются вопросами, возникающими в стадии предварительного слушания и в ходе самого судебного разбирательства. В соответствии с ч. 5 ст. 365 УПК РФ, в ходе судебного следствия в суде апелляционной инстанции «стороны вправе заявить ходатайство о вызове новых свидетелей, производстве судебной экспертизы...» в порядке, предусмотренном ст. 271 УПК РФ. Ч. 4 указанной статьи запрещает суду отказывать в удовлетворении ходатайства о допросе свидетеля или специалиста, приглашенного сторонами.

Исходя из п. 1 ст. 58 УПК РФ специалист-криминалист может быть вызван в суд для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию.

Однако, закон не определяет, каков процессуальный порядок дачи разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в компетенцию специалиста. Косвенный вывод можно сделать из анализа ч. 4 ст. 271 УПК, гласящей, что суд не вправе отказать в допросе в судебном заседании лица в качестве свидетеля или специалиста, явившегося в суд по инициативе сторон. Следовательно, специалист дает свои разъяснения в ходе допроса. Но в каком качестве он допрашивается? Такого следственного действия, как допрос специалиста, за-

¹⁰ Комаров И.М., Комарова Е.И. Справочно-консультационная деятельность специалиста-криминалиста в судебном разбирательстве. // Современные тенденции развития криминалистики и судебной экспертизы в России и Украине: материалы междунар. науч.- практ. конф. в рамках проекта «Российско-украинские криминалистические чтения на Слобожанщине», 25-26 марта 2011 г.: в 2 т. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2011. – Т.1. – С. 55.

коном не предусмотрено. Следовательно, считает А. Давлетов, «он может допрашиваться только в качестве свидетеля. Таким образом, появляется фигура так называемого сведущего свидетеля, хотя и без официального применения такого термина. Однако, специалист и свидетель – разнородные участники уголовно-процессуальной деятельности, что подтверждается закреплением статуса каждого в разных статьях УПК РФ (56 и 58), собственной совокупностью прав и обязанностей того и другого, а главное – различным характером приобретенного знания. Поэтому допрос специалиста есть самостоятельное следственное действие, подлежащее безотлагательному внесению в УПК РФ»¹¹.

Таким образом, консультационное участие специалиста-криминалиста при рассмотрении уголовных дел в суде может быть востребована судом, стороной защиты и стороной обвинения в целях обнаружения следственных ошибок и недостатков предварительного расследования для их своевременного устранения в суде в установленном уголовно-процессуальном законом порядке. Однако, данный вид деятельности используется не в полной мере. Для того, чтобы это носило полноценный характер, необходима уголовно-процессуальная регламентация, которая в настоящее время недостаточна.

Список литературы

1. Гришина Е.П., Саушкин С.А. Консультативно-справочная деятельность специалиста как форма использования специальных знаний в производстве по уголовным делам // Российский судья. №6. 2006;
2. Кислицина И.Н. Справочная и консультационная деятельность специалиста-криминалиста при производстве некоторых следственных действий на стадии предварительного расследования краж // Научные ведомости Белгородского государственного университета. № 9(152). 2013. Вып.24;
3. Комаров И.М., Комарова Е.И. Справочно-консультационная деятельность специалиста-криминалиста в судебном разбирательстве // Современные тенденции развития криминалистики и судебной экспертизы в России и Украине: материалы междунар. науч.- практ. конф. в рамках проекта «Российско-украинские криминалистические чтения на Слобожанщине», 25-26 марта 2011 г.: в 2 т. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2011. – Т.1.;
4. Корепанов Н.В. использование адвокатом специальных познаний при осуществлении защиты по экономическим преступлениям // Федеральное агентство по адвокатуре: практика применения и проблемы совершенствования: материалы Международной науч.-практич. Конференции. Екатеринбург, 13 июля 2004 г.;
5. Кислицина И.Н., Комаров И.М. Справочная деятельность специалиста в расследовании краж. – Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing. 2012.;
6. Гуляев А.Г., Ривкин К.Е. и др. Комментарий к Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» с приложениями. М. 2010.;
7. Жеребятёва Т.И. Адвокат-защитник и специалист: проблемы совершенствования законодательства // Федеральное агентство по адвокатуре: практика применения и проблемы совершенствования: материалы Международной науч.-практич. Конференции. Екатеринбург, 13 июля 2004 г.
8. Зайцева Е.А. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательности уголовного судопроизводства: монография. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. С. 330.
9. Тарасов А.А. Об участии стороны защиты в использовании специальных знаний по уголовным делам // Федеральное агентство по адвокатуре: практика применения и проблемы совершенствования: материалы Международной науч.-практич. Конференции. Екатеринбург, 13 июля 2004 г. С. 271.
10. Конин В.В. Использование адвокатом-защитником специальных знаний при осуществлении защиты по уголовным делам // Использование специальных знаний в судопроизводстве. Калининград, 2005. С. 67;
11. Степанов В.В., Шапиро Л.Г. Процессуальные и криминалистические проблемы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Использование специальных знаний в судопроизводстве. Калининград, 2005. С. 10;
12. Россинская Е.Р. Использование специальных знаний в адвокатской деятельности (по уголовным и гражданским делам, делам об административных правонарушениях) //

¹¹ Давлетов А. Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. – С. 34.

Профессиональная деятельность адвоката как объект криминалистического исследования. Екатеринбург, 2002. С.111.

13.Класен Н.А., Класен А.Н., Кудрявцева А.В. Использование специальных знаний при осуществлении защиты по уголовным делам: монография. – М.: Юрлитинформ, 2011. С. 76.

14.Давлетов А. Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2010. С. 34.

CONSULTANCY EXPERTISE OF CRIMINALISTS IN LEGAL PROCESS ON CRIMINAL CASES

I.N. KISLITSINA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: kislitsina@bsu.edu.ru

In the article the questions of consultative activity of criminal specialist-lawyer are examined in the court proceeding in criminal business.

Keywords: consultative help; participating of criminal specialist-lawyer in a court at consideration of criminal case, side of defence, advocate, side of prosecution, public prosecutor.

УДК 343.412

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В СФЕРЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЖУРНАЛИСТОВ

В.И. ПАВЛИКОВСКИЙ*Харьковский экономико-
правовой университет**e-mail: pvictor@i.ua*

Рассматриваются положения уголовно-правовой нормы о препятствовании профессиональной деятельности журналиста с позиций определения признаков потерпевшего от данного преступления.

Ключевые слова: свобода слова, защита свободы слова, свобода высказываний, профессиональная деятельность журналиста.

Нормой современной политической культуры является понимание приоритета (верховенства) прав человека по отношению к любым иным правам и интересам (классовым, партийным, национальным и т.п.), понимание этих прав и свобод как абсолютной ценности, без которой демократия невозможна в принципе. Настоящий демократизм требует ликвидации разрыва между провозглашенными правами и их реальным воплощением.

Статьей 34 Конституции Украины каждому гарантируется право на свободу мысли и слова, на свободное выражение своих взглядов и убеждений. На средства массовой информации возложена обязанность правдиво и беспристрастно сообщать обществу любую информацию имеющую общественный интерес. Учитывая то, что СМИ стоят на страже прав и свобод в обществе, для эффективного исполнения указанных функций Европейский суд сформулировал принцип высшего уровня защиты указанной деятельности. Одним из наиболее эффективных способов усиления защиты свободы является установление законодательных гарантий деятельности СМИ, в том числе уголовной ответственности за наиболее опасные посягательства в указанной сфере.

Вопросам, связанным с развитием и функционированием СМИ в современном обществе, посвящено целый ряд фундаментальных и прикладных работ, большое количество научных статей из юридических, политических, социологических наук и государственного управления. Теорию массовой коммуникации и ее средств в общем аспекте разрабатывали такие исследователи, как: Т. Адорно, Р. Барт, З. Бауман, Д. Белл, Дж. Бенигер, П. Бурдье, Н. Винер, Ю. Габермас, М. Горкгаймер, Б. Гунтер, Т. Ван Дейк, Ж. Делез, Ж. Деррида, Дж. Кери, П. Лазарфельд, Г. Ласвелл, Д. Макквейл, Т. Петерсон, Т. Роззак, Ф. Сиберт, В. Шрамм. В украинской и российской юридической науке проблематикой уголовно-правовой защиты деятельности средств массовой информации занимались П. Берзин, Р. Вереша, С. Головатый, С. Лихова, Т. Лазутина, А. Марущак, Л. Костенко, О. Красильникова, Д. Кукушкин, Н. Кушакова и др.

Целью статьи является исследование уголовно-правового обеспечения деятельности средств массовой информации в Украине. Задачей статьи – решение практических проблем применения уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 171 УК Украины.

С принятием Уголовного кодекса Украины в 2001 году предусмотрена ответственность за препятствование законной деятельности журналиста.

В то же время, наблюдается существенное ухудшение ситуации с соблюдением свободы слова и защиты профессиональной деятельности журналистов. Согласно исследованию Института массовой информации 2012 г. стал для СМИ в Украине худшим за последние десять лет¹. В целом, эксперты зафиксировали 324 случая нарушения прав журналистов, из них: аресты, задержания – 6, нападения, побои, угрозы – 40, препятствование профессиональной деятельности, цензура – 180, экономическое и политиче-

¹ Отчет института массовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://focus.ua/society/268943/>

ское давление – 43². Указанные тенденции наблюдаются во всем мире. Согласно отчету организации «Репортеры без границ» в 2012 г. в мире погибло на 33 % больше журналистов по сравнению с предыдущим годом. Было убито 88 профессиональных журналистов и 47 гражданских, более тысячи журналистов и блогеров было арестовано, около двух тысяч подвергнуты угрозам и нападениям³.

Указанные тенденции свидетельствуют об определенных проблемах, возникающих в сфере уголовно-правовой защиты свободы слова и профессиональной деятельности журналистов как в Украине, так и за рубежом. Так, из 103 случаев нарушения прав журналистов только в четырех начато досудебное расследование по ст. 171 УК Украины. Абсолютное же большинство противоправных действий против журналистов квалифицируется по иным статьям уголовного кодекса, в частности, за хулиганство, кражу, разбой, нанесение телесных повреждений⁴. Во многом, сложившаяся ситуация обусловлена комплексом взаимосвязанных причин, в частности, отсутствием правоприменительной практики, точных данных о мотивах преступления при получении первичной информации о совершенном преступлении, а также нежеланием отдельных должностных лиц привлекать дополнительное внимание центрального аппарата МВД и Генеральной прокуратуры к преступлению находящимся под особым контролем. Однако следует отметить, что низкая эффективность нормы, предусмотренной ст. 171 УК Украины во многом вызвана законодательными неточностями в отношении формулировки и определения преступного препятствования профессиональной деятельности журналистов.

Проблемным вопросом квалификации данного преступления для правоприменителя является определение круга лиц потерпевших и характера их деятельности⁵.

Ст. 171 УК Украины предусматривает ответственность за умышленное препятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ч. 1 ст. 171 УК) и преследование журналиста за выполнение профессиональных обязанностей, за критику (ст. 171 УК). При этом, при практическом применении указанной нормы, спор возникает уже на стадии определения кто признается «журналистом» и что следует понимать под «профессиональной деятельностью» и «профессиональными обязанностями».

Правовые основы деятельности журналистов в Украине определены Конституцией Украины, законами Украины «Об информации», «О печатных средствах массовой информации (прессе) в Украине», «Об информационных агентствах», «О порядке освещения деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в Украине средствами массовой информации», «О телевидении и радиовещании», «О государственной поддержке средств массовой информации и социальной защите журналистов», а также иными нормативно-правовыми актами. Кроме того, обязательными на территории Украины являются международно-правовые нормы, ратифицированные Украиной и одобренные Верховным Советом Украины в сфере регулирования деятельности средств массовой информации.

Журналист – творческий работник, который профессионально собирает, получает, создает и занимается подготовкой информации для средств массовой информации, выполняет редакционно-должностные служебные обязанности в средствах массовой информации (в штате либо вне штата) в соответствии с профессиональным названием

---

² Отчет института массовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://focus.ua/society/268943/>

³ Отчет общественной организации «Репортеры без границ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://euroua.com/humrights/journalism/1624-reportery-bez-granits-2012-god-samyj-plokhoy-dlya-svobody-pressy>

⁴ Стенограмма засідання Міжвідомчої робочої групи з аналізу стану додержання законодавства про свободу слова та захист прав журналістів [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/news/23329.html>

⁵ Стенограмма засідання Міжвідомчої робочої групи з аналізу стану додержання законодавства про свободу слова та захист прав журналістів [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/news/23329.html>

должностей (работ) журналиста, которые указаны в государственном классификаторе профессий Украины⁶.

В зависимости от средства массовой информации украинское законодательство также выделяет профессию телерадиожурналиста, журналиста информационного агентства, журналиста редакции печатного средства массовой информации. Несмотря на указанное разнообразие, основными признаками журналиста является его творческая деятельность по сбору, обработке, созданию, хранению, подготовке к распространению, выпуск и распространение информационной продукции, осуществляемая на основании трудовых либо иных договорных отношений с редакцией либо по ее поручению. Причастность лица к редакции подтверждается редакционным свидетельством⁷.

Таким образом, потерпевшим от преступления по ст. 171 УК Украины может быть только лицо, подпадающее под законодательное определение журналиста. При этом необходимо учитывать не только характер деятельности, выполняемой лицом, но и формальный критерий – принадлежность к определенному средству массовой информации на основании трудовых либо иных договорных отношений. Отсутствие такой связи, исключает уголовно-правовую защиту лиц, осуществляющих сбор, хранение и распространение информации.

Указанная проблема актуализировалась с развитием интернет пространства. В настоящее время журналисты интернет-изданий, блогеры, владельцы интернет-страниц находятся вне правового поля регулирования журналистской деятельности. И если, до последнего времени, Интернет не мог рассматриваться в качестве общедоступного средства массовой информации по сравнению с традиционными радио-, телевизионными и печатными СМИ, то сейчас Интернет-журналистика становится существенной составляющей информационной индустрии в Украине, а Интернет-СМИ для украинских пользователей – важнейшим источником информации. Подобное состояние нормативно-правового обеспечения деятельности Интернет-СМИ, а также лиц, предоставляющих общественно-значимую информацию в интернет пространстве приводит к целому ряду проблем развития в сфере обеспечения граждан информацией и обеспечения необходимых условий работы для Интернет-СМИ. Среди таких проблемных моментов: не распространение на журналистов Интернет-изданий положений законодательства о традиционных СМИ, и что самое главное, отсутствие возможности обеспечения для Интернет-журналистов прав и гарантий, связанных с профессиональной журналистской деятельностью (в частности, при получении информации, сохранении тайны авторства и источников информации, обращение к специалистам при проверке полученной информации, уголовно-правовой защиты от преследования журналистской деятельности). Указанные проблемы касаются также деятельности иных участников, осуществляющих сбор и распространение общественно значимой информации, в частности активистов общественных организаций.

Следует отметить, что такие страны как США и Англия просто не имеют отдельного законодательства для СМИ. Любая информационная деятельность в этих государствах регулируется на основании гражданского, уголовного и иного законодательства. Поэтому выделение сетевых средств массовой информации со всей массы Интернет-ресурсов не является для них серьезной проблемой. Правовой базой для решения возникающих проблем в сфере Интернет деятельности является действующее общее законодательство⁸.

⁶ Закон Украины «О государственной поддержке средств массовой информации и социальной защите журналистов» // Ведомости Верховного Совета Украины (ВВС). – 1997. – № 50. – ст. 302. – с последними изменениями от 16.05.2013.

⁷ Закон Украины «О телевидении и радиовещании» // Ведомости Верховного Совета (ВВС). – 1994. – № 10. – ст. 43. – с последними изменениями от 04.07.2013; Закон Украины «О порядке освещения деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в Украине средствами массовой информации» // Ведомости Верховного Совета (ВВС). – 1997. – № 49. – ст. 299. – с последними изменениями от 03.07.2012; Закон Украины «Об информационных агентствах» // Ведомости Верховного Совета Украины (ВВС). – 1995. – № 13. – ст. 83. – с последними изменениями от 04.07.2013.

⁸ Mass Media Act (Zakon o medijih; ZMed) Ljubljana, 25 April 2001. № 010-01/99-8/3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.srdf.si/File/predpisi/mass_media_act.doc

В частности Верховный Суд США в 1996 г. отменил на основании Первой поправки Закон о регулировании Интернета, а в 1988 г. Верховный Суд штата Нью-Йорк принял решение, в соответствии с которым все Интернет-сайты, независимо от их содержания и профессионального уровня считаются средствами массовой информации. Таким образом, любой автор, публикующий свои материалы в сети, считается журналистом независимо от наличия соответствующего свидетельства или принадлежности к редакции и имеет право получать и распространять информацию также как это делают сотрудники иных СМИ⁹.

Во Франции Государственный совет по юридическим вопросам в 1988 г. сделал вывод об отсутствии необходимости создавать отдельное правовое поле для Интернет-сетей и логичным применение к ним правовых норм, действующих по отношению к другим СМИ¹⁰.

К сказанному следует добавить, что ст. 34 Конституция Украины и ст. 5 Закона Украины «Об информации» гарантирует право на информацию, которое предусматривает возможность свободного получения, использования, распространения, хранения и защиты информации, а также лиц, осуществляющих указанную деятельность.

Следует констатировать, что существующее законодательное определение понятие «журналист» не охватывает собой значительный круг лиц, занимающихся получением, сбором, хранением и распространением общественно значимой информации. Правоохранительные органы в такой ситуации идут по пути буквального толкования закона, что во многих случаях исключает возможность применения ст. 171 УК Украины.

Следующей проблемой применения уголовного законодательства в сфере защиты деятельности СМИ является указание на препятствование именно профессиональной деятельности журналистов. Термин профессиональная деятельность неоднократно упоминается в законах о СМИ, но в тоже время не раскрывается его сущность. Так ст. 5 Закона Украины «Об информации» запрещает вмешательство в профессиональную деятельность журналистов, в частности, контроль за содержанием и распространением информации, наложение запрета на освещение отдельных тем или критики представителей власти¹¹. Ст. 25 указанного Закона указывает, что во время выполнения профессиональных обязанностей журналист имеет право осуществлять письменные, аудио- и видеозаписи с применением необходимых технических средств.

Логичным является вопрос о характере деятельности, которая может быть признана профессиональной деятельностью журналиста.

Под профессиональной деятельностью понимается сложная деятельность, которая предстает перед человеком как конституированный способ выполнения чего-либо, имеющий нормативно установленный характер. Профессиональная деятельность объективно сложна и субъективно трудна для освоения. Именно сложность трудовых функций для человека и придает деятельности профессиональный характер¹². Таким образом, сложность труда, диктующая необходимость длительной профессиональной подготовки субъекта, а также необходимость наличия у него определенных свойств, обеспечивающих успешность в этой деятельности, является основным признаком, позволяющим дифференцировать профессиональную деятельность от простого трудового занятия. Для овладения профессиональной деятельностью необходимо специально учиться, овладевая комплексом специальных теоретических знаний и практических навыков¹³, в то время

⁹ Захист прав інтелектуальної власності: досвід Сполучених Штатів Америки: Зб. документів, матеріалів, статей // За заг. ред. О. Святоцького. – К.: Видавничий Дім «Ін Юре», 2003. – 368 с.

¹⁰ Иванов В. Правове регулювання Інтернет. Деякі аспекти. – Права человека в Украине: Информационный портал Харьковской правозащитной группы. – 04.12.2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.khpg.org/ru/index.php?id=1039006699>

¹¹ Закон Украины «Об информации» // Ведомости Верховного Совета (ВВС). – 1992. – № 48. – ст. 650. – с последними изменениями от 03.07.2012.

¹² Суходольский Г.В. Основы психологической теории деятельности. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – 166 с.; Турчинов А.И. Профессионализация и кадровая политика: проблемы развития теории и практики. – М.: Моск. психолого-социальный ин-т, Флинта, 1998. – 272 с.

¹³ Климов Е.А. Пути в профессионализм (Психологический взгляд): Учеб. пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2003. – 320 с.

как относительно простые трудовые занятия не требуют длительной профессиональной подготовки и не предъявляют высоких требований к свойствам исполнителя. Нельзя не согласиться с Г.В.Суходольским, который пишет, что «любой труд, заниматься которым без подготовки или после кратковременной (от нескольких дней до нескольких месяцев) подготовки может любой здоровый, т.е. трудоспособный человек, должен быть отнесен к непрофессиональному труду»¹⁴. Профессиональная деятельность всегда имеет нормативный характер, то есть представляет собой урегулированную правом совокупность прав и обязанностей, необходимых для выполнения профессиональной деятельности с целью достижения необходимого результата.

Профессиональная деятельность должна изучаться как структура, состоящая из «отдельных деятельностей», выделенных по основанию отдельных сторон профессионального труда и при этом каждая из них может рассматриваться как самостоятельная. Так в профессиональной деятельности журналиста возможно выделить деятельность связанную с получением информации, ее обработкой, проверкой, хранением, а также распространением. Именно эта идея получила методологическое оформление в теории деятельности, которая в начале 70-х годов была сформулирована А.Н. Леонтьевым¹⁵.

Главное, что отличает одну деятельность от другой, заключается в различии их предметов. Предмет деятельности придает ей определенную направленность, он есть ее действительный мотив. Понятие деятельности связано с понятием мотива: деятельности без мотива не бывает. Каждая из отдельных деятельностей осуществляется посредством составляющих ее действий, связанных с представлением о том результате, который должен быть достигнут. Действие – это процесс, подчиненный сознательной цели. Отсюда понятие «мотив» соотносится с понятием «деятельность», а понятие «цель» – с понятием «действие». Поскольку происходит выделение целенаправленных действий в качестве составляющих содержание конкретных деятельностей, постольку важна постановка вопроса о природе связывающих их внутренних отношений. Необходимо признание: человеческая деятельность может существовать в форме действия или цепи действий¹⁶. В силу того, что деятельность человека имеет рациональный характер, ее направляет общая цель, функцию которой выполняет осознанный мотив-цель. Поэтому помимо своего интенционального аспекта (что должно быть достигнуто) действие имеет и свой операционный аспект (как, каким способом это может быть достигнуто), который определяется не самой по себе целью, а объективно-предметными условиями ее достижения. Иными словами, осуществляющееся действие отвечает задаче; задача – это и есть цель, данная в определенных условиях. Поэтому действие имеет особое качество, особую его «образующую», а именно способы, какими оно осуществляется¹⁷. В таком случае, профессиональная деятельность журналиста имеет цель, обусловленную задачами средств массовой информации, а именно сбор и распространение общественно-значимой информации. А способ ее достижения обусловлен предусмотренными правами и обязанностями журналиста.

Исходя из вышеизложенного, профессиональная деятельность журналиста в общем виде представляет собой реализацию прав и выполнение обязанностей, направленных на достижение поставленных перед средствами массовой информации задач – сбора, хранения и распространения информации. Так, права и обязанности журналиста печатного СМИ предусмотрены ст. 26 Закона Украины «О печатных средствах массовой информации (прессе) в Украине»; права и обязанности телерадиожурналиста – в ст. 58 и ст. 60 Закона Украины «О телевидении и радиовещании», журналистов информационных агентств – ст. 21 Закона Украины «Об информационных агентствах». При этом объем прав и перечень обязанностей абсолютно не зависит от того, какое место в информационном пространстве занимает та или иная газета, телеканал или информационное агентство, какая у них аудитория, сфера распространения. К тому же, перечень прав жур-

¹⁴ Суходольский Г.В. Основы психологической теории деятельности. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – 166 с. – С. 17.

¹⁵ Иванова Е.М. Основы психологического изучения профессиональной деятельности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 208 с. – С. 30, 36.

¹⁶ Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с. – С. 102, 103.

¹⁷ Там же.

налиста в законах не является исчерпывающим, что предусматривает возможность реализацию журналистом и иных, не предусмотренных законом прав. Что касается конкретных прав и обязанностей журналистов различных СМИ, то они в большинстве случаев одинаковы, среди которых следует выделить следующие.

Журналист имеет право:

- 1) на свободное получение, использование, распространение (публикацию) и хранение информации имеющей открытый характер;
- 2) посещать государственные органы власти, органы местного самоуправления, а также предприятия, учреждения, организации и быть принятым их должностными лицами;
- 3) открыто осуществлять записи, в том числе, с помощью любых технических средств;
- 4) на свободный доступ к статистическим данным, архивным, библиотечным и музейным фондам;
- 5) предпочтению на получение информации, имеющий открытый режим доступа;
- 6) бесплатное удовлетворение запроса по доступу к официальным документам;
- 7) по предъявлению редакционного свидетельства находится в местах стихийного бедствия, катастроф, в местах аварий, массовых беспорядков, на митингах и демонстрациях, на территориях чрезвычайного положения;
- 8) на сохранение тайны авторства и источников информации;
- 9) иные права.

Журналист обязан:

- 1) прiderживаться программы деятельности СМИ с которым прибывает в трудовых или иных договорных отношениях, руководствоваться положениями его устава;
- 2) подавать объективную и достоверную информацию;
- 3) удовлетворять просьбы лиц, предоставляющих информацию на авторство или сохранение тайны авторства;
- 4) отказываться от поручений руководства, если оно не может быть удовлетворено без нарушений закона;
- 5) выполнять обязанности участника информационных отношений, предусмотренных ст. 44 Закона «Об информации», а именно:
  - уважать информационные права иных субъектов, использовать информацию в соответствии законом либо договором;
  - обеспечить соблюдение принципов информационных отношений (открытость, доступность, свобода обмена информацией; объективность, вероятность информации, полнота и точность информации, законность получения, использования, хранения и распространения информации);
  - обеспечить доступ к информации всем потребителям;
  - компенсировать ущерб при нарушении законодательства об информации;
- 6) удерживаться от распространения в коммерческих целях информации, содержащей рекламные сведения о производителе продукции и услуг, коммерческих признаков товара или услуги.

Таким образом, препятствованием профессиональной деятельности журналиста следует считать такие действия, которые связаны с ограничением тех прав либо обязанностей, которые непосредственно обеспечивают возможность выполнения журналистом поставленных перед ним задач по сбору, хранению и распространению информации. Ограничение иных прав журналиста, непосредственно не связанных с указанной деятельностью не влечет ответственности по ст. 171 УК Украины.

Выводы: Судебная практика признает потерпевшим от преступления, предусмотренного ст. 171 УК Украины только ту категорию журналистов, которая в полном объеме отвечает законодательному определению понятия журналист. Прежде всего, это определенный характер деятельности, наличие трудового или иного договора между журналистом и средством массовой информации, наличие документа, подтверждающего связь между средством массовой информации и журналистом, действующим от имени такой организации. Лица, не обладающие совокупностью указанных признаков, не признаются правоохранительными органами журналистами и лишены уголовно-правовой защиты от препятствования их законной деятельности по сбору и распространению информации.

Понятие профессиональной деятельности следует анализировать через призму предусмотренных прав и обязанностей определенных профессий с обязательным установлением цели такой деятельности. Под профессиональной деятельностью журналиста следует понимать реализацию прав или выполнение обязанностей, предусмотренных законом, направленных на получение и распространение общественно значимой информации.

Список литературы

1. Отчет института массовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://focus.ua/society/268943/>
2. Отчет общественной организации «Репортеры без границ» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://euroa.com/humrights/journalism/1624-reportery-bez-granits-2012-god-samyj-plokhoy-dlya-svobody-pressy>
3. Стенограма засідання Міжвідомчої робочої групи з аналізу стану додержання законодавства про свободу слова та захист прав журналістів [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.president.gov.ua/news/23329.html>
4. Закон Украины «О государственной поддержке средств массовой информации и социальной защите журналистов» // Ведомости Верховного Совета Украины (ВВС). – 1997. – № 50. – ст. 302. – с последними изменениями от 16.05.2013.
5. Закон Украины «О телевидении и радиовещании» // Ведомости Верховного Совета (ВВС). – 1994. – № 10. – ст. 43. – с последними изменениями от 04.07.2013.
6. Закон Украины «О порядке освещения деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления в Украине средствами массовой информации» // Ведомости Верховного Совета (ВВС). – 1997. – № 49. – ст. 299. – с последними изменениями от 03.07.2012.
7. Закон Украины «Об информационных агентствах» // Ведомости Верховного Совета Украины (ВВС). – 1995. – № 13. – ст. 83. – с последними изменениями от 04.07.2013.
8. Mass Media Act (Zakon o medijih; ZMed) Ljubljana, 25 April 2001. № 010-01/99-8/3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.srdf.si/File/predpisi/mass_media_act.doc
9. Захист прав інтелектуальної власності: досвід Сполучених Штатів Америки: Зб. документів, матеріалів, статей // За заг. ред. О. Святоцького. – К.: Видавничий Дім «Ін Юре», 2003. – 368 с.
10. Иванов В. Правове регулювання Інтернет. Деякі аспекти. – Права человека в Украине: информационный портал Харьковской правозащитной группы. – 04.12.2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.khpg.org/ru/index.php?id=1039006699>
11. Закон Украины «Об информации» // Ведомости Верховного Совета (ВВС). – 1992. – № 48. – ст. 650. – с последними изменениями от 03.07.2012.
12. Суходольский Г.В. Основы психологической теории деятельности. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. – 166 с.
13. Турчинов А.И. Профессионализация и кадровая политика: проблемы развития теории и практики. – М.: Моск. психолого-социальный ин-т, Флинта, 1998. – 272 с.
14. Климов Е.А. Пути в профессионализм (Психологический взгляд): Учеб. пособие. – М.: Московский психолого-социальный институт: Флинта, 2003. – 320 с.
15. Иванова Е.М. Основы психологического изучения профессиональной деятельности. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – 208 с.
16. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 304 с.

PROBLEMS OF ENFORCEMENT PRACTICES FOR CRIMINAL LEGAL PROTECTION PROFESSIONAL ACTIVITIES OF JOURNALISTS

The article considers the criminal law maintenance of freedom of speech and journalists professional activity. The author analyzes the characteristics of the victim of crime «obstructing professional activities of a journalist».

V. PAVLIKOVSKIY

*Kharkov economic
and legal universitet*

e-mail: pvictor@i.ua

Key words: freedom of speech, speech freedom defence, freedom of utterances, professional activity of journalists.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК:141.319.8 (045)

ОТКРЫТОСТЬ КАК СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА

А.К. АБДИНА*Казахский агротехнический
университет им.
Сакена Сейфуллина**e-mail: abdinaa@mail.ru*

Человек отличается от всего живого тем, что он открыт миру. Открытость – необходимый компонент целостности человека, так как вне возможности преобразовывать мир для полноценного существования человек не может состояться. Определяет открытость как сущностную характеристику человека Арнольд Гелен, который наряду с Максом Шелером и Хельмутом Плеснером является основоположником школы «философской антропологии». Один из основных тезисов Гелена, гласящий, что человек есть существо неспециализированное, получает дальнейшее развитие в том, что человек использует свою неприспособленность, чтобы обозреть и заполучить в свои руки и самого себя, и мир. Внутренняя нестабильность человеческого существования вынуждает его к тому, чтобы человек сам обеспечивал стабильное окружение для своего поведения. Хотя можно сказать, что у человека есть природа, гораздо важнее сказать, что человек конструирует свою природу или сам создает собственную целостность, основанную на бесконечной открытости миру.

Ключевые слова: открытость, целостность, духовность, социокультурные образования, антропологические константы.

Человек обладает исключительной сущностной характеристикой – он открыт миру. Открытость, как признак целостности человека, характеризуется его изначальной неприспособленностью к окружающей среде и способностью совершенствовать мир для экзистенциального пребывания в нем. В свою очередь, удивление, любопытство, сомнение, воображение, творчество, вера – все это признаки открытости человека миру, его способности и возможности познавать, изменять и совершенствовать то, что его окружает.

Человек познает Мир. И себя самого. Как он делает это? С помощью каких средств осуществляется познание? Широко бытует мнение, что познание мира начинается с первым всплеском удивления у человека. Удивление в свою очередь породило любопытство и сомнение. Из любопытства человек начал познавать необъяснимое, постигать невероятное. «Болезнью любопытства» назвал Августин потуги разума объять необъятное. Все достижения человечества, направленные на цивилизационное совершенствование, основаны на любопытстве.

«...В законах развития разума есть только подталкивающая особенность, которая есть любопытство»¹. Действительно, любопытство всегда подталкивает человека вперед, застав-

---

¹ Последняя надежда. Обращение к современному человечеству. СПб., 1999. – С.26.

ляет его открывать новое, постигать неизвестное, но никогда не сдерживает человека, не позволяет ему остановиться и оглянуться назад, или задуматься, а нужно ли ему это новое и неизвестное, необходимо ли оно ему? И беспрестанно подталкивая человека вперед, разум не предполагает сдерживающей особенности познавательной деятельности человека. «...В законах развития души есть только сдерживающая особенность – сомнение»².

Действительно, любопытство никогда не сомневается, оно очень часто доходит до крайних пределов. А сомнение, которое есть закон развития уже не разума, но души, позволяет человеку оглянуться назад, одуматься задуматься над бренностью бытия. Любой субъект, вступающий на путь познания, должен обладать этой способностью, способностью к сомнению. «Всякий новичок – скептик», – считает Ортега-и-Гассет. Нельзя начинать познание, не сомневаясь ни в чем. Но, в то же время, бесконечное сомнение приводит к вечной неразгаданности, вечной неразрешенности проблем. «...Но всякий скептик – только новичок», – продолжает свою мысль Ортега. Вечно сомневающийся всегда остается в начале пути, не продвигаясь существенно в достижении истины. Сомневающийся никогда не достигнет истины.

Воистину, дорогу осилит идущий.

Любопытство и сомнение при всей своей необходимости недостаточны для постижения истины. Воображение, творчество, вера – вот те составляющие познавательной деятельности, которые органично дополняют рациональность мышления.

Времена «огульного рационализма» постепенно проходят, и человечество начинает поворачиваться в сторону духовности, веры, религии. Этот процесс протекает крайне медленно, крайне болезненно и сопровождается такими явлениями, как кризис духовности, деморализация общества, оскудение мировосприятия и мироощущения, или, говоря словами Хайдеггера, еще продолжает царить «вычисляющее мышление», а человечеству надобно стремиться к «осмысляющему раздумью».

Открытость – необходимый компонент целостности человека, так как вне возможности преобразовывать мир для полноценного существования человек не может состояться. Определяет открытость как сущностную характеристику человека Арнольд Гелен, который наряду с Максом Шелером и Хельмутом Плеснером является основоположником школы «философской антропологии». Главным антропологическим исследованием Гелена является книга «Человек. Его природа и его положение в мире». Достаточно четкое, хоть и неполное, представление о философской антропологии Гелена дает его небольшой труд «О систематике антропологии», в котором он подвергает критике все существующие представления о философской антропологии, обвиняя их в излишней метафизичности. «Надо заключить в скобки всякую теорию, сознательно или по недосмотру ориентированную метафизически, ибо ее существование или не существование наряду с фактами не только ничего в них не меняет, но и не порождает никогда новых конкретных вопросов применительно к ним»³. Наука о человеке в полном смысле слова возможна, утверждает Гелен, оговаривая при этом, что если это наука философская, то, значит, не «метафизическая», а скорее, «всеохватывающая».

За искомую отправную точку в построении всеобщей антропологии Гелен берет понятие действия. «Под действием нужно понимать предусмотрительное, планирующее изменение действительности, а совокупность измененных таким образом или вновь созданных фактов вместе с необходимыми для этого средствами – как «средствами представления», так и «вещными средствами» – должно называться культурой»⁴. Наряду с понятием «действие» Гелен рассматривает и понятия «культура» и «сообщество» как психофизически нейтральные понятия, предшествующие любому различению внутренних и внешних факторов, качеств и т.д.

Сравнивая человека с другими живыми существами, Гелен приходит к выводу, что предположение культуры как физического условия существования человека коренным образом отличает его от всех животных. Гелен считает, что при любых обстоятельствах и

² Там же.

³ Гелен А. О систематике антропологии / А. Гелен // Проблема человека в западной философии. М., 1988. – С. 156.

⁴ Там же. С. 160.

во всех условиях человек может выстоять в силу предусмотрительного и планирующего изменения условий своего обитания, и, более того, человек живет исключительно этим. «Человек, органически неспециализированный и открытый для раздражений, не приспособлен ни к какой специфической природной констелляции, но в любой констелляции удерживается благодаря планирующему изменению преднайденого и достижениям ориентации (истолкованиям, интерпретациям, новым комбинациям представлений и т.д.). Поэтому и субъективно у него есть мир, то есть расширяемое, лишь отчасти им сознательно воспринимаемое, охваченное в представлении в пространстве и времени целое»⁵. Не соглашаясь с утверждением, что у человека есть окружающий мир в том же смысле, что и у животных, Гелен задается вопросом: не есть ли сфера культуры именно природная сфера человека?

Если рассматривать человека морфологически, можно убедиться в том, что у него нет специализированных органов, составляющих коррелят окружающего мира, то есть человек выступает как существо неспециализированное. И, как уже отмечалось выше, только предусмотрительное, деятельное изменение этого мира в мир, пригодный для жизни, сделает возможным само существование человека. Гелен утверждает, что только на этом пути возможно биологическое, то есть эмпирическое и недуалистическое понимание «духа», и выдвигает следующую гипотезу: все духовные свершения человека можно понять исходя из его способности к действию. Для того, чтобы доказать данную гипотезу, Гелен рассматривает области восприятия и языка, считая, что ориентация в мире восприятия тесно связана у человека физиологически с развитием его способности к действию. Исследуя структурные законы зрительного восприятия, координацию глаз и рук, осязания и зрения, Гелен обнаруживает, что зрительное восприятие не есть изначально руководящее, но делается руководящим.

Зрительное восприятие постепенно перенимает опыт осязательного восприятия, то есть в результате повседневного опыта практическая ценность вещи становится видимой. Тем самым «движения и действия внушаются чисто оптически, то есть без всякого труда»⁶. Поскольку развитие направлено к тому, чтобы в конце концов воспринимались только важные и плодотворные изменения, постольку Гелен делает вывод, что видимые, то есть воспринимаемые, вещи содержат не только случайные наличные обстоятельства, но одновременно признаки и намеки на возможные или вероятные обстоятельства, а тем самым и указания для обихода и действия. Таким образом, движения человека должны иметь совершенно исключительное, не-животное, не-специализированное богатство комбинаций именно для того, чтобы соответствовать безграничному многообразию обстоятельств и ситуаций, которым предоставлен человек и которыми он должен овладеть»⁷.

Один из основных тезисов Гелена, гласящий, что человек есть существо неспециализированное, получает дальнейшее развитие в том, что человек использует свою непригодность, чтобы обозреть и заполучить в свои руки и самого себя, и мир. Внутренняя нестабильность человеческого существования вынуждает его к тому, чтобы человек сам обеспечивал стабильное окружение для своего поведения. Эта мысль Гелена созвучна теории Хельмута Плеснера об эксцентричности человека и его позиции «вне жизни». Надо заметить, что не только этот момент философии Плеснера привлекает Гелена. Если Плеснер считает, что именно язык и его значения есть истинное экзистенциальное доказательство позиции человека, находящегося в середине собственной жизненной формы и, таким образом, выходящего через нее вовне, то Гелен полагает, что именно благодаря языку делается последний шаг к освобождению от ситуации.

По Гелену, понятие «ситуация» для человека – это то же самое, что «окружающий мир» для животного. «Произвольно преступая границы «здесь-и-теперь», мир оказывается в нашем распоряжении в одних только значениях, чья интимная близость нам истекает из нашей собственной жизненности, а слова одновременно замещают и представляют восприятия, перекрывая их в их фактичности и произвольно транспонируя их,

⁵ Там же. С. 173.

⁶ Там же. С. 179.

⁷ Гелен А. О систематике антропологии / А. Гелен // Проблема человека в западной философии. М., 1988. – С. 181.

что имеет чрезвычайно важное витальное значение в ориентации на удаленное и будущее»⁸.

По этому поводу Гадамер писал, что новейшая философская антропология в лице Шелера, Плеснера и Гелена показала, что «языковое строение мира менее всего означает, что человек со своим отношением к миру загнан в схематизированный языком окружающий мир. Напротив, везде, где есть язык и есть человек, человек этот не только возвышается или уже возвысился над натиском мира, но эта свобода от окружающего мира есть вместе с тем свобода по отношению к именам, которыми мы наделяем вещи, о чем и говорится в Книге Бытия, сообщающей, что Адам получил от Бога власть давать имена вещам...»⁹.

Связывая мышление человека непосредственно с языком, Гелен тем самым снимает проблему души и тела, то есть, рассматривая мышление исходя из языка, а язык – исходя из элементарных движений и ориентаций, Гелен считает, что можно отсечь любые причины для дуалистических допущений. Отсюда следует, что интересы, побуждения, потребности человека неразрывно связаны с иллюзиями их исполнения, то есть даны человеку самым «внутренним» образом.

В процессе же действия, удовлетворяющего эти потребности, от этой внутренней сферы уже ничего не остается, она растворяется в вонне направленном ситуативном сознании деятельности. Но человек сознательно может удерживать в себе свои побуждения, желания и интересы, не вступая в связь с действием. Это состояние Гелен называет «зиянием» (hiatus), и это «зияние» составляет целиком то, что называют душой. «В «зиянии» мы переживаем побуждения в оболочке фантазий и образов ситуаций их исполнения, т.е. в образах внешнего мира. Голодному мерещатся яства, а тщеславному – ордена. Поэтому Новалис, назвавший душу «внутренним внешним миром», видел проблему столь же глубоко, как и Кант, говоривший, что мы наполняем душу именно представлениями внешних чувств. Ясно, что жизненные побуждения человека с такой их осознанностью подвержены всем опасностям расстройств и заблуждений, которых лишено живущее инстинктами существо, и здесь возникает вопрос, какая же необходимость заставила смириться с этим риском»¹⁰.

Актуальные потребности должны сдерживаться, чтобы создать условия для выполнения будущих потребностей, которые будут актуальны в уже измененном мире, мире завтрашнем. Отсюда понятно, как направленная в будущее деятельность человека может находиться во взаимосвязи с его жизненными побуждениями. Но как происходит само это «наполнение души представлениями внешних чувств?» – задается вопросом Гелен. И отвечает: «Для этого нам не надо предполагать ничего, кроме всеобщей способности воображения или проникающей фантазии, достигающей при этом именно сферы побуждений, или же наоборот: открытости миру также и человеческих способностей»¹¹.

Здесь мы снова сталкиваемся с соотносительностью размышлений Гелена с трансцендентальной эстетикой Канта, основополагающим моментом которой является воображение. Человек приводит душу в движение ради свободной игры воображения и рассудка, оживляя порыв своих способностей представления.

И еще один момент. Большинство философско-антропологических исследований в вопросе об отличии человека от всего живого сводится к тому, что признает духовность наиболее специфической особенностью человека. По этому поводу Хельмут Плеснер, являющийся своего рода «духовным преемником» Шелера, пишет: «Специфику духовности как монополии человека Шелер видит в сочетании освобожденного влечения и порыва со способностью к предметному постижению, то есть с открытостью миру»¹².

⁸ Там же. С. 188.

⁹ Гадамер Г.Г. Истина и метод / Г.Г. Гадамер. М., 1988. – С. 514.

¹⁰ Гелен А. О систематике антропологии / А. Гелен // Проблема человека в западной философии. М., 1988. – С. 192.

¹¹ Там же.

¹² Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. М., 2004. – С.13.

Таким образом, мы выяснили, что отличие человека от животных прежде всего в том, что животные живут в закрытых мирах, тогда как взаимосвязь человека с окружающей средой характеризуется открытостью миру. Поскольку эта взаимосвязь обусловлена несовершенной, неспециализированной конституцией человека, это позволяет ему восполнять незавершенность разными видами деятельности. «В этнологии общепризнанно, что способы становления и существования человека столь же многочисленны, сколь и человеческие культуры. Человеческая природа – социокультурная переменная»¹³.

Это значит, что не существует человеческой природы в смысле некоего биологически фиксированного субстрата, определяющего многообразие социокультурных образований. Человеческая природа существует лишь в смысле антропологических констант, определяющих границы и возможности человеческих социокультурных образований. Но специфическая форма проявления человеческой природы определяется этими социокультурными образованиями и соответствует их многочисленным разновидностям. Хотя можно сказать, что у человека есть природа, гораздо важнее сказать, что человек конструирует свою природу или сам создает собственную целостность, основанную на бесконечной открытости миру.

Список литературы

1. Последняя надежда. Обращение к современному человечеству. – СПб.: Иван Федоров, 1999. – 198 с.
2. Гелен А. О систематике антропологии / А. Гелен // Проблема человека в западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 152 – 201.
3. Гадамер Г.Г. Истина и метод / Г.Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 589 с.
4. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. – М.: РОССПЭН, 2004. – 368 с.
5. Бергер П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – М.: Мысль, 1995. – 234 с.

OPENNESS AS ESSENTIAL CHARACTERISTIC OF AN INDIVIDUAL

Human is distinguished from all living beings with his openness to the world. Openness is an essential component of individual integrity, as an individual cannot establish himself beyond the ability to transform the world for his full existence. Arnold Gehlen defines openness as essential characteristic of an individual. Arnold Gehlen, along with Max Scheler and Helmuth Plessner, is the founder of the “philosophical anthropology” school. One of the main Gehlen’s theses, stating that an individual is a non-specialized creature, is further developed in the assumption that individual uses his maladjustment to survey and get his hands on both himself and the world. Inherent instability of human existence forces an individual to ensure stable environment for his behavior himself. Although one can state that an individual has his nature, it is much more important to say that an individual constructs his nature or individually creates his own integrity based on the infinite openness to the world.

Key words: Openness, integrity, spirituality, social and cultural formations, anthropological constants.

A.K. ABDINA

*Kazakh Agro
Technical University*

e-mail: abdinna@mail.ru

¹³ Бергер П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. М., 1995. – С.83.

УДК 141.31:7.035(4)

СОЦИАЛЬНАЯ ВИЗУАЛИСТИКА И МЕДИА-ВИЗУАЛЬНОСТЬ

Е.В. БАТАЕВА*Харьковский гуманитарный университет «Народная украинская академия»**e-mail: bataevaekaterina@yahoo.com*

В статье описана специфика социальной визуалистики как междисциплинарного проекта, развиваемого на стыке социальной философии, визуальной социологии, визуальных исследований и медиафилософии. Предметом социальной визуалистики является медиа-визуальность, понимаемая как особый режим создания визуального контента посредством массовых технологий коммуникации (телевидения, Интернета, прессы).

Ключевые слова: визуалистика, медиа, визуальность, визуальная антропология, визуальные исследования, медиафилософия, коммуникативность.

В современных социальных науках большое внимание уделяется осмыслению таких феноменов, как визуализация и медиатизация социальной жизни. Существуют различные дисциплины (такие как визуальная антропология, визуальные исследования, визуальная культура), предметом которых являются различные модусы визуального. Социальная визуалистика – достаточно новая дисциплина, которая также занимается изучением видимых эффектов социальной жизни, зримых форм социального взаимодействия. Социальная визуалистика находится в отношении *пересечения* с иными визуальными дисциплинами: так, важное место в ней уделяется конкретно-прикладным исследованиям социальных визуальных фактов (по сути это и есть «визуальные исследования»); в ней используются методы социологического анализа и интерпретации визуальных событий; она интересуется социокультурной спецификой функционирования визуальных феноменов (что является предметом «визуальной культуры»). И все же социальную визуалистику трудно назвать «гибридным» эффектом взаимодействия визуальных дисциплин или очередным *mix*’ом различных визуальных подходов, поскольку она имеет ряд специфических характеристик.

Исследованием визуальных феноменов в контексте визуальной антропологии занимались М. Мид, Д. Руби, Е. Александров; в контексте визуальных исследований и визуальной культуры – Н. Брайсон, К. Дженкс, М. Диковицкая, Н. Мирзоев, Т. Митчелл, Д. Элкинс; в контексте визуальной социологии – Л. Картрайтс, П. Штомпка, М. Штуркен и др. Что же касается проекта социальной визуалистики, то он является авторским, и в данной статье будет осуществлена демаркация его концептуальных пределов.

Целью статьи является выявление специфических особенностей социальной визуалистики, отличающих ее от таких визуальных дисциплин, как визуальная антропология, визуальные исследования и визуальная культура, а также описание феномена медиа-визуальности как предмета социальной визуалистики.

Выявим специфику социальной визуалистики, сранивая ее с другими визуальными дисциплинами. В отличие от «визуальных исследований» и «визуальной культуры», которые занимаются изучением культурных феноменов (таких, как фотография, кино, живопись, архитектура), социальная визуалистика сосредотачивается на аналитике *социальных* форм визуальной коммуникации, осуществляемой в публичной сфере взаимодействия социальных акторов. Однако, в отличие от визуальной социологии, которая изучает «визуальные представления и визуальные проявления социальной жизни» (П. Штомпка), социальная визуалистика выходит на уровень философских обобщений, развивая *теорию* визуальности (к примеру, теорию социального образа, теорию кибер-визуальности и т. д.). То есть, с одной стороны, социальная визуалистика – это более «узкий» визуальный проект, ведь в ней интересуются лишь социальными аспектами функционирования визуальных феноменов (к примеру, если в фокус ее внимания попадет фотография, то последует феноменологическое описание *социального* модуса ее функционирования; если же в поле зрения социальной визуалистики попадет культура или искусство, то будут рассмотрены такие

темы, как влияние социальности на формирование тех или иных форм художественной и культурной выразительности или, наоборот, влияние этих форм на повседневность социальных акторов). С другой стороны, социальная визуалистика является более «широким» понятием, поскольку, помимо конкретно-исследовательской деятельности, в ней осуществляется «работа» по философскому пониманию и осмыслению событий/изменений, происходящих в сфере социального визуального.

Сравним социальную визуалистику с визуальной антропологией, которая отделилась от социальной и культурной антропологии в послевоенный период и институционализировалась в 70-е гг. XX в. Как и в социальной визуалистике, в визуальной антропологии сосуществуют два плана анализа, – теоретический и прикладной (этнологический и этнографический). Однако теория и практика визуальной антропологии осуществляется скорее на уровне микро-коммуникации, – уровне повседневной жизни представителей различных культур, – тогда как социальная визуалистика развивает аналитику не только микро-, но и макро-взаимодействий в визуальном универсуме: она изучает объективно существующие структуры визуального, присутствующие в публичной социальной сфере, а также их влияние на повседневные визуальные практики социальных акторов; и, наоборот, ее интересует, как микроуровень визуальной коммуникации структурирует социальный макро-порядок.

В визуальной антропологии интенсифицируется культурологический вектор социального анализа. Так, согласно Е. Александрову, главной целью визуальной антропологии является «диалог культур»: «визуальная антропология – комплексная (научная, творческая, организационная и информационно-технологическая) деятельность, направленная на получение и внедрение в социальную практику аудиовизуальной информации о малоизвестных сторонах жизни общества с целью осуществления диалога культур»¹. Визуальные антропологи занимаются изучением таких *уникальных* аспектов социокультурной жизни, как семейные фото; домашние вещи; визуальные репрезентации кино, моды; телевизионная поп-культура; визуальность городского пространства; иконография советских плакатов и инвалидности и т. п. Что же касается социальной визуалистики, то она, прежде всего, интересуется функционированием не уникальных, а типичных (типологических) форм визуальности, представленных на массовом уровне в публичной социальной сфере, репрезентируемых в пространстве массмедиа.

Можно отметить еще один пункт расхождения между сравниваемыми дисциплинами. Если в визуальной антропологии активно практикуется видеодокументирование культурных феноменов (создание этнографических фильмов и фотосессий может быть расценено как «фирменный знак» этой дисциплины); если в визуальной социологии большое внимание уделяется «производству» фотоснимков, а также «видеографии» социальных проблем, то в социальной визуалистике оказывают предпочтение не созданию новых видео-артефактов, а аналитике и интерпретации уже существующих визуальных фактов, публично представленных и массово растиражированных в массмедиа.

Социальная визуалистика имеет точки концептуального соприкосновения с относительно новым философским проектом, – проектом медиафилософии, появившимся в конце 90-х гг. Медиафилософия изучает специфику функционирования медиа в двух аспектах: во-первых, ее интересует ауто-процесс саморазвития медиа-коммуникаций (процесс изменения медиа-коммуникаций как самозамкнутой системы или, используя терминологию Н. Лумана, аутопойетическое само-движение медиа²); с другой стороны, она изучает антропологический аспект функционирования медиа, то есть воздействие медиа-коммуникаций на самочувствие и поведение медиасубъекта (человека, существующего в измерении медиа-социальности), а также обратное влияние субъектной активности на процесс изменения медиа. Медиафилософия пытается понять, как мыслит и действует современный человек *посредством* медиа, *внутри* медиа; как *он* видит «глазами» (вернее, объективами и камерами) медиа; как *его* видят объективы «машин зрения»

¹ Александров Е. В. Опыт рассмотрения теоретических и методологических проблем визуальной антропологии [Электронный ресурс] / Е. В. Александров. – М. : Пенаты, 2003. – 97 с. Режим доступа : http://visant.etnos.ru/library/maket_book_alex.pdf.

² Луман Н. Реальность массмедиа / Никлас Луман ; [пер. с нем. А. Антоновского]. – М. : Праксис, 2005. – С.18-19.

(П. Вирилио); как меняется его самоощущение и мировоззрение *под воздействием* медиа; какие его способности «самоампутируются» (М. Маклюэн) в результате пребывания в *ситуации* медиа. (Как точно подметил В. Савчук, «медиа инсталлированы в нашу способность понимать мир в его данности. Мы видим не медиа, но медиами»³).

Поскольку существуют разные формы медиа, обладающие определенной спецификой функционирования и влияния на человека, то и характер существования медиа-субъекта внутри конкретного вида медиальности должен различаться. «Описывая разные структуры медиальности, мы по сути описываем не только разные реальности, но и разные способы жизни, разные картины мира, разные языки»⁴. Так, М. Маклюэн описал уникальные структуры жизненного опыта человека, пребывающего в трех разных системах медиальности, – орально-аудиальной, письменно-печатной и аудио-визуальной (электронной) системах медиа, – в которых формируется особый стиль фреймирования окружающего мира, характерный способ видения, слышания, мышления. Человек телематический (обитатель «электронной деревни») совершенно иначе понимает и чувствует окружающий мир, обращает внимание (либо принципиальным образом не замечает) на такие аспекты жизни, которые абсолютно не затрагивают человека устной культуры, и наоборот. Разные способы существования-в-разных-медиа превращаются в «основной вопрос» медиафилософии, изучающей различные модусы медиальности. Подобно М. Маклюэну, Р. Дебрэ выделяет три основных медиа-сферы, изучением которых должна заниматься медиафилософия (или медиология в терминологии Р. Дебрэ): «исторически каждая медиасфера обладает спецификой времени и места: логосфера, в которой письмо становится основным способом вещания под давлением и посредством оральности; графосфера, в которой печатный текст позиционирует свою рациональность в символической среде; видеосфера с ее умерщвлением книги посредством аудиовизуальных медиа»⁵. В отличие от медиафилософии, интересующейся *разнообразными* преломлениями медиа-практик, социальная визуалистика исследует лишь один модус медиальности, а именно – «видеосферу», визуальные образы, представленные в медиа-пространстве, а также характер их восприятия социальными акторами. Социальная визуалистика пытается дать ответ на вопрос, какова природа медиа-визуальности и ее отдельных модусов; как действуют социальные акторы в измерении видеосферы; каким образом видеомедиальность может трансформировать или, напротив, укреплять хабитуальные установки современного человека.

Итак, социальная визуалистика – это междисциплинарный проект, развиваемый на стыке социальной философии, визуальной социологии, визуальных исследований, медиафилософии; включающий в себя абстрактно-философский и практически-исследовательский планы анализа; предметом которого является феномен социального визуального. Социальное визуальное – это визуальные факты, конструируемые и воспринимаемые в сфере социальных взаимодействий на микроуровне (уровне межличностной коммуникации), макроуровне (уровне структурной массмедийной коммуникации), а также в контексте взаимодействия (макро)структур и (микро)действий социальных акторов. Социальное визуальное обладает историческим измерением: в различные эпохи оно приобретает различные качества в зависимости от характера той самой социальности, которая сформировалась в конкретном историческом контексте. Поэтому социальная визуалистика занимается не только изучением современных форм визуализации социальной жизни (ее видимых и наблюдаемых манифестаций), но и анализом культурно-исторических модификаций социального визуального.

В современном обществе социальное визуальное предстает в модусе медиавизуальности, которая приобретает различные характеристики в зависимости от того, в какой сфере проявляется, – в сфере телевизионной, виртуальной или повседневной ком-

³ Савчук В. Медиафилософия : формирование дисциплины / Валерий Савчук // Медиафилософия. Основные проблемы и понятия ; [под. ред. Савчука В.В.]. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2008. – С.24.

⁴ Савчук В. Медиафилософия : формирование дисциплины / Валерий Савчук // Медиафилософия. Основные проблемы и понятия ; [под. ред. Савчука В.В.]. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2008. – С.18.

⁵ Debray R. Media manifestos : on the technological transmission of cultural forms / Regis Debray ; [transl. by E. Rauth]. – London, New York : Verso, 1996. – P.26.

муникации. В связи с этим возникает необходимость в создании различных концептуальных направлений в рамках социальной визуалистики, занимающихся изучением различных модусов медиа-визуальности (теле-визуальности, Интернет-визуальности, билборд-визуальности и т.д.). В зависимости от того, какое значение вкладывается в понятия «медиа» и «визуальность», будем различать разные смысловые оттенки в концепте «медиа-визуальности».

Классическое определение термина «визуальность» (visuality) было предложено Х. Фостером во введении к книге «Видение и визуальность», в котором он попытался различить его с понятием видения (vision): «видение предполагает взгляд как физическую операцию, а визуальность – как социальный факт. ...Различие между терминами указывает на различие внутри визуального – между механизмом зрения и его историческими техниками, между данными зрения и его дискурсивными детерминантами, – различие, вызванное тем, как мы видим, как мы можем видеть, как нам позволено видеть и как нас заставляют видеть»⁶. Визуальность формируется в конкретном социальном контексте, в котором социальные акторы осуществляют практики видения. По мнению Н. Брайсона, характер визуальности формируется под воздействием социальной дискурсивности, ментальных и языковых практик поведения, востребованных в той или иной социокультурной ситуации; любые отклонения от магистральной дискурсивной линии мировосприятия, «непопадание» в mainstream визуальности конкретной эпохи, стигматизируется как галлюцинаторный, неполноценный, «неправильный» визуальный опыт: «видение социализировано, поэтому отклонение от социальной конструкции визуальной реальности может быть названо галлюцинацией, недопониманием или «визуальной беспорядочностью». Между субъектом и миром размещено множество дискурсов, которые формируют визуальность, этот культурный конструкт, отличающийся от видения (vision), понимаемого как непосредственный визуальный опыт»⁷.

Посмотрим, какими значениями обладает концепт «медиа». В буквальном смысле (от лат. *medium*) этот термин означает «нечто среднее, находящееся посреди, занимающее промежуточное положение»⁸. Однако в современной медиафилософии более актуальным становится другое значение этого термина, – не как «посредника», а как «среды», в которой существует человек, как искусственного пространства коммуникации, в котором становится возможен обмен символической информацией между социальными акторами. «Медиа уже не являются техническими посредниками, транслирующим нечто, что в них самих отсутствует, что только через них передается, но сами предстают всепоглощающей и всеохватывающей средой, то есть реальностью опыта и сознания»⁹. Следует отметить, что подобное двойственное понимание термина «медиа» утвердилось не только в медиафилософии, но и в теории массмедиа* (в частности, в социологии массовых коммуникаций), в которой используются два отдельных понятия для выражения указанных двух значений, – «массмедиа» и «массовые коммуникации». Так, согласно А. Черных, «СМИ или масс-медиа – общее обозначение всех форм коммуникации, которые ориентированы на массовые аудитории. Сюда традиционно включается кино, телевидение, радио, газеты, журналы, популярная литература и музыка, Интернет»¹⁰; при этом «процесс массовой коммуникации не есть синоним «масс-

⁶ Vision and Visuality / Edited by Hal Foster. – Seattle : Bay Press, 1988. – P. ix.

⁷ Bryson N. The Gaze in the Expanded Field / Brison N. // Vision and Visuality ; [Edited by Hal Foster]. – Seattle : Bay Press, 1988. – P. 91-92.

⁸ Савчук В. Медиафилософия : формирование дисциплины / Валерий Савчук // Медиафилософия. Основные проблемы и понятия ; [под. ред. Савчука В.В.]. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2008. – С.7.

⁹ Савчук В. Медиафилософия : формирование дисциплины / Валерий Савчук // Медиафилософия. Основные проблемы и понятия ; [под. ред. Савчука В.В.]. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2008. – С.10.

* Отличие теории медиа от медиафилософии, по мнению В. Савчука, заключается в следующем: в теории массмедиа предлагается объективно-научный анализ функционирования медиасферы, в отвлечении от бытийственных вопрошаний человека, тогда как медиафилософия интересуется ситуацией человека, пребывающего в медиапространстве, пытается идентифицировать и осмыслить онтологические проблемы, связанные с медиа-существованием.

¹⁰ Черных А. Социология массовых коммуникаций : [Учебное пособие] / А. И. Черных. – М. : Изд. дом ГУВШЭ, 2008. – С.67.

медиа»; в коммуникативистике существует разграничение между массовой коммуникацией как процессом социального воздействия масс-медиа на аудиторию, и масс-медиа как организованными технологиями, обеспечивающими техническую возможность массовой коммуникации»¹¹. То есть, в современной коммуникативистике концепт «массмедиа» используется в значении «средства» (посредника), с помощью которого осуществляется трансляция информации, тогда как понятие «массовая коммуникация» – в процессуальном значении, как «ситуация», в которой осуществляется взаимообмен сообщениями и взаимодействие социальных акторов.

Если сопрычь два указанных значения «медиа» с понятием «визуальность», то получим два смысловых аспекта концепта медиа-визуальность. Во-первых, если иметь в виду *посреднический* смысл понятия «медиа», медиа-визуальность будет означать особый режим создания визуального «продукта» посредством массовых технологий коммуникации (телевидения, Интернета, прессы). Это – визуальные образы, видео-контент, транслируемый на массовом (а не индивидуальном) уровне посредством аппаратно-технологического обеспечения. Подчеркнем важность двух смысловых аспектов в приведенном определении медиа-визуальности: массовость и технологичность видео-трансляции. Что касается первого аспекта (массовость), то, на первый взгляд, он может вызвать некоторые концептуальные сомнения. Так, по мнению многих теоретиков, понятием «медиа» можно обозначать *любые* средства (как массовые, так и индивидуальные, как тиражируемые, так и «штучные») передачи визуальной информации: тело, лицо, жесты, краски, полотна, бумагу, гипс, дерево, равно как и печатный станок, телевидение, Интернет. «В вопросе о том, все ли есть медиа, встречается две позиции. Одна, вслед за М. Маклюэном, понимает медиа как «саморасширения человека»; то есть любая форма восприятия уже является медиальной, поскольку опосредована нашими органами чувств. Другая же под медиа понимает инстанции, которые предполагают дистанцирование от чувственно-телесного опыта. Например, язык, письмо и все технические и культурные средства коммуникации»¹². Признавая возможность расширенного понимания «медиа» как *любого* средства визуального воплощения некоторого содержания, все же отдадим предпочтение «узкой» интерпретации этого термина, согласно которой не любые, а лишь «рассчитанные на массы» формы трансляции сообщений можно обозначить этим термином. Соответственно, медиа-визуальность можно будет определить как визуальные сообщения, передаваемые на массовом уровне посредством технологий, которые В. Флюссер назвал «визуальными медиа» (фотоаппарат, кинокамера, монитор телевизора/компьютера, видеомаягнитофон).

Как можно заметить, второй смысловой аспект *посреднического* концепта медиа-визуальности, – аспект технологичности, – неизбежно сопутствует аспекту массовости, ведь массовый характер трансляции как вербальной, так и визуальной информации можно обеспечить лишь посредством технологических, машинных средств. По мнению Н. Лумана, значение *технологичности/машинности* является основным в определении понятия массмедиа: «понятием «массмедиа» должны быть охвачены все общественные учреждения, использующие технические средства для распространения сообщений. Прежде всего, подразумеваются книги, журналы, газеты, изготавливаемые на печатном станке; а также результаты всякого рода фото- или электронного копирования, в том случае, если массовые продукты производятся ими для еще не определенных адресатов. Распространение сообщений в эфире также подпадает под это понятие, если сообщения общедоступны. ... *Только машинное производство* какого-либо продукта как носителя коммуникации – а не письменность как таковая – привело к обособлению особой системы массмедиа»¹³. Аналогичное определение «медиа» предлагает известный медиологист Р. Дебрэ: «слово медиа означает «любые средства технического

¹¹ Там же.

¹² Савчук В. Медиафилософия : формирование дисциплины / Валерий Савчук // Медиафилософия. Основные проблемы и понятия ; [под. ред. Савчука В.В.]. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2008. – С.12.

¹³ Луман Н. Реальность массмедиа / Никлас Луман ; [пер. с нем. А. Антоновского] ; – М. : Праксис, 2005. – С.9.

обеспечения, делающие возможным распространение информации (пресса, телевидение, кино, реклама и т.д.)»¹⁴.

Рассмотрим второе, *средовое* определение понятия «медиа-визуальность», которое становится результатом сопряжения концепта «визуальность» и концепта «медиа» в значении «среды обитания» человека. В данном контексте медиа-визуальность означает: процесс производства медиа-образности и других визуальных сообщений, а также ситуацию их восприятия медиа-аудиториями; уникальные режимы видения, которые формируются в современном медиатизированном/электронном обществе; онтологическое условие самопонимания современного человека, наблюдающего свои технологизированные отражения/изображения в медиасреде; ситуацию создания и воспроизводства специфического хабитуса или предрасположенности к определенному стилю повседневного поведения и мышления на массовом уровне. Медиа-визуальность в данном контексте предстает не как вне-положный объект, который можно было бы абсолютно незаинтересованно наблюдать, но как ситуация, в которую погружен каждый современный человек, как общее пространство, в котором разворачивается «спектакль общества» (Ж.-Л. Нанси). Медиа-визуальность как «среда обитания» обладает многоуровневым строением и многовекторным режимом самодвижения, одновременно действуя и на уровне СМИ, и на уровне повседневного коммуницирования социальных акторов, и на уровне латентного становления новой социальности. «Медиаальность [в контексте нашего исследования – *медиа-визуальность*] не редуцируется ни к аппаратам, ни к коммуникантам, ни к социальным условиям ее проявления. Она – эпифеномен всех составляющих»¹⁵. Аналогичным образом Р. Дебрэ определяет понятие «медиации» (*mediations*) (вместо медиа или медиума): медиации – это «динамические комбинации посреднических процедур и тел, которые вклиниваются между производством знаков и производством событий. Подобно «гибридам», медиации одновременно являются технологическими, культурными и социальными»¹⁶.

Какому определению медиа-визуальности, – *посредническому* или *средовому*, – следует отдать предпочтение? Как представляется, каждое из этих определений обладает определенными преимуществами (первым легче оперировать, осуществляя аналитику современного состояния медиасферы; второе обеспечивает более глубокое и насыщенное понимание тех процессов, которые происходят в современном обществе), поэтому в разных исследовательских ситуациях можно использовать то одно, то другое понимания этого термина.

Медиа-визуальность как социальный феномен приобретает различные характеристики в зависимости от того, в каком измерении она формируется и функционирует. Если визуальность, реализуемая в образно-медийном пространстве, характеризуется параметрами «модельности», «симулятивности», «масштабированности»¹⁷ и др., то кибервизуальность проявляется на уровне виртуальной театрализации социальных сюжетов¹⁸ и визуализации акций и интеракций в виртуальных сообществах. Тем не менее, о каком бы модусе медиа-визуальности ни шла речь, она всегда обладает параметром коммуникативности, – она всегда транслирует определенные визуальные сообщения.

Значения медиа-визуальности рождаются в коммуникативном пространстве *между* ее создателем и получателем, – в тот момент, когда она попадает в поле зрения конкретного человека. Уникальность видения, становящаяся эффектом уникальной биографии каждого социального актора, порождает уникальные же значения медиа-визуальности, близкие и понятные *in situ*, – в данной конкретной ситуации, в конкрет-

¹⁴ Debray R. Media manifestos : on the technological transmission of cultural forms / Regis Debray ; [transl. by E. Rauth]. – London, New York : Verso, 1996. – P.12.

¹⁵ Савчук В. Медиафилософия : формирование дисциплины / Валерий Савчук // Медиафилософия. Основные проблемы и понятия ; [под. ред. Савчука В.В.]. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2008. – С.19.

¹⁶ Debray R. Media manifestos : on the technological transmission of cultural forms / Regis Debray ; [transl. by E. Rauth]. – London, New York : Verso, 1996. – P.17.

¹⁷ Батаева Е. Социально-иконографический подход в визуальной социологии / Екатерина Батаева // Социология. Журнал Российской социологической ассоциации. – 2012. – № 3. – С.160.

¹⁸ Батаева Е. Этнометодологический анализ онлайн-коммуникации: кризисный эксперимент в чатах / Екатерина Батаева // Социс. – 2011. – №12. – С.92.

ный момент времени и для конкретного человека. Эти значения могут стать абсолютно неактуальными спустя определенный промежуток времени и совершенно чуждыми другим людям. Они возникают в ситуации конкретного коммуникативного взаимодействия между взглядом и образом, – и исчезают в момент прекращения коммуникативного контакта. Неукорененность и незакрепляемость образных значений, их ускользаемость определяют их принципиальную *коммуникативность* – существование в коммуникации и *посредством* коммуникации (а не до и не после ее). По мнению М. Штуркен и Л. Картрайт, коммуникативные значения возникают в режиме потребления-видения образа: «значения не содержатся исключительно в самом образе, но обретаются в момент их «потребления», видения и интерпретации. Значения каждого образа множественны; они создаются всякий раз, когда на них смотрят»¹⁹. Восприятие медиа-визуальности сопровождается интерпретированием (сознательным или бессознательным) ее значений, которое спонтанно осуществляется социальными акторами. Интерпретации коммуникативных значений медиа-визуальности также обладают коммуникативной природой: они рождаются в ситуации видения (в процессе визуальной коммуникации), сохраняя актуальность лишь в течение небольшого промежутка времени (времени смотрения), превращаясь в устаревшие «социальные консервы» (Я. Морено) после окончания видео-контакта. Коммуникативный медиа-образ порождает множественные интерпретации, что обусловлено множественностью его значений. «Во всех образах присутствуют уровни значений, включающие в себя формальные аспекты, культурные и социо-исторические референции, отсылки к образам прошлого и настоящего, а также контексты, в которых образы показывают себя»²⁰. В зависимости от того, в каком социальном контексте воспринимается медиа-визуальность, и на какие аспекты образности обращает внимание социальный актор, возникают различные варианты понимания ее значений.

Понятие медиа-визуальности включает в свой объем разные модификации, такие как телевизионная, театральная, кинематографическая визуальность, визуальность-в-прессе, Интернет-визуальность и т. д. Медиа-визуальность – это любые видео/фото-изображения/события, оформляемые и транслируемые посредством массмедиа (телевидения, Интернета, прессы). Рассмотрим одну из разновидностей медиа-визуальности, – Интернет-визуальность, проявляемую посредством вербальных текстов (а не визуальных образов), для выражения которой М. Диковицкая подобрала очень меткое словосочетание, – «внутренняя визуальность», становящаяся эффектом «внутренней визуализации»²¹ вербализированных феноменов.

Следует указать на еще один модус наложения феноменов визуализации и виртуализации, который был концептуализирован П. Вирилио. Речь идет о превращении Интернет-технологий в «машины зрения», ведущие наблюдение за повседневной жизнью социальных акторов. В данном случае происходит своеобразная инверсия концептуальных установок: если режим «внутренней визуализации» Интернет-коммуницирования (тот режим, в котором мы будем осуществлять наше исследование) предполагает намерение социальных акторов сделать видимым контекст социальных контактов в Интернете (которые при этом выполняют роль субъектов видения, ведущих наблюдение за жизнью «внутри» компьютера), то «виртуализация зрения» или «синтетическое видение» (то, о чем говорит П. Вирилио) производит объективизацию самих социальных акторов, осуществляемую машиной (компьютером, цифровой техникой), ведущей наблюдение за реальным миром, за жизнью реальных людей. «Засвечивание мира, полностью выставленного на обозрение, лишено слепых пятен и темных областей, представляется целью техник синтетического видения»²². В первом случае Я смотрю/заглядываю в Интернет-мир, во втором случае виртуальный мир смотрит на меня.

¹⁹ Sturken M. Practices of Looking : An Introduction in Visual Culture / Marita Sturken, Lisa Cartwright. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2001. – P.25.

²⁰ Sturken M. Practices of Looking : An Introduction in Visual Culture / Marita Sturken, Lisa Cartwright. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2001. – P.42.

²¹ Dikovitskaya M. Visual Culture : The Study of the Visual after the Cultural Turn / Dikovitskaya M. – Massachusetts : MIT Press, 2005. – P.56.

²² Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана / Поль Вирилио ; [пер. с франц. И. Окуневой]. – М. : ИТДГК «Гнозис», Фонд «Прагматика культуры», 2002. – С.21.

Исследование Интернет-визуальности в большей мере тяготеет к семиотической аналитике, поскольку она обладает не столько образной, сколько знаковой природой. В то же самое время следует отметить, что Интернет-визуальность становится предметом именно визуальной (а не вербальной) семиотики и, как следствие, социальной визуалистики (точнее, кибер-визуалистики). И не только потому, что Интернет-пространство изобилует визуально-оформленными messages, «иконками», «смайликами», художественными «заставками». Более веское основание для признания киберкоммуницирования визуалистическим феноменом является тот факт, что в Интернет-мире функционируют не просто знаки, а «визуальные знаки», – понятие, требующее в контексте кибер-визуалистики специфической интерпретации. Речь идет не об изображениях, которые могут быть расценены как «знаки» какой-то иной реальности (именно в этом значении используется понятие «визуальный знак» в визуальной семиотике Б. Успенского, У. Эко, С. Мориасти и др.), а о *вербальных* знаках (словесно-оформленных сообщениях), предназначением которых становится воссоздание/моделирование *визуального*, зримого пространства общения, созерцаемого не физическим, а интеллектуальным зрением (или «оком» воображения). Можно возразить, что в таком случае абсолютно все вербальные тексты можно будет расценить как визуальные феномены; ведь, к примеру, восприятие художественно-литературных текстов требует подключения способностей воображения, невольно вовлекая читателя в умо-зрительное действие сюжета. Подобный *визуализированный* способ чтения-письма Ж. Рансьер характеризует как особый режим современного искусства: «сущность речи оказывается заключена в том, чтобы показывать, упорядочивать зримое, разворачивая некое почти-зримое, в котором соединяются две операции: операция замещения (проводящая «перед глазами» то, что удалено в пространстве и времени) и операция проявления (показывающая то, что внутренне скрыто от зрения, – глубинные силы, движущие персонажами и событиями)»²³. Однако «вербальный знак» в кибер-измерении приобретает несколько иные параметры видимости. В данном случае вербальный текст не просто выступает в роли сюжетной основы, которую требуется воспроизвести в своем воображении. Напротив, он становится тем «трамплином», от которого нужно оттолкнуться, с тем чтобы «погрузиться» в мир виртуальной зримости, перейти в измерение виртуально-наблюдаемых контактов. Предназначением Интернет-текстов становится «самоумаление», «самоустранение», «аннигиляция» с целью интенсификации виртуально-зримого пространства кибер-общения (тогда как литературные тексты значимы «сами по себе»; их ценность утверждается в царстве слова, а визуальный ряд выполняет лишь роль «сопутствующего эффекта», сопровождающего «фона»). Вступив в кибер-измерение, социальный актер попадает в «электронную деревню» (М. Маклюэн), с жителями которой можно «поболтать» о наболевшем, «посидеть» в чат-комнате или в «форум-зале», выпить виртуальное «пиво», вполне ощутимо переживая радость от встречи с виртуальными «знакомыми». Визуализация вербальных знаков в Интернет-мире достигает точки экстремума, вынуждая исследователей виртуалистов не просто анализировать кибер-тексты, но и воссоздавать видимый мир Интернет-общения.

Итак, социальная визуалистика – это междисциплинарный проект, предметом которого является медиа-визуальность или визуальность, наблюдаемая в пространстве масс-медиа. Социальная визуалистика имеет точки пересечения с такими дисциплинами, как визуальная антропология, визуальные исследования, визуальная социология, визуальная культура, медиафилософия, социальная философия. В то же самое время она обладает определенной спецификой. К примеру, в отличие от медиафилософии, социальная визуалистика интересуется лишь визуальными аспектами функционирования масс-медиа, дистанцируясь от аудиальных и графических форм медиа-позиционирования. Изучение медиа-визуальности предполагает выявление ее основных особенностей. Коммуникативность, раскрепощающую визуальное воображение социальных акторов, можно признать одной из самых ценных характеристик медиа-визуальности (наряду с упомянутыми М. Штуркен и Л. Картрайт «доступностью», «скоростью передачи» и «универсальностью»²⁴). Кроме того, социальной ценностью обладает способность медиа-визуальности

²³ Рансьер Ж. Разделяя чувственное / Жак Рансьер ; [пер. с франц. В. Лапицкого, А. Шестакова]. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. – С.244.

²⁴ Sturken M. Practices of Looking : An Introduction in Visual Culture / Marita Sturken, Lisa

проявлять/визуализировать процессы, латентно протекающие в социальной жизни. Медиа-визуальность можно интерпретировать исходя из двух посылок: 1) социальная медиа-визуальность является «эффектом» социального бессознательного (образный медиа-контент выявляет скрытые и, в то же самое время, очень действенные массовые побуждения социальных акторов); 2) социальная медиа-визуальность «конструирует» определенные социальные практики (она обладает конструктивно-сознательным «параметром» массового воздействия). Соответственно, в социальной визуалистике можно осуществлять психоаналитические и феноменологические интерпретации содержания медиа-визуальности.

Список литературы

1. Александров Е. В. Опыт рассмотрения теоретических и методологических проблем визуальной антропологии [Электронный ресурс] / Е. В. Александров. – М. : Пенаты, 2003. – 97 с. – Режим доступа : http://visant.etnos.ru/library/maket_book_alex.pdf.
2. Луман Н. Реальность массмедиа / Никлас Луман ; [пер. с нем. А. Антоновского] ; – М. : Праксис, 2005. – 256 с.
3. Савчук В. Медиафилософия : формирование дисциплины / Валерий Савчук // Медиафилософия. Основные проблемы и понятия ; [под. ред. Савчука В.В.]. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2008. – С.7-39.
4. Debray R. Media manifestos : on the technological transmission of cultural forms / Regis Debray ; [transl. by E. Rauth]. – London, New York : Verso, 1996. – 189 p.
5. Vision and Visuality / Edited by Hal Foster. – Seattle : Bay Press, 1988. – 135 p.
6. Bryson N. The Gaze in the Expanded Field / Brison N. // Vision and Visuality ; [Edited by Hal Foster]. – Seattle : Bay Press, 1988. – P. 87-108.
7. Черных А. Социология массовых коммуникаций : [Учебное пособие] / А. И. Черных. – М. : Изд. дом ГУВШЭ, 2008. – 451 с.
8. Батаева Е. Социально-иконографический подход в визуальной социологии / Екатерина Батаева // Социология. Журнал Российской социологической ассоциации. – 2012. – № 3. – С.157-171.
9. Батаева Е. Этнометодологический анализ онлайн-коммуникации: кризисный эксперимент в чатах / Екатерина Батаева // Социс. – 2011. – №12. – С.88-98.
10. Sturken M. Practices of Looking : An Introduction in Visual Culture / Marita Sturken, Lisa Cartwright. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2001. – 496 p.
11. Dikovitskaya M. Visual Culture : The Study of the Visual after the Cultural Turn / Dikovitskaya M. – Massachusetts : MIT Press, 2005. – 316 p.
12. Вирилио П. Информационная бомба. Стратегия обмана / Поль Вирилио ; [пер. с франц. И. Окуневой]. – М. : ИТДГК «Гнозис», Фонд «Прагматика культуры», 2002. – 192 с.
13. Рансьер Ж. Разделяя чувственное / Жак Рансьер ; [пер. с франц. В. Лапицкого, А. Шестакова]. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2007. – 264 с.

SOCIAL VISUALISTICS AND MEDIA-VISUALITY

E.V. BATAEVA

*Kharkov Humanitarian
University "People Ukrainian
Academy"*

*e-mail: bataevaekateri-
na@yahoo.com*

Peculiarities of social visualistics as interdisciplinary project developed at the edge of social philosophy, visual sociology, visual studies and mass-media theory are described. The subject of social visualistics is media-visibility treated as special mode of visual content creation by means of mass communication technologies (television, Internet, press).

Keywords: visualistics, media, visibility, visual anthropology, visual studies, media-philosophy, communicativity.

ДЕЙСТВИЯ И ПОСТУПКИ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА (АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАССМОТРЕНИЯ)

С. В. ДИМИТРОВА

*Камышинский
технологический
институт (филиал)
Волгоградского техническо-
го университета*

*e-mail: sve-dimitrova
@yandex.ru*

В статье исследуется соотношение действия и поступка. Действие рассматривается как вид деятельности, при котором ценным является то, что способствует успешной целереализации. Превращение ценностей в инструмент для достижения целей становится основанием для аксиологического нигилизма. Поиск ценностных оснований жизни и деятельности современного человека, сопряжен с необходимостью совершения поступков. Ценности в поступке не являются результатом успешных действий и не возникают в процессе обобщения данных чужого опыта. В поступках заново создаются исходные условия для познавательных, нравственных, эстетических ценностей, осуществляется «онтологическое самоопределение» человека, актуализируется личностное бытие.

Ключевые слова: целерациональность, действие, поступок, ценность, личностное бытие, свобода.

Современный человек живет в условиях, при которых господствует система ценностей, утверждающая существование активно действующего человека. При этом способом оценки действия выступает полученный результат, а не процесс осуществления, «развертывания» активности. Ориентированность современных цивилизаций на получение объективных знаний о мире, позволяющих человеку преобразовывать окружающую действительность, в соответствии со своими потребностями и целями, в конечном итоге, привели к тому, что приоритетной ценностью становится не личностное самосовершенствование, а сохранение жизни. Парадоксальным является то, что проблема самосохранения (борьба со смертью), не выступала в качестве идеала развития в исторические периоды, когда человек был менее успешен в достижении собственных целей.

Смена культурных парадигм в мировом развитии может быть представлена как переход от одной системы ценностей к другой. Античность рассматривает человека как главную ценность, утверждая идеалы гуманизма и антропоцентризма; средневековая культура теоцентрична, вера и служение Богу выступают высшими качествами личностного развития; возрожденческая этика рассматривает человека как творца, уподобляя его, в какой-то степени, Богу. Новое время «делает ставку» на познавательные способности человека, отстаивая при этом идеалы индивидуальной свободы.

Последовательное воплощение в жизнь образа активного, информированного, стремящегося к бесконечным преобразованиям человека привело к тому, что абсолютные, высшие ценности обрели инструментальный характер. Даже необходимость веры в Бога может основываться на том, что человек верующий более уверен в себе, он не сомневается в правильности собственных действий. Религия, нравственность, знания рассматриваются как инструменты, необходимые для достижения целей человека. Таким образом, ценности, господствующие в XX веке утверждают существование активно действующего человека. «Действие и созидание, владение и власть, широкий деятельный образ жизни, участие в стремительном беге времени – таковы ценности нашего поколения. Сама жизнь в качестве волеия и действия стала высшей ценностью»¹.

В силу того что деятельность утрачивает свое главное предназначение – актуализировать нечто, представить полноту бытия, природа ценностей низводится и определяется в категориях успешности действия. Утрачиваются, нивелируются ценности внутренней жизни человека, исчезает онтологическая укорененность деятеля, утверждается гос-

¹ Виндельбанд В. Избранное. Дух и история. М., 1995. – С.350.

подство «яйности» (М. Хайдеггер). Провозглашаются новые идеалы, к примеру, в пост-модернизме особой значимостью обладают идеи бодицентризма. Все стремления и чаяния человека сосредоточились на собственном теле: забота о здоровье, омоложение, диеты, различные виды гимнастик. Все эти важные для человека заботы обрекли самостоятельный, исключительный статус. Люди, размышляя о качестве жизни, не стремятся к пониманию того, во имя чего они живут.

Следует отметить, что столь схематичное представление смены ценностных установок отражает историю западноевропейского развития. Вместе с тем в современном мире происходит экспансия других культур западноевропейским образом жизни. Особенность сложившейся ситуации заключается в том, что экстенсивное развитие европейской культуры не является демонстрацией ее подлинности, а выступает основанием для распространения ценностного нигилизма в странах с другим типом культуры.

Поскольку деятельная позиция индивида, абсолютизирующая роль целерациональности, явилась основанием для утраты ценностей, то особую значимость в современных реалиях получает поиск таких форм активности, при которых актуализируется личностное бытие, реализуется «способность быть». В процессе экспликации сущностных признаков ценностей, мы представим основные характерные черты поступка, как вида активности, при котором обретается личностное бытие.

Важным для понимания «природы» ценностей является то, что они не являются результатом успешных действий, научных исследований, социальных экспериментов, этических размышлений. Все выше перечисленное и многое другое может быть выражением уже обретенных человеком ценностей, которые привносятся в мир в процессе обретения человеком самого себя. Ценностью является все то, благодаря чему осуществляется «онтологическое самоопределение» человека. «Поэтому, выделяя значение деятельности для человеческого существования в плане определения необходимых условий ценностного отношения, речь не идет о выделении каких-то причинно-следственных связей, последовательности событий, но речь идет о понимании качества быть человеком, которое во все не тождественно ни включенности в причинно-следственные связи, ни соучастию в исторических событиях, но пронизывает саму их ткань, чтобы полагать эти связи и события проявлениями человека»².

Усилия стать человеком, во все времена важны и актуальны. Чтобы быть Человеком необходимы постоянные специфические (личностные) старания. Поскольку в человеке сосуществуют два начала – духовное и телесное, то и направленность его усилий имеет (по меньшей мере) двойственный характер. Важно отметить, что стремление к целям (осознанным потребностям), неизменно осуществляется в человеке и сохраняет его существование, но не может быть достаточным основанием для актуализации личностного бытия. Тем самым преодоление ценностного нигилизма в современных цивилизациях сопряжено с усилиями человека, направленными на обретение умения «остановиться», отказаться от успешной целереализации ради возможности обрести себя «Человек всегда усиливается быть человеком, просто так, автоматически человек не рождается и не живет. Человек не может быть автоматом добродетели, он должен каждый раз для себя решить, что такое добро и зло, сам искать своего существования, сам стремиться к таким сверхчеловеческим целям, чтобы в результате такого стремления осуществить цели человеческие»³.

Итак, условием существования ценностей выступает возможность человека пребывать в «специфически человеческих состояниях». Важнейшими признаками того, что подобные состояния наличествуют и необходимы человеку, являются его переживания, связанные с отстраненностью от существующего, повседневного мира. Неудовлетворенность существующим, не проходящая ни в процессе успешных преобразований окружающего мира, ни в случаях достижения собственных целей, свидетельствует об особом предназначении человека. Люди способны испытывать «ностальгическую отстранен-

²Поросенков, С.В. Существование и деятельность в определении ценностного отношения [Электронный ресурс] /С.В. Поросенков. – 2002. – Режим доступа : http://anthropology.ru/ru/texts/porosenkov/existence_13.html

³ Губин В.Д. Философия актуальные проблемы /В.Д. Губин. – М. : ОМЕГА-Л., 2009. – С.13.

ность» от обычаев, страны, даже географии. Такого рода отстраненность есть отблеск «иног», чего-то «более подлинного», а именно желания человека жить. «Хотеть жить – это хотеть занимать еще точки пространства и времени, то есть восполнять или дополнять себя тем, чем мы еще не обладаем»⁴.

Важно понимать, что есть что-то еще, к чему необходимо стремиться, искать особую реальность, которую невозможно установить в процессе активных действий. Подлинность бытия человек переживает в чувстве отрешенной тоски, в ощущении собственной чуждости миру. Отрешенность от мира, чувство принадлежности «другой родине» сопряжены со страхом человека «не сбыться», «не осуществиться».

Люди постоянно испытывают некоторую раздвоенность собственного существования. С одной стороны, они ощущают, что их высокие чувства – честность, бескорыстие, любовь «неуместны». В прагматичном мире такие чувства никому не нужны и вызывают, порой, насмешки и презрение. Вместе с тем человек испытывает «эмпирическую тоску», он чувствует, что его активных действий и опыта недостаточно для того, чтобы иметь основания для обретения смысла жизни.

Рождение личности становится возможным в процессе пребывания в «специфически человеческих состояниях», для достижения которых нет естественного механизма. Так, если бы существовал механизм, делающий людей добрыми, то добро исчезло бы вообще. Поскольку людей меняла бы внешняя сила, а не личностные усилия. Создание механизмов счастья, по сути, аморально.

К сожалению, в истории человечества неоднократно предпринимались попытки «осчастливить» людей, указать верные цели, истинный путь. Неизменно возникала группа людей, знающая этот путь лучше, понимающая смысл счастья глубже и потому, стремящаяся установить свое господство над другими.

Особенность личностного становления заключается в том, что оно не зависит от причинно-следственных связей. «То есть человек – это существо, которое сковано причинно-следственной цепью и, в то же время, находится где-то в другом месте, когда рождаются в нем какие-то человеческие состояния, для которых нет естественного механизма», – пишет Мамардашвили⁵. Например, если человек стремится совершать добрые дела, в силу каких-то внешних причин, то смысл добра исчезает.

Тем самым основанием, целью и результатом доброты может быть только сама доброта. Если же нравственный поступок совершается для чего-то, не ради себя самого, то он безнравственен. Доброта не имеет причины, она «тавтологична». «...Стремление человека к доброте означает, что она уже есть в нем, иначе он даже не знал бы, что она существует. Она в нем уже действует и в этом действии как бы смыкается сама с собой», – отмечает Мамардашвили⁶.

Добро, благо, справедливость – это элементы неприродного, они не могут возникнуть в силу каких-то причин. Для того чтобы утвердить идеалы добра и справедливости бесполезно обобщать, суммировать данные чужого опыта. Нравственная практика также связана с возможностью человека проявить свое подлинное бытие. Состояния добра, совести, счастья могут возникнуть, а точнее сказать, проявить себя в процессе непрерывно возобновляемых индивидуальных усилий духовной жизни. Главной характеристикой нравственности является ее самодостаточность. Нравственная норма – это достижение некоего состояния, «которое есть и действует, потому, что оно есть»⁷.

Источник моральных ценностей находится над эмпирическим, социальным миром. Моральные ценности выступают основанием для личностного становления. «В нас самих совершается метафизика бытия, метафизика ценностей. Ибо с моральной точки зрения мы постоянно творим себя»⁸. Согласно учению С.А. Левицкого моральный закон выражается в совести. Человеческое «я» посредством совести воспринимает «голос свы-

⁴ Мамардашвили, М.К. Философские чтения //М.К. Мамардашвили. – СПб: Азбука-классика, 2002. – С. 193.

⁵ Там же. – С.203-204.

⁶ Там же. С.218.

⁷ Там же. С.219.

⁸ Левицкий С. А. Сочинения. В 2 т. Трагедия свободы.– М.: Посев, 1984. – С.19.

ше», не являясь при этом творцом совести. Тем самым особую значимость обретает мысль о том, что совесть не обладает природной или социальной сущностью, ее источник заключен в глубине личностного бытия.

Совесть пребывает и выражает себя в «модусе молчания», при этом важно понимать, что совесть «не говорит» от имени человека, она (совесть) обращается к нему. Посредством совести осуществляется постоянное творение человеком самого себя. Следовательно, можно указать на то, что совесть – это один из видов трансцендирования (нравственное трансцендирование). Через совесть человек взаимодействует с высшими ценностями, а отношение к высшим ценностям не может быть принудительным, оно всегда свободно. Становясь посредником между бытием абсолютных ценностей и нашей личностью, совесть помогает нам различать добро и зло. Человек может «заглушить голос совести», предать «забвению бытие», но он не в силах изменить, сделать другими «угрызения совести».

Главное предназначение совести «сделать человека иным». Следуя совести, человек освобождается от различных видов зависимостей, преодолевая их посредством «служения» высшим ценностям. Совесть является тем самым «специфически человеческим состоянием», пребывая в котором человек обретает (ощущает) свободу.

Преодоление различных форм детерминации становится возможным, если человек служит высшим ценностям – долг, совесть, добро. «Существо детерминированное может стремиться к относительным ценностям, а стремиться к добру ради добра может лишь свободный человек. На этой свободе от всех данностей и непосредственном отношении к царству сверхличностных ценностей основана моральная вменяемость, ответственность личности»⁹.

Представляя ценности как условие и результат актуализации личностного бытия, невозможно не разделить тревогу Г.Л. Тульчинского по поводу того, что границы ответственности активно и успешно действующего (достигающего собственных целей) человека необычайно сузились. «Разве уже сейчас не возлагается ответственность не на целостную личность, а на стихии, процессы и системы ее образующие и пронизывающие? Например, ответственность возлагается на наследственность, окружение, а то и части тела и организма...И нет субъекта, нет человека. Современный человек находит детали своего облика, знакомые свойства, связи, структуры, но только не себя самого. Двигается по направлению к себе, но никогда не достигает себя. Общество же оперирует человеком, исчисляет его статистически, его распределяют по организациям, используют его для разных целей»¹⁰.

Для нашего исследования, важными являются размышления философа о том, что в современном мире должно преобладать стремление не к должному, а к возможному. Таким образом, абсолютизация целерациональности – это такая форма стремления к должному, при которой уничтожается многообразие возможного. Целеполагание – есть, по сути, установление значений, отсекаание иных возможностей, в этом залог успешной целереализации. Вместе с тем ценность может существовать в модальности возможного – смыслопорождение. «Возможное – принципиально важно для персонологии. При всей социально-культурной природе личности, самый глубокий момент в самосознании и идентичности – я, еще не идентифицированное, не явленное («человек без свойств»), я, которого еще нет, но которое возможно. «Я могу быть», и это «могу» сохраняется под оболочкой любого «я есть». Личность – возможность самой себя, которая не исчерпывается любой самореализацией. Более того, каждая такая самореализация ирреализует «Я», отодвигая его вглубь собственных возможностей. Подлинное «Я» – всегда еще явленное другим, не идентифицированное, вечная неосуществленность, «человек без свойств»»¹¹.

⁹ Там же. С.356.

¹⁰ Тульчинский Г.Л. Трансцендентальный субъект, постчеловеческая персонология и новые перспективы гуманитарной парадигмы [Электронный ресурс] / Г.Л. Тульчинский. – [2001]. – Режим доступа : <http://hpsy.ru/public/x2891.htm>.

¹¹ Там же.

Пребывание в «специфически человеческих» состояниях предполагает и обуславливает процесс творения новой реальности. Благодаря личностным усилиям становится возможным создание новых уровней, связей, иных состояний бытия. Человек в данном случае выступает как творец иной реальности и он, признавая законы нового мира, несет ответственность за него.

Представление реальности в модусе возможного, сопряжено с тем, что важнейшей этической категорией является ответственность. При этом ответственность имеет онтологический статус, и проявляется в двух ипостасях. С одной стороны, человек несет ответственность перед миром за то, что не актуализировал личностные свойства, тем самым он лишил мир определенных состояний и свойств. Заменить его в данных усилиях никто не может. С другой стороны, являясь «виновником», творцом проявления иного, человек принимает законы актуализированного бытия и является ответственным за него.

Нравственность как «специфически человеческое» состояние не имеет причин, вместе с тем не может быть рассмотрена как цель. Бытие нравственности первичнее моральных интенций, устанавливаемых ценностей. Человек должен иметь возможность оценивать происходящее, исходя не из установленных ценностей, а, находясь в нравственном состоянии – состоянии личной ответственности.

Быть нравственным – это попытаться совершить переход от существующего «я» к тому, каким может быть человек. Высшие нравственные ценности никогда не определяются содержательно, они наполняются смыслом в каждый конкретный момент времени, благодаря личностным усилиям человека. Невозможно раз и навсегда стать личностью, установить различие между добром и злом, свободой и зависимостью – решение этих вопросов требует от каждого человека постоянной работы духа. Драматизм заключается в том, что следование высшим ценностям разрушает систему установленных ценностей, оборачиваясь для людей принципиально новыми ситуациями.

Вместе с тем следует отметить, что хотя нравственные ценности не зарождаются в обществе и социальные отношения не могут быть рассмотрены как их источник, но реализуются эти ценности в рамках взаимодействия с другими людьми. «Только включенность личности в общество поможет ее пройти школу служения и жертвенности, необходимое как самой личности, так и обществу. Нравственное развитие личности будет неполным, если она не будет членом некоего надличного «мы»»¹².

Следование внутреннему долгу позволяет человеку обретать состояния, для которых «невообразима никакая причина». Достижение этих состояний связано с преодолением власти причинно-следственных связей, царящих в эмпирической действительности. «Совершенными являются такого рода предметы, которые имеют основанием только самих себя. Но мы знаем, что в мире не только нет причин для этих предметов, но есть и причины, чтобы их не было, например, нет утилитарной причины, чтобы быть добрым и честным. Но уже само стремление к порядку, добру, Богу, показывает, что все эти вещи существуют. Люди стремятся к бесполезным вещам и в этом стремлении, выражается присутствие добра, совести, справедливости. Человек ищет Бога – это означает, что он его нашел. Ведь нельзя стремиться к тому, чего нет»¹³.

Таким образом, обретение нравственности позволяет человеку преодолеть различные виды детерминации, обретая свободу в служении. Формой активности, при которой личность утверждает, проявляет себя и несет ответственность за собственные действия, является поступок. Важно подчеркнуть то, что нравственная ценность не является внешней, объективной оценкой поступка. Напротив сам поступок и нравственные оценки являются составляющими целого, бытия личности.

Именно в поступке осуществляется не просто становление, эволюционный переход от одного состояния человека к другому (например, возрастные изменения), но и содержится источник особой формы активности. Совершается поступок «добровольно», способом, «свойственным свободной воли». Следует отметить, что в поступке одинаково важными являются как совершенные действия, так и их источник, потенциальность че-

¹² Левицкий С.А. Сочинения. В 2 т. Трагедия свободы. – М. : Посев, 1984. – С.18.

¹³ Мамардашвили М.К. Философские чтения // М.К. Мамардашвили. – СПб. : Азбука-классика, 2002. – С.555.

ловека. В поступке гармонично сочетаются различные смыслы: онтологические, отражающие бытие личности, познавательные, психологические. Извлечение этих смыслов сопряжено с проявлением и становлением личностного бытия.

Формой актуализации собственного бытия является поступок, сознательность которого предполагает и включает в себя переживание того, что именно «я» выступает «виновником» действия. Более того, в этом поступке личность утверждает, проявляет себя и несет ответственность за собственные действия. Важно подчеркнуть то, что нравственная ценность поступка не выступает как внешняя оценка и не предполагает наличие объективных критериев. Напротив, сам поступок и нравственные оценки являются составляющими целостной субъективной действительности. «И тогда человек переживает добро и зло просто в себе самом – в своем собственном «я». А тем самым переживает себя как того, кто является хорошим или плохим. В этом заключена вся полнота измерения нравственности как субъективной и личностной действительности»¹⁴.

При совершении поступка, человек «переживает» собственное «авторство». Это переживание возможно благодаря сознанию, в котором не только отражается связь личности – поступок, но и формируется «ее субъектный вид». Переживания таких объектных фактов, как отношение личности к поступку, нравственные ценности, способствует оформлению субъектности. Интерпретация поступка как сознательного действия тесно связана с философией бытия, ибо во всей совокупности опытных данных, выступающих как потенциальность поступка, выделяются глубинные и сущностные характеристики, относящиеся к бытию личности. Только таким образом понимаемое сознание, не подчиняющее субъектность объектности, а онтологически укрепляющее бытие личности и может стать условием для свершения поступка.

Рассматривая действия, которые отражаются в сознании и определенным образом переживаются личностью, можно выделить две формы динамизма: «то, что в человеке делается» и «то, что человек делает». Определение и характеристики двух структур, которые не только противостоят друг другу, но и взаимодействуют, переходя одна в другую, представлены в работе Иоанна Павла II «Поступок и личность»¹⁵.

Без уяснения того, что «делается в человеке» трудно объяснить смысл его действий, также как и на основе действий можно понять что «в человеке делается». «В равной мере обе структуры – «человек действует» и «(нечто) делается в человеке» представляют собой конкретизацию свойственного человеку динамизма. Их определенное равенство основано на том, что и в той, и в другой человек выступает как динамический субъект. Это – равенство с точки зрения самой динамичности человека. С этой точки зрения по аналогии с бытием можно понимать действие человека, как и то, что в нем делается как исполнение определенной возможности. В равной мере и то, и другое является актуализацией, динамическим единством возможности и акта»¹⁶.

Необходимо обратить внимание на то, что в динамичности обеих структур по-разному актуализируется личностное бытие. Особенность такой формы динамизма как «нечто делается в человеке» предполагает рассмотрение человека как «материала», необходимого для изменений и преобразований.

Переживание «я действую» позволяет индивиду выступать источником действия, осознавая при этом собственную причинность. Возможность выступать в «полном объеме опыта» причиной собственного действия предполагает совершение поступка. В поступках проявляются свойства действующей личности, и устанавливается бытие, за которое человек несет ответственность.

Важно отметить, что переживание человеком своей причинности неизменно выражается в чувстве ответственности. В процессе совершения поступка утверждаются нравственные нормы, благодаря которым личность выступает не только «виновником» действия, но творцом собственного бытия. Акцентируем внимание на том, что приоритетной значимостью обладают не создание нравственных норм и ценностей, а творение

¹⁴ Мамардашвили М.К. Философские чтения. – СПб. : Азбука-классика, 2002. – С.116.

¹⁵ Иоанн Павел II (Войтыла Кароль Юзеф) Личность и поступок / папа римский Иоанн Павел II. – М. : Изд-во Францисканцев, 2003 – 333 с.

¹⁶ Там же. С.135.

личностного бытия, поступок всегда оказывается «овладением человеческой пассивности», неизменным преодолением «человека – материала», «человеком – творцом». В поступке происходит сотворение себя!

При осуществлении действий, направленных на достижение целей, возникает противопоставление причинности и субъектности. При этом важно понимать, что различные структур человеческого динамизма проявляется только в феноменологическом поле, а на метафизическом уровне двойственность и противопоставление снимаются. Синтезируются противоречия в личностном бытии, развитие которого неизменно предполагает взаимодействие действий и поступков, переживаний как субъектности так и причинности. Человек как динамическое единство соединяет в себе опытную причинность и исходящие из нее действия, а также все, что в человеке «делается».

Направленность человеческой активности на достижение целей дана человеку природой изначально и не нуждается в усилиях личности. Представленная в таком ракурсе природа человека, противопоставляет его личностному динамизму. Следствием такого противостояния становится установление двух миров: природного и личностного. Напомним, что Кант, противопоставляя мир естественного, подчиненного необходимости, и духовного, в котором царит свобода, указывает на необходимость подчинения естественности нравственности.

Совершению действий должно предшествовать существование, поступки нуждаются во всем том, что в человеке «делается», активизируется. В тоже время, совершенные действия подчиняют себе существование человека, выступая по отношению к личности как нечто объективно существующее. Существующее бытие человека следует рассматривать как условие для его поступков, свершение которых приведет к реализации личностного бытия.

Все виды динамизма принадлежат человеку и важны для него, полное осуществление одного из видов динамизма нуждается в существовании другого. Именно «Я» переживает себя «виновником» действий, а также ощущает зависимость всего того, что происходит от собственного бытия. «Опыт единства и тождества собственного «Я» объективно первичнее, но вместе с тем фундаментальнее, чем опытное разграничение на действие и делание, на причинность и не причинность того же «Я», – отмечает Иоанн Павел II¹⁷. Подчеркнем, что, будучи источником всех форм активности, человек переживает собственную причинность только в поступках.

Таким образом, действующий человек выступает условием для осуществления поступков, результатом которых становится его же личностное бытие. В этом заключается суть «принципиальный момент причинности и причинения»¹⁸.

Свойственный человеку динамизм заложен природой, которая выступает условием сплоченности между «субъектом динамизма и всем динамизмом этого же субъекта»¹⁹. Рассмотренная на метафизическом уровне, интеграция природного и личностного бытия позволяет установить единство между поступками, личностным причинением и процессами, совершающимися в человеке. Представленная таким образом природа, помогает индивиду проявить себя как личность, более того не позволяет человеку не быть личностью. Человек обладает потенциальными возможностями для осуществления различных видов динамизма.

Различия в формах активности, возникающие на уровне осознанности действий, предполагают разную степень участия сознания. Некоторые виды динамизма, отражаются сознанием, относительно других действий формируется переживание того, что человек является «виновником» действий.

Обобщая, отметим, что все виды динамизма, с характерными для них специфическими особенностями неразрывно связаны с процессами становления человека. Субъект, реализуя различные формы динамизма, в то же время, использует их для самоформиро-

¹⁷ Иоанн Павел II (Войтыла Кароль Юзеф) Личность и поступок / папа римский Иоанн Павел II. – М. : Изд-во Францисканцев, 2003 – 333 с.

¹⁸ Там же. С. 155.

¹⁹ Там же.

вания и самопреобразования. В процессах самостановления отражается глубинный уровень бытия личности, субстанциальность ее существования.

Каждой форме динамизма соответствует различные уровни самостановления. В поступках происходит становление личности. Человек, переживая собственную причинность, поступает нравственно. Нравственность в данном случае понимается как «... сугубо экзистенциальная действительность, связанная с личностью как со своим собственным субъектом»²⁰.

Человек обретает нравственную характеристику (становясь хорошим или плохим) только в процессе совершения поступков. Нравственная оценка распространяется на личность как на «виновника» данной активности. Судить о человеке можно по его поступкам, соотнося их с нравственной оценкой, устанавливаемой совестью. Важно подчеркнуть, что нравственность не является чем-то внешним по отношению к человеку, ибо личностное становление предопределяет реалистический характер нравственных ценностей. Нравственность – это реальность, входящая в действительность человеческих поступков.

Становление человека в нравственном смысле предполагает наличие свободы. «Свобода – это часть причинности, а потому она определяет действие человека как структуру, принципиально отличную от всяких иных видов динамизма, от всего, что в человеке лишь делается»²¹. Свобода является источником, самодостаточным условием и результатом осуществления нравственного поступка. В процессе совершения поступков бытие личности обретает новые формы, становясь самостановлением. Самостановление включает в себя структуры «само – обладания» и «само – господства». Чтобы распоряжаться собой, реализовать свободу хотения необходимо владеть собой. Тем временем, воля в каждой актуализации хотения демонстрирует и помогает осуществиться самообладанию, свойственному исключительно личности.

Самогосподство – это фундаментальная структура личности, а одним из аспектов ее проявления становится самообладание. Власть над собой, устанавливаемая в самогосподстве, может осуществляться только данной конкретной личностью и никто ее не может не заменить, не восполнить. Осуществляется самостановление посредством воли. Воля может существовать только в личностной структуре. И вновь мы обращаем внимание на то, что в каждом актуальном самостановлении личность выступает как субъект. Личность распоряжается сама собой, следовательно, в ней и субъект, и объект существуют «одновременно и взаимозависимо».

Для нашего исследования особой значимостью обладает мысль о том, что процессы самостановления личности, предполагающие объективацию субъекта, не являются интенционально направленными. «В самостановлении мы не обращаемся к собственному «Я» как к объекту, а лишь актуализируем уже готовую объектность этого «Я», содержащуюся во внутриличностных соотношениях само-господства и само-обладания»²².

Безусловно, что самостановление личности может использовать и внешне опосредованно проявляется в интенциональных актах. То к чему стремится индивид, характеризует его как личность, вместе с тем направленность на объект, которая может выражать себя в стремлениях достичь цели, ведет к отчуждению личности. Цели могут выступать как нечто внешнее по отношению к бытию личности, быть «навязанными» со стороны общества, естества индивида. Поэтому в человеке, желающему их достижения, весьма интенсивно переживающему и стремящемуся к ним реализуется такой тип динамизма как «нечто делается в человеке».

Самостановление предполагает наличие основополагающего стремления – объективировать собственное «Я». Критерием подлинной активности выступает возможность трансценденции личности. Следует обратить внимание, что трансцендирование субъекта происходит и в интенциональных актах. Осуществляя стремления «владеть» предметной действительностью, устанавливая «общезначимые» значения, человек горизонтально

²⁰ Иоанн Павел II (Войтыла Кароль Юзеф) Личность и поступок / папа римский Иоанн Павел II. – М. : Изд-во Францисканцев, 2003 – С.173.

²¹ Там же. С.175.

²² Там же. С.182.

трансцендирует. Трансценденция по вертикали, наиболее нас интересующая, позволяет человеку иметь форму самостановления, устанавливая приоритет собственного «Я».

В глубинном трансцендировании актуализируется не только разумная природа индивида, но и личностная уникальность. Человек, совершая поступок, сам в нем «исполняется». Напомним, что сознательность поступка предполагает не установление значений, а смыслотворчество. Формируется переживание личности, позволяющее воспринимать процессы самостановления как субъектные. Воля как самостановление опредмечивает «Я», а сознание субъективирует, раскрывая, таким образом, «объектную структуру собственного субъекта». Сознание переживает себя как действующее «Я», а итогом этих переживаний становится понимание того «кто я» и что во мне изменилось. «Таким образом, личность в поступке, в сознательном действии, является нам как специфическое единство самостановления и сознания, а вместе с тем и как своеобразный синтез объектности и субъектности»²³. Сознание и самостановление уравнивают и дополняют друг друга.

Таким образом, особенность таких форм активности, как действие и поступок, обусловлена тем, что они (действие и поступок) исполняются на различных уровнях бытия. Целерациональные действия осуществляются на феноменологическом уровне, обеспечивая горизонтальное трансцендирование личности, и не затрагивают глубинных, бытийных оснований. Горизонтальная трансценденция выражает себя в увеличении количества вариантов выбора.

В тоже время состояние выбора неизбежно влечет за собой момент волевого решения, при котором одной интенциональной направленности противопоставляется другая. Важно то, что момент решения – это не только принятие, но и отказ от многих других вариантов. Сущность выбора – это возможность совершить волевое решение, руководствуясь не вариантами выбора, а внутренними сущностными установками.

Бытие личности актуализируется, если человек руководствуется формулой «могу – не должен». Даже интенциональная направленность на объект предполагает не детерминированность субъекта объектом, а возможность реализовать себя, владея этим объектом. «Свойством хотения является, как о том было сказано выше, не сама по себе направленность на ценность, но «направленность на себя»²⁴. Подчиненность интенциональных актов процессам актуализации личностного бытия выступает условием для обретения свободы. Тем самым, произвольность выбора – это проявление зависимости человека, вызванной отсутствием самозависимости.

Самозависимость – это основополагающая, метафизическая характеристика свободы, между тем, независимость может проявляться в «феноменальном» поле, в интенциональной направленности, существующей до момента принятия решения.

Если приоритетной становится ориентация на успешность целереализации и не осуществляется переход к метафизическим детерминантам человеческой активности, то возникает диктат ценностей и, как следствие, нигилизм. Оторванные от жизни, базирующиеся на объективных теоретически-истинных положениях, цели стремятся лишь к самосохранению и самооправданию.

Ценности могут обрести действительное существование только в поступках конкретно-исторических личностей. Основанием для реализации и утверждения существования ценностей выступает ответственное отношение к собственной единственной, незаменимой причастности к бытию. В свете сказанного следует понимать ответственность как уникальную форму утверждения, творения действительности. Поскольку не существует «... определенных и в себе значимых нравственных норм, но есть нравственный субъект с определенной структурой ... он будет знать, что и когда окажется нравственно-должным, точнее говоря, вообще должным (ибо нет специально-нравственного должностования)», – указывает М.М. Бахтин ²⁵.

²³ Иоанн Павел II (Войтыла Кароль Юзеф) Личность и поступок / папа римский Иоанн Павел II. – М. : Изд-во Францисканцев, 2003. – С.187.

²⁴ Там же. С.202.

²⁵ Бахтин М. М. Философия поступка // Философия и социология науки и техники. – М., 1986. – С. 86.

Обобщая, можем представить важнейший отличительный признак поступка, а именно: утверждение целостности смыслового и конкретно-исторического моментов. Главным условием целостности, обретения единства является гармоничное существование двусторонней ответственности «... ответственности за свое содержание (специальная ответственность) и за свое бытие (нравственная), причем специальная ответственность должна быть приобщенным моментом единой и единственной нравственной ответственности»²⁶.

Признание абсолютности личностного бытия, проявляет себя в ответственности и позволяет строить отношения с другими людьми. Ответственно мыслящий человек понимает, что только личность, обретая свое единственное место в бытии, сможет существенно обогатить бытие другого. Ответственно подходя к собственной «единственной, незаменимой причастности к бытию», человек оказывается способным реализовывать, утверждать в действительности высшие ценности, которые вне поступка будут существовать «в себе значимом бытии», являясь лишь определенными возможностями.

Следует отметить, что мир ценностей не противостоит человеку, напротив, наполнить конкретным содержанием, придать смысл и значимость ценностям возможно только через «инициативу поступка». Актуализация личностного бытия позволит проявиться многообразию форм существования истины, добра, красоты.

В свете сказанного следует понимать ответственность не как создание нового смысла, а как уникальную форму утверждения, творения действительности. И такое свершение личностного бытия не приводит к существованию множества миров, ибо единственным условием реализации «неповторимо ценных личных миров» является наличие «единственного единства». Последнее не может быть застывшей данностью, оно, вновь и вновь, обретает свое содержание в поступках. Безусловно, первичным должно быть осознание того, что «ценно лично для моего бытия», ибо такое понимание дает возможность принять все то, что значимо для других.

Смыслообразующим фактором ответственного сознания является ориентированность на другого человека, а не на абстрактное, безликое человечество. Признавая существование другого, других личность на основе отношения к ним будет выстраивать собственную иерархию ценностей. Стремления к общезначимым ценностям, абсолютно непогрешимым ориентирам не имеют права на существование, ибо они устанавливают равнодушное отношение к конкретному человеку.

Возможность принятия решения и его исполнения совершается в поступках, человек, совершая поступок, сам в нем «исполняется», с моральной точки зрения «постоянно творит себя». Следует отметить, что ценностным основанием действия является достижение независимости, а поступок, позволяющий принимать решения, устанавливает самозависимость. Отсутствие самозависимости порождает ситуации, при которых абсолютизируется целерациональная активность, возникает диктат ценностей и, как следствие, нигилизм. Оторванные от жизни, не подчиненные метафизической детерминации, базирующиеся на объективных теоретически истинных положениях, цели стремятся лишь к самосохранению и самооправданию.

Представление (и противопоставление) действию поступка как формы активности, позволяющей человеку обрести собственное бытие, позволяет сделать следующие выводы:

Во-первых, поступок следует рассматривать как ценностную характеристику действия. Человек не просто способен формулировать цели и обладает навыками для их достижения, но и оценивает, какое влияние окажут его действия на других людей. Такой аспект рассмотрения позволяет определять успешность не как овладение внешним миром (действия), а как самодостаточность и самозависимость.

Во-вторых, поступок базируется на чувстве долга, которое служит основанием для целей, тем самым важнейшим отличием поступка является «тип законодательства» (И. Кант). При этом ценность поступка заключается в нем самом, а не только в достигнутом результате. Следовательно, сознательность поступка не исчерпывается навыками и умениями, сопряженными с возможностью реализовывать успешные действия (достигать

²⁶ Бахтин М. М. Философия поступка // Философия и социология науки и техники. – М., 1986. – С.87.

поставленных целей). Особой значимостью в поступках обладает самосознание, благодаря которому происходит соотнесение поступка с личностью.

Человек осознает то, что он совершает этот поступок по доброй воле и берет ответственность за нравственную ценность своей активности. Не менее значимой характеристикой самосознания выступает его возможность «преломлять» все виды знания, придавая им личностный смысл. Обобщения самосознания имеют характер самооценки и способствуют формированию целостного «я».

В-третьих, сущность поступка в том, что он находится вне причинно-следственных связей. Свершившийся поступок – это обретшее форму бытие, становление которого возможно благодаря «специфическим усилиям», позволяющим человеку выйти за пределы эмпирического существования. Поступок – это «недеятельный акт», в нем осуществляются онтологические изменения, ведущие к проявлению истинности и смысла бытия. Сознательность поступка не исключает, существующие значения и смыслы, но и не полагается на них. Бытийная позиция, актуализируемая в поступках, выступает условием для возможности сосуществования, взаимодействия различных смыслов и способов понимания.

Таким образом, в поступках заново создаются исходные условия для познавательных, нравственных, эстетических ценностей. Ценности в поступке не являются результатом успешных действий и не возникают в процессе обобщения данных чужого опыта. Человек должен иметь возможность оценивать происходящее, руководствуясь не установленными ценностями, а исходя из личной нравственной ответственности. С одной стороны, он несет ответственность перед миром за то, что не актуализировал личностные свойства, тем самым лишил мир определенных состояний и свойств. С другой стороны, являясь «виновником», творцом проявления иного, человек принимает законы актуализированного бытия и является ответственным за него.

Список литературы

1. Виндельбанд, В. Избранное. Дух и история / В. Виндельбанд. М., 1995. С.350
2. Поросенков, С.В. Существование и деятельность в определении ценностного отношения [Электронный ресурс] /С.В. Поросенков. – 2002. – Режим доступа : http://anthropology.ru/ru/texts/porosenkov/existence_13.html
3. Губин В.Д. Философия актуальные проблемы /В.Д. Губин. – М. : ОМЕГА-Л., 2009. – С.13
4. Мамардашвили, М.К. Философские чтения //М.К. Мамардашвили. – СПб: Азбука-классика, 2002. – С. 193
5. Левицкий, С. А. Сочинения. В 2 т. Трагедия свободы / С.А. Левицкий.– М. : Посев, 1984.
6. Тульчинский, Г.Л. Трансцендентальный субъект, постчеловеческая персонология и новые перспективы гуманитарной парадигмы [Электронный ресурс] / Г.Л. Тульчинский. – [2001]. – Режим доступа : <http://hpsy.ru/public/x2891.htm>.
7. Иоанн Павел II (Войтыла Кароль Юзеф) Личность и поступок / папа римский Иоанн Павел II. – М. : Изд-во Францисканцев, 2003 – 333 с.
8. Бахтин, М. М. Философия поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники. – М., 1986. – С. 84–157

ACTIONS AND BEHAVIOR OF MODERN PERSON (AXIOLOGICAL ASPECT OF CONSIDERATION)

S.V. DIMITROVA

*Kamyshin institute
of technology –
branch of the Volgograd
state university*

*e-mail: sve-dimitrova
@yandex.ru*

Correlation of action and behavior are explored in this article. Action can be considered as a kind of activity when everything that facilitates successful goal realization is valuable. Transformation of values into the instrument of goal achievement becomes the foundation for axiological nihilism. Search for life and activity value foundations of modern person is interconnected with the necessity to act. Values in behavior don't result from successful actions and they don't arise in the process of somebody else's experience generalization. Initial conditions are recreated for cognitive, moral, aesthetic values, "ontological self-determination" of a person is realized, personality existence is actualized in the behavior.

Key words: goal-rationality, action, behavior, freedom, personality existence, value.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ: ЧЕЛОВЕК ВИРТУАЛЬНЫЙ И АКТУАЛЬНЫЙ

Р.А. ДУНАЕВ¹⁾
А.Н. ЧЕРНЯКОВ²⁾

*Белгородский государствен-
ный институт искусств
и культуры*

¹⁾*e-mail: r_dunaev@bk.ru*

²⁾*e-mail: achernyakov@bk.ru*

В статье рассматриваются разграничение виртуального субъекта у Делеза и Гваттари децентрированного онтологически и фукианского субъекта децентрированного дискурсивными практиками.

Ключевые слова: виртуальный субъект, сингулярность, дискурс, антропологический тип.

Попытка выяснить местоположение виртуального субъекта и обосновать возможность его существования привела нас к необходимости прояснить онтологию виртуального субъекта. Что, по сути, было ответом на вопрос: «возможен ли виртуальный субъект?» – а также, в рамках какого философского дискурса есть возможность его обнаружения. Очевидно того, который мыслит бытие множественным, та установка на полионтичность о которой говорил Н.А. Носов. И эта философская традиция довольно обширна, несмотря на то, что все-таки, в определенной мере маргинальна. К ней могут быть отнесены плюралистические учения древнегреческой натурфилософии, философия стоиков и эпикурейцев, Лейбница и Спинозы, «философия жизни» в лице Бергсона и Ницше, Жюль Делеза, на которого мы преимущественно опираемся. Оказалось, что множественное бытие предполагает присутствие субъекта, но довольно специфичного. Специфичного настолько, что возникает вопрос, как возможен такой субъект? Реален ли он, или же только мыслим. Это проект, требующий своей реализации и реализующийся, или все же следствие теоретических построений и не более. Ведь как мы выяснили, бытие может предполагать актуализацию, а может и не предполагать. Станным образом необходимо выяснить, насколько виртуальный виртуальный субъект.

Провозгласив существование виртуального субъекта, и определив его как децентрированного, «пассажира без места», номадического субъекта и т.п., мы «невольны» вывели особую генерацию субъекта, существующего особым образом; тем самым подспудно утверждая, что есть и другой субъект – не виртуальный. И сейчас мы должны разграничить этих двух и тем самым выяснить, что представляет собой субъект виртуальный.

Прежде чем говорить о субъекте, следует сказать о языке, инструменте которому доступен виртуальный субъект. Для его определения мы исходим из объекта (виртуального субъекта). Субъекта-объекта который располагается на поверхности, то есть является пересечением сингулярностей, «точкой сборки» миров, виртуальных вселенных, которые могут «высвечиваться» – актуализироваться посредством воли (Бергсон) или желания (Делез). Волю и желание мы отождествляем. И если для описания онтологии виртуального субъекта более уместным был язык Бергсона и Делеза, то для описания самого виртуального субъекта язык Делеза и Гваттари. Более того, такая методологическая позиция дополняется нами аспектом сравнения, который, по нашему мнению, позволит более точно определить виртуального субъекта. По-прежнему, как и в предыдущем параграфе, мы попытаемся сравнить шизофренического (виртуального) субъекта у Делеза (децентрированного онтологически) и фукианского субъекта (децентрированного дискурсивными практиками).

Субъект Делеза и Гваттари оказывается не только точкой случайного пересечения сингулярностей, но еще и субъектом желающим. Человек оказывается «желающей машиной» включенной в оборот желания, циркулирующего по бинарным структурам. Машиной, состоящей из других машин, состыкованных между собой. Сингулярность, которая сама будучи вселенной соприкасается с другими вселенными сингулярностями. Важен кругооборот, непрерывное перемещение желания и наполнение им. Машина-человек, наполненная желанием, передает его другой машине-сингулярности, присоединяясь к ней. Избыток – недостача – вот логика функционирования желающего субъекта: «желающие

машины – это бинарные машины с бинарным правилом или ассоциированным режимом; одна машина всегда состыкована с другой. Продуктивный синтез, производство производства, имеет коннективную форму: «и», «и еще»... Дело в том, что всегда есть машина, производящая поток, и другая, присоединенная к ней, производящая срез, выборку из потока (грудь – рот). А поскольку первая машина, в свою очередь, подключена к другой, по отношению к которой она действует как срез или выборка, бинарная серия оказывается линейной во всех направлениях. Желание постоянно осуществляет стыковку непрерывных потоков и частичных объектов, по существу своему фрагментарных и фрагментированных¹. То есть, желание является скрепой фрагментов человека. Субъект это конструкция, произведенная желанием, и не только в онтологическом смысле, но и в других.

У М. Фуко сам вопрос о реальности субъекта не ставится, ибо субъект возникает как эффект дискурса, а реальность дискурсивного не ставится под сомнение. Дискурс сам творит реальность или же реальность и есть дискурс. Возникает соблазн поставить в теоретической схеме Делеза и Гваттари на место желания дискурс и итог останется тем же – равным субъекту. Как в первом случае субъект есть пересечение сингулярностей, так во втором дискурсивных практик. В «Ненормальных» Фуко этот процесс возникновения субъекта показан довольно четко на примере тех, кто называется «ненормальными». Они возникают на пересечении двух дискурсов и институтов: судебного и медицинского. Так судебный дискурс конструирует преступника с помощью медицинского. Власть, соответственно, конструирует субъекта посредством таких дискурсивных практик. Иначе для нее субъект не существует (и не существует вообще). Эти координаты, чтобы «вычислить» субъекта, становятся более явными при рассмотрении функций судебной экспертизы: 1) первой функцией является «удвоение преступления целым рядом других, отличающихся от правонарушения вещей: рядом манер поведения, образом жизни, который в дискурсе психиатра-эксперта...предстает как причина... отправная точка правонарушения. 2) Второй функцией психиатрической экспертизы является удвоение виновника преступления...преступником»². В XVIII веке появляется особый субъект – преступник, которого ранее не было. 3) Третья функция заключается в том, что: «учреждается фигура врача, который будет одновременно врачом-судьей»³. Вот целый спектр определенных субъектов, которые возникают вследствие судебного дискурса.

Дискурс делает реальными тех или иных субъектов. Причем «делает», создает в буквальном смысле. Подобно тому, как у Делеза субъект соткан из совокупности сингулярностей, фукианский субъект становится таковым в дискурсе. Являясь при этом его эффектом. Судья становится собой в практиках говорения, и психиатр так же. Они оба следствие реализации разновидностей властного дискурса: судебного и медицинского. В нем они сливаются и объединяются, когда судья неотличим от психиатра, так как оба суть эффекты власти: «психиатр действительно становится судьей, он действительно совершает акт следствия, причем не на уровне юридической ответственности индивидов, а на уровне их реальной виновности. И наоборот, судья дублируется медиком»⁴. И такая «эффектная» онтология не позволяет изыскать возможность ускользания от власти. Субъект не просто фиксируется аксиоматикой, он сам ею становится. Субъект это дискурс, который существует по своим правилам, выход за которые не возможен. За ними есть другой дискурс и другие правила и так далее. Тотальность нормы в которой растворен субъект. Норма или же власть, в данном случае являет собой уровень онтологии. Предел, которым ограничена вся теоретическая схема.

Возвращаясь к виртуальному – желающему субъекту следует поставить вопрос: считать ли, что виртуальный субъект и субъект не виртуальный противостоят друг другу, как движимые разными полюсами желания: Эросом и Танатосом? Скорее речь должна идти об амбивалентности желания. «Тело без органов» создается желанием и сопутствует «желающим машинам». Хотя субъект соответствующий «Телу без органов» всегда оста-

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – С.18.

² Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. – СПб.: Наука, 2004. – С. 36-40.

³ Там же. – С. 44.

⁴ Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. – СПб.: Наука, 2004. – С. 45.

ется периферийным и маргинальным в обществе, что обуславливается его онтологическим статусом и «неопределенной» функцией.

Два обозначенных нами субъекта (тело без органов – виртуальный субъект и желаящая машина – субъект не виртуальный) есть два регистра желания: расточение и ограничение. Даже не смотря на то, что желание ограничено, не желание выглядит странно. «Желаящие машины» образуют сообщество служащее этой цели. Общество основано на регламентации желания и его канализации. Суть общества, таким образом, неизменна, меняются лишь механизмы ограничения желания: «Задача социуса всегда сводилась к следующему: кодировать потоки желания, записывать их, регистрировать, делать так, чтобы никакой поток не оставался незакрытым, неканализованным, неупорядоченным. Когда первичной территориальной машины было уже недостаточно, деспотическая машина установила определенный тип перекодирования. Но капиталистическая машина, поскольку она возводится на ранее или позднее возникших руинах деспотического Государства, оказывается в совершенно новой ситуации – ситуации раскодирования и детерриторизации потоков»⁵.

Таким образом, еще раз повторим, что всегда есть двое, два основополагающих антропологических типа: субъект виртуальный и субъект не виртуальный, шизофреник и параноик. Первый всегда ускользающий, противящийся любой определенности, записи и кодированию. Он не может сказать о себе: «я рабочий, русский, гражданин...» и т.д. второй стабилен и определен, кодирован и детерриторизован. Виртуальный субъект оперирует сингулярностями и образован ими, он есть их случайное пересечение. Субъект не виртуальный действует на уровне абстрактностей и статистических систем, которые отторгают сингулярности в пользу абстрактного множества. Шизофреник связан с желанием, которое раскодировано и детерриторизовано, вне вытеснения и сублимации, без преград и ограничений. Параноик производит инвестирование желания в инструменты его же подавления. Направляет желание на установление детерриторизации и аксиоматики, заставляет его работать над своим же угнетением. Один всегда индивидуален, сам по себе и противится любого объединения, то, что можно назвать частичностью. Другой коллективен и становится собой только в социуме. Стремится к «стадности» и желает ее.

Отсутствие кодирования есть так же и невозможность провозглашения своих целей, отсутствие деклараций и лозунгов. Виртуальный субъект как субъект поверхности, персонификация тела без органов, не нуждается в цели и ее рационализации, а так же обоснования. (Без)цельность как невозможность артикуляции цели, так и сущностная без-цельность, отсутствие цельности, децентрированность.

Виртуальный субъект может рассматриваться как содержащий цель в себе самом. Совмещение цели и результата, что обуславливается пограничным состоянием. Бесстрастностью. Так же отсутствие цели в плане практики виртуального субъекта есть инструмент перекодировки желания и его направления на молекулярный уровень. Это средство преобразования мира.

Список литературы

1. Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – С.18.
2. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1974-1975 учебном году. – СПб.: Наука, 2004. – С. 36-40.

DIFFERENTIATION: VIRTUAL MAN AND ACTUAL MAN

R.A.DUNAEV¹⁾

A.N. CHERNYAKOV²⁾

*Belgorod State Institute
of Art and Culture*

¹⁾*e-mail: r_dunaev@bk.ru*

²⁾*e-mail: achernyakov@bk.ru*

The deviation of virtual subject in Deleuze's and Guattari's hypothesis which is decentered ontologically and Foucault's subject which is decentered by discursive practices is discussed in this article.

Key terms: virtual subject, singularity, discourse, anthropological type.

⁵ Делез Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – С.58.

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДОКТРИНЫ О МОЛИТВЕ ДРЕВНИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ЕГИПЕТСКИХ МОНАХОВ. «ΜΕΛΕΤΗ ΤΩΝ ΓΡΑΦΩΝ» КАК ПРОТОТИП ИИСУСОВОЙ МОЛИТВЫ

С.С. ЕСЬКОВ

ХНПУ им. Г.С. Сковороды

e-mail: yeskow@yahoo

Статья посвящена основным элементам умного делания (πραξις νοερά), которое является ядром исихазма – это «Μελέτη των Γραφών» размышление над Священным писанием («μελέτη» или meditatio), как заключение ума в Священном Писании для памяти Божией и для почтения ума и сердца в истине Божией; психосоматический метод – соединение дыхания и молитвы, ума и сердца; трезвение – использование «μελέτη», которое в последствии перешло в краткословную Иисусову молитву, для битвы с искушениями и для катарсиса сознания от помыслов и страстей. В статье детерминируются критерии истинности молитвы. Сама суть практики выделась в удержании ума в рамках внимания к молитве, в очищении себя. Результаты исследования позволяют утверждать, что в IV-ом египетские христианские монахи использовали те же приемы умного делания, что и аскеты четырнадцатого века.

Ключевые слова: Господь, Иисусова молитва, умное делание, трезвение, психосоматический метод, помыслы.

Умное делание (πραξις νοερά)¹ является ядром исихазма, определяет саму суть и направленность исихастской традиции, оно является актом молитвенного устремления и процессом последовательного восхождения к полноте Богообщения и единения с Богом. Данный элемент исихастской практики, выработанный исихастской традицией, имеет в основе тесное соединение двух активностей: непрестанной молитвы, которая, безусловно, является наиважнейшим компонентом в любой православной аскетической практике, и внимания – внимательной, бдительной охраны молитвенной концентрации человека. Понятие внимание содержит в себе различные компоненты, которые подразделяются в соответствии с многими задачами: здесь различают внимание ума, сердца, «внимание к себе», сюда же присоединяют память и бодрствование, трезвение. Существенным признаком этого делания является молитва, молитва «умная», непрестанная, молитва Иисусова.

Молитва является основным занятием в монашеской жизни и ядром монашеской аскезы. Монашеские общины имели практику непрерывного богослужения, пения псалмов и практику непрестанной личной молитвы наедине с Богом. Египетские монахи, вполне естественно, рассматривали личную молитву как важнейший элемент духовной практики, необходимый венец всех подвижнических деланий. «Первым, кто систематизировал учение, и не только египетских, монахов о молитве был Евагрий Понтийский»². Учение о молитве занимает центральное место в учении Евагрия. В основном его понятие и учение о молитве дошли под именем Нила Синайского. Евагрий дает в своих «Главах» такое определение молитве: «Молитва есть беседа ума к Богу», где явно указывается предназначение ума – беседа, диалог с Создателем: «Молитва есть приличное достоинству ума делание или, лучше, настоящее его употребление»³. Известный и общеупотребительный термин «умная молитва»⁴ и «умное делание»⁵, используемый в исихазме, был введен именно аввой Евагрием: «Молитва настраивает ум к свойственному ему умному

¹ Хоружий С. С. Исихазм. Аннотированная библиография. – С. 21.

² Иоанн Мейендорф, протоиерей. Введение в Святоотеческое богословие. Вильнюс. М.: Весть, 1992. – С.205.

³ Сидоров А. И. Творения аввы Евагрия. – С. 326.

⁴ Иоанн Мейендорф, протоиерей. Введение в Святоотеческое богословие. – С.205.

⁵ Там же.

деланию»⁶. Он также говорит, что через молитву ум отрешается от всего земного и возносится к Вечному: «Молитва есть восхождение ума к Богу»⁷. Отсюда же следует иное определение молитвы: «Молитва есть отложение (всяких сторонних) помышлений»⁸, то есть единственным помышлением ума во время молитвы должно быть устремление к Богу, поэтому молитва должна быть чистой и нерассеянной: «Нерассеянная молитва есть наивысшее делание...высшее разумение ума»⁹. Но, помимо активного, то есть мысленного, диалога с Богом, к примеру: «Молитвенная просьба [к Богу] есть собеседование ума с Богом, с мольбой на коленях, содержащее прошение о помощи или о [предоставлении] благ»¹⁰, Евагрием молитва понимается и как «иной» диалог, которого подвижник достигает, придя в состояние молчания под влиянием благодати в виде света Святой Троицы: «Молитва есть состояние ума, уничтожающее всякое земное помышление; оно возникает только тогда, когда [ум озаряется] Светом Святой Троицы»¹¹. И именно молчание подразумевается как чистота ума, общение его с любыми помыслами, даже положительными, так как и полезный помысел отвлекает от диалога с Богом: «Молитва есть отрешение (ума от всяких) помыслов»¹². В целом он напутствует держаться чистоты молитвы: «Стой доблестно и молись усердно, отревая приращение житейских попечений и всяких помыслов. Подвизайся ум твой во время молитвы устроить глухим и немым, и ты сможешь молиться»¹³. Само понятие «глухим и немым» подразумевается как отсутствие помыслов и пребывание в трезвении – не бездействии, а внутренней работе и поиске благоговеющего состояния, состояния Царствия Божьего, погружая свой ум в чувство духовной молитвы. По поводу же воображения во время молитвы он говорит: «Когда молишься, не придавай Божеству какого-либо облика, и не попускай, чтобы ум твой преобразался в какой-либо образ; но невещественно приступи к вещественному – и сойдешься с ним»¹⁴. Отсюда также вытекает, что молитва есть стремление к соединению с Богом, соединению чистого ума с Пречистым Господом. Но чистота ума, в которой человек должен прибывать во время молитвы, приходит и во время самой молитвы: «Молитва очищает и делает мощным в борьбе ум»¹⁵. Ум, очищаясь, набирается божественной благодати от Самого Источника и по Его воле, потому что «молитва есть дар»¹⁶, дающей подвижнику за его усердие к ней.

Особо стоит понятие трезвения или блюдения помыслов, как элемент практики умного делания. Соблюдение чистоты ума и сердца во время молитвы способствует концентрации сознания и всех сил подвижника на ней, от чего приходит истинная молитва: «Стой на страже своей, охраняя ум свой от мыслей во время молитвы, дабы исполнить прошение и быть незыблемым в собственном покое»¹⁷, а также, чтобы Сочувствующий неведущим и тебя посетил, – тогда получишь преславнейший дар молитвы»¹⁸. Усердие подвижника и заключается в удержании ума в рамках внимания к молитве, в очищении себя от сора страстей, а сама истинная «молитва происходит по воле Божией»¹⁹ и, по

⁶ Там же. С. 326.

⁷ Там же. С. 328.

⁸ Там же. С. 327.

⁹ Там же. С. 326.

¹⁰ Там же. С. 124.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С.84.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 324.

¹⁵ Иоанн Мейендорф, протоиерей. Введение в Святоотеческое богословие. – С. 324.

¹⁶ Там же. С. 86.

¹⁷ По словам Сидорова А.И в «Патрологии» Мина вместо **πρεμία** стоит **ἐρεμία** («уединенное место, пустыня, уединение»). Но здесь скорее речь идет о том пребывании («стоянии») в состоянии внутреннего покоя, которое и должно быть целью христианской жизни. Эту мысль четко выражает уже Климент Александрийский, говоря, что христианину вообще должны быть свойственны покой, безмолвие, кротость и мир». Творения аввы Евагрия/ вступительная статья, перевод и комментарии профессора Сидорова А.И. М., 2004. – С. 179.

¹⁸ Творения аввы Евагрия/ вступительная статья, перевод и комментарии профессора Сидорова А.И. М., 2004. – С. 179.

¹⁹ Творения преподобного Макария Египетского / вступительная статья и перевод профессора Сидорова А. И. М.: Издательство Паломник, 2002. – С.239.

средством молитвы и воли Господа, происходит само очищение человека, стяжание благодати Духа Святого и приобретение добродетелей, которые должны быть вместо страстей в сердце подвижника. Молитва есть упорный ежедневный труд и труд этот заключается в соблюдении чистоты молитвы: «Главное во всяком добром парении, говорит преподобный Макарий Великий, – прилежное пребывание в молитве. Его испрашивая у Бога ежедневно, можем приобретать и прочие добродетели. Отсюда происходит общение в Божией святости, в духовной действенности и союз умного расположения как бы в неизреченной любви ко Господу»²⁰ Сущность чистой молитвы – собиранье мыслей к Господу и беседа ума с Ним.

Преподобный Макарий особое внимание обращает на внутреннюю духовную природу молитвы. Крики, вопли и всякое внешнее беспокойство не только не выражают истинной сущности молитвы, а напротив, уничтожают её. «Истинное основание молитвы – быть внимательным к помыслам, а источник внешнего беспокойства – смущение, смятение и боязливость, которые расхищают помыслы. Приступающие ко Господу должны совершать молитву в безмолвии и мире...и внимать Господу не с воплями непристойными и смешанными, но с томлением сердца и трезвенными помыслами»²¹. Молитва – созерцание Бога, Который живёт в мире и благоденствии.

Возможны случаи одностороннего развития молитвенной сосредоточенности ума: «Если кто принуждает себя к одной только молитве, но не принуждает себя к другим добродетелям то, по мере его произволения, дается ему иногда отчасти благодать молитвенная, но по нравам остается ж таким же, каким был прежде»²². В таком состоянии неполный молитвенный дар является даже опасным для подвижника. Опасность включается в возможности падения по причине высокоумия²³, рождающегося от мысли о молитвенном успехе. Подвижник может самодовольно заключить, что уже достиг совершенства, и, таким образом, ослабить энергию духовного шествия вперед. Только по мере всецелого роста духовной жизни достигается истинная молитва.

Все более и более познавая Бога, подвижник уже не по принуждению, а по любви постоянно пребывает с Господом. Молитва рассматривается египетскими подвижниками как искание, которое превращается в общение: «Сам Дух входит в сердце и научает его истинной молитве, которой прежде не мог совершать и с усилием»²⁴. «Пребывающий постоянно в молитве как бы входит в общение с Богом и спрягается с Ним таинственной святостью и некой духовной действенностью и неизреченным расположением сердца, горит желанием, не находя сытости в молитве»²⁵. Душа, плененная любовью к Богу, уже не развлекается посторонним и в полном пребывании в Боге находит покой и веселье духа. В этом состоит благодать молитвенная, ее «духовная действенность»²⁶. «Иной входит преклонить колена, и сердце исполняется божественной действенности, душа веселится с Господом, как невеста с женихом»²⁷. Такова высшая ступень молитвенного состояния. Божественная благодать растворяется в природе человека. До этого момента человек сам побуждал себя к молитве, теперь сама природа движет его к Богу. Вся жизнь человека превращается в непрестанную хвалу Господа.

Существенным признаком умной молитвы является не самая формула, но ее краткость и глубина содержания²⁸, ее акт, само действие. Для раскрытия вопроса необходимо дополнить, что в исихастской литературе для обозначения молитвенной формулы, краткословной молитвы содержащей в себе имя Иисусово и для обозначения практики «умного делания» в целом, используется термин «μελέτη». В.Г. Патрин дает такое определение

²⁰ Преподобный Макарий египетский. Духовные беседы. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. – С. 268.

²¹ Там же. С. 59-61.

²² Там же. С. 166.

²³ Там же. С. 167.

²⁴ Там же. С. 168.

²⁵ Там же. С. 337.

²⁶ Там же. С. 166.

²⁷ Там же. С. 68.

²⁸ Варсонофий (Веревкин), игумен. Учение о молитве по Добротолубию. Ярославль-Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2002. – С. 99.

этому термину: «В аскетической литературе данный термин, как правило, употребляется для обозначения «упражнения»: 1) в Св. Писании, а также 2) практике «краткословных молитв», и, в частности, 3) «молитвы иисусовой».²⁹ Он также говорит, что существует разное понимание и перевод самого термина «μελέτη», такие как «размышление», «поучение», «цитирование наизусть про себя», и само понимание зависит во многом от акцента, «который делается на той или иной стороне данной практики, а также от контекста самого произведения, в котором он употребляется. Так как внешне эту практику можно назвать цитированием, но таким цитированием, которое предполагает размышление над произносимым, и размышление не просто в форме безучастного анализа текста, а как поучение для ума и сердца. В целом, можно сказать, что, в аскетической литературе, под термином «μελέτη» имелась ввиду практика внутреннего делания или умного делания, состоящая в удержании ума в какой-либо спасительной мысли или «памяти Божией», которая обычно осуществлялась посредством повторения про себя или в слух священных текстов отрывков из Священного Писания или подходящей молитвенной формулы. В данном «делании» можно различить упражнение в Священном Писании, к которому можно присоединить и творения Святых Отцов, и упражнение в молитве. Первоначально, молитвенная сторона этого делания не имела какие-либо определенные черты, поэтому и ассоциируется практика «μελέτη» прежде всего с упражнением в размышлении о тех или иных отрывках из Библии и заключалась не только в произношении молитвенной формулы непрерывно, но и просто в удержании ума в какой-либо спасительной мысли или «памяти Божией». Главной же причиной появления данной практики «умного делания», было постоянная практика размышления над Словом Божиим («μελέτη»), чтобы мысль пребывала в памяти Божьей и мысль о Боге постоянно действовала в уме, координируя человека к спасению. Краткословная молитва существовала уже неявно содержащаяся в различного рода поучений, обдумываний и пережевывании текстов Писания, которые, в большей части, не были формально молитвами, но которые могли легко и должны были часто становиться видом размышлений, которые содержались в уме и сердце монаха: «Μεlete могло легко трансформироваться в молитву, оно могло быть также молитвой, если текст повторяемый выражал просительное обращение, адресованное к Богу, но само оно не было обязательно молитвой»³⁰. Таким образом, краткая молитва еще не существовала в созерцательной практике египетских монахов в IV веке, но она появилась благодаря практике «поучения» в Писании, а как молитва использовались те стихи из Библии в которых есть обращение к Создателю. Таким образом, это обращение перешло позже в краткую Иисусову молитву. Что также утверждает и В.М.Лурье, объясняя значение термина «μελέτη», смысл которого он видит в заключении ума в слова Писания: "Μεlete" – это было не размышление о Писании (как часто неправильно переводят), а, скорее, поучение в Писании – такое внимательное "заключение ума в слова" Писания, из которого впоследствии, уже к концу IV в., разовьется практика "однословной" молитвы (т.е. краткословной и, в частности, молитвы Иисусовой; отсюда и на саму такого рода молитвы распространится название "поучение" – "сокровенное поучение")³¹.

Можно найти множество свидетельств об истоке исихастской практики постоянной молитвы «μελέτη», как «поучения», как сосредоточении ума в Слове Божьем. Как уже говорилось выше практика «поучения» первоначально оформилась как практика поучения в Священном Писании. Результатом стремления максимального исполнения Божественных заповедей, заповедей, которые содержит в себе Священное Писание, стало появление монашества. Отец всех монахов преподобный Антоний Великий ушел в пустыню, следуя тому, что он услышал на Богослужении из Священного Писания, и, в дошедшей до нас его апофтегме, мы можно увидеть насколько важное место занимает Священное Писание в жизни монаха: «Некто спросил авву Антония; что мне делать,

²⁹ Патрин В.Г. История практики «Молитвы Иисусовой» (Обзор историографии. Начальный период существования практики (IV-VI вв.) и ее историческое развитие до XIV в.): Дис... канд. богосл. наук: Сергиев Посад, 2005. – С. 34.

³⁰ Там же. С. 36.

³¹ Лурье В. М. Призвание Авраама. Идея монашества и ее воплощение в Египте. СПб.: Алетейя, 2000. – С. 49.

чтобы угодить Богу? – Что велю тебе, ответил старец, то соблюдай: куда бы ты ни пошел, всегда имей Бога перед своими очами; что бы ни делал ты, имей на это свидетельство в Священном Писании; и в каком бы месте ты ни жил, не скоро уходи оттуда. Соблюдай сии три заповеди – и спасешься»³².

Знать наизусть Священное Писание было нормой в раннем монашестве. Так в кинувии преподобного Пахомия Великого знание наизусть Священного Писания было одним из правил для желающих быть монахом: «И вообще не должно быть в монастыре никого, кто не учится читать и не знает (наизусть) что-либо из Писания, по крайней мере, что касается Нового Завета и Псалтыри»³³. Целью этого заучивания было достижение и сохранение внутреннего единения, союза с Богом памяти Божией посредством внимательного, сосредоточенного повторения Священного Писания. Это есть практика, которая обозначается в аскетической литературе понятием «μελέτη των Γραφών»³⁴. Богословы по разному переводят этот греческий термин, – размышление, поучение, цитирование наизусть про себя, – по сути, делая акцент на той или иной стороне этой практики. Потому что, внешне, эту практику можно назвать цитированием, но цитированием, которое предполагает размышление над произносимым. Так в «Житии Пахомия» ставится в пример такое его внимательное отношение к словам Священного Писания: «И начиная читать или цитировать наизусть (μελέτην) слова Бога, делал это не поверхностно, как многие, но продумывал каждое (слово), чтобы понять весь (текст) в смирении, кротости и истине»³⁵. Известно, что насельники египетских монастырей должны были знать наизусть Писание, для размышления над ним и удержания мысли в памяти о Боге, так в повествовании об авве Эроне указывается данная практика египетского монашества, где он цитировал наизусть некоторые места из Библии: «До скита нам было сорок поприщ. В продолжение дня мы дважды ели и трижды пили воду. А он ничего не ел, идя пешком, прочитал наизусть пятнадцать псалмов, потом великий псалом, потом послание к Евреям, потом Исаию и часть Иеримии пророка, затем Луку евангелиста и Притчи. И при этом он шел так, что мы не могли поспевать за ним»³⁶, естественно авва Эрон не просто цитировал тексты Писания, впуская заучив их, но для размышления над ними, для поучения в сокровенном. О том, что подразумевалось под поучением «μελέτη» в Писаниях, хорошо дает понять одна апофтегма коптского корпуса изречений преподобного Антония: «Авва Антоний сказал еще: Верблюду нужно мало пищи – он сохраняет ее в себе, пока не вернется в свое стойло; он отрыгает ее и пережевывает, пока она не войдет в его кости плоть. Но лошади нужно много пищи – она ест постоянно и сразу теряет все что съела. Итак, не будем же яко конь, сиречь, постоянно чтущими, слова Божии и ни единого от них не творящими, но примем подобие от верблюда, перечитывая каждое слово Святого Писания и сохраняя его в себе, пока не сотворим, ибо исполнившие сии слова были человеки, как и мы; но они побеждали страсти»³⁷.

А относительно процесса формирования молитвы Иисусовой В.М.Лурье говорит, что данная практика возникла в результате вытеснения «практики чтения одного псаломского стиха специальной краткой формулой, содержащей имя Иисусово; практика же чтения одного стиха возникла на основе практики постоянного чтения целого псалма»³⁸. Практика молитвы Иисусовой, так же является формой практики «поучения», которая своей основной задачей имеет сохранение памяти Божией. Понятие память Божия может иметь разные оттенки: страх Божий, память смерти, благодарение Богу и подобное. Священное Писание может предоставить для такого упражнения множество моментов, более того, оно дает правило жизни для верующего, поэтому знание и поучение в Священном Писании – это знание и усвоение пути спасения. Практику молитвы Иисусовой нужно рассматривать не как единичное явление, а как традицию. Потому нигде, в

³² Достопамятные сказания святых блаженных отцов. – С.17.

³³ Хосроев А. Л. Пахомий Великий.- СПб.: «Нестор-история», 2004. – С.418.

³⁴ Патрин В.Г. История практики «Молитвы Иисусовой». – С. 54.

³⁵ Там же. С.194.

³⁶ Палладий Епископ Еленопольский. – С. 122.

³⁷ Лурье В. М. Призвание Авраама. – С.49.

³⁸ Там же. С. 409- 410.

православной литературе, нет полемики относительно православности практики Иисусовой молитвы, противопоставления ее другим формам молитвы, потому что она воспринималась как вполне нормальное явление, и, значит, уже была достаточно укоренена в аскетическом сознании православного монашества.

О постоянном призывании Бога и Божьей, отдаении всего себя Ему, что бы Он руководил всем, преподобный Макарий говорит так: «Лучше же всегда пусть человек призывает Бога, чтобы Он Сам стал его Путеводителем, и Путем, и Умом; до тех же пор пока человек не нашел Христа пусть не доверяет себе»³⁹. Память о Христе во время молитвы также может быть расценена как исток Иисусовой молитвы, используемой в дальнейшем в исихастской практике, подобное свидетельство можно найти и у Евагрия Понтийского: «Молись непрестанно и помни о Христе, родившем тебя»,⁴⁰ – это поучение может быть расценено как призыв к непрестанной Иисусовой молитве. Нил Синайский поучал: «Непрестанно умоляй Спасителя Христа, говоря: спаси Владыка, меня раба твоего, уповающего на Тебя, и не отчаивающегося сподобиться нетленных и вечных даров»⁴¹. Таким образом, под «призыванием имени Иисусова» у преподобного Нила Анкирского подразумевается молитва к Иисусу Христу вообще, а не практика просто «поучения». Более того, данное понимание понятия «призывание имени Иисусова» необходимо признать единственно верным, а факт употребления при этом краткословной или пространной молитвы частным случаем. Авва Сарра борясь с демоном блуда никогда не молилась о прекращении этой брани, но кратко зывала: «Боже, дай мне силу!»⁴². Один старец, когда его одолевали бесы, воскликнул: «Иисусе, помоги мне!»⁴³ Использовать короткую молитву во время искушений советует и авва Евагрий: «Во время таковых искушений пользуйся краткой и напряженной молитвой»⁴⁴. И авва Макарий, говоря, что должно молиться часто и кратко: «Некоторые спросили авву Макария, говоря: как нам должно молиться? Старец отвечал им: не нужно многословить, но часто воздевать руки: Господи как ты хочешь и как знаешь, – помилуй! Если же нападает искушение, говори: Господи помоги! И Он знает, что нам полезно, и так поступает с нами»⁴⁵. То есть непрестанная молитва должна быть краткой. «Авва Павел, из общежития, сказал: Когда ты живешь в общежитии, делай и учись и поднимай медленно глаза вверх к небу и говори Господу в своем сердце: Иисусе, помилуй меня; Иисусе, помоги мне; благословлю тебя, Боже мой». «Авва Иаков сказал: Я пошел в Вавелос к авве Исидору, из Nesare, и нашел его сидящим в своем жилище и пишушим. И я остался ненадолго у него; я наблюдал (за ним) и видел его поднимающим часто глаза к небу, но губы его не шевелились и не слышался голос. Я ему говорю: Что ты делаешь, мой отче? И он мне говорит: ты не знаешь того, что я делаю? Я ему говорю: совсем нет, авва. И он мне говорит: Если ты не знаешь этой вещи, Иаков, ты не был еще монахом ни одного дня. Вот то, что я говорю: Иисусе, помилуй меня; Иисусе, помоги мне; благословлю тебя, мой Господи»⁴⁶.

Эта же тройная формула встречается в коптском собрании «Добродетелей Святого Макария»: «Это нелегко, говорить с каждым вздохом лучше приступи, как знаешь, к краткой умной молитве: Господи мой Иисусе Христе, помилуй меня, благословлю тебя, мой Господь, помоги мне»⁴⁷.

О практике непрестанной молитвы в египетской пустыне сохранилось много свидетельств и поучений, которые были в основном написаны преподобным Макарием Еги-

³⁹ Творения преподобного Макария Египетского / вступительная статья и перевод профессора Сидорова А. И. – С.236.

⁴⁰ Творения аввы Евагрия / вступительная статья, перевод и комментарии профессора Сидорова А. И. – С. 138.

⁴¹ Патрин В.Г.История практики «Молитвы Иисусовой» – С. 73.

⁴² Достопамятные сказания святых блаженных отцов. – М.:Сретенский монастырь, 2005. – С.300.

⁴³ Там же. С. 172.

⁴⁴ Творения аввы Евагрия / вступительная статья, перевод и комментарии профессора Сидорова А. И. – С. 88.

⁴⁵ Великий Патерик. – С.238.

⁴⁶ Патрин В.Г.История практики «Молитвы Иисусовой». – С. 72.

⁴⁷ Там же. С.73.

петским и Евагрием Понтийским, а так же были зафиксированы в «Лавсаике» и житиях Пахомия и Антония Великих. Так отец монашества преподобный Антоний Великий призывает монаха непрестанно молиться Богу с покаянием, чтобы Господь очистил его: «Напрягайся непрестанно изливать молитвы со слезами, чтобы сжалился над тобою Бог и совлек с тебя ветхого человека»⁴⁸, данные слова напоминают смысл и настрой Иисусовой молитвы, в основном использованной исихастами – это краткое обращение к Богу и моление Его о помиловании. Преподобный Макарий говорит, что само уже предназначение и смысл монашества это постоянное, непрестанное общение с Создателем: «Монах именуется монахом по следующей причине: днем и ночью он беседует с Богом и не думает ни о чем, кроме божественного, ничем не обладая на земле»⁴⁹. Он также призывает творить постоянно молитву, чтобы весь ум был посвящен Богу и Он обитал в его уме и был его путеводителем, так как по учению Макария, ум должен руководить человеком, но пока Христос не очистил помысел человеку, не должно доверять своему ветхому «Я», но следить за своими помыслами и пребывать в тиши как внешней так и внутренней, приходя к миру в душе: «Лучше же всегда пусть человек призывает Бога, чтобы Он Сам стал его Путеводителем, и Путем, и Умом; до тех же пор пока человек не нашел Христа пусть не доверяет себе истинное основание молитвы таково – быть внимательным к помыслам и совершать молитву в великом безмолвии и мире»⁵⁰. Призывая к непрестанной молитве, преподобный Макарий, приводя свой аскетический опыт, говорит, что данная молитва приводит к упокоению, исихии ума в благодати божественного света: «Ежеминутно обращай к Богу душу и свою мысль всецело посвятить силе Христовой, как бы успокаиваясь от всякого говорения и дела в пристанище божественного света Спасителя»⁵¹.

Авва Евагрий, также как и Макарий говорит, что непрестанная молитва должна совершаться в сердце и таким образом подвижник уподобляется служению бестелесных, пребывающих непрестанно перед очами Божиими: «Если хочешь в теле служить Богу подобно бестелесным, старайся непрестанно иметь сокровенную в сердце твоём молитву»⁵². Непрестанная молитва есть память Божия, предохраняющая от греховного падения, очищающая и возвышающая ум: «Ум молиться, потому что Бог требует от нас, чтобы всегда мы памятовали о Нем...Памятуй всегда о Боге, и ум твой сделаться Небом»⁵³. Но авва Евагрий говорит, однако, и о единстве непрестанной молитвы и памяти Божией: «Молись непрестанно и помни о Христе, родившем тебя»⁵⁴. То есть главное в непрестанной молитве – память Божия с чувством сокрушения и смирения. Для сохранения непрестанной памяти Божией есть одно препятствие – помыслы, которые отвлекают ум от Бога. Короткая молитва оказалась подходящей для борьбы с помыслами и сохранения нерассеянной молитвы: «Посему-то эти (египетские монахи)» считают более полезным совершать молитвы хоть краткие, но чаще, чтобы через частовременные молитвы пребыть в непрестанном союзе с Богом, а через краткие избежать стрел диавола, нападающего на нас особенно во время молитвы»⁵⁵.

Далее Евагрий, поучая, говорит, что нахождение в состоянии непрестанной молитвы, оберегает ум человека от бесовских помыслов, подталкивающих его к падению: «Постоянно»⁵⁶ (συνεχως) молящийся избегает искушений, сердце же пренебрегающего

⁴⁸ Энциклопедия православной веры от А до Я.Клин. 2004. – С. 540.

⁴⁹ Иоанн Мейендорф, протопресвитер. История Церкви и восточно-христианская мистика. М: Институт ДИ-ДИК, Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 2003. – С.283.

⁵⁰ Творения преподобного Макария Египетского / вступительная статья и перевод профессора Сидорова А. И. – С.236.

⁵¹ Там же. С.235.

⁵² Энциклопедия православной веры. – С.105.

⁵³ Преподобный Макарий египетский, духовные беседы. – С.366-367.

⁵⁴ Творения аввы Евагрия / вступительная статья, перевод и комментарии профессора Сидорова А. И. – С. 138.

⁵⁵ Патрин В.Г. История практики «Молитвы Иисусовой». – С.53.

⁵⁶ Сидоров А.И говорит, что «эта постоянная молитва (употребляется наречие *συνεχως*) тождественна нерассеянной молитве, о которой Евагрий говорит в «Слове о молитве». Древнее монашество всегда подчеркивало значение постоянной молитвы». Творения аввы Евагрия / вступительная статья, перевод и комментарии профессора Сидорова А. И. – С.131.

молитвой всегда волнуют помыслы»⁵⁷. Эта постоянная молитва тождественна нерассеянной молитве, о которой Евагрий говорит в «Слове о молитве». Древнее монашество всегда подчеркивало значение постоянной молитвы, недопускающей в ум подвижника никаких мыслей, кроме мысли о Боге, так как иные мысли во время молитвы могут привести к ужасным последствиям – к гибели. По этому поводу можно привести случай из Лавсаика, где девяностолетний Иоанн Ликопольский говорил о том, что был подвижник, который «любил безмолвие и, проводя дни в молитвах, песнопении и созерцании, имел несколько божественных видений и в бодственном состоянии, и во сне», пал когда ему вкрасась мысль, что он выше других»⁵⁸.

Макарий, подчеркивая высоту и важность непрестанной молитвы, говорит, что пребывание в самой непрестанной молитве есть самое главное занятие подвижника: «Постоянно предающийся молитве совершает наиглавнейшее дело и должен принять на себя особый подвиг, (прилагая) многий труд и непрестанное усердие, потому что зло полагает много препятствий (на пути) постоянной молитвы»⁵⁹, препятствие которой творит диавол, в основном через помыслы, отвлекающие ум, потому что «вся усердная брань супротивника направлена только на то чтобы отвлечь ум от памятования о Боге»⁶⁰.

Говоря же о непрестанной, умо-сердечной молитве, Макарий утверждает, что настоящая молитва приходит только по воле Божией и есть дело Божией благодати, но достичь проявления той благодати можно только проявляя вначале свои усилия «Ведай, что хотя и своими усилиями творима и достигаемая молитва есть молитва Богу приятная, но настоящая молитва та, которая вселяется в сердце и делается неотходной, есть дар Божий, дело Божией благодати»⁶¹. А также непрестанное поклонение совершается, когда Господь очистит дом души и соделает этот дом своей обителью: «В умственном ее (души) сердце злые звери, когда придет укротитель диких мест и губитель умственных зверей и гадов, Господь, и построит дом души в Духе и сделает кроткой всю ее землю, и обитель в ней сотворит (Ин.14,23), тогда там совершаются непрестанно молитвы и поклонение в Духе»⁶².

Имеются так же свидетельства практики, если не буквально непрестанной, то частой или постоянной молитвы в египетских монастырях, описанной Палладием Еленопольским в Лавсаике. Так сказано, что Павел Фермийский творил в день 300 молитв, отсчитывая их камешками, отлагаемыми в сторону; некая девственница творила 700 молитв. Иоанн Ликопольский говорил, что был «подвижник любил безмолвие и молитва и созерцание были постоянным его занятием»⁶³. Блаженный Моисей «дал себе слово не спать всю ночь и не преклонять колен даже для молитвы, дабы избежать власти сна. И прожил он шесть лет в келии, по целым ночам стоя в келии, непрестанно молясь Богу и не смежая очей»⁶⁴.

Выводы. Результаты исследования позволяют утверждать, что в IV-ом египетские христианские монахи использовали те же приемы умного делания, что и аскеты четырнадцатого века, хотя некоторые критерии зрелого, на период четырнадцатого века, исихазма как-то умное делание (*πραξις νοερή*) и психосоматический метод молитвы были еще в прототипном, зачаточном виде. Краткая молитва выражалась в размышление над писанием «*μελετη των Γραφων*» и удержания мысли в Боге. Необходимо отметить, что непрестанная молитва уже проповедовалась наставниками египетских монастырей. А, краткая молитва использовалась в борьбе с искушениями. Сама суть практики виделась в удержании ума в рамках внимания к молитве, в очищении себя от сора страстей. Существенным признаком умной молитвы является не самая формула, но ее краткость и глубина содержания, а истинная, полноценная молитва возможна только по воле Божьей.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Палладий Епископ Еленопольский. Лавсаик. – С.153.

⁵⁹ Там же. С. 121.

⁶⁰ Там же. С.117.

⁶¹ Энциклопедия православной веры от А до Я. Клин. 2004. – С.27.

⁶² Творения преподобного Макария Египетского / вступительная статья и перевод профессора Сидорова А. И. – С. 149.

⁶³ Палладий Епископ Еленопольский. Лавсаик. – С. 169.

⁶⁴ Там же. С. 89.

Посредством молитвы и воли Господа, по учению египетских пустынножителей, происходит самоочищение человека, стяжание благодати Духа Святого и приобретение добродетелей. Египетские подвижники говорили, что соблюдение чистоты ума и сердца во время молитвы способствует концентрации сознания и всех сил подвижника на ней, от чего приходит истинная молитва. В четвертом веке также практиковалось и само размышление («μελέτη» или *meditatio*) как заключение ума в Священном Писании для памяти Божией и поучения ума и сердца в истине Божией; «μελέτη» в последствии перешло в краткословную, непрестанную молитву Иисусову.

Список литературы

1. Хоружий С.С. Исихазм. Аннотированная библиография. М., 2004.
2. Иоанн Мейендорф, протоиерей. Введение в Святоотеческое богословие. Вильнюс. М.: Весть, 1992.
3. Творения аввы Евагрия / вступительная статья, перевод и комментарии профессора А.И.Сидорова. М., 2004.
4. Иоанн Мейендорф, протоиерей. Введение в Святоотеческое богословие Творения аввы Евагрия/ вступительная статья, перевод и комментарии профессора Сидорова А.И. М., 2004.
5. Творения преподобного Макария Египетского / вступительная статья и перевод профессора Сидорова А. И. М.: Издательство Паломник, 2002.
6. Преподобный Макарий египетский. Духовные беседы. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994.
7. Варсонофий (Веревкин), игумен. Учение о молитве по Добротолубию. Ярославль-Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2002.
8. Патрин В.Г. История практики «Молитвы Иисусовой» (Обзор историографии. Начальный период существования практики (IV-VI вв.) и ее историческое развитие до XIV в.): Дис. канд. богосл. наук: Сергиев Посад, 2005.
9. Лурье В. М. Призвание Авраама. Идея монашества и ее воплощение в Египте. СПб.: Алетейя, 2000.
10. Достопамятные сказания святых блаженных отцов. -М.:Сретенский монастырь, 2005.
11. Хосроев А. Л. Пахомий Великий. СПб.: «Нестор-история», 2004
12. Иоанн Мейендорф, протопресвитер. История Церкви и восточно-христианская мистика. М: Институт ДИ-ДИК, Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 2003.
13. Великий патерик или великое собрание изречений старцев. Систематическая коллекция. Т.1. М., 2005.
14. Энциклопедия православной веры от А до Я. г. Клин. 2004.

PHILOSOPHICAL-ANTHROPOLOGICAL ANALYSIS OF DOCTRINE ABOUT PRAYER OF ANCIENT EGYPTIAN ORTHODOX MONKS. «ΜΕΛΕΤΗ ΤΩΝ ΓΡΑΦΩΝ» AS A PROTOTYPE OF THE JESUS PRAYER

S.S. ESKOV

Kharkov National Pedagogical University

e-mail: yeskow@yahoo.com

This article focuses on the basic elements of smart doing (πραξι νοερά), which is the core of quietism – a «Μελέτη των Γραφών» meditation on Scripture («μελέτη» or *meditatio*), as the conclusion of the mind in the Holy Scripture for the remembrance of God and for the edification of God's mind and heart to the truth of God; psychosomatic method – as the connection of breathing and prayer, the mind and heart; sobriety – use «μελέτη», which later passed into the spoken briefly of Jesus prayer for battle with temptation and catharsis of consciousness thoughts and passions. In this article are determined by criteria of truth prayer. The very essence of the practice seen in keeping the mind within the attention to prayer, to purify themselves. Results of the study suggest that in the IV-th Egyptian Christian monks used the same techniques as smart doing that and ascetics of the fourteenth century.

Key words: Lord, Jesus prayer, smart doing, sobriety, psychosomatic method, inventions.

УДК 37.013.73

СОВЕТСКИЕ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ «ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ» С ЗАПАДОМ: ФИЛОСОФСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

И. Г. МУХИНА

Харьковский институт финансов Украинского государственного университета финансов и международной торговли

e-mail:
19Muhina67@mail.ru

В статье раскрывается роль советского культурно-образовательного пространства в идеологическом противостоянии с Западом. Анализируются элементы философского образования, информационных механизмов, которые использовались в идеологическом воспитании масс. Обращается внимание на структурные уровни западной идеологии, ключевые принципы советской культурно-образовательной системы, которые используются в идеологической борьбе через призму формирования тоталитарного мышления

Ключевые слова: культурно-образовательное пространство, воспитание, идеология, пропаганда, тоталитарное мышление, психологическая война.

Постановка проблемы. На постсоветском пространстве уже более двадцати лет происходит существенная трансформация всех культурно-образовательных институтов, призванных формировать новое культурное поле, качественно новую систему ценностей, которые бы в полной мере обеспечивали подготовку молодого поколения к жизни в условиях постсоветского общества. Если в первые годы после распада Советского Союза практически во всех постсоветских государствах преобладала политика нигилизма, т.е. полного отрицания всего советского опыта, то в последнее время наблюдается тенденция к переосмыслению культурно-исторического, духовного опыта предыдущих поколений и поиску новых основ для духовного развития общества, глубокого изучения положительного и отрицательного опыта, накопленного за более, чем семь десятилетий общественно-политического развития.

Историография проблемы. Идеологическая борьба, которая осуществлялась при помощи образования, воспитания и культуры, а также ее особенности и сущность стали одними из главных научных проблем советских философов, культурологов и педагогов. Среди них особый интерес представляют работы И.В. Бичко, Л.П. Соколова, И.Н. Степановой, Г.С. Согомояна, В.А. Чепракова, В.А. Кошцова, Т.Ф. Ярковой А.И. Арнольдова, Н.В. Новикова и др. Сущностным аспектам «психологической войны» с Западом посвящены работы Д. Волкогонова, Лебеца В.С., Лукаша С.Ю., Мшвениерадзе В.В. и др. Но рассмотрение этих проблем под углом советской идеологии и в русле советской интерпретации, вносит элемент субъективности в данные исследования, что требует современного переосмысления и переоценки. До сих пор так и не поставлена проблема о формировании тоталитарного мышления посредством советских культурно-образовательных и воспитательных механизмов, продолжается поиск новых подходов к формированию постсоветского культурно-образовательного пространства. Исходя из актуальности и недотачной изученности данной проблемы, автор ставит перед собой **цель** – используя философскую теоретическую базу, проанализировать роль советских культурно-образовательных механизмов, которые использовались в «психологической войны» с Западом и через призму которых осуществлялось противостояние двух диаметрально противоположных общественных и ментальных систем, рассмотреть критерии, по которым осуществлялась пропагандистская борьба в советском и западном культурно-образовательных пространствах.

Основные результаты исследования. «Психологическая война» с Западом, как антагонистической общественно-экономической формацией, началась еще с 20-30-х гг. XX ст., но после окончания Второй мировой войны, когда сформировался биполярный мир, как форма противостояния социалистической и западной общественных систем, она

принимает формы активной пропагандистской борьбы в информационном и культурно-образовательном пространстве. Молодое поколение рассматривается как наиболее уязвимый слой населения и как объект идейно-психологического противостояния с буржуазным миром. Ряд советских теоретиков в своих трудах неоднократно утверждали, что к сожалению, у определенной части молодежи нет осознанного иммунитета против враждебной идеологии, поэтому именно она в первую очередь попадает под влияние информации и становится объектом психологического влияния из-за рубежа. Такие морально слабые личности, как правило, некритически воспринимают определенные атрибуты буржуазного способа жизни, а в студенческой среде распространяется «враждебная и потребительская» психология (одежда, музыкальные пристрастия и т.д.)¹.

Большое внимание в советский период уделяется роли философского образования в идеологическом противоборстве с Западом. При раскрытии структурных уровней буржуазной идеологии, советскими философами обращается внимание на элементы культурно-образовательного пространства, через которые она распространяется. Так, одним из таких важных уровней считалась система пропагандистских учреждений и информационных каналов (пресса, радио, телевидение, система усной дезинформации в виде слухов, политических анекдотов и т.д.) Именно эта система, как считали советские теоретики, формирует содействующее направление мысли в сторону некритического, эмоционально-психологического, бессознательного уровня общественной психологии. Следует отметить, что западной пропаганде успешно противостояла советская контрпропаганда, поставленная в ранг одного из важнейших элементов идеологического воспитания масс. Так, на пленуме ЦК КПСС в 1983 г. отмечалось, что пропаганда призвана убедительно раскрывать антинародную сущность империализма, его политику и идеологию, а решительный отпор «антисоветщине» и антикоммунизму должны стать основным направлением не только партийных органов, но и средств массовой информации.

Вторым структурным уровнем буржуазной идеологии советские философы называли учения, теории и идеи, которые являются теоретическим ядром разного рода идейно-политических кампаний, рассчитанных на более длительный срок. Именно на этом уровне западными идеологами выдвигается на первый план борьба за права человека в контексте борьбы против мирового терроризма и советской военной угрозы.

Третим важнейшим структурным уровнем идеологии Запада считались фундаментальные философские принципы и теории, которые формируют мировоззренческо-методологические ориентиры всей буржуазной идеологической системы на определенном историческом этапе. К таким философским теориям советская наука отнесла позитивизм, экзистенциализм, неотоцизм, фрейдизм и др., с которыми марксистско-ленинская философия вела постоянную борьбу. Таким образом, философии, как науке, отводилась одна из ключевых ролей в идеологической борьбе с Западом².

А.Г. Григорьянц, анализируя отражение «психологической войны» в современной культуре, отметил, что буржуазные идеологи пытаются разработать подрывную тактику влияния на советскую молодежь, и в этом контексте «психологическая война» со стороны Запада призвана посеять в сознании советского человека безыдейность и буржуазную мораль. Для примера, он демонстрирует теорию Р. Темпеста, в которой через культуру и образование продвигаются космополитические идеалы, культивируется враждебность к советскому интернационализму и патриотизму³.

Анализ трудов советских философов, культурологов и социологов свидетельствует о том, в 70-80-х гг. XX в. идеологическое воспитание молодежи осуществлялось в духе непримиримости к буржуазной идеологии, морали и западному способу жизни в целом и стало предметом обсуждения не только в научной среде, но и на партийных съездах, пле-

¹ Коммунистическое воспитание в высшей и средней школе. – Вып. 1. Опыт борьбы с чуждыми идеологическими влияниями в процессе обучения и воспитания студентов / Л.В. Топчий, Н.В. Волков. – М.: НИИВШ, 1987. – С.3.

² Філософія в ідеологічному протиборстві / І.В. Бичко, А.К. Бичко, Н.О. Бондар та ін. – К.: Політвидав України, 1984. – С.26.

³ Григорьянц А.Г. Психологическая война и современная культура / А.Г. Григорьянц. – М.: Московский рабочий, 1985. – 110 с.

нумах, в прессе. Этот вопрос был основополагающим и при проведении многочисленных научно-коммуникативных мероприятий, призванных осуществлять посредством научных дискуссий идеологическое воспитание масс. Все эти научные дискуссии проходили под контролем научно-исследовательского института общей педагогики и общих проблем воспитания при АПН СССР, научного совета по преподаванию общественных дисциплин и Педагогической секции Научного Совета по проблемам иностранных идеологических течений АН СССР. В целом, были выработаны ключевые принципы образовательно-воспитательного процесса:

- критика антикоммунизма в политике современного капитализма;
- вскрытие всех проявлений антикоммунистической пропаганды, направленной против молодежи социалистических стран;
- формирование идейной стойкости и непримиримости ко всем проявлениям буржуазной идеологии.

Рассмотрение вопросов, которые стали основой идеологической борьбы в советском культурно-образовательном пространстве, дает нам возможность увидеть основной круг проблем, которые были поставлены в контексте «психологической войны» с Западом. Среди них: критика западных философских течений (прагматизма, экзистенциализма, неотомизма и др.), раскрытие взаимосвязи буржуазной педагогики и политики, влияние западной политики на школу и воспитание, борьба с буржуазными концепциями воспитания. Среди аргументов, которые использовались для доказательства нежизнеспособности буржуазных идей, были подходы, направленные на изобличение идеологических «нападков» на коммунистическую теорию воспитания, на демонстрацию фальсификаторской сущности теорий «деидеологизации», социализации личности и т.д.⁴

Л.П. Соколов, анализируя проблемы воспитания в сфере философии образования, обратил внимание на уровни философского и педагогического подходов к образованию, которые осуществляются при помощи трех основополагающих факторов: содержание, объект влияния, формы и способы для достижения целей. С философской точки зрения содержание теории воспитания имеет такие фундаментальные проблемы, как общесоциологические и специальные законы воспитания, идеалы и цели воспитания, роль воспитания в развитии общества и личности. Если в педагогике объектом влияния выступает молодое поколение, то в философии во внимание принимаются все социальные, возрастные, половые и национальные группы, а также общности на разных этапах исторического процесса. Находясь в поиске способов и форм воспитания, которые должны быть осуществлены в процессе образования, Л.П. Соколов акцентирует внимание на отличия в педагогических и философских подходах. Так, если педагогика в поиске способов влияния большую роль отводит возрастным особенностям и специальной работе воспитательных учреждений, то философия обращает внимание на воспитательную роль разных видов деятельности и практики, на идеологическое влияние на сознание не только отдельно взятой личности, а больших народных масс⁵.

Эту точку зрения поддерживает и И.Н. Степанова, которая рассматривает систему коммунистического воспитания, как способ взаимодействия человека и мира в условиях коммунистической формации, как отношение человека к миру, как субъектно-объектные отношения. Философию она рассматривает как науку, которая анализирует советское образование и воспитание не только в социологическом, но и гносеологическом аспекте, как один из исторических типов культурно-образовательной системы⁶.

Еще одним аспектом идеологической борьбы с Западом было ускорение процессов так называемой «ротации идей», изменение концепций в теоретическом арсенале. По мнению многих советских теоретиков, кризис буржуазной идеологии привел к активизи-

⁴ Вопросы критики буржуазных теорий воспитания в курсах педагогики и истории педагогики для педагогических вузов. – Киев: Респ. учеб.-метод. кабинет пед-х учебных заведений, 1984. – С.3-7.

⁵ Соколов Л.П. Проблема воспитания в философии и педагогике // Философия и педагогика: проблемы взаимосвязи: Сб. науч. трудов. / А.М. Коростелев, Л.А. Беляева, В.В. Кукшанов. – Свердловск, СПИ, 1988. – С.13.

⁶ Степанова И.Н. Категориальный статус понятия «система коммунистического воспитания» // Философия и педагогика: проблемы взаимосвязи: Сб. науч. трудов. / А.М. Коростелев, Л.А. Беляева, В.В. Кукшанов. – Свердловск, СПИ, 1988. – С.33.

зиции ее апологетических функций, направленных на усиление ошибочных, искаженных трактовок методов познания действительности, законов возникновения разных типов мышления, социального и психологического корня общественных явлений и т.д. Возрождение буржуазной пропаганды связывалось со стремлением манипулировать общественным сознанием, навязать массам определенные идеологические стереотипы. В борьбе Запада с социалистической системой, равно и как борьбе советской системы с буржуазной, огромная роль возлагается именно на культурно-образовательное и информационное пространство. Так, в Великобритании в тот период было создано Центральное бюро информации, в США для осуществления внешнеполитической пропаганды в 1953 г. открыто Информационное агентство, которое уже на середину 70-х гг. осуществляло свою деятельность в 100 странах мира, а ассигнования на его деятельность достигли 4 млрд. дол. ежегодно. Средства направлялись преимущественно на публикацию и распространение журналов, кинофильмов, деятельность радиостанций и др. Кроме этого, в США был создан Институт по вопросам коммунизма («Российский университет») при Колумбийском университете, в котором функционировал центр стратегических исследований и международной политики, а также центр российских и восточно-европейских исследований. Через эти центры осуществлялась подготовка антисоветской и антикоммунистической пропаганды⁷. Таким образом, Запад использовал аналогичные культурно-образовательные, информационные и пропагандистские механизмы в противостоянии с социалистической общественной системой.

По мнению В.В. Мшвениерадзе, интеллектуальная элита буржуазного мира постепенно монополизировала не только сферу политического мышления, но и стремится осуществить безусловное представительство в сфере сознания в целом. Через механизмы культурно-образовательного пространства происходит массовое насаждение иррационализма и апологетики, что постепенно приведет к тотальному социально-организованному принуждению, к иллюзорному восприятию действительности, а массовое сознание полностью утратит возможность критически осмысливать действительность и проявлять интеллектуальную самостоятельность. Исследователь считает, что в этих условиях потребуются неустанная работа советского пропагандистского механизма, который должен преобразить огромную массу информационных потоков из западного мира во взвешенную, аргументированную и критическую интерпретацию⁸.

Именно эта критическая интерпретация западных идей и стала специфической особенностью советского культурно-образовательного пространства, которое ограждало личность от доступа к научным первоисточникам буржуазного мира, и лишь предоставляло для осмысления уже готовую, идеологически выверенную интерпретацию западных идей. Такая подача научного материала привела к формированию тоталитарного сознания личности и мировоззрения на основе закономерного и жесткого противостояния социалистического и буржуазного миров. Тоталитарное мышление, строящееся на восприятии мира только с точки зрения антагонизмов, противостояния и перманентной борьбы с западным буржуазным миром стало основополагающим во всей советской образовательно-воспитательной системе и информационном пространстве. Идеологически выверенная информация, которая в готовом виде, в одинаковой форме и при тотальном контроле идеологических органов представлялась массам создавала иллюзию понимания всех закономерностей и противоречий общественного развития, истинности выбранного советским обществом пути развития. Таким образом, тоталитарное мышление насаждалось во все сферы духовной жизни советской общественно-экономической формации.

В 80-х гг. вся система советских культурно-образовательных институтов была призвана осуществлять идеологическое воспитание молодежи на основе марксистско-ленинской философии, которое рассматривалось как основа «психологической войны» с Западом в контексте противостояния социалистической контрпропаганды западной. В прессе, средствах массовой информации, радио, телевидении культивируются такие по-

⁷ В поисках идеологического обновления (критика современных антимарксистских концепций) / Г.С. Согомонян, В.А. Чепраков, В.А. Копцов. – М.: Мысль, 1982. – С.17.

⁸ Мшвениерадзе В.В. Современное буржуазное политическое сознание. Философский аспект / В.В. Мшвениерадзе. – М.: Наука, 1981. – С.180.

нения, как «пропаганда», «идеологическая борьба», «идеологические диверсии», «психологическая война» и др. Кроме этого, осуществляется обобщение опыта контрпропаганды, которая использовалась в работе партийных и государственных органов и в работе образовательных учреждений. Так, на протяжении 1983-1986 гг. было опубликовано около 500 работ по проблемам контрпропагандистской работы в системе высшего образования, в том числе в журналах «Вестник высшей школы», «Научный коммунизм», «Философские науки» и др. Эта работа включала в себя систему идеологических, учебно-воспитательных, организационных и методических мероприятий, направленных на воспитание у молодежи политической бдительности, непримиримости к буржуазной идеологии и морали, недопущение влияния «враждебной» пропаганды на сознание и поведение советской молодежи. Основным стержнем контрпропаганды в советском культурно-образовательном пространстве было вскрытие фальсификаций, мифов и слухов, которые распространяла западная пропаганда про внутреннюю жизнь страны и ее международную деятельность. Западные средства информации рассматривались как носители враждебной информации. Советская контрпропаганда осуществлялась в виде таких форм работы с массами, как советы, спецкурсы и инструктажи идеологических активистов, политическое информирование всех участников учебно-воспитательного процесса⁹. Таким образом политическая пропаганда была основным орудием насаждения тоталитарного мышления в массы.

В целом, средствам массовой информации в советском обществе уделялось большое внимание, а их роль в системе образования и культуры стала первостепенной в идеологической борьбе с буржуазным миром. Д.А. Волкогонов в книге «Психологическая война: подрывные действия империализма в области общественного сознания» обратил внимание на роль СМИ в формировании массового сознания советского человека. По его мнению, средства массовой информации:

- во-первых, расширяют знания о социалистической действительности, о процессах, событиях, фактах с точки зрения социализма очень важных для всех сфер общественной жизни;

- во-вторых, осуществляют функцию социального регулирования и управления за счет расширения и усвоения в общественном и индивидуальном сознании социалистических духовных ценностей, норм советского способа жизни, коммунистической морали, регулируют взаимоотношения общества и личности, коллектива и человека;

- в-третьих, за счет них расширяется и обогащается культура, тиражируются элементы культуры, открываются неограниченные возможности для приобщения человека к высоким духовным ценностям, очищается сознание человека от «буржуазно-идеалистических» влияний;

- в-четвертых, они выполняют функцию классового оружия в идеологической борьбе с Западом и служат надежным механизмом в воспитании молодого поколения в духе коммунизма¹⁰.

Таким образом, средства массовой информации, как часть советского культурно-образовательного пространства, были призваны формировать общественное мнение и стали основанием всей системы идейно-воспитательной работы в массах. По мнению В.С. Лебеца и С.Ю. Лукаша, общественное мнение играет ключевую роль в морально-воспитательной сфере и есть своеобразным духовным камертоном, который влияет на поведение и жизненную позицию человека и больших человеческих сообществ. Но формирование общественного мнения, по их мнению, невозможно без политического просвещения и пропаганды, которая основывается на материалах партийной прессы и строится на основе диалектико-материалистического мировоззрения¹¹.

⁹ Коммунистическое воспитание в высшей и средней школе. – Вып. 1. Опыт борьбы с чуждыми идеологическими влияниями в процессе обучения и воспитания студентов/ Л.В. Топчий, Н.В. Волков. – М.: НИИВШ, 1987. – С.10.

¹⁰ Волкогонов Д.А. Психологическая война: подрывные действия империализма в области общественного сознания / Д.А. Волкогонов. – М.: Воениздат, 1984. – С.145-146.

¹¹ Лебец В.С., Лукаш С.Ю. Общественное мнение в системе идейно-воспитательной работы / В.С. Лебец, С.Ю. Лукаш. – К.: Общ-во «Знание» УССР, 1989. – С.5.

Рассматривая культурно-образовательное пространство через призму идеологической и психологической войны с Западом, А.И. Арнольдов, Н.В. Новиков и др. определили его как один из важнейших элементов духовной культуры общества, которое, кроме множества духовных ценностей, воплощает в себе систему гражданского образования, воспитания, различных каналов, за счет которых человек приобщается к созданным до нее духовным ценностям, усваивает их, создает новые, тем самым формируясь как общественное существо. Буржуазную культуру они рассматривают как кризисную, которой присуща «массовизация», снижение духовного, идейного и художественного уровня и качества, манипулирование сознанием людей, которая формирует взгляды, вкусы, нормы и ценности, соответствующие интересам господствующего класса. Противопоставляя кризисную буржуазную культуру социалистической, исследователи выделяют такие ее преимущества, как единство народности и партийности, коллективизма и гуманизма, интернационализма и исторического оптимизма¹².

О роли культурно-образовательного пространства в воспитании личности советского гражданина неоднократно заявлялось на всех партийных пленумах и съездах. Так, на одном из пленумов в 1983 году отмечалось, что в данное время наблюдается интенсивное и острое противоборство двух полярно противоположных мировоззрений и двух политических систем – социализма и империализма, идет борьба за умы и сердца миллиардов людей на планете. Исходя из этого, во всей воспитательной и пропагандистской работе постоянно учитывалась эта особенность исторического периода, через сферу образования, культуры и воспитания методично демонстрировались преимущества социалистического общества, вскрывалась так называемая подрывная западная пропаганда¹³.

Критикуя западную культурно-образовательную систему, советские теоретики стремились всеми возможными способами негативно отобразить систему ценностных координат, в которой находился человек буржуазного общества. Так, С.С. Батенин, анализируя результаты культурно-образовательного процесса в странах Запада, отмечал: «Такое воспитание приводит к обезличиванию определенной части трудящихся, которые теряют черты своей классовой принадлежности, превращаясь в пассивных исполнителей воли господина. У них формируются качества лицемерия, приспособленчества, трусливости, угодничества»¹⁴. В противовес этому, советское культурно-образовательное и информационное пространства, по мнению советских ученых, выполняют просветительскую функцию, всесторонне развивают личность, расширяют кругозор и дают человеку видение современного мира. Так, Ю.В. Петров отмечал, что в буржуазных теориях культуры перспективы развития культуры, культурных процессов ставятся в зависимость от субъективного, от воли индивидов, их одобрения результатов социального знания. В отличие от этого, марксистская теория культуры, критикуя изъяны буржуазной культуры, выделяет в ней антагонистические противоречия, которые проявляются в изменчивых типах и формах коммуникации, потребления, в экономической нестабильности капиталистической системы, что усложняет процесс формирования личности и приводит к пассивности и разочарованию. По мнению многих советских культурологов, только в советском обществе, которое социально однородно, возникает принципиально новая система культурных ценностей, усвершенствуются формы и организация досуга человека, а все культурно-образовательное пространство строится и развивается на принципах системности, планомерности и гуманистической направленности¹⁵.

Осмысление советскими учеными роли педагогики в гражданском воспитании осуществлялось при одновременной беспощадной критике буржуазной педагогики, которую обвиняли в пропаганде западных социологических теорий «конвергенции» и «деидеологизации», в попытке идеологического разоружения важнейших методологических принципов коммунистического воспитания и насаждении антикоммунизма. Например, в

¹² Культура и идеологическая борьба / А.И. Арнольдов и Н.В. Новиков. – М.: Мысль, 1979. – С.5.

¹³ Материалы Пленума ЦК КПРС. 14-15 червня 1983 р. – К., 1983. – С.7.

¹⁴ Батенин С.С. Проблемы человека в марксистской философии / С.С. Батенин // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Т.2. – Л., 1968. – С.29.

¹⁵ Петров Ю.В. Духовные ценности социализма и художественная активность масс (в аспекте теории культуры) / Ю.В. Петров. – К.: Наукова думка, 1985. – С.42.

работе Т.Ф. Яркой «Антикоммунизм в теории и практике буржуазного воспитания» содержатся основные обвинения антимарксистов в необоснованной критике советской культурно-образовательной системы. Они касались негативных черт, которые имеет личность в результате советского гражданского воспитания. Так, отмечалось, что советская философия не решает проблемы конкретного индивида, а личность сведена лишь к материальному «экономическому существованию», что она духовно опустошена в силу своей атеистической сущности, примитивна по своим способностям и возможностям в результате нивелирования ее коллективом. Также критика коснулась и проблемы нацеливания личности не на собственное самовыражение, а лишь на создание новой «действительности труда». В целом, критикуя теории западных неогуманистов, Т.Ф. Яркая приходит к выводу, что эти идеи входят в систему воспитания и самовоспитания не человека в целом, а лишь избранных, так называемой «духовной элиты», а абстрактность, антинаучность, иррациональность этих теорий создают лишь иллюзию обновления капиталистического строя¹⁶.

Опровержение позиции так называемых философов-ревизионистов Маркузе, Фишера, Фромма и др., в советском научном поле сопровождается критическим анализом позиции западных ученых по реформированию образования как организующей базы и зародыша нового общества, в котором возникнет ассоциация свободных индивидов с элементами комун-коллективов. Эти радикальные общественные изменения предлагалось осуществить не через диктатуру пролетариата, а посредством «воспитательной диктатуры» элитарного меньшинства. В этих условиях, сформированное в новом духе молодое поколение будет жить свободно, без каких-либо авторитетов, на принципах истинной демократии.

Отторжение западными философами исторического материализма К. Маркса рассматривалось в советской научной среде, как полное невосприятие объективных законов исторического развития, и делало их по сути идейными врагами. В связи с этим, в процессе советского гражданского воспитания западная наука объявлялась ложной и отбрасывалась, как бесполезная и идеологически вредная. Так, запрещенный в СССР экзистенциалист К. Ясперс, критикуя социализм как систему, утверждал, что его крах возникнет изнутри, в силу ошибочности исходящих теоретических положений марксизма. По его убеждению, советское воспитание личности планируется «тотально», что воспитываются не индивидуумы и личности, а происходит грандиозное запланированное «человекостроительство», которое хоть и имеет большую силу, но способно заглушить все человеческое, личностное, растворить индивидуальное в массе. По мнению К. Ясперса, при тотальном планировании процесс воспитания выступает как «машинная аппаратура», которая работает по научно-техническим и психологическим установкам и производит из людей «необходимый рабочий инструмент». Советское воспитание, как технический процесс, он противопоставляет воспитанию западного мира, что осуществляется на принципах свободы индивидуума. В целом, критика теорий американских философов К. Ясперса, Брикмана, Чейба и др. сводилась к отрицанию их точки зрения на то, что советская система воспитания воспитывает молодое поколение в духе конформизма, подчинения государству и партии, а результатом гражданского воспитания есть «запрограммированные» люди с одинаковыми взглядами, вкусами и отношениями. Также отрицалось восприятие западными теоретиками советского воспитания как «стандартизации» и униформизма личности.

В 70-х гг. XX ст. западнонемецкий ученый В. Миттер в книге «Советская система воспитания» критически проанализировал методы советского образовательно-воспитательного процесса, называя его «тотальной функционализацией» воспитания в духе политических устремлений тоталитарной партийной диктатуры, которая в силу своей сущности исключает какую-либо педагогическую ориентацию на личные права ребенка. Критика западных ученых также касалась и коллективизма, как основы коммунистической морали, исходя из того, что человеческой природе не свойственны коллективистские устремления, а коллективизм противоречит врожденной индивидуальности чело-

¹⁶ Яркая Т.Ф. Антикоммунизм в теории и практике буржуазного воспитания / Т.Ф. Яркая. – М.: Знание, 1972. – С. 7-9.

века. Таким образом, коллективизм искусственно придуман и умышленно насаждается через систему образования и воспитания¹⁷.

Существенную роль в «психологической войне» между социалистической и буржуазной системами гражданского воспитания играла пропаганда. Д.А. Волкогонов в 80-х гг. XX ст. исследовал способы влияния на сознание и формы пропаганды, за счет которых в культурно-образовательном и информационном пространстве разворачивается идеологическое противостояние. По его мнению, эта «война» охватывает политические, моральные, правовые и эстетические формы сознания и сферу культуры, а в современных условиях, когда происходит быстрый прогресс в средствах массовой информации, возможности духовного влияния существенно увеличиваются. Учитывая то, что увеличилось количество непосредственных человеческих контактов, расширился технический, научный и культурный обмен между государствами двух систем, объективно создается больше условий для прямого столкновения мировоззрений, социально-политических взглядов и т.д. Именно эти обстоятельства ученый рассматривает как элемент «психологической войны» с Западом, которая разворачивается именно в культурно-образовательной сфере, в информационном пространстве. Д.А. Волкогонов выделил ряд форм и способов влияния буржуазной пропаганды на советское общество:

1) внесение в общественное и индивидуальное сознание социалистического общества враждебных и ложных идей, взглядов, представлений, иллюзий и мифов с целью расшатывания морально-политического единства советского народа, послабления интернационального единства братских социалистических стран;

2) ослабление за счет пропаганды роли коммунистических идеалов, способа жизни и морали, стремление заменить их западными ценностями: индивидуализмом, эгоизмом, национализмом, частнособственническими наклонностями, нигилизмом и т.д.;

3) насаждение «теоретического» антикоммунизма, который претендует на научность и паразитирует в сфере философии, социологии, права, истории и политического сознания; стремление опровергнуть марксизм-ленинизм, доказать его современную несостоятельность¹⁸. Таким образом, ученый утверждает, что на Западе за счет информационных механизмов осуществляется своеобразная манипуляция сознанием масс, вносится целенаправленная дезинформация в советское культурно-образовательное и информационное пространство.

В целом идеологическое противостояние посредством критики сущностных аспектов культурно-образовательной сферы стало основным орудием в противостоянии двух общественных систем и осуществлялось как с советской стороны, так и со стороны Запада. Особенно активной эта борьба стала в конце 70-х- начале 80-х гг. В этот период очень распространенными становятся публикации, в которых обнажаются все недостатки буржуазной идеологии, стремящейся подорвать теоретические основы марксистско-ленинской педагогики и ослабить идейно-воспитательную функцию школы. Так, В.И. Пирогов утверждал, что буржуазные идеологи стремятся достичь «объективизации» и «онаучивания» советской педагогики, пропагандируют деидеологизацию школы, преувеличивают значимость молодежной субкультуры, стремятся увести молодежь в мир их собственных интересов, замкнуть их в собственной среде, оторвать их от решения актуальных государственных задач. Исходя из этого, он выдвигает обязательный элемент коммунистического гражданского воспитания – это систематическая духовно-практическая деятельность, в процессе которой человек защищает классовые, партийные и государственные интересы и чувствует себя гражданином советского государства¹⁹. Для выполнения этих стратегических целей планировалось в советскую образовательную систему внести обязательное использование материалов об исторических достижениях социализма, о преимуществах социалистического способа жизни, о недостатках буржуазного мира, углубить научную критику реакционной сущности капиталистической системы и

¹⁷ Там же, с.21.

¹⁸ Волкогонов Д.А. Психологическая война: подрывные действия империализма в области общественного сознания / Д.А. Волкогонов. – М.: Воениздат, 1984. – С.86-87.

¹⁹ Пирогов В.И. Формирование личности старшекласника советской школы в процессе общеполитической деятельности / В.И. Пирогов. – Ленинград: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1980. – С.4.

антинародного характера ее политики. Осуществить поставленные задачи возможно лишь посредством общественно-политического воспитания молодежи, через такие механизмы культурно-образовательного пространства, как литература, искусство, театр, кино, пропаганда и т.д.²⁰ Все попытки западных идеологов подвергнуть критике советскую культурно-образовательную систему О.Н. Соболев считает безрезультатными, так как они насыщены «утопизмом, реакционностью, антисоветщиной», и неспособны объективно оценить достижения социалистической культуры. Причины кризиса буржуазного культурно-образовательного пространства он видит в падении морали, неспособности стимулировать культурный прогресс, в отказе от демократических идеалов, в усилении агрессивных и пессимистических тенденций, насилия и преступности²¹.

Выводы. Таким образом, анализ основных культурно-образовательных механизмов «психологической войны» с Западом свидетельствует, что в советском образовательном и информационном пространствах развернулась острая идеологическая борьба по вопросам содержания гражданского воспитания, поиска методов и способов формирования мировоззрения личности и постановки проблем ее социальной роли в обществе. Через систему образования, культуры и воспитания осуществлялась идеологическая, ментальная борьба с Западом в форме противостояния двух мировоззрений, двух противоположных культур, двух общественно-экономических формаций. В подавляющей части научных работ советских философов, культурологов, социологов акцентируется внимание на доказательстве несостоятельности современных буржуазных концепций о развитии культуры и личности и демонстрации истинности советской научно-теоретической базы.

Осмысление советскими теоретиками роли культуры и образования в воспитании человека и в жизни общества происходит посредством анализа идейного содержания и репродуктивного характера общественных отношений, раскрывается степень реального приспособления человека к разным видам творчества и деятельности. В целом, критика теорий буржуазных идеологов происходит в плоскости ограниченности их социально-классовыми установками, что по мнению советских критиков, не дает им возможности уверенно ответить на базовые вопросы социально-политического и культурного развития, а также научно обосновать перспективы развития личности. Также следует отметить, что кризис буржуазного Запада в советском культурно-образовательном пространстве рассматривается через призму растрепанности вкусов, духовных потребностей, обособления личности, которая находится в состоянии духовного слома, депрессии, ощущает неуверенность перед будущим. Таким образом советской культуре противопоставляется буржуазная антикультура, которая изолирует, деморализует и коммерциализирует личность, делает ее заложником окружающей среды. Консервативность и заидеологизованность советского культурно-образовательного пространства в постсоветский период заменяется открытостью и демократизацией средств массовой информации. Однако быстрое проникновение западных, далеко не лучших образцов западной культуры и морали, замена тоталитарного мышления «рыночным», к сожалению порождает новый клубок проблем в процессе духовного развития общества. И эти проблемы придется решать современному поколению, но уже в новых реалиях.

Список литературы

1. Коммунистическое воспитание в высшей и средней школе. – Вып. 1. Опыт борьбы с чуждыми идеологическими влияниями в процессе обучения и воспитания студентов / Л.В. Топчий, Н.В. Волков. – М.: НИИВШ, 1987. – 48 с.
2. Філософія в ідеологічному протиборстві / І.В. Бичко, А.К. Бичко, Н.О. Бондар та ін. – К.: Політвидав України, 1984. – 159 с.

²⁰ Воспитание у школьников непримиримости к буржуазной идеологии. Материалы Всесоюзного симпозиума «Антикоммунизм в школьной политике современного капитализма и задачи воспитания у школьников непримиримости к буржуазной идеологии. Москва, 5-6 апреля 1979 г. – М.: Акад. пед. наук СССР. – С. 3-11.

²¹ Соболев О.Н. Несостоятельность современных буржуазных концепций культуры и личности / О.Н. Соболев. – К.: Знание, 1982. – С.2.

3. Григорьянц А.Г. Психологическая война и современная культура /А.Г. Григорьянц. – М.: Московский рабочий, 1985. – 110 с.
4. Вопросы критики буржуазных теорий воспитания в курсах педагогики и истории педагогики для педагогических вузов. – Киев: Респ. учеб.-метод. кабинет пед-х учебных заведений, 1984. – 21 с.
5. Соколов Л.П. Проблема воспитания в философии и педагогике // Философия и педагогика: проблемы взаимосвязи: Сб. науч. трудов. / А.М. Коростелев, Л.А. Беляева, В.В. Кукшанов. – Свердловск, СПИ, 1988. – 110 с.
6. Степанова И.Н. Категориальный статус понятия «система коммунистического воспитания» // Философия и педагогика: проблемы взаимосвязи: Сб. науч. трудов. / А.М. Коростелев, Л.А. Беляева, В.В. Кукшанов. – Свердловск, СПИ, 1988. – 110 с.
7. В поисках идеологического обновления (критика современных антимарксистских концепций) / Г.С. Согомоян, В.А. Чепраков, В.А. Копцов. – М.: Мысль, 1982. – С.17.
8. Мшвениерадзе В.В. Современное буржуазное политическое сознание. Философский аспект / В.В. Мшвениерадзе. – М.: Наука, 1981. – 448 с.
9. Коммунистическое воспитание в высшей и средней школе. – Вып. 1. Опыт борьбы с чуждыми идеологическими влияниями в процессе обучения и воспитания студентов/ Л.В. Топчий, Н.В. Волков. – М.: НИИВШ, 1987. – 48 с.
10. Волкогонов Д.А. Психологическая война: подрывные действия империализма в области общественного сознания / Д.А. Волкогонов. – М. Воениздат, 1984. – 320 с.
11. Лебец В.С., Лукаш С.Ю. Общественное мнение в системе идейно-воспитательной работы / В.С. Лебец, С.Ю. Лукаш. – К.: Общ-во «Знание» УССР, 1989. – 48 с.
12. Культура и идеологическая борьба /А.И. Арнольдов и Н.В. Новиков. – М.: Мысль, 1979. – 192 с.
13. Матеріали Пленуму ЦК КПРС. 14-15 червня 1983 р. – К., 1983. – С.7
14. Батенин С.С. Проблемы человека в марксистской философии / С.С. Батенин // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. – Т.2. – Л., 1968. – С.29.
15. Петров Ю.В. Духовные ценности социализма и художественная активность масс (в аспекте теории культуры)/ Ю.В. Петров. – К.: Наукова думка, 1985. – 197 с.
16. Яркина Т.Ф. Антикоммунизм в теории и практике буржуазного воспитания / Т.Ф. Яркина. – М.: Знание, 1972. – 48 с.
17. Волкогонов Д.А. Психологическая война: подрывные действия империализма в области общественного сознания / Д.А. Волкогонов. – М.: Воениздат, 1984. – 320 с.
18. Пирогов В.И. Формирование личности старшеклассника советской школы в процессе общеполитической деятельности / В.И. Пирогов. – Ленинград: ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1980. – 77 с.
19. Воспитание у школьников непримиримости к буржуазной идеологии. Материалы Все-союзного симпозиума «Антикоммунизм в школьной политике современного капитализма и задачи воспитания у школьников непримиримости к буржуазной идеологии. Москва, 5-6 апреля 1979 г. – М.: Акад. пед. наук СССР.- 161 с.
20. Соболев О.Н. Несостоятельность современных буржуазных концепций культуры и личности / О.Н. Соболев. – К.: Знание, 1982. – 16 с.

SOVIET CULTURAL AND EDUCATIONAL MECHANISMS OF PSYCHOLOGICAL WAR WITH THE WEST: PHILOSOPHICAL ASPECT

I. G. MUKHINA

*Kharkov Institute of Finance
of Ukrainian State University
of Finance and International
Trade*

*e-mail:
19Muhina67@mail.ru*

The article views the role of the Soviet cultural and educational space in ideological confrontation with the West. The elements of the Soviet philosophical education are analyzed, information mechanisms, which were used in the ideological education of the masses are described. The criticism of Western ideology, the key principles of the Soviet system of education and upbringing through the prism of the forming of totalitarian thought are investigated.

Key words: cultural-education's space, upbringing, ideology, propaganda, totalitarian thinking, psychological war.

УДК 172.3

ЭТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА

Ю.В. НАЗАРОВА

Тульский
государственный
педагогический
Университет
им. Л.Н. Толстого

e-mail: Fox353@yandex.ru

В статье рассматривается понятие этической культуры парламентаризма, анализируется опыт современной международной парламентской этической культуры.

Ключевые слова: парламентаризм, этическая культура, этика публичной политики, этический режим.

В настоящее время в России резко возрос интерес к вопросам парламентаризма, парламентской культуре, этике парламентариев. Как показывает опыт развитых демократических стран (например, Великобритании, США и Канады), именно проблемы коррупции и неэтичного поведения понижают уровень доверия общества к парламенту, заставляя искать новые меры по предотвращению этих проблем и совершенствовать систему парламентской культуры на новых аксиологических основаниях.

Основной задачей этического регулирования в парламентаризме, по мнению Всемирной организации парламентариев по борьбе с коррупцией, является предотвращение этических проблем парламентаризма, объединенное в некую систему, которая может быть обозначена термином этическая культура парламентаризма¹. Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией отмечает, что основным недостатком современного парламентаризма является как раз отсутствие взаимосвязанной этической инфраструктуры в парламенте, что снижает эффективность мер этической профилактики, этического регулирования и контроля, и эта проблема присуща большинству современных парламентов. Вот почему изучение содержания и реконструкция модели этической культуры парламентаризма имеет, на данный момент, острую актуальность.

Понятие этической культуры складывается из таких составляющих, как: этические ценности парламентаризма; этический режим; этическое образование. Задачей данной статьи является рассмотрение этих понятий и анализ их содержания.

Термин этический режим (*Ethics and conduct regime*), является неотъемлемой частью парламентской этической культуры,

Этическая культура как часть профессиональной парламентской этики в странах с развитой демократией включает в себя принципы, правила и процедуры. В свою очередь, действенность принципов обеспечивается процедурами и правилами, причем процедуры конкретизируют правила. Таким образом, обеспечение действенности правил и принципов фокусируется в *этическом режиме*².

Структура этического режима определяется: 1) *кодексом* поведения, систематизирующим этические нормы. Примером Кодекса поведения служат «Семь принципов публичной политики» в Великобритании. В кодексе представлены такие принципы как честность, принципиальность, открытость, подотчетность, неподкупность, беспристрастность, лидерство; 2) *правилами* поведения, конкретизирующие этические нормы. Правила поведения придают кодексу практическую значимость, включая указания о поведении парламентариев в неоднозначных ситуациях, с целью их соответствия принципам парламентской этики. Правила поведения конкретизируют нормы кодексов. Так, например, в Великобритании, такие принципы этического кодекса, как открытость, принципиальность, подотчетность, конкретизируясь в правилах поведения, являются нормативами, регулирующими следующие нарушения:

¹ См.: официальный сайт организации – <http://www.gopacnetwork.org/>

² См.: Этика публичной политики. Из опыта работы Комитета по стандартам публичной сферы Великобритании. М.: Институт права и публичной политики, 2001.

замалчивание или утаивание финансовой информации о политической партии или об отдельном парламентарии, утаивание информации о финансовых отношениях с различными организациями. Соблюдение принципа беспристрастности обеспечивает контроль за действиями, приводящими к конфликту интересов, регулирует деятельность лоббистов и т.п.; 3) регулирующим *комитетом*, ответственным за применение правил на практике. Комитеты, осуществляющие регулирование, могут иметь как карающую, так и воспитательную функции и имеют следующую структуру: а) комитет с властными полномочиями *вне парламента*, функцией которого является проведение независимого расследования правонарушений и определение степени ответственности. Это предполагает создание особой судебной системы, которая *контролирует* парламентскую систему регулирования; б) регулирующей комитет *в парламенте*, председатель (государственный контролер) которого не имеет депутатских полномочий и как эксперт уполномочен расследовать дела и давать советы по истолкованию правил поведения, остальные же члены комитета являются депутатами. Решения по делам окончательно принимаются специальной парламентской комиссией; в) регулирующей орган в парламенте состоит только из депутатов, которые самостоятельно поддерживают порядок в своей среде. В то же самое время подобная структура подвергается критике, суть которой в следующем: парламентарии из законодателей превращаются в судей, юристов и следователей.

Рассмотрим на примере некоторых парламентов, как осуществляются три вышеуказанные модели регулирования.

Внешнее регулирование парламентской деятельности осуществляется в Тайване и Индии. В этих странах против членов парламента могут быть возбуждены судебные иски, они могут лишаться парламентского иммунитета и суверенитета, причем эти вопросы также решаются *не в парламенте*.

Пример внутрипарламентского регулирования – такие страны, как США и Германия. В случае нарушения этических правил, доклады о нарушении *представляются в специальный этический комитет* или отдел, который и занимается их расследованием.

В таких странах, как Великобритания и Ирландия, вопросами парламентской этики занимается *независимый контролер (Комиссар по этике)*, который проводит расследование нарушения, результаты представляются в комитет или отдел по этике, который выносит решение о дальнейших действиях по отношению к нарушителю, или о санкциях за нарушение.

Роль такого контролера (Комиссара по этике) в этической культуре парламента является важной и ответственной. Это не только функции по аналитическим расследованиям нарушений этических стандартов, но и *определение* или *отказ* от расследования пустых или политически мотивированных дел, обучение парламентариев стандартам поведения и продвижение этих стандартов, а также создание этического режима – трактовка законов и работа по профилактике нарушений. Кроме того, Комиссар по этике выполняет функции обучения парламентариев стандартам поведения и их прояснения, а также трактует непонятные пункты правил³.

Основным понятием в этическом режиме считается прецедент «*конфликта интересов*». Необходимо понимать, что парламентарии часто вынуждены лавировать между различными интересами, включая интересы, касающиеся религиозных, гендерных, земляческих вопросов, а также интересов политических партий. Поэтому отметим, что конфликт интересов – это не то же самое, что коррупция или неэтичное поведение, однако, он создает большое количество потенциальных сложностей, которые должны пониматься и осознаваться членами парламента.

Задача этического режима – показать, какие интересы могут привести к неэтичному поведению.

Окончательная задача этического режима – убедить парламентариев в том, что они должны всегда *служить* общественным интересам. В некоторых конституциях, как,

---

³ По материалам сайта Всемирной организации парламентариев по борьбе с коррупцией - (Электронный ресурс). – URL: <http://www.gopacnetwork.org/> (дата обращения: 20.05.2013)

например, в конституции Руанды, об этом говорится напрямую – что члены парламента не должны руководствоваться ничем, кроме интересов нации. Хотя, «национальный интерес» – суждение субъективное. Все политики считают, что только их партия может продвинуть национальные интересы, хотя государственная политика может существенно расходиться с ними.

Восприятие конфликта интересов связано с влиянием таких факторов, как традиции национальной культуры. Во многих обществах дарение подарков воспринимается как традиционная часть политической практики. Национальная культура может использоваться как оправдание взяточничества и подкупа. Проблема заключается в том, что любой подарок может повлиять на последующие решения или предпочтения. Поэтому этические правила должны включать в себя примеры различных случаев конфликтов интересов.

Однако, все вышесказанное индивидуально для каждого отдельного государства, для каждой политической модели и национальной культуры, и нельзя предугадать многих ситуаций, даже исходя из того, что написано в правилах. По этой причине этика и режим поведения включают правило, которое предписывает политикам быть осторожными в любых случаях, когда они принимают подарки.

Очевидно, что этика и режим поведения не может быть универсальным для всех парламентариев. Его выполнение обусловлено пониманием самого духа правил, и внимательностью парламентариев. По этой причине, консультирование политиков – с целью обозначения понимания сущностного назначения правил является очень важным.

Существуют различные пути предотвращения конфликта интересов. Это, во-первых, обеспечение правилами, направленными на предотвращение конфликта интересов, и, во-вторых, стратегия собственного поведения парламентария.

Правила, предотвращающие конфликт интересов включают в себя три основных аспекта – прозрачность, ограничения и запреты:

1. *прозрачность* правил проявляется в поиске посторонних интересов. Этот поиск включает в себя консультативную и просветительскую деятельность по трактовке правил, касающихся конфликта интересов, различные образовательные программы по профессиональной этике, мониторинги по обнаружению посторонних интересов в парламентской деятельности.

Одним из наиболее наглядных примеров принципа прозрачности является *декларирование* интересов. Декларирование условно можно разделить на два вида: добровольное декларирование и обязательное декларирование. Добровольное декларирование – это объявление парламентарием о возможном конфликте интересов. Подобное объявление может быть обоснованием добровольного отказа парламентария от участия, например, в голосовании за тот или иной законопроект, в котором могут быть затронуты его личные интересы. Добровольное декларирование интересов применяется также иногда и при так называемом «честном лоббировании». Обязательное декларирование финансов или недвижимости существует практически во всех парламентах, и помогает определить степень личной заинтересованности парламентария в тех или иных случаях.

Цель декларирования – осветить потенциальный конфликт интересов. Декларации интересов или принятой позиции, подаются в регулярные временные промежутки. Декларации интересов могут подаваться в установленном порядке или по мере необходимости, чтобы заявить о своей заинтересованности перед обсуждением того или иного вопроса. Это подразумевает, что во время работы в парламенте проводится учет всех интересов членов парламента. Подобная практика облегчает определение скрытых интересов парламентариев, а также позволяет следить за их доходами.

2. Ограничения. Предполагается, что правила по предотвращению конфликта интересов должны быть сформированы так, чтобы *минимизировать* возможность ситуации конфликта интересов. Например, это касается правил на ограничение на последующее трудоустройство.

Так, по окончании парламентского срока, ограничению на последующее трудоустройство подвергаются такие группы парламентариев, как: бывшие парламентарии, которые могут использовать конфиденциальную информацию,

приобретенную в период работы для персональных выгод или выгод посторонней организации; бывшие парламентарии, которые могут повлиять на государственных служащих. Чаще всего это ограничение касается министерских должностей, так как существует риск использования полученной информации в личных целях, особенно, в вопросах, связанных с бизнесом. Кроме того, ограничения распространяются и на совмещение должностей во время работы в парламенте, что также делается ради предотвращения конфликта интересов. Так, например, запрет на совмещение должностей действует во многих странах в таких профессиях, как вооруженные силы, службы охраны, гражданские служба и различные должности в суде. В некоторых странах также существует запрет на работу в парламенте представителей духовенства. Во всех этих случаях предполагается сложение полномочий до прихода на работу в парламент.

В некоторых странах, парламентариям в период парламентского срока, запрещено совмещать любые профессии, кроме научной, преподавательской или писательской деятельности.

3. Запрет на определенные действия в парламенте и вне парламента. Эта группа правил, направленная на предотвращение конфликта интересов наиболее многочисленная и подробная. В Великобритании, например, существует кодекс парламентской этики, четкие правила депутатского поведения и регулирующий орган (комитет по нормам и привилегиям). Депутаты обязаны декларировать свое финансовое положение не позднее 3 месяцев после вступления в должность. «Реестр интересов», существующий в Великобритании, заполняется депутатами ежегодно. После заполнения он подается в специальный регулирующий орган – комитет по нормам поведения и привилегиям. Реестр интересов ежегодно публикуется. В «Реестре интересов» необходимо давать информацию о побочной работе, о лицах, которых консультирует член парламента. Во время парламентских слушаний депутат обязан сделать заявление о личной заинтересованности, если тема голосования затрагивает его личные интересы. Депутатам запрещено брать плату за выступление в парламенте, за снятие вопросов с обсуждения, за голосование, депутатский запрос и проч. Существуют ограничения на совмещения должностей. Депутат не может одновременно занимать должность в полиции, вооруженных силах, быть священником, государственным служащим.

Таким образом, в Великобритании все вышеперечисленные правила реализуют основные принципы депутатской деятельности. Это, во-первых, «Семь принципов для публичной сферы», общие тезисы правил поведения, обращенные ко всем публичным деятелям. Во-вторых, это «Кодекс поведения членов парламента», рассматривающий семь принципов в контексте парламентской этики. В-третьих, «Комитет по стандартам в публичной сфере» обеспечивает этическое регулирование депутатской деятельности. Однако для регулирования нарушений, происходящих в рамках парламента как корпорации, существует Парламентский уполномоченный по этическим нормам.

Пути разрешения конфликта интересов через *собственную стратегию предотвращения конфликта интересов*, по мнению Всемирной организации парламентариев по борьбе с коррупцией, заключаются в следующих трех принципах:

1. Умение идти на компромисс, невзирая на собственные пристрастия
2. Законодатели должны решить, как сохранить оптимальный баланс между личными и общественными интересами
3. Кодекс поведения должен служить основой для оптимального решения⁴.

Об этом упоминает и Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией: «Никакие правила не могут быть эффективными для тех, кто самостоятельно не желает соблюдать дух этих правил, и никакое правило не может предвидеть все возможные случаи человеческой изобретательности

Кодекс поведения формулируется как можно проще и прямее. Его успех зависит целиком и полностью от честности и чувств тех, кому они предназначены

Следовательно, верное следование правилам зависит только от самих парламентариев» (*Перевод мой – Ю.Н.*)⁵.

⁴ Там же.

Таким образом, несмотря на рекомендацию руководствоваться кодексом поведения, то есть, нормативной основой при принятии решения по поводу выбора между частными и общественными интересами, Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией, признает тот факт, что в принятии этого решения не менее важная роль должна отводиться индивидуальной этике парламентариев. Пути формирования индивидуальных этических представлений определено *этическим образованием*, которое так же, как и этический режим, является неотъемлемой частью парламентской культуры.

Этическое образование представляет собой программы этико-правового образования в области конституционного права и прав человека, направленные на усвоение этико-правового знания (норм, правил, принципов) с целью повышения мотивационной составляющей, стимулирующую факторы готовности к пониманию необходимости выполнения соответствующих принципов и волеизъявления как установки к профессиональной деятельности, поступку.

Этическое образование играет важную роль в предотвращении и профилактике возможных нарушений и конфликтов в парламенте, в нахождении верного, с нравственной точки зрения решения, в поддержании этических норм парламентской деятельности. Таким образом, этическое образование является важной частью парламентской этической культуры и дополняет «этический режим».

Понятие «этического образования» в литературе о парламентской этической культуре четко не сформировано. Мы выделили это понятие, обозначив, «этическое образование» как комплекс мер, которые, помимо «этического режима», направлены на профилактику нарушений, консультационную деятельность по этическим вопросам, различные образовательные программы этического характера. Выделение нами понятия «этического образования» сделано на следующем основании. Как было показано в предыдущих параграфах, этический режим содержит характеристики дисциплинарной этики, что, по замечаниям некоторых исследователей, порождает поиск виновных, несущий за собой пагубные последствия: «Поиск вины заставляет забывать о недостатках системы, породившей нарушения, не обращать на них внимания. Возможно, было бы более целесообразно делать акцент на реформах системы и организаций, чем только на одних наказаниях и атмосфере страха»⁶.

В то же самое время, цель этической культуры – предотвращение, а не наказание⁷. Следовательно, только этического режима недостаточно для полноценной системы парламентской этики; этическую культуру образует не один только этический режим, но и вся другая деятельность, имеющая не дисциплинарный, а *профилактический* характер. Меры, предотвращающие возможные нарушения, и формирующие этическую культуру, этическую инфраструктуру в парламенте, характеризуют разные исследователи, например, как контроль за предосудительными действиями; координация, управление и оценка этических программ. Эти меры, наряду с нормами, принципами и механизмами их регулирования, являются частью этической инфраструктуры⁸.

Некоторые исследователи подчеркивают значимость этического самообразования парламентариев, которое достигается посредством таких мероприятий как: проведение семинаров, дискуссий и консультаций по проблемам этики, справедливо полагая, что: «этический режим сам по себе не может разрешить проблему неэтичного поведения, он также не может помочь найти универсальные решения в каждой конкретной ситуации; в

⁵ Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией (Электронный ресурс). – URL: <http://www.gopacnetwork.org/> (дата обращения: 20.05.2013)

⁶ Gow J.I..A Practical Basis for Public Service Ethics. Paper prepared for the annual conference of the Canadian Political Science. – Association Western University, London Ontario, 2005 (Электронный ресурс) URL: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2005/Gow.pdf> (дата обращения: 15.05.2013)

⁷ Парламентская этика: сравнительный анализ. М.: Нац. Демократич. ин-т междунаодн. отношений, 2000.

⁸ Gow J.I..A Practical Basis for Public Service Ethics. Paper prepared for the annual conference of the Canadian Political Science. – Association Western University, London Ontario, 2005 (Электронный ресурс) URL: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2005/Gow.pdf> (дата обращения: 15.05.2013)

этических нормах всегда будут пункты, сложные для трактовки»⁹. Все эти меры преследуют цель познакомить парламентариев с этически верными направлениями принятия решений в ситуации выбора.

Цель этического режима – утверждение четких стандартов поведения среди парламентариев. Развитие этики и режима поведения подразумевает большее, чем просто написанные правила или принципы и нормы регулирования. Это означает *политическое согласие* с самой целью этического режима и построение культуры его поддержания.

Парламентарии должны быть вовлечены в процесс развития этического режима на каждом его этапе. Это может быть достигнуто многими путями. Начальный путь – установление принципов этического поведения через дебаты и дискуссии. На более поздних стадиях формирования этического режима более эффективно давать поручения по написанию правил особым комитетам, но это, опять-таки, должно осуществляться, после проведения дебатов, консультаций и дискуссий, объясняющих эти правила.

Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией устанавливает следующую систему построения этической культуры, которая разбита на несколько стадий:

1. Первая стадия – это построение коалиции для изменений внутри парламента, вокруг нужд этики и режима поведения. Построение такой коалиции может быть спровоцировано внешними факторами: политическим кризисом, инцидентами, связанными с коррупцией, или вопросами, касающимися доверия общества к парламентам. Политики должны понимать, для чего нужна эффективная этическая система, и что необходимо для ее формирования.

2. Вторая стадия построения этической культуры – достижение соглашения по поводу этических принципов. Этот этап очень важен по следующим причинам. Во-первых, большинство институтов уже имеют определенные ценности, включенные в их уставы или основные законы. Во-вторых, легче найти соглашение насчет основных принципов, чем среди различных элементов правил.

3. Третья стадия – установление системы регулирования и этического образования членов парламента¹⁰.

Таким образом, анализ документов Всемирной организации парламентариев по борьбе с коррупцией, позволил сделать следующие выводы:

Понятие «этическая культура» включает *этический режим*, состоящий из *принципов, норм и механизмов осуществления правил*, а также *систему этического образования* парламентариев. Не существует универсального этического режима, каждый парламент уникален. Создание режима этики не сможет решить, само по себе, проблем, которые встают перед институтом парламентаризма. Эти принципы и правила, а также способы регулирования – всего лишь часть более широких попыток улучшения работы института парламентаризма. Успех этического режима заключен не в его наличии, а в том, как он понимается, соблюдается и претворяется в жизнь. Важен не только сам этический режим, но и процесс его созидания и развития.

Список литературы

1. Этика публичной политики. Из опыта работы Комитета по стандартам публичной сферы Великобритании. М.: Институт права и публичной политики, 2001.
2. Парламентская этика: сравнительный анализ. М.: Нац. Демократич. ин-т междунаодн. отношений, 2000.
3. Сайт Всемирной организации парламентариев по борьбе с коррупцией -(Электронный ресурс). – URL: <http://www.gorasnetwork.org/> (дата обращения: 20.05.2013)

---

⁹ Power G. A Guide for Parliamentarians/Global Task Force on Parliamentary Ethics. Paper prepared by Westminster Foundation for Democracy (WFD). (Электронный ресурс) URL: <http://www.gorasnetwork.org/> (дата обращения: 20.05.2013)

¹⁰ Всемирная организация парламентариев по борьбе с коррупцией (Электронный ресурс). – URL: <http://www.gorasnetwork.org/> (дата обращения: 20.05.2013).

3. Power G. A Guide for Parliamentarians/Global Task Force on Parliamentary Ethics. Paper prepared by Westminster Foundation for Democracy (WFD). (Электронный ресурс) URL: <http://www.gopacnetwork.org/> (дата обращения: 20.05.2013)

4. Gow J.I. A Practical Basis for Public Service Ethics. Paper prepared for the annual conference of the Canadian Political Science. – Association Western University, London Ontario, 2005 (Электронный ресурс) URL: <http://www.cpsa-acsp.ca/papers-2005/Gow.pdf> (дата обращения: 15.05.2013)

ETHICAL CULTURE OF MODERN PARLIAMENTARIANISM

Y.V. NAZAROVA

*Tula State Pedagogical
University*

e-mail: Fox353@yandex.ru

The article is about the conception of ethical culture of the parliamentarianism and about the experience of the modern international parliamentary ethical culture.

Key words: parliamentarianism; ethical culture; ethics of public policy; Ethics and conduct regime.

УДК 334.732.2:342.71

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС КРЕДИТНОЙ КООПЕРАЦИИ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В.В. НЕВЛЕВ*Белгородский университет
кооперации, экономики
и права**e-mail: kaf-srp@buket.ru*

В условиях мировой экономической нестабильности изучение правовой деятельности кредитной потребительской кооперации как института гражданского общества поможет создать необходимый научный базис для реформирования финансово-кредитной системы Российской Федерации и других стран.

Ключевые слова: кредитная кооперация, гражданское общество, кооперативная идеология, социальная защищенность, правовое регулирование.

Специфика зарождения и становления гражданского общества в России состоит в том, что его элементы строились в значительной степени не на экономическом базисе и частной собственности, как это было на Западе, а на ассоциации отдельных личностей в институте земства. Причем процесс формирования гражданского общества был инициирован «сверху», реализовываясь через предоставляемые права на объединения с целью самоуправления.

Немаловажную роль в развитии традиций гражданского общества сыграла сельская поземельная община, в рамках которой были сильны идеи самоуправления, справедливости и коллективизма. Особенности российского менталитета, которому присущи соборность, склонность к объединению ради преодоления трудностей, предопределили популярность коллективных форм хозяйствования, к которым можно отнести и кооперацию.

Следовательно, гражданское общество в России формировалось в социокультурных реалиях, характеризующихся явно выраженным этатизмом общественной жизни, что, в свою очередь, было следствием геополитических условий, ментально-религиозных и природно-географических факторов. В России практически отсутствовала группа «средних» собственников: русское купечество лишь отдаленно напоминало европейских предпринимателей. Это связано, на наш взгляд, с имевшими место особенностями правового регулирования деятельности корпораций, монополией государства на производство и продажу отдельных товаров, отсутствием развитой транспортной инфраструктуры, другими факторами.

Формальное закрепление за купечеством корпоративных прав при Петре I, получившее дальнейшее развитие в царствование Екатерины II, не смогло обеспечить должного уровня автономии этого сословия и инициировать развитие рыночных структур¹. Тем не менее, вторая половина XIX – начало XX вв. ознаменовались появлением ряда «самодельных» организаций, среди которых были благотворительные и просветительские общества, кассы взаимопомощи, профессиональные и творческие объединения.

Идеи кооперативной идеологии весьма органично вошли в традиционный уклад жизни большинства жителей Российской империи, привыкших в сложных условиях существования рассчитывать на себя и на помощь общины. Многие исследователи отмечают в качестве специфической черты российской кооперации ее идеальное «наложение» на ментально-культурные традиции, воплощающиеся в коллективизме, патриотизме, соборности. В частности, А.В. Чаянов указывал, что «идеологический заряд кооперации призван, с одной стороны, компенсировать отсутствие нормальных экономических и социальных условий для ее развития, а с другой должен явиться истоком того хозяйствен-

¹ См.: Rieber A.I. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. – Chapel Hill, 1982. – P. 65.

ного, а возможно, и социального идеала, который мыслится исходя из теоретического обоснования наличных форм экономической организации»².

Социальные традиции российского населения базируются на обширности территорий, расположенных преимущественно в местностях с суровым климатом, удаленности от мировых экономических центров, отсутствии дорог и транспортной инфраструктуры. Выживание в столь сложных условиях было возможно только благодаря консолидации усилий, что предопределило преобладание коллективных форм ведения хозяйства. Немаловажную роль в формировании особой коллективной идеологии сыграло православие как религия, постулаты которой подразумевают органическое объединение личности и общества, а социальным идеалом земного бытия выступают идеи всеобщности и всеединства.

Соответствие кооперативных идей традициям российского хозяйствования подтверждает уровень развития кооперации в России на рубеже XIX-XX веков. В предреволюционной России насчитывалось порядка 400 тыс. кооперативов различных видов с общим числом членов около 19 млн. человек³. Это связано, по нашему мнению, с тем, что стремление к объединению, проистекающее из свойственных человеческой природе чувств солидарности и взаимопомощи, в отдельные моменты истории становится единственно возможным средством выживания.

В начале XXI века российское гражданское общество все еще находится у истоков своего институционального становления, о чем свидетельствуют отсутствие практики длительного и эффективного функционирования компонентов гражданского общества, неразвитость социального инициирования, доминирование в сознании народа этатистских представлений. Между тем, только свойственное институтам гражданского общества диалектическое противоречие, выражающееся в том, что частный интерес способствует в конечном итоге достижению общественного блага, может обеспечить прогресс общества и государства.

Закрепленное в Конституции Российской Федерации 1993 г. право каждого на объединение является юридической основой образования и деятельности различных видов и форм общественных объединений, способных решать проблемы общества в сфере обеспечения политических, экономических, социальных и иных прав. Воплощение идеала «гражданского общества» возможно через систему общественных институтов, некоторые из которых в нашей стране еще не функционируют. При этом не стоит забывать, что главным элементом гражданского общества является духовно и экономически свободный индивид.

Вариативность моделей гражданского общества в наши дни рассматривается в качестве вектора, определяющего направление развития российской государственности. Известно, что становление гражданского общества является отражением эволюции социально-экономических отношений, находящим субстанциональное выражение в появлении ассоциаций экономически свободных индивидов, обладающих равными правами и возможностями. Возможность самоорганизации гражданского общества детерминирована средой, то есть социально-экономическими и правовыми условиями, создаваемыми, в конечном счете, государством.

Вопрос о юридической природе гражданского общества, формах взаимодействия институтов гражданского общества и государства, несмотря на обилие теоретических исследований, остается открытым. Об этом свидетельствуют диаметрально противоположные дефиниции юридических формулировок, а также отсутствие у институциональных образований гражданского общества самоидентификации в качестве части гражданского общества.

Анализ научных источников по проблемам кредитной кооперации как структуры гражданского общества позволяет заключить, что данная тематика не получила

² Домников С.Д. Кооперативный идеал в России начала XX века. Кооперация. Страницы истории. – Вып. 4. – М., 1994. – С. 17.

³ Сероштан М.В., Соловых Н.Н. Российская социальная традиция как духовно-нравственная основа развития потребительской кооперации // Фундаментальные и прикладные исследования. – 2004. – № 2-3. – С. 31.

должного исследовательского внимания. В частности, отсутствуют работы, направленные на выявление онтологического статуса кредитной кооперации. Тем не менее, изучение деятельности кредитной потребительской кооперации как элемента гражданского общества может создать необходимый научный базис для реформирования финансово-кредитной системы Российской Федерации, что особенно актуально в условиях экономической нестабильности.

Исследование сущности кредитной потребительской кооперации как института гражданского общества следует предварить обращением к дефиниции «гражданское общество». Дифференциация таких феноменов как «общество» и «государство» произошла в процессе генезиса человечества, сопровождавшегося изменениями форм и способов организации бытия индивидов, обусловивших постепенное отделение публичного и политического от частного неполитического.

Термин «гражданское общество» ведет свое происхождение от древнеримского слова «*civitas*», употреблявшегося для обозначения сообщества римских граждан. И здесь прослеживается этимологическое несоответствие формулировки ее содержанию. Ведь гражданское общество – отнюдь не общество граждан (политических субъектов), а, напротив, сообщество частных (неполитических) лиц – носителей частных целей и интересов. Сообщество же граждан можно рассматривать как государство, то есть политическое сообщество⁴.

Как отмечает Л.Ю. Грудцына: «Политико-правовой анализ субстанциональных основ гражданского общества должен проводиться в двух плоскостях: 1) гражданское общество можно рассматривать как идею, доктрину, утопию (идеологический аспект); 2) гражданское общество можно представить как взаимосвязанную систему общественно-политических институтов (институциональный аспект)»⁵.

Интересную трактовку понятия «гражданское общество» предлагает Н.И. Матузов, утверждающий, что любое общество (за исключением догосударственных или родовых) является гражданским, так как состоит из граждан. Ученый считает, что гражданское общество – это «совокупность внешнегосударственных и внешнеполитических отношений (экономических, социальных, культурных, нравственных, духовных, семейных, религиозных), образующих особую сферу специфических интересов свободных индивидов-собственников и их объединений»⁶.

В.Д. Зорькин и В.А. Кикоть рассматривают гражданское общество как рациональный способ социального существования людей, основанный на разуме, свободе, демократии и праве, благодаря которому устанавливается необходимая доля вмешательства в экономическую, социальную и культурную жизнь⁷. Л. Карпов говорит о гражданском обществе как о совокупности «независимых от государства производителей, а также саморегулирующихся организаций, вроде профсоюзов, политических партий, культурных организаций, научных ассоциаций, а также семьи и церкви»⁸.

Таким образом, большинство исследователей выделяют в качестве главного признака гражданского общества его автономию, иммунитет от вмешательства государства. Анализ различных подходов к феномену «гражданское общество» позволяет предположить, что его основными характеристиками являются свобода и инициативность его членов, имеющих возможность и желание объединяться в группы, ассоциации; многообразие форм собственности, возможность доступа к собственности на основаниях, регламентированных законодательством; признание и обеспечение прав и свобод человека и другие.

Гражданское общество создается институционально из потребностей отдельных индивидов в объединении в целях отстаивания своих политических, экономических, духовных и иных интересов. Сущность гражданского общества заключается в его негосу-

⁴ Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. Учебник для вузов. – М., 1999. – С. 279.

⁵ Грудцына Л.Ю. Адвокатура, нотариат и другие институты гражданского общества в России. / Под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Михалевой. – М.: Издательство «Деловой двор», 2008. – С. 32.

⁶ Матузов Н.И. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение. – 1995. – №3. – С. 84-85.

⁷ Зорькин В.Д., Кикоть В.А. Новая Конституция – путь к свободе. – М., 1995. – С.4.

⁸ Карпов Л. Россия и правовое государство // Свободная мысль. – 1992. – № 9. – С. 24.

дарственной природе, а существование возможно лишь в условиях развитого производства и наличия среднего класса. В демократическом правовом государстве институты гражданского общества призваны обеспечивать соблюдение прав и свобод, осуществлять общественный контроль деятельности государственной власти, формировать режим согласования интересов общества и государства, являть собой элемент системы социальной защиты.

Структура развитого гражданского общества представляет собой совокупность организаций и объединений, фондов и движений, функционирующих в различных сферах общественной жизни и имеющих как коммерческую, так и некоммерческую направленность. Особое место в структуре гражданского общества занимают некоммерческие организации, действующие в сфере потребления. Они включают в свой состав граждан и организации, не имеющих целевой направленности на увеличение личного дохода в результате участия в деятельности таких объединений. Стремление потребительских организаций – достижение общих для организации целей, обеспечение социальной защиты при одновременном стимулировании активности и гражданской ответственности.

Кредитная потребительская кооперация представляет собой негосударственный общественный институт, основанный на членстве и позволяющий индивидам (их группам) удовлетворять финансовые потребности. Как институт гражданского общества кредитная кооперация может рассматриваться в силу наличия ряда специфических черт: во-первых, она отличается от иных финансовых структур наличием уникальных взаимосвязей между членами кредитных кооперативов; во-вторых, у нее имеются особые цели и задачи; в-третьих, можно говорить о существовании кооперативной философии и идеологии.

Социальная сущность кредитной кооперации проявляется в следующих аспектах:

1. Кредитная кооперация является важным звеном так называемого «третьего сектора» или сектора добровольной активности, включающего в себя лиц, не ставящих перед собой задач по увеличению личного дохода через участие в объединении или посредством владения им. Функционирование таких организаций направлено на достижение общего блага, вовлечение населения в процесс социальных изменений.

2. Кредитная потребительская кооперация воплощает идеал консолидации личности и общества, тем самым нивелируя социальную напряженность.

3. Кредитная кооперация служит инструментом финансовой поддержки малообеспеченных слоев населения, предоставляя возможности повышения благосостояния. При этом, в отличие от иных финансовых инструментов, потребительское кооперативное кредитование отличается своей доступностью. Эффективность действия кооперации особенно наглядно проявляется в периоды экономических кризисов.

4. Двойственность природы кооперативного кредитования определяется тем, что оно одновременно является и формой ведения хозяйственной деятельности, и инструментом формирования особых общественных отношений. Не имея направленности на получение прибыли, кредитная кооперация, тем не менее, способствует решению важных экономических задач, поощряет инициативность, предприимчивость, ответственность.

5. Кооперативное кредитование создает особую группу общественных отношений, характеризующуюся идеями взаимопомощи и взаимной поддержки, тем самым объединяя интересы разных индивидов и организаций в едином русле удовлетворения финансовых потребностей.

6. Кооперация и кредитная потребительская кооперация, в частности, обеспечивают занятость населения, способствуют повышению трудовых доходов.

7. Кооперативное потребительское кредитование активизирует потребительский спрос, что, в свою очередь, стимулирует развитие производства.

В системе кредитования, основанной на кооперативных принципах, заинтересованы как граждане, так и юридические лица. Ведь назначение кредитных потребительских кооперативов – распространять финансовые услуги населению в тех сферах, которые в силу ряда причин (экономических, географических и других) не охвачены банков-

ским сектором. По данным аналитиков, доля кредитования малых предприятий в общем объеме банковского кредитования незначительна и составляет всего 5-10%⁹.

Слабый интерес банков к этому сектору бизнеса объясняется достаточно высокими рисками, связанными с кредитованием вновь создаваемых или существующих непродолжительное время организаций, отсутствием однозначной юридической базы и стимулирующих налоговых режимов, а также большими издержками, приводящими к низкой рентабельности подобных операций.

Кооперативная модель потребительского кредитования имеет дуалистическую природу: с одной стороны она является формой хозяйствования, а с другой стороны, это форма социализации со своей философией и идеологией. Уяснение сущности кредитной потребительской кооперации невозможно без рассмотрения ее идеологической составляющей.

Кооперативная идеология, на наш взгляд, представляет собой совокупность систематизированных представлений о кооперации, основанных на определенных ценностных предпочтениях. Таким образом, в центре кооперативной идеологии находится группа доминирующих ценностей, обоснование приоритета которых и составляет содержание идеологии. По своей сути кооперативная идеология относится к группе коллективистских идеологий, так как она отражает интересы определенных объединений.

Кооперативные ценности, являющиеся фундаментальными основами кооперативной идеологии, можно определить как признаваемые и применяемые членами кооперативов нравственные ориентиры. Кооперативные ценности вносят начала гуманизма во внутрикооперативные отношения, а также отношения кооперативов с иными субъектами хозяйствования.

Ценности обеспечивают поддержание репутации кооперативов как социально направленных институтов, функционирующих на особых условиях доверия и взаимопомощи. Декларация «О кооперативной идентичности» выделила следующую группу кооперативных ценностей: взаимопомощь, взаимная ответственность, демократия, равенство, справедливость и солидарность¹⁰. Помимо этого к группе этических ценностей были отнесены: честность, открытость, социальная ответственность и забота о других.

Кредитная потребительская кооперация строится на началах самоуправления, взаимной помощи и взаимной ответственности. Кредитная кооперация открывает доступ к финансовым услугам людям с невысокими доходами, для которых банковский кредит зачастую труднодоступен.

Одной из тенденций развития современного общества является возрастание роли самоуправления, эффективность которого напрямую зависит от уровня развития структурных элементов гражданского общества. Социально ориентированная рыночная экономика не может обойтись без институтов, подобных кредитной потребительской кооперации. А существование гражданского общества невозможно без наличия реально работающего механизма обеспечения материальных потребностей граждан.

В XXI веке экономическая структура российского общества характеризуется наличием разнообразных форм собственности, возможностью индивидов образовывать коммерческие либо некоммерческие объединения и ассоциации. Изменения произошли и в идеологической составляющей гражданского общества: интерес населения к политическим организациям постепенно изменился и трансформировался в интерес к структурам, действующим в сфере потребления, то есть направленным на улучшение качества жизни.

Специфика кредитной потребительской кооперации заключается в том, что данный институт, кардинально отличаясь от института банковского кредитования, действует на основе принципов равенства прав членов кредитного кооператива (при принятии решений, при доступе к услугам кредитного кооператива, при доступе к информации), самоуправления, независимости от органов государственной власти и местного самоуправления. Социальная сущность кредитной потребительской кооперации прояв-

⁹ Емелин А.В., Иванов О.М., Мамута М.В., Маркварт Э. Предоставление и рефинансирование кредитов для малого и среднего бизнеса: текущее состояние, проблемы и пути решения: аналитический доклад // Кредитование малого бизнеса в России и Германии: Материалы совместного российско-германского проекта. – М.: OST-EURO, 2005. – С. 14.

¹⁰ Материалы Юбилейного XXXI конгресса МКА в Манчестере. – М., 1995. – С. 36.

ляется в формировании особых общественных отношений по взаимоподдержке, объединении общими кооперативными интересами и совместной кооперативной собственностью. И здесь немаловажную роль играет доверие, базирующееся, как правило, на личном знакомстве членов (пайщиков) кооператива.

Финансовая устойчивость кредитной кооперации основывается на демократических формах управления деятельностью кооператива. Каждый член (пайщик) кооператива может участвовать в его управлении непосредственно или через выборные органы. Общее собрание членов кредитного кооператива (пайщиков) обладает исключительной компетенцией при принятии таких решений, как утверждение устава кооператива, утверждение сметы доходов и расходов кредитного кооператива, избрание, переизбрание, досрочное прекращение полномочий правления кредитного кооператива и др. Вовлечение членов кредитного кооператива в управление его деятельностью, беспрепятственное получение информации о деятельности кооператива стабилизирует функционирование последнего.

Эффективное решение задач экономического и социального роста, развитие гражданского общества в России возможно лишь при условии обеспечения материальных потребностей индивидуумов. Только наличие функционирующих правовых механизмов реализации экономических свобод личности, формирование социального слоя владельцев средств производства, самостоятельность и равноправие хозяйствующих субъектов способны укрепить российское гражданское общество. Институт кредитной потребительской кооперации, организуя финансовую взаимопомощь членов (пайщиков) кооператива, тем самым повышает их личное благосостояние, обеспечивает занятость населения, и, в целом, выступает гарантом социальной стабильности.

Повышение статуса кредитной потребительской кооперации предполагает проведение ряда мероприятий. На наш взгляд необходимо начинать с законодательного закрепления социальной роли кредитной кооперации. Ведь, как отмечает Ю.Н. Лапыгин, «формулирование миссии:

во-первых, дает возможность субъектам внешней среды идентифицировать организацию, а самой организации формировать свой имидж;

во-вторых, заставляет пересмотреть факторы, лежащие в основе управления, и помогает взглянуть на деятельность организации как бы опосредованно...;

в-третьих, направляет векторы интересов сотрудников организации в одну сторону – к поставленной цели;

в-четвертых, помогает работникам организации идентифицировать себя с организацией, что усиливает мотивацию;

в-пятых, формулирует определенную социально-культурную среду...;

в-шестых, является основой при формировании целей организации и принятии наиболее важных решений»¹¹.

Современная модель кредитной кооперации должна соответствовать критериям экономической эффективности и социальной солидарности. Дилеммой нашего времени является преобладание в социуме частных интересов над коллективными, общественными, что, в свою очередь, вызывает снижение общественного результата. Достижение положительного эффекта обусловлено необходимостью вложения трудовых усилий, денежных взносов и тому подобное, но конечный результат не всегда зависит от индивидуальных затрат, скорее он является плодом коллективного труда.

Поэтому кредитная потребительская кооперация, как и любая иная кооперация, потенциально содержит риск неоднородности участия, при получении общего конечного результата. Устранить данную социальную диспропорцию возможно, в том числе, на законодательном уровне. На наш взгляд, необходимо поощрять развитие именно небольших кооперативов, членам которых с помощью личного общения проще прийти к компромиссу по поводу способов и методов достижения конечных целей.

Перспективы развития кредитной потребительской кооперации как института гражданского общества связаны, на наш взгляд, с усилением работы в направлении создания объединений кредитных кооперативов. Как и все некоммерческие организации, кредитные потребительские кооперативы, согласно п.2 ст. 121 ч.1 Гражданского кодекса

¹¹ Лапыгин Ю.Н. Стратегическое управление. – Владимир. ВГПУ, 1999. – С. 69.

Российской Федерации¹² имеют право добровольно объединяться в ассоциации (союзы) некоммерческих организаций. Данная возможность регламентируется ст. 34 Федерального закона «О кредитной кооперации»¹³ и ст. 5 Федерального закона «О сельскохозяйственной кооперации»¹⁴, которые предусматривают способность кооперативов на объединение с целью координации их деятельности, представления и защиты их интересов, информирования и правового сопровождения деятельности кредитных кооперативов, подготовки кадров, осуществления научно-исследовательской деятельности и других.

Кредитная кооперация как институт гражданского общества может взять на себя миссию возвращения утраченного доверия людей друг к другу, а также к иным структурам гражданского общества. В данном аспекте необходимо информационное воздействие на общество, наглядно демонстрирующее позитивные возможности кооперативного кредитования. Следует активнее использовать свойства потребительской кооперации выполнять функции артикуляции и агрегации социальных интересов, с возможностью последующей трансформации потребностей общества в решения и действия властей.

Список литературы

1. Грудцына Л.Ю. Адвокатура, нотариат и другие институты гражданского общества в России. / Под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Михалевой. – М.: Издательство «Деловой двор», 2008. – С. 32.
2. Домников С.Д. Кооперативный идеал в России начала XX века. Кооперация. Страницы истории. – Вып.4. – М., 1994. – С. 17.
3. Емелин А.В., Иванов О.М., Мамута М.В., Маркварт Э. Предоставление и рефинансирование кредитов для малого и среднего бизнеса: текущее состояние, проблемы и пути решения: аналитический доклад // Кредитование малого бизнеса в России и Германии. Материалы совместного российско-германского проекта. – М.: OST-EURO, 2005. – С. 14.
4. Зорькин В.Д., Кикоть В.А. Новая Конституция – путь к свободе. – М., 1995. – С.4.
5. Карпов Л. Россия и правовое государство // Свободная мысль. – 1992. – № 9. – С. 24.
6. Лапыгин Ю.Н. Стратегическое управление. – Владимир. ВГПУ, 1999. – С. 69.
7. Материалы Юбилейного XXXI конгресса МКА в Манчестере. – М., 1995. – С. 36.
8. Матузов Н.И. Гражданское общество: сущность и основные принципы // Правоведение. – 1995. – №3. – С. 84-85.
9. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. Учебник для вузов. – М, 1999. – С. 279.
10. Сероштан М.В., Соловых Н.Н. Российская социальная традиция как духовно-нравственная основа развития потребительской кооперации // Фундаментальные и прикладные исследования. – 2004. – № 2-3. – С. 31.
11. СЗ РФ от 11 декабря 1995 г. – № 50. – Ст. 4870.
12. СЗ РФ от 20 июля 2009 г. – № 29. – Ст. 3627.
13. СЗ РФ от 5 декабря 1994 г. – № 32. – Ст. 3301.
14. Rieber A.I. Merchants and Entrepreneurs in Imperial Russia. – Chapel Hill, 1982. – P. 65.

ONTOLOGICAL STATUS OF CREDIT COOPERATIVES REGARDED AS SOCIAL AND LEGAL INSTITUTIONS OF CIVIL SOCIETY

V.V. NEVLEV

*Belgorod University
of Cooperation, Economics and
Law*

e-mail: kaf-srp@bukep.ru

Under the present conditions of global economic instability research in the field of the credit consumer cooperatives, regarded as institutions of civil society, will help to create the necessary scientific basis for reforming of the financial and credit system of the Russian Federation and, possibly, of other countries.

Keywords: credit cooperatives, civil society, co-operative ideology, social security, legal regulation.

¹² СЗ РФ от 5 декабря 1994 г. – № 32. – Ст. 3301.

¹³ СЗ РФ от 20 июля 2009 г. – № 29. – Ст. 3627.

¹⁴ СЗ РФ от 11 декабря 1995 г. – № 50. – Ст. 4870.

РЕЛИГИОЗНАЯ ФИЛОСОФИЯ И.А. ИЛЬИНА: ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И КОНЦЕПТЫ

И.М. НЕВЛЕВА

*Белгородский университет
кооперации, экономики и
права*

e-mail: kaf-srp@buket.ru

В статье рассматриваются основные идеи религиозно-философского проекта И. Ильина. Исследуются концепты «очевидности», «духовного опыта», «чувства», «духовности».

Ключевые слова: русая философия, И. Ильин, религиозная философия, духовность.

В центре философских построений И.А. Ильина (1883-1954) находится учение об очевидности. Считая очевидность сферой гносеологии, философ связывает очевидность с работой сознания в целом; обладающего «даром созерцания и притом многообразного созерцания, способности к вчувствованию, глубокого чувства ответственности, искусства творческого сомнения и вопрошания, упорной воли к окончательному удостоверению и живой любви к предмету». «Религиозный опыт открывает особое видение мира, согласно которому самая ткань мироздания во всей его сопринадлежности, многожизненности, закономерности и динамичности – есть великое Божие Чудо, – подлинно-сущее, а в своем происхождении и в своих главных основах необъяснимое, премудро устроенное и Богу покорное»¹. Познание истины осуществляется через опыт очевидности, Ильин считает, что очевидность дается человеку совсем не в одном только теоретическом мышлении. Она переживается в религии иначе, чем в науке; она слагается в искусстве на других путях, чем в нравственной жизни; да и в различных науках акт очевидности имеет различное строение (напр., в логике, в математике, в химии, в астрономии, в истории, в юриспруденции, в филологии). Философ, не выносивший духовной культуры и не работавший в качестве исследователя ни в одной науке, а может быть, вообще отрицающий акт очевидности, – неприемлем и невыносим в качестве гносеолога. Ибо акт очевидности требует от исследователя дара созерцания, и притом многообразного созерцания, способности к вчувствованию, глубокого чувства ответственности, искусства творческого сомнения вопрошания, упорной воли к окончательному удостоверению и живой любви к предмету. Философ должен воспитать себя к духовной очевидности.

И.А. Ильин, продолжая традиции русской философии, выделяет практические запросы жизни, задачи духовного становления личности. Философ рассматривает естественнонаучное и религиозное осмысление чуда. Есть множество естественных сил, причин и явлений нам неизвестных и человек их воспринимает как чудо «Чудо есть нечто подлинно-сущее, вправду совершившееся, объективно-достоверное, – значит, не «слух», не – фантазия», не «иллюзия» и не «галлюцинация». Это достоверный факт, состоявшийся в ткани мира и в контексте природы. Но событие это никаким действиям известных нам естественных сил необъяснимо. Чудо есть подлинное проявление этих сверхъестественных сил»². Философ считал, что для раскрытия полноты содержания духовного явления недостаточно рассудочной разумности, что истинное бытие предмета не укладывается целиком в возможности человеческого ума, хотя бы и доведенные до высших степеней совершенства.

В познании И.А. Ильин предпочитает метод созерцающей дедукции, опытное описание исследуемого предмета или явления. Рассматривая вопрос соотношения веры и знания, он признает их единство в дополнении одного другим. Он пишет, если заглянуть в человеческую душу, тем скорее мы убедимся, что человек без веры вообще не может

¹ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993. С. 171.

² Там же. С. 167.

жить; ибо вера есть не что иное, как главное и ведущее тяготение человека, определяющее его жизнь, его воззрения, его стремления и поступки. «Настоящий ученый знает, доколе простирается его знание; и потому он духовно скромн. Он ищет и пытается доказать; он всегда добивается максимальной достоверности и доказательности, ясности и точности; но именно поэтому он знает, сколь трудно это дается; и всегда помнит, что полной достоверности у науки нет. Он всегда помнит, сколь ограничен объем того, что «уже познано», и сколь сравнительно невелика сила и компетентность научной мысли; ибо поистине мысль есть только одна из способностей человека, наряду с другими; а научная мысль нуждается в опыте, для которого необходимо чувственно воспринимать, ощущать, чувствовать, желать, воображать, созерцать и совершать поступки. Настоящий ученый понимает все это и не переоценивает ни отвлеченную мысль, ни науку в целом. Вот почему он не верит в отвлеченные схемы и мертвые формулы и хранит в себе живое ощущение глубокого, таинственного и священного. Этим и объясняется то обстоятельство, что среди настоящих и великих ученых многие питали и питают живую веру в Бога: их взор не ослеплялся тем, что уже познано и добыто, но оставался прикованным к тайнам мироздания и к скрытым в них боготствам; а созерцание этих тайн пробуждало в них тот внутренний, духовный опыт, от которого рождается религиозное настроение и «верующая» вера. Так, истинная ученость не уводит от Бога, а ведет к Нему»³. Поэтому, знание и вера совсем не исключают друг друга.

Внутренний, духовный опыт и есть истинный источник и истинная область веры, религии и всей духовной культуры вообще. «Духовный опыт делает человека духовной личностью, с неразложимым, священным центром, с индивидуальным характером, со способностью духовно творить и наполнять духом общественную жизнь, свободу, семью, родину, государство, частную собственность, науку и искусство. Потому что последняя основа всего этого, творческий первоисточник всей духовной культуры есть Божественное в нас, даруемое нам в откровении живым и благим Богом, воспринимаемое нами посредством любви и веры и осуществляемое нами в качестве самого главного и драгоценного в жизни»⁴.

Ильин допускал, что философия может быть наукой, но «при условии, однако соблюдения «особого духовно-религиозного опыта и особого описательного художества». Человек, ступивший на стезю философствования, должен, отдавая полный отчет в своих силах и возможностях, выдержать возлагаемый на себя груз: «ответственность исследователя, волю к предметности и бремя доказательства». Только сохранив предметную верность, исследователь может придать системный и целостный характер своим философским построениям»⁵. Русская философия должна обязательно использовать «русский национальный духовный опыт»: «Если русская философия хочет еще сказать что-нибудь значительное, верное и глубокое русскому народу и человечеству вообще, – после всех пережитых блужданий и крушений, – то она должна прежде всего спросить себя, в чем ее призвание, с каким предметом она имеет дело и каков ее верный путь (метод)? Она должна возжелать ясности, честности и жизненности. Она должна стать убедительным и драгоценным исследованием духа и духовности»⁶. Нам надо прислушаться к этим словам.

Смысл жизни, ее содержание Ильин видит в умении постоянного личного духовного очищения и умудрения. Постигая каждое явление, созерцая его чудный смысл, человек усваивает мудрость, включая ее в свой характер, «в свой дух, в своё сердце, в свою волю, в свою молитву. Тогда всё начинает давать человеку свой сокровенный «свет» и «огонь»; и внутренний «огонь» человека усиливается от этого и становится определяющим, ведущим, главным и всеохватывающим. Жизнь становится духовным возрастанием и очищением; и огни ее ведут человека к Богу»⁷. С точки зрения Ильина, отношение ко злу – это прежде всего проблема нравственного выбора личности, её нравственного долга. Ильин считает, чтобы исполнить долг, он должен быть понят, «жизненная ситуация в

³ Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 149.

⁴ Там же. С. 153.

⁵ Смирнов И.Н. Жизнь и творческий путь И.А. Ильина в книге Аксиомы религиозного опыта. М., 1993. С. 13.

⁶ Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 362.

⁷ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993. С. 259.

которой оказался человек, должна быть осознана как взывающая к его нравственному выбору». Не навязывая единого типа поведения при встрече со злом, Ильин признает толстовство – «не больше чем ересь, то есть учение, возводящее конкретную частную ситуацию во всеобщую и универсальную, абсолютизирующую её».

Ильин соглашается, что для нравственного здоровья человека удобно противостоять злу лишь любовью и добром. Но, подчеркивает Ильин, бывают ситуации, когда в интересах человека и общества необходимо прибегнуть к принуждению и насилию. Преодоление морального зла Ильин усматривает в принципиальном различии между насилием и принуждением, грехом и несправедностью. Ильин считает, что бороться со злом надо любовью, то есть ненасильственными средствами, религиозным и нравственным самосовершенствованием, духовным воспитанием других, и только в безуспешном случае обращаясь к использованию силы и принуждения.

Ильин, рассматривая проблему социальной этики, полагает, что необходимо поощрять добро и сдерживать зло. Размышляя о предпосылках духовного обновления человека – о вере, знании, любви, религии, философии, Ильин выделяет в качестве духовной основы человека веру и любовь. Смысл свободы, по Ильину, состоит в том, чтобы через любовь самому увидеть, через очевидность – самому уверовать. Свобода есть самостоятельная, самобытная творческая любовь и вера. Совесть движется силой веры и любви, семья есть первое лицо любви и веры, родина постигается любовью и строится верою. Без любви и веры невозможно правосознание, необходимое для построения и функционирования государства.

Ильин исходит из того, что глубинным и существенным в человеке является дух, духовное состояние, в котором он живет своими возвышенными, благородными силами, обращенными на познание истины, на созерцание или осуществление красоты, на совершение добра, на общение с Богом – словом, на все то, что человек признает высшим благом. Дух, по Ильину, – это то, что объективно значимо в душе и как потребность священного, и как радость высшего ранга, и как жилище совести, и как место нахождения художества и искусства, и как источник правосознания, истинного патриотизма, и как основа здоровой государственности, великой культуры.

Ильин видит вопрос о смысле жизни как вопрос о ценностях, которые выше самой жизни. С его точки зрения есть некий особый надфизиологический и надсоциальный смысл жизни. Такой смысл жизни достижим каждым человеком в рамках его индивидуального бытия. Человек не будет растворяться в системе ценностей (аксиологии), если в самой этой аксиологии каждый отдельный человек различим и важен с точки зрения самой высшей ценности. Такой аксиологией, по мнению Ильина, является христианская антропология, в которой человек выступает носителем вечного божественного начала. Человеческая личность рассматривается как вместилище духовного, и прежде всего, религиозного опыта, поэтому и обновление человека нужно начинать, не с коренной ломки социальных условий существования, но с обновления его души и воли.

Ильин рассматривает природу духовности, закономерности творческого акта, создающего культуру, условия, помогающие человеку осуществить прорыв к первоосновам духовности. Человеку необходимы вечные основы духовного бытия, которые включают веру в Бога, в любовь, в свободу, в семью, в родину и в духовные силы народа; «начиная с Бога и возвращаясь к Нему; утверждая, что и любовь, и свобода, и совесть, и семья, и родина, и нация суть лишь пути, ведущие в Его постижению и к Его осуществлению в земной жизни человека»⁸. Духовно-нравственный опыт, уверен Ильин, требует всего человека, он нуждается в его любви, в его страстях, в его решениях и деяниях. Человек отдает этому опыту всего себя – свою жизненную силу, свой жизненный успех, свою судьбу. Ильин считает, что ни один логический аргумент, никакое самое развернутое теоретическое обоснование не могут сами по себе родить понимания бытия и экзистенциального опыта личности. Путь к истине, к смыслу человек может пройти только сам, опираясь на силу присущих ему духовных способностей.

Духовная культура постоянно поддерживается и развивается, питает общественное и личное сознание. «Дух должен веять на человека отовсюду», культура должна вести

⁸ Ильин И.А. Путь духовного обновления. М., 1993. С. 288.

к духовному прозрению, будь то архитектура, живопись, университетская лекция или драматический театр. И.А. Ильин сопоставляет духовную и религиозную культуру и подчеркивает, что очищению души, приобщению к высокой духовности служит светская и церковная культура. Философское познание Ильин связывает с потребностью человека в духовном обновлении и возрождении. Ильин уверен, что, если даже духовное достояние будет незначительно, пусть будет подобно искре, «но в искре есть уже сила искренности, ибо искра есть пылинка вечного, божественного пламени».

Хочется подчеркнуть особое мнение ученого на предмет морали. Ильин считал, что учение о нравственности не может быть результатом академических размышлений, для этого философ должен готовить на практике свой нравственный опыт, т.е. быть носителем этого нравственного опыта, высоких духовных качеств личности, раскрывающих понятие совести. Исследование проблем нравственности и добродетели раскрывается непременно через свой собственный нравственный опыт. Нравственность не может быть ни постигнута, ни изображена в отвлеченных построениях и спекуляциях... Кто хочет написать «этику», тот должен иметь за собою живой опыт любви, борьбы и страданий; он должен знать, что значит отчаиваться и в отчаянии молиться и, еще, что значит иметь жизненный успех и в успехе соблюдать скромность и смирение; тогда человеку откроется нравственное измерение вещей и людей, и он поймет «предмет этики».

В постижении прекрасного философу так же недостаточно творческих рассуждений, нужно воспитывать в себе, через художественное созерцание и практическое видение мира, идеалы прекрасного, поэтому «основное правило этого пути гласит так: сначала быть, потом – действовать, считает Ильин, и лишь затем из осуществленного бытия и из соответственного, а может быть и опасного, и даже мучительного делания – философствовать». И.А. Ильин считает, что философ должен уметь предметно созерцать и мыслить. «А систематический строй он должен спокойно предоставить самому предмету: если его предмет в самом деле есть «система», то его философия верно передаст и изобразит ее; но если предмет есть бессвязная совокупность, то это обнаружится и в его предметной философии. Исследующий философ не смеет повелевать предмету; он не смеет и искажать его в своем изображении. Он не смеет предвосхищать и предопределять тот Божий дар, который дает ему для исследования, будь то «мир», или «природа», или «история», или «дух», или «искусство». Он не может «указывать» своему предмету; ему не дано «знать заранее» или «знать лучше»; он не призван починять разрывы или несогласованности предмета своими рационалистическими выдумками»⁹. Надо честно, ответственно и предметно исследовать, а не выдумывать и не «конструировать». Надо осуществлять и совершенствовать философский опыт и философское созерцание, а не создавать в дедуктивном порядке выдуманное отвлеченное «здание». Философ призван переживать свой предмет в его объективной реальности, проверять пережитые им содержания, описывать их и показывать другим людям.

Ильин считает, что философия как наука предполагает наличие особого духовно-религиозного опыта и особого описательного художества. В исследовании следует проявить честность и точность, «помнить свою духовную ответственность перед Всевышним и перед своим народом».

Философия как наука вырастает из духовного опыта, требует от человека особого духовно-религиозного опыта и особого описательного художества. «Философ поступает правильно и умно, если он принимает на себя ответственность исследователя, волю к предметности и бремя доказательства. Пусть он только не заботится о том, что из этого выйдет: «монизм», «дуализм» или «плюрализм», «реализм» или «идеализм», «рационализм» или «интуитивизм»... ибо дело не в этом, а в предметной верности его исследований. Пусть он только требует от себя исследовательской честности и точности и пусть помнит свою духовную ответственность перед Всевышним и перед своим народом»¹⁰. Ильин считает, что философское знание есть результат духовного опыта и одновременно опытного познавательного процесса. В книге «Путь к очевидности». Ильина интересует проблема предмета и метода философии. Он приходит к выводу, что истинным предме-

⁹ Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 363.

¹⁰ Там же. С. 364.

том философии является начало духа, оно обнаруживает себя в живой и неживой природе, в человеке и его созданиях. Поэтому философское знание считает Ильин, – является результатом соответствующего духовного опыта и опытного познавательного процесса.

Результатом длительной работы философа стало его исследование «Аксиомы религиозного опыта», изданное в двух томах в 1953 г. в Париже. В этой работе И.А.Ильин рассматривает проблемы моральной философии. Понимая всю пагубность и обреченность бездуховности, он видит ее причины в отторжении церкви от народа, уничтожении отеческих святынь, деформировании национальной истории, глумлении над родным языком, потери традиционных культурных основ быта.

И.А. Ильин ведущее место в истории русской культуры отводил русской религиозной философии, называя ее «убедительным и драгоценным исследованием духа и духовности», сложившейся на основе самостоятельного и подлинного религиозного опыта. В книге «Аксиомы религиозного опыта», философ обращается к проблемам религии и духовности, в предисловии он пишет: «религиозному человеку необходимо одухотворять, очищать, укреплять, растить, углублять и образцовывать свой духовный опыт, иначе сила естественных потребностей, давление житейских обстоятельств, расчетов, интересов и компромиссов – ослабят, исказят и вырождают этот драгоценный опыт и незаметно из поколения в поколение, приведут его к немощи и разложению»¹¹. Смысл жизни, ее содержание Ильин видит в умении постоянного личного духовного очищения и умудрения. Постигая каждое явление, созерцая его чудный смысл человек усваивает мудрость, включая ее в свой характер «В свой дух, в своё сердце, в свою волю, в свою молитву. Тогда всё начинает давать человеку свой сокровенный «свет» и «огонь»; и внутренний «огонь» человека усиливается от этого и становится определяющим, ведущим, главным и все охватывающим. Жизнь становится духовным возрастанием и очищением; и огни ее ведут человека к Богу»¹². Усматривая ведущую роль духовного содержания личности Ильин пишет, «ум без сердца – мертвец; ум без совести – подлец; ум без воли – глупец; ум без воображения – слепец». Ведущей идеей ума – разума, созерцающего из сердца, желающего из совести, мыслящего духовно и верующего в Бога, является духовное возрождение. Созерцая жизненную данность, человек должен уметь вчувствоваться в ее сокровенный духовный смысл. «На этом пути художник найдет настоящий «предмет» своего искусства; ученый обретет новый смысл и новый метод познания; воспитатель отыщет ключ к разрешению самых сложных проблем и к пониманию самых утонченных детских натур; моралист вернется к идеям любви, совести и добра; судья разрешит по-новому вопросы вины и наказания; политик найдет новые основы справедливости, свободы, правосознания, закона и правления; в хозяйстве раскроется глубина органически здорового хозяйственного акта». Этот путь непременно приведет к созданию новой духовной культуры, основанной на ценностях Православия.

И.А. Ильин видит роль искусства в очищении, возвеличивании духовного мира личности, пробуждении души. Потому что художественное творчество позволяет человеку прочувствовать духовный смысл жизни, её священную глубину, её призванность к совершенству. «Каждое лирически-художественное стихотворение Пушкина есть прикровенная молитва. Каждый пейзаж Левитана – зрит тайну, вздыхает, благодарит и славословит. Каждый роман Достоевского повествует о лучах Божиих и о гибели человека, для них ослепшего». Благодаря искусству человеческая душа попадает в новый духовный план бытия, наполняется новым содержанием пробуждающим постоянную жажду высшего, лучшего. Не случайно Василий Великий называл мир «художественным произведением», «художественного Ума».

Для приобщения к культуре, восстановления духовности, Ильин обращается к религиозному опыту, его философским аспектам, считая что важно «включить жизнь в религиозный акт и подчинить ее веянию божественной Благодати»¹³. И.А. Ильин считает, что совесть это глас Божий в душе человека, а не просто субъективное настроение к которому можно не прислушаться. Само слово «со-весть» означает «со-ведание», «со-знание»

¹¹ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. М., 1993. С. 34.

¹² Там же. С. 259.

¹³ Там же. С. 277.

вместе с Богом высшей правды, отступление от которой приводит человека к мучительным переживаниям, мукам совести. Основные проявления духа – сознание и свобода. В сердце сосредотачивается вся внутриличностная жизнь человека. Через дух человеческий проникает в сердце Дух Божий и в нем действует. Сердце является вместилищем веры и религиозной жизни и, наоборот, при их отсутствии сердце может быть источником неверия и всяких греховных состояний.

Рассматривая национальную культуру, Ильин отмечает значение духовности не только у отдельного человека, но и у целых народов, складывается национально-однородный духовный акт, обусловленный особенностями истории, культуры, права, языка, вероучений. Ильин видит основной порок современной ему культуры и современного человека в «расколотости», в противопоставлении ума сердцу, разума чувству. «Человек, душевно расколотый и нецельный, есть несчастный человек. Если он воспринимает истину, то он не может решить, истина это или нет, ибо он не способен к целостной очевидности... он теряет веру в то, что человеку вообще может быть дана тотальная очевидность. Он не желает признать ее и у других и встречает её иронией и насмешкой»¹⁴. Рассудок должен научиться «взирать и видеть», чтобы стать разумом, человек должен прийти к разумной и светлой вере с «совестной волей» и «верующей мыслью». Через религиозный опыт А.И. Ильин раскрывает философское содержание духовности.

Список литературы

1. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. – М., 1993.
2. Ильин И.А. О сопротивлении злу силою. – М., 1993.
3. Ильин И.А. Путь к очевидности. – М., 1993.

RELIGIOUS PHILOSOPHY OF I.A. ILYIN: IDEAS AND CONCEPTS

I.M. NEVLEVA

*Belgorod University
of Cooperation,
Economics and Law*

e-mail: kaf-srp@bukep.ru

The paper discusses the general ideas of Ilyin's religious-philosophical project. The author observes the concepts of "evidence", "spiritual experience", "feeling", "spirituality".

Key words: Russian philosophy, I. Ilyin, religious philosophy, spirituality.

¹⁴ Ильин И.А. Путь к очевидности. М., 1993. С. 313.

УДК 004.771, 004.772, 004.773.3, 004.773.5

ЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНТЕРНЕТ-ТЕХНОЛОГИЙ¹

Е.В. НЕСТЕРОВА¹⁾
В.Г. НЕСТЕРОВ²⁾
С.В. ИГРУНОВА³⁾
В.И. ЛОМАЗОВА⁴⁾

*Белгородский
государственный
университет*

¹⁾ e-mail: nesterova@bsu.edu.ru

²⁾ e-mail: valnest@inbox.ru

³⁾ e-mail: Igrunova@bsu.edu.ru

⁴⁾ e-mail: lomazova@bsu.edu.ru

В соответствии с целью работы изучены потенциальные возможности всемирной системы объединённых компьютерных сетей (Интернета) в организации экспертного оценивания инвестиционных проектов в сфере здравоохранения.

В результате выполнения работы выявлены основные факторы, которые определяют конкурентные преимущества онлайн-коммуникаций при экспертизе проекта относительно исходных вне-сетевых технологий. Формирование группы экспертов с использованием Интернета ускоряется. Использование интернет-коммуникаций увеличивает комфортность условий работы специалистов, поскольку возникает возможности построить индивидуальный график работы. Через профессиональные веб-сообщества удаётся привлечь к работе наиболее квалифицированных экспертов, которых при традиционных технологиях невозможно собрать в одном месте и в одно время для работы в группе. Подобранный интернет- группа экспертов способна сопровождать проект на всех этапах его реализации.

Полученные результаты могут быть использованы при изысканиях в области социологии глобальной телекоммуникации, социальной инвестиционной политики.

Ключевые слова: интернет-технологии, экспертное оценивание, социальные инвестиционные проекты, здравоохранение.

Здравоохранение в нашей стране является одним из приоритетных направлений «инвестиций в человека»². Экономика, основанная на принципах саморегуляции, делает здоровье человека экономическим понятием³. Неотъемлемой составляющей современной российской экономики являются инвестиционные проекты. Социальные инвестиции в здравоохранение – показатель направления развития нашего общества⁴.

Для снижения риска утраты инвестиций необходимо проведение экспертного оценивания проекта. На основе заключения экспертов принимается решение о достижимости целей проекта, возможности получения результатов, соответствующих определенным заранее требованиям. Ответственный инвестор обязан определить плодотворность экспертизы, при этом следует ответить на следующий вопрос: что более рационально, самостоятельно провести оценку рисков проекта или обратиться для этого к специалистам? Ответ на поставленный вопрос зависит от характера инвестиционного проекта⁵, однако в большинстве случаев мнение специалистов оказывается весьма полезным. Поскольку инвестиционные проекты в здравоохранении носят социальный характер, их бюджет часто бывает весьма ограниченным, что существенно влияет на

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Оценка научно-инновационного обеспечения региональных программ в сфере профилактики и лечения сердечно-сосудистых заболеваний» (2013.07.04), поддержанного Грантом на проведение НИР по приоритетным направлениям социально-экономического развития Белгородской области (2013-14 гг.).

² Проект постановления Правительства РФ от 30 августа 2012 г. [О государственной программе «Развитие здравоохранения в Российской Федерации»]. <http://rosminzdrav.ru/reception/projects/o> (обращение 25.11.12)

³ Актуальные вопросы управления здравоохранением / Антонов Д.П. и др. [Под ред. Д.В. Пивеня]. М.: Менеджер здравоохранения, 2008. 139 с.

⁴ Багирова Ю. Т. Социальные инвестиции в здравоохранение: показатели измерения и направления развития [Текст]: Автореф. Дис. на ... канд. экон. наук. Волгоград, 2006. 25 с.

⁵ Оскорбин Н.М., Данько Е.В. Оценка информационной полезности экспертизы инвестиционных проектов // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. №1/1(73). – С. 150–155.

качество экспертного оценивания или приводит к отказу от него. Важным фактором при выборе экспертов является их компетентность, и в немалой степени их личная заинтересованность в реализации эффективных проектов.

В любом случае экспертное оценивание предполагает коммуникацию участников проекта с экспертами, которая при малобюджетных проектах бывает затруднительной. При всём том формы коммуникации в настоящее время очень быстро эволюционируют, всё чаще используются средства массовой цифровой коммуникации, включая относительно дешёвый Интернет. Вместе с тем в социологическом дискурсе онлайн-технологии Рунета, и, прежде всего, касающиеся экспертного оценивания, нуждаются в превращении размытых, неопределённых, во многом интуитивных понятий в строгие категории, в трансляции экспликандов в экспликансы.

В связи с вышеизложенным целью нашего исследования стало изучение возможностей интернет-технологий для экспертной оценки инвестиционных проектов в здравоохранении.

Объектом исследования выбрано экспертное оценивание инвестиционных проектов в здравоохранении с помощью коммуникационных интернет-технологий. Предмет исследования – особенности и потенциальные возможности коммуникационных интернет-технологий в реформировании экспертного оценивания инвестиционных проектов в здравоохранении.

При сравнении сетевых и исходных внесетевых технологий необходимо выяснить вопрос о соотношении компьютерной воображаемой реальности с рутинной действительностью и возможности отнесения Всемирной телекоммуникационной сети к социальной среде. Сегодня ответ безусловно положительный: Интернет обладает всеми свойствам социального континуума, характеристики которого непрерывно меняются. Один из крупнейших социологов современности, специализирующийся в области теории информационного общества М. Castells назвал оформляющееся состояние общественных отношений «реальной виртуальностью»⁶. Важно отметить, что Интернет, как и другие телекоммуникационные технологии, сам меняет мир, становясь неотъемлемой частью повседневной жизни все большего числа людей⁷.

По данным фонда «Общественное мнение» активная аудитория Сети в России в 2012 году достигла 45,1 млн. человек (39%). К активной аудитории Интернета относят его пользователей, выходящих в Сеть хотя бы раз за сутки. Годовой прирост юзеров для суточной аудитории составил 23%, а для выходящих в сеть хотя бы раз за месяц данный показатель равен 14%. При сохранении такой тенденции численность интернет-пользователей в России к концу 2014 года около 80 млн. человек, что составит 71% населения страны старше 18 лет⁸.

Всё изложенное выше не могло не заинтересовать социологов, поэтому глобальная телекоммуникационная сеть как новое необозримое социальное пространство является объектом пристального внимания исследователей. Интернет в настоящее время представляется безбрежным океаном сведений об объектах и предметах социологии, нуждающихся в научном постижении.

В зарубежной социологической науке исследования в Интернете с помощью различного программного обеспечения (онлайн-методы) активно проводятся уже давно. Сначала Интернет осваивался как «вещь в себе», потом как источник информации, и, наконец, в качестве новой глобальной телекоммуникационной технологии. Основываясь на зарубежном опыте российско-американский социолог Б.З. Докторов ещё в 2000 году назвал онлайн-опросы «обыденностью наступившего

⁶ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана]. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

⁷ Лебедев П.А. Возможности, ограничения и особенности процедуры проведения метода онлайн-фокус-группы: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Москва: Ин-т социологии РАН, 2010. с. 26-27.

⁸ Интернет в России: динамика проникновения. Лето 2012, Редакция ФОМ, 05 Октября 2012. URL: <http://runet.fom.ru/Proniknoenie-interneta/10598> http://bd.fom.ru/report/map/pressr_130611

столетия»⁹. Это пророчество в меньшей степени реализовалось в российской социологии: онлайн- исследования не вызывали большого интереса, в центральных социологических журналах публикаций практически не было¹⁰.

В настоящее время в значительной мере отношение отечественной социологии к онлайн-исследованиям меняется. Уже достаточно широко эксплуатируется потенциал количественных онлайн-методов, основанных на больших репрезентативных выборках, довольно строгих статистических моделях. Особенно часто эти исследования используют для анализа спроса на товары и услуги, определения наличной и потенциальной емкости рынка и решения других бизнес-задач. В то же время прогресс в отечественной социологии, связанный с «качественными» онлайн-исследованиями заметить сложнее.

Оценка потенциальной применимости интернет-методологии для проведения социологических исследований позволила выделить особенности интернет-среды.

Миллионы людей, которые уязли во Всемирной паутине, активно участвуют в дискуссиях, спорах, обсуждениях различных аспектов человеческой жизни, используя при этом блоги, социальные сети, форумы Интернета. Если коммуникации, опосредованные компьютером, являются только текстовыми и отсутствует невербальная компонента, взаимодействие становится имперсональным. Физическое отсутствие участников делает общение анонимным. Использование в тексте смайликов для выражения чувств лишь в какой-то степени «оживляет» ситуацию¹¹.

Асинхронность – более или менее выраженный разрыв во времени между высказываниями участников дискуссии – является одной из важных характеристик интернет-коммуникации.

Возможность соблюдения анонимности в интернет-общении может быть расценена как благо, так и как зло. При экспертной оценке сокрытие реальной идентичности помогает эксперту освободиться от ига авторитетов. Физическая автономность участников коммуникации способствует конструированию новой идентичности, символической. Возникает вопрос: насколько сетевая идентичность соответствует натуральной. По мнению некоторых авторов¹² [10] между виртуальной и физической идентичностями в виртуальных сообществах существует очевидная тесная связь. Особенно это заметно в профессиональных социальных сетях, где люди представляют самих себя. Следует учитывать, что участники коммуникаций во многих случаях сознательно или неосознанно искажают свою истинную идентичность.

Коммуникативная онлайн-среда сопряжена с нелинейным повествованием. Пластичность и фрагментарность гипертекстового пространства приводит к тому, что информационное наполнение сообщений становится более важным, чем его временные и пространственные характеристики. Эффективно применять гипертекстовые технологии стало возможным с 1992 года, когда появился WWW и возникли веб-технологии. Вместе с тем интернет-нарратив соединяет в себе как нелинейные, так линейные и формы презентации¹³.

Ограничение естественных генеральных совокупностей пользователями Интернета влияет не только на социально-демографический облик потенциальных экспертов, но, очевидно, и на стиль работы, социальной активности, направления

⁹ Докторов Б.З. Онлайн-опросы: обыденность наступившего столетия // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2000. №4. URL [http://www.pseudology.org/Gallup/On_line Polls.htm](http://www.pseudology.org/Gallup/On_line%20Polls.htm) (дата обращения: 28.11.12)

¹⁰ Лебедев П.А. Возможности, ограничения и особенности процедуры проведения метода онлайн-фокус-группы: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Москва: Ин-т социологии РАН, 2010. С. 26-27.

¹¹ Walther J.B., Anderson J.F., Park D. Interpersonal effects in computer mediated interaction: a meta-analysis of social and anti-social communication // Communication research. 1994. № 21. P. 460-487.

¹² Valentine G., Holloway S. L. Exploring children's identities and social networks in on-line and off-line worlds. [Annals of the association of American geographers] № 92(2), (2002): pp. 313-315.

¹³ Лебедев П.А. Возможности, ограничения и особенности процедуры проведения метода онлайн-фокус-группы: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Москва: Ин-т социологии РАН, 2010. С. 26-27.

векторов предпочтений и, в какой-то мере, на степень профессиональной информированности¹⁴. В работах^{15,16,17} нами исследована Рунет-среда, обращение к которой может быть полезно на этапе подбора экспертов для оценки инвестиционных проектов в сфере здравоохранения.

В среде Интернета существенно ускоряется процесс рекрутинга специалистов, что в первую очередь связано с большой ёмкостью этого социального компартамента. Поиск и подбор экспертов через профессиональные веб- сообщества делает этот процесс ещё более быстрым. Социальная активность, характерная для пользователей интернет-коммуникаций, возможность использования асинхронности и анонимности в работе способствуют сокращению времени формирования группы экспертов.

Сложной задачей является установление оптимального количества экспертов, которое зависит от многих факторов. Прежде всего необходим подсчёт областей знаний, связанных с проектом и числа экспертов по всем областям. В немалой степени размер экспертной группы зависит от бюджета проекта. Онлайн- технологии снижают зависимость результата от перечисленных слагаемых и в малой степени лимитируют максимальное его значение.

Онлайн- технологии позволяют расширительно трактовать понятие «эксперт», и при решении проблем здравоохранения в экспертную группу включать не только прямых или косвенных производителей медицинских услуг, но и их потребителей.

Для комплексного экспертного оценивания проекта необходимы специалисты разных профилей. Все чаще в современном креативном сообществе возникает проблема межпрофессиональной коммуникации. Более того она порождается техническим прогрессом средств телекоммуникации и прежде всего Интернета. Освящённые традицией методики поиска и конгрегации несхожих, часто неординарных специалистов сегодня просто не работают. При отборе участников экспертизы проекта важно соблюсти правило «золотой середины»: с одной стороны гомогенности группы, с другой — вариативности подбираемых специалистов.

В ходе комплектации экспертной группы через Интернет необходимо не только уговорить специалиста, но и удостовериться, что рекрутируемый действительно соответствует критериям эксперта. Это не так просто выполнить в рамках текстовой коммуникации. В спорных ситуациях и для обеспечения лучшего контроля имеет смысл переводить коммуникацию из онлайн в оффлайн.

Просеивание кандидатов в эксперты сокращает время поиска нужных людей. Рационально использовать скрининг предоставляемый профессиональными интернет-сообществами. Интернет открывает возможность доступа к труднодоступным и «узким» целевым группам. Первая в России онлайн панель врачей и медицинских работников «МедМнение» была образована в 2010 году.

Относительно оффлайн-технологий насыщенность коммуникации при онлайн-технологиях ослабевает, что может быть связано с физической обособленностью экспертов. Снижается уровень групповой динамики, если форма экспертного оценивания предполагает дискуссию. В оптимальной форме дискуссия должна приближаться к синхронному формату: промежуток времени между высказываниями не должен превышать одного часа, каждый участник высказывается не меньше двух раз по каждому актуальному вопросу, эксперты общаются с модератором и друг с другом.

---

¹⁴ Лебедев П.А. Возможности, ограничения и особенности процедуры проведения метода онлайн-новой фокус-группы: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Москва: Ин-т социологии РАН, 2010. С. 26-27.

¹⁵ Нестерова Е. В., Нестеров В. Г. Характеристика медицинской аудитории рунета // Кубанский научный медицинский вестник. 2009.- №7. С. 104-108.

¹⁶ Анализ использования глобальной телекоммуникационной сети информационных ресурсов врачами-терапевтами поликлиник / Нестеров В.Г., Игрунова С.В., Нестерова Е.В., Зайцева Т.В., Пусная О.П., Нестеров Д.В., Цоцорина Н.В. // Современные исследования социальных проблем: электронный журнал, 2011. Т 7. № 3. URL: <http://sisp.nkras.ru/issues/2011/3/nesterov.pdf> (дата обращения: 6.10.2011)

¹⁷ Ломазов В.А. Автоматизация анализа полноты и достоверности результатов социологических опросов // Фундаментальные и прикладные проблемы техники и технологии. 2007. № 4. С. 243-247.

Однако чаще именно предполагаемая асинхронность общения позволяет повысить эффективность формирования группы экспертов. Участники асинхронных экспертных процедур, длительность которых составляет несколько дней, параллельно включены в разные сферы своей деятельности. С одной стороны это отвлекает от взаимодействия с модератором экспертизы, с другой – делает высказывания более продуманными, взвешенными. При правильном подборе экспертов их параллельная деловая активность способствует рефлексии реальной действительности, что улучшает качество экспертизы. Гипертекстовость Интернета при асинхронном экспертном оценивании позволяет специалисту участвовать одновременно в обсуждениях нескольких вопросов.

Использование интернет-коммуникаций увеличивает комфортность условий работы специалистов, поскольку возникает возможность построить индивидуальный график работы в экспертной группе¹⁸.

Экспертное оценивание реализуется на интернет-платформах. Именно их качество во многом определяет комфортабельность условий работы специалистов. Требования к площадке для онлайн-экспертизы может быть много, но главными являются сохранение истории обсуждения и создание таким образом «живого» транскрипта, наличие учетных записей для эвентуальной идентификации автора, возможность закрытого обсуждения проблем, дружелюбность интерфейса коммуникационной платформы. Будущие социологические методы, вероятно, будут связаны с интернет-платформами так же жестко, как до этого экспертные процедуры были прикреплены к физическому местонахождению специалиста, к его месту проживания и работы.

Комфортность работы, независимость участия от физического присутствия, асинхронность коммуникации снижают текучесть специалистов при экспертном сопровождении проекта на всех этапах его реализации.

Интернет обеспечивает возможность текстового общения, голосовой и визуальной связи между людьми, а значит предоставляет экспертам широкий и свободный выбор форм оценивания инвестиционных проектов. По количеству возможных итераций внесетевые методы не могут даже приблизиться к онлайн-овым.

Согласованность оценок экспертов при сетевой работе меньше, чем при работе вне сети, что объясняется демократизацией экспертизы и большей свободой от ига авторитетов. Однако при этом время получения согласованных оценок при использовании Интернета уменьшается.

Несмотря на то, что коммуникационные интернет-технологии обладают несомненным превосходством относительно традиционных оффлайн-методов, они ещё не пользуются доверием участников проектов, и при экспертном оценивании инвестиционных проектов в здравоохранении практически не используются. В неоднозначных обстоятельствах для обеспечения надёжного контроля за проектом имеет смысл переводить коммуникацию из онлайн в оффлайн.

Стремительное формирование новой коммуникационной среды абсолютным большинством социологов рассматривается как безусловно позитивный и прогрессивный процесс, но встречается и «осторожное» отношение к этому явлению. Так указывают на технологическую возможность практически каждому человеку оказывать влияние на микро- и макроэкономические процессы через Интернет¹⁹, а значит и на характер принятия решений в отношении инвестиций в здравоохранение. Излишняя открытость сетевого экспертного оценивания может приводить к популистским решениям. При этом защитные механизмы от чрезмерного влияния заинтересованных частных лиц и отдельных компаний на результаты экспертизы или не предусмотрены или слабы, что

¹⁸ Тоценко В.Г., Цыганок В.В., Ивашкевич Н.В. Исследование методов группового экспертного оценивания экспертами при работе в INTERNET // Реєстрація, зберігання і обробка даних. 2004. Т. 6. № 2. С.81-87.

¹⁹ Розанов Ф.И. Тенденции и «зоны риска» социально-экономической трансформации информационного общества // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), 2012. №9(17), www.sisp.nkras.ru

объясняется генетической технологической независимостью глобальных коммуникационных сетей.

В то же время цифровые технологии могут быть с успешно применены для анализа полноты и достоверности результатов социологических опросов²⁰.

Описанные проблемные ситуации, должны стать поводом для проведения основательных социологических исследований в Интернете.

Таким образом, целый ряд факторов определяет конкурентные преимущества онлайн-коммуникаций при экспертизе проекта относительно исходных внесетевых технологий.

Формирование группы экспертов через профессиональные веб-сообщества существенно ускоряется, при этом удаётся привлечь к работе наиболее квалифицированных экспертов разных специализаций, которых при традиционных технологиях невозможно собрать в одном месте и в одно время для работы в группе. Проще решается вопрос по оптимальному количеству привлекаемых экспертов.

Использование интернет-коммуникаций увеличивает комфортность условий работы специалистов, поскольку возникает возможность построить индивидуальный график работы. Подобранный интернет-группа экспертов способна сопровождать проект на всех этапах его реализации.

Выбор формы экспертного оценивания при онлайн-методах более свободный. По количеству возможных итераций внесетевые методы уступают онлайн-методам.

Согласованность оценок экспертов при сетевой работе меньше, чем при работе вне сети, что объясняется демократизацией экспертизы и большей свободой от ига авторитетов.

Время получения согласованных оценок при использовании Интернета уменьшается, стоимость экспертизы снижается, что особенно важно при малобюджетных социальных инвестиционных проектах в здравоохранении.

Несмотря на явные коммуникационное превосходство относительно традиционных оффлайн-методов, онлайн-технологии не пользуются доверием участников инвестиционных проектов при их экспертном оценивании, что должно стать поводом для проведения основательных социологических исследований.

Выводы

Операционные характеристики интернет-коммуникаций позволяют ускорить, улучшить и удешевить экспертное оценивание инвестиционных проектов в сфере здравоохранения.

Несмотря на большие потенциальные коммуникационные возможности, онлайн-технологии при экспертном оценивании инвестиционных проектов в здравоохранении практически не используются, что должно активизировать социологические исследования в этой области.

Исследование выполнено в рамках проекта «Оценка научно-инновационного обеспечения региональных программ в сфере профилактики и лечения сердечно-сосудистых заболеваний» (2013.07.04), поддержанного Грантом на проведение НИР по приоритетным направлениям социально-экономического развития Белгородской области (2013-14 гг.).

Список литературы

1. Проект постановления Правительства РФ от 30 августа 2012 г. [О государственной программе «Развитие здравоохранения в Российской Федерации»]. <http://rosminzdrav.ru/reception/projects/o> (обращение 25.11.12).
2. Актуальные вопросы управления здравоохранением / Антонов Д.П. и др. [Под ред. Д.В. Пивеня]. М.: Менеджер здравоохранения, 2008. 139 с.
3. Багирова Ю. Т. Социальные инвестиции в здравоохранение: показатели измерения и направления развития [Текст] : Автореф. Дис. на ... канд. экон. наук. Волгоград, 2006. 25 с.

²⁰ Ломазов В.А. Автоматизация анализа полноты и достоверности результатов социологических опросов // Фундаментальные и прикладные проблемы техники и технологии. 2007. № 4. С. 243-247.

4. Оскорбин Н.М., Данько Е.В. Оценка информационной полезности экспертизы инвестиционных проектов // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. №1/1(73). – С. 150–155.
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура [Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана]. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
6. Лебедев П.А. Возможности, ограничения и особенности процедуры проведения метода онлайн-фокус-группы: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Москва: Ин-т социологии РАН, 2010. с. 26-27.
7. Интернет в России: динамика проникновения. Лето 2012, Редакция ФОМ, 05 Октября 2012. URL: <http://runet.fom.ru/Proniknovenie-interneta/10598>
http://bd.fom.ru/report/map/pressr_130611
8. Докторов Б.З. Онлайн-опросы: обыденность наступившего столетия // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2000. №4. URL http://www.pseudology.org/Gallup/On_line_Polls.htm (дата обращения: 28.11.12)
9. Walther J.B., Anderson J.F., Park D. Interpersonal effects in computer mediated interaction: a meta-analysis of social and anti-social communication // Communication research. 1994. № 21. P. 460-487.
10. Valintine G., Holloway S. L. Exploring children's identities and social networks in on-line and off-line worlds. [Annals of the association of American geographers] № 92(2), (2002): pp. 313-315.
11. Нестерова Е. В., Нестеров В. Г. Характеристика медицинской аудитории рунета // Кубанский научный медицинский вестник. 2009.- №7. С. 104-108.
12. Анализ использования глобальной телекоммуникационной сети информационных ресурсов врачами-терапевтами поликлиник / Нестеров В.Г., Игрунова С.В., Нестерова Е.В., Зайцева Т.В., Пусная О.П., Нестеров Д.В., Цоцорина Н.В. // Современные исследования социальных проблем: электронный журнал, 2011. Т 7. № 3. URL: <http://sisp.nkras.ru/issues/2011/3/nesterov.pdf> (дата обращения: 6.10.2011).
13. Тоценко В.Г., Цыганок В.В., Ивашкевич Н.В. Исследование методов группового экспертного оценивания экспертами при работе в INTERNET // Реестрация, зберігання і обробка даних. 2004. Т. 6. № 2. С.81-87.
14. Розанов Ф.И. Тенденции и «зоны риска» социально-экономической трансформации информационного общества // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), 2012. №9(17), www.sisp.nkras.ru
15. Ломазов В.А. Автоматизация анализа полноты и достоверности результатов социологических опросов // Фундаментальные и прикладные проблемы техники и технологии. 2007. № 4. С. 243-247.

EXPERT EVALUATION OF INVESTMENT PROJECTS IN HEALTH WITH INTERNET TECHNOLOGIES

E. V. NESTEROVA¹⁾

V. G. NESTEROV²⁾

S. V. IGRUNOVA³⁾

V. I. LOMAZOVA⁴⁾

Belgorod State Unive-rsity

¹⁾*e-mail:*
nesterova@bsu.edu.ru

²⁾*e-mail:*
valnest@inbox.ru

³⁾*e-mail:*
Igrunova@bsu.edu.ru

⁴⁾*e-mail:*
lomazova@bsu.edu.ru

In line with the goal of exploring the potential of the global system of integrated computer network (the Internet) in the organization of projects expert evaluation of investment in health care.

As a result of the work identified the main factors that determine the competitive advantages of online communications for the examination of the project with respect to the initial out-of-network technology. Formation of a group of experts with the Internet is accelerating. The use of internet communication increases comfortable working professionals because there is the possibility to build a personal schedule. Through professional web community can attract the most qualified experts, which can not be collected in one place at one time to work in a group with traditional technologies. Selected group of online experts can accompany the project at all stages of its implementation.

The results can be used in the field of sociology of global telecommunications, social investment policy.

Keywords: Internet technology, expert evaluation, social investment projects, health care.

УДК 167/168:001.8:001.2:502/504

КОНЦЕПТ ДИНАМИЧЕСКОЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ОСМЫСЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА НЕЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СТУДИЙ

Д. И. ЧОРНОМОРДЕНКО*Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко**e-mail: demon.killer@mail.ru*

В статье предложен анализ понятия „динамическая междисциплинарность” в контексте экологии. Автор акцентирует внимание на необходимости объединения усилий и методов представителей различных наук с целью формирования эффективной экологической теории. Также предложено объяснение причин неэффективности некоторых экологических студий.

Ключевые слова: экологическая проблема, междисциплинарность, экологический мониторинг, «динамическая междисциплинарность», экологическая рациональность, научная коммуникация, рефлексивный субъект.

Экологический мониторинг признается отраслью экологической науки и природоохранной деятельности, сущностью которой является динамизм и междисциплинарность как атрибуты специфического созерцания и анализа внешней среды с целью рационального контроля воздействия человека на природу или, другими словами, сущность экологического мониторинга заключается в «наблюдении за окружающей средой, оценке его фактического состояния, прогнозировании его развития...»¹.

Как можно увидеть из литературы экологического содержания^{2 3 4 5 6}, динамизм является неотъемлемой характеристикой такого познания. Например, рассуждение о том, что «Информация о состоянии окружающей среды нужна в повседневной жизни людей, их хозяйственной деятельности, особенно ценна она при чрезвычайных ситуациях, во время которых динамично меняются события, приходится оперативно принимать необходимые, часто нестандартные решения»⁷.

Однако, можно обнаружить определенную сложность в осмыслении роли междисциплинарных динамических мониторинговых исследований. Она заключается в злоупотреблении идеей «единой науки», которая олицетворяется в рассуждении, что «не стоит недооценивать и обмен результатами работы. Хотя группы решают разные задачи, нельзя забывать, что экология – единая наука. Непосредственный обмен экологической информацией, обсуждения методологических вопросов является очень полезным, так как повышает общий профессиональный уровень участников встреч, расширяет их мировоззрение»⁸.

Приведенные выше рассуждения, по нашему мнению, являются сущностными для развития экологического знания, поскольку позволяют обратить внимание на необходимость рефлексивного взаимодействия между исследователями комплексных эко-

¹ Клименко Н. А. Мониторинг окружающей среды: Учебник / Н. А. Клименко, А. Н. Прищеп, Н. Н. Вознюк. – К.: Издательский центр «Академия», (Альма-матер). 2006. – С. 8.

² Гардашук Т. В. Концептуальные измерения экологизма / Т. В. Гардашук. К: Издательство ПАРАПАН, 2005. – 200 с.

³ Киселев Н. Н. Экологические измерения глобализации / Н. Н. Киселев, Т. В. Гардашук. Монография. – К.: Изд. ПАРАПАН, 2006. – 260 с.

⁴ Клименко Н. А. Мониторинг окружающей среды: Учебник / Н. А. Клименко, А. Н. Прищеп, Н. Н. Вознюк. – К.: Издательский центр «Академия», (Альма-матер). 2006. – 360 с.

⁵ Мониторинг окружающей среды: учебник / [Боголюбов В. Н., Клименко Н. А., Мокин В. Б. и др.]; под ред. В. Н. Боголюбова [2-е изд., перераб. и доп.]. – Винница : ВНТУ, 2010. – 232 с.

⁶ Экологический мониторинг: шаг за шагом / Е. В. Веницианов и др., Под ред. Е.А. Заика. – М.: РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2003. – 252 с.

⁷ Клименко Н. А. Мониторинг окружающей среды: Учебник / Н. А. Клименко, А. Н. Прищеп, Н. Н. Вознюк. – К.: Издательский центр «Академия», (Альма-матер). 2006. – С. 7.

⁸ Экологический мониторинг: шаг за шагом / Е. В. Веницианов и др., Под ред. Е.А. Заика. – М.: РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2003. – С. 11.

гических проблем. И, в связи с этим, необходимым, по нашему мнению, является формулировка того, что мы считаем феноменом, который отображает результат недостаточности анализа экологических проблем и необходимость в рефлексивно-динамическом взаимодействии между исследователями комплексных экологических проблем. Так, под «феноменом неэффективности экологических студий» мы понимаем экологистичный способ отношения к экологическим проблемам, то есть, их изучение и анализ с позиции конкретных случаев, которые беспокоят экологистов. В то время как «динамическая междисциплинарность» позволяет нам говорить о всестороннем анализе проблем, где составляющими такого анализа является совокупность различных дисциплинарных позиций. Такие позиции, в свою очередь, должны быть гармонично взаимосогласованными на методологическом уровне в понимании комплексных экологических проблем и моделей дальнейшего развития объекта, исследуемого на основании имеющихся совместно полученных результатов.

Отсюда видно, что можно говорить о междисциплинарности, в частности ее наличие представляется на примере того, что экологический мониторинг «как отрасль экологической науки основывается на общих экологических законах и взаимодействует с естественными, географическими и техническими науками»¹.

Данные соображения дают нам основания утверждать, что в ряде исследований^{2,3,4}, прослеживается обоснование необходимости постоянного взаимодействия различных отраслей науки для решения общих проблем. В данном, конкретном случае, проблем экологических.

По мнению российских исследователей, занимающихся проблемами экологического мониторинга (Е. В. Веницианов, В. Н. Виниченко, Т. В. Гусева, С. Д. Дайман, Е. А. Заика, Я. П. Молчанова, В. А. Сурнин, М. В. Хотулева) [10], говоря о функционировании сети общественного экологического мониторинга межрегионального (международного уровня) необходимо учитывать следующие основные принципы: 1. Единство целей; 2. Совместная методология; 3. Работа над общими программами и проектами; 4. «Децентрализованное взаимодействие»; 5. Способность к саморазвитию⁵.

На примере таких исследований как экологический мониторинг, можно убедиться в необходимости фиксации разнообразия необходимых, определенных конкретной проблемой, отраслевых знаний, и овладении ими в использовании междисциплинарности экологических исследований атрибутом которой является динамизм знания.

Учитывая большую сложность экологических проблем, необходимым условием их рассмотрения, должен быть междисциплинарный подход. Онтологически конституирующей такой подход, можно считать позицию отечественной исследовательницы Гардашук Т. В., которая во вступлении к монографии под названием «Концептуальные параметры экологизма» вводит важное, на наш взгляд, рассуждение. Оно заключается в том, что «...решения современной экологической проблематики, оптимизации и гармонизации отношений человека и природы, общества и окружающей среды, преодоление экологического и гуманитарного кризисов возможно только благодаря объединению различных усилий и подходов, определения дальнейшей стратегии развития человечества, а не абсолютизации одних подходов и игнорирование других»⁶.

Иными словами, можно сказать о том, что в отличие от дисциплинарно локального поиска путей гармонизации отношений в системе «человек – природа», теперь актуализируется другая задача, а именно: поиск и установление рациональной коммуникации исследователей комплексных экологических проблем. Такой подход к рассмотрению экологических проблем требует дискурса в экологически рациональных категориях, поскольку представители различных наук должны понимать друг друга.

¹ Клименко Н. А. Мониторинг окружающей среды: Учебник / Н. А. Клименко, А. Н. Прищеп, Н. Н. Вознюк. – К.: Издательский центр «Академия», (Альма-матер). 2006. – С. 8.

² Там же.

³ Мониторинг окружающей среды: учебник / [Боголюбов В. Н., Клименко Н. А., Мокин В. Б. и др.]; под ред. В. Н. Боголюбова. [2-е изд., перераб. и доп.]. – Винница : ВНТУ, 2010. – 232 с.

⁴ Экологический мониторинг: шаг за шагом / Е. В. Веницианов и др., Под ред. Е.А. Заика. – М.: РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2003. – 252 с.

⁵ Там же.

⁶ Гардашук Т. В. Концептуальные измерения экологизма / Т. В. Гардашук. К: Издательство ПАРАПАН, 2005. – С. 8.

Опираясь на данные отечественных исследователей проблем экологии и экологических вопросов (Водопьянов П. А., Гардашук Т. В., Депенчук Н. П., Деркач В. Л., Ермоленко А. Н., Киселев Н. Н., Крисаченко В. С., Сидоренко Л. И., Хилько Н. И. и др.), можно выделить обобщающую об имеющихся исследованиях точку зрения, которая представляет позицию, предшествующую, по нашему мнению, появлению экологической рациональности, как подхода, который отражает необходимость появления междисциплинарного взаимопонимания, рационального отношения к сложным комплексным экологическим проблемам, поскольку разные люди понимают, что «Если говорить о вызовах современной цивилизации, то главное место среди них, безусловно, занимают экологические»¹.

В свою очередь, понятие «динамической междисциплинарности», содержательно демонстрирует идею коммуникативного сочетания ученых разных отраслей с собственным отличным методологическим аппаратом, общей проблемой. Это создает специфическое коммуникативное поле, в котором происходит взаимное познавательное движение мыслей, знаний, методов, а также проверка гипотез и понимание новых граней проблемы с установлением дальнейших планов относительно будущей реализации совместного опыта.

Как известно, на сегодняшний день существует большое количество разнообразных проблем в науке, которые можно описать общей характеристикой – методологической ограниченностью и отсутствием междисциплинарного уровня эмпирических исследований в том смысле, в котором один из основателей эволюционной эпистемологии – Д. Кэмпбелл говорит о необходимости органического сочетания количественного и качественного методов проведения эксперимента для необходимости достижения желаемого результата. Здесь, он имеет в виду ситуацию, в которой исследователь должен овладеть сложным искусством сочетания математической точности вывода и адекватного представления о существенных характеристиках динамически изучаемого объекта, в ситуации когда сам объект является динамическим².

Однако, стоит заметить то, что Кэмпбелл обсуждает возможности и проблемы надежности измерительных процедур относительно динамичности объекта и того, что может обеспечивать валидность научного вывода, в основном в социальных науках. С другой стороны, можно согласиться с позицией У. Бека, которая представлена в его труде «Общество риска. На пути к другому модерну»³. По его мнению, среди множества глобальных рисков, которые возникают наряду с производством и распределением благ одним из главных и наиболее наглядных является экологический. Его обеспокоенная научная и общественная позиция по проблемам окружающей среды сосредотачивается на том, что «Эти проблемы рассматриваются главным образом в плане природы и техники, экономики и медицины. Удивительным при этом является то, что разрушительная индустриальная нагрузка на окружающую среду и ее многообразные воздействия на здоровье и жизнь людей в высокоразвитых обществах сопровождается исчезновением общественного мнения»⁴. Соответственно, такая ситуация не является экзистенциализованной. Иными словами, при предоставлении общественности данных по неутешительному экологическому состоянию окружающей среды и попытках делать выводы, касающиеся жизни людей, оказывается несостоятельность существующего способа их осмысления, с одной стороны, а с другой – люди и сами масштабы угрозы, которая над ними нависла, элиминируются с последующим ведением речи только о вредных веществах и их распределении и влиянии на регион⁵.

Из вышесказанного следует, что «дискуссия которая ведется в естественнонаучных категориях о вредных воздействиях, таким образом, выходит из ложного умозаключения, что биологические факторы не связаны с социальными, или из такого рассмотрения природы и окружающей среды, который исключает из круга своих интересов выборочную угрозу людям и связанные с ними социальные и культурные смыслы»⁶.

¹ Киселев Н. Н. Экологические измерения глобализации / Н. Н. Киселев, Т. В. Гардашук. Монография. – К.: Изд. ПАРАПАН, 2006. – С. 30.

² Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. / Д. Кэмпбелл. М.: Прогресс, 1980. – 260 с.

³ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; [Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой. Послесл. А. Филипова]. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

⁴ Там же. – С. 29.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 29.

Такая трактовка экологических проблем является, по нашему мнению, антиреалистичной в том смысле, что каким бы ни было влияние природы на человеческое сознание и ее материальное воплощение, мы всегда будем находиться в ситуации онтологии, как категории, включающей в себя экологию, особенно сейчас. Поэтому, внимание нужно обращать на возможность рационального приспособления к окружающей изменчивости в условиях установления контролируемой культурой стабильности в понимании вещей, событий и явлений.

В свою очередь, в рамках эволюционной эпистемологии, на основе идеи рефлексизирующего субъекта, обосновывается метод, который можно назвать динамическим исследованием. Данное исследование происходит посредством проведения на основе теоретически обоснованной гипотезы экспериментальных студий, результаты которых рассматриваются как основа внесения обоснованных изменений в базовую гипотезу с последующей организацией эмпирического исследования на основе обновленной фактами гипотезы.

Автор указанного метода, американский ученый Д. Кэмпбелл, разрабатывал и исследовал круг таких проблем: методология и методика исследований, проблемы планирования экспериментов, разработка моделей экспериментальных и прикладных исследований, валидности полученных данных, достоверности и надежности научных выводов и рекомендаций¹. В его работе «Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях» в основном рассматривается вопрос о роли эксперимента, экспериментального метода в гуманитарных науках, в частности в социальной психологии. А также то, какую роль могут приобретать различные дисциплины гуманитарного знания из-за отсутствия или наличия в эпистемологическом арсенале определенной науки экспериментального метода познания. В рамках установок критического рационализма эти исследования актуализируют методологический арсенал рефлексизирующего субъекта, в условиях распространения постнеклассического идеала научной рациональности самоидентифицируется экзистенциализованным осмыслением феномена неэффективности экологических студий.

Для нашего исследования указанный подход интересен тем, что позволяет увидеть функции и рамки эффективности метода как схемы условий построения теории и хода эксперимента, который осуществляет рефлексизирующий субъект.

Учитывая то обстоятельство, что объектом нашего исследования являются экологические исследования в широком смысле, можем признать, что экологическая рациональность в связи с научной динамичностью нуждается именно в рефлексизирующем субъекте и его более глубокой интеграции в науку. Его внедрение возможно благодаря экологически рациональной установке, предусматривающей осмысленное отношение к экологическим проблемам с целью их устранения. А это, в свою очередь, возможно посредством привлечения к реализации опытно-экологических междисциплинарных программ экспериментального метода, как валидного для различных ученых. Важность эксперимента в экологических исследованиях очевидна с позиции, которая представлена коэволюционным подходом.

С методологической точки зрения для нас важно, что динамическое исследование актуализирует проблему качества научного знания, вопрос преимуществ и недостатков количественного и качественного знания. Обеспечивает ли строгое соблюдение количественных методов валидность выводов, или их обеспечивает то, что находится за пределами надежности измерительных процедур? Рассмотрение данной проблемы Кэмпбелл называет «deskриптивной эпистемологией» желая подчеркнуть, что анализ который он предлагает «есть философское осмысление реальной исследовательской практики, осуществляемой самим исследователем»².

В ситуации осознанного Д. Кэмпбеллом диссенсуса между сторонниками количественного и качественного знания в науке, он предлагает вывод, который заключается в том, что главным не является преимущество одного метода над другим, а в том, чтобы они гармонично сочетались. По нашему мнению, такое рассуждение Кэмпбелла можно экстраполировать в предметное поле экологического познания, где большое значение

¹ Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. / Д. Кэмпбелл. М.: Прогресс, 1980. – С. 8.

² Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. / Д. Кэмпбелл. М.: Прогресс, 1980. – С. 10.

имеет эксперимент и экспериментальная практика, в основном означающая проведение мониторинга окружающей среды в пределах согласованности и налаженного сотрудничества между различными исследователями как представителями различных дисциплин и их беспристрастным отношением к действительности представленной эмпирией.

Пользуясь терминологией Д. Кэмпбелла в рамках подхода эволюционной эпистемологии можно охарактеризовать роль связей между представителями различных наук для решения общих экологических проблем в виде необходимо непредвзятого отношения через призму профессионального опыта ученого к объекту изучения. Иными словами, для Д. Кэмпбелла, специфика науки требует того, чтобы исследователи овладели сложным искусством сочетание математической точности заключения и адекватного представления о существенных характеристиках изучаемого объекта¹.

В нашем же случае, такое толкование раскрывает сущность динамической междисциплинарности в смысловом поле экологических проблем. Данный феномен, предстает в виде специфического отношения между ученым с конкретной, дисциплинарно определенной областью знания и проблемой (или спектром проблем), которая объединяет разрозненное множество представителей других дисциплинарных направлений, отраслей знания. Такое объединение преследует цель, которая может быть сформулирована как – устранение, решение проблемы, которая является неразрешимой в рамках одной науки, демонстрирует необходимость непрерывно динамического учета результатов достижения представителей других дисциплин в работе по общей проблеме, которая требует постоянной актуализации множества иногда несоизмеримых подходов, моделей, методов (биологов, химиков, физиков, философов, экономистов и т.д.).

Вышесказанное предполагает рациональное, сознательное отношение любого ученого из конкретной области знания, осознающего собственную методологическую ограниченность по решению сложных комплексов экологических проблем, к другому ученому, который представлен иной областью знания с присущими ей методами и средствами решения проблем. Однако, такая разрозненность комплексного объединения предусматривает минимальный уровень консенсуса в пределах выявленного интереса к общей проблеме, который инвариантно презентуется фактами.

На примере государственной политики отдельной страны, можно обозначить, что непременным атрибутом ее работы обычно являются попытки достижения консенсуса в рамках научного сообщества по комплексным проблемам, в частности экологическим.

Представители образовательного сектора, как можно убедиться из анализа относительно современных (2010 г.) учебников по экологии, носят в основном утилитарную ориентацию, а следовательно, чисто практический, по нашему мнению, взгляд на экологические проблемы. Вряд ли можно говорить о наличии в виде зафиксированного в форме новых знаний, комплексного плана мероприятий. Пока можно говорить о неэффективности существующих подходов к решению комплекса экологических проблем и рано констатировать очевидность полезности просветительско-этической миссии экологически направленных дисциплин.

Недостатком утилитарно-практического видения экологии является замкнутость обсуждения и рассмотрения вопросов на обыденном уровне и спектра экологических проблем на их локальности и установлении акцента на экономической целесообразности, полезности деятельности, которая в нее входит и ею измеряется. Иными словами, сложность междисциплинарного комплекса экологических проблем стремятся преодолеть путем отказа от научного уровня их обработки.

Учитывая это, следует обозначить, что научные основы деятельности ученых, которые должны быть усвоены обществом в целом, должны отойти от рассуждения о том, что «Экономист должен быть экологом, а эколог экономистом»², а также того, что экологический менеджмент и экологический аудит способны уберечь природные ресурсы и повлиять на их рациональное использование.

Зато, можем признать как желаемый и необходимый процесс органичного включения в предварительно созданную иерархию экологической рациональности как целостного принципа ориентирования и понимания экологических проблем в их глобаль-

¹ Там же.

² Мягченко А. П. Основы экологии. / А. П. Мягченко. Учебник. – К.: Центр учебной литературы, 2010. – С. 3.

ном смысле, уже имеющиеся взгляды. Таким образом, вышеназванные направления знаний в виде (дисциплин, образовательных программ), могут быть использованы в качестве компонентов в системе экологического знания, которая создана с позиции экологической рациональности и предусматривает междисциплинарность в основе которой заложен динамизм.

Иными словами, можно сказать о том, что само существование экологического мониторинга, как области экологического познания свидетельствует на онтологическом уровне идею отсутствия единого метода решения экологических проблем. А также необходимость привлечения различных отраслей знания к такой научной коммуникации и сотрудничеству, которое будет формировать нормальное состояние развития исследований в ситуации перманентных изменений, с необходимостью требующих включения результатов исследовательской деятельности к дальнейшему развитию этой исследовательской деятельности. На основании этого, должно происходить принятие решений как следствия междисциплинарной коммуникации в условиях осознания невозможности предсказать последствия без формирования междисциплинарных прогностических моделей. Основой методологии понимания указанной исследовательской деятельности может быть признана так называемая динамическая междисциплинарность.

Список литературы

1. Клименко Н. А. Мониторинг окружающей среды: Учебник / Н. А. Клименко, А. Н. Прищепа, Н. Н. Вознюк. – К.: Издательский центр «Академия», (Альма-матер). 2006. – 360 с.
2. Гардашук Т. В. Концептуальные измерения экологизма / Т. В. Гардашук. К: Издательство ПАРАПАН, 2005. – 200 с.
3. Киселев Н. Н. Экологические измерения глобализации / Н. Н. Киселев, Т. В. Гардашук. Монография. – К.: Изд. ПАРАПАН, 2006. – 260 с.
4. Мониторинг окружающей среды: учебник / [Боголюбов В. Н., Клименко Н. А., Мокин В. Б. и др.]; под ред. В. Н. Боголюбова. [2-е изд., перераб. и доп.]. – Винница : ВНТУ, 2010. – 232 с.
5. Экологический мониторинг: шаг за шагом / Е. В. Веницианов и др., Под ред. Е.А. Заика. – М.: РХТУ им. Д. И. Менделеева, 2003. – 252 с.
6. Кэмпбелл Д. Модели экспериментов в социальной психологии и прикладных исследованиях. / Д. Кэмпбелл. М.: Прогресс, 1980. – 260 с.
7. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; [Пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой. Послесл. А. Филлипова]. – М.: Прогресс- Традиция, 2000. – 384 с.
8. Методическое пособие по дисциплине «Экологический мониторинг»: Учебное пособие / Под ред. Г. И. Хараева. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2004. – 77 с.
9. Мягченко А. П. Основы экологии. / А. П. Мягченко. Учебник. – К.: Центр учебной литературы, 2010. – 312 с.
10. Экологическое управление: Учебник / В. Я. Шевчук, Ю. Н. Саталкин, Г. А. Билявский и др. – К.: Лыбидь, 2004.

THE CONCEPT OF DYNAMIC INTERDISCIPLINARY AS A RESULT OF COMPREHENSION OF INEFFECTIVE ENVIRONMENTAL STUDIOS

D.I. CHORNOMORDENKO

*Taras Shevchenko
National University of Kyiv*

e-mail: demon.killer@mail.ru

The article offers an analysis of the concept of "dynamic interdisciplinary" in the context of ecology. The author stresses the necessity of joint efforts and methods from different sciences to form an effective ecological theory. Also proposed an explanation of the reasons for the ineffectiveness of some ecological studios.

Key words: environmental problem, interdisciplinarity, environmental monitoring, "dynamic interdisciplinarity", ecological rationality, scientific communication, which reflects the subject.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НОВОВВЕДЕНИЙ

Л.В. СОЛОВЬЕВА

*Белгородский университет
кооперации, экономики
и права*

e-mail:

SolovevaLV@live.bukep.ru

Исследование проблем социальной инноватики определяет необходимость рассмотрения взаимодействия инновации и экономики. В статье рассматриваются проблемы, связанные с затратами и доходами в инновационном процессе. За исходное условие принимается тот факт, что инновации в социальной сфере не могут реализовываться без требуемых инвестиций, без определенных финансовых вложений, материальных и технических затрат.

Ключевые слова: социальная инноватика, инновационный механизм, экономика, рыночные отношения, инновационно-инвестиционный климат, социальные приоритеты.

Исследование проблем социальной инноватики определяет необходимость рассмотрения взаимодействия такой бинарной пары, как инновации и экономика. Известно, что понятие «экономические нововведения» - предмет типологии инноваций, который больше затрагивает его экономические, чем социальные грани.

Зарубежные экономисты использовали теорию длинных волн русского ученого Н.Д. Кондратьева для обоснования циклических кризисов производства и рыночного спада, борьбы с ними за счет радикальных технико-экономических решений. Это привело к тому, что разные, особенно современные, теории маркетинга стали основываться не только на ценовом, но и на инновационном механизме.

Рассмотрим лишь ту часть проблем, которая связана с затратами и доходами в самом инновационном процессе. При этом за исходное условие следует принять тот неопровержимый факт, что инновации в необходимых по значимости масштабах не могут существовать без определенных финансовых вложений, материальных и технических затрат. Тем более, что не в состоянии обеспечивать себя без требуемых инвестиций различные нововведения, предназначенные для социальной сферы.¹

Участие в разработке идеи, технологии внедрения, организации тиражирования и эффективной эксплуатации определенной инновации имеет свою цену. Здесь важна каждая доля участия, как в производстве товара, продукции, так и при реализации коммерческого проекта. Следовательно, экономический принцип действует на всех стадиях нововведения.

Он присутствует незримо в масштабах государства, региона, предприятия, организации, любого местного социального объекта. В этом плане особой разницы между ними нет. Поэтому не имеет смысла искать ее, когда говорят о принципиальной схеме экономических отношений в инновационной деятельности.

Структура этой схемы достаточно проста, но за всеми ее элементами скрыты сложные взаимоотношения и взаимозависимости. Их сущность заключается в том, что инновационная деятельность является важным фактором экономического развития социума, так как нововведения поддерживают относительно стабильное воспроизводство национального богатства. Выполнение этого условия, в свою очередь, создает предпосылки развития инновационных процессов.

Внешне все складывается по правилам обычной диалектики. Но в жизни и на практике дела обстоят не так. Как отмечает В.Н. Архангельский, с точки зрения повседневной производственной деятельности затратные инновации неэффективны. Они отвлекают ресурсы от текущего распределения, предлагая получение эффекта в будущем.

¹ Усманов Б.Ф. Социальная инноватика: Учебное пособие. – М.: Институт молодежи, 2000. С. 45.

Поэтому названная взаимозависимость почти не срабатывает. В период экономического кризиса инновационные и инвестиционные процессы вообще резко замедляются.¹

Следовательно, снижать инновационную активность и сокращать инвестиции составляют объективные обстоятельства. При этом также срабатывает психология «мнимой пользы»: перераспределение ресурсов не в пользу инноваций на какое-то время заметно снимает напряженность бюджета, а социальные нужды на месяц-другой оказываются нормально обеспеченными.

Однако это не более чем, как говорят в налоговой инспекции, «отложенный штраф». Очевидна неизбежность наказания за несвоевременность жизненно важных вложений. Если государство, пусть даже в условиях экономического кризиса, не уделяет должного внимания сохранению и развитию своего общественного и научно-производственного потенциала, воспроизводству основных ресурсов, социальной защите своих граждан, оно обрекает себя на еще больших размеров упадок.

В мировой практике, подчеркивает В.Н. Архангельский, определены рациональные периоды смены базовых технологий и оборудования. Они, например, для предприятий обрабатывающей промышленности составляют соответственно – для технологий 10-15 и для оборудования 3-5 лет.

При проведении в России в недалеком прошлом инновационно-инвестиционной политики (время плановой экономики) эти требования, по сути дела, не учитывались. В том числе и из-за ограниченности выделяемых средств. В результате отставание от мирового уровня достигло двух, трех и более поколений техники.

Если абстрагироваться от парадоксальных противоречий, то инновационно-инвестиционный климат - это объективно действующая, поддерживаемая государством экономическая тенденция. Меняется направление климата – меняются приоритеты.

При этом средневзвешенные направления воздействия инновационных и инвестиционных условий на экономику, по мнению Архангельского, заключаются в следующем:

- для научного комплекса – в создании предпосылок и стимулов к воспроизводству знаний и их материализации;
- для производственной сферы – в стимулировании воспроизводственных процессов на новой научно-технической базе и повышении общей эффективности производства;
- для общественных потребностей – в создании материальной базы под социальные процессы, экономии невозпроизводимых ресурсов, социальной и экологической защите населения².

Очевидно, что, как философский взгляд на целесообразность группы действий, экономическая мысль не в состоянии идеально балансировать в науке и практике для того, чтобы оптимально обеспечивать инвестиционные приоритеты.

Инновационные проекты, в свою очередь, тоже не могут гарантировать полную самоотдачу, которая бы помогала государственным или иным структурам хоть как-то уравновесить выгоды и затраты. Но это не значит, что «средневзвешенный» подход целиком нереален. И уже тем более – в том пункте обозначенных направлений инновационных процессов, где остаточный принцип государственного финансирования и без того стал оскоминой планирования.

Сопшемся на позицию американских специалистов в этой области. Дискутируя по проблемам эффективности государственного управления, они в вопросе о выделении средств на небесспорные проекты оставили за собой право на альтернативу. Или оценивать целесообразность расходов по договорной схеме, или по критерию «затраты-выгоды».

Если используется первый вариант, то конкретный проект рассматривается в контексте всех остальных. Его сторонники получают нужное им решение, как только заруча-

¹ Архангельский В.Н. Экономика инновационной деятельности в малых организационных формах. – М., 1997. С. 7.

² Архангельский В.Н. Экономика инновационной деятельности в малых организационных формах. – М., 1997. С. 8–9.

ются поддержкой защитников других проектов. Этот вариант всегда чреват перерасходом средств.

Если использовать второй случай, то главное в нем – уравновешенность выгод и видимый на этот момент выигрыш бюджетных ресурсов обществом. Профессор Д. Миллер из Ньюарка делает следующий вывод: «Те, кто поддерживает договорную схему, ставят во главу угла потребности общества. По крайней мере, те нужды общества, которые в конце концов делают его выгоды гораздо более существенными, чем затраты».¹

Инновационные процессы в США осуществляются за счет выделяемой обществом значительной доли валового внутреннего продукта (ВВП). Финансовые ресурсы в стране формируются правительством в виде прямых бюджетных и внебюджетных ассигнований, а также через систему экономического стимулирования.

Страны, не боящиеся вкладывать средства и проводить активную инновационно-инвестиционную политику, получают в перспективе значительные преимущества на мировом рынке и одновременно большие возможности для решения внутренних социальных задач. Показательны примеры Японии, США, Великобритании, Франции, Китая и многих других государств. Там созданы широкомасштабные разноуровневые системы инновационного сотрудничества.²

В названных странах сложилась общая для них особенность, в которой четко просматриваются характерные закономерности современных рыночных отношений. Мировой опыт показывает, что инновационные процессы протекают интенсивнее и устойчивее при участии малых научно-технических фирм и организаций. По оценке нидерландской палаты содействия развитию торговли, эффективность малых научных предприятий в два раза выше, чем крупных.³

Американские компании с числом занятых менее тысячи человек разрабатывают в 17 раз больше значимых нововведений, чем фирмы с персоналом свыше 10 тысяч человек. В послевоенный период примерно 40-46% базовых инноваций осуществлены в США на мелких предприятиях.⁴

То, что обозначено особенностью, скорее всего можно квалифицировать как феномен. Экономическая подоплека практики малых фирм по-своему удивительна, потому что ее закономерности не вписываются в абстрактную логику. И, на первый взгляд, противоречат привычным представлениям о силе и творческой способности монополистов.

В.В. Гончаров пишет, что для мелких фирм инновации сопряжены с мелким риском. Ибо возможные неудачи не подрывают коммерческую репутацию всей остальной продукции компании. К их преимуществам следует отнести то, что они тратят намного меньше времени на процесс от разработки нового продукта до его выхода на рынок. Им требуется на это в среднем 2,3 года, а крупным конкурентам – 3,1 года.

Примерно равноценные изобретения, находки обходятся малым предприятиям значительно дешевле. На разработку одного из них они расходуют в среднем 87 тысяч долларов, а большие фирмы – 2 миллиона.

Согласно результатам американского исследования, фирмы до 500 человек в расчете на доллар, вложенный в научно-исследовательские разработки, дали в 4 раза больше новинок, чем компании до 1000 человек. И в 24 раза больше, чем гиганты, имевшие в своем активе свыше 10 тысяч сотрудников.⁵

В трактовке А.С. Серегина и Л.А. Щербакова объяснение ситуации получает дополнительные аргументы. С их точки зрения, развитие инноваций находится в прямой зависимости от риска, который витает над малыми фирмами. Те сознательно идут на риск, так как инноваторы понимают, что могут получить у себя гораздо большее денеж-

¹ Миллер Д. Анализ по критерию «затраты-выгоды» // Эффективность государственного управления: Пер. с англ. – М., 1998. С. 341.

² Усманов Б.Ф. Социальная инноватика: учебное пособие. – М.: Институт молодежи, 2000. С. 48.

³ Экономика и жизнь. – 1996. – № 38.

⁴ Гончаров В.В. Руководство для высшего управленческого персонала: В 2-х томах. – М., 1997. – Т. 1. С. 224.

⁵ Там же. С. 224-225.

ное вознаграждение за свои разработки, чем бы они имели за те же новации в штате крупного предприятия.

Немалую роль в США играет стимулирование нововведений на государственном уровне – учреждена Федеральная программа поддержки инноваций малых предприятий. Она особо учитывает технологические нововведения, помогающие решать проблемы создания новых рабочих мест, повышения производительности труда и конкурентоспособности, противодействия инфляции и дефициту платежного баланса.

Правительство практикует выделение средств для малых предприятий из бюджета ведомств (до 10%) на исследования и разработки. Серьезным стимулом также является снижение налогов в ответ на расширение инновационной деятельности. Для предприятий с численностью до 500 человек налоги на доходы от прироста капитала снижены на 25%, с количеством до 100 человек – на 10%.¹

Нередко большие фирмы «поглощают» малые. Но в любом случае те и другие по-разному понимают свое место и заслуги в инновационном процессе.

При всем при этом, все же ведущую роль в создании инновационно-инвестиционного климата играет государство. Правительство несет делегированную ему государством ответственность за развитие экономики со всеми ее составляющими и производными, за воспроизводство капитала, ресурсов, за научное обеспечение технического и производственного потенциалов страны и общества.

В данной позиции мы на стороне тех, кто убежден, что расчеты на коммерциализацию науки, в том числе социальную, противоречат ее сущности, а упор на самонастраиваемость воспроизводственных процессов в условиях кризиса считает делом обреченным.²

Исходя из вышесказанного очевидно, что реформируемая экономическая система России обязана решительно создавать реальный общественный фон, нацеливающий социум на научно-технический прогресс. Необходимы экономические предпосылки для развития инновационной деятельности на постоянной и управляемой базе. Необходим цельный экономический механизм, который должен объединить две формируемые государством составляющие – бюджетную и стимулирующую.³

Пока эти категории больше желаемые, чем действительные. То, что они именно таковы, лишний раз подтверждает статистика инновационного неблагополучия в стране. Значительная коммерциализация и существенная капитализация общественных отношений резко изменили мотивацию инновационных процессов. Новые условия потребовали не только полной переориентации отечественных инноваторов, но и внутренней психологической и нравственной их перестройки.

Из прежних условий остались лишь глобальные измерения:

- общецивилизационный процесс;
- мировая хозяйственная и частично социальная интеграция.

В них и должен вписаться российский рынок со всеми своими человеческими производными, для того, чтобы обеспечить хоть какое-то первичное наращивание общественной производительности труда (в широком, а не в узкопроизводственном смысле слова) и всепрофильную инновационную адаптацию.

То, что видят в комплексе необходимых мер ученые и практики в связи с этим, сводится к трем основным группам целей и задач:

- а) опережающее формирование инновационной экономики;
- б) развитие человеческих ресурсов;
- в) совершенствование институциональности процессов развития в России.⁴

¹ Серегин А.С., Щербаков Л.А. Управление малым бизнесом: опыт и проблемы развития. – М., 1994. – С. 12-13.

² Архангельский В.Н. Экономика инновационной деятельности в малых организационных формах. – М., 1997. – С. 9-10.

³ Усманов Б.Ф. Социальная инноватика: Учебное пособие. – М.: Институт молодежи, 2000. С. 51.

⁴ Санто Б. Инновации как средство экономического развития: Пер. с венг. – М., 1990. – С. 179-186.

Упор на инновационную экономику объясним, поскольку от успехов в этом секторе инноватики зависит и все остальное, в частности судьба нововведений в социальной сфере. К сожалению, человеческие ресурсы и обеспечивающие их дееспособность государственные инструменты не находятся на том уровне, который бы располагал к высокой самоорганизации инновационный потенциал.¹

О причинах сохраняющейся дисгармонии высказано много мнений, к каждому из них стоит прислушиваться. Одно из них П.Н. Щедровицкого, где он касается большой для нашей страны причинной темы. Он полагает: чтобы соответствовать все более усложняющимся требованиям инновационной экономики, необходимы модернизация системы, связанной с использованием человеческих ресурсов, и существенное увеличение инвестиций в интеллектуальную сферу. Инновационной экономике необходимо инновационное образование.²

Ослабление, а где и разрушение, образовательной базы, и соответственно, интеллектуального потенциала и инновационной деятельности создает большие трудности для адаптации инноваторов к рыночной среде. Раньше на вопрос, кого считать субъектом нововведений, давался четкий ответ: разработчика идеи, проекта, а вместе с ним всех тех, кто своим пониманием, волей и действием осуществляют инновацию как процесс, видят и осознают, ради чего они хотят достичь тех или иных изменений.

Сегодня субъект нововведения не представляет собой такой цельности, а сам инновационный процесс склонен распадаться на части. Команды исполнителей выполняют свою долю внедренческой работы и дальше их уже мало что волнует. Рынок, другими словами, дробит интересы участников процесса, и формальные субъекты могут вместе не доходить до финиша. Конечно, не исключено, что подобный феномен носит временный характер, и российский рынок возможно не справляется с организующей, интегрирующей ролью.³

Инновационная природа утвердила незыблемый приоритет – любое нововведение существует как совокупность интеллектуальных и духовных действий многих людей. Здесь предполагаются их воля, мысли, понимание, интуиция, действия.

С точки зрения Д.А. Иванова, именно в подобном процессе инновация как результат, постепенно трансформируясь, становится фактом общественного сознания или основанием какой-либо области человеческого бытия. В нашем понимании, пишет он, нововведение означает какое-то приращение.

В структуре индивидуального сознания инновация является для человека моментом его личностного роста, приращения личной и профессиональной энергии, силы и пластики духа. В таких приращениях может заключаться главный мотив, личностный смысл работы человека в инновационном режиме.⁴

Работая в инновационном режиме, любой человек при любых условиях вынужден адаптироваться к изменяющейся среде. Иначе нельзя думать ни о каких приемлемых результатах. Адаптация к рынку – тоже реальность.

Тут тоже нужны условия, высшая самоорганизация, вкус к новому, при наличии еще знаний и понимания ситуации. Сложно сохранять творческий настрой и инновационный навык, если отсутствует реальное представление о новых ценностях, гражданских устремлениях, перспективах социального роста и интеллектуального развития.

Появление рыночных механизмов в стране – фактор радикальной переориентации всей общественной жизни России, формирование в социальной психологии потребности по-новому оценить гражданскую роль человека. Каждый призван отрегулировать в своем сознании баланс между «я» и «мы», чтобы отстаивая частные интересы, не потерять, в том числе в инновационном процессе ценные общественные связи прошлого.⁵

¹ Усманов Б.Ф. Социальная инноватика: Учебное пособие. – М.: Институт молодежи, 2000. С. 225.

² Красовский Ю.Д. Управление поведением в фирме: эффекты и парадоксы. – М., 1997. С. 286.

³ Бугаев В.П. Инновации, инвестиции, эффективность. – Гомель: БелГУТ, 2005.

⁴ Иванов Д.А. Инновационная деятельность и ее имитация в школьном образовании // Вопросы методологии. – 1994. – № 1. – С. 104.

⁵ Основы инновационного менеджмента: теория и практика. – М.: Экономика, 2004.

Не все здесь гладко. Когда авторитетный специалист В.М. Шепель противопоставляет рынок коллективистскому «мы», называет его инструментом разрушения «этого морально-психологического феномена в сознании людей»¹, то с этим можно не согласиться. Мы видим за такими «неловкостями» стремление дать задний ход. Никому не нужно доказывать, что сами по себе частная собственность, конкуренция или эксплуатация не порочны.

Польский профессор П. Штомпка справедливо, на наш взгляд, ищет истоки проблемы, опираясь на методологию центральной идеи знаменитого «тезиса Вебера». Согласно этой идее, все главные детерминанты макроисторического процесса – в микросфере человеческих мотиваций, отношений и ценностей. Формула немецкого ученого вполне применима к исследованию условий высокоразвитого капитализма (рынка). Поэтому многие ученые шли за ней, анализируя самые разные современные коллизии.²

Э. Хаген ввел понятие инновационной личности, как предпосылки экономического роста, усиления предпринимательства. Он выделил различные, даже противоположные личностные синдромы. Они типичны, как для традиционного общества (авторитарная личность), так и для современного общества (инновационная личность).

Авторитарная личность, будучи сформирована условиями простого производства, самоподдерживаемого равновесия, способствует упрочению этих условий. Инновационная личность сформирована условиями современности, поэтому помогает рождению самоподдерживаемых изменений, которые постоянно революционизируют жизнь – ее стандарты, ценности, мотивы.

Подобно Веберу, Хаген обращается к наиболее трудному вопросу о происхождении современной новаторской личности. Роль первоотчетка от традиций к современности была возложена на некий внешний фактор. У Вебера это протестантская (кальвинистская) церковь, у Хагена – специфические исторические обстоятельства, которые он именует «выходом за пределы статуса».

Такая ситуация возникает тогда, когда установленные, предопределенные статусы, типичные для традиционного «закрытого» общества, подрываются социальной мобильностью и «открытием» классовых и стратификационных иерархий. Массовый характер эти процессы принимают после великих революций, которые дают стимул развитию индустриального общества.

Хаген утверждает, что проявлением структурных противоречий служит «выход из статуса», который приводит к определенным типичным «адаптациям». Это уход через ритуальную приверженность устоявшимся моделям до новаций и бунта против ситуации, которая воспринимается как неприемлемая.

Любая адаптация происходит в реальных специфических условиях. Для Хагена новация и бунт представляют наибольший интерес, поскольку они объясняют возникновение новаторской личности [202, 301-303].

Рассмотрение новаторской или инновационной личности необязательно привязывать к контексту борьбы. Естественную адаптацию человека к рынку, переориентацию на новые ценности можно интерпретировать, как преодоление противоречий, острое социальное начало. Но это лишь требование к мобилизации внутренних ресурсов, к самоорганизации на более высоком и ответственном уровне, а не непререкаемая альтернатива.

Говоря о творческом подходе к управлению, Р. Акофф связывал многие сопутствующие решению проблем трудности с ограничениями, вводимыми самими руководителями. Он считал способность творчески решать экономические и социальные проблемы самым важным качеством из тех, которые должны быть присущи хорошему руководителю. Без этого качества, в лучшем случае можно осуществлять лишь контроль за эволюционным развитием организации, но никак не браться за то, чтобы вывести ее в передовые [4,9].

Признание определенного несоответствия теории и практики управления современным инновационным задачам не следует воспринимать столь категорично. Суще-

¹ Шепель В.М. Настольная книга бизнесмена и менеджера (Управленческая гуманитарология). – М., 1992. – С. 25-27.

² Штомпка П. Социология социальных изменений: Пер. с англ. – М., 1996. – С. 301.

ствуют и продолжают работать проверенные опытом десятилетий управленческие технологии. Их только нужно совершенствовать. Но прежде – знать, научиться ими пользоваться. И уже потом – совершенствовать.

Список литературы

1. Архангельский В.Н. Экономика инновационной деятельности в малых организационных формах. – М., 1997. С. 7.
2. Бугаев В.П. Инновации, инвестиции, эффективность. – Гомель: БелГУТ, 2005.
3. Гончаров В.В. Руководство для высшего управленческого персонала: В 2 т. – М., 1997. – Т. 1. С. 224.
4. Иванов Д.А. Инновационная деятельность и ее имитация в школьном образовании // Вопросы методологии. – 1994. – № 1. – С. 104.
5. Красовский Ю.Д. Управление поведением в фирме: эффекты и парадоксы. – М., 1997. С. 286.
6. Миллер Д. Анализ по критерию «затраты-выгоды» // Эффективность государственного управления: Пер. с англ. – М., 1998. С. 341.
7. Основы инновационного менеджмента: теория и практика. – М.: Экономика, 2004.
8. Санто Б. Инновации как средство экономического развития: Пер. с венг. – М., 1990. – С. 179-186.
9. Серегин А.С., Щербаков Л.А. Управление малым бизнесом: опыт и проблемы развития. – М., 1994. – С. 12-13.
10. Усманов Б.Ф. Социальная инноватика: Учебное пособие. – М.: Институт молодежи, 2000. С. 45-48
11. Шепель В.М. Настольная книга бизнесмена и менеджера (Управленческая гуманитарология). – М., 1992. – С. 25-27.
12. Штомпка П. Социология социальных изменений: Пер. с англ. – М., 1996. – С. 301.
13. Экономика и жизнь. – 1996. – № 38.

ECONOMIC ASPECTS OF INNOVATION

L.V. SOLOVYEVA

*Belgorod University
of cooperation,
Economy and law*

e-mail:

SolovevaLV@live.bukep.ru

Study of the problems of social innovation calls for consideration of the interaction of innovation and the economy. The article deals with the problems of cost and revenue in the innovation process. As the baseline is taken the fact that innovation in the social sector can not be realized without the investment required, without material and engineering costs.

Keywords: social innovation, innovative mechanism, the economy, market relations, innovation and investment climate, social priorities.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 130.2

ПО ТУ СТОРОНУ ПРИКАЗА. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ДЖ. АГАМБЕНА ЧТО ТАКОЕ ПОВЕЛЕВАТЬ? М., 2013. – 72 С.

А.М. ДМИТРАКОВ

*Белгородский
государственный
институт искусств
и культуры*

e-mail: dmitrakov@bk.ru

Джорджо Агамбен достаточно известен русскоязычному читателю по циклу книг, посвященных проблеме *Nomo sacer*¹. В них он также занимался исследованием археологии повеления. *Nomo sacer*, как вытесненный объект власти, был прослежен от Античности до современности и определен в пространствах от античного полиса и его правового поля, до современного города и его режимов биополитики. И в них также большое внимание уделялось этимологии слов, которые использовал автор. Анализу смысловых нюансов и изменению смысловых контекстов.

Однако при всей схожести эта небольшая работа имеет существенное отличие. В ней автора интересует то, что находится «по ту сторону приказа». Или, говоря иначе, Дж. Агамбен задается вопросом «что такое повелевать?», а не кто такой тот, кто повинуется. Уже в этом вопросе Агамбен сталкивается с парой затруднений, поскольку археология повеления и вопрос об истоке самого приказа затрагивают проблему начала. Археология как поиск *arche*, обращается к началу, тогда как само *arche* есть не только «начало», но также «повеление», «приказ». Отсюда очевидное пересечение смыслов начала и повеления, когда быть в начале означает повелевать и наоборот, повелевать значит быть первым. И своеобразное «генетическое» противоречие здесь только видимое, поскольку акт повеления всегда есть акт начала и наоборот, разделения между ними не происходит. Агамбен поясняет этот тезис ссылкой на христианскую трактовку творения, когда Бог не только творит мир своим повелением в начале, но делает это непрерывно, поддерживает существование, творит ежесекундно актом своей воли. Управление и начало неразрывно связаны и не только в религиозной традиции, но также в философии и гуманитарных науках вообще, в которых основание продолжает определять, то есть править и после основания. Итог, к которому приходит Агамбен в том, что: «Для повеления не существует *arche* так как само повеление и есть *arche* — или же оно, по крайней мере, располагается в месте истока»².

Другое затруднение, помимо этимологической апории самой археологии повеления, затрагивает практически полное отсутствие философской традиции повеления. Сре-

¹ Агамбен Дж. *Nomo sacer*. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Изд-во «Европа», 2011., Агамбен Дж. *Nomo sacer*. Чрезвычайное положение. М.: Изд-во «Европа», 2011., Агамбен Дж. *Nomo sacer*. Что остается после Освенцима. М.: Изд-во «Европа», 2012.

² Агамбен Что такое повелевать? М., 2013. - С.29.

ди проблем причин, по которым люди повинуются власти и восстают против нее, условий реализации власти и прочего, вопрос о природе самого повеления остается нерешенным. Проблема повиновения перевешивает проблему повеления, которая остается в тени первой. Вместе с тем, Агамбен предлагает считать именно ее главной, поскольку власть для него, прежде всего, сводится к повелению: «Всякий раз, когда власть оказывается на грани разложения, пока кто-нибудь отдаёт приказы, всегда найдётся также кто-нибудь — пусть даже один-единственный — кто будет повиноваться командующему. Власть перестаёт существовать лишь тогда, когда отказывается отдавать приказы»¹. Власть здесь предстает своеобразной машиной производства приказов, то есть предписывающих выражений. В анализе этой лингвистической формы Агамбен обращается к Аристотелю, который относит такие высказывания к бессодержательным, то есть не отражающим реально существующего бытия. Иначе говоря, императив не несет значения истинности или ложности по причине отсутствия закрепленного за ним содержания или бытия, конкретной сути. Однако он предписывает нечто или вызывает, можно сказать взывает к бытию, которое должно произойти, совершиться. Приказ подразумевает не то бытие, которое есть, но то, которое должно быть. Отсюда гипотеза Дж. Агамбена: «В западной культуре существуют две отчётливо выделяемые и в то же время не лишённые взаимосвязи онтологии: первая, онтология апофантического высказывания, выражается — по своей сути — в индикативе; вторая, онтология повеления, выражается — по своей сути — в императиве. Мы могли бы назвать первую «онтологией estī (форма третьего лица индикатива глагола «быть» в греческом языке), а вторую — «онтологией esto» (соответствующая форма императива)»².

Агамбен говорит о разделении, проходящем не только в языке между высказываниями, имеющими содержание и предписывающими высказываниями. Это также разделение самой реальности разделенной на две сферы, первой из которых соответствует философия и наука, а второй право, религия и магия. Последние характеризуются тем, что выстраивают отношения с миром через язык императивов. А сама философия, которая занята аналитикой онтологии, должна иметь в виду двойной ее характер: «... западная онтология, в действительности, представляет собой двойную или биполярную машину, в которой полюс повеления, который на протяжении столетий — в античную эпоху — оставался в тени высказывающей онтологии, начинает в христианскую эру приобретать исключительную важность»³. Собственно эта биполярность объясняет отсутствие философской традиции повеления, поскольку античность была к нему не чувствительна, а начиная с эпохи христианства так сказать праксис повеления преобладал над критическим его рассмотрением.

Важен также исторический аспект, на котором настаивает Дж. Агамбен. Он заключается в замещении «онтологии утверждения», берущей начало в античности, «онтологией повеления». И это утверждение несколько расходится с привычным нам приоритетом рациональности мышления и научно ориентировано мира в целом. Агамбен же ведет речь о некотором неявном влиянии вытесненной онтологии повеления на современность: «Выражаясь языком психоанализа, в своего рода возврате вытесненного религия, магия и право — а вместе с ними всё поле неапофантического дискурса, до сих пор отбрасывавшегося в тень — на самом деле тайно управляют функционированием наших обществ, притязаящих на то, чтобы быть светскими и секулярными»⁴. Причем скрытые формы повеления «защиты» в саму структуру современного мира. Они имеют форму инструкций, самопринуждения, приглашения и часто «технологических диспозитивов». Последние выходят за рамки нашей критической рефлексии, поскольку целиком погружены в сферу кажущегося нам объективного содержания. Поэтому они связаны с парадоксом, когда то, что распознается как повеление самого субъекта, на деле является его же повиновением и повелением машины.

¹ Там же. С.31-32.

² Там же. С.45-46.

³ Там же. С.47.

⁴ Там же. С.50.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Изд-во «Европа», 2011. – 256 с.
2. Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Изд-во «Европа», 2011. – 148 с.
3. Агамбен Дж. Homo sacer. Что остается после Освенцима. М.: Изд-во «Европа», 2012. – 192 с.
4. Агамбен Дж. Что такое повелевать? М.: Изд-во «Грюндриссе», 2013. – 72 с.

**ON THAT PARTY OF THE ORDER. REVIEW
OF THE BOOK G. AGAMBEN WHAT IS TO RULE? M., 2013. – 72 P.****A.M. DMITRAKOV***Belgorod State Institute
of Art and Culture**e-mail: dmitrakov@bk.ru*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абдина А.К.** – доктор философских наук, доцент кафедры философии, директор научно-исследовательского центра гуманитарных исследований и образовательных технологий Казахского агротехнического университета имени Сакена Сейфуллина
- Александров Л.Г.** – кандидат философских наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета
- Батаева Е.В.** – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Харьковского гуманитарного университета «Народная украинская академия»
- Бондаренко Е.А.** – аспирант кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Бубликов В.В.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Вангородская С.А.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Демко О.С.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Димитрова С. В.** – доктор философских наук, доцент кафедры «Гуманитарные науки», Камышинского технологического института (филиал) Волгоградского технического университета
- Дмитраков А.М.** – аспирант кафедры философии и истории науки Белгородского государственного института искусств и культуры
- Дровникова О.Н.** – доцент кафедры иностранных языков РАНХиГС при Президенте РФ
- Дунаев Р.А.** – кандидат философских наук, заведующий кафедрой информатики и информационно-аналитических ресурсов Белгородского государственного института искусств и культуры
- Еськов С.С.** – аспирант кафедры философии ХНПУ им. Г.С. Сковороды
- Загурская Л.А.** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета

- Заслонкина О.В.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы и педагогики профессиональной деятельности РАНХиГС
- Зубок Ю.А.** – доктор социологических наук, профессор, начальник отдела социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН
- Иванова Е.В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебных экспертиз ФГБОУ ВПО Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина
- Игрунова С.В.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной математики и информатики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Кислицина И.Н.** – старший преподаватель кафедры судебной экспертизы и криминалистики Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Колтина Л.В.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ломазова В.И.** – кандидат технических наук, старший преподаватель, кафедры социальных технологий Института управления Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Малимон Л.А.** – студент Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Маркова В.В.** – магистрант кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Мелешко Е.Д.** – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Мухина И.Г.** – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Харьковского института финансов Украинского государственного университета финансов и международной торговли
- Назаров В.Н.** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Назарова Ю.В.** – кандидат философских наук, старший научный сотрудник кафедры философии и культурологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
- Невлев В.В.** – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белгородского университета кооперации, экономики и права

- Невлева И.М.** – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы и психологии Белгородского университета кооперации, экономики и права
- Нестеров В.Г.** – кандидат медицинских наук, доцент кафедры медико-биологических дисциплин Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Нестерова Е.В.** – старший преподаватель кафедры прикладной математики и информатики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Павликовский В.И.** – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин и административного права Харьковского экономико-правового университета
- Пожарова Л.А.** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Полухин О.Н.** – доктор политических наук, профессор, ректор Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Радугин А.А.** – доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и истории Воронежского государственного архитектурно-строительного университета
- Реутин М.Ю.** – доктор философских наук, старший научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований при Российском государственном гуманитарном университете
- Римский В.П.** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Романенко Д.И.** – юрисконсульт группы компаний «Строй-Портал», студент Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Сафронова Е.В.** – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и международного права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Соловьева Л.В.** – доктор экономических наук, профессор Белгородского университета кооперации, экономики и права
- Сороко Э.М.** – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник государственного научного учреждения «Институт философии Национальной академии наук Беларуси»
- Тонков Е.Е.** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Тычинин С.В.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического

- института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Харченко А.А.** – профессор, зав. кафедрой социальной работы и педагогики профессиональной деятельности РАНХиГС
- Черепанова В.В.** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Черняков А.Н.** – кандидат философских наук, доцент кафедры информатики и информационно-аналитических ресурсов Белгородского государственного института искусств и культуры
- Чорноморденко Д. И.** – аспирант кафедры философии и методологии науки Киевского национального университета имени Тараса Шевченко
- Чупров В.И.** – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела социологии молодежи Института социально-политических исследований РАН
- Шаповалов В.А.** доктор фармацевтических наук, профессор, начальник отдела фармации Департамента здравоохранения Харьковской областной государственной администрации
- Шпилов А.Н.** – аспирант кафедры теории и истории государства и права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ: ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО В ЖУРНАЛЕ «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета»

Уважаемые коллеги!

Материалы в журнал необходимо высылать в двух экземплярах с приложением внешней и внутренней рецензий (для аспирантов необходима рецензия или соавторство научного руководителя):

- первый экземпляр по адресу: 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78, социально-теологический факультет, Белгородский государственный университет;
- по электронной почте: в раздел «Философия» – Rimskiy@bsu.edu.ru (Римский Виктор Павлович, главный редактор серии); в раздел «Социология» – Babintsev@bsu.edu.ru (Бабинцев Валентин Павлович, заместитель главного редактора); в раздел «Право» – ETonkov@bsu.edu.ru (Тонков Евгений Евгеньевич, заместитель главного редактора); во все разделы – SBorisov@bsu.edu.ru (Борисов Сергей Николаевич, ответственный секретарь серии журнала).

Редакция проводит внутреннее рецензирование всех материалов и оставляет за собой право отправить на доработку или отклонить полученные работы, не извещая о своем решении авторов.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются.

Материалы, присланные без соблюдения требований к оформлению, редколлегией не рассматриваются.

Требования к оформлению материалов для представления в журнал:

1. УДК научной статьи.
2. Аннотацию статьи (не более 1200 знаков).
3. Ключевые слова.
4. Текст статьи (должен иметь введение и выводы).
5. Библиографический список.
6. Ссылки.
7. Внешняя рецензия доктора наук, рекомендация кафедры, рецензия научного руководителя (для аспирантов).
8. Сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны).
9. Объем статьи – до 1 усл.п.л. или уч.-изд. лист (до 16 страниц)
10. Объем сообщения – до 0,5 усл.п.л. (до 8 страниц).
11. Объем рецензии или обзора конференции – до 0,3 усл.п.л. (5,4 страниц).

} на русском и английском языках

} на русском языке

Технические требования к оформлению текста статьи:

1. Поля:
  - правое – 1,5 см;
  - левое – 3,0 см;
  - нижнее – 2,0 см;
  - верхнее – 2,0 см.
2. Шрифт:
  - гарнитура для заголовков – Impact (14 кегль) прописной, для статьи – Georgia (11 кегль), для сносок и литературы – Georgia (10 кегль);
  - межстрочный интервал 1,0 пункт.
3. Ссылки:
  - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
  - нумерация – автоматическая, сквозная по статье;
  - текст сноски располагается с абзацным отступом внизу каждой страницы;
  - размер шрифта – 10 кегль.
4. Библиографический список:
  - список литературы с полными названиями работ приводится в порядке цитирования;
    - при ссылке на данные, полученные из Internet, указывается электронный адрес цитируемого источника, например: www.soclib.ru/2007/5;
    - при ссылке на монографии указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название книги, город, название издательства, год выхода издания с соблюдением ГОСТ;
    - при ссылке на статьи из журналов указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название статьи, через косую линию (/) указывают авторов согласно ГОСТ, затем название журнала, год, том, номер, страницы ссылки;
    - при ссылке на авторефераты диссертаций указывают фамилию, инициалы автора, полное название работы, докторская или кандидатская, место и год издания.
5. Примеры оформления статей, сносок, сведений об авторах, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

---

*Приложение 1. Оформление статьи и сведений об авторах***УДК 130.2****ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА
МЕЖДУ МИФОЛОГИЕЙ МОДЕРНА И РАЦИОНАЛЬНЫМ ЗНАНИЕМ****А. В. ИВАНОВ¹
Л. Н. ПЕТРОВ²**¹ *Департамент
экономического развития
Белгородской области**e-mail: ivanov@bsu.edu.ru*² *Белгородский
государственный
университет**e-mail: petrov@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается генезис основных логико-методологических парадигм европейского социально-гуманитарного знания, укорененных в идеологии и мифологии эпохи модерна.

Ключевые слова: модерн, мифология, сциентизм, социально-гуманитарное знание.

Основной задачей данной статьи будет усвоение некоторых логико-методологических «уроков» и анализ фактов из истории становления классической и неклассической западной философии и современного социально-гуманитарного знания¹.

**BETWEEN MYTHOLOGY OF MODERNITY AND RATIONAL
KNOWLEDGE: QUESTION OF HISTORY
OF EUROPEAN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES****A. V. IVANOV¹
L. N. PETROV²**¹ *Department of economic
development of the Belgorod area**e-mail: ivanov@bsu.edu.ru*² *Belgorod state university**e-mail: petrov@bsu.edu.ru*

The article deals with the genesis of main logical and methodological paradigms of the European social sciences and humanities rooted into the ideology and mythology of modernity era.

Key words: modernity, mythology, scientism, social sciences and humanities.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**Иванов А.В.**

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: ivanov@mail.ru, тел. 30-00-00

---

¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации / Дж. Вико. – Л.: Худ. лит., 1940. – С. 128.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на двух страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

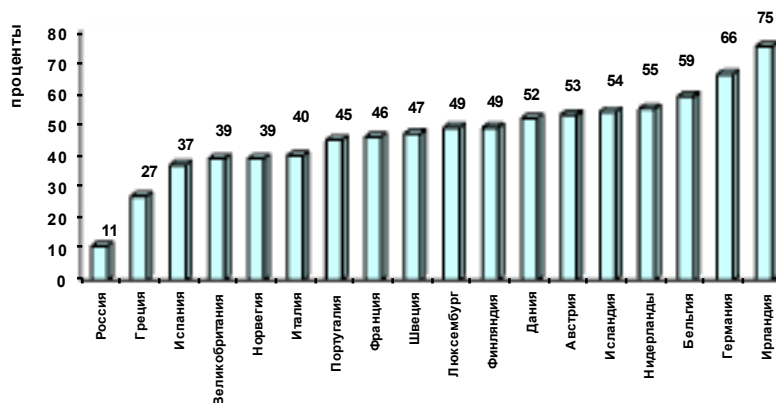

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

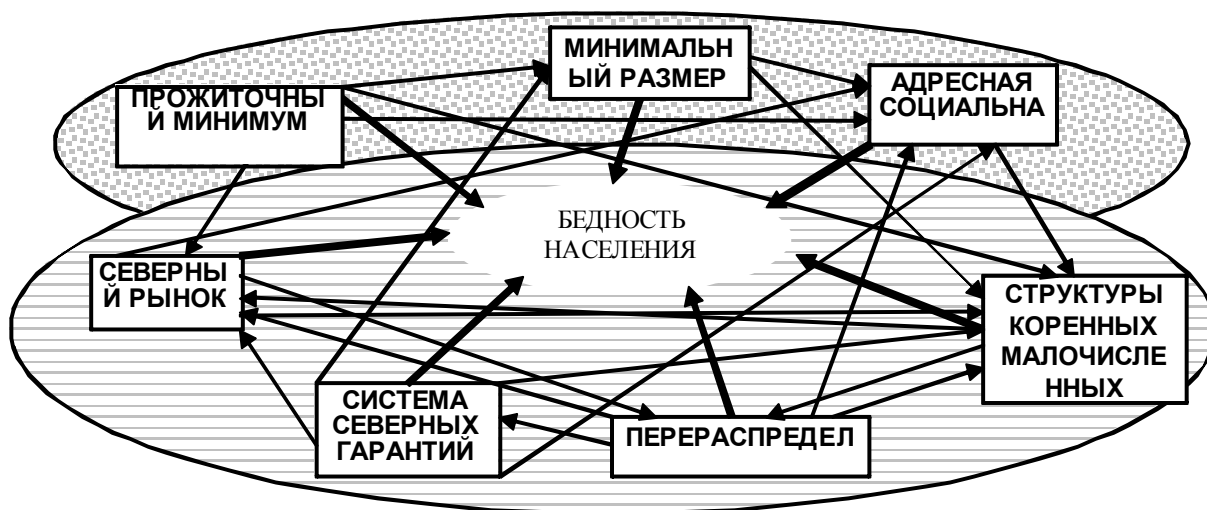

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.